



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

В.Л. Кубышко,

кандидат педагогических наук,
начальник Департамента государственной
службы и кадров МВД России

Н.В. Румянцев,

доктор юридических наук,
начальник Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

С.С. Жевлакович,

кандидат социологических наук,
доцент,
Заслуженный работник Высшей школы РФ,
первый заместитель начальника Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К.К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

А.В. Ендольцева,

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе

В.О. Лучин,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного Суда РФ (в отставке)

С.С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,

кандидат юридических наук,
доцент,
главный редактор журнала
«Вестник Московского университета МВД России»

А.В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор,
начальник Воронежского института МВД России

Ю.А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор,
председатель Учебно-методического центра
«Профессиональный учебник»

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
научный редактор журнала
«Вестник Московского университета МВД России»

V.L. Kubyshko,

candidate of pedagogical sciences,
head of Department of Civil service and Personnel
of MIA of Russia

N.V. Rumyantsev,

doctor of legal sciences,
chief of Moscow University of MIA of Russia
name V.Ya. Kikot

S.S. Zhevlakovich,

candidate of sociological sciences,
associate professor,
Honored worker of higher school of Russia,
first deputy chief of Moscow University of MIA of Russia
name V.Ya. Kikot

K.K. Gasanov,

doctor of legal sciences, professor,
deputy chief of Moscow University of MIA of Russia
name V.Ya. Kikot

A.V. Endoltseva,

doctor of legal sciences, professor,
deputy chief of Moscow University of MIA
of Russia name V.Ya. Kikot on scientific work

V.O. Luchin,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,
Honored lawyer of Russia,
judge of Constitutional Court of Russia (resigned)

S.S. Mailyan,

doctor of legal sciences, professor,
professor of Department of theory of state and law of
Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot,
Honored lawyer of Russia

A.L. Mironov,

candidate of legal sciences, associate professor,
chief editor of «Vestnik of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation» magazine

A.V. Simonenko,

doctor of legal sciences, professor,
chief of the Voronezh Institute of MIA of Russia

Yu.A. Tsyppkin,

doctor of economic sciences, professor,
president of the Training and methodology center
«Professional book»

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences,
candidate of legal sciences,
doctor of economic sciences, professor,
winner of an Award of the Government of Russia
in the field of science and technology, scientific editor
of «Vestnik of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation» magazine



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г.А. Аванесов,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

С.В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД РФ

А.В. Барков,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор, профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики, академик РАЕН

Е.В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Л.Д. Гаухман,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О.Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник прокуратуры РФ, декан юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры РФ, академик РАЕН

О.Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Тверского государственного университета

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Р.А. Каламкарян,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В.П. Камышанский,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего образования РФ, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета

И.Б. Кардашова,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

Н.А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, судья Верховного Суда РФ (в отставке)

С.Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

LEGAL SCIENCES

G.A. Avanesov,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, professor of Department of criminology of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

S.V. Alekseev,

doctor of legal sciences, professor, Honorary worker of higher professional education of Russia, Honorary worker of science and technology of Russia, professor of Kutafin Moscow State Law University

Yu.M. Antonyan,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, All-Union Research Institute of MIA of Russia

A.V. Barkov,

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of civil law of Moscow Academy of Economics and Law

A.R. Belkin,

doctor of legal sciences, professor, professor of Moscow State University of instrument engineering and informatics, member of RANS

E.V. Bogdanov,

doctor of legal sciences, professor, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, professor of Department of civil law and procedure of Plekhanov Russian University of Economics

L.D. Gaukhan,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, professor of Department of criminal law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

O.D. Zhuk,

doctor of legal sciences, professor, Honorary prosecutor of the Russian Federation, dean of law faculty of Academy of the Prosecutor General of Russia, member of RANS

O.Yu. Ilyina,

doctor of legal sciences, professor, head of Department of civil law of Tver State University

N.G. Kadnikov,

doctor of legal sciences, professor, head of Department of criminal law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

R.A. Kalamkaryan,

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of human rights and international law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

V.P. Kamyshanskiy,

doctor of legal sciences, professor, Honorary worker of higher education of Russia, head of Department of civil law of Kuban State Agrarian University

I.B. Kardashova,

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of administrative and financial law of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia

N.A. Kolokolov,

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of judicial power and formation of justice of National research university of Higher School of Economics, judge of Supreme Court of Russia (resigned)

S.Ya. Lebedev,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, head of Department of criminology of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Н. Левушкин,

доктор юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса юридического факультета Ульяновского государственного университета

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры оружиеведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В.П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Г.Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата

Н.В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Р.С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Академия управления МВД России, академик РАЕН

А.М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, административного и финансового права Европейского института JUSTO

А.С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Ученый секретарь Ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Л.В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, декан юридического факультета Тверского государственного университета

Е.Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О.В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой конституционного и административного права Московского государственного университета экономики, статистики и информатики

А.П. Шергин,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры страхования Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, академик РАЕН

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой аудита и контроля Финансового университета при Правительстве РФ

LEGAL SCIENCES

A.N. Levushkin,

doctor of legal sciences, associate professor, Department of civil law of law faculty of Ulyanovsk State University

N.P. Maylis,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, Honored worker of science of Russia, professor of Department of weaponology and trasology of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

V.P. Malakhov,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of higher school of Russia, professor of Department of theory of state and law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

G.B. Mirzoev,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, rector of Russian Academy of advocacy and notary

N.V. Mikhaylova,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of higher school of Russia, professor of Department of history of state and law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

R.S. Mulukaev,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, Administration Academy of MIA of Russia, member of RANS

A.M. Osavelyuk,

doctor of legal sciences, professor, head of Department of constitutional, administrative and financial law of European Institute JUSTO

A.S. Prudnikov,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, Scientific Secretary of Scientific Council of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

L.V. Tumanova,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, dean of law faculty of Tver State University

E.N. Khazov,

doctor of legal sciences, professor, head of Department of constitutional and municipal law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

O.V. Khimicheva,

doctor of legal sciences, professor, head of Department of criminal procedure of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

N.M. Chepurnova,

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, head of Department of constitutional and administrative law of Moscow State University of economics, statistics and informatics

A.P. Shergin,

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, All-Union Research Institute of MIA of Russia

ECONOMIC SCIENCES

Yu. T. Akhvediani,

doctor of economic sciences, professor, professor of Department of insurance of Plekhanov Russian University of Economics, member of RANS

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor, head of Department of audit and control of Financial University under the Government of Russia

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Л.П. Дашков,**
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы,
профессор кафедры коммерции и технологии торговли
Российского университета кооперации, академик РАЕН
- В.Г. Когденко,**
доктор экономических наук, профессор, заведующий
кафедрой финансового менеджмента НИЯУ МИФИ
- М.А. Комаров,**
доктор экономических наук, профессор
- А.А. Крылов,**
доктор экономических наук, профессор,
ВНИИ МВД России
- И.А. Майбуров,**
доктор экономических наук, профессор, заведующий
кафедрой финансового и налогового менеджмента
Уральского государственного технического университета
- М.М. Максимцов,**
доктор экономических наук, профессор, Почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заместитель заведующего кафедрой менеджмента
Финансового университета при Правительстве РФ
- В.Б. Мантусов,**
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
мировой экономики Дипломатической академии МИД России
- Г.Б. Поляк,**
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН
- С.Г. Симагина,**
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры
математических методов в экономике Самарского
государственного аэрокосмического университета
имени С.П. Королева

ECONOMIC SCIENCES

- L.P. Dashkov,**
doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia,
professor of Department of commerce and technology of trade
of Russian University of Cooperation, member of RANS
- V.G. Kogdenko,**
doctor of economic sciences, professor, head of Department
of financial management of NRNU MEPhI
- M.A. Komarov,**
doctor of economic sciences, professor
- A.A. Krylov,**
doctor of economic sciences, professor, All-Union Research
Institute of MIA of Russia
- I.A. Mayburov,**
doctor of economic sciences, professor, head of Department
of financial and tax management of Ural State Technical
University
- M.M. Maksimtsov,**
doctor of economic sciences, professor, Honorary worker
of higher professional education of Russia, deputy head
of Department of management of Financial University under
the Government of Russia
- V.B. Mantusov,**
doctor of economic sciences, professor, head of Department
of world economics of Diplomatic Academy of MFA of Russia
- G.B. Polyak,**
doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS
- S.G. Simagina,**
doctor of economic sciences, associate professor,
professor of Department of mathematical methods
in economics of Samara State Aerospace University
name S.P. Korolev

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- И.В. Грошев,**
доктор психологических наук, доктор экономических
наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
проректор по научной работе Тамбовского
государственного университета имени Г.Р. Державина
- Л.А. Казанцева,**
доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры педагогики Казанского (Приволжского)
федерального университета
- А.Л. Ласкин,**
доктор педагогических наук, доцент, старший научный
сотрудник Научно-исследовательского института
образования и науки
- Ю.Ф. Подлипняк,**
доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры огневой подготовки Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
- А.А. Реан,**
доктор психологических наук, профессор, Заслуженный
деятель науки РФ, профессор кафедры юридической
психологии Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, член-корреспондент РАО
- В.Ф. Родин,**
доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры юридической психологии Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
- А.М. Столяренко,**
доктор педагогических наук, доктор психологических наук,
профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры психологии, педагогики и организации
работы с кадрами Академии управления МВД России
- В.Л. Цветков,**
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры юридической психологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

PEDAGOGICAL SCIENCES PSYCHOLOGICAL SCIENCES

- I.V. Groshev,**
doctor of psychological sciences, doctor of economic sciences,
professor, Honored worker of science of Russia,
pro-rector on scientific work of Tambov State University
name G.R. Derzhavin
- L.A. Kazantseva,**
doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of Department of pedagogics of Kazan
(Privolzhskiy) Federal University
- A.L. Laskin,**
doctor of pedagogical sciences, associate professor,
senior researcher of Research Institute
of education and science
- Yu.F. Podlipnyak,**
doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of Department of weapons proficiency of Moscow
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot
- A.A. Rean,**
doctor of psychological sciences, professor, Honored worker
of science of Russia, professor of Department of legal
psychology of Moscow University of MIA of Russia
name V.Ya. Kikot, corresponding member of RAE
- V.F. Rodin,**
doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of Department of legal psychology of Moscow
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot
- A.M. Stolyarenko,**
doctor of pedagogical sciences, doctor of psychological sciences,
professor, Honored worker of higher school of Russia, professor
of Department of psychology, pedagogics and personnel
management of Administration Academy of MIA of Russia
- V.L. Tsvetkov,**
doctor of psychological sciences, professor,
professor of Department of legal psychology of Moscow
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**

*Начальник Московского
университета МВД России
генерал-лейтенант полиции,
доктор юридических наук*
Н.В. Румянцев

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
профессор*

Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А.Л. Миронов
кандидат юридических наук

Редактор
И.И. Кубарь
кандидат юридических наук

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

*В подготовке номера
участвовали:*

**Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,
А.И. Антошина**

Верстка номера
М.Е. Киселева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» — 84629**

**Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru**

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание** ❖ **№ 10 • 2014**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК:

ПОСВЯЩЕННЫЙ НАУЧНЫМ ТРУДАМ

МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ФИЛИАЛА

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМ. В.Я. КИКОТЯ

С.Г. Куликова. Женская преступность в России второй половины XIX — начала XX веков: взгляд справа	9
А.А. Шувалов. Комплектование белогвардейских армий на юге России офицерским составом в период гражданской войны	16
Н.В. Зайцева. Традиционалистская культура и техногенная цивилизация: проблема «единства и борьбы» в религиозно-антропологическом аспекте	21
Е.К. Волконская, Ю.К. Волконский. Свобода выбора и ответственность личности в демократическом государстве	27
И.А. Тарасова. Некоторые проблемы взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Империи и органов местного самоуправления в осуществлении мероприятий по организации общественных работ в конце XIX — начале XX века	30
Е.С. Якушина. Организационно-правовые аспекты повышения эффективности воспитательной работы среди несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в трудовых колониях НКВД СССР в 1940—1950 гг.	35
Т.А. Ионова. Правовое регулирование распространения рекламы через сеть Интернет	40
М.С. Бекмурзин, В.П. Захаров, О.И. Зачек. Биометрические технологии в антитеррористической деятельности правоохранительных органов: перспективы и проблемы использования	44
Е.Д. Берестенко. Влияние средовых факторов на уровень преступности в Тульской области	50
А.А. Васильченко. Некоторые проблемы определения структуры нормы уголовного права в научной и учебной литературе	53
Е.К. Волконская. Типология насильственных рецидивных преступлений	57
В.А. Жабский, О.С. Гладких. Терминологическое значение понятий «взятка» и «подкуп», используемых в уголовном законодательстве России	62
В.А. Жабский, О.И. Коротков. Понятийно-терминологическое значение общественно опасного поведения в уголовном праве России	68
М.Г. Жилкин. Понятие, происхождение, правовая природа противоположений и их роль в правовом регулировании	73
В.В. Качалов. К вопросу об использовании в России зарубежного опыта правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц	79
В.В. Качалов. Терминология криминологии: проблемы и перспективы развития	82
Е.В. Кузнецова. Некоторые аспекты влияния онлайн и сетевых игр на формирование девиантного поведения несовершеннолетних	85
О.Н. Лазаренко. Социально-экономические последствия дорожно-транспортных происшествий	89
В.В. Абрамочкин. Время производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений относительно стадий уголовного процесса	93
В.А. Кузнецов, М.И. Пилякин. Освидетельствование: де-юре и де-факто	95
М.И. Пилякин, В.А. Кузнецов. Тенденции правового регулирования следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних	99
А.В. Миронова. Вопросы ограничения личной свободы в связи с применением домашнего ареста	104
О.Н. Селедникова. Реституция как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением	109
Е.Л. Шведов. Правовые основы применения специальных знаний в уголовном процессе	116
Д.В. Муленков, О.Н. Лазаренко. Применение цифровых технических средств фиксации в полицейской деятельности	120
А.В. Ростовцев. Правовые, организационные и методические вопросы применения цифровых технологий при производстве судебных экспертиз	124
Ю.П. Калинин. Административно-правовое регулирование валютного контроля в Российской Федерации	127
Э.Т. Сидоров, А.Ю. Тарасов. Проблемы применения технических средств в деятельности органов внутренних дел для обеспечения безопасности дорожного движения	130
Д.А. Темняков. Педагогика безопасности в профессиональной подготовке сотрудников полиции	135
Т.В. Мальцева. Использование практик трансперсональной психологии в образовательной среде ведомственного вуза	140

Оригинал-макет подготовлен издательством «ЮНИТИ-ДАНА», журналом «Закон и право»

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. (1-й завод — 300).

Отпечатано в типографии ООО «Контент-пресс»

Москва, ул. Складочная, д.1 стр.18

Тел. 8 (495) 971-82-90



ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Мухортов. Преодоление «молчания законодателя» как основное направление развития правоприменительной деятельности	145
Ю.Г. Беляева. Пределы законодательного ограничения прав государственных служащих в современной России	149
А.А. Кальгина. Закон сильнее власти: миф или реальность?	154
Т.В. Кикоть-Глуходедова. Эволюция понятия «безопасность» по мере перехода от родоплеменных отношений к государству	157
Т.М. Аникеева. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы	159
О.Н. Лебединец. Имущественная обособленность в конструкции юридического лица	169
Ю.А. Петрова. Генезис развития жилищного законодательства в России (вопросы теории и практики)	175
В.Г. Шакалова. Особенности порядка заключения гражданско-правовых сделок лицом, в отношении которого ведется предварительное расследование	183
А.Ю. Богачева. К вопросу о терминологии, применяемой в определении нотариуса как субъекта преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ	187
С.В. Морозов. Актуальные вопросы развития системы предупреждения преступности органами внутренних дел	191
А.О. Откидач. О совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства ФСКН России	195
З.Б. Соколов. Деяние лица в структуре уголовно-правовой причинности	199
Н.И. Святенко. Квалификация действий соучастников в неоконченном преступлении	203
В.Н. Фадеев. Подводные «камни» внешних угроз	208
Р.Ш. Шегабулинов. О формулировании понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией»	215
Ю.П. Боруленков. Юридическое познание как искусство	226
В.Н. Калинин. Законодательное совершенствование процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе	232
Н.А. Колоколов. «Великое противостояние»: следователь VS прокурор	244
А.Ю. Олишнев, Ю.Б. Гаврюшкин. Стадия уголовного процесса как фундаментальная категория уголовно-процессуальной науки	256
М.В. Складченко. К вопросу о базовых критериях эффективности системы проверочных инстанций	258
И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева. Вооруженный конфликт на Украине и международное право	265
Л.Н. Древалъ. О некоторых проблемах районных судов	272
А.В. Богданов, Е.Н. Хазов. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством	276
И.В. Потапенкова. О проблемных вопросах реализации Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»	280
Т.А. Прудникова, К.Д. Сазон. Особенности региональной системы предоставления убежища в государствах — участниках Содружества Независимых Государств	284
Ю.Н. Сосновская. Основы построения систем организационного управления. Органы внутренних дел, как социальная правоохранительная система — организация	288
А.А. Ширванов, В.Г. Дикарев. Деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотиков	294
Т.А. Прудникова. Проблемы в сфере миграционных отношений и пути их решения	297

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.В. Хачатурян. Совершенствование механизмов анализа и предупреждения угроз экономической безопасности России в условиях глобализации	302
А.Н. Литвиненко, Е.В. Шубочкина. Способы уклонения от уплаты налогов на предприятиях оптовой торговли и методы их документирования	305
Д.В. Шibaков. Некоторые аспекты современной информационно-технологической среды международного маркетинга	311
Н.Д. Эриашвили, Д.Н. Саудаханова. Университетские издательства США	316
А.А. Ласкин, Е.В. Мальцева. Педагогические методы развития личностных качеств в социально-культурной деятельности	320
А.Д. Савин. Эффективность социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих	324

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

С.Р. Аблеев. Философская методология и онтологические позиции в современных исследованиях сознания	330
---	-----

Н.Н. Дьяченко. О результатах работы подразделений собственной безопасности МВД России в сфере противодействия дискредитации, имеющихся проблемах и путях их решения	335
О.Д. Жук. Прокурорский надзор за исполнением законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности для возбуждения уголовного дела	341
«Золотой праздник книги»	349

FOUNDER:

Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

*Head of the Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
lieutenant general of police,
doctor of legal sciences*

N.V. Rumyantsev

*Scientific editor, responsible
for the publication, the winner
of the award of the government
of the Russian Federation
in the field of a science
and technics, doctor
of Economics, candidate
of law sciences, professor*

N.D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

A.L. Mironov

candidate of law sciences

Editor

I.I. Kubar

candidate of law sciences

Executive secretary

D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*

L.S. Antonenko,

M.I. Nikitin,

A.I. Antoshina

Imposition

M.E. Kiseleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» — 84629**

Editorial Staff address:

109028, Moscow,

Malyj Ivanovskij per., d. 2.

Tel. 628-57-16

E-mail:

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

VESTNIK**MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII****Contents № 10 • 2014****SPECIAL EDITION:****DEVOTED TO THE SCIENTIFIC PROCEEDINGS****OF THE MOSCOW REGIONAL BRANCH****OF MOSCOW UNIVERSITY OF THE MIA OF RUSSIA NAME V.YA. KIKOT**

S.G. Kulikova. Female crimes in Russia in the second half of the 19th — early 20th century: look from the right	9
A.A. Shuvalov. Recruitment of officers in the white guard armies in southern Russia during the civil war	16
N.V. Zaytseva. Traditionalistic culture and technology-based civilization: unity-and-struggle issue in terms of religion and anthropology	21
E.K. Volkonskaya, Yu.K. Volkonsky. Freedom of choice and personal liability in the democratic state	27
I.A. Tarasova. Some aspects of cooperation between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and local governments in arranging public works in the late 19th — early 20th century	30
E.S. Yakushina. Legal and organizational aspects of improving correctional education of juvenile offenders restrained in labor penitentiaries of NKVD of the USSR in 1940—1950	35
T.A. Ionova. Legal regulation of Internet advertising	40
M.S. Bekmurzin, V.P. Zakharov, O.I. Zachek. Biometric technologies used by law enforcement agencies to fight-terrorism: opportunities and problems of application	44
E.D. Berestenko. Environmental impact on crime rate in Tula region	50
A.A. Vasilchenko. Some issues of determining criminal rule structure in scholarly and educational works	53
E.K. Volkonskaya. Classification of repeated crimes of violence	57
V.A. Zhabsky, O.S. Gladkikh. Conceptual meaning of bribe and bribery terms used in the criminal law of Russia	62
V.A. Zhabsky, O.I. Korotkov. Conceptual meaning of socially dangerous behavior in the criminal law of Russia	68
M.G. Zhilkin. The concept, origin, legal nature of right provisions and role thereof in the rule of law	73
V.V. Kachalov. On applying foreign practices in regulating criminal liability of legal entities in Russia	79
V.V. Kachalov. Terms of criminal science: problems and prospects for future development	82
E.V. Kuznetsova. Some influences of online and network games determining deviant behavior in minors	85
O.N. Lazarenko. Socio-economic consequences of traffic accidents	89
V.V. Abramochkin. Time of conducting experiment in connection with traffic accident investigation at different criminal trial stages	93
V.A. Kuznetsov, M.I. Pilyakin. Examination: de jure and de facto	95
M.I. Pilyakin, V.A. Kuznetsov. Tendencies in legal regulation of investigative activities involving minors	99
A.V. Mironova. Issues of personal freedom restriction due to house arrest	104
O.N. Selednikova. Restitution as means of exercising citizens' constitutional right to compensation for damage caused to property by the act of crime	109
E.L. Shvedov. Legal basis for special knowledge application in criminal trial	116
D.V. Mulenkov, O.N. Lazarenko. Application of digital recording devices in police practices	120
A.V. Rostovtsev. Legal, organizational and methodological issues of applying digital technologies in forensic examinations	124
J.P. Kalinchenko. Administrative regulation of currency control in the Russian Federation	127
E.T. Sidorov, A.Yu. Tarasov. Application of technical aids in law-enforcement activities for traffic safety	130
D.A. Temnyakov. Safety education in professional training of police officers	135
T.V. Maltseva. Application of transpersonal psychology techniques in educational milieu of ministerial universities	140

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA» and by the journal «Law and Legislation»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossi» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)
It is printed in Company
OOO «Center-press»
Moscow, street Skladochnaja
d.1 str.18
Ph. 8 (495) 971-82-90



JURISPRUDENCE

A.A. Mukhortov. Overcoming of «silence of the legislator» as the main direction development of law-enforcement activity	145
J.G. Belyaeva. The limits of legislative restrictions of the rights of civil servants in modern Russia.....	149
A.A. Kalgina. A law is stronger than power: myth or reality?	154
T.V. Kikot-Glukhodedova. Evollution of the concept «security» as a transition from tribal to-state relations.....	157
T.M. Anikeeva. Obligatory state insurance of life and health of persons of ordinary and commanding structure of the State fire service.....	159
O.N. Lebedynets. Property isolation in the design of a legal entity	169
Yu.A. Petrova. Genesis of development of housing legislation in Russia (theory and practice)	175
V.G. Shakalova. Features of an order of the conclusion of civil transactions the person concerning whom preliminary investigation is conducted.....	183
A.Yu. Bogacheva. To the question about the terminology applied in determination of notary, as a subject of the crime under art. 202 of the Criminal Code of the Russian Federation....	187
S.V. Morozov. Topical issues of development of the system of crime prevention bodies of internal affairs	191
A.O. Otkidach. On improvement of criminal and criminal-procedural legislation FSKN of Russia	195
Z.B. Soktojev. Act of person in the structure of criminal law causality	199
N.I. Svyatenyuk. Qualification of actions of accomplices in the unfinished crime.....	203
V.N. Fadeev. «Pitfalls» of external threats	208
R.Sh. Shegabudinov. On the formulation of the concept of «organised economic crime, coupled with corruption»	215
Yu.P. Borulenkov. Legal knowledge as art.....	226
V.N. Kalinin. Legislative improvement of the procedural status of the victim in criminal proceedings.....	232
N.A. Kolokolov. «The great opposition»: the investigator VS the prosecutor.....	244
A.Yu. Olimpiev, Yu.B. Gavryushkin. Stage of criminal proceedings as a fundamental category criminal procedural science.....	256
M.V. Sklyarenko. About the problem of basic criteria of system effectiveness of test instances.....	258
I.I. Kotlyarov, J.V. Puzyreva. Ukrainian Armed conflict and international law	265
L.N. Dreval. About some problems of district courts	272
A.V. Bogdanov, E.N. Hazov. Basic directions of operative subdivision of law-enforcement bodies activity on exposure and warning of crimes related to swindle	276
I.V. Potapenkova. About problems of realization of the Federal law of 2 April 2014 № 44-FZ «On participation of citizens in maintaining public order»	280
T.A. Prudnikova, K.D. Sazon. Peculiarities of the regional asylum system in states-participants of the Commonwealth Independent States	284
Yu.N. Sosnovskaya. Fundamentals of building systems of organizational control. Bodies of Internal Affairs as social law enforcement system — organization	288
A.A. Shirvanov, V.G. Dikarev. The activities of the operational units of the Internal Affairs bodies for counteraction drug trafficking	294
T.A. Prudnikova. Problems in the sphere of migration relations and the ways of their solution	297

ECONOMIC SCIENCE

M.V. Khachaturian. The improving mechanisms for analysis and prevention of threats of economic security of Russia in conditions of globalization	302
A.N. Litvinenko, E.V. Shubochkina. Methods of tax evasion at the enterprises of wholesale trade and methods of documenting.....	305
D.V. Shibakov. Some aspects of modern information and technological environment of international marketing.....	311
N.D. Eriashvili, D.N. Saudakhanova. University presses of the USA.....	316
A.A. Laskin, E.V. Maltseva. Pedagogical methods of development of personal qualities in the socio-cultural activity.....	320
A.D. Savin. The effectiveness of socio-cultural activity in the life of servicemen.....	324

PHILOSOPHICAL SCIENCE

S.R. Ableev. Philosophical methodology and ontological viewpoints in modern consciousness research.....	330
N.N. Diatchenko. About results of work of divisions of own safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the sphere of counteraction of the discredit, available problems and ways of their decision	335
O.D. Zhuk. Prosecutorial supervision over the execution of laws by using the results of the operational-investigative activity for a criminal case.....	341
«The Golden book festival»	349

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ: ВЗГЛЯД СПРАВА

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КУЛИКОВА,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: svetlana-1977@mail.ru

Научная специальность 07.00.02 — отечественная история

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются различные виды преступлений, совершенных женщинами в указанный исторический период. Автор приходит к выводу, что рост статистических показателей о количестве осужденных среди российских женщин сопряжен: во-первых, с возникновением в 1860 г. института профессиональных следователей; во-вторых, с упрощением системы судопроизводства в Российской империи после судебной реформы 1864 г. и активной деятельностью суда присяжных и мирового суда. Научная новизна статьи состоит в детализации взгляда на проблему женской преступности «власть предрешающих» — консерваторов, реализовавших свое видение решения проблемы в условиях судебной контрреформы.

Ключевые слова: женская преступность, русский консерватизм, волостной суд, окружной суд, мировой суд, уголовные дела.

Annotation. The article touches upon the different types of crimes committed by women within the given period. The author comes to the point that growing number of female convicts in Russia was determined, firstly, by foundation of professional investigators institution in 1860, and secondly, by simplification of court system in the Russian Empire, which resulted from the court reform of 1864, and alertness of jury court and justice court. Scientific novelty of this article consists in scrutinizing the viewpoint of prevailing authorities, i.e. conservatives, on the problem of female crimes, which problem was tackled by court counter-reform.

Keywords: female crimes, Russian conservatism, volost court, district court, justice court, criminal cases.

Проблема женской преступности во все времена привлекает пристальное внимание общественности. Интерес практических сотрудников МВД России к проблеме вызван тем, что число осужденных женщин за последние 10 лет выросло почти в 1,5 раза и составляет более 15% от общего числа лиц, находящихся в местах лишения свободы¹. Ученые небезосновательно увязывают рост женской преступности с серьезными структурными реформами российского общества конца XX — начала XXI вв. Пытаясь найти решение «социального зла», специалисты твердят непреложную истину: переоценка социально-нравственных ориентиров способствует девиантации женского населения. Между тем, история свидетельствует о вариантах решения проблемы, предложенных «властью предрешающими» второй половины XIX — начала XX вв. Пытливый

исследователь без труда проведет параллели между процессами, протекающими в современной России и в период реализации реформаторской альтернативы второй половины XIX в.: тогда, как и сейчас бурное экономическое развитие, вовлечение женщин в производственную и социально-политическую деятельность порождало секуляризацию общественного сознания, приводило к изменению правосознания людей. Процесс модернизации русского общества принес не только много позитивных перемен, но и способствовал крушению нравственных идеалов.

Период с 1861 г. по 1914 г. был для России «временем перемен», ознаменованным Великими реформами, революционной ситуацией, революцией 1905 г. и началом Первой мировой войны. Уровень женской преступности в течение обозначенного периода неуклонно возрастал.

**Общая картина женской преступности в Российской империи
 второй половины XIX — начала XX вв.²**

Категории преступлений	Количество дел, рассмотренных окружными судами, % к общему числу дел
Имущественные преступления	33,7 (из них 26% — кражи)
Посягательства на жизнь и здоровье, смертоубийства	25,7
Против должностных лиц	8,3
Против союза брачного и родственного (незаконные сожительства)	3,6
Против веры (за исключением святотатства)	0,5

Анализ структуры женской преступности свидетельствует, что на первом месте по числу совершаемых преступлений стояли имущественные преступления — кражи, грабежи, мошенничество. Региональные архивные материалы по Тверской, Орловской, Липецкой и Брянской областям позволяют говорить о том, что правонарушения против собственности не носили серьезного характера. Во многих случаях женщины привлекались к ответственности как соучастницы. Между тем, женщина-преступница не всегда несла наказание по суду. В крестьянской среде нередки были случаи самосуда. Показательным является дело «О самоуправстве крестьян деревни Заболотье Первышинской волости Тверского уезда», подвергшим крестьянку М. Алексееву телесным наказаниям за незаконную торговлю пряниками с укрыванием дохода от крестьян-общинников, которые расценили данное преступление как кражу. В отсутствие сельского старосты крестьяне собрали сход и наказали М. Алексееву. Пострадавшая обратилась в суд «со словесной мольбой». В ходе судебного разбирательства мировой судья по 3-му участку Тверского мирового округа на основании ст.ст. 1, 4, 14, 15, 16, 135 и 142 «Устава о наказаниях» приговорил крестьян д. Заболотье, собственноручно избивавших розгами потерпевшую, к 2 месяцам ареста, а их подельников — к 1 месяцу. Крестьянка простила обидчиков в обмен на 25 руб. штрафа. В итоге, согласно п. 2. ст. 22 «Устава о наказаниях, налагаемых мировы-

ми судьями», мировой судья оставил предыдущий приговор без исполнения, обязав означенных крестьян уплатить штраф в размере 25 руб. крестьянке М. Алексеевой³. Ряд дел о краже незамедлительно доходил до суда. В качестве примера приведем дело за № 1 от 1866 г. «По обвинению крестьянской вдовы Е. Арефьевой в краже жердей у дьячихи села Лосева Морошкиной, и в оскорблении последней», поступившее на рассмотрение мировому судье 1-го участка Корчевского судебного округа Тверской губернии. По показаниям свидетелей обвиняемую Арефьеву уличили в краже жердей и оскорблении дьячихи Морошкиной. По окончании судебного заседания мировой судья, согласно ст.ст. 16, 30, 169 и 171 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и ст. 119 «Устава уголовного судопроизводства», постановил: «Крестьянку Е. Арефьеву признать виновной», однако приговор не был окончательным — согласно «Уставу уголовного судопроизводства» мировой судья имел право выносить как окончательный, так и неокончательный приговор. По апелляционному отзыву потерпевшей вновь вернулись к рассмотрению дела. Спустя 5 месяцев после вынесения приговора Съезд мировых судей Корчевского судебного округа в публичном заседании рассматривал заново дело по апелляционному отзыву подсудимой на приговор мирового судьи 1-го участка, которым она была признана виновной и приговорена к заключению в тюрьму сроком на 7 недель. В ходе нового разбирательства дело при-

няло иной оборот. Согласно показаниям Е. Арефьевой и свидетелей, занесенным в особый протокол, следовало, что жерди принадлежали самой Арефьевой, что же касается оскорблений выражениями «долгополая» и «подлая женщина», то Арефьева не отрицала данный факт, не видя в нем, однако, оскорбления, а считала это констатацией реальности. На основании ст.ст. 119, 168 «Устава уголовного судопроизводства» суд постановил «крестьянскую вдову Е. Арефьеву подвергнуть денежному взысканию за оскорбление в размере 1 руб., а в случае несостоятельности к уплате взыскания — аресту на один день в помещении для арестантов по приговорам мировых судей, решение мирового судьи 1-го участка отменить»⁴.

К преступлениям имущественным относились незаконные порубки лесов. И тут не обошлось без женщин! Так, 2 января 1871 г. было начато дело «О порубке леса с дачи тверской помещицы А.Н. Ризенкамер». Крестьяне д. Аничкина обвинялись в том, что в течение трех дней незаконно рубили березовый лес из корыстных целей. Мировой судья 6-го участка Тверского уезда приговорил обвиняемых по ст.ст. 155 и 156 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» к денежному взысканию по 2 руб. 23 коп. в пользу госпожи Ризенкамер⁵.

Самый большой общественный резонанс вызвали преступления второй группы — посягательства на жизнь и здоровье, смертоубийства. Значительное число женских жертв составляли дети, мужья и близкие родственники. Делопроизводственные материалы судов свидетельствуют о серьезности данного вида преступлений, совершаемых, как правило, с особой жестокостью. На первом месте среди общего числа смертоубийств стояло детоубийство, на втором — убийства супруга, к которому женщину подталкивали сложность получения развода и жестокость со стороны супруга⁶.

Преступления против должностных лиц и общественного порядка: неуважение к присутственным местам и чиновникам, нарушение постановлений, ограждающих общественную нравственность, прочно занимали третью позицию. В мемуарах судебного следователя Д.А. Скульского говорится о том, что стоило бабе пригрозить волостному старшине тряпкой или поленом, так тот сразу считал себя в опасности. По ст. 272 предусматривалось наказание в виде двух с половиной лет лишения свободы. Такие дела в бытность его работы в Тве-

ри и Москве были достаточно распространенными⁷. Самые высокие показатели по данному виду преступлений были зафиксированы в 1897, 1900 и 1902 гг. — период неурожая и голода. В среднем число дел, относящихся к данной категории, согласно «Обзорам Тверской губернии», составляло около 20 за год. Безусловно, количество данных заявлений несопоставимо с количеством рассматриваемых ранее краж, но здесь важно другое — желание человека защитить чувство собственного достоинства. В основном подобного рода дела заканчивались примирением или штрафом. Яркой иллюстрацией служит «Дело прапорщика Н. Соколова», обвинившего вдову полковника Шахова в том, что она назвала его бранными словами — «дурак» и «уличный мальчишка», лишь за то, что он поинтересовался у ее малолетней дочери: «Часто ли у вас бывает маркиз?». Шахова на основании решения мирового судьи 1-го участка г. Твери была подвергнута денежному взысканию на основании ст. 119 «Устава уголовного судопроизводства»⁸.

В архивах исследователи встречают дела о преступлениях по должности, совершенные женщинами. Эта категория дел уникальна. Одно судебное разбирательство состоялось в Весьегонском уезде Тверской губернии. Мировой судья 1-го участка Весьегонского уезда рассматривал «Дело по нарушению питейного устава в питейном заведении А.В. Пиваренковой». Суть дела состояла в том, что некоего господина Делиденского обвинили в распитии спиртных напитков в недозволенное время, но привлекли по делу хозяйку питейного заведения А.В. Пиваренкову за то, что она открыла питейное заведение в недозволенное время⁹.

Хотелось бы остановиться на рассмотрении такой категории дел, как «преступления против союза брачного», на которые приходилось лишь 4,1% от общего числа преступлений за указанный хронологический период, где женщина — потерпевшая сторона, а приговор, вынесенный по делу, отражает реальное отношение к женщине того времени. Итак, предлагаем приступить к рассмотрению материалов дела «О любовной связи угличской мещанской девицы Р. Дмитриевой с тверским мещанином С.М. Шуваевым». Р. Дмитриева подала заявление на имя мирового судьи 1-го участка г. Твери, в котором изложила причину любовной связи с Шуваевым, которая состояла в том, что он дал ей обещание жениться через 3 года, а перед этим просто встре-

чаться время от времени, за что платил ей каждый месяц по 7 руб., однако по истечении срока он свое обещание не сдержал. Мировой суд согласно ст. 129 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» вынес следующий приговор: «принудительно женить Шуваева на Р. Дмитриевой и решить это дело мирным договором»¹⁰.

Между тем не всегда судьба была так благосклонна к посягнувшим на святость брачных уз. Один из примеров дела «о двоемужестве» мы встречаем в уже упоминавшихся мемуарах Скульского. Итак, одна акушерка, служащая на фабрике, признала в «вытащенном из воды труп оборванца» своего мужа. Получив «вдовый вид», она вторично вышла замуж за скромного труженика — фабричного конторщика. Ничто не предвещало беды, пока не объявился ее первый муж, заявивший в полиции, что «хитровка» подговорила его бросить свои лохмотья у проруби вместе с паспортом, чтобы все считали его погибшим. Согласно ст. 1554 «Устава уголовного судопроизводства» при наличии формальных признаков преступления оправдательные приговоры выносить было запрещено. Скульский подчеркивал, что строгость наказания была вызвана царившей в обществе «победоносцевщиной». Женщину судили и подвергли ссылке в Сибирь¹¹. Позднее эти материалы были воссозданы в пьесе Толстого «Живой труп».

Одним из любопытных примеров дел, относящихся к категории, которая именуется в исторических источниках как «прочие преступления», является «дело о незаконном лечении людей с корыстной целью». Крестьянин И. Логинов обвинил крестьянку Корсавину в том, что она выписывала ему рецепты, не улучшающие здоровье. Думаем, что уважаемым читателям данного исследования будет небезынтересно описание самого процесса судопроизводства в России второй половины XIX в. Дело в том, что процесс проходил в г. Кашине Тверской губернии. Волею судеб главный свидетель по данному делу не имел возможности явиться в суд по причине отсутствия транспортного сообщения¹². Мировой суд вошел в положение крестьянина и постановил на основании ст. 72 «Устава уголовного судопроизводства» допросить И. Логинова по месту жительства. Просьба была удовлетворена: мировой судья 2-го участка Корчевского округа отправил кашинскому мировому судье 1-го участка протокол допроса. Необходимый протокол допроса был по-

лучен по истечении 6 месяцев, а потому согласно ст.ст. 21 и 104 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», ст. 119 «Устава уголовного судопроизводства» было принято решение «приговорить крестьянку Н. Корсавину к освобождению от ответственности»¹³. Мировой судья вынес верное решение, так как в ст. 21 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» прописано, что по истечении 6 месяцев осужденный освобождается от ответственности.

Иногда в категории дел «прочие преступления» встречаются «дела о порче». Пример являет собой дело от 1902 г. «о лишении крестьянкой деревни Верхней Горки, Грылевской вол., М. Никифоровой жизни рожденного ею уroda»¹⁴. Замужняя крестьянка 58 лет утверждала, что состоявшая в любовной связи с ее мужем М. Григорьева — девица «развратного поведения», навела на нее порчу, после которой М. Никифорова родила «мертвого уroda». На поверку «мертвый урод» оказался трупом кота¹⁵. Дело закрыли в связи с отсутствием состава преступления.

Архивные документы позволяют составить социо-культурный портрет русской преступницы второй половины XIX в.: это замужняя православная безграмотная крестьянка в возрасте от 21 до 40 лет, имеющая одного или нескольких детей¹⁶.

Особняком стоит такая категория преступлений, как преступления против власти. На региональном материале рассмотреть их не представляется возможным, в этой связи целесообразно использовать общероссийский материал, позволяющий нам воссоздать облик женщины-террористки. Это женщина в возрасте от 20 до 30 лет, образованная, незамужняя, из обедневшего дворянского рода, увлеченная революционной идеей. Приговор для таких женщин выносился, как правило, один — смертная казнь, однако часто его заменяли пожизненной каторгой. Политические преступления были отражением политического самосознания женщин. Это был страшный ответ на нерешенный «женский вопрос».

Женщины-террористки всколыхнули общество и вызвали острейшую политическую дискуссию, закончившуюся рядом ключевых изменений в системе отечественного судопроизводства. Политические преступления навели на мысль о необходимости преобразований судебной системы, лояльно относившейся к фигуранткам громких политических дел. Инициатором подготовки судебной

контрреформы в верхах стал К.П. Победоносцев. Профессор-цивилист не переставал трудиться в области правообразования. Наступление на новые суды возглавили издания Каткова и Мещерского при активной поддержке «Нового времени» и «Санкт-Петербургских ведомостей». Выступая в годы правления Александра II с критикой ошибок и изъянов нового судопроизводства, идеолог консерватизма уже обращал внимание на несовместимость «судебной республики» с общегосударственными основами. Однако, в ту пору Катков предпочитал нападки на отдельные принципы новой судебной системы, не поставив еще вопрос о необходимости ее изменения в целом. В 80-е г. XIX в. у него появились мощные единомышленники в высших сферах во главе с Александром III, ненавидевшим судебную реформу. Вспоминая о единстве позиций обер-прокурора Святейшего Синода и издателя «Московских ведомостей», Е.М. Феоктистов писал: «Если Катков, справедливо или нет, запальчиво порицал наши судебные учреждения, то и Победоносцев несколько не уступал ему в этом отношении; не раз приходилось мне слышать от него, что с тех пор, как возникли они у нас, никогда его нога не переступала порога судейского здания, — так было противно ему все то, что там происходит. Он зачитывался статьями «Московских ведомостей», направленными против наших судов, и аккуратно посылал их государю»¹⁷. В первые месяцы нового царствования Победоносцев направил Александру III записку с резкой критикой судопроизводства. Основная мысль: «бесконтрольная, обособленная юстиция не совместима с самодержавием». Тезис о недопустимости независимого суда — в центре сопроводительного письма Победоносцева. «Нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России», — возмущался он, доказывая, что «везде, где признается несменяемость судей, они не бесконтрольны, и есть на них управа». «Суд, — писал Победоносцев Александр III, — «должен служить необходимым и крепким орудием государственной власти для охранения закона, для поддержания основных начал управления и порядка»¹⁸.

В 1882 г., в связи с подготовкой проекта изменений в правилах по составлению списков присяжных заседателей, «Московские ведомости» высказались за изменение существующего судопроизводства¹⁹. Говоря о необходимости строжайшего контроля за составлением списка присяжных, Катков высказал

неудовлетворенность институтом, «принятым под покровительство «либеральной» печатью»²⁰. Одновременно консерваторы ставили вопрос о вреде несменяемости судей. В противовес либеральному мнению, что с «подчинением суда администрации претерпевает ущерб нравственное достоинство и суда, и администрации», выдвигался тезис: «чем зависимее суд от государственной власти, которой он служит, тем он в истинном смысле свободнее и вернее себе»²¹.

В 1884 г., юбилейном для судебных уставов, атака на них консерваторов стала всесторонней и дружной. В отличие от либералов и демократов, консерваторы сумели сплотиться перед лицом опасности. Симптоматично, что в январе 1884 г. Катков получил письмо А.А. Киреева с призывом «усугубить усилия» в разоблачении «безобразной системы суда, развращающей наше общество». Предвидя сопротивление «разных либералов от Градовского до Кавелина», генерал выражал уверенность, что Катков будет «решительно и сильно отстаивать дело правительства»²². Учитывая обширные серьезные связи консервативного генерала в высших сферах, можно полагать, что письмо носило не только личный характер.

Одна за другой стали появляться в охранительных изданиях резко критические статьи о суде с предложением принципиальных изменений в судопроизводстве. Запев принадлежал «Гражданину». В передовой его № 1 за 1884 г. Мещерский призвал к «самым решительным и энергичным мерам» в отношении действующего суда, с тем чтобы «немедленно противодействовать вредному и растлевающему влиянию его на народ». «Гражданин» требовал «прекратить... суд присяжных», «отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства», «отменить вовсе гласность судопроизводства», «приступить... к пересмотру судебных уставов». По сути «Гражданин» предложил «костяк» судебной контрреформы. Каждая из предложенных «Гражданином» мер уже неоднократно обсуждалась в консервативной печати, но впервые все они предстали в совокупности, обозначив задачи контрреформы. Уже в следующем выпуске своего журнала-газеты Мещерский, не без гордости упомянув, что «первый дерзнул сказать о суде правду», сообщал, что ответом было «молчание, дышащее ненавистью»²³. Однако, без поддержки он не остался: «Московские ведомости» предлагали те

же меры, что и «Гражданин», но с еще большим напором и агрессивностью. Называя существующую судебную доктрину «самой чудовищной из аномалий», Катков требовал согласовать ее с самодержавием²⁴.

В 1885 г. Победоносцев выступил с обширной программной запиской-докладом, доказывающей необходимость судебной контрреформы и наметившей ее план. Как первоочередная задача выдвигалась ликвидация несменяемости судей, гласности судопроизводства, состязательности в нем и суда присяжных²⁵.

Царю был ближе план судебной контрреформы Победоносцева — он не любил «разрубать узлы». Александр III последовательно ограничивал поле деятельности суда присяжных, постепенно изымая из его ведомств ряд делопроизводств, ущемляя принципы нового суда не разом, а в продуманной очередности. Вызывая серьезное недовольство царя и обер-прокурора Синода, министр юстиции Д.Н. Набоков пытался сопротивляться курсу на изменение судебных уставов, за что подвергся травле Каткова. Учрежденное законом 1885 г. Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов получило право увольнять и перемещать судей. В 1887 г. последовали новые указы, также фактически обоснованные консерваторами, ограничивавшие гласность и публичность судопроизводства путем введения закрытых заседаний «там, где это целесообразно». Когда либеральная печать связала это изменение с «домогательствами Каткова», сам он заявил отрицательное отношение к этой мере: «тут не мелкие штопки и починки нужны». «Технические улучшения придут сами по себе, если суд будет поставлен на свое место в общем государственном механизме, если судебное ведомство перестанет держаться как особое самоуправное государство со своей волей и политикой», а суд перестанет быть «гангреной, разъедающей тело»²⁶.

Новые контрмеры в отношении суда последовали в 1889 г. Они предусматривали повышение имущественного и образовательного ценза присяжных заседателей, а также изъятие из их ведомства значительной категории дел. Эти изменения в судопроизводстве, по сути, были введены волею самодержца — большинство в Государственном совете их одобрило. Царь присоединился к меньшинству, возглавляемому Победоносцевым. Вокруг него группировались великий князь Владимир Александрович,

И.Н. Дурново, И.А. Вышнеградский. Назначенный министром юстиции в 1894 г. Н.В. Муравьев — сотрудник катковских изданий, бывший преподаватель лицея Каткова, главный обвинитель на политических процессах, вполне устраивал крайних консерваторов. Ему предстояло довести до конца контрреформу судопроизводства.

Критика судебных учреждений «справа», как ни парадоксально, имела свои точки соприкосновения с критикой «слева». Радикальные народнические публицисты нигилистически относились к реформам 60-х годов за их непоследовательность и незавершенность, так же как и крайние консерваторы не верили в «паллиативы», требуя коренных преобразований. Критикуя новые судебные уставы, консерваторы как будто забывали о старом дореформенном суде. Волокита, издоимство судей — от этого страдали в той или иной мере все подданные империи. Новый суд по сравнению со старым судопроизводством — громоздким, неповоротливым, запутанным — отличался мобильностью и простотой. Но «охранителей» пугали далеко идущие последствия реформы суда, влияние на общество возникших в ходе преобразований демократических институтов.

Применительно к происходившим изменениям в системе судопроизводства в России в период 80—90-х гг. XIX в. А.А. Кизеветтер ввел в научный оборот термин «судебные контрреформы»²⁷. Ряд современных исследователей не согласны с данным утверждением. Их аргументы выглядели логично: в период так называемых контрреформ основные принципы и институты судебной реформы 1864 г. (гласность судопроизводства, независимость суда от администрации, право на защиту со стороны адвокатского корпуса) были сохранены, потому отказ от ряда прогрессивных принципов должен был интерпретироваться не как контрреформа, а как стремление сгладить несоответствие между новыми правовыми институтами и реальной действительностью²⁸. Каждый вид преступления был обусловлен своими побудительными мотивами. Совершение женщинами преступлений в большей степени зависело от индивидуальных психических особенностей личности, специфики микросреды, в которой она находилась, степени господства патриархальных традиций и силы общественного мнения. Преобладание в общем количестве осужденных женщин-преступниц, приговоренных к наказанию не

околожными судами, а инстанциями, созданными для разбора мелких уголовных дел — волостными и мировыми судами, демонстрирует трансформацию правового сознания граждан. Получение населением гражданских прав, утверждение идей законности и уважения к личности, с одной стороны, и облегчение возможности получения судебной защиты благодаря повсеместно учрежденным мировым судам, с другой, — способствовали росту преступности. В мировые суды, введенные в практику в 1866 г. для рассмотрения мелких уголовных исков, стали обращаться простые люди с такими обидами, на которые прежде и не помышляли жаловаться в суд. С учреждением доступного мирового суда женщины, прежде бесправные, пошли искать защиты, утверждать свое достоинство и право на уважение: жены жаловались на жестокое обращение мужей, просили развода или выдачу вида на жительство отдельно от мужей. В мировых судах по всей стране в 1884–1888 гг. рассматривалось около 57% всех уголовных дел и около 90% всех мелких уголовных дел. Как ни парадоксально, пробуждение чувства собственного достоинства стало фактором роста мелкой преступности: рост преступности среди женщин находился в связи с их стремлением освободиться от контроля патриархальной семьи.

фактор российской модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) Гагарин, 2011. С. 96.

³ ГАТО. Ф. 757. Оп. 1. Д. 8. Л. 7, 11, 13, 18.

⁴ ГАТО. Ф. 739. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4, 6.

⁵ ГАТО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 11, 13, 16.

⁶ Куликова С.Г. Женщины-детоубийцы в России второй половины XIX — начала XX в. // Научный портал МВД России. 2012. №3 (19). С. 41–48.

⁷ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 10.

⁸ ГАТО. Ф. 746. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–15.

⁹ ГАТО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 10, 11 15.

¹⁰ ГАТО. Ф. 746. Оп. 1. Д. 34. Л. 6–10, 15.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 13.

¹² См.: Куликова С.Г. Тверские земцы-консерваторы во второй половине XIX — начале XX в.: мировоззрение и хозяйственная деятельность. Тверь, 2006. 327 с.

¹³ ГАТО. Ф. 1. 185. Оп. 1. Д. 19. Л. 12–14, 16–18.

¹⁴ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2982.

¹⁵ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2982. Л. 4.

¹⁶ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2982, Л. 4; Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Орел, 2007. 25 с.

¹⁷ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 221.

¹⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.-Пг., 1923. Т. I. Пт. 1. С. 68.

¹⁹ Московские ведомости. 1882. 30 янв. № 30.

²⁰ Московские ведомости. 1882. 13 февр. № 44.

²¹ Головачев А.А. Десять лет реформы. М., 1874. С. 303.

²² Цит. по: Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000. С. 329.

²³ Мецгерский В.П. На новый год // Гражданин. 1884. 1 янв. № 1.

²⁴ Московские ведомости. 1884. 12 янв. № 12.

²⁵ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.-Пг., 1923. Т. I. Пт. 2. С. 508–514.

²⁶ Московские ведомости. 1887. 30 янв. № 30.

²⁷ Кизеветтер А.А. История России в XIX веке. М., 1909–1910. С. 181.

²⁸ Афанасьев А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1885 гг. // Великие реформы в России 1856–1874 гг. / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 184–206; Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. Саратов, 1999. С. 71.

¹ Статистические материалы ФСИН России. — URL: <http://www.newsru.com/crime/17may2011/50prcalcozkstat.html>.

² Куликова С.Г. Женская преступность как социальный



Актуальные проблемы гражданского права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.М. Коршунова, Ю.Н. Андреева, Н.Д. Эриашвили. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Рассмотрены институты гражданского права, имеющие неоднозначное толкование на практике. Освещены вопросы приобретательной давности, право собственности крестьянских фермерских хозяйств, проблемы ограничения права пользования жилыми помещениями собственников жилья, вопросы, касающиеся субсидиарной ответственности и ее видов.

Для студентов, преподавателей юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, юристов-практиков, а также для всех интересующихся спорными вопросами гражданского права.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ АРМИЙ НА ЮГЕ РОССИИ ОФИЦЕРСКИМ СОСТАВОМ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ШУВАЛОВ,

*кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: shuvalov81@mail.ru

Научная специальность 07.00.02 — отечественная история

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В период революционных событий 1917 г. в России происходил процесс развала русской императорской армии, а с началом Гражданской войны на ее «обломках» началось формирование новых вооруженных сил революции и внутренней контрреволюции. Данная статья рассматривает на основе анализа архивных и мемуарных источников принципы комплектования и источники пополнения белогвардейских армий на юге России офицерским составом в период Гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, офицеры, белогвардейские армии, комплектование, добровольцы, мобилизация.

Annotation. The revolutionary events of 1917 in Russia started towards dissolution of the Russian imperial army to allow new revolutionary armed forces and domestic counter-intelligence services to burgeon on its ruins when the Civil War began. Based on the analysis of archive records and memoirs, this article dwells on recruitment concepts and officer commissioning sources in the White Guard armies in southern Russia during the Civil War.

Keywords: Civil War, officers, White Guard armies, recruitment, volunteers, mobilization.

Комплектование — одна из основ строительства вооруженных сил; оно подразумевает комплекс мероприятий государства по удовлетворению потребностей армии и флота в личном составе в военное и в мирное время. Цементирующей основой армии всегда являлся офицерский корпус, от выучки и профессиональной подготовки которого зависел в, определенной степени, уровень дисциплины и боеспособность воинских соединений. В период революционных событий 1917 г. в России происходил процесс развала русской императорской армии, а с началом Гражданской войны на ее «обломках» началось формирование новых вооруженных сил революции и внутренней контрреволюции. Противоборствующим сторонам приходилось «с нуля» заниматься комплектованием вооруженных сил и искать источники пополнения личным и командным составом. Данная статья рассматривает на основе анализа архивных и мемуарных источников принципы комплектования и источники пополнения белогвардейских армий на Юге России офицерским составом в период Гражданской войны.

В условиях войны основная задача комплектования вооруженных сил заключается в восполнении потерь действующей армии, а также в обеспечении личным составом новых формирований. Так, в период Гражданской войны вооруженными силами внутренней контрреволюции на юге России использовались два принципа комплектования личным составом: первоначально добровольческий, затем мобилизационный. Соответственно, пополнение белых армий личным составом и офицерами происходило за счет добровольцев и мобилизованных, плененных и добровольно перешедших от красных на сторону белых.

Изначально с лета по осень 1918 г. основным принципом комплектования офицерскими кадрами белогвардейских армий был добровольческий. Потоки добровольцев наблюдались зимой 1917—1918 гг. и весной 1918 г., причем проход по подконтрольной территории большевиков являлся рискованным мероприятием.

Военно-политический отдел Добровольческой армии вел переговоры с управляющими отделами

правительства Всевеликого Войска Донского о свободном пропуске через территорию войска лиц, направляющихся в Добрармию¹. «Все были молодые офицеры, все фронтовики, почти всем пришлось пробиваться сквозь большевистские заставы, в пути терять своих товарищей. И все неделями и месяцами бродили по Югу России с одной мыслью — вступить в состав Добровольческой армии»².

Набор офицеров и добровольцев осуществлялся посредством работы вербовочных центров Добровольческой армии. К середине 1918 г. они действовали в Киеве, Чернигове, на Волыни, в Подолии, Елисаветграде, Таганроге, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Тифлисе, Сухуме, Харькове, Полтаве, Крыму, Могилеве, Кисловодске, Москве, Саратове и других городах центральной России³. Обычно в местных газетах размещалось объявление о собрании офицеров, где представитель армии агитировал за вступление в ряды воинских формирований и затем проводил запись добровольцев. Украинские власти, ориентированные на немецких интервентов, препятствовали деятельности вербовочных центров Добровольческой армии. Так, во многих городах Украины проведение собраний наталкивалось на определенные трудности. Немецкое командование арестовывало офицеров, слишком откровенно ведущих вербовку в Добровольческую армию, впоследствии, спустя время, они освобождались⁴. Таким образом, отправка офицеров и добровольцев на Дон и Кубань встречала определенного рода затруднения и происходила нелегально⁵. Таганрогский центр за май 1918 — апрель 1919 г. переправил на Кубань свыше 400 офицеров⁶. Из Харькова и Киева было переправлено около 4 000 офицеров⁷. В сравнении с общей численностью офицеров, проживавших в этих городах (к лету 1918 г. в Киеве до 50 тыс. офицеров, в Одессе — 20 тыс., в Харькове — 12 тыс., Екатеринославе — 8 тыс.)⁸, такие пополнения нельзя считать значительными.

Подобные вербовочные центры с февраля 1919 г. действовали и за границей среди русских военнопленных. Так, генерал Потоцкий, руководитель центра по набору добровольцев в Германии, сообщал в письме генералу Драгомирову в феврале 1919 г. об открытии отделения в Польше. Он планировал отправить в Добровольческую армию до 1 000 офицеров и 12—25 тыс. солдат⁹, но результат работы центра, к сожалению, неизвестен.

Таким образом, на протяжении лета и осени 1918 г. организованный вербовочными центрами

приток офицерского пополнения позволял поддерживать численность командного состава в Добрармии на стабильном уровне.

С 1919 г. добровольческий принцип комплектования сохранялся, но уже не являлся основным. Летом 1919 г. большое пополнение поступало с освобожденных от красных территорий. Каждая воинская часть образовывала свое вербовочное бюро, которое принимало всех желающих без лишних формальностей. Но процент добровольцев, по сравнению с предыдущим годом, значительно снизился. Как отмечал А.И. Деникин: «Занятие нами новых территорий (Крым, Одесса, Терек) дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше — по принуждению»¹⁰.

Для устройства в армию офицеров, находившихся на занятой красными территории и служивших в гетманской армии, создавались специальные комиссии с целью реабилитации в государственной измене¹¹. Необходимость прохождения данных комиссий вызывала огромное недовольство офицеров. Многие из них, служившие в украинской армии, жаловались на несправедливое отношение к ним командования Добровольческой армии¹². Генерал Б.А. Штейфон высказывал следующие впечатления о работе регистрационных комиссий в Харькове: «На регистрациях офицерам надо было, прежде всего, оправдываться. Если вопросы «оправдания» затрагивали бы только тех, кто вольно или невольно служили в Красной Армии, это имело известный смысл. К сожалению, «обвинялись» все, кто по тем или иным причинам проживал на территории, занятой советской властью, хотя и был в подавляющей массе внутренне неприимимым ее врагом. Офицеры, простояв много дней в очередях, переставали туда являться, а стали сами поступать в те или иные части. Каждый полк частными путями быстро выяснял прошлое этих офицеров и их идеологические убеждения»¹³.

С осени 1918 г. и на протяжении всей Гражданской войны главным источником пополнения офицерскими кадрами становятся их мобилизации. 25 октября 1918 г. командованием был издан приказ № 64 о призыве в вооруженные силы комсостава до сорока лет. Освобождавшимся из вооруженных сил офицерам, добровольцам по контракту, предлагалось либо продолжить службу, либо покинуть армию в семидневный срок. К чести добровольческого офицерства, приказы эти не встретили какого-либо протеста и даже не привлекли к себе вни-

мания, что говорило о твердо сложившимся убеждениях в необходимости и обязательности службы среди добровольцев. С середины ноября 1918 г. (после взятия Ставрополя) была проведена мобилизация офицеров, не желавших в свое время поступать в ряды армии. «Неловко чувствовали себя эти офицеры, хорошо обмундированные, одетые по-зимнему, прибывшие с полными чемоданами»¹⁴. В конце ноября 1918 г. мобилизация была назначена и в Крыму. Но проходила она вяло, из большого числа офицеров, находившихся на данной территории, явилось сравнительно мало. После освобождения от красных Малороссии и Центральной России мобилизации стали планомерно проводиться в новых уездах и губерниях. При занятии Харькова, Курска, Киева, Полтавы и других губернских центров на них распространялись изданные ранее приказы о мобилизации штаб-офицеров до 50 лет, обер-офицеров, юнкеров, подпрапорщиков, унтер-офицеров, также всех военнообязанных с 20 до 30 лет¹⁵. Мобилизации территориально затронули и Таврию, и Северный Кавказ, и к началу 1920 г. практически все людские ресурсы там были мобилизованы. В указанный период мобилизации проводились двух видов: централизованные через штаб дивизии и самостоятельные, проводившиеся непосредственно войсковыми частями (властью командиров полков и даже рот)¹⁶.

В период зимы 1919 г. во время отступления Вооруженных сил Юга России от Орла происходило резкое снижение офицерского состава боевых частей в результате потерь убитыми, ранеными, больными, попавшими в плен и отставшими от своих частей. Ни частая проверка документов, ни облавы, ни регистрации и серии переосвидетельствований не помогали привлечению офицеров в части. На переосвидетельствования являлись те офицеры, которые потеряли боеспособность в силу тяжелых ранений, и им они были не страшны. Те же, кого переосвидетельствования могли отправить на передовую, прочно сидели по тыловым учреждениям или скрывались в неизвестном направлении. Тогда же «цветными» частями (Корниловскими, Марковскими, Дроздовскими, Алексеевскими) проводились «добровольческие мобилизации» — насильственные присоединения офицеров других полков к своим частям. При мобилизации дроздовцами такие «офицеры подвергались незаслуженным оскорблениям и даже побоям»¹⁷. В Новороссийске военный прокурор Войска Донского И.М. Калинин, отбивший-

ся от штаба своей армии, был мобилизован таким же образом, но только марковцами. «Офицерская рота марковцев наполовину состояла из подобного элемента»¹⁸.

Офицеры, не поступившие в армию до лета 1919 г., в большинстве своем не имели желания поступать в нее. К ним, соответственно, со стороны командования и сослуживцев было настороженное отношение. Эти офицеры, по свидетельствам начальствующего состава, были гораздо менее надежным элементом. Таким образом, стояла определенного рода проблема адаптации вновь поступивших офицеров в вооруженные силы. Вливание в воинские части младшего офицерства из новых призывов и их ассимиляция в основном происходили быстро и безболезненно. Но со старшими чинами, поступившими на службу, было труднее. Для их приема на службу была учреждена особая комиссия (генеральская чрезвычайка). Данная комиссия выясняла возможность приема на службу или необходимость возбуждения следствия над данным лицом.

Еще одним источником пополнения офицерского состава являлись пленные и добровольно перешедшие на сторону белых. С развитием наступления с июня 1919 г. на Москву необходимость пополнять командный состав увеличивалась, и отношение к пленным, соответственно, менялось; расстрелы становились редкими и распространялись лишь на командиров-коммунистов. Особой комиссии (генеральской чрезвычайке) было указано не ставить в вину службу в вооруженных силах Советской России, если данное лицо не имело возможности вступить в противобольшевистские армии или если направляло свою деятельность во вред Советской власти. Осенью 1919 г. из штаба Главнокомандующего был разослан циркулярный запрос в штабы армий по поводу отношения к офицерам, перешедшим из Красной армии, и указывалось на существующую ненормальность сурового к ним отношения. Еще в начале 1919 г. командованием Донской армии распространялось мнение, что офицеры белых армий должны считаться с принудительной системой службы офицеров в Советской России, террором, системой заложников и системой поруки и не должны оценивать своих собратий с точки зрения «непогрешимых судей»¹⁹. В боевой обстановке поступление в полки младших офицеров, ранее служивших в Красной армии, никакими особыми формальностями не сопровождалось.

ждалось. Многие сразу отправлялись в воинские соединения без отзывов специальных комиссий по реабилитации²⁰. Кроме случаев, когда на офицеров поступали сведения компрометирующего характера. Офицеры высших чинов проходили через учрежденные следственные (судебные) комиссии. В 1919 г. офицерские роты в основном формировались из мобилизованных и пленных офицеров. Отношение к ним было довольно ровное. Многие из них быстро выделялись из массы и назначались на командные должности. «Офицеры, перешедшие от большевиков или взятые в плен, если они не были коммунистами, решительно никаким репрессиям не подвергались. Все они назначались рядовыми в строй, а затем уравнивались в правах с остальными офицерами полка. В своей массе они доблестно воевали, а когда приходилось и умирали»²¹.

С сентября 1918 по март 1920 г. было предано суду 25 генералов, из которых 1 был приговорен к смерти (приговор не утвержден), 4 — к аресту на гауптвахте и 10 — оправдано. Наказание заменялось арестом на гауптвахте и в важных случаях разжалованием в рядовые. Так, генералы Л.М. Болховитинов, И.П. Сытин и другие, перешедшие из Красной армии, были судимы и разжалованы в рядовые. К декабрю 1919 г. все разжалованные были восстановлены в чинах²². 29 апреля 1920 г. барон П.Н. Врангель своим приказом освобождал от наказаний и ограничений по службе офицеров, не только перешедших из Красной армии, но и тех, кто при взятии в плен не оказывал сопротивления.

Формирование новых частей Добровольческой армии происходило по одному стандарту. Когда офицерская ячейка в своем составе имела 15—20 человек, она обращалась к командиру полка с разрешением на формирование офицерской роты. Обычно командиры полков поддерживали такое начинание. И на усиление новой роты придавалось 15—20 солдат. Параллельно с этим разыскивался прежний командир или другой старший командир, который возглавил бы роту. Он устраивался в ближайшем тылу и формировал строевую канцелярию, хозяйственную часть и обоз. В итоге, в зависимости от энергии и возможностей, к командиру полка прибывала новая офицерская рота. Таким порядком создавался батальон, который записывался на довольствие и которому давался самостоятельный участок на фронте. Если часть была сильна духом, она, несмотря на потери в боях, уси-

ливалась и развертывалась в полк, который затем и утверждался Главнокомандующим²³.

В связи с тем, что Добровольческая армия с самого момента формирования приобрела «офицерский» характер, и в последующем в составе Вооруженных сил Юга России дефицит в офицерских кадрах остро не ощущался, на юге России в должной мере не использовался еще один источник пополнения — выпуски офицеров военно-учебных заведений. Так, в белых армиях юга России некоторые из военных училищ на базе сохранившихся преподавательско-административного кадров были восстановлены (8 военных училищ и 7 кадетских корпусов) и продолжали существовать до конца гражданской войны и в эмиграции. Но выпуск офицеров из военно-учебных заведений (в количестве 2 тыс. человек) был осуществлен лишь в эмиграции²⁴.

Производство в первый офицерский чин в Вооруженных силах Юга России практиковалось редко, это было связано, прежде всего, с обилием офицерских кадров. С учетом небольших ускоренных выпусков и производств за отличие число произведенных в офицеры составило около тысячи человек. В Донской армии в связи с исчерпанием запаса офицеров производство из урядников было основным каналом пополнения офицерского состава. Всего в Вооруженных силах Юга России число произведенных в офицеры не превысило трех тысяч человек²⁵.

В Донской армии полки первоначально формировались по станичному принципу. Сила полков отличалась в зависимости от величины станицы и от господствующих в ней настроений. Поэтому полки могли насчитывать от трех сот и до нескольких тысяч казаков. Офицерами в полках, в основном, были уроженцы тех же станиц. Если офицеров не хватало, то их запрашивали из других станиц, в случае острой нехватки брали офицеров не казаков. Отношение к офицерам-неказакам было сдержанное, им первое время не доверяли, присматривались. Если офицер оправдывал доверие, его зачисляли к себе в станицу. Более того, и сами офицеры неказачьего происхождения, недоверчиво относились к казачьему движению и первое время прятались по станицам и городам²⁶. С февраля по апрель 1918 г. большевиками было расстреляно более 500 офицеров, из них 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера. В результате расстрелов Дон потерял свыше 30% кадрового состава офицеров, причем большой процент пришелся

на долю старшего командного состава²⁷. Вследствие этого армия остро нуждалась в старших командных кадрах. Поэтому командованием Донской армией были предприняты следующие меры: 1) создание особой врачебной комиссии для проверки заявлений о непригодности к службе; 2) без исключений проведение в жизнь распоряжения (приказ № 213) о командировании на фронт всех годных к строю по здоровью; 3) открытие приема в армию неказачьих офицеров (приказ № 24) (но командование Добрармии весьма неохотно направляло туда своих офицеров); 4) казачьим офицерам запрещался переход в Добровольческую армию, а служившие там отзывались; 5) запрещался уход в отставку ранее 31 года, а ушедшие в отставку возвращались²⁸. Таким образом, Донская армия практически всегда ощущала недостаток в офицерах. И одним из источников пополнения, как уже упоминалось, было производство в офицерский чин отличившихся в бою урядников²⁹.

Таким образом, источниками пополнения белогвардейских армий на Юге России офицерским составом являлись: во-первых, добровольцы, которые были основным источником на протяжении всей Гражданской войны, но их процент значительно снизился, начиная с 1919 г.; во-вторых, мобилизованные, которые являлись основным источником пополнения с осени 1918 г.; в-третьих, пленные и добровольно перешедшие на сторону белых (но отношение к ним было неоднозначным, и им требовалось прохождение специальных и следственных (судебных) комиссий по реабилитации); в-четвертых, производство в офицеры отличившихся в боях рядовых и унтер-офицеров, что практиковалось в основном в Донской армии в связи с недостатком в офицерских кадрах. Выпуски офицеров из военно-учебных заведений на Юге России осуществлены не были, первый офицерский чин обучающимся был присвоен лишь в эмиграции.

В целом военный аппарат внутренней контрреволюции на Юге России с комплектованием командного состава справился, что во многом объяснялось их дислокацией на юге страны к началу Гражданской войны. Так, к началу зимы 1918 г. на юге страны находилось около 135 тыс. офицеров³⁰. Недостаток в офицерах из состава Вооруженных сил Юга России ощущался только в Донской армии.

¹ ГАРФ, ф. 1255, оп. 1, д. 99, л. 1–2.

² Павлов В.Е. Второй поход на Кубань. Марков и Марковцы. М., 2001. С. 202.

³ РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 128, л. 259.

⁴ Герцог Г. Лейхтенбергский. Как началась «Южная армия». Архив русской революции. Т. 7—8. М., 1991. С. 168.

⁵ Слезкин Ю. Летопись пережитых годов. Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. М., 2002. С. 136.

⁶ Деятельность Таганрогского центра Добровольческой армии. Белый архив: Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения. Т. 2—3. Париж, 1928. С. 135.

⁷ В зоне немецкой оккупации весной 1918 года. 1918 год на Украине. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. — М., 2001. С. 114; Доклад о деятельности Киевского центра Добровольческой армии. Белый архив: Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения. Т. 2—3. Париж, 1928. С. 120.

⁸ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 65.

⁹ Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России. (1917—1922 гг.). М., 1996. С. 48.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Т. 4. Белое движение: История русской революции. М., 2000.

¹¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Ч. 5. К. 12. California, 1937. С. 16.

¹² К истории французской интервенции на юге России (декабрь 1918 — апрель 1919) // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 9.

¹³ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белое дело. Добровольцы и партизаны. Кн. 6. М., 1996. С. 291, 292.

¹⁴ Павлов В.Е. Марковцы под Армавиром и в Ставрополе. Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. М., 2002. С. 353.

¹⁵ Цветков В.Ж. Белые армии юга России. 1917—1920. М., 2000. С. 25.

¹⁶ Гагужев Р.Г. Источники комплектования и социальный состав. Марков и Марковцы. М., 2001. С. 438.

¹⁷ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. М., 2002. С. 376.

¹⁸ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Ростов-на-Дону, 1991. С. 113.

¹⁹ Оболенский В.А. Крым при Деникине. Белое дело. Белый Крым. Кн. 11. М., 2003. С. 19.

²⁰ Левитов М. Корниловцы в боях летом — осенью 1919 г. Поход на Москву. Россия забытая и неизвестная. Белое движение. М., 2004. С. 24.

²¹ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белое дело. Добровольцы и партизаны. Кн. 6. М., 1996. С. 319.

²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Т. 4. Белое движение: История русской революции. М., 2000.

²³ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белое дело. Добровольцы и партизаны. Кн. 6. М., 1996. С. 260, 261.

²⁴ Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 489.

²⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 185.

²⁶ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское. Белое движение: История русской революции. М., 2000.

²⁷ Венков А. Донская армия // Родина. 2004. № 5. С. 93.

²⁸ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 134.

²⁹ Елисеев Ф.И. С Хоперцами. Дневники казачьих офицеров. На великом переломе. Россия забытая и неизвестная. М., 2004. С. 392.

³⁰ Шувалов А.А. Командный состав Белого движения и Красной Армии «добровольческого» периода формирования (осень 1917 — лето 1918 гг.). Брянск, 2011. С. 61.

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ КУЛЬТУРА И ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА «ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ» В РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ЗАЙЦЕВА,

кандидат философских наук,

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии

Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: sicleph@rambler.ru

Научная специальность 09.00.13 — философская антропология, религиоведение, философия культуры;

09.00.11 — социальная философия

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы единства и борьбы в изучении «коэволюции» традиционной культуры и современной цивилизации; религиозной и культурной самоидентификации современного человека в обществах закрытого и открытого типа. Выявляются основания таких противоречий, которые определяют понимание личности как носителя этих типов культур.

Ключевые слова: личность, культура, цивилизация, самоопределение, религия, догмат, нравственность, духовность.

Annotation. The article dwells on the notion of unity and struggle in view of traditional culture and modern civilization co-evolution; the issues of religious and cultural self-identification of a modern human in close- and open-type societies. The author uncovers the roots of such contradictions to determine the concept of personality as of a bearer of these cultures.

Keywords: personality, culture, civilization, self-determination, religion, dogma, morality, spirituality.

В современной картине мира, строящейся философами, культурологами, футурологами, физиками и другими специалистами, центральное место занимает вопрос постчеловеческого будущего. Перспективы существования человека, человечества, цивилизации как современного этапа развития культуры волнует особенно тех, кто понимает все сложности, а порой даже пугающие перспективы сегодняшних и будущих взаимоотношений современного человека и природы как физической и биофизической, синергетической «человекомерной» реальности. Спектр проблем очень широк — от вопроса о необходимости единства в теоретических подходах к изучению живого и неживого до полного переосмысления места сознания человека как особой творческой деистической созидательной (разрушающей) природы силы, становящейся самостоятельной, независимой от природных закономерностей и психофизических принципов развития всего живого.

Поле исследований в рамках данной темы обширно. Но отправным и конечным пунктом в духе современных исследований соотношения и взаимодействия культур является человек, личность. Особенно эта исследовательская традиция характерна для западной цивилизации, где существует продолжительный исторический опыт персоналистической традиции, человекоориентированной, личностноориентированной ментальности. Нас, в частности, интересует проблема человека, личности в современной социальной картине мира.

Вопрос о соотношении понятий «культура» и «цивилизация» уже давно решен культурологами и философами христианского мира в своем аспекте. Если говорить условно, то культура — это «душа» цивилизации, которая бессмертна, т.е. культура первична, цивилизация вторична, и является завершающим этапом развития культуры. Так, после смерти цивилизаций майя, ацтеков мы до сих пор с инте-

ресом изучаем их культурное наследие, тем самым продляя жизнь этих древних культур. «Душа» цивилизации целостна и зиждется на триединстве языка, религии, самой культуры, в чем она и проявляется на уровне национального сознания и поведения¹. В этом контексте интересное определение культуры дает В.С. Степин, называя культуру «сложной исторически развивающейся системой надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (знания, обычаи, верования, идеалы, правовые и этические нормы, ценности, мировоззренческие установки и т.д.), закрепленной в различных видах социокодов»².

Он же делает вывод о том, что на культуре базируются программы прошлого настоящего и будущего. Программы прошлого имеют генетическую природу, не поддаются в полной мере осознанию и усваиваются потомками в процессе деятельности через подражание. Программы настоящего считаются современниками как традиционные образцы, устойчивые и выверенные многолетним культурным опытом. Программы же будущего не определены, они не сложились как виды массовой деятельности людей, выполняются локально и еще не стали нормой, частью общепринятого социального образца.

Развивая интересную мысль В.С. Степина, можно упомянуть о том, что разные типы культур, в первую очередь, открытые и закрытые, имеют собственный особый взгляд на перспективы приживания появляющихся инноваций, претендующих на нормирование, на статус общепринятых образцов социального поведения.

В традиционалистских обществах программы будущего относительно прозрачны и социальное большинство знает о будущем то, что описано в священных религиозных книгах, что можно узреть в обрядах, духовных практиках. Вероятно, это связано с тем, что в традиционалистских, чаще всего закрытых, обществах в «триединой матрице» первичным источником развития социальных форм поведения, а значит и его общепринятых нормированных образцов, является религия. Религиозные догматы таких обществ рассматриваются многими светскими критиками как косные конструкции, не отвечающие объективной временной трансформации общественного сознания, социальным требованиям и установкам меняющимся под влиянием инноваций. Такое понимание рели-

гиозных догматов и их роли в устойчивости и гармоничности, поступательности развития культуры является односторонним. Понятие религиозных догматов равнозначно понятию аксиом; для большинства представителей традиционного общества они понятны и абсолютны, удобны и действенны. Истинность религиозных догматов не требует каких-либо подтверждений для представителей традиционалистских религиозных культур. Но важно то, что эти догматы как основы религиозной составляющей закрытых культур, социальные надпрограммы будущего, в отличие от современных открытых культур-цивилизаций, определяют перспективы развития общества и личности, народа, человечества в целом не в этой материальной реальности, а в будущей духовной реальности, в измерении, открывающемся после смерти. В этом пункте идеи перспективного развития культур и цивилизаций расходятся (если под цивилизацией понимать технократический этап развития культуры).

Всплески инновационных идей и их воплощения в виде достижений науки и техники (сферах экономики, политики, киберпространства и др.) в открытых культурах-цивилизациях ускоряют темпы их развития и меняют вектор качественного развития духовно-ценностной базы от «косных и устаревших» религиозных основ к утилитарно-прагматическим идеалам. Они, в свою очередь, недолговечны и зависимы от потребностей экономических кругов, обеспечивающих этот самый научный и экономический прогресс.

В этом ключе, сравнивая традиционные религиозные культуры и современные открытые культуры-цивилизации, можно проследить изменение качественного содержания духовных, материальных приоритетов и мировоззренческих идеалов. В традиционной религиозной культуре содержание принципа справедливости распределения жизненных благ, как и проявление этого принципа в наказании за проявленную в отношении ближнего несправедливость, не зависит от человека, это содержание определено свыше. Поэтому на человеке и не лежит груз ответственности за неправильное употребление этого принципа. В современной же открытой культуре-цивилизации справедливость имеет множество толкований: от субъективных личностных до объективных глобальных. На практике принцип справедливости

реализуется через жесткие законы разного рода конкуренции, в которой каждый субъект социального взаимодействия руководствуется своим видением этого принципа, вплоть до циничного «закона» — «правда не должна мешать истине», где «истина» зачастую собственная нажива, а «правда» — это социальная инсценировка «истины» для достижения своих целей (от личностных до геополитических и стратегических выгод на государственном уровне). Так, в открытой инновациям культуре сильный и самовластный человек-творец может рассчитывать только на себя, а не на высшие силы, как в традиционной, что меняет психоэмоциональную составляющую его самоопределения. Он может рассчитывать только на счастье, добытое собственным трудом; надежды на чудо современный человек себя лишил, так как никого над собой не оставил, чудо заключено в самом человеке (часто слабом, немощном, болезненном, порой безжизненным). У представителя традиционной культуры Запада есть надежда на чудо милости Божьей и прощения за нарушение установленных Им законов справедливости для человека. Сила такого человека состоит в мере осознания своих слабостей; так, излечиваясь от «бреда самомнения», за которым часто стоит одиночество, он видит величие другого человека и не завидует в этом ему, потому что того тоже любит Бог. Так, в традиционалистской культуре верующий человек никогда не останется одинок. Он будет не меньше, чем часть «триединства» — он, Бог и ближний, через истинное понимание восхищения величием которого и снисхождения к слабостям которого и проявляется любовь к Богу.

Таким образом, путь развития современных открытых культур-цивилизаций имеет человека источником и целью развития в ограниченных материальной действительностью рамках. Имея отправным пунктом всех идей развития человека и личности, западная персоналистическая традиция к ним же и сводит усилия по ее изучению с целью сделать жизнь человека счастливее, а значит, преследует гуманистические цели и руководствуется гуманистическими идеалами. Но утилитарно-прагматические идеалы «человекобога», порождаемые им инновационные идеи вращаются круговоротом вокруг фрейдовского «принципа удовольствия». В современной откры-

той западной культуре, ее персоналистической традиции, после популяризации идей З. Фрейда, принцип удовольствия является стержнем современной личности, и, вместо облегчения жизни человека и приближения его к счастью в развитой человекоориентированной культуре, накладывает на него еще более тяжкое бремя культурного самоопределения в полном одиночестве. Даже прошлое человечества, «надбиологические программы прошлого» (по В.С. Степину), сциентическое сознание ученого XIX—XX в. ограничено материальными рамками (теория эволюции).

В. Франкл в своей работе «Человек в поисках смысла»³ разводит в стороны понятия «удовольствие» и «смысл жизни». Он подчеркивает уникальность и ценность личностного жизненного опыта, поиска смысла. Каждая жизненная ситуация ценна обретением смысла, и уход от этих ситуаций означает уход от поиска смысла, от возможности получения бесценного опыта. В. Франкл отмечает, что люди порой даже «уходят от смысла» в область «экзистенциального вакуума», чтобы отстраниться от болезненного опыта. В. Франкл писал: «Гораздо позже я понял смысл страдания. Оно может иметь смысл, если меняет к лучшему тебя самого. Недостаток успеха никогда не означает утрату смысла жизни. Но если ограничить смысл только одной жизненной ценностью, пусть и важной, это оборачивается личной трагедией — уходом в «экзистенциальный вакуум». Это характеризует современного человека. Многие блага, которые может дать современному человеку цивилизация, достижимы в обозримом будущем его жизненного пути, его онтогенеза. Кроме того, эта антропоцентрическая цивилизация создала все условия для успешного и легкого преодоления трудностей на пути к цели. Получив желаемое, человек испытывает радость, но кратковременную, за ней наступает пресыщение и даже опустошение, обесценивание ценностей. Человек становится черствым и холодным циником, за чем стоит душевная боль, духовная нищета, пустота и разочарование. Жизнь превращается в погоню за мнимыми благами, в этой погоне есть проблемы радости и удовольствия, но в целом основные смыслы не обретаются. В этом болезненном осознании человек часто отказывается, отрекается от смыслов, сосредотачиваясь на самом процессе до-

стижения конкретных целей, в котором и начинает находить удовольствие и временное, мнимое успокоение. В духовной нищете одинокий человек, утративший высшие духовные ценности и идеалы, заменяет их суррогатами, следование которым снимает психологическое напряжение, поддерживает жизнь тела, но дух оставляет страждущим, больным.

Поиск смысла жизни и стремление к счастью (по В. Франклу) не равнозначны. Стремление к счастью само по себе не может быть смыслом человеческого существования. Удовольствие не в силах придать нашей жизни осмысленность. Отсутствие удовольствия вовсе не умаляет смысла жизни. Основной мыслью В. Франкла является идея о том, что жизнь не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах. Так, в рамках философско-религиозного и культурологического анализа в изучении современного и традиционного религиозного взгляда на человека и личность существует серьезная преграда в диалоге этих направлений по вопросу обретения смысла, счастья, ценностей в основной смыслообразующей составляющей человека.

В «горизонт событий» современной науки XXI в. включились саморазвивающиеся системы, и их изучение, согласно третьему началу термодинамики, поставило задачу создания парадигмального конструкта, в котором генезис явлений любой природы понимался бы в едином ключе. Так, синергетика примирила эволюционную теорию с физикой космоса в духе идей И. Пригожина, родоначальника теории синергетики.

Синергетические идеи развития открытых систем приложили и к культурогенезу, они стали ключевыми в попытке ученых преодолеть мировоззренческие последствия дифференциации научного знания.

Любая открытая система способна к саморазвитию, усложнению организации и переходу на новый качественный уровень развития или обратным процессам. Методология изучения природы космоса, человека, животного и растительного мира, культуры стала единой. Мир обретает единый когнитивный фундамент. Но особенности исследования открытых субъект-субъектных систем, порожденных человеческим гением и человеческой деятельностью, имеет ряд принципиальных отличий от отстраненно автономного исследования физики кос-

моса или роста кристаллов. В саморазвивающихся культурных системах неотделимы субъект и объект исследования, они взаимодополняемы и взаимозависимы, так же, как в культурах замкнутого типа (так как абсолютно закрытых, автономных культур не существует, хотя бы экономически автономно не может существовать ни одна современная культура).

Особенностью исследования культурных и цивилизационных систем является этическая составляющая науки, которой в сегодняшних условиях и темпах развития цивилизации уже недостаточно. Наука уже продемонстрировала свою недальновидность в перспективных конструкциях цивилизации порождением глобальных проблем современности, а также беспомощность в решении многих из них. Этическая составляющая современной культуры сознания современного человека сегодня должна быть как никогда востребована в помощь часто близорукой науке. Возвращаясь к триединой основе любой культуры: религии, языку, культурным традициям (обычаям, обрядам), напомним, что укрощающим фактором «технологического шторма» современной цивилизации эффективнее всего оказывается культурный этнос. Религиозный ренессанс, в частности в России, — одно из подтверждений актуализации поиска смыслообразующих, духовных и ценностных ориентиров в самоопределении современного человека, успешного, например, в бизнесе, политике, но одинокого, отчужденного, страшщегося своего будущего.

Наука остается таковой. Ее доказательные атрибуты и методологические законы, проверенные временем, незыблемы. Этическая направленность методологических перспектив современной науки поможет ей, а не помешает отыскать оптимальные пути единения духа и души, разума и веры, личности и общества, свободы и ответственности. Это отправной пункт появления новых интегральных научных ценностей в рамках открытой развивающейся культуры. Это не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение, представляющее одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития.

В начале нашего рассмотрения этот аспект проблемы взаимодействия и противостояния куль-

туры и цивилизации разводит в стороны «предков» и «потомков» — культуру и цивилизацию. В итоге мы приходим к выводу, что «единство, а не противоположности» можно определить во взаимодействии науки и традиционных этико-культурных ценностей в понимании интегрированного развития современной культуры становящегося многополярным мира.

Современная культура-цивилизация поощряет инновации, особенно инновации, представляющие для человечества перспективные программы, сценарии для будущего. В рамках открытой западной культуры появляются специалисты, для которых разработка таких программ является профессией.

Пожалуй, наиболее объемная и полномасштабная характеристика изменчивости и переменчивости современного мира, описываемого с позиции внедрения инноваций, содержится у известного американского футуролога Э. Тоффлера⁴.

Согласно Э. Тоффлеру, современное человечество отрезало «себя от старых способов мышления, восприятия и адаптаций. Мы расчистили сцену совершенно новому обществу и теперь устремляемся к нему»⁵.

В свою очередь, «устремляющееся» человечество ждет «шок будущего» — «это конкретная сила, которая глубоко проникает в нашу частную жизнь, заставляет играть новые роли... ставит нас перед лицом опасности новой и сильно подрывающей душевное равновесие психологической болезни. Эту новую болезнь можно назвать «шок будущего»⁶. «Шок будущего — это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую. Это шок культуры в собственном обществе»⁷.

В своей концепции Э. Тоффлер, безусловно, верно охарактеризовал происходящие в современном мире изменения и процессы, отличающиеся ярко выраженной новизной и изменчивостью. Однако, и это нельзя не отметить, работа носит некий односторонний характер: свои выводы и рассуждения Э. Тоффлер основывает исключительно на анализе процессов, которые свойственны только ограниченному кругу стран. Свою работу он основывает на примерах культурного развития, анализе только таких стран, как США, Канада, Великобритания⁸. Сегодня генераторами процессов, происходящих

в быстро меняющемся мире, являются уже Китай, Индия.

Одной из особенностей современного культурогенеза следует признать не сам факт возникновения и появления его новых форм, а реакцию людей на их появление⁹.

В этих изменениях, благодаря этической составляющей научной рациональности, инновационности, открываются также новые возможности диалога культур, о чем говорит и В.С. Степин. «Многое из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки»¹⁰.

Развитие в закрытых традиционных религиозных культурах понимается линейно, поступательно. Человечество в сознании их представителей не появилось по счастливой случайности из опаринских коацерватов, а создано свыше не по своей воле. Так же и завершит свое земное существование человек и человечество по предопределению свыше. Реальность в традиционалистской культуре двумерна, но едина.

Изначально мы ограничили аспект рассматриваемой проблемы с масштабов современной картины мира до социальной. Но древний человек интуитивно понимал, что он часть вселенной, видимой и невидимой, понимаемой и принимаемой на веру... Античный космизм совершенно четко определял место человека как части живого природного организма. Такое понимание свойственно всем традиционалистским культурам. Сегодня эти идеи как никогда актуальны и созвучны с духом синергетической парадигмы, которая стала настоящим науки. Подводимый под научное знание эмпирический фундамент и дифференциация науки прервала единый до XVIII в. мировоззренческий контекст в понимании места человека в природе и соотношения масштабов и силы его преобразующей деятельности с природной.

Современная наука сегодня пытается построить «человекомерную» реальность, в которой человек остается «мерой всех вещей», но не имеющей морального права оказывать преобразующую силу геокосмических масштабов на природу, осознавая, что сам является лишь уровнем самоорганизующейся геосистемы. Синергети-

ческие законы в представлениях о природе дают современному человеку возможность прогнозировать вероятностные направления развития природных, общественных, и внепланетных систем, планировать для их изучения стратегические методологические модели, основывающиеся на кооперативном принципе взаимодействия. Не всегда система ответит ожидаемым качеством и новыми уровнями организации, необходимыми и запланированными человеком, но в критических ситуациях, в условиях ослабления устойчивости системы даже малое воздействие на нее извне (в точки бифуркации) может привести к качественному скачку в развитии, но может — и к противоположному результату. В этом состоит нелинейный принцип развития открытых систем, о котором «предусмотрительно догадывались» представители закрытых традиционных религиозных архаичных и современных культур, «великодушно и благоговейно» уступая креационному началу высшей силы, ей же уступая и ответственность за все происходящее в целом. Сегодня идеи древних созвучны в своих онтологических основаниях с попытками создать синергетическую картину мира современным знанием. Восточная даосская мудрость призывает не мстить врагу, а ждать, когда его зло обернется на его голову — идея «непротивления злу насилием». «Все течет, все меняется» Гераклита несет в себе идею неизбежности перемен, в которой прослеживается постоянство законов мироздания. Принцип «у-вэй», существовавший в традиционном Китае, предлагал минимальное воздействие, соотношенное с чувством ритма и пониманием. Разница в том, что человек в даосской этике — просто часть мира, а в христианской этике — образ и подобие Бога, наделенное бессмертной душой и свободной волей, т.е. существо подобное Творцу. И Бог христианский персонифицирован.

В своих рассуждениях на круглом столе, посвященном цивилизационному пути русской культуры, В.С. Степин подводит слушателей к выводу о стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами, в которых возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как

жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «Дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали, как понимать «Дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию ценностей, резонирует с представлением о связи истинности и нравственности, свойственным традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада¹¹.

¹ Куда идет российская культура?: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. № 9. 2010. С. 3—59.

² Там же. С. 7—38.

³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: «Прогресс», 1990. С. 37—38.

⁴ Зайцева Н.В. Культура и индивид XXI в. в персоналистическом отражении в условиях поступательной инноватики: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2004 / Научная библиотека диссертаций и авторефератов: disserCat // <http://www.dissercat.com/content>.

⁵ Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 30.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Зайцева Н.В. Культура и индивид XXI в. в персоналистическом отражении в условиях поступательной инноватики: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2004 / Научная библиотека диссертаций и авторефератов: disserCat // <http://www.dissercat.com/content>.

⁹ Там же.

¹⁰ Куда идет российская культура?: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. № 9. 2010. С. 72.

¹¹ Куда идет российская культура?: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. № 9. 2010. С. 73.

СВОБОДА ВЫБОРА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА ВОЛКОНСКАЯ,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: volkonskayaek@mail.ru

ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ВОЛКОНСКИЙ,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью
Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского*

E-mail: scenton@yandex.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Понятие свободы личности рассматривается в аспекте политико-правовых связей личности и государства. В демократическом государстве пространство свободы личности определяется ее правовым статусом и основано на свободе выбора и ответственности личности перед обществом и своими согражданами.

Ключевые слова: свобода личности, свобода выбора, социальная ответственность, демократическое государство.

Annotation. The concept of personal freedom is viewed in the light of political-legal relations between the person and the state. In the democracy personal freedom is determined by its legal status and is based on the freedom of choice and personal liability to the state and fellow citizens.

Keywords: personal freedom, freedom of choice, social liability, democratic state.

Политическая ценность личности в обществе проявляется через развитие и осуществление ее прав и обязанностей. Как гласит известный юридический постулат, не существует прав без обязанностей и обязанностей без прав. Сущность политической ценности личности, прежде всего, проявляется через закономерности взаимосвязей между внутренней свободой личности и возможностью ее проявления в юридически закрепленных правах и обязанностях. Свободы, вытекающие из естественного права, неотчуждаемых природных прав человека, постепенно подвергаются правовой оценке и правовой защите.

В демократическом государстве установленная им система обязанностей определяет целесообразный, социально полезный и необходимый вариант поведения личности. Однако, возможно поведение, которое основано на иной нормативной ориентации. В таком случае личность избирает нормы, противоречащие требованиям, заключенным в обязанности, и, тем самым, нарушает правовые нормы, т.е. легитимную форму свободы.

Режим законности — незыблемая основа порядка, стабильности в государстве, обществе, в жизни каждого человека. В теории государства и права принято рассматривать законность как безусловное неуклонное соблюдение предписаний и правовых законов. Вместе с тем, практика функционирования общества и государства, особенно в перестроечный период, показывает, что законность формируется непосредственной деятельностью общества и лишь закрепляется нормотворчеством государства. Поэтому, опираясь на Конституцию Российской Федерации, особенно на ст. 18, исходим из того, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹. При этом государство формирует запреты, направленные на защиту свободы всех членов общества. Подобного рода ограничения объективно необходимы. Без них

право превращается в противоположность — в произвол².

Чем ближе демократическое государство к модели правового государства, тем полнее, богаче содержание прав, свобод и обязанностей личности, надежнее гарантии прав и свобод.

Одной из важнейших, главных идей Конституции Российской Федерации является идея свободы личности. Но свобода людей не является абсолютной, она всегда относительна и конкретна и представляет собой возможность выбора и предпочтения, которая объективно соответствует их интересам. Все сферы действия правового статуса личности в единстве прав и обязанностей — это «пространство свободы», основанное на свободе выбора и ответственности личности перед обществом и своими согражданами. Как справедливо подчеркивает Ю.В. Тихонравов, демократическое общество — это общество социальной свободы и справедливости³. Свобода личности должна быть совместима с благом общества, а благо общества не может основываться на несвободе личности.

Будучи урегулирована юридическими установлениями, свобода людей выступает в форме правовой свободы личности, т.е. свободы индивида в пределах, определенных правовыми нормами. Если объективно оценивать значение правовой свободы личности, она, по мнению А.А. Югова, есть самая реальная форма свободы человека. Во-первых, она является наиболее определенной в силу ее законодательной регламентации. Во-вторых, именно в связи со своей формальной определенностью может быть гарантирована. В-третьих, ни одна другая форма свободы личности не гарантирована столь надежно и стабильно, поскольку ее гарантом является самая мощная структура политической системы — государство, а в случае принятия закона на референдуме — и весь народ⁴.

Разнообразные формы проявления сущности и содержания правовой свободы личности могут рассматриваться как общее, особенное и частное. Общее объективируется через институт «конституционный статус личности», особенное проявляется как специальный правовой статус человека и гражданина, а частное выступает в виде индивидуально-конкретизированного правового статуса отдельно взятого лица⁵.

История разных государств показала высокую опасность для общества замены человека «свободно-

го» и «ответственного» человеком манипулируемым. Манипулирование не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, что желают другие, — оно заставляет его хотеть это сделать⁶. Искусно распространяемая по цифровым сетям информация создает стимулы для необходимых политических реакций. Распространяются не идеи, а стимулы, т.е. используются психологические трюки, которые вызывают определенные чувства, эмоциональные порывы и политические действия. Так, через единый поток информации с помощью манипулятивных технологий можно превратить гражданское общество в огромную толпу, хотя и не собранную в одном месте. В связи с этим на первый план выдвигается вопрос ответственности и ее роли в принятии свободных решений личностью. Таким образом, существование свободного общества возможно при соблюдении ее членами следующего условия: руководствоваться в своих действиях чувством ответственности, которое превыше обязанностей.

С 2000 по 2014 гг., в результате «цветных революций», произошла смена правящих режимов в Югославии, Украине, Грузии, Киргизии, Молдавии, Египте, Ливии, Тунисе. Искусственный характер «цветных революций» проявился в применении специальных технологий мобилизации общественного протеста, используемого как ударная сила для «сноса» политической элиты. Продемонстрированы беспрецедентные возможности традиционных и новых (Web 2.0) медиа, открывших новые горизонты для проекции «мягкой силы» в любую точку мирового пространства и «высокотехнологичного» смещения неугодных режимов⁷. Так, для привлечения союзников протестующие используют новые интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно. Для посетителей социальных сетей создается впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей, однако в действительности число реально протестующих и протестующих в сети отличается многократно. Применяемые технологии имеют во многом универсальный характер и, как показывает практика, весьма эффективны.

На современном этапе развития общества социальная ответственность охватывает не только отношение личности к своим правам, к их наиболее активному осуществлению и использованию в интересах общества, но и отношение личности к

своим обязанностям, которые связаны с осознанием долга и необходимости выполнения правовых требований. В юридической науке ответственность подразделяется на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную). Позитивная юридическая ответственность понимается как долг, позитивная обязанность, вытекающая из социальной, служебной и иной роли субъекта. Негативная юридическая ответственность возлагается за совершенное деяние (правонарушение). Поэтому социальную ответственность следует рассматривать одновременно как необходимость определенного поведения и как негативные юридические последствия, которые наступают в случае невыполнения обязанностей.

Свобода личности и ее ответственность выражают объективную предпосылку правомерного поведения и его осуществления в соответствии с интересами общества в демократическом государстве. Руководствуясь этими интересами, демократическое государство обеспечивает выполнение обязанностей и определяет запреты, используемые для надлежащего дозирования прав и свобод, отвечающего интересам общества и государства, каждого человека⁸. Правовой статус личности в демократическом обществе обеспечивает координацию действий личности и государства, социальной системы в целом. Принцип ответственности делает ее более действенной.

Вместе с тем, конституционные права, свободы и законные интересы личности получают эффективную реализацию лишь при наличии прочных гарантий, которые создает не только само государство в лице органов государственной власти и их должностных лиц, но и непосредственно граждане в лице институтов гражданского общества. Демократическое государство несет ответственность за правильное, научно обоснованное закрепление в законодательстве того объема свободы личности, который соответствует достигнутому этапу общественного развития, в том числе механизма восстановления нарушенных прав и применения санкций к лицам, виновным в нарушении своих обязанностей. С дальнейшим развитием институтов гражданского общества в России, усилением общественного контроля за государственной властью, демократизацией всех сфер общественной жизни, в том числе процессов, происходящих в политической системе страны, а также укреплением доверия

граждан к органам государственной власти и органам местного самоуправления расширится и спектр не только политических, но и социально-экономических, духовно-культурных и иных гарантий конституционных прав, свобод и законных интересов личности⁹.

Таким образом, положение человека в демократическом государстве отличается от его положения в недемократическом, тоталитарном государстве высокой степенью организованности общества, его активной политической позицией, умением отстаивать свои жизненно важные интересы, гармонично взаимодействуя с государством. Конечной целью такого взаимодействия являются обеспечение свободы личности. Тем самым достигается такое соотношение между личностью и государством, которое позволяет им нести равный груз взаимной ответственности. В демократическом обществе у человека значительно расширены возможности осуществления маневра в пределах права выбора. Права человека в таком обществе более надежно защищены. В то же время, именно личность несет ответственность за сделанный выбор, в том числе, политический и правовой выбор, если, конечно, у нее имелась свобода проявления собственной воли, т.е. свобода выбора. Действительная реализация свободы личности ведет к творчеству, самоотдаче, развитию отдельной личности и общества в целом.

¹ Конституция Российской Федерации. М.: 2014. С. 10.

² См.: *Лебедев В.А.* Ограничение политических прав и свобод граждан в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 20.

³ См.: *Тихонравов Ю.В.* Основы философии права. М., 1997. С. 199.

⁴ См.: *Югов А.А.* Конституционный статус личности - ядро правовой свободы личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 4.

⁵ См.: *Югов А.А.* Конституционный статус личности - ядро правовой свободы личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 5.

⁶ См.: *Арутюнян А.Ш.* Ответственность и свобода // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 2. С. 2.

⁷ См.: *Овчинский В.С., Сундиев И.Ю.* Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI в. (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб — Институт динамического консерватизма [сайт]: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466> (дата обращения 06.04.2014).

⁸ См.: *Бережнов А.Г.* Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 44.

⁹ См.: *Калашиников С.В.* Политические гарантии обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов личности в условиях формирования гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 5.

Посвященный научным трудам Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Специальный выпуск

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТАРАСОВА,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: tarasovairina2@rambler.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Приводится материал о взаимодействии Министерства внутренних дел Российской империи и органов местного самоуправления в деятельности по организации общественных работ в губерниях, пострадавших от неурожаев в конце XIX — начале XX в.; делается вывод об эффективности такого взаимодействия.

Ключевые слова: министерство, общественные работы, помощь, поддержка, органы местного самоуправления.

Annotation. The article below contains information concerning cooperation between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and local governments in organizing public works in provinces stricken by crop failure in the late 19th — early 20th century. The author arrives at the conclusion that it was effective cooperation.

Keywords: ministry, public works, assistance, support, local governments.

Природно-климатические условия дореволюционной России последней четверти XIX — начала XX в., а также особенности ее исторического развития сделали необходимой заботу государства об обеспечении народа продовольствием, что было связано, прежде всего, с почти непрерывно повторяющимися неурожайными годами (каждые 6—7 лет). Среди неурожайных лет этого периода следует отметить 1880, 1882—1883, 1885—1888, 1891—1892, 1897—1898, 1901, 1905, 1906, 1911 гг.¹

Примитивное сельскохозяйственное производство почти полностью зависело от природных явлений и было способно обеспечить достаточный объем продукции только на плодородных почвах. Общая хозяйственная беспомощность сельского населения перед стихией усиливалась отсутствием надежных заработков, кроме земледелия. Результат всего этого — огромный ущерб в неурожайные годы, способствующий обнищанию значительной части сельского населения и негативно влияющий

на социально-экономическую ситуацию во всей Российской империи².

В своей работе «Земство и общественные работы», изданной в 1905 г., известный дореволюционный исследователь В.А. Гаген писал: «Недород хлебов, ставший за последние годы столь обычным явлением в жизни русского крестьянства, естественно, должен был выдвинуть на первый план и привлечь внимание общества и правительства на продовольственный вопрос, а вместе с ним и на те мероприятия, которые ставят своей целью «облегчение перенесения населением бедствий от неурожая»³. В связи с этим одним из самых важных направлений государственной социальной политики становится обеспечение народонаселения продовольствием на случай неурожая, осуществление мероприятий с целью нейтрализации его последствий и предотвращения голода и обнищания населения России.

С созданием в 1802 г. Министерства внутренних дел (далее также МВД) обеспечение продовольстви-

ем вошло в ведение Хозяйственного департамента⁴ и с этого времени становится одним из самых важных направлений деятельности Министерства внутренних дел по реализации социальной функции государства.

В первой половине XIX в. обеспечение «народного продовольствия» в Российской империи было связано с организацией и функционированием запасных хлебных магазинов. В условиях неразвитости путей сообщения и хлебной торговли их значение было очень велико, так как позволяло в случае неурожая спасти от голода большое количество населения.

В период буржуазно-демократических реформ второй половины XIX в. произошло реформирование системы обеспечения народного продовольствия. Положением о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. на местах создавалась система выборных органов самоуправления (земств), в ведение которых законодателем были переданы дела, относящиеся «к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда», в том числе и «меры обеспечения народного продовольствия»⁵. Таким образом, руководство продовольственным обеспечением населения Российской империи было передано земским учреждениям.

Несмотря на то, что за Министерством внутренних дел осталась лишь функция наблюдения за организацией продовольственного обеспечения населения земствами, его деятельность в данной сфере оставалась достаточно активной. Тем более, что между чиновниками МВД и земскими учреждениями были значительные разногласия. Так, уже с середины 1860-х гг. между ними постоянно шли дискуссии о форме хранения продовольственных запасов сельских обществ. Большинство земств высказывалось за повсеместную замену хлебных запасов денежными капиталами. В свою очередь, чиновники Хозяйственного департамента МВД настаивали на сохранении запасных хлебных магазинов, приводя доводы о неразвитости железнодорожного сообщения в Российской империи и возможных затруднениях при доставке хлеба в отдаленные местности⁶.

Свое стремление избавиться от надзора за запасными хлебными магазинами земства стремились реализовать и на практике, регулярно обращаясь к министру внутренних дел с ходатайствами об

упразднении хлебных запасных магазинов и замене их денежным сбором с крестьян. Однако, МВД считало такой переход преждевременным и отклоняло подобные ходатайства⁷.

Между тем, на 1891 г. приходится сильнейший неурожай, который поразил значительную часть крестьянских хозяйств Российской империи и вызвал, по мнению чиновников Хозяйственного департамента МВД, «не только полное истощение общеперских и по многим губерниям местных продовольственных средств, но и потребовал громадных жертв со стороны правительства»⁸.

Рано наступившая холодная, малоснежная зима и жаркое, засушливое лето привели к гибели как озимых, так и яровых посевов. Особенно сильно от неурожая пострадали Воронежская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Вятская, Уфимская, Курская, Орловская, Тульская, Костромская, Астраханская, Пермская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Херсонская, Харьковская, Тобольская губернии. В большинстве пострадавших губерний прошли экстренные уездные и губернские земские собрания, на которых были приняты резолюции с просьбами о помощи, обращенными к правительству и Министерству внутренних дел⁹.

Согласно сведениям, представленным органами местного самоуправления в Хозяйственный департамент МВД, запасы зерна, предназначенные для ликвидации последствий продовольственных кризисов, в большинстве губерний практически отсутствовали. Большая часть из них была израсходована еще для преодоления последствий неурожая 1879—1880 гг., а «пополнение запасов производилось крайне медленно»¹⁰, что, как представляется, было следствием недостаточно эффективного функционирования сложившейся системы продовольственного обеспечения населения.

В результате осенью 1891 г. возникла реальная опасность голода и краха сельского хозяйства в Российской империи. Сложившаяся ситуация потребовала активного вмешательства государства. Однако реакция царского правительства была замедленной, так как первоначально оно недооценивало тяжесть сложившейся ситуации. В результате к активным действиям по ликвидации последствий неурожая и предотвращению голода Министерство внутренних дел приступило лишь осенью 1891 г., когда в пострадавших губерниях уже начался голод.

Осознав весь масштаб бедствия, царское правительство стало активно осуществлять как государственную помощь через Министерство внутренних дел, так и активно привлекать средства общественных благотворительных организаций и частных лиц.

Начиная с сентября 1891 г. в пострадавшие губернии отправлялись сотни добровольцев для оказания помощи голодающим, местные благотворительные организации и частные лица открывали бесплатные столовые, хлебопекарни, осуществляли раздачу хлеба, денег, оказывали помощь больным, истощенным детям¹¹.

Среди мероприятий по ликвидации последствий неурожая 1891 г., осуществляемых Министерством внутренних дел совместно с органами местного самоуправления, следует выделить организацию общественных работ. Уже летом 1891 г. крестьяне пострадавших губерний столкнулись с безработицей. Значительная часть сельского населения не имела не только зерна, позволяющего дожить до следующего урожая, но и возможности найти работу и прокормить себя и свою семью.

Чтобы занять голодающих крестьян общественно-полезным трудом и предоставить им возможность питаться самостоятельно на заработанные деньги, царское правительство приступило в организации масштабных общественных работ. С этой целью губернаторы пострадавших от неурожая губерний должны были представить в Министерство внутренних дел списки лиц, «могущих быть полезными при организации общественных работ». По предложению министра внутренних дел И.Н. Дурново на организацию и оплату работ было выделено безвозмездно 10 млн руб.¹².

Следует отметить, что планируемые общественные работы отличались разнообразием. Предполагались такие мероприятия, как ремонт грунтовых дорог, строительство амбаров и элеваторов, хозяйственная заготовка леса, постройка школ и т.п. При этом царское правительство отпускало средства под конкретные проекты¹³.

Однако, с самого начала попытки организации общественных работ оказались неудачными. Как представляется, это было вызвано, прежде всего, неудачно выбранными временем и местом их проведения. Так, основная масса общественных работ пришлась на лето 1892 г., когда сельское население было занято уборкой урожая. Еще более

неудачным был и выбор места проведения работ. Большая часть их была организована довольно далеко от пострадавших от неурожая губерний (например, строительство дороги из Новороссийска в Сухум).

Как представляется, неэффективность общественных работ во многом стала следствием отсутствия должной организации и контроля со стороны органов государственной власти. Как верно отметила А.В. Федулова, «основным отрицательным моментом явилось то, что руководство работами не было поручено земствам, досконально знавшим ситуацию на местах и способным организовать работы должным образом»¹⁴.

Руководство общественными работами осуществляло специально учрежденное «особое совещание» министров, тогда как их практическая реализация была возложена на генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова, в работе которого впоследствии контролирующими государственными органами было установлено множество упущений и злоупотреблений (перерасход денежных средств, убыточность лесных операций, запутанность расчетов при постройке Новороссийского шоссе, превышение полномочий и др.)¹⁵.

Таким образом, неудачно организованным общественным работам под руководством Анненкова не удалось внести серьезный вклад в комплекс мероприятий по нейтрализации последствий неурожая 1891—1892 гг. Более того, в российском обществе сформировалось негативное отношение к общественным работам, что надолго задержало их развитие как помощи нуждающимся в рамках реализации Российским государством своей социальной функции.

Между тем, негативные последствия нового неурожая 1897—1898 гг. заставили правительство снова обратиться к организации общественных работ. По этому поводу В.А. Гаген писал: «Из случайной меры общественные работы, по видимому, приобретают характер меры постоянной, и это превращение находит полное оправдание в затяжном характере современных русских голодовок»¹⁶.

Перелом в характере организации общественных работ совпал с введением 12 июня 1900 г. Временных правил по обеспечению потребностей сельских обывателей, которыми обеспечение народного продовольствия было изъято из ведения

земских учреждений и передано администрациям. Общий надзор за обеспечением народного продовольствия осуществлял министр внутренних дел при содействии других министерств и ведомств (ст. 7). Осуществление местного надзора было возложено на генерал-губернаторов и губернаторов по принадлежности, губернские присутствия, уездные съезды, земских начальников (ст. 8)¹⁷.

Таким образом, управление системой продовольственного обеспечения снова было передано Министерству внутренних дел, что, как представляется, стало следствием отсутствия эффективного взаимодействия его чиновников с земскими учреждениями в деятельности по ликвидации последствий неурожая 1891 г.

Однако, уже вскоре после введения Временных правил в своем циркуляре от 1 января 1901 г., адресованном губернаторам, министр внутренних дел Д.С. Сипягин разъяснил, что в сфере продовольственного обеспечения населения к компетенции земских учреждений, наряду с ведением статистического учета, выдачей мелких кредитов сельскому населению и некоторых других мероприятий, также относится организация общественных работ¹⁸.

В течение того же года появилось еще три циркуляра министра внутренних дел губернаторам, где вопрос об общественных работах рассматривался более подробно. Чтобы не повторить провала общественных работ под руководством Анненкова, в циркуляре от 21 марта говорилось, что «следует допустить устройство лишь таких сооружений, в коих ощущается настоятельная потребность для данной местности, и производство таких работ, исполнение которых доступно силам местного нуждающегося населения... желательна затем такая организация общественных работ, которая, по возможности, не требовала бы отлучки на продолжительное время рабочего из семьи»¹⁹.

В указанных нормативных правовых актах были перечислены и виды общественных работ: устройство прудов, облесение оврагов, чистка общественных лугов, закрепление сыпучих песков, осушение болотистых мест, подвоз строительных материалов для постройки и ремонта зданий и др. Все общественные работы не требовали специальной подготовки и навыков, поэтому в них могли быть вовлечены широкие слои сельского населения.

На основании изложенного выше, можно сделать вывод, что в начале XX в. именно организация общественных работ с целью создания условий для получения местным населением средств к существованию становится основным направлением деятельности земств в сфере обеспечения народного продовольствия.

Как представляется, четырехкратное напоминание министра внутренних дел земствам об их обязанности по организации общественных работ свидетельствовало не только об отсутствии их инициативы в решении данного вопроса, но и о том, что МВД по-прежнему боялось доверить это дело земствам, всячески стремилось ограничивать и контролировать их деятельность.

Да и сами мероприятия земств по организации общественных работ нередко оказывались неэффективными. Так, в 1911 г. Самарское губернское земское собрание констатировало, что общественные работы привели к «печальным результатам». В результате занятости сельское население не смогло обеспечить себя запасами на зимнее время²⁰.

О причинах малоэффективной деятельности земств в деле организации общественных работ В.А. Гаген писал: «Нельзя, конечно, отрицать некоторого поверхностного, а в иных случаях даже нерешительного отношения земств к этому крупному принципиальному вопросу, особенно в той постановке, какую придало ему Министерство внутренних дел. Ведь не надо забывать того, что в некоторых случаях причины такой нерешительности представлялись вполне ясными и обуславливались сложностью и трудностью, а может быть даже и невозможностью возложенной на земство обязанности. Земства, поставленные лицом к лицу с практической задачей, должны были считаться с теми возможностями, которые являлись наиболее осуществимыми, причем, они должны были согласовать все действия с возложенными на них законными требованиями. Необходимо было соблюдение условий, нередко противоположных и друг другу не соответствующих»²¹.

С этой точкой зрения следует согласиться. В своих циркулярах 1901 г. министр внутренних дел обращал внимание земств на необходимость «устройства таких сооружений, в которых ощущается настоятельная потребность для данной местности», но в то же время ограничивал достижение этой цели исключительно силами местного нуж-

дающего населения. В связи с этим земствам на местах приходилось искать работу, не требующую специальной подготовки, тогда как проектируемые работы (например, сооружение мостов), связанные с привлечением специалистов из других местностей, зачастую ими игнорировались.

Но все же, как представляется, одной из важнейших причин неудач земских органов в организации общественных работ было отсутствие взаимодействия между ними и Министерством внутренних дел, которое хоть и старалось регулировать этот процесс, но не принимало активного участия в организации общественных работ на местах и не осуществляло должного контроля.

Несмотря на то, что МВД как орган, концентрировавший усилия государственных и негосударственных учреждений по нейтрализации последствий неурожаев последней четверти XIX — начала XX в., в целом проявляло глубокую озабоченность организацией общественных работ с целью оказания помощи голодающему населению, сложившаяся бюрократическая система взаимоотношений и взаимодействия с другими структурами приводила к неповоротливости и неоперативности решения поставленных задач.

¹ *Владимирова Л.М.* Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян-мусульман (1865—1914 гг.): Дис. ... канд.

истор. наук. Казань, 2011. С. 120.

² *Лешков В.Н.* О народном продовольствии в Древней России. М., 1854. С. 2.

³ *Гаген В.А.* Земство и общественные работы (Из журнала «Трудовая помощь», март 1905 г.). СПб., 1905. С. 1.

⁴ *Варадинов Н.Н.* История Министерства внутренних дел: Ч. 1. СПб., 1858. С. 16.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. II. Отд. 1. Т. XXXIX. № 40457. С. 1—3.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2975. Л. 4—4 об.

⁷ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1 / Сост. Г.Г. Савич. СПб., 1900. С. 58.

⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2975. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 26—27.

¹⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2975. Л. 3 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 202. Л. 15.

¹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 201. Л. 43.

¹³ *Федулова А.В.* Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. истор. наук. Ульяновск, 2006. С. 163.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Федулова А.В.* Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX века: Дис. ... канд. истор. наук. Ульяновск, 2006. С. 163.

¹⁶ *Гаген В.А.* Земство и общественные работы (Из журнала «Трудовая помощь», март 1905 г.). СПб., 1905. С. 1.

¹⁷ Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1 / Сост. Г.Г. Савич. СПб., 1900. С. 82—83.

¹⁸ *Гаген В.А.* Земство и общественные работы (Из журнала «Трудовая помощь», март 1905 г.). СПб., 1905. С. 1—2.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ *Владимирова Л.М.* Роль земств Самарской губернии в жизни крестьян-мусульман (1865—1914 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2011. С. 131.

²¹ *Гаген В.А.* Земство и общественные работы. СПб., 1905. С. 7.



Мифы современной общеправовой теории. Монография. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. (Серия «Научные издания для юристов»). Малахов В.П. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 151 с.

В монографии представлен ряд проблем отечественной общеправовой теории, анализируемых на предмет присутствия в их понимании и решении элементов мифичности. В основу положена идея об имманентности мифологического мышления общественной теории вообще и общеправовой — в частности. Миф — не архаизм, не реликт, не пережиток в современном мышлении, а выражение его глубинного пласта, постоянно актуализируемого в процессе познания правовых феноменов. Устранение мифологического компонента из общей теории права и государства лишает ее возможности полноценно выполнять мировоззренческую и идеологическую функции.

Работа предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также для всех, кто интересуется теоретическими проблемами правовой жизни современного общества и личности, функционирования права и государства, занимается научными исследованиями.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ, СОДЕРЖАВШИХСЯ В ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ НКВД СССР В 1940—1950 ГГ.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА ЯКУШИНА,

*соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история государства и права; история учений о праве и государстве

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Кузьмин С.И.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются организационно-правовые аспекты повышения эффективности воспитательной работы среди несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в трудовых колониях и трудовых колониях с особым режимом НКВД СССР в 1940—1950 гг.

Ключевые слова: организационно-правовые аспекты, воспитательная работа, несовершеннолетние заключенные, трудовые колонии, трудовые колонии с особым режимом, НКВД СССР.

Annotation. The article dwells upon legal and organizational aspects of improving correctional education of juvenile prisoners restrained in labor and high-security penitentiaries of NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) of the USSR in 1940—1950.

Keywords: legal and organizational aspects, correctional education, juvenile prisoners, labor penitentiary, high-security penitentiary, NKVD of the USSR.

Массовые репрессии второй половины 30-х гг. XX в. вызвали протестные действия со стороны заключенных в лагерях и колониях, выразившиеся актами саботажа, антисоветской пропаганды, поджогов, побегов из мест лишения свободы и т.д. Подобные акты получали широкое распространение и в трудовых колониях, предназначенных для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

В целях улучшения обслуживания контингента несовершеннолетних преступников, содержащихся в трудовых колониях НКВД СССР, а также для пресечения контрреволюционной деятельности и предотвращения побегов, поджогов и прочих преступлений непосредственное руководство оперативной работой в трудовых колониях и приемниках-распределителях на местах было возложено на городские и районные аппараты УГБ НКВД¹.

Кроме того, в целях предотвращения указанных проявлений НКВД СССР предпринял меры, направленные на улучшение оперативного обслуживания контингента несовершеннолетних преступников, возложив непосредственное руководство оперативной работой в трудовых колониях и приемниках-распределителях на городские и районные аппараты УГБ НКВД, издав соответствующий приказ².

В соответствии с приказом в штат трудовых колоний вводилась должность заместителя управляющего по оперативной части, подчиняющая его в оперативном отношении соответствующему городскому или районному аппарату УГБ НКВД.

Оперативное обслуживание и расследование по делам воспитанников трудовых колоний и вольнонаемного состава непосредственно возлагались на заместителя управляющего трудовой колонией

по оперативной части. Следственные дела на воспитанников трудовых колоний направлялись через местные городские, районные аппараты УГБ НКВД на Тройку УНКВД (НКВД) или через отдел трудовых колоний (ОТК) НКВД СССР на Особое совещание НКВД СССР. Материалы предварительного расследования на вольнонаемный состав, в зависимости от состава преступления, направлялись, соответственно, в органы УГБ НКВД, милиции или прокуратуры.

Заместитель управляющего трудовой колоний по оперативной части и по вопросам, требующим принятия немедленных мер по предотвращению побегов, поджогов и других преступлений, обязывался информировать управляющего колонией и соответствующие городские или районные аппараты УГБ НКВД.

В октябре 1941 г. НКВД СССР посчитал целесообразным упразднить отделы, отделения и инспекции трудовых колоний несовершеннолетних и передать их и приемники-распределители в систему УИТЛК-ОИТК республик, УНКВД краев и областей. Приказом от 1 октября 1941 г.³ отделы, отделения и инспекции трудовых колоний несовершеннолетних НКВД республик, УНКВД краев и областей как самостоятельные аппараты были упразднены и переданы по территориальности в Управления ИТЛ и колоний, ОИТК НКВД республик, УНКВД краев и областей. В связи с реорганизацией оперативное обслуживание колоний для несовершеннолетних было возложено на оперативно-чекистские отделы, отделения, группы соответствующих Управлений ИТЛ и колоний, ОИТК НКВД-УНКВД. Оперативный состав, обслуживающий колонии для несовершеннолетних, был включен в действующие штаты оперативно-чекистских аппаратов Управлений ИТЛ и колоний и ОИТК НКВД республик, УНКВД краев и областей.

Проведенная реорганизация, на наш взгляд, в первое время способствовала ослаблению оперативного обслуживания трудовых колоний, о чем свидетельствуют имевшие место в 1941 г. контрреволюционные проявления со стороны антисоветского элемента из числа обслуживающего персонала и несовершеннолетних заключенных. Так, в феврале 1941 г. среди заключенных Покровской колонии УИТК Московской области распространялись фашистские свастики и контрреволюционные лозунги. В Бузулукской детской колонии несовер-

шеннолетние заключенные учинили бунт, разгромили столовую, напали на охрану, ранили шесть стрелков ВОХР.

О неудовлетворительном состоянии оперативной работы в детских колониях свидетельствует тот факт, что 29 марта 1941 г. в Архангельской колонии для несовершеннолетних были установлены факты грубого извращения учебно-воспитательной работы с несовершеннолетними. Методы разъяснений и убеждений часто подменялись необоснованными взысканиями. Имели место случаи избияния взрослой частью несовершеннолетних заключенных младших воспитанников⁴.

На неудовлетворительное состояние оперативного обслуживания заключенных, содержащихся в трудовых колониях и приемниках-распределителях НКВД, указывал и заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР В.С. Абакумов⁵.

Практическая организация в 1949 г. детских трудовых колоний с особым режимом⁶ показала необходимость поиска особого подхода к организации воспитательного процесса с подростками, у которых наиболее резко выделялись отрицательные черты в поведении и характере. Как выяснилось воспитателями в процессе работы по освоению контингента, одна часть подростков стремилась порвать с рецидивом и включиться в активную жизнь по созданию здорового детского коллектива, не желающего жить по неписанным законам улиц. Другая часть подростков, наоборот, противопоставляла себя коллективу сотрудников и той части положительных ребят, которые порвали связь с рецидивистами, грозила им физической расправой и т.д.⁷

Исходя из контингента воспитанников, в некоторых колониях, в частности в Арзамасской, пошли по пути комплектования бригад положительной и отрицательной направленности и организации с ними работы таким образом, чтобы они нигде не встречались: ни на производстве, ни в школе, ни в столовой. Такой подход помогал избегать уголовных проявлений на почве мести или сведения старых «счетов» по прежним местам отбывания наказания.

Успешное решение задач, поставленных перед трудовыми колониями для осужденных несовершеннолетних и трудовыми воспитательными колониями, было крайне затруднительным без

целеустремленных, согласованных мероприятий и строго продуманной организации всего учебно-воспитательного процесса. Основные требования к планированию работы получили юридическое закрепление в положениях о колониях и ведомственных инструкциях. Обобщение накопленного опыта показало, что в план учебно-воспитательной работы колонии должны включаться только основные вопросы, направленные на укрепление режима содержания подростков, улучшение воспитательной работы, школьного и производственного обучения, клубно-массовой, физкультурной работы.

Особое значение в трудовых колониях с особым режимом придавалось вопросу индивидуального изучения каждого осужденного несовершеннолетнего, так как от этого, во многом, зависела дальнейшая работа по перевоспитанию подростков.

В процессе становления колоний с особым режимом накапливался опыт индивидуальной работы. За полтора года работы в Углической колонии сложилась система индивидуального изучения осужденных, включавшая:

- ❖ знакомство с личным делом несовершеннолетнего;
- ❖ проведение воспитателями и руководством колонии индивидуальных бесед по различным вопросам;
- ❖ систематическое наблюдение за несовершеннолетними со стороны воспитателей, надзирательского состава, педагогов и других сотрудников колонии;
- ❖ наблюдение за несовершеннолетними как членами коллектива, выявление их общественной роли в коллективе;
- ❖ контроль личной переписки несовершеннолетних;
- ❖ беседы с осужденными, которые ранее в других колониях содержались совместно;
- ❖ каждым осужденным несовершеннолетним, в котором отмечались данные наблюдений как положительные, так и отрицательные⁸.

Основная работа по изучению личности начиналась в карантине, где воспитанники содержались в камерах по 1—3 человека. В обязанности закрепленного за несовершеннолетним воспитателя входило уточнение данных личного дела, изучение склонностей и интересов несовершеннолетне-

го, его отношение к семье, товарищам, выявление связей на «воле», уточнение его общего развития, отношение к воспитанникам, вставшим на путь исправления, отношение к сотрудникам и к колонии в целом.

Кроме индивидуальных бесед, за осужденными несовершеннолетними, находящимися в карантине, устанавливалось наблюдение за их поведением для выявления их связей с другими воспитанниками.

Сразу же по прибытии в колонию, в процессе индивидуальной беседы, уточнялись данные личного дела несовершеннолетнего. При этом особое внимание уделялось установлению имеющих на воле родителей и родственников, его прежних судимостей и мест содержания под стражей, т.е. в каких колониях прибывший ранее содержался.

Особое внимание уделялось уточнению данных в отношении тех воспитанников, у которых, по данным личного дела, не имелось родителей и родственников. В отношении этих лиц уточнялись места отбывания наказания по прошлым судимостям с тем, чтобы проверку по установлению личности и возраста произвести по колониям, где они ранее содержались, и через несовершеннолетних, которые ранее отбывали наказание в этих колониях и могли знать вновь прибывших лично.

В отношении вновь прибывших, имеющих родителей или родственников, проверка проводилась через родственников.

Наряду с этим отделом «А» МГБ СССР и УМВД краев и областей проводилась специальная проверка всего поступившего контингента и тех данных в личных делах, которые вызывали сомнение и не были подтверждены документами⁹.

Еще одним важным источником получения информации служила личная переписка несовершеннолетних, изучение которой позволяло не только получить данные о скрываемых родственных связях, подлинности фамилии и возраста, но и позволяла выявить мышление и взгляды, установить среду, в которой он до этого находился, и его устремления на будущее.

Источниками для изучения и проверки личности осужденных несовершеннолетних также являлись собрания по приему в коллектив новых членов, работа с несовершеннолетними внутри коллектива, наружное наблюдение за воспитанниками со сторо-

ны надзирательского состава, изучение воспитателями и педагогами настроения и поведения воспитуемых в течение всего дня.

Воспитателями, в процессе изучения личного дела на осужденных несовершеннолетних, не имеющих родителей (по данным личного дела), и проверки их личности по прежним местам содержания, удалось установить, что в большинстве случаев эта категория лиц скрывает не только свой подлинный возраст, но и очень часто свою подлинную фамилию. Это подтверждается рядом примеров.

1. Из Атланской ДТК прибыл осужденный Левшин Николай Тимофеевич, 12 октября 1933 г.р., осужденный по ч. 1 ст. 73 и п. «а» ч. 2 ст. 152 УК РСФСР на срок 5 лет лишения свободы. Родителей не имеет. Преступление совершено в Сарапульской ДТК. Изучением личности Левшина было установлено, что его подлинная фамилия Лагутин Николай Тимофеевич, 12 октября 1931 г.р., уроженец Ленинграда. Родителей имеет. На момент вывода Левшина — Лагутина из Атланской ДТК последнему было 19 лет¹⁰.

2. Из Белозерской ДТК прибыл осужденный несовершеннолетний Фомин, он же Фролов Виктор Васильевич, 13 декабря 1933 г.р., осужден по ч. 1 ст. 82 Указа от 4 июня 1947 г. на 14 лет, 8 месяцев и 14 дней. Родителей не имеет, ранее судим дважды. Преступления совершил в Белозерской ДТК. При изучении личности Фомина удалось установить, что его подлинная фамилия Фролов, родился 13 октября 1927 г., имеет пять судимостей. На день вывода из колонии ему было 23 года.

На проходивших собраниях отдельные несовершеннолетние, будучи разоблаченными сверстниками, знавшими их по прежним местам отбывания наказания или преступной жизни, указывали свой подлинный возраст и фамилии.

Так, во время проведения собрания, при приеме в коллектив вновь прибывших Смирнова Владимира Александровича, 1934 г.р., осужденного по ст. 136 и ч. 2 ст. 59 УК РСФСР за преступления, совершенные в Белозерской ДТК, на срок 25 лет лишения свободы, и Петрова Алексея Васильевича, 1934 г.р., осужденного по Указу от 4 июня 1947 г.¹¹ за кражу на воле на срок 7 лет лишения свободы, осужденные несовершеннолетние, знавшие их ранее, заявили, что Смирнов В.А. и Петров А.В. проходят не по своим фамилиям и возраст у них иной.

В результате дальнейшей спецпроверки было установлено, что Смирнов в действительности является Карениным, 21 октября 1931 г.р., а Петров — Фахрадиновым, 17 июля 1936 г.р., т.е. на день вывода в Углическую колонию первому было 20 лет, второму — 21 год¹².

В процессе контроля за личной перепиской осужденных было установлено, что большое число воспитанников скрывали свои подлинные фамилии, возраст, место рождения и наличие родителей.

Кроме указанных путей и способов изучения и проверки личности осужденных, использовалось и присутствие оперативных работников на медицинских осмотрах, что также дало положительные результаты.

Так, при осмотре у Медова Мавли Албастовича, 1934 г.р., осужденного по ч. 3 ст. 59 и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июля 1947 г. на срок 20 лет лишения свободы, среди наколотых татуировок имелась наколотая дата «1930». В беседе с последним было установлено, что он скрыл подлинный возраст. Проведенной спецпроверкой это подтвердилось — фактически он родился в 1930 г.¹³

В результате всестороннего изучения и проверки личности осужденных несовершеннолетних, поступивших в Углическую колонию из 23 колоний за период с февраля 1950 г. по 1 октября 1951 г., выявлено 90 человек, скрывших свой возраст, фамилии, судимости и другие данные, которые были вывезены из колонии.

Из отчетных докладов о состоянии режима и охраны труда в трудовых воспитательных колониях МВД СССР усматривается, что несмотря на распоряжение МВД СССР № 646 от 12 августа 1950 г.¹⁴ и требования инструкции об организации режима содержания несовершеннолетних в детских колониях, объявленных в приказе МВД СССР № 00180 от 11 апреля 1951 г., работа по проверке личности осужденных несовершеннолетних и воспитанников во многих колониях или совершенно не организована, или проводится еще на недостаточном высоком уровне. Между тем, в детских колониях содержались и продолжали поступать из тюрем взрослые преступники-рецидивисты, скрывающиеся от следствия или бежавшие из мест заключения.

Так, в Атланской детской колонии, при проверке осужденного Делихова, который числился 1933 г.р., установлено, что настоящая его фамилия Гороб-

цов, 1931 г.р., разыскивается как бежавший из зала суда.

В Осташковской детской колонии содержался осужденный Смирнов, 1935 г.р. Проверкой установлено, что настоящая его фамилия Евстигнеев, 1930 г.р., разыскивается железнодорожной охраной МГБ Калининской железной дороги.

В Кубинской трудовой воспитательной колонии при проверке воспитанника Ершова, 1937 г.р., установлено, что настоящая его фамилия Шевченко, 1935 г.р., в 1950 г. был осужден к 10 годам лишения свободы, содержался в Земо-Авчальской колонии, откуда совершил побег.

Подобные факты также выявлены в Углической, Ахунской, Алма-Атинской, Белозерской колониях¹⁵.

Для исключения подобных фактов предлагалось в месячный срок проверить в детских колониях состояние работы по установлению личности несовершеннолетних и принять меры к тому, чтобы в течение шести месяцев охватить проверкой всех осужденных и воспитанников, обратив особое внимание на подростков:

- ❖ установочные данные на которых разноречивы и имеют неточности (например, записаны в приговор со слов подростка);
- ❖ в личных делах которых отсутствуют официальные данные, подтверждающие дату и место рождения, в том числе тех, возраст которых установлен экспертизой;
- ❖ якобы не имевших до направления в колонии определенного места жительства, а также не знавших своих родителей и родственников;
- ❖ имеющих несколько фамилий и имен, а также присвоивших фамилии известных писателей, артистов, героев Гражданской и Великой Отечественной войны;
- ❖ возраст которых не соответствует внешним данным и физическому развитию.

В трудовых колониях предлагалось более тщательно проверять осужденных несовершеннолетних, в личных делах которых отсутствуют дактилоскопические карты или справки о проверке через 1-й Спецотдел МВД СССР. Итоги данной работы начальникам колоний рассматривать в квартальных отчетах о состоянии режима и охраны в детских колониях МВД СССР.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в ряде колоний вопросам изучения и проверки лич-

ности несовершеннолетних осужденных не придавалось должного значения, а ведь в большинстве случаев эти осужденные являлись организаторами уголовных преступлений и массовых беспорядков¹⁶. Излагаемое выше позволяет сделать вывод о том, что сочетание оперативной и организационной работы по выявлению неоднократно судимых переростков, выступавших в качестве лидеров в колониях с особым режимом и других колониях, их последующее этапирование в колонии для взрослых позволило существенным образом повлиять на укрепление режима содержания несовершеннолетних правонарушителей и создать благоприятные условия для реализации эффективного воспитательного процесса.

¹ Приказ НКВД СССР № 0058 от 11 февраля 1938 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних и приемников-распределителей» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Лл. 58–58 об.

² Приказ НКВД СССР от 1 октября 1941 г. № 001233 «Об упразднении отделов, отделений и инспекций трудовых колоний несовершеннолетних и передаче их и приемников-распределителей в систему УИТЛК-ОИТК республик, УНКВД краев и областей» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 59. Лл. 100–101.

³ Приказ НКВД СССР от 1 октября 1941 г. № 001233 «Об упразднении отделов, отделений и инспекций трудовых колоний несовершеннолетних и передаче их и приемников-распределителей в систему УИТЛК-ОИТК республик, УНКВД краев и областей» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 59. Лл. 100–101.

⁴ Приказ НКВД СССР № 0274 «О результатах обследования Архангельской колонии для несовершеннолетних УНКВД Архангельской области» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 97. Л. 163.

⁵ Циркуляр оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР № 95 от 9 мая 1941 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 107. Лл. 112–112 об.

⁶ Приказ МВД СССР № 001255 от 21 октября 1948 г. «О трудовых колониях МВД с особым режимом для осужденных несовершеннолетних» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 269. Л. 120–121.

⁷ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 93.

⁸ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 25.

⁹ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 26.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 27.

¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹² ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 28.

¹³ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 32.

¹⁴ Сборник Распоряжений МВД СССР за 1951 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1А. Д. 440.

¹⁵ Распоряжение МВД СССР № 1137 от 19 октября 1951 г. «О работе по проверке личности осужденных несовершеннолетних и воспитанников» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1А. Д. 440. Лл. 8.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 429. Л. 34.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ ЧЕРЕЗ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ИОНОВА,

*преподаватель кафедры гражданского права и процесса Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: ionnova@rambler.ru

*Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Темпы развития сети Интернет оказывают влияние на правовые процессы, в том числе на вопросы правового регулирования Интернет-рекламы, размещаемой в электронных СМИ. Интернет становится главным источником информации. Регулирование отношений по распространению рекламы в сети Интернет осуществляется с учетом особенностей этой сети. Распространение рекламы через интернет-ресурсы регулируется законодательством о рекламе.

Ключевые слова: Интернет, СМИ, сетевые СМИ, электронные СМИ, реклама, информация.

Annotation. Internet growth rate produces an effect on legal processes, including legal regulation of Internet advertising placed in e-media. Internet is growing into the main source of information. All and any relations arising in connection with Internet advertising are regulated in view of Internet features. Advertising via Internet-resources is subject to provisions of advertising law.

Keywords: Internet, mass media, online media, e-media, advertising, information.

Реклама является информацией и выступает как продукт массового потребления. В постиндустриальный период развития общества без рекламы немислимо продвижение на рынок коммерческих структур, формирование положительного имиджа и репутации компаний, продвижение товаров и услуг. Размещение рекламы в СМИ является традиционным инструментом и каналом продвижения как компаний, так и их материальных и нематериальных активов. При этом в постиндустриальный период развития общества и с возникновением Интернета реклама в СМИ приобретает новые черты, что делает тему настоящей статьи весьма актуальной.

Современный институт рекламы и его правовое обеспечение имеют непродолжительную историю: в начале XX в. изобретено радио, в середине XX в. широкое распространение получает телевидение.

Развитие технологий, становление цифровой экономики, формирование информационного общества, электронного государства приводит к изменению места и роли рекламы, размещаемой в СМИ,

как в коммерческих организациях, так и в госсекторе. Наиболее ярким явлением этого процесса служит возникновение и развитие сети Интернет. В конце XX в. возникает одно из самых перспективных на сегодняшний день средств массовой информации — глобальная компьютерная сеть Интернет, родиной которого являются Соединенные Штаты Америки. Термин «Интернет» происходит от английского словосочетания Interconnected Networks (сокращенно Internet), что в переводе означает «объединенные сети». Наиболее часто встречаемое и понимаемое на сегодняшний день определение сети Интернет звучит следующим образом: это соединенные компьютерные сети мирового масштаба, объединяющие между собой национальные, региональные и местные компьютерные сети для свободного обмена информации. В общей сложности Интернет есть не что иное, как способ размещения, опубликования, передачи, доведения практически неограниченного объема информации.

Подлинный бум в развитии Интернета пришелся на 1993—1995 гг. в связи с продвижением

технологии World Wide Web (Всемирной паутины, или просто WWW), когда число пользователей и серверов удваивалось за месяцы. Таким образом, в мире появился такой общедоступный и универсальный источник информации, как сеть Интернет, потенциал которого оценить непросто, поскольку развитие программного обеспечения происходит с восходящей интенсивностью и сложно спрогнозировать новые возможности сети Интернет даже на недалекое будущее. Интернет стал повседневной необходимостью для преимущественного большинства пользователей. При этом его правовая основа урегулирована незначительно, правоотношения в сети Интернет регулируются по мере поступления проблем. Появление таких новых средств коммуникации, как Интернет, положило начало формированию новой среды для распространения потоков информации, в том числе рекламы, что требует надлежащего правового регулирования. Здесь следует отметить, что организационная структура сети Интернет имеет определенное преимущество, которое выражается в том, что стандарты и ресурсы Интернета устанавливаются и выделяют организации по глобальной координации сети. Установленные данными организациями правила и стандарты соблюдаются участниками информационного обмена: как физическими и юридическими лицами, так и государствами, включая Россию.

Сегодня осуществление рекламного бизнеса перешло на новую ступень развития. Применение Интернета как одной из площадок для размещения рекламы вызвало необходимость правового регулирования данного явления, в том числе и в России. Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» для интернет-ресурсов вводится новое правовое понятие: «сетевое издание»¹.

Необходимо отметить, что одним из первых в России рассматривать Интернет как глобальное средство массовой информации стал А.И. Акопов², указывая на то, что сетевые СМИ являются новым видом средств массовой информации³. Анализируя проблему электронных сетей, ученый обращает внимание на то, что, с одной стороны, сетевое пространство можно рассматривать как средство информационных коммуникаций, имеющее определенную структуру с делением по тематическому и целевому признаку; с другой стороны, он отмечает и существование иного направления, к которому от-

носятся электронные издания, создаваемые профессиональными журналистами (электронные газеты, журналы)⁴. В свою очередь, В.В. Ворошилов, говоря о появлении сети Интернет как нового носителя информации, доступного массам людей, подчеркивает, что данное обстоятельство «не могло не привести к превращению его в СМИ»⁵.

Интернет, являясь новой вехой в обмене информацией в постиндустриальный период, по объему аудитории уже опередил большинство печатных изданий. В связи с тем, что в Интернете существует множество ресурсов и он выполняет различные функции, нет единодушной позиции в вопросе о его природе: некоторые сайты представляют собой виртуальные версии традиционных СМИ, а например, социальные сети, различные форумы, чаты, интернет-блоги, позволяющие создать форму «несрежиссированного» общественного диалога пользователей, не имеют традиционных аналогов.

В научной среде сформировалось два основных подхода к юридической природе самой сети, которые поставлены в зависимость от понимания его основной функции и, как следствие, применимости к нему правового режима СМИ. В соответствии с первой позицией, природа сети Интернет является уникальной, соответственно, ресурсы Интернета не надлежит относить к традиционным СМИ и регулировать как средства массовой информации, поскольку Интернет — прежде всего средство связи⁶. В соответствии с противоположным подходом, Интернет функционально близок к традиционным СМИ, таким образом, его правовое регулирование должно соответствовать правовому регулированию традиционных СМИ. Необходимость такого регулирования сети Интернет обосновывается смещением массмедиа в Интернет. Сейчас Интернет постепенно превращается из средства связи в средство массовой информации, конвергируя в своей инфраструктуре другие традиционные СМИ: печатные, радио, телевидение. Для реализации возможностей электронных СМИ возникла потребность в стандартизации правоотношений в данной области.

Следует отметить, что ранее законодатель напрямую не регулировал Интернет, при этом он не исключал возможность применения к Интернету законодательства о СМИ, что повлекло за собой разнообразную судебную практику. Интернет в постановлениях судов упоминается то как средство массовой информации⁷, то как средство телекомму-

никационной связи⁸; при этом данные позиции не обосновываются и не аргументируются. И только в 2010 г. Верховный Суд Российской Федерации высказал свою позицию, проведя разграничение между Интернетом и СМИ, указав, что Интернет-ресурсы в качестве СМИ подлежат регистрации на добровольной основе, и меры ответственности за нерегистрацию налагаться не могут. При этом в Постановлении было отмечено, что лица, которые допустили запрещенное законодательством распространение массовой информации через сеть Интернет, не зарегистрированные в качестве СМИ, несут предусмотренную законодательством ответственность без учета особенностей законодательства о средствах массовой информации. Соответственно, Верховный Суд Российской Федерации установил, что законодательство о СМИ касательно Интернет-ресурсов должно применяться только после их регистрации в качестве СМИ.

В литературе справедливо отмечается, что общие правила, которые установлены действующим законодательством, регламентирующим традиционные внесетевые правоотношения, должны распространить свое действие и на Интернет⁹. В настоящее время в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (Закон о СМИ) и Федеральный закон о рекламе от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ¹⁰ (Закон о рекламе) внесены изменения/дополнения, которые адаптировали их под Интернет-СМИ. При этом такое явление как электронные СМИ пока не приобрело четкого определения. В литературе используются различные термины, определяющие данное понятие, например, Интернет-СМИ, онлайн-СМИ, on-line СМИ, e-СМИ, электронные СМИ, периодические электронные средства массовой информации, медийные ресурсы, новые СМИ, средства массовой информации в сети Интернет и т.д. С. Дубовик дает определение Интернет-СМИ (e-media), под которым понимается «форма систематического и регулярного распространения информации средствами сетевых мультимедийных технологий»¹¹. Говоря о сетевых версиях традиционных газет и выделяя всемирную службу WWW, Я.Н. Засурский отмечает, что всемирная паутина является частью системы СМИ благодаря представленным в ней сетевым средствам массовой информации, а также сетевым версиям традиционных газет¹². Исследователь М.К. Раскладкина к сетевым сред-

ствам массовой информации относит «часть ресурсов платформы WWW (World Wide Web, Всемирная паутина, Веб), что составляет содержание, интеллектуальную наполняющую (контент) сети Интернет»¹³. А. Носик в своих исследованиях рассматривает сетевую прессу как вид бизнеса, в котором оценивает возможности заработка, морально-этическую сторону и затрагивает множество прочих практических аспектов Интернет-СМИ¹⁴. Как указывает Я.Н. Засурский: «Сами СМИ в результате своего сращивания с Интернетом глубже проникают в социум и более всесторонне влияют на него»¹⁵. Растущий интерес к сетевым изданиям и их востребованность приводят к тому, что в этом сегменте экономики возрастает количество сетевых изданий. Если новостные печатные издания выходят с определенной периодичностью, то Интернет-издания обновляются сразу же по мере поступления новых сообщений. Не стоит забывать и о том, что подобные новости могут опубликовывать на своих страницах не только Интернет-издания (сайты, зарегистрированные в качестве СМИ Роскомнадзором), но и прочие сайты, а также пользователи социальных сетей и различных Интернет-форумов.

Как уже было ранее отмечено, Закон о СМИ содержит понятие «сетевое издание», под которым понимается сайт сети Интернет, зарегистрированный в качестве СМИ. Однако, определение сайта Закон о СМИ также не содержит. Об Интернете в нем написано очень немного. В случае если сайт не регистрировать как СМИ, то согласно этому Закону (ст. 8) он СМИ и не является; т.е. если кто-то не зарегистрировал сайт как СМИ, то информация, на нем распространяемая, не подпадает под действие этого Закона. В связи с чем, как представляется, для регулирования таких правоотношений было принято Постановление Правительства Российской Федерации о едином реестре сайтов, на которых имеется запрещенная информация¹⁶.

В связи с указанным, представляется, что Интернет-СМИ являются Интернет-издания, зарегистрированные в установленном порядке в качестве СМИ и имеющее зарегистрированный в едином реестре сайт, который обновляется на регулярной основе по мере поступления журналистской продукции и содержит информацию, предназначенную для неограниченного круга лиц, и эта информация имеет форму периодического распространения.

При этом общие условия обращения информации на территории России, в том числе в сети Интернет, отрегулированы Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Закон об информации), а в ч. 1 и 2 ст. 3 Закона о рекламе даны понятия рекламы и объекта рекламирования. Таким образом, понятие рекламы весьма широко, и проблема отграничения рекламы как специфической информации особого рода, несоблюдение правового режима распространения которой наказуемо, встает весьма остро и решается, главным образом, за счет доктринального и судебного толкования.

К рекламе в сети Интернет можно отнести любые неперсонифицированные сведения об объекте рекламирования (включая сведения о лицах, входящих товары в оборот), размещенные на сайтах и предназначенные для их получателей в России. Отметим, что ст. 29 Конституции Российской Федерации, которая является основным источником права на распространение любой, в том числе рекламной, информации, определяет право на свободное распространение информации. В развитие конституционных положений в ч.ч. 1 и 2 ст. 10 Закона об информации указывается, что в Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации. Применительно к электронным СМИ тот факт, что распространение рекламной информации в сети Интернет возможно без использования средств массовой информации, имеет большое значение, поскольку 28 июля 2012 г. в законодательстве Российской Федерации появились новые положения, определяющие понятия, применимые исключительно для сети Интернет. Так, в п. 13 и 15 ст. 2 Закона об информации дано определение сайта и доменного имени. Возможно, что сайт, сетевой адрес и доменное имя достаточны для идентификации пользователя сети Интернет, но недостаточны для идентификации лица как субъекта рекламных правоотношений (рекламодателя), распространяющего рекламную информацию в сети Интернет для потребителей рекламы. В соответствии со ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) рекламные правоотношения — прежде всего гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с вызовом на оферту, приглашением

делать оферты или публичной офертой. Следовательно, рекламодатель (обладатель информации), самостоятельно распространяющий рекламную информацию в сети Интернет, обязан сообщать о себе достоверные сведения, позволяющие идентифицировать его как субъекта гражданского права. Граждане (физические лица) идентифицируются по имени и месту жительства (ст.ст. 19, 20 ГК РФ), юридические лица идентифицируются по наименованию юридического лица и месту его нахождения (ст. 54 ГК РФ).

Гл. 2 Закона о рекламе посвящена особенностям отдельных способов распространения рекламы и содержит положения, применяемые при распространении рекламы в зависимости от способа ее распространения. Норм, содержащих специальные положения о распространении рекламы в сети Интернет, в указанном Законе нет. Сеть Интернет является информационно-телекоммуникационной сетью¹⁷. Исходя из этого, требования ст. 18 Закона о рекламе обязательны для применения к отношениям, связанным с распространением рекламы в сети Интернет.

Регулирование отношений по распространению рекламы в сети Интернет осуществляется с учетом особенностей сети Интернет как средства связи, предоставляющей возможность пользователю данной услуги связи не только направлять и получать информационные сообщения другим пользователям, но и размещать собственную информацию в сети Интернет, доступную для неопределенного круга лиц, а также осуществлять поиск информации, размещенной другими пользователями в целях рекламы.

Соответственно, интернет-ресурсы, имея двойственную природу, требуют различных режимов правового регулирования. Если СМИ осуществляют массовое распространение информации через собственный сайт в Интернет, то на Интернет-СМИ распространяется нормативное регулирование, действующее в отношении СМИ. При распространении рекламы СМИ через Интернет-ресурсы, на него распространяется законодательство о рекламе.

¹ Федеральный закон от 14 июня 2011 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 25. Ст. 3535.

² Акопов А.И. Глобальное средство массовой информации // Мир медиа XXI. 1999. № 1.

- ³ Там же.
- ⁴ *Акопов А.И.* Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник РГУ. 1998. № 3; *Бондаренко С.В.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону, 2004.
- ⁵ *Ворошилов В.В.* Журналистика: Учебник. 2-е изд. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2000.
- ⁶ *Монахов В.Н.* Проблема чистого Интернета: этико-правовые составляющие. М., 2008.
- ⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.
- ⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
- ⁹ Развитие правового обеспечения информационной безопасности / Под ред. А.А. Стрельцова. М.: Престиж, 2005.
- ¹⁰ Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 20 марта 2006 г. № 12. Ст. 1232.
- ¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. Август, 2010.
- ¹² Система СМИ России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2010.
- ¹³ *Раскладкина М.К.* Сетевая пресса как объект коммуникативных исследований: Сб. научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация» // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Ростов-на-Дону, 2002.
- ¹⁴ *Носик А.Б.* Интернет — не СМИ. URL: <http://old.vesti.ru/editor/2000/01/26/internetnsmi>.
- ¹⁵ *Засурский Я.Н.* Колонка редактора: английская пресса модернизируется // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 2.
- ¹⁶ Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (вместе с Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, Правилами принятия уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространяемых посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, распространение которых в Российской Федерации запрещено») // Собрание законодательства РФ. 29 октября 2012 г. № 44. Ст. 6044.
- ¹⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31 июля 2006 г. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

МАХМУД САЙДУКАЕВИЧ БЕКМУРЗИН,

*кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

ВАСИЛЬ ПАВЛОВИЧ ЗАХАРОВ,

*доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Львовского государственного университета внутренних дел*

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ЗАЧЕК,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий в деятельности ОВД
Львовского государственного университета внутренних дел*

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены современные тенденции использования биометрических технологий, в частности методик идентификации по отпечаткам пальцев, геометрии лица и радужной оболочке глаза. Осуществлено сравнение этих методик на основании FAR и FRR, согласно которому наиболее надежным признано распознавание по радужной оболочке глаза. Проанализирована проблема обмана систем биометрической идентификации путем фальсификации биометрических признаков; предложены способы ее решения, в частности в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: биометрия, методы биометрической аутентификации, идентификация по отпечаткам пальцев, идентификация по лицу, идентификация по радужной оболочке глаза, фальсификация результатов биометрической идентификации, системы контроля и управления доступом.

Annotation. The article dwells on the modern trends of applying biometric technologies, including methods of fingerprint, face geometry and iris-pattern identification. The authors draw a comparison between the said methods using FAR and FRR to prove iris-pattern identification to be the most reliable one. The article deals with biometric data falsification in order to deceive identification systems; and offers solutions to the above problem within the context of law enforcement.

Keywords: biometrics, methods of biometric authentication, fingerprint, face geometry and iris-pattern identification, biometric identification data falsification, access and control systems.

Преступники все чаще используют информационные технологии в своей деятельности, в связи с чем возникли даже специальные термины «киберпреступность» и «кибертерроризм». Эти явления не знают границ и в современном глобализованном мире несут опасность для всех государств. Все большее внимание киберпреступников привлекает информация, которая используется правоохранительными органами. Существует немало примеров, когда хакеры атакуют информационные сети органов охраны правопорядка в разных странах.

Например, в 2011 г. были взломаны сайты некоторых полицейских участков в США¹. В феврале 2012 г. был заблокирован сайт МВД Украины после закрытия файлообменного ресурса EX.UA. В апреле 2012 г. хакеры вывели из строя сайт МВД Великобритании². В марте 2013 г. был взломан сайт суда Южного Урала в Челябинской области России³. В ночь с 9-го на 10-е января 2014 г. камеры, которые следили за дорогами Подмосковья, вдруг поочередно отказали вследствие поражения программного обеспечения вредоносным вирусом⁴. Помимо этого, современные информационные технологии все активнее используются в целях противодействия расследованию различных видов преступлений⁵.

Приведенные примеры подтверждают необходимость защиты информации, циркулирующей в информационных сетях правоохранительных органов. Перспективным направлением развития систем защиты информации являются биометрические технологии.

Помимо использования в системах защиты информации, такие технологии имеют большую перспективу использования в интеллектуальных системах видеонаблюдения органов охраны

правопорядка, которые позволяют осуществлять идентификацию по лицу и могут использоваться при охране общественного порядка и для борьбы с терроризмом. Важным направлением является введение биометрических паспортов как одного из элементов антитеррористической деятельности.

Все это делает весьма актуальными научные исследования, связанные с применением биометрических технологий в деятельности правоохранительных органов.

Биометрические технологии распознавания личности используют разные параметры человека с целью его идентификации. Цель данной статьи — рассмотрение наиболее распространенных биометрических технологий, а также проблем по борьбе с фальсификацией результатов идентификации личности. Задачами исследования является рассмотрение «трех больших биометрик», методов обмана биометрических систем, а также формулирование рекомендаций по безопасному и надежному использованию биометрических технологий, в частности в деятельности правоохранительных органов.

Проблемам использования биометрических технологий посвящено достаточно публикаций в литературных источниках, в частности таких ученых, как В.С. Барсуков, Ю.А. Брюхомицкий, Н. Воронина, А.В. Горевой, О.М. Гречишкина, Г. Двоеносова, М. Двоеносова, Д.Д. Десятников, О.В. Дубчак, В.П. Захаров, А.И. Иванов, М.Н. Казарин, Д.В. Ковков, С.П. Козырев, Н.М. Костылев, Г. А. Кухарев, А.О. Корченко, В.В. Лобанцов, К.А. Маковкин, И.А. Матвеев, Н.С. Мацькив, А.Б. Мурынин, О. Петрова, К.И. Пидгайна, М.О. Поленников, Л. В. Пономаренко, М. Попов, А. Прохоров, А. Райлян, В.И. Рудешко, Ю. Семко, И.В. Урсуленко, А.В. Ха-

ритонов, В.Я. Чучупал. Значение научных достижений и вклада в теорию и практику информационной безопасности вышеперечисленных ученых трудно переоценить. Анализ литературных источников позволяет утверждать, что в процессе проектирования, создания и эксплуатации биометрических систем в деятельности правоохранительных органов есть некоторые недостатки, которые снижают эффективность их функционирования.

Биометрия — это идентификация человека по уникальным, свойственным только ему биологическим или поведенческим признакам⁶. О. Петрова и А. Райлян представили статистику распределения биометрических методик по распространенности (по данным В.В. Сидорова, коммерческого директора ООО «Передовые охранные системы»)⁷:

- системы идентификации по отпечаткам пальцев — 59%;
- системы, которые основаны на технологии распознавания по геометрии лица — 17%;
- системы идентификации по радужной оболочке глаза — 7%;
- методика идентификации по геометрии руки — 7%;
- идентификация по рисунку вен ладони или пальца руки — 7%;
- идентификация по голосу — 5%;
- идентификация по почерку — 1%;
- остальные методики (идентификация по сетчатке глаза, ДНК, термограмме лица, форме ушных раковин, запаху, клавиатурному почерку, путем анализа биоэлектрической активности головного мозга) — 1%.

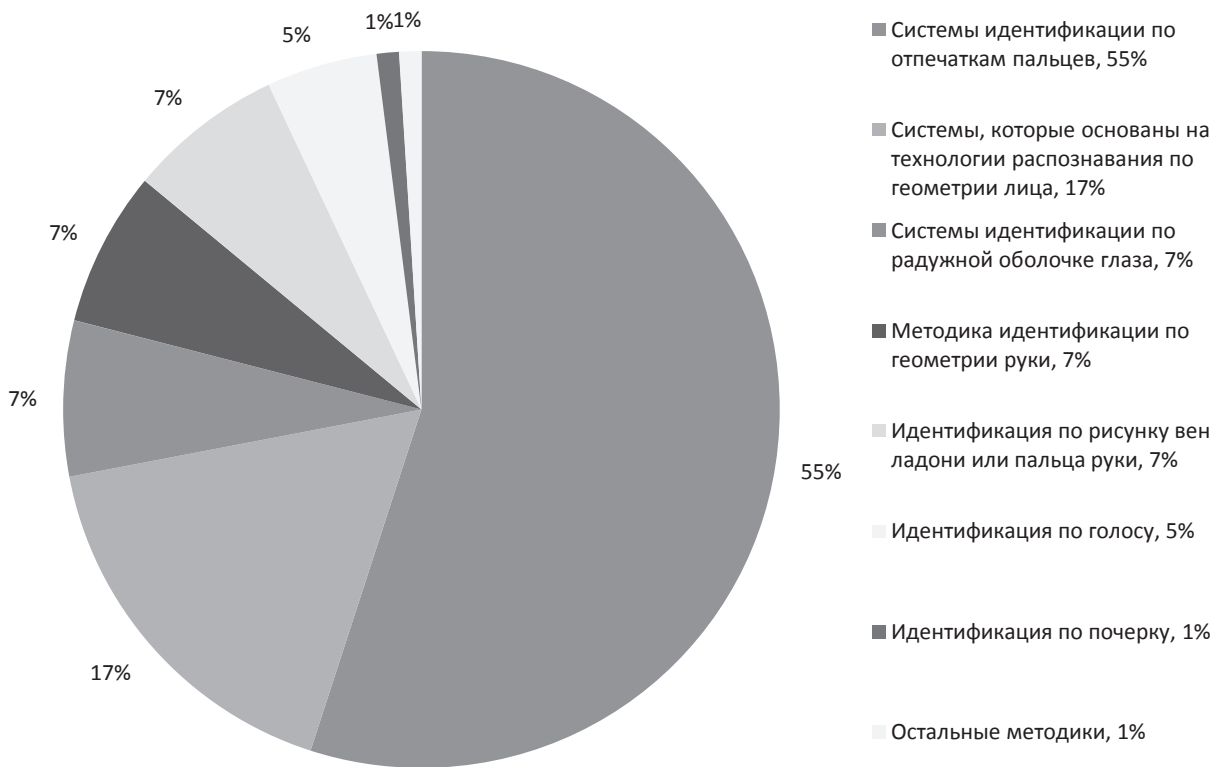


Рис. 1. Процентное распределение биометрических методик по их распространенности

Идентификация по отпечаткам пальцев, геометрии лица и радужной оболочке глаза называется «три большие биометрики».

Надежность методов идентификации оценивается с помощью таких понятий, как FAR (False Acceptance Rate — характеризует возможность ошибочного пропуска лица, которое не

имеет на это права) и FRR (False Rejection Rate — определяет вероятность ошибочного запрета доступа).

Для метода идентификации по отпечаткам пальцев FAR составляет 0,1—0,001%, а FRR — 0,3—0,9%. Для метода идентификации по геометрии лица с использованием двух измерений FAR состав-

ляет 0,1—0,001%, а FRR — 2,5—9,0%; с использованием трех измерений FAR составляет 0,0047%, а FRR — 0,103%. Для метода идентификации по радужной оболочке FAR составляет 0,00001%, а FRR — 0,13%⁸. Наиболее надежным и точным методом является идентификация по радужной оболочке.

Не все эти методы являются одинаково удобными для пользователя. Например, О.В. Дубчак считает, что системы идентификации по радужной оболочке глаза или по отпечаткам пальцев неудобны для пользователя⁹. По его мнению, некоторые пользователи могут быть озабочены гигиеничностью прикосновения к сканеру отпечатков пальцев, а в системах идентификации по радужной оболочке глаза пользователям могут не нравиться твердые требования к движениям и степени видимости некоторых частей глаза. Этот автор считает, что распознавание по лицу и по голосу имеет преимущество вследствие дистанционности и отсутствия требования к тщательному позиционированию пользователя.

Правоохранительные органы в данное время используют идентификацию личности с помощью автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем. Перспективным является использование биометрических технологий для контроля доступа к компьютерам, компьютерным сетям и в помещениях. Для идентификации личности на расстоянии можно использовать только метод распознавания по геометрии лица. Поэтому в системах интеллектуального видеонаблюдения правоохранительных органов, использование которых имеет стойкую тенденцию к росту, возможно использование именно этого метода. Учитывая позитивные и негативные стороны метода распознавания личности по радужной оболочке глаз, его можно считать перспективным для использования в системах защиты информации правоохранительных органов, наравне с дактилоскопической идентификацией. Идентификация личности с использованием этих методов может успешно применяться для выявления лиц, связанных с осуществлением терактов, и препятствования их перемещению между странами.

Но все эти методы имеют общий недостаток. В последнее время отмечается много случаев взлома систем, защищенных такими биометрическими технологиями. Например, есть ряд сообщений в

средствах массовой информации об успешных попытках фальсификации отпечатков пальцев для взлома систем защиты, которые базируются на дактилоскопии. В сентябре 2013 г. появилось сообщение о том, что команда биометрических хакеров Chaos Computer Club (CCC) успешно обошла механизм биометрической защиты Apple Touch ID в iPhone 5S, который позиционировался как абсолютно надежный. Для произведения взлома был сфотографирован отпечаток пальца владельца гаджета, оставленный им на гладкой поверхности. После обработки в программе Photoshop изображение было инвертировано и распечатано на лазерном принтере таким образом, чтобы печатный слой имел достаточную толщину. После этого распечатанное изображение было смазано столярным клеем, пленка которого потом была снята и после увлажнения дыханием размещена на сканере¹⁰. Существуют также способы создания муляжей пальцев из геля или латекса. Кроме того, возможна фальсификация методом использования отпечатков пальцев на стекле сканера путем прикладывания к ним пакета с холодной водой¹¹. Были предприняты успешные попытки скопировать отпечатки пальцев с помощью жевательных конфет «Мишки Гамми». Эндрю Мартин с факультета компьютерных наук Оксфордского университета считает, что «сканеры отпечатков пальцев, без сомнения, не слишком защищены»¹².

Также известны факты обмана системы распознавания лица с использованием фотографии или изображения на экране ноутбука. Например, систему распознавания лица некоторых устройств на базе операционной системы Android, которая используется для контроля доступа к данным, можно обмануть, направив телефон или планшет на фото или видеозапись истинного владельца¹³.

Во многих ноутбуках со встроенными веб-камерами применяется аутентификация с использованием системы распознавания лиц. Вьетнамские исследователи обошли защитные программы Lenovo Veriface III, Asus SmartLogon версии 1.0.0005 и Toshiba Face Recognition 2.0.2.32, настроенные на максимальную безопасность. Для этого они использовали перебор изображений с разными типами лиц и фотографии владельца ноутбука¹⁴.

Известны также случаи обмана системы идентификации по радужной оболочке глаза с использованием цветной фотографии глаза.

Как же бороться с обманом биометрических систем? Самый простой способ — это присутствие оператора, который следит за прохождением идентификации и противодействует попыткам обмана. Но такой способ сильно сужает сферы применения биометрической идентификации. В случае когда оператор не может проконтролировать процедуру идентификации, необходимо, чтобы система могла самостоятельно отличать биометрические характеристики человека от характеристик муляжа. Для этого биометрическая система должна, вместе с получением биометрической характеристики, производить действия по регистрации дополнительного признака, подтверждающего истинность идентификации¹⁵.

Комбинация наиболее востребованных методов с менее распространенными называется «многофакторной биометрией» или «мультибиометрией» и применяется для исключения использования муляжа вместо живого человека, поскольку легче подделать одну характеристику, чем две или более¹⁶.

Не всегда объединение разных биометрических технологий позволяет улучшить работу системы. Существуют определенные требования к объединению технологий, которые могут обеспечить необходимую точность¹⁷:

- ❖ FAR более слабой технологии должен быть в два раза меньше, чем норма равной ошибки EER более совершенной технологии при объединении по правилам дизъюнкции (логического «ИЛИ»);
- ❖ FRR более слабой технологии должен быть в два раза меньше, чем норма равной ошибки EER более совершенной технологии при объединении по правилам конъюнкции (логического «И»).

По мнению основателя компании Sonda Анатолия Бокова, проблема использования муляжей надумана по ряду причин¹⁸:

- ❖ большинство муляжей обнаруживаются сканерами;
- ❖ сканеры можно устанавливать в публичных местах;
- ❖ компания Sonda использует двойное прикладывание пальца (причем во второй раз сканер указывает, какой именно палец необходимо приложить), выявляя таким образом несоответствия, ведь подделать все 10 пальцев сложно.

Существуют и другие способы борьбы с муляжами. Например, сканер фирмы Lumidigm (США) использует многоспектральное излучение, проникающее под кожу. А сканер фирмы NEC (Япония) использует не только изображение отпечатка, но и рисунок вен пальца, который в муляже невозможно воспроизвести. Компания Sonda использует два типа подсветок в своих сканерах: снизу через призму и через палец с каждой стороны пальца. Это позволяет измерять пульс, которого не может быть у муляжа, и обнаруживать наклеивание на палец муляжных пленок по снижению освещенности. Кроме этого, используются два пальца¹⁹.

Возможно также одновременное использование анализа узора отпечатка пальца и температуры на поверхности и внутри отпечатка. Для борьбы с возможным перехватом цифрового кода, в виде которого биометрическая информация передается по каналам связи, необходимо использовать защищенные линии связи, шифрование данных и контроль целостности канала передачи данных²⁰.

Фальсификацию в системах распознавания по лицу можно обнаружить путем анализа признаков витальности (признаков жизни) распознаваемого объекта. Ученые из МГТУ им. Н.Э. Баумана (Москва) Н.М. Костылев и А.В. Горевой в качестве признака витальности используют анализ спектральных характеристик отражения кожи человека, в которых локальные минимумы и максимумы обусловлены наличием гемоглобина во внутреннем слое кожи. Как признаки витальности также могут использоваться влияние мимики, речи, моргания или эмоций на результат распознавания, свойства кожи или тканей глаз, пульсация крови в сосудах и капиллярах, движения глаз, аккомодация, естественная реакция на определенное воздействие²¹.

Для проверки живости глаза в системах распознавания по радужной оболочке глаза используется измерение нормальных постоянных колебаний размеров зрачка²². Также для защиты от фальсификации могут быть использованы анализ спектра отраженного света от поверхности глаз, анализ бликов от отражений роговицы и хрусталика, анализ пупиллографии (изменения зрачка в зависимости от яркости освещения), исследование произвольных движений глазного яблока и зрачка (не очень надежный метод)²³.

Использование биометрических методик идентификации личности в деятельности правоохранительных органов имеет большую перспективу, но это возможно лишь в случае решения проблемы обмана таких систем, использующего фальсификацию биометрических признаков. Для решения этой задачи могут проводиться следующие мероприятия:

- ❖ правовые — разработка нормативных документов, которые обяжут применять дополнительные средства защиты при использовании биометрических методик в системах защиты информации правоохранительных органов;
- ❖ организационные — визуальный контроль датчиков биометрической системы;
- ❖ технические — регистрация дополнительных признаков, подтверждающих истинность идентификации, т.е. использование многофакторной биометрии;
- ❖ использование средств защиты линий связи для борьбы с возможным перехватом биометрических данных в виде цифрового кода после их обработки.

¹ Группа хакеров Anonymous выступила против полиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://4b2b.biz/gruppa-hakero-v-anonymous-vystupila-protiv-policii.html>.

² Яна Пашаева. Хакеры Anonymous взломали сайт полиции Британии [Электронный ресурс]: Life News Online. Режим доступа: <http://lifenevws.ru/news/88032>.

³ Бабушкин Кирилл. Челябинская полиция ищет хакера, взломавшего сайт областного суда и разместившего в одной из новостей маску Гая Фокса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znak.com/chel/news/2013-03-14/1003302.html>.

⁴ Панюшкин Константин. Вирус в камерах слежения: начало расследование [Электронный ресурс]: ВЕСТИ: Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1194962> (дата обращения: 14.01.2014).

⁵ См., например: Качалов В.В., Баканов К.С. Криминалистические аспекты преодоления противодействия расследованию использования заведомо подложного документа // Актуальные проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: материалы межведомственной научно-практической конференции (19 апреля 2013 г.). Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. С. 71—75.

⁶ Захаров В.П., Рудешко В.І. Використання біометричних технологій правоохоронними органами у ХХІ столітті: науково-практичний посібник / В.П. Захаров, В.І. Рудешко. Львів: ЛьвДУВС, 2009. С. 14.

⁷ Петрова О., Райлян А. Обзор существующих методов биометрической идентификации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sec4all.net/modules/myarticles/article.php?storyid=1265> (дата обращения: 29.01.12).

⁸ Современные биометрические методы идентифи-

кации [Электронный ресурс]: Хабрахабр. Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/126144> (дата обращения: 11.08.2011).

⁹ Дубчак О.В., Урсуленко І.В. Оцінювання ефективності біометричних методів [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/27_NNM_2011/Informatica/4_93650.doc.htm.

¹⁰ Соя О. Chaos Computer Club зламують Touch ID. [Электронный ресурс]: Гаджети українською. Режим доступа: <http://vinsee.com.ua/chaos-computer-club-zlamuyut-touch-id> (дата обращения: 23.09.2013).

¹¹ Захаров В.П., Рудешко В.І. Використання біометричних технологій правоохоронними органами у ХХІ столітті: науково-практичний посібник / В.П. Захаров, В.І. Рудешко. Львів: ЛьвДУВС, 2009. С. 222.

¹² Сенсор отпечатков пальцев в iPhone — «убийца» пароля? [Электронный ресурс]: BBC. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2013/09/130911_iphone_fingerprints_password.shtml (дата обращения: 12.09.2013).

¹³ Сенсор отпечатков пальцев в iPhone — «убийца» пароля? [Электронный ресурс]: BBC. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2013/09/130911_iphone_fingerprints_password.shtml (дата обращения: 12.09.2013).

¹⁴ Вьетнамцы взломали систему распознавания лиц [Электронный ресурс]: Журнал «Хакер». Режим доступа: <http://www.haker.ru/post/47191/default.asp> (дата обращения: 17.02.2009).

¹⁵ Захаров В.П., Рудешко В.І. Використання біометричних технологій правоохоронними органами у ХХІ столітті: науково-практичний посібник / В.П. Захаров, В.І. Рудешко. Львів: ЛьвДУВС, 2009. С. 223—224.

¹⁶ Коломиец В. «Прицелы» для биометрических систем [Электронный ресурс]: Центр информационной безопасности. Режим доступа: <http://www.bezpeka.com/ru/news/2012/03/02/biometrics.html>.

¹⁷ Мурынин А.Б., Ковков Д.В., Лобанцов В.В., Маковкин К.А., Матвеев И.А., Десятников Д.Д., Чучупал В.Я. Мультимодальная биометрия — перспективное решение. Объединение алгоритмов для повышения надежности распознавания человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sio.su/down_017_41_def.aspx.

¹⁸ Биометрия 2013: пора отказываться от банковских карт. Мечта? [Электронный ресурс]: Хабрахабр. Режим доступа: <http://habrahabr.ru/post/174397> (дата обращения: 27 марта 2013 г.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Биометрические системы контроля доступа. Бизнес лаборатория систем безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://labofbiznes.ru/skud_biometrija.html.

²¹ Костылев Н.М., Горевой А.В. Модуль обнаружения витальности лица по спектральным характеристикам отражения кожи человека [Электронный ресурс]: Инженерный журнал: наука и инновации, 2013. Вып. 9. Режим доступа: <http://engjournal.ru/catalog/pribor/optical/925.html>.

²² Распознавание по радужной оболочке глаза [Электронный ресурс]: Сайт компании «Скай-Тек». Режим доступа: <http://skytek.com.ua/articles/3>.

²³ Харитонов А.В. Способы противодействия атакам на биометрическую систему распознавания радужной оболочки глаза [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Науковедение». Вып. 6, ноябрь—декабрь 2013 г. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/122TVN613.pdf>.

ВЛИЯНИЕ СРЕДОВЫХ ФАКТОРОВ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА БЕРЕСТЕНКО,

*кандидат медицинских наук, доцент, преподаватель кафедры криминалистики Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: elena-ber@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена динамика преступности в Тульской области в зависимости от социально-экономической обстановки в регионе. Показана зависимость количества совершенных отдельными когортами населения преступлений от уровня безработицы.

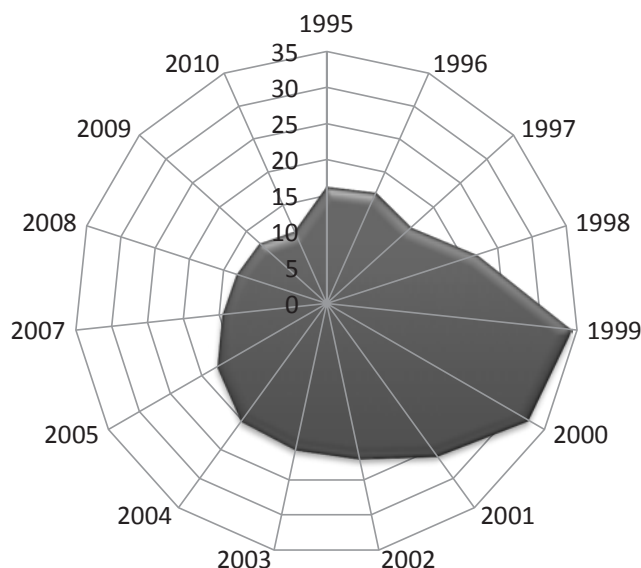
Ключевые слова: преступность, социально-экономические условия.

Annotation. The article examines crime trends in Tula Region determined by socioeconomic situation in the district; demonstrates correlation between the amount of crimes committed by separate population groups and level of unemployment.

Keywords: criminal rate, socioeconomic conditions.

Преступность является одной из самых острых социальных проблем современности. В январе—марте 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 534,2 тыс. преступлений, причем рост регистрируемых преступлений отмечен в 27 субъектах Российской Федерации, а снижение их количества — в 56 субъектах. Каждое второе расследованное пре-

ступление (51,2%) совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое третье (29,6%) — в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать третье (4,4%) — несовершеннолетними или при их соучастии. Организованными группами или преступными сообществами совершено 4,5 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений¹.



■ Количество лиц с доходами ниже прожиточного минимума

Рис. 1. Количество лиц с доходами ниже прожиточного минимума в Тульской области

Одним из факторов, оказывающих влияние на уровень преступности, является социально-экономическая обстановка. В период перестройки в России резкая смена политической и экономической ситуации, а также неподготовленность общественного сознания к жизни в новых условиях привели к обострению криминогенной обстановки в стране. Качество жизни населения Тульской области неуклонно ухудшалось, закрывались предприятия, росла безработица, снижались реальные денежные доходы (рис. 1). В 1998 г. реальный размер месячных пенсий по отношению к предыдущему году составил 65%, а реальные денежные доходы работающего населения — 78%.

В период с 1997 по 1999 г. в 2,16 раза возросло количество лиц, чьи доходы были ниже величины прожиточного минимума, достигнув 34,2% от всего населения. Несмотря на то, что с 1999 г. численность такого населения начала неуклонно снижаться, в 2010 г. такие размеры дохода имели 12,5% жителей

региона. Максимального уровня безработица в регионе достигла в 2000 г., когда число безработных составило 83,4 тыс. чел., или 10% трудоспособного населения.

На основании изучения статистических данных, по Тульской области² нами была прослежена взаимосвязь между количеством совершаемых преступлений и некоторыми показателями уровня жизни населения за 1995—2010 гг. Рассмотрим выявленную закономерность.

Анализируя уровень преступности, можно отметить, что за рассматриваемый период прослеживается тенденция к снижению количества зарегистрированных преступлений. Однако, снижение шло неравномерно: можно выделить 2 волны — 1999 г. и 2006 г., когда регистрировалось увеличение числа совершенных преступлений по сравнению с предыдущими годами. Как видно из рис. 2, линии тренда, характеризующие уровень преступности и реальные денежные доходы населения, разнонаправлены.



Рис. 2. Реальные денежные доходы населения Тульской области и уровень преступности в регионе

Выявить, имеется ли связь между уровнем реальных доходов населения и количеством совершенных преступлений, позволяет метод ранговой корреляции Спирмена³. При использовании данного коэффициента условно оценивали тесноту связи между признаками, считая его значе-

ния, равные 0,441 и менее показателями отсутствия связи между явлениями ($p \geq 0,05$), значения более 0,525, но менее 0,623 — показателями слабой тесноты связи ($p < 0,025$), значения более 0,623, но менее 0,689 — показателями умеренной тесноты связи ($p < 0,01$), показатели выше

0,689 — показателями высокой тесноты связи ($p < 0,005$).

Расчет критерия Спирмена, проведенный для количества преступлений, совершенных отдельно мужчинами, женщинами и несовершеннолетними, и реальными денежными доходами населения Тульской области показал, что во всех трех случаях значения коэффициента корреляции не дости-

гает статистически значимых величин ($p > 0,01$). Аналогичным образом выглядит попытка выявить связь между числом лиц с доходами ниже прожиточного минимума и количеством преступлений, совершенных этими категориями населения. В этом случае коэффициенты корреляции также не достигают статистически значимых показателей ($p > 0,01$).



Рис. 3. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 населения и потребление белка членами домохозяйств (г/сутки)

Однако, если рассматривать в качестве характеристики качества жизни населения такой показатель, как уровень потребления белка членами домохозяйств (рис. 3), выявляется следующая закономерность: снижение потребления белка сопровождается повышением уровня преступности ($r_s = -0,832$, $p < 0,005$), причем наиболее выражена эта зависимость у мужчин ($r_s = -0,697$, $p < 0,01$), в меньшей степени — у несовершеннолетних ($r_s = -0,688$, $p < 0,01$). У женщин связь несколько слабее: $r_s = -0,674$, $p < 0,01$.

Таким образом, такие показатели, как реальные доходы населения в % к предыдущему году и число лиц с доходами ниже прожиточного минимума, не показывают статистически достоверной связи с количеством преступлений, совершенных мужчинами, женщинами и несовершеннолетними. Не

исключено, что эти показатели анализируют лишь «вершину айсберга», не отражая полностью качество жизни населения. При этом такая характеристика уровня жизни, как качество питания членов домохозяйств, отраженная в количестве потребляемого в сутки белка, показывает высокий уровень корреляции с количеством совершаемых преступлений.

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения: 12 мая 2012 г.).

² Здоровоохранение Тульской области. 2010: Стат. Сборник. Тула: Туластат, 2011. 137 с.

³ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена — это непараметрический метод, который используется с целью статистического изучения связи между явлениями. В этом случае определяется фактическая степень параллелизма между двумя количественными рядами изучаемых признаков и дается оценка тесноты установленной связи с помощью количественно выраженного коэффициента.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: vasilchenko_aa@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются основные современные научные представления о структуре нормы уголовного права в научной и учебной литературе.

Ключевые слова: уголовное право, норма уголовного права, структура нормы уголовного права, научная литература, учебная литература.

Annotation. The article gives an overview of the key scientific convictions towards the structure of criminal rule currently known in scholarly and educational works.

Keywords: criminal law, criminal rule, criminal rule structure, scholarly works, educational works.

Регулирование общественных отношений посредством уголовно-правовых норм¹, а также логическая структура нормы уголовного права постоянно вызывают интерес в науке уголовного права и остаются дискуссионными².

Ю.Е. Пудовочкин в этой связи пишет, что большая дискуссия в уголовно-правовой науке ведется по вопросу о структуре уголовно-правовых норм. Часть юристов (Я.М. Брайнин, В.С. Прохоров) говорит о традиционной трехчленной структуре (гипотеза, диспозиция, санкция); другая — о двухчленной. При этом одни исследователи (И.И. Солодкин, Ю.И. Ляпунов) видят в уголовно-правовой норме только диспозицию и санкцию, другие (Е.В. Благов, В.Г. Смирнов) — только гипотезу и санкцию, третьи (Е.Я. Мотовиловкер) — гипотезу и диспозицию³.

Ученые, выделяющие уголовно-правовые нормы Общей части, или не раскрывают их структуру, называя их позитивными, или указывают на гипотезу и диспозицию, а элементы уголовно-правовых норм Особенной части именуют диспозицией и санкцией⁴.

В науке встречаются и другие мнения, согласно которым структурных элементов в норме уголовного права больше трех. Так, А.Г. Братко полагает, что гипотеза нормы раздваивается и представляет два элемента: гипотезу диспозиции и гипотезу

санкции⁵. Поэтому в структуру нормы он включает четыре элемента: условия применения запрета, запрет, условия применения санкции, санкцию.

Г.О. Петрова также считает, что уголовно-правовая норма состоит из четырех элементов. Принимая во внимание то, что нормы права регулируют общественные отношения путем указания на: 1) условия своего исполнения; 2) субъектов регулируемых отношений; 3) их взаимные права и обязанности; 4) санкцию, в теоретических и практических целях в уголовно-правовой норме следует выделить четыре элемента: 1) гипотезу, включающую фактическую конструкцию; 2) субъектов уголовно-правового отношения; 3) диспозицию — соответствующие права и обязанности субъектов уголовно-правового отношения; 4) санкцию, включающую наказания, а также иные последствия, предусмотренные в уголовном законе для лиц, совершивших преступления⁶. Отмеченная позиция подвергается справедливой критике⁷.

Содержание элементов уголовно-правовой нормы также является дискуссионным. По мнению С.Н. Братуся, гипотеза находится в Общей части Уголовного кодекса и ее составляет возраст, с которым связывается деликтоспособность⁸.

В.П. Малков считает, что та часть нормы, в которой предусматривается условие ее действия, со-

держит описание самого преступного деяния путем указания на типовые признаки соответствующего деяния. В другой части нормы предусматривается само правило, которое сводится к полномочию суда назначить виновному наказание и обязанности виновного отбыть его, а также к праву требовать, чтобы наказание было назначено в пределах, предусмотренных нормой права. По терминологии общей теории права первую часть уголовно-правовой нормы следовало бы именовать гипотезой, которую в уголовном праве именуют диспозицией, а вторую часть называть диспозицией, которую в теории уголовного права и законодательства именуют санкцией⁹.

В другой работе содержится утверждение, что норму можно «начать» с формулировки неправомерных действий, продолжить «диспозицией для суда» и закончить санкцией в отношении суда и т.д. (так, в принципе, и строятся уголовно-правовые нормы)¹⁰. Ряд ученых включают в гипотезу возраст, вменяемость, признаки, характеризующие специального субъекта, а также обстоятельства места, времени совершения преступления и др., в диспозицию — требование выполнить определенное действие (оказать помощь больному, сообщить об известных готовящихся или совершенных преступлениях и т.п.) либо воздержаться от его выполнения, а в санкцию — негативные последствия, которые следуют в случае невыполнения требования, выраженного в диспозиции¹¹.

Ю.Е. Пудовочкин справедливо замечает, что имеющиеся расхождения во взглядах во многом обусловлены присущим практически всем работам методологическим подходом, признающим наличие и допускающим раздельный анализ норм Общей и Особенной частей уголовного права (не случайно вопрос о структуре уголовно-правовой нормы возникает преимущественно в связи с анализом норм Особенной части), а порой и смешением нормы права и нормы закона.

Он считает, что уголовно-правовая норма не может иметь каких-либо специфических особенностей в своей структуре. Как и любая другая норма права, она состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, поскольку только совокупное наличие всех этих элементов дает в итоге завершённое, самостоятельное правило поведения. Отсутствие гипотезы, диспозиции или санкции позволяет говорить об ущербности правовой нормы, ее неполноте, а в силу этого — о неспособности нормы выполнить свое социальное

предназначение, о невозможности правоприменителю непосредственно использовать норму в конкретной практической ситуации. Установлению каждого из элементов нормы уголовного права способствует систематическое толкование уголовного законодательства, поскольку в силу требований юридической техники они не могут быть сосредоточены в одной статье (или части статьи) уголовного закона¹².

Полностью соглашаясь с мнением Ю.Е. Пудовочкина, необходимо уточнить, что в общей теории права устоялось мнение, согласно которому в гипотезе указываются юридические факты, очерчивается круг участников (субъектов) регулируемых отношений, которых диспозиция «связывает» взаимными правами и обязанностями¹³.

Общепризнанным выступает утверждение, что одной из форм проявления состояния научной теории служит учебная литература, которая рассчитана на быстрое ознакомление студента с тем, что современное научное сообщество считает знанием. Опираясь на учебник и принимая его содержание без доказательств, творчески мыслящий ученый имеет возможность начать исследование там, где оно остановилось, не разрабатывая теорию заново с исходных рубежей, оправдывая введение каждого понятия. Это дает возможность сосредоточиться на предмете изучения, участвуя, прежде всего, в изменении методов, эволюция которых, наряду с установлением новых отношений между явлениями, обеспечивает прирост научного знания¹⁴.

К сожалению, в современных учебниках по уголовному праву можно встретить следующие, подчас противоречивые, подходы к определению структуры нормы уголовного права и содержания ее элементов.

А.Е. Якубов утверждает, что, в отличие от норм Общей части УК РФ, правовые нормы Особенной части состоят из гипотезы, диспозиции и санкции.

Гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится. Она предполагается примерно в следующей форме: «если кто-либо совершит убийство...», а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под убийством.

Диспозицией называется та часть уголовно-правовой нормы (статьи), которая содержит определение предусмотренного ею преступного деяния и его состава. В Особенной части УК РФ имеются следующие виды диспозиций: простая, описательная, ссылаящая, бланкетная и смешанная (комбинированная).

Санкцией называется часть уголовно-правовой нормы (статьи), в которой определяются вид и размер наказания за конкретное преступление¹⁵. Подобным образом рассуждают также И.Я. Козаченко¹⁶ и И.А. Тарханов¹⁷.

А.И. Чучаев пишет, что структура норм Общей и Особенной частей различна. В нормах Общей части не выделяются ее элементы; гипотеза, диспозиция и санкция в них не обозначены. В зависимости от содержания и целей закрепленные в Общей части нормы можно дифференцировать на нормы-определения, нормы-принципы, нормы-декларации, нормы-правила, обязывающие и управомочивающие.

Специфическими чертами характеризуются нормы, включенные в Особенную часть УК РФ. Они состоят из двух структурных элементов: диспозиции и санкции. Диспозиция — это структурный элемент уголовно-правовой нормы, в котором указаны признаки преступления; санкция — структурный элемент нормы, в котором закреплены вид, срок или размер наказания.

Нормы Особенной части непосредственно не формулируют гипотезы, т.е. условия, при которых действует данная норма. Гипотеза для всей Особенной части общая, и вытекает она из положений Общей части (в частности ст. 8 УК РФ)¹⁸.

М.П. Журавлев полагает, что статьи Общей и Особенной частей УК РФ различаются по структуре.

Статьи Общей части УК РФ включают гипотезу и носят декларативный характер, т.е. определяют те или иные институты уголовного права, содержат нормы уголовного права (ст. 3—8, 14, 21, 24, 29, 32, 37—42 и др.).

Статьи Особенной части УК РФ подразделяются на диспозицию и санкцию, при этом диспозиция слита с гипотезой¹⁹.

Интересным является подход к рассматриваемому вопросу Г.А. Есакова, согласно которому структурно-содержательно запретительная уголовно-правовая норма может быть представлена в следующем виде. Гипотезой нормы (условием применения правила поведения) будет служить указание на факт совершения лицом, подпадающим под временные и пространственные рамки действия данного уголовного закона, деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного таким законом: «если ты совершаешь преступление — убийство, кражу, шпионаж и т.д. ...». Логическим путем гипотеза нормы может быть выведена из ст. 8 УК,

где указывается, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Диспозицией нормы (самим правилом поведения) будет запрет совершать такое деяние: «... преступление — убийство, кражу, шпионаж и т.д. совершать нельзя...». Логическим путем диспозиция нормы может быть выведена из ч. 1 ст. 14 УК РФ, где указывается на запрещенность определенных видов поведения уголовным законом. Санкцией нормы (неблагоприятными последствиями, которые наступают за неисполнение правила поведения) будет указание на возможные виды наказаний и их размеры, следующие за совершением запрещенного деяния: «...иначе ты будешь подвергнут тому-то и (или) тому-то». Логическим путем санкция нормы может быть выведена из каждой статьи (части статьи) Особенной части и положений Общей части УК РФ²⁰.

В результате анализа приведенных выше мнений и с учетом общепринятых в общей теории права обозначений, а также философских оснований уголовной ответственности логическое содержание структурных элементов запрещающих норм уголовного права можно раскрывать следующим образом: если перед адресатом запрещающей уголовно-правовой нормы (вменяемым физическим лицом, на которое распространяется действие УК РФ) возникнет выбор между совершением запрещенного ею варианта общественно опасного поведения или воздержанием от его совершения (гипотеза), то он обязан воздержаться от его совершения (диспозиция), иначе он подлежит уголовной ответственности (санкция).

Например, норму, запрещающую совершение преступления, объективная сторона которого описана в ч. 1 ст. 158 УК РФ, можно структурно представить следующим образом: если перед вменяемым, достигшим четырнадцатилетнего возраста лицом, на которое распространяется действие уголовного закона, возникнет выбор между совершением кражи, т.е. тайного хищения чужого имущества, или воздержанием от ее совершения (гипотеза), то это лицо обязано воздержаться от ее совершения (диспозиция), иначе к нему может быть применено уголовное наказание или иные меры уголовно-правового характера (санкция).

Таким образом, гипотеза как структурный элемент нормы уголовного права тесно связана, в первую очередь, с входящими во второе звено ме-

ханизма уголовно-правового регулирования юридическими фактами, а диспозиция — с входящим в то же звено правовым статусом субъектов уголовно-правовых отношений. Связь норм уголовного права с третьим звеном данного механизма (актами реализации норм уголовного права) обусловлена их действием либо в форме соблюдения адресатами предусмотренных ими запретов (позитивная уголовная ответственность), либо в форме правоприменительной деятельности, направленной на реализацию охранительных уголовно-правовых отношений и негативной уголовной ответственности.

- ¹ Статья подготовлена с использованием Справочной Правовой Системы «КонсультантПлюс».
- ² Советское уголовное право: Библиографический справочник (1961—1980 гг.) / Сост. А.С. Горелик. М., 1983. С. 47—48, 340—341; Советское уголовное право: Библиографический справочник (1981—1985 гг.) / Сост. А.С. Горелик. Красноярск, 1987. С. 24—27; Уголовное право: Библиографический справочник (1986—1995 гг.) / Сост. А.С. Горелик. СПб., 1996. С. 46—50; Уголовное право: Библиография (1985—2006 гг.) / Под ред. А.Э. Жалинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 128—152, 627—628.
- ³ Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 188.
- ⁴ Малков В.П. Совершенство преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1974. С. 80; Курс уголовного права. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой, канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой). М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении. С. 84.
- ⁵ Братко А.Г. Запреты в уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979.
- ⁶ Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Н. Новгород, 2003. С. 145—169.
- ⁷ Радько Т.Н. Теория государства и права: учебное пособие.

М.: Российская академия адвокатуры, 2001. С. 248.

- ⁸ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. М: Юрид. лит., 1976. С. 101—102.
- ⁹ Малков В.П. Совершенство преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1974. С. 79—80.
- ¹⁰ Кудряцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид.лит., 1981. С. 58.
- ¹¹ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 41—43.
- ¹² Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 188.
- ¹³ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 362.
- ¹⁴ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 179—187.
- ¹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др. Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».
- ¹⁶ Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 199—200.
- ¹⁷ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / С.А. Балева, Б.С. Волков, Л.Л. Кругликов и др. Под ред. Ф.Р. Сундунова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».
- ¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головиненков и др. Под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».
- ¹⁹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Д.И. Аминов, Л.И. Беляева, В.Б. Боровиков и др. / Под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юстицинформ, 2009 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».
- ²⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков и др. Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».



Философия. Общий курс: учебник для студентов вузов / Д.И. Грядовой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 463 с.

Дается содержательная характеристика основных разделов философского знания. Философские идеи, концепции, теории рассматриваются посредством их систематизации в наглядном и удобном для читателя виде.

Учебник позволит студентам в предельно сжатые сроки систематизировать и конкретизировать знания, приобретенные в процессе изучения философии; сосредоточить свое внимание на основных понятиях и категориях, их специфике и особенностях; сформулировать примерный план ответов на возможные экзаменационные вопросы.

Для студентов высших учебных заведений, а также для аспирантов и соискателей, изучающих дисциплину «История и философия науки».

ТИПОЛОГИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА ВОЛКОНСКАЯ,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: volkonskayaek@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлены типологии насильственных рецидивных преступлений по: месту (роли) насилия в механизме преступного поведения; соотносимости причин преступного поведения с внешними обстоятельствами; динамике общественной опасности первичного и повторного преступлений; силе агрессивного импульса рецидивиста; условиям, влиявшим на формирование преступной мотивации. Раскрыты существенные особенности каждого типа, а также направления практического применения положений данных типологий.

Ключевые слова: насильственное рецидивное преступление, типология, мотивация, насилие, враждебный тип.

Annotation. The article classifies the repeated crimes of violence by position (role) of violence in criminal misconduct mechanism; by criminal misconduct reasons being associated with external circumstances; by dynamics of social danger caused by primary and recurrent crimes; by repeater's aggressive impulse force; by conditions that prompted criminal motivation development. The author gives the essence of each type and lists the areas of practical application of the above classifications.

Keywords: repeated crime of violence, classification, motivation, violence, hostile type.

Насильственные рецидивные преступления, объединенные по признаку совершения вновь насильственного преступления лицом, ранее осужденным или освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за тождественное или однородное преступление, многообразны. Для более глубокого понимания сущности насильственных рецидивных преступлений необходимо провести их типологию, которая целесообразна по нескольким основаниям.

Существенное значение представляет типология рецидивных насильственных преступлений в зависимости от роли (места) насилия в механизме первичного и рецидивного насильственных преступлений. Как известно, насилие может выполнять роль самоцели (враждебное, эмоциональное насилие) или роль средства достижения иной цели (инструментальное насилие). Типология по данному критерию особенно актуальна для рецидивных насильственных преступлений, поскольку, фиксируя постоянство или изменчивость конкретного места насилия в индивидуальном преступном поведении

(рецидивном), его сути (самоцель или средство), позволяет судить о значении преступного насилия для преступника и прогнозировать его дальнейшее поведение. В зависимости от типа совершаемых насильственных рецидивных преступлений должна строиться линия превентивного воздействия на рецидивистов с доминирующей составляющей либо мер психологического (психиатрического, медицинского) характера, либо мер уголовно-правового (неотвратимость наказания), социально-экономического (трудоустройство, обеспечение жильем отдельно от лиц, провоцирующих насилие и т.д.) характера и других. Таким образом, по роли (месту) насилия в механизме первичного и рецидивного насильственных преступлений следует различать следующие типы насильственных рецидивных преступлений:

- 1) враждебный (эмоциональный);
- 2) инструментальный;
- 3) смешанный.

Насильственные рецидивные преступления враждебного (эмоционального) типа — это рецидивные преступления, в которых и при первичном,

и при повторном преступлениях насилие выступало в роли самоцели. Лица, совершающие преступления данного типа, видят в них единственное средство разрешения конфликтов (как внутренних, так и внешних). Преодоление посредством рецидивных насильственных преступлений внутренних (внутриличностных) конфликтов личности характеризует мотивацию преступника стремлением (осознанным или неосознанным) к насильственно-эгоистическому самоутверждению (например, нападение на улице и избиение или умышленное причинение смерти незнакомому человеку). Преодоление посредством рецидивных насильственных преступлений внешних (межличностных) конфликтов может побуждаться также стремлением к насильственно-эгоистическому самоутверждению (например, в случае ссоры при совместном распитии спиртных напитков и применении для утверждения своей правоты насилия) или мотивами мести, ревности, «восстановления» (в понимании преступника) социальной справедливости (например, самостоятельная (без обращения в государственные органы) насильственная расправа над распространителями наркотиков, причинителями вреда собственным или чужим интересам и т.д.¹).

Насильственные рецидивные преступления инструментального типа составляют те преступления, в которых и при первичном, и при повторном преступлениях насилие выступало в качестве средства достижения цели. Данные преступления совершаются рецидивистами без особого психологического отношения (тяги) к насилию. Они рассматриваются насильственными рецидивистами лишь как средство для удовлетворения иного, ведущего мотива их поведения. Ведущими мотивами насильственных рецидивных преступлений инструментального типа являются обогащение (например, при разбое, вымогательстве), устранение конкурентов (при заказных убийствах), воздействие на решения представителей или органов государственной власти, международных организаций (например, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, терроризм) и другие.

Насильственные рецидивные преступления смешанного типа представляют собой рецидивные преступления, в одном (нескольких) из которых на-

силие являлось самоцелью, а в другом (других) — средством достижения иной цели. При смешанном типе насильственных рецидивных преступлений для первичного преступления, как правило, характерна враждебная мотивация. В дальнейшем же насилие (однажды примененное и ставшее психологически возможным для данной личности к повторению) используется для достижения корыстных целей, обеспечения своих материальных потребностей. Хотя возможна и такая ситуация, когда, впервые совершив насильственное преступление ради обогащения (т.е. инструментальное) и оказавшись в местах лишения свободы, во время или после отбытия наказания рецидивист начинает совершать враждебные насильственные преступления. Это может быть связано с применением насилия в отношении него в пенитенциарных учреждениях (другими осужденными или сотрудниками исправительного учреждения)².

Инструментальное насилие имеет видимые причины (например, насилие при разбойном нападении применяется для хищения чужого имущества, насилие при терроризме — для воздействия на решения органов власти или международных организаций). Оно поддается объяснению со стороны других лиц (внешне рационально). Хотя следует учитывать, что, помимо поверхностных мотивов совершения рецидивных насильственных преступлений (обогащение, раздел криминальных сфер влияния и т.д.), рецидивистами движут и глубинные мотивы, не всегда осознаваемые ими самими. Как справедливо указывает Ю.М. Антонян, разбойники и бандиты часто убивают не только для завладения ценностями, но и для самоутверждения и получения полной власти над жертвой³.

Враждебное насилие в ряде случаев внешне рационально, т.е. имеет видимые, внешние причины (например, убийство из мести), а в остальных случаях мотивы его совершения скрыты от сознания как самого преступника, так и иных лиц (например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью незнакомому прохожему). Таким образом, в ряде случаев враждебное насилие иррационально; его причины находятся глубоко, в неосознаваемой подструктуре психики и не известны ни самому преступнику, ни иным лицам (хотя при специальной работе с преступником психоаналитика истинные мотивы могут быть выявлены). Совершение иррациональных насильственных рецидивных пре-

ступлений всегда связано с определенными расстройствами психики личности (не исключающими вменяемость). Следует помнить, что для каждого преступника собственное преступное поведение всегда закономерно и соответствует особенностям его личности, протекания процесса его социализации. Внешне иррациональное враждебное насилие связано с решением субъектом своих внутренних проблем. Насилие над другим выступает для такого лица средством самоутверждения. Так, внешне немотивированные убийства совершаются ради самогочинения смерти, глубинного стремления торжества над жизнью.

Поэтому, в зависимости от соотносимости причин насильственных рецидивных преступлений с внешними обстоятельствами, следует выделить два их типа:

1) тип рациональных (внешне объяснимых) насильственных рецидивных преступлений. Данный тип включает насильственные рецидивные преступления, в которых:

а) насилие не является конечной целью (при стремлении к обогащению, разделе криминальных сфер влияния);

б) насилие выступает конечной целью и является результатом реакции на изменения внешних обстоятельств, на конкретную ситуацию (при местности, ревности, «восстановлении» социальной справедливости и т.д.);

2) тип иррациональных (внешне не поддающихся рациональному объяснению, не имеющих видимых причин) насильственных рецидивных преступлений. К данному типу относятся преступления, в которых насилие выступает конечной целью преступления и является преимущественно результатом субъективных, внутренних конфликтов преступника, не осознаваемых им самим (рецидивные убийства, в основе которых лежат расстройства психики (не исключающие вменяемость) некрофильского характера; рецидивные причинения вреда здоровью разной степени тяжести, в основе которых лежат расстройства психики (не исключающие вменяемость) садистского характера и др.).

Практический интерес представляет также типология враждебных насильственных рецидивных преступлений в зависимости от степени тяжести первичного и повторного преступлений. Данный признак отражает нарастание, удержание на одном уровне или снижение общественной опасности ре-

цидивных преступлений и, соответственно, может использоваться для прогнозирования индивидуального преступного поведения. По динамике общественной опасности можно выделить следующие три типа враждебных насильственных рецидивных преступлений:

- 1) возрастающей общественной опасности;
- 2) равнозначной общественной опасности;
- 3) снижающейся общественной опасности.

Подавляющий удельный вес рецидивных насильственных преступлений составляют преступления первого типа. Во-первых, с каждым совершением насильственного преступления повышается агрессивность субъекта. Во-вторых, с увеличением времени, проведенного в местах лишения свободы, возрастает агрессивность и усиливается процесс деградации личности. Это ведет к возрастанию тяжести каждого последующего насильственного преступления. Лишь в некоторых случаях, когда к моменту совершения повторного насильственного преступления лицо физически ослабевает и снижается его психическая активность (например, в силу пожилого возраста или преждевременного старения, связанного с длительным отбыванием наказания в местах лишения свободы), вероятнее совершение им менее тяжкого насильственного преступления, чем совершенного ранее. Намного реже рецидивист совершает равнозначные по степени общественной опасности насильственные преступления. Это касается в основном половых преступлений (каждый десятый освобожденный от отбывания наказания за половые преступления вновь совершает аналогичное деяние⁴), значительно реже — убийств (доля рецидивистов, непосредственно предыдущая судимость которых была тоже за убийство, в общем числе рецидивистов, отбывающих наказание за убийство составляет 2%⁵).

В каждом человеке, как и в животном, заложен агрессивный инстинкт. Он предполагает готовность к атаке при возникновении угрозы для жизни. Но в экстремальных ситуациях некоторым людям свойственны проявления агрессии значительно завышенные, не соответствующие конкретным обстоятельствам (жестокость), а также проявление агрессии вовсе при отсутствии угрозы собственной безопасности или безопасности других. В частности, некоторые осужденные, повторно судимые за насильственные преступления, среди причин

преступлений называют то, что они заступились за слабого (за мать, ребенка, подругу и т.д.). Однако, форма и пределы защиты от видимой (или мнимой) угрозы превысили те, которых требовала ситуация, на что влияют особенности конкретной личности.

Поэтому, в зависимости от силы агрессивного импульса рецидивиста, проявляемого во враждебных насильственных преступлениях, следует различать:

- ❖ средне эмоционально-агрессивные насильственные рецидивные преступления — преступления, насилие в которых применяется для реализации мотива мести, ревности, «восстановления» социальной справедливости и не выходит за пределы того уровня, который необходим исходя из конкретной ситуации;
- ❖ повышено эмоционально-агрессивные насильственные рецидивные преступления — преступления, насилие в которых применяется ради удовлетворения потребности в ощущении власти над другим, причинении ему страданий (садизм). Э. Фромм «сердцевину» садизма видел в страсти или жажде власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом. «Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, — это проявление абсолютного господства»⁶;
- ❖ высоко эмоционально-агрессивные насильственные рецидивные преступления — преступления, насилие в которых применяется для сеяния смерти, исключительно ради убийств, торжества над жизнью (некрофилия).

Нарастание агрессивности, как и укоренение в человеческой природе агрессии как коллективного бессознательного опыта, связано со стереотипным представлением личностью образа врага при условии доминирования у нее таких устойчивых асоциальных качеств, как злобность, жестокость, эмпатия, аутизм, дефекты социальной идентификации. Л. Берковиц агрессивными характеризует людей, для которых характерно часто видеть угрозы и вызовы со стороны других людей, готовность атаковать тех, кто им не нравится, враждебная установка к другим людям⁷.

Как известно, в криминологической науке принято различать формирующие и способствующие условия преступлений. Первые формируют кри-

миногенную мотивацию личности; вторые способствуют ее реализации в конкретных (способствующих совершению преступления) ситуациях. В зависимости от условий, влияющих на формирование мотивации насильственных рецидивных преступлений, последние следует типизировать на:

- ❖ маргинальный тип (образ повседневной жизни);
- ❖ профессиональный тип (криминальный промысел);
- ❖ патологический тип (психически аномальная тяга к причинению страданий, смерти, не исключающая вменяемость).

Маргинальный тип насильственных рецидивных преступлений составляют преступления, на формирование мотивации которых влияют особенности среды маргинальных групп населения — социально-негативных, отчужденных от общественно полезных связей, не имеющих постоянного источника доходов (бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки и др.). К таким условиям относятся примитивизация потребностей и способов их удовлетворения, негативно искаженная система ценностей и норм поведения, царство насилия, грубости и произвола во взаимоотношениях друг с другом и, соответственно, другими людьми, алкоголизация и т.д.

Профессиональный тип насильственных рецидивных преступлений составляют преступления, на формирование мотивации которых влияет распространение в стране организованной преступности и создаваемый ею спрос на наемных профессиональных убийц, «выбивателей» долгов и т.д. Преступления указанного типа совершаются хладнокровно, по заранее продуманному плану, в виде промысла для систематического извлечения прибыли.

Патологический тип насильственных рецидивных преступлений включает преступления, на формирование мотивации которых влияют психические расстройства (в рамках вменяемости) преступника, связанные с тягой к причинению страданий, смерти. Для такого типа преступлений характерен узкоспециальный рецидив, т.е. совершение тождественных преступлений. Лица с аномалиями психики попадают в психологическую (патологическую) зависимость от собственного преступного поведения (не исключающую вменяемость). Так, лицо, повторно совершающее убийства, сокрушая других, пытается обрести некоторую (внутреннюю) свободу. Однако, как справедливо указывает Ю.М. Антонян, «он выявляет свою жесткую зависимость не только от

собственных переживаний, но и от того, что является смыслом и целью его поведения; совершенное убийство вызывает новые переживания и новые проблемы и, следовательно, закрепляет его субъективное порабощение, что почти всегда наглядно видно при анализе личности и внутреннего мира человека, совершившего ряд убийств»⁸. Таким образом, сокрушая другого, такие лица свободу не обретают, а оказываются в плену новых аналогичных переживаний. Такие лица находятся в постоянной готовности нанести вред окружающим, в конфликтной ситуации (содержащей личностно-критические признаки), неспособны сдерживать первое агрессивное побуждение, проявляют крайне пониженный самоконтроль.

Таким образом, рецидивное преступное насилие разнообразно по: месту (роли) насилия в механизме преступного поведения; соотносимости причин преступного поведения с внешними обстоятельствами; динамике общественной опасности первичного и повторного преступлений; силе агрессивного импульса рецидивиста; условиям, влиявшим на формирование преступной мотивации. Представленные типологии насильственных рецидивных преступлений позволяют различать сущностные характеристики разных типов преступлений рассматриваемой группы и на основе этого разработать комплексы мер, специально направлен-

ных на снижение (устранение) действия причин и условий, специфичных для каждого отдельного типа насильственных рецидивных преступлений. Кроме того, указанные типологии позволяют выработать и осуществлять дифференцированные меры предупредительного (в т.ч. исправительного) воздействия на лиц, от которых можно ожидать совершение рецидивного насильственного преступления.

¹ Указанные действия являются формами «самосуда» и получили широкое распространение в современной России, что свидетельствует о низком уровне законности в стране, который, с одной стороны, проявляется в уходе виновных от правосудия, а с другой, — в допущении распространения случаев незаконных (самостоятельных, без обращения в государственные органы) расправ членов общества над виновными.

² В данном случае речь может идти как о мести непосредственно в отношении лица, нанесшего обиду, так и о сублимированной мести, т.е. применении насилия к иным лицам, посредством которого лицо стремится избавиться от чувства дискомфорта, связанного с тем, что он сам был кем-то обижен.

³ См.: *Антоян Ю.М.* Множественные убийства: природа и причины: монография. М.: Логос, 2012. С. 131.

⁴ См.: *Городнянская В.В.* Постпенитенциарный рецидив: монография / Под науч. ред. заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора В.А. Уткина. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 59.

⁵ См.: *Абельцев С.Н.* Личность преступника и проблемы криминального насилия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. С. 130.

⁶ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 251—252.

⁷ См.: *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. С. 44.

⁸ *Антоян Ю.М.* Множественные убийства: природа и причины: монография. М.: Логос, 2012. С. 113.



Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [И.И. Аминов и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Этот учебник — один из немногих опытов разработки проблем профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Его главная задача — способствовать повышению нравственной и правовой культуры работников криминальной полиции и полиции общественной безопасности.

С современных позиций рассматриваются основные этические проблемы: сущность морали, категории этики, история нравственных начал в деятельности царской полиции и советской милиции. Даются рекомендации по формированию у сотрудников общих и профессиональных компетенций, убеждений, умений и навыков соблюдения моральных и правовых норм в профессиональной деятельности и повседневном поведении. Особое внимание уделяется анализу Типового кодекса профессиональной этики и служебного поведения в контексте той или иной главы.

Для учащихся и преподавателей образовательных учреждений МВД России. Учебник может быть использован в процессе служебной подготовки сотрудников полиции.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВЗЯТКА» И «ПОДКУП», ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖАБСКИЙ,

*доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: vzhabskii@mail.ru

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ГЛАДКИХ,

аспирант Международного юридического института

E-mail: vzhabskii@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются причины, по которым законодатель использует различные понятия при определении, казалось бы на первый взгляд, одного явления, есть ли какие-либо смысловые различия между ними или нет. Проанализирована природа такого явления, как «взятничество», выработано понятие получения подкупа, сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: подкуп, взятка, должностное лицо, коррупция, взяточничество, антикоррупционный.

Annotation. The article touches upon the reason why Russian legislator appeals to different terms for seemingly similar phenomena, discusses whether they have any semantic differences, analyzes the nature of bribery phenomenon; formulates the concept of bribe-taking, sets forward improving suggestions in the field of criminal legislation.

Keywords: bribe, bribery, official body, corruption, corrupt practice, anti-corruption.

Еще недавно в различных изданиях можно было прочесть, что коррупция как явление, выражающаяся в продажности государственных и политических деятелей, чиновников и должностных лиц государственного и общественного аппарата, характерна лишь для буржуазного общества. Тем не менее, громкие уголовные процессы середины и второй половины 80-х годов прошлого века, когда к ответственности за корыстные злоупотребления по должности и получение взяток привлекались крупные хозяйственные руководители, ответственные партийные и советские функционеры, работники правоохранительных органов, заставили признать, что коррупция поразила и наше общество.

Проблема коррупции в России и в мире приобретает угрожающий характер. Она получила широкое распространение во всех слоях общества и среди всех ветвей власти. По уровню коррумпированности Россия занимает одно из первых мест¹. Коррупция демонстрирует полное безразличие го-

сударственных должностных лиц к общественной пользе, закону, народу. Данное обстоятельство сегодня признали и государственные органы России. Создаются различные комиссии и комитеты по борьбе с данным социальным злом. Так, недавно в России был создан Национальный антикоррупционный комитет, который обратился к гражданам со следующим заявлением: «Коррупция превратилась в реальную угрозу национальной безопасности России. Страна все глубже погружается в трясины коррупции, которая резко снижает эффективность экономики, пожирая то, что создано честным трудом сограждан, усиливает нищету и социальное неравенство, расширяет пропасть между обществом и властью, превращает политику в сферу дележа национально богатства, наносит ущерб престижу страны на мировой арене.

Проведение последовательной антикоррупционной политики заменено у нас ожесточенной войной компроматов. Факты коррупции крайне редко

становятся материалами уголовных дел или не доводятся до суда. Коррупционность становится одним из условий при назначении на государственные должности, а честность и принципиальность — препятствием.

Бездействие власти перед лицом разрастающейся коррупции может иметь катастрофические последствия, вплоть до развала российской государственности. Нельзя допустить, чтобы коррупция разорвала единство России. Власть должна осознавать опасность коррупции для самой себя и организовать реальную борьбу с ней. Нам необходимо действовать самим и побуждать к действию власть...»².

Коррупция, продажность, взяточничество, подкуп стали одной из наиболее обсуждаемых проблем. Слова «коррупция», «взяточничество», «подкуп» не сходят со страниц средств массовой информации, литературы. Их произносят политики, ученые, граждане, нередко вкладывая в них то одинаковый, то совсем разный смысл. Для правоприменителей данные фразы не просто слова, а уголовно-правовые понятия, для правильного уяснения которых необходимо понимать их смысловое содержание.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит следующие составы, предусматривающие ответственность за взяточничество и подкуп:

Ст. 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий

1. Воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав или права участвовать в референдуме, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий или комиссий по проведению референдума.

2. Те же деяния:

а) соединенные с *подкупом*, обманом.

Ст. 183. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну

1. Собираение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем похищения документов, *подкупа* или угроз, а равно иным незаконным способом в целях разглашения либо незаконного использования этих сведений.

Ст. 184. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов

1. *Подкуп* спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований, а равно организаторов или членов жюри зрелищных коммерческих конкурсов в целях оказания влияния на результаты этих соревнований или конкурсов.

Ст. 204. Коммерческий подкуп

1. *Незаконная передача лицу*, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг.

2. *Незаконное получение лицом*, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг.

Ст. 290. Получение взятки

1. Получение должностным лицом лично или через посредника *взятки* в виде денег, ценных бумаг.

Ст. 291. Дача взятки

1. Дача *взятки* должностному лицу лично или через посредника.

Ст. 291.1. Посредничество во взяточничестве

1. Посредничество *во взяточничестве*, то есть непосредственная передача *взятки* по поручению *взяткодателя* или *взяткополучателя*.

Ст. 304. Провокация взятки либо коммерческого подкупа

Провокация *взятки* либо коммерческого *подкупа*, то есть попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих либо иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг.

Ст. 309. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу

Подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта в целях дачи им ложного заключения.

Девять статей УК РФ устанавливают уголовную ответственность за преступления, связанные с так называемым подкупом. Как мы видим, законодатель использует в статьях УК РФ различную терминологию при определении данного социального явления: «взятка», «подкуп». Помимо этого, в теории уголовного права и в обиходе граждан, политиков, ученых используются такие понятия как взяточничество и коррупция. Почему законодатель использует раз-

личные понятия при определении, казалось бы, на первый взгляд, одного явления? Есть ли какие-то смысловые различия между ними или нет? Для того чтобы ответить на данные вопросы, необходимо проанализировать природу такого явления, как взяточничество.

Существует мнение, что взяточничество, подкуп и коррупция — это синонимы. На первый взгляд, это может показаться вполне правдоподобным, так как термин «коррупция» происходит от латинского слова *corruptio*, означающего порчу, подкуп. В словаре иностранных слов отмечается, что данное слово происходит от латинского *corruption* и обозначает «подкуп; в капиталистических странах — подкупность, продажность общественных и политических деятелей, а также государственных чиновников и должностных лиц»³. Там же приведены термины «корруптированность», «корруптировать» (лат. *corruptere* — подкупать кого-либо деньгами или иными материальными благами).

Более позднее толкование данного слова в русском языке носило многозначный характер: переводилось как подкуп, порча, разложение.

Академический словарь современного русского литературного языка⁴ определяет взятку как подарок, плату должностному лицу за совершение каких-либо незаконных действий в интересах дающего; принудительные поборы с зависимых и подчиненных лиц. С. Ожегов в Толковом словаре русского языка дает такое толкование взятки: «взятка — это деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий»⁵. Почти аналогичное определение дает и Большой толковый словарь русского языка Института лингвистических исследований Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург): «взятка — это деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего»⁶.

Наиболее полное толкование взятки содержится в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля: взятка означает «срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакшиш, хабара, магарычи, плату или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело. При этом взятка — это не то, что обещано, а то, что взято фактиче-

ски. То, что обещано, но фактически не взято, есть посул»⁷.

В праве различают взятку за действие должностного лица, взятку за бездействие, взятку за покровительство и взятку-вымогательство. В русском же языке, как видим из толкования В. Даля, есть взятка-срыв, взятка-подкуп, взятка-подарок и др. Рассмотрим каждое из этих толкований подробно, но прежде отметим, что из толкования взятки по В. Далю следует: во-первых, что плата или подарок становится взяткой только тогда, когда они преподнесены именно должностному лицу; во-вторых, что взятка может быть дана как за законное, так и за незаконное дело; в-третьих, что плата или подарок должностному лицу, если нет стеснения и нарушения закона, — это уже не взятка; в-четвертых, что не важно, сколько дано (в стоимостном выражении) во избежание стеснений или для подкупа на незаконное дело, в любом случае — это взятка. Высшие судебные органы современной России (и это описано ниже) разъяснили вопросы судебной практики так, что с юридической точки зрения подарок за законное бездействие в пользу дающего — это тоже взятка.

Термин «срыв» означает, что должностное лицо ведет себя так, чтобы вынудить, заставить дать взятку, т.е. откупиться. Таким образом, срыв связан с действием или бездействием, волокитой, при которой «срыватель» ничего не разъясняет жертве, ничего не требует словами, действует по пословице: «Судья (начальник) что брюхо: и молчит, да просит». В качестве примера срыва можно привести известный случай с графом В.Н. Паниным — министром юстиции Российской империи в период с 1841 по 1862 гг.: при совершении рядовой записи в пользу своей дочери для ускорения дел он был вынужден передать судьям через одного из чиновников Министерства юстиции 100 руб.⁸ А это были деньги по тем временам немалые. Причем никаких угроз, стеснений со стороны судей не было. Не было и подкупа на незаконное дело. Совершить нужно было совершенно законную процедуру. Опасность для графа-министра не успеть получить запись к какому-то сроку, вероятно, была, но исходила она из существующего положения, а не от судей как таковых, хотя, конечно же, они об этом знали. Взятка-срыв не предусматривает вымогательства в том виде, в каком вымогательство разъяснено в Постановлении Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», которое под вымогательством понимает «не только требование должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, дать взятку либо передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан)»⁹. Таким образом, в юридическом толковании при вымогательстве должностное лицо требует, а при срыве никакие формальные требования со стороны должностного лица не выдвигаются вообще. И сегодня действий, когда должностное лицо ничего не требует, но и ничего не делает, предостаточно.

«Поборы» толкуются как срыв, сбор вымогательством¹⁰. Ныне действующий УК РФ не содержит слова «поборы» (как и слова «срыв»), но это не значит, что такие действия в повседневной жизни не встречаются. В частности, поборы с продавцов на рынках — явление до сих пор весьма распространенное; однако именуются такие поборы пришлым (т.е. иностранным) словом «рэкет». Кроме того, существуют поборы ко дню рождения начальника, когда простому (рядовому) работнику говорят: «Мы тут решили подарок начальнику на день рождения «организовать». Ты как?» Очевидно, что за отказом весьма вероятны различного рода осложнения по службе.

Далее следуют так называемые «приносы». «Приносы, — пишет В. Даль, — служащим, даже воеводам, встарь были в обычае», следовательно, принос, кроме прочего, это еще и взятка начальнику. Таким образом, взятка от низшего к высшему — это именно принос.

«Гостинец» — это подарок, обычно привезенный, присланный откуда-либо. Но, кроме прочего, это еще и взятка от близкого человека. Это самый безопасный, на первый взгляд вид взятки. Так как ожидать от него подвоха при передаче или получении гостинца трудно.

Далее следует «бакшиш». Это слово имеет татарские корни и означает не саму по себе взятку, а некие деньги на чай, водку и пр.; по сути бакшиш — это небольшая «взяточка». А.Н. Толстой в романе «Петр I» пишет: «Удалось мне повернуть дело, — великий визирь хоть завтра подпишет мир... Бакшиш надо дать кое-кому». Этим автор подчеркивает: дать надо, но надо немного.

«Почесть» — это всякое внешнее оказание уважения, почета лицу по должности, по заслугам. В старину толковалась, кроме прочего, как своеобразная плата, взятка перед началом разговора с должностным лицом о деле для его ублажения. В настоящее время данное слово в значении взятки практически не используется. Вместо него используется «уважение».

Далее следует «пешкеш». Слово имеет персидские корни и означает, кроме прочего, взятку-подачку или взятку-поклон. Если принос, почесть подразумевает своего рода уважение к получающему, то пешкеш — презрение.

«Хабара» — это взятка для получения барыша, наживы. М. Горький так использует это слово в произведении «Лето»: «Расскажи, вор, нам, миру, — рубит солдат, — сколько ляпинскому управляющему хабары дал, когда аренду перебил у нас».

«Магарыч» — это угощение при сделках и продажах (обычно с выпивкой). В стоимостном выражении магарыч больше бакшиша. Приведем литературный пример: «Торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя, веди в трактир, угощай чаем!» (А.Н. Островский «Пучина»).

«Подкуп» как взятка означает склонять на свою сторону деньгами, подарками; ослеплять мздой. И.С. Тургенев в произведении «Новь» пишет: «Боже мой! — внутренне простонал он... — Я видал все и всех... Меня одурачили, подкупили хорошей сигарой!» Цена, как видим, роли не играет. С позиции автора Толкового словаря живого великорусского языка, подкупить можно должностное лицо или лицо, не занимающее должности. Но подкупающий должен быть заинтересован в склонении подкупаемого по тем или иным причинам. С точки зрения современного права должностное лицо подкупить нельзя, ему можно дать взятку. Если мы обратимся за примерами к русской литературе, то увидим, что подкупают и должностных лиц.

В действующем УК РФ слово «подкуп» используется в семи статьях (а именно ст.ст. 33, 141, 183, 184, 204, 304 и 309), т.е. гораздо чаще, чем слово «взятка», которая используется всего в четырех статьях (ст.ст. 290, 291, 291.1 и 304). Но привлекают к уголовной ответственности за взятки на порядок чаще, чем за подкуп. Подкуп или, по крайней мере, коммерческий подкуп определяется ст. 204 УК РФ как «незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание ему услуг имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением». Таким образом, в юридическом смысле «взятка» и «подкуп» отличаются только тем, кто получает имущественную выгоду.

«Подарок» — то, что дарят. Отграничение истинного подарка от подарка-подкупа — дело весьма непростое, тонкое. Подкуп-подарок от подарка по В. Далю отличается тем, что подарок отдается бесплатно, безвозмездно, даром. В данном случае наблюдается согласие между толкованием в русском языке и праве: подкуп рассматривается как своеобразный возмездный договор, а подарок — безвозмездный (ст.ст. 423, 572 Гражданского кодекса Российской Федерации). Таким образом, как взяточничество, так и подкуп имеют характер сделки.

«Помин», «поминонок», который толкуется как дар, подарок, принос, поклон, гостинец, приношение в знак памяти, любви с целью избежать притеснений в будущем. П.И. Мельников (А. Печерский) в романе «В лесах» так описывает дачу помина: «Уж это как ты себе хочешь, а поминонок от учениц прими, не побрезгуй». В. Даль же пишет, что березовские остяки, сверх ясака, встарь вносили поминонок на воеводу.

И, наконец, «щеть», толкования которой в качестве взятки, которую срывают, явно недостаточно¹¹. Установить ее отличие от срыва, к сожалению, не удалось.

В русском языке есть еще несколько слов, так или иначе связанных с подкупом. Например, «корысть» — это страсть к приобретению, поживе; жадность к деньгам, богатству; любостяжание, падкость на барыши, взятки. Под корыстолюбцем понимается мздоимец, человек неразборчивый в средствах к наживе. Если сравнить слова «корысть» и

«коррупция», «корыстолюбец» и «коррупционер», то нельзя не отметить их сходства.

Проанализировав понятия взятки и подкупа в современном русском языке, можно сделать вывод о том, что «задабривать подарками», «задаривать», «склонять на свою сторону деньгами, подарками, располагать в свою пользу» означает не что иное как «подкупать»¹². В свою очередь подкуп, подкупка предполагают взаимные обязательства сторон. И в этом случае подарок становится своеобразной наградой с присущим ей признаком возмездности, с оценкой ее с точки зрения законности либо незаконности. Подарок как средство оказания внимания приобретает форму средства достижения своей цели дарителем. В результате чего такого рода «подарок», например, в уголовном праве может приобрести качество «взятки», «подкупа», даритель — статус взяткодателя, одаряемый — статус взяткополучателя.

Исторический экскурс в становление проблемы борьбы с незаконным вознаграждением свидетельствует о том, что понятие взятки (взяточничества) появилось значительно позже, чем понятие подкупа. В начале 20 в. среди русских ученых велись дискуссии по вопросу о целесообразности использования понятия взяточничества для обозначения различных понятий проявления подкупа, продажности. Изначально понятие подкупа само по себе не охватывало деяний, выступающих его следствием, однако подкуп дополнился указанием на продажность в связи с появлением нового, более универсального понятия взяточничества, подразумевающего и акт дачи подкупа. Таким образом, на смену понятия подкупа-продажности пришло понятие взяточничества. Вместо понятия продажности законодатель стал употреблять формулировку «незаконное получение» благ, являющихся предметом подкупа. В результате сложилась ситуация, когда одно и то же явление в уголовном праве стало обозначаться по-разному: взятка и подкуп.

По нашему мнению, подкуп является сущностью взятки, составной частью взяточничества. В соответствии с действующим уголовным законодательством подкуп и взятку следует различать только по субъекту получения. Подкуп характерен для коммерческих структур, а именно для лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, а взяточничество —

для государственных структур и конкретно для должностных лиц. На наш взгляд, законодатель искажил словарное толкование термина «подкуп». Так, в соответствии со ст.ст. 184 и 204 УК РФ под подкупом следует понимать как получение, так и передачу предмета подкупа определенным в законе лицам. Терминологически подкуп обозначает передачу определенных материальных благ подкупаемому лицу, а получение взятки — продажность должностного лица. Констатируя единство сущности взятки и подкупа, мы, вместе с тем, должны признать принципиальные различия между ними не только по субъективному составу, но и, что не менее важно, по функциональному назначению этих понятий. На первый взгляд, это объясняет ситуацию, когда взяточничеством обозначается дача или получение незаконного вознаграждения должностными лицами, а подкупом — всеми иными лицами. Вместе с тем, функциональное различие рассматриваемых понятий, когда взятка отражает само незаконное вознаграждение, а подкуп — процесс передачи, приводит к мысли о необходимости корректировки каждого из них¹³.

Учитывая данное обстоятельство, предлагаем привести терминологию, используемую в уголовном законе Российской Федерации, в соответствие со смысловым значением, т.е. заменить термин «дача взятки» термином «подкуп должностного лица», а термин «получение взятки» — термином «получение подкупа».

Под подкупом должностного лица в уголовном законодательстве Российской Федерации следует понимать «склонение должностного лица лично либо через посредника к совершению как законных, так и незаконных действий (бездействия) пу-

тем предоставления ему денег, ценных бумаг, иного имущества, а также выгод имущественного характера».

Под получением подкупа следует понимать «получение должностным лицом лично либо через посредника предмета подкупа в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, а также выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или предоставляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе».

¹ См.: Качалов В.В. Общественная антикоррупционная экспертиза законодательства как элемент системы защиты прав граждан от коррупции // Безопасность бизнеса. 2012. № 3. С. 2.

² Коррупция угрожает национальной безопасности страны // Российская Юстиция. 1999. № 12.

³ Словарь иностранных слов. М., 1955. С. 369.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти томах. АН СССР. М., 1991.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

⁶ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 128.

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М., 1989—1991. С. 197.

⁸ История государства и права России: Учебник для вузов / Под ред. С.А. Чибиряева. М., 1998.

⁹ Российская газета. 17 июля 2013 г.

¹⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М., 1989—1991. Т. 3. С. 135.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М., 1989—1991. Т. 4. С. 656.

¹² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М., 1989—1991. Т. 4. С. 180.

¹³ Звечаровский И.Э. Лысенко О.В. Незаконное вознаграждение (уголовно-правовые аспекты). СПб., 2002. С. 79.



Социология для юристов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «респуденция» / [В.Ю. Бельский и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Раскрыты основополагающие проблемы теоретической и прикладной социологии, дающие целостное представление о современном обществе, его структурных элементах и процессах, о социальных проблемах современного российского общества и тенденциях его развития. Значительное внимание уделено специфическому содержанию социологии права, а также специфике социологической проблематики в сфере правоохранительной деятельности. Для студентов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов-практиков.

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖАБСКИЙ,

*доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: vzhabskii@mail.ru

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ КОРОТКОВ,

аспирант Международного юридического института

E-mail: vzhabskii@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются специальные исследования проблем общественно опасного поведения, проводится сравнительный анализ концепций, обобщен термин «общественно опасное поведение», который не получил широкого распространения в уголовно-правовой доктрине. Чаще всего социальную составляющую преступления, ссылаясь на уголовный закон, обозначают как общественно опасное деяние. Вместе с тем, ни общая, ни социальная психология не оперируют этим понятием, характеризуя негативную социальную практику иными терминами.

Ключевые слова: общественно опасное поведение, поведение, деятельность, поступок, понятийно-терминологическое, преступление.

Annotation. Advanced researches are covers related to the issues of socially dangerous behavior; refers to comparative concept analysis; extends the term of 'socially dangerous behavior' that is not widely spread in the criminal law theory. In reference to the criminal law, social component of crime is most frequently defined as a socially dangerous act. However, neither the General nor the social psychology does not operate on this concept, describing the negative social practices in other terms.

Keywords: socially dangerous behavior, behavior, activities, act, conceptual terms, crime.

Уголовное право исходит из признания преступлением только конкретное общественно опасное поведение человека, причиняющего вред объектам, охраняемым законом. С этим соглашается большинство ученых-криминалистов, ибо уголовное право своим основным предназначением имеет охрану отношений, объективно сложившихся в обществе, от общественно опасного поведения его членов. Следует отметить, что указанные отношения подвержены негативному воздействию со стороны не только преступлений, но и иных правонарушений (административных и гражданских), а также опасных действий (бездействий), не запрещенных правом. В силу этого, преступления представляют собой только определенную часть общественно опасного поведения, которое является социальным субстратом всех правонарушений. Специальные исследования проблем общественно опасного поведения стали

проводиться сравнительно недавно, единой концепции в его понимании еще не выработано.

Термин «общественно опасное поведение» широкого распространения в уголовно-правовой доктрине не получил. Хотя, характеризуя деятельность соучастников преступления, исследователи нередко пишут именно об их «поведении»¹. Чаще всего социальную составляющую преступления, ссылаясь на уголовный закон, обозначают как общественно опасное деяние. Вместе с тем, ни общая, ни социальная психология не оперируют этим понятием, характеризуя негативную социальную практику терминами «поведение», «деятельность», «поступок». В юриспруденции ключевые вопросы их смыслового соотношения были исследованы В.Н. Кудрявцевым, который обосновал приоритет термина «поведение» в качестве понятия, общего для всех видов «человеческой активности, связанной с воз-

действием на внешнюю среду»². Деятельность, по его мнению, есть внутрисистемная характеристика, охватывающая совокупность действий, операций и поступков, направленных к единой цели. Элементарным слагаемым поведения выступает поступок — акт нравственного самоопределения человека. На смысловую обобщенность термина «поведение» указывает и М.И. Ковалев, отмечая, что все его речевые аналогии — это «различные наименования одного и того же феномена»³.

На наш взгляд, при наименовании содержательного признака преступления предпочтительнее использовать термин «поведение». Прежде всего это вызвано необходимостью разграничения законодательного и теоретического понятий преступления. Употребление законодателем в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), содержащей дефиницию преступления, термина «деяние» обусловлено ограниченными возможностями уголовного закона в полном отражении реально существующего общественно опасного поведения, которое закрепляется в тексте этого закона посредством указания на его типичные признаки. Понятию «деяние» в ч. 1 ст. 14 УК РФ придается юридическое значение, соответствующее модельной конструкции общего состава преступления, где социально-психологическая основа поведения искусственно разложена на субъективные и объективные элементы и схематически преобразована. Таким образом, термин «деяние» является более узким по значению, чем термин «поведение». Преступление как акт (или система актов) сознательно-волевой внешне оформленной человеческой активности есть поведение. Именно понятие «общественно опасное поведение», отражающее социальный субстрат уголовного либо иного правонарушения, в понятийно-терминологическом плане способно обобщить объективные и субъективные признаки преступления как вида негативной общественной практики.

Имеющиеся в настоящее время разработки в сфере исследования общественно опасного поведения в уголовном праве⁴ позволяют обратиться к нему как к универсальной уголовно-правовой категории. Однако, авторы не всегда верно подходят к содержанию данной атрибутивной (т.е. связанной со свойством предмета) категории. Дело в том, что свойств, существующих отдельно от предметов, не бывает. В силу этого «общественная опасность вообще», если подразумевать под ней свойство

предмета, ни в обществе, ни в органическом, ни в неорганическом мире не встречается. Изучать рассматриваемое свойство можно только посредством исследования явления, его порождающего. Относительно предмета, обладающего свойством общественной опасности, в уголовном праве нет единства мнений. Приводя различные доводы в обоснование своих позиций, авторы разделились на два лагеря. Одни подходят к общественной опасности как к неотъемлемому качеству волевого и сознательного поведения людей, которое нарушает установленные в обществе нормы морали и права. Другие склонны распространять указанное свойство на необозримо большое число предметов: на все, что опасно для общества, в том числе на стихийные силы природы.

Аналогичная ситуация характерна и для правоприменительной практики. Согласно данным проведенного нами исследования при ответе на вопрос: «Что, по Вашему мнению, обладает свойством общественной опасности?» — только 36% респондентов указали исключительно на поведение человека; 53% опрошенных судей и прокурорских работников посчитали, что данное свойство присуще любому предмету или явлению, опасному для общества; 11% — отметили наличие общественной опасности как у поведения человека, так и у различных социальных явлений и процессов.

Отрицать вредоносность антисоциального поведения человека, природных катаклизмов невозможно. Вред, ими причиняемый, наносится обществу и имеет объективный характер. Однако, столь же очевидно, что перечисленные два вида вреда качественно отличаются друг от друга, поскольку природные явления развиваются по своим законам; поведение человека подчинено законам социальным. Объединять их негативные свойства одним понятием «общественная опасность» вряд ли допустимо, в этом случае указанное понятие никогда не обретет своей определенности. Отсутствие в природных явлениях субъективных составляющих не позволяет говорить о какой-либо связи между ними и антисоциальным поведением людей. Отождествляя отрицательное воздействие на общество со стороны природы и поведения человека, мы вынуждены настаивать на единой сущности, например, преступного вреда и ущерба, причиняемого землетрясением или наводнением, что само по себе абсурдно.

Когда мы говорим об общественной опасности, то имеем в виду опасность для сферы отношений

между людьми. Слово «общественный» означает: относящийся к обществу, протекающий в обществе, связанный с деятельностью людей в обществе⁵. Следовательно, общественно опасный предмет должен быть только социальным. Именно поведение человека и есть то явление, которое может нести в себе общественную опасность. Такое понимание общественно опасного предмета способно выразить и его общественную природу, т.е. связь опасности с обществом, взвешенными, сбалансированными (разумеется, в идеале) интересами, потребностями, ценностями, и собственно опасность — степень потенциального или реального нарушения этих защищаемых правовых благ. Общественную опасность в наиболее общем виде можно определить как опасность, которая исходит, хотя это и странно звучит, от самого общества, изнутри общественного организма и проявляется в подрывающем социальные устои поведении отдельных его членов⁶.

Кроме того, искусственное отделение общественной опасности от поведения предполагает ее изучение не как свойства, а как признака последнего. В отношении уголовного права это означает, что признак общественной опасности должен быть доказан обвинением в каждом случае совершения преступления. Данной позиции придерживается, в частности, А.Э. Жалинский. По его мнению, «стоит рассматривать общественную опасность в полном соответствии со ст. 14 УК РФ как самостоятельный признак преступления, имеющий собственный состав — состав общественной опасности, наряду с составом деяния, противоправности и вины. При этом состав деяния как онтологический описывает фактически совершенный поведенческий акт на правовом языке, а остальные составы являются нормативно-оценочными»⁷. Далее автор выделяет элементы состава общественной опасности: «а) охраняемое правовое благо и его признаки: социальную ценность, уязвимость и возможность охраны этого блага; б) посягательство как объективную сторону деяния и его признаки: насилие, обман, пренебрежение обязанностями и долгом; в) нарушение социальных благ и интересов и его признаки: реальную опасность благам, угрозу, вред различного содержания и интенсивности».

Противоречивость и непоследовательность приведенной точки зрения более чем очевидна. Во-первых, весьма спорным выглядит отнесение к

элементам состава общественной опасности правового блага, поскольку именно оно подлежит охране уголовным законом, а следовательно, никакой опасности нести в себе не может. Во-вторых, согласно А.Э. Жалинскому, состав деяния лишен объективной стороны ввиду того, что признаки, ее образующие, отнесены к составу общественной опасности. Это утверждение не соответствует общему понятию поведения как субъективно-объективного акта человеческой активности во внешнем мире. Кроме того, вряд ли целесообразно устанавливать общественную опасность в процессе расследования преступления и судебного рассмотрения уголовного дела. Различные виды преступных деяний потому и включены в УК РФ, что они обладают общественной опасностью, учтенной законодателем. Установив в совершенном деянии все признаки состава преступления, следовательно, прокурор и суд удостоверяются в том, что оно общественно опасно. Проблема может возникнуть только в одном случае — при малозначительности содеянного. Однако, это будет свидетельствовать не о полной утрате деянием общественной опасности, а о том, что в нем антисоциальное свойство не получило той степени выражения, которая достаточна для признания этого деяния преступным.

Таким образом, общественная опасность — это атрибутивное свойство поведения. Данный подход позволяет поставить точку и в давно ведущейся в уголовном праве дискуссии о содержании рассматриваемого свойства. Недопустимо смещать акценты в определении общественной опасности в субъективную или объективную сторону. На самом деле она опосредуется и субъективными и объективными составляющими поведения, поэтому, на наш взгляд, усилия ученых должны быть направлены на установление иерархии признаков поведения по степени их общественной опасности, а не на уточнение вопроса о слагаемых данного свойства.

Под общественной опасностью принято понимать способность поведения причинять или создавать угрозу причинения вреда существующим общественным отношениям. Такое определение не устраивает некоторых специалистов, которые утверждают, что опасность может существовать лишь до причинения вреда, поэтому оконченное преступление лучше характеризовать как вредное, а не опасное⁸. Например, доказывая отличия общественной опасности и вредности, Н.И. Коржанский отмечает: «Общественно опасные нарушения могут

привести к разрушению и гибели системы. Вредные нарушения такими последствиями не угрожают»⁹. Приведенные аргументы не убеждают в необходимости отделять общественную опасность и вредоносность, поскольку накопление вредоносности может вызвать к жизни не менее негативные последствия, чем ущерб от общественно опасных нарушений. Вполне понятна озабоченность ученых тем, что причинение вреда снимает вопрос об опасности: нет опасности, когда вред уже нанесен. Однако, речь идет не просто об опасности тем или иным частным интересам, а об общественной опасности, которая не исчезает с причинением вреда, а только закрепляется им ввиду того, что возникает дискредитация государства, его способности выполнять социальную роль по защите общественной безопасности и порядка¹⁰. Нам представляется, что любая степень вредоносности поведения обязательно проявляется в соответствующей степени его опасности для общества.

Вместе с тем, приведенное определение общественной опасности нельзя признать абсолютно точным, поскольку оно оставляет в стороне субъективное в содержании поведения. Общественная опасность не может быть только материальным свойством, ибо включает в себя и субъективные моменты. Несомненно, общественно опасное поведение существует в объективной действительности. Объективные признаки такого поведения обеспечивают его внешнюю осязаемость, материальность. Нельзя не согласиться с М.И. Ковалевым, что «судить о наличии или отсутствии общественной опасности можно только по объективной стороне состава, ибо лишь она выражает действие и ущерб, причиненный ими. Вне этого действия все остальные элементы состава преступления сами по себе не представляют общественной опасности»¹¹. Однако, при всей важности объективной стороны поведения неверно ограничивать его опасность только ущербом и некоторыми другими объективными признаками. Это ограничение неминуемо ведет к позиции П.П. Осипова, для которого общественная опасность убийства тождественна общественной опасности гибели человека в результате несчастного случая¹².

При таком подходе логически следует отрицание значения внутренней стороны поведения, что чревато объективным вменением и разрушением единого и равного для всех основания уголовной

ответственности. Представление о «характере преступления как совокупности его объективных и субъективных признаков, не связанных с реальным ущербом, который был или мог быть причинен соответствующим общественным отношениям»¹³ (по П.П. Осипову, не связанных с общественной опасностью), не оставляет общественной опасности места в структуре преступления и создает иллюзию о возможности существования этой структуры без одного из конструктивных ее элементов — ущерба.

Признавая общественную опасность не только объективным, но и субъективным свойством, мы не можем придать последней из его составляющих какое-либо исключительное значение. Противоположной позиции придерживается П.А. Фефелов.

По его мнению, общественная опасность есть свойство осознанной антиобщественной деятельности, сущность которого выражается в том, что указанная деятельность, обладая всеми признаками человеческой практики, включает в себя специфическую ценностную ориентацию и поэтому способна служить прецедентом для повторения в будущем как лицом, осуществляющим эту деятельность, так и другими лицами¹⁴. При рассмотрении объективной и субъективной сторон состава преступления им выдвинуто в качестве основного положение об определяющем значении субъективной стороны как важнейшего структурного элемента общественно опасного поведения.

Ученый полагает, что степень ущерба, причиненного охраняемым общественным отношениям (установлениям), находится в зависимости от степени вины, от степени отрицания их субъектом. Степень общественной опасности, следовательно, находится в прямой зависимости от субъективной стороны преступления. Действие субъекта, на его взгляд, является прежде всего средством познания субъективной стороны, хотя он не отрицает, что последняя без объективной стороны поведения не может представлять общественной опасности, так как не обладает свойствами человеческой практики.

Бесспорно, что общественная опасность — свойство антиобщественного поведения, которое, будучи разновидностью практики, всегда целенаправлено, осознано человеком и поэтому несет в себе ценностную ориентацию. Вполне возможно, что поступок при определенных условиях способен повлечь рецидив его субъекта и иных лиц. Однако, определение сущности общественно опасного по-

ведения только как специфической ценностной ориентации неизбежно смещает акцент с материальной (объективной) стороны поведения на его чувственно-субъективную сторону. Между тем, психические процессы, сопровождающие внешнюю активность субъекта, могут быть признаны элементами поведения лишь в том случае, когда оно объективируется в действительности.

Практика — это не просто основа познания и форма выражения антисоциальных потребностей, интересов индивида; это, прежде всего, деятельность человека. При всей разноречивости толкования практики бесспорным является то, что она должна рассматриваться как пронизанная сознанием деятельность людей. Однако, это вовсе не свидетельствует об определяющей роли сознания в деятельности. Кроме того, для права вообще и уголовного права в частности имеют значение не мысли, убеждения или иные субъективные качества человека, а его действия (бездействие).

Субъективная полезность или опасность поступка исчерпывается в момент избрания лицом социальной формы поступка (конфликтной или бесконфликтной). Только тогда, когда антиобщественные взгляды и привычки человека объективируются в конкретном поведении, может идти речь о преступлении. Так, начально значимая общественная опасность тяжких и особо тяжких преступлений достигается при приготовлении к ним, а иных преступлений — лишь при покушении на их совершение (ст. 30 УК РФ). Уже на этих стадиях устремления потенциального субъекта преступления, сталкиваясь с внешними обстоятельствами, «корректируются» ими, иногда теряя всякую возможность своей реализации. Криминологические исследования, направленные на изучение условий, способствующих совершению преступления, указывают на две основные разновидности ситуаций, складывающихся во время совершения преступления:

- сохранение и укрепление сложившейся обстановки (случаи, когда преступник действует в рамках избранного им плана);
- изменение обстановки: 1) улучшение (для преступника) конкретной ситуации; 2) ее ухудшение, но не настолько, чтобы исключить совершение преступления; 3) полное ухудшение ситуации, препятствующее достижению преступного результата¹⁵.

Общественно опасное поведение ограничено и физическими возможностями воздействия индивида на окружающий мир, на биологическом уровне

предопределены умственные способности человека, следовательно, в этом плане предельно и само субъективное содержание общественно опасного поступка. Внутренняя сторона общественно опасного поведения обусловлена и его объектом, поскольку лицо вынуждено приспосабливать мысленные модели совершения преступления к содержанию тех общественных отношений, на которые посягает.

Таким образом, способности лица к общественно опасному поведению, возможности общества оказывать противодействие антисоциальным действиям формируют содержание и контуры субъективного образа предполагаемого и осуществляющегося посягательства. В силу этого ни о какой определяющей роли субъективной стороны перед объективной речью быть не может. Первая представляет собой необходимую составляющую общественно опасного поведения, имеющую огромное, но не превосходящее значение. Для степени общественной опасности преступления в равной мере важны и субъективные, и объективные признаки поведения.

Изложенное позволяет определить общественную опасность как атрибутивное свойство поведения, состоящее в его направленности на причинение или создание угрозы причинения вреда существующим общественным отношениям.

¹ См., напр.: Качалов В.В. Организатор преступления в уголовном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 51.

² См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 6—14.

³ См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 19.

⁴ См., напр.: Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: Учеб. пособие. М., 1989; Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995; Святенюк Н.И. Материальное содержание преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.

⁵ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Ю.И. Шведовой. М., 1978. С. 400.

⁶ См.: Панченко П.Н. Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сб. науч. тр. Омск, 1980. С. 8.

⁷ См.: Жалинский А.Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния // Юридический мир. 2003. № 7. С. 21.

⁸ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 99.

⁹ См.: Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1992. С. 44—45.

¹⁰ См.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 708.

¹¹ См.: Ковалев М.И. Указ. соч. С. 67.

¹² См.: Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 122.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ См.: Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: основы общей теории. Екатеринбург, 1999. С. 38.

¹⁵ См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. М., 1998. С. 137—138.

ПОНЯТИЕ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВОПОЛОЖЕНИЙ И ИХ РОЛЬ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

МАКСИМ ГЕННАДЬЕВИЧ ЖИЛКИН,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: zmax71@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется относительно новое явление в российской правовой системе — понятие «правоположение». На основе имеющихся дискуссий предлагается интерпретация происхождения, природы, содержания и роли этой категории в правовом регулировании. Под правоположениями понимаются выработанные правовой доктриной и подтвержденные устоявшимися типовыми решениями судебной практики правовые позиции, конкретизирующие, дополняющие и разъясняющие закон.

Ключевые слова: правоположения, судебная практика, правовая позиция, источники права, прецедент, постановления судов.

Annotation. The article dwells on rather a new phenomenon within the Russian system of law, i.e. the concept of «right provision». Taking account of the existing arguments, the author suggests his own understanding of the origin, nature, contents and role of this notion in legal regulation. Right provisions are dealt with as legal determinations based on the theory of law, supported by typical court practices, and enlarging, supplementing and explaining the law.

Keywords: right provisions, court practices, legal determinations, right sources, precedent, court ruling.

В правовых исследованиях достаточно давно введена в оборот категория, которой в настоящее время придается самостоятельное значение. Речь идет о понятии «правоположение», признанном рядом ученых (С.С. Алексеевым, С.Н. Братусем, А.А. Васильченко, А.Б. Венгеровым, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, В.В. Ершовым, В.В. Лазаревым, К.В. Ображиевым, Б.В. Яценко и др.)

Эта категория используется в текстах судебных решений. В определении Кемеровского областного суда от 2 декабря 2011 г. по делу № 33-13460 сказано: «Правоположение о том, что работник лишь должен доказать, что вред здоровью он получил на производстве, было выработано и закреплено еще в п. 5 ППВС РФ от 28 апреля 1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья»¹. В Апелляционном определении Самарского областного суда от 11 марта 2013 г. по делу № 33-2214/2013: «Учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание сформулированное Конституционным Судом Российской Федерации в Определении № 276-О

от 15 июля 2004 г. правоположение о принятии судом решения в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения суд апелляционной инстанции соглашается с выводом суда первой инстанции о снижении заявленной ко взысканию суммы компенсации до 10 000 рублей». Этот же текст воспроизводится и в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 марта 2013 г. № 09АП-2754/2013-ГК по делу № А40-80761/12-27-746. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 3 ч. 4 ст. 5 и п. 5 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова»: «...правовая конфигурация оспоренных правоположений — в системе действующего правового регулирования — такова, что при указанных обстоятельствах организаторы и участники мирной акции изначально поставлены в положение

виновной стороны, что, в свою очередь, нарушает и конституционное право граждан на судебную защиту (ст. 46, ч. 1 Конституции Российской Федерации). На основании изложенного полагаю, что оспоренные правоположения — в системе действующего правового регулирования — не соответствуют ст.ст. 31, 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации».

Применяется указанная категория и при формулировании текстов международных нормативно-правовых актов. Например, в ст. 61 Решения № 2009/371/ПВД Совета Европейского Союза «О создании Европейского полицейского ведомства (Европол)» [рус., англ.] (Принято в г. Люксембурге 6 апреля 2009 г.): «Государства-члены принимают необходимые внутренние правоположения с целью обеспечить свое соответствие настоящему Решению не позднее дня начала его применения». В тексте Хартии Европейского союза об основных правах на немецком языке применяется формулировка «согласно правоположениям и обычаям отдельного государства»².

На заре современной судебной реформы категория «правоположения» была введена в текст утратившего силу Закона РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 (ред. от 25 февраля 1993 г.) «О Конституционном Суде РСФСР». Так, в ст. 46 говорится, что в решении Конституционного Суда РСФСР указывается «описание обыкновения правоприменительной практики, конституционность которого проверялась, со ссылкой на обосновывающие его правоположения», а в ст. 84 утверждается, что «решения о конституционности договоров, нормативных актов или правоприменительной практики по решению Конституционного Суда РСФСР должны быть опубликованы в том печатном органе, где были опубликованы... решения, разъяснения, указания или иные правоположения, которыми обосновывалась неконституционная правоприменительная практика».

В постановлении ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» предусматривается «обязанность принимать решения на основании международного договора или Конституции РСФСР, когда обнаруживается несоответствие им какого-либо правоположения».

Между тем, ни один нормативный документ не определяет содержание рассматриваемой катего-

рии. В изданной в 2001 г. Институтом государства и права РАН Юридической энциклопедии данная категория не разъясняется, но употребляется В.В. Лазаревым в статье об аналогии: «(5) выработанное в ходе использования по аналогии правоположение не должно противоречить ни одному из действующих предписаний закона»³.

При этом сам термин «правоположения» в юридической науке использовался достаточно давно. Так, в учебнике пандектного права, изданного в Санкт-Петербурге в 1874 г., Бернхард Виндшейд говорит, что цель правоположений состоит вообще в том, чтобы определить, каким образом на основании различных фактических предположений образуются границы господства воли сталкивающихся между собой индивидов, по отношению к какому именно содержанию воли каждый индивид вправе требовать признания от всех остальных индивидов⁴. Л.С. Белогриц-Котляревский использует данный термин для описания процесса законотворчества, употребляя его в смысле закрепленного в законодательстве правового убеждения законодателя⁵. Н.С. Таганцев пишет о правоположениях как о содержащихся в судебных решениях разъяснениях Сената по уголовным делам⁶.

Следует отметить, что именно в последнем контексте слово «правоположения» вошло в отечественный правовой тезаурус.

Как отмечают авторы учебников по теории государства и права, правоположения — это сформированная на основе единства правовой деятельности и социально-правового опыта судебная практика⁷.

Известный цивилист, исследователь правоприменительной практики С.Н. Братусь выделяет факторы, способствующие появлению правоположений:

- ❖ преодоление судами пробелов и коллизий;
- ❖ применение «оценочных» понятий законодательства;
- ❖ разрешение споров на основе принципа справедливости и т.д.

Он отмечает также, что в процессе применения абстрактных законодательных норм в реальных жизненных ситуациях суды вынуждены толковать и конкретизировать их. В итоге формируются более конкретные правила, правоположения. Нормы права устанавливают меру поведения, а судебная практика накапливает конкретные формы поведения в границах этой нормы. По его мнению, в процессе

толкования и правоприменения суд осуществляет конкретизацию правовой нормы путем практического создания правоположений своеобразного нормативного характера, без выработки которых нельзя решить дело, ибо они являются посредствующим звеном между нормой права и индивидуальным решением.

В.В. Лазарев, в процессе изучения понятия, происхождения и роли правоположений в механизме юридического воздействия, приходит к выводу, что это такие общие веления правоприменяющих органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и служат относительно самостоятельным средством поднормативного юридического воздействия на субъекты общественных отношений⁸. По мнению В.В. Ершова, правоположения — это выработанные в результате применения нормативных актов и права по аналогии умозаключения, в соответствии с которыми ввиду сходства в одних признаках общественных отношений делается вывод о возможности их регулирования подобным образом⁹. Интересное замечание делает С.С. Алексеев о том, что правоположения — это еще не нормы, но они уже выходят за пределы правосознания, простых суждений. Это формирующиеся нормы, которые представляют собой ступки правосознания. Со временем они могут превратиться либо в стойкие правовые обычаи, либо в нормы, закрепленные законодателем. О правоположениях как прообразах юридических норм, правовых дефиниций, вырабатываемых в ходе практической правовой деятельности, пишет Н.А. Власенко¹⁰. Таким образом, термин «правоположения» используется в основном для обозначения создаваемых практикой устоявшихся типовых решений по применению юридических норм. Эти правоположения реально приобретают черты общих правил. Особенно это касается прецедентов.

С.С. Алексеев считает, что нормативные правоположения, конкретизирующие и обогащающие закон по вопросам его применения, могут содержаться в судебных обыкновениях, т.е. складывающихся на практике линий, направлений применения закона, прецедентов практики, закрепленных в постановлениях Пленума Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда. По его мнению, они вместе с законом должны применяться при решении юридических дел¹¹. Б.З. Ельчибаев, развивая позицию С.С. Алексеева, отмечает, что главный продукт су-

дебной практики — правоположения, складывающиеся на основе обобщения как ряда судебных решений, так и отдельного решения в определенных видах конкретных дел и воспринимаемые практикой как образец, которым нужно руководствоваться судам для вынесения решений в однородных делах. Они предназначены для конкретизации содержания закона в процессе его применения и толкования, акты суда создают положение своеобразного (похожего с нормативным) характера: они выступают средним звеном между нормой права и индивидуальным решением¹².

О том, что правоположения создаются в результате обобщения результатов судебной практики высшими судебными инстанциями, говорят и другие исследователи.

Так, авторы постатейного комментария к Конституции Российской Федерации пишут, что Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленумов в соответствии со своими конституционными полномочиями дает разъяснение по вопросам судебной практики, т.е. осуществляет официальное толкование нормативных актов, применяемых судами. Цель такого толкования состоит в обеспечении точного и единообразного понимания и одинакового применения норм права при рассмотрении и разрешении судебных дел всеми судами общей юрисдикции. Часто в результате такого толкования формулируются правоположения (правовые позиции), которые содержат нормы, отсутствующие в законе. Игнорирование правоположений, сформулированных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, порождает санкции, которые выражаются в неблагоприятных последствиях для нарушителей¹³.

Авторы учебно-практического комментария к Гражданскому кодексу Российской Федерации пишут, что в правоположениях выражается опыт (практика) применения законодательства, закрепляемых, как правило, в актах высших судебных инстанций (в частности в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации)¹⁴.

Исследователи природы правовых актов заключают, что правоположения — это полученные в результате официального толкования и содержащиеся в интерпретационных правовых актах (постановле-

ниях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Арбитражного Суда Российской Федерации) разъяснения смысла юридических норм¹⁵.

Исходя из понятия и содержания правоположения как неотъемлемой составной части судебной практики, многие исследователи вполне логично и обоснованно приходят к выводу, что «формой права в России являются только решения высших судов (Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), а также постановления их пленумов. Иными словами, авторы исходят из того, что в качестве формы или источника российского, равно как и любого иного права, может выступать, и в действительности выступает, отнюдь не вся судебная практика, а лишь та ее часть, именуемая судебной практикой в узком смысле, которая содержит в себе то или иное правоположение¹⁶.

Об исключительно важном значении правоположений, зафиксированных в Постановлениях Пленумов высших судов, говорит В.И. Анишина. Она пишет, что формулируемые в постановлениях правоположения, предусматривают новые пути, способы, основания, элементы возникновения, изменения или прекращения существующих правоотношений¹⁷. С ней соглашаются и другие исследователи¹⁸. По мнению Т.В. Соловьевой, реализация постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации должна протекать в форме применения определенного правоположения, которое ликвидирует пробел в праве или противоречие между нормами права¹⁹.

Следует согласиться с теми исследователями, которые видят в правоположениях специфический источник права. Так, С.И. Вильнянский заявляет о создании в процессе судебного правотворчества более или менее устойчивых правоположений, которые, по его мнению, являются одним из источников положительного права (источник особого рода)²⁰.

С такой позицией, отчасти, соглашается А.Н. Обыденков. Он пишет, что правоположения судебной практики подпадают под признаки нормы права и носят нормативный характер. Однако, в силу специфичности их правильнее было бы называть не нормами, а квазинормами права, что отнюдь не отрицает их роли как источников права. В качестве главного качества правоположений автор указывает на их общепризнанность, что позволяет обеспечить

единообразное применение законов и, тем самым, реализовать закрепленный ст. 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом и судом. При этом, по его мнению, постановления пленумов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации либо обобщают общепризнанные положения, либо предлагают определенные положения для всеобщего признания в случае противоречивости складывающейся судебной практики. Выводы, содержащиеся в решениях высших судебных инстанций по конкретным делам, также зачастую становятся примером для всеобщего признания²¹.

Анализируя норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Н.А. Рогожин справедливо указывает, что Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам применения законодательства являются дополнительным к действующему закону источником процессуального права, поскольку выработанные в них правоположения (правила правового характера) производны от действующих норм права и направлены на их действительную реализацию²².

М.Н. Придворова пишет, что авторитет судебного решения в определенном смысле поднимается выше авторитета решения другого властного органа, а опубликование судебного решения, являющегося одним из условий его применения, придает ему силу прецедента, сближая правоположения, выносимые высшими судебными органами, с полноценными нормами права. Таким образом, судебная практика является своеобразным ориентиром для правильного и единообразного разрешения споров, толкования и применения действующего законодательства, восполнения пробелов в нормативно-правовых актах.

Как видно, термин «правоположение» по сути камуфлирует понятие «прецедент», иногда подменяя его. Между тем, по мнению В.А. Четвернина, данные Верховным Судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации разъяснения по вопросам судебной практики иногда выражают прецедент толкования закона, данного этими судами при разрешении конкретных дел, и фактически обязательны для других судов, а правовая позиция Конституционного Суда Россий-

ской Федерации — это прецедент нормативного или казуального толкования Конституции Российской Федерации, которое является обязательным для всех государственных органов и должностных лиц²³.

Рассуждая о правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации, Н.А. Марокко утверждает, что решения Конституционного Суда Российской Федерации содержат правоположения, имеющие нормативное значение, что дает основание охарактеризовать эти решения как квазинормативные²⁴.

А.А. Малиновский полагает, что многие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых толкуются оценочные уголовно-правовые понятия, выражаясь английской терминологией, очень похожи на руководящие прецеденты²⁵.

По данному вопросу, на наш взгляд, точно высказался основоположник создания системы арбитражных судов в России В.Ф. Яковлев: «Можно те правоположения, которые вырабатывают суды в результате толкования норм права, называть судебными прецедентами, можно не называть их таковыми, можно спорить об этом. Но, на наш взгляд, факт остается фактом: несомненно, судебная практика непосредственно участвует в формировании действующего права, хотя, разумеется, ей не принадлежит первостепенное значение, в отличие от правовых систем тех государств, которые по своей истории относились к странам прецедентного права»²⁶.

Об исключительной роли судебной практики и включенного в ее содержание прецедента говорят авторы Энциклопедии уголовного права. По их мнению, следует признать источником права разъяснения Верховного суда Российской Федерации и судебного прецедента, когда он представляет собой официально опубликованное решение суда по уголовному делу, содержащее обязательную для последующего применения правую норму²⁷. Соглашаясь с высказанной позицией, полагаем, что в данном случае речь идет именно о правоположениях в уголовном праве.

Также мы присоединяемся к мнению исследователей, которые под определением «судебная практика» понимают судебные решения и разъяснения высших судебных инстанций, формулирующие правоположения²⁸.

В уголовно-правовой науке на феномен правоположений впервые обратил внимание Б.В. Яце-

ленко, который пишет, что правоположения в уголовном праве представляют собой выработанные наукой уголовного права и объективированные в уголовном законе, а также в актах правоприменительных органов определенные правила преодоления конкуренции уголовно-правовых норм. В правоприменительной деятельности правоположения используются в качестве способа преодоления конкуренции общей и специальной норм, специальных норм, а также конкуренции целого и части²⁹. Здесь автор обращает особое внимание на то, что правоположения вырабатываются наукой уголовного права. С этим можно согласиться, ибо в российской правовой науке принято считать, что изложенные в правоположениях мнения наиболее авторитетных представителей юридической науки и практики, их высказывания о принципах и методах правового регулирования, которым придается общезначимое и общеобязательное значение и из которых выводится правило поведения, имеющее предоставительно-обязывающий характер, определяют правовую доктрину³⁰. При этом юридическое значение правоположений проявляется в том, что органы, их применяющие, должны при разрешении конкретных казусов учитывать выявленное судом содержание правоположений, а правотворческие органы в идеальной модели должны следить за правоприменительной практикой и своевременно реагировать посредством внесения изменений в законодательную базу³¹. В научных работах правоположения Пленумов Верховного Суда Российской Федерации часто анализируются для подкрепления определенной точки зрения³².

Таким образом, правоположения — это выработанные правовой доктриной и подтвержденные устоявшимися типовыми решениями судебной практики правовые позиции, конкретизирующие, дополняющие и разъясняющие закон. Будучи зафиксированными в решениях высших судов они приобретают силу прецедента, имеют нормативный характер и признаются специфическим источником права.

В качестве примера можно привести всем известное правоположение о моменте окончания хищения, зафиксированное в п. 10 действующего Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», в котором говорится, что хищение

следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им. Данная правовая позиция воспроизведена в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» применительно к моменту окончания кражи и разбоя. Несмотря на научную дискуссию по данному вопросу³³, приведенное правовоположение исправно воспроизводится различными судебными инстанциями и является устоявшимся во времени критерием для разграничения оконченного и неоконченного хищения на практике³⁴.

¹ Данная статья подготовлена с использованием СПС КонсультантПлюс.

² Хартия Европейского союза об основных правах. Комментарий (постатейный) / Под ред. С.Ю. Кашкина, 2005 // СПС КонсультантПлюс.

³ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 41.

⁴ Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 64—65.

⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль, 1890. С. 7.

⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. С. 169.

⁷ Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: Зерцало, 1998. С. 343; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 459.

⁸ Лазарев В.В. Правоположения: Понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 3—15.

⁹ Ершов В.В. Судебная власть в правовом государстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 232.

¹⁰ Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 58—67.

¹¹ Алексеев С.С. Право: азбука—теория—философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 118.

¹² Ельчибаев Б.З. О целесообразности и значении обобщения судебной практики административными и иными судами Республики Казахстан // Административное право и процесс. 2009. № 4. С. 23—26.

¹³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др. / Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С. Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др. / Под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ См.: Исаков Н.В., Малько А.В., Шопина О.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Правоведение. 2002. № 3. С. 19—20.

¹⁶ Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права, 2004 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Анишина В.И. // Российский судья. 2008. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Миронов Д.Н. Конституционные правоотношения: воздействие на правовую систему // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 33—45.

¹⁹ Соловьева Т.В. Направления реализации постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Юрист, 2013, № 8. С. 43—46.

²⁰ Вильянский С.И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. М.: ВИЮН. 1939. № 4—5. С. 70.

²¹ Обьеденнов А.Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

²² Рогожин Н.А. Арбитражный процесс: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2007 // СПС КонсультантПлюс.

²³ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 867.

²⁴ О правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации. Н.А. Марокко // Российский судья. 2006. № 6 // СПС КонсультантПлюс.

²⁵ Малиновский А.А. Судебная практика как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3. С. 3—6.

²⁶ Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013 // СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. Издание профессора Малинина, СПб., 2009. С. 66—69.

²⁸ Даниелян Д.Р. Объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ: цели, задачи и перспективы // Мировой судья. 2013. № 10. С. 20—22.

²⁹ Яцеленко Б.В. Правоположения в уголовном праве // Государство и право. 2000. № 6. С. 34—40.

³⁰ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 667.

³¹ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 375.

³² См., например: Качалов В.В. Ответственность организатора преступления по российскому уголовному праву: монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2012. С. 27—28.

³³ См.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2001. С. 271; Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / Под ред. А.И. Рагога. Т. 2. М., 2010. С. 175—176; Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика. М., 2003. С. 92; Конои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 130—133; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 267—273; Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 4. Преступления в сфере экономики / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 47—48; Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012 // СПС КонсультантПлюс.

³⁴ См.: Постановление Московского городского суда от 18 ноября 2011 г. № 4у/2-9022; Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 1 октября 2010 г. № 44у-72/2010; Кассационное определение Московского городского суда от 29 сентября 2010 г. по делу № 22-12724/2010; Постановление президиума Ивановского областного суда от 12.03.2010 № 44у-15/10; Справка Кемеровского областного суда от 16 февраля 2010 г. № 01-26/137 «Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году» // СПС КонсультантПлюс.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В РОССИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ВЛАДИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ КАЧАЛОВ,

*кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: vk2007@bk.ru

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается зарубежный опыт правовой регламентации уголовной ответственности юридических лиц; анализируются перспективы и возможности его использования в России.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, сравнительное правоведение, использование зарубежного опыта.

Annotation. The article refers to international practices in regulating criminal liability of legal entities and reviews opportunities and possibilities of their application in Russia.

Keywords: criminal liability of legal entities, comparative law, foreign practices application.

В последнее время в научной литературе вновь усиливается дискуссия о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц¹. Связано это, прежде всего, с изменениями в экономике, социальной сфере, политической и правовой системах нашей страны. Возрастает роль юридических лиц в гражданском обороте, появляются их новые организационно-правовые формы, часто призванные осуществлять специфические виды деятельности, принимаются решения об усилении борьбы с экономическими, коррупционными, экологическими, компьютерными и другими видами преступлений, которые часто относят к потенциальной преступности юридических лиц. В новом Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях², вступившем в силу 1 июля 2002 г., и ряде других нормативных правовых актов уже предусмотрены нормы об ответственности юридических лиц. Требуют установления уголовной ответственности юридических лиц международные документы, ратифицированные Российской Фе-

дерацией³. Следственным комитетом Российской Федерации был даже разработан законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»⁴. По мнению ряда исследователей, «решить вопрос ответственности юридического лица в настоящее время жизненно необходимо»⁵. Активным и последовательным сторонником введения уголовной ответственности для юридических лиц выступает Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.И. Бастрыкин⁶.

Следует заметить, что наша страна выступает в данной области в качестве «догоняющего». Историко-сравнительный анализ законодательства зарубежных стран показывает последовательное развитие указанных норм (в некоторых государствах) на протяжении нескольких веков. Вместе с тем, такая ситуация позволяет учесть зарубежный опыт при внедрении норм об уголовной ответственности

сти юридических лиц в России и оптимальным образом урегулировать соответствующие правоотношения.

Использование метода сравнительного правоведения играет важную роль в современных научных исследованиях⁷. В целом, как справедливо отмечает Е.В. Краснопева, сравнительно-правовые исследования открывают новые возможности и перспективы анализа различных законодательств, их обобщения и выработки путей решения стоящих перед правовыми науками проблем и задач⁸. Рекомендация об установлении уголовной ответственности юридических лиц была принята еще в 1978 г. Европейским комитетом по проблемам преступности Совета Европы⁹. Необходимо заметить, что для ряда государств традиции ответственности юридических лиц уходят корнями в глубокое прошлое. Так, во Франции в XVI—XVIII вв. предусматривались уголовные наказания за преступления, совершенные корпорациями и общинами, в Англии с середины XIX в. стали выноситься решения о виновности корпораций, в США уголовная ответственность юридических лиц была признана конституционной в 1909 г.¹⁰. Таким образом, можно отметить, что уголовная ответственность юридических лиц достаточно давно известна не только в странах семьи общего права, но и, прежде всего, романо-германской правовой семьи. С учетом того, что российское право в целом и уголовное право в частности развиваются в контексте европейского (континентального) права, представляет приоритетный интерес то, как соответствующие правоотношения урегулированы в Западной Европе.

В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц установлена в ряде государств: Франции, Швейцарии, Швеции, Австрии, ФРГ¹¹, также в Австралии, Англии, Венгрии (с 2001 г.), Дании, Израиле, Ирландии, Исландии (с 1998 г.), Канаде, КНР (с 1997 г.), Нидерландах (с 1976 г.), Норвегии (с 1991 г.), Польше (с 2002 г.), Румынии (с 2004 г.), Словении (с 1999 г.), США, Финляндии (с 1995 г.) и других странах, в том числе бывшего СССР (Литве, Молдове, Эстонии)¹². Последние годы ознаменовались широким введением уголовной ответственности юридических лиц в странах Европы: Бельгии (с 1999 г.), Италии (с 2001 г.), Румынии (с 2006 г.), Испании (с 2010 г.), Люксембурге (с 2010 г.), Словакии (с 2010 г.)¹³, а также Черно-

гории (с 2007 г.)¹⁴ и Сербии (с 2008 г.)¹⁵. В тех же государствах, где уголовная ответственность юридических лиц еще не закреплена, по этому поводу ведутся ожесточенные научные дискуссии. Во многих проектах уголовных кодексов такая ответственность предусматривалась, но по различным причинам, в основном теоретического плана, данные нормы не попали в окончательные редакции новых уголовных кодексов. Так, уголовная ответственность юридических лиц предлагалась в проектах уголовных законов Украины, Казахстана и России.

Как было сказано выше, обычно максимальные разногласия в научной среде вызывают именно теоретические вопросы установления уголовной ответственности юридических лиц: как она будет соотноситься с принципом личной ответственности; какова юридическая природа такой ответственности; следует ли формулировать понятие вины для юридического лица и если да, то каким образом; надо ли параллельно за те же общественно опасные деяния и общественно опасные последствия привлекать к ответственности конкретных физических лиц; какие наказания следует применять к юридическим лицам¹⁶ и т.п.

Здесь также необходимо заметить, что если изначально установление уголовной ответственности юридических лиц было призвано бороться, прежде всего, со злоупотреблениями в экономической сфере, впоследствии (в XX в.) заговорили о необходимости защиты экологической безопасности, то сейчас все больше исследователей расширяют число возможных сфер преступности юридических лиц. Как, например, отмечается в монографии Г.В. Назаренко и Л.А. Абашиной, «тенденция к признанию юридических лиц субъектами уголовной ответственности получила развитие... главным образом в связи с необходимостью повышения уровня правовой защиты добросовестной, свободной конкуренции, прав потребителя, окружающей среды, здоровья нации, техники безопасности труда и безопасности на транспорте»¹⁷. Представляется, что этот перечень можно продолжить. Так, об уголовной ответственности юридических лиц можно говорить применительно к коррупционным преступлениям, преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, преступлениям в сфере компьютерной информации, преступлени-

ям экстремистской направленности и некоторым другим.

В целом, несмотря на то, что по справедливому замечанию доктора юридических наук, профессора Б.В. Волженкина, введение «ответственности юридических лиц в уголовное законодательство требует существенной переработки многих его институтов, связанных как с понятием преступления, так и с понятием наказания»¹⁸, следует, во-первых, согласиться с учеными, считающими, что введение института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц также будет способствовать принятию юридическими лицами дополнительных мер корпоративного контроля за своими должностными лицами, решая тем самым задачу профилактики преступности юридических лиц¹⁹; во-вторых, признать, что использование имеющегося зарубежного опыта законодательного регулирования уголовной ответственности юридических лиц позволит практически сразу не только привнести соответствующие нормы в российское законодательство, но и быстро начать их эффективное применение.

¹ См., например: *Бугаевская Н.В.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки.* 2012. Вып. 3. Ч. 2. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 47—51.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 7 января 2002 г. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) ETS № 196 // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 18 мая 2009 г. № 20. Ст. 2393; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 26 июня 2006 г. № 26. Ст. 2780; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 4 октября 2004 г. № 40. Ст. 3882 и др.

⁴ Вопреки позиции Кремля, СКР хочет ввести уголовную ответственность для компаний [Электронный ресурс] // <http://www.rbcdaily.ru>: РБК daily. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949983550048> (дата обращения: 10 апреля 2014 г.); Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // <http://www.sledcom.ru/discussions>: Следственный комитет Российской Федерации. Официальный сайт. Обсуждение законопроектов. URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273> (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

⁵ *Мельникова М.В.* Уголовная ответственность для юридических лиц: теория и практика [Электронный ресурс] // <http://edu.tltsu.ru>: Образовательный портал ТГУ. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media71251/Melnikova.pdf (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

⁶ Бастрыкин А.И. Удар в юрлицо // *Российская газета.* № 5436 (60). 23 марта 2011 г.

⁷ См., например: *Жабский В.А.* Уголовные наказания в Российской Федерации и зарубежных странах: Монография / Под общ. ред. А.Я. Гришко. Рязань, 2010. С. 212—213; *Жилкин М.Г.* Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: Монография. М., 2009. С. 126; *Маслакова Е.А.* Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Монография. Орел: Издательство ОрЮИ МВД России, 2012. С. 85 и др.

⁸ См.: *Краснопеева Е.В.* Сравнительный анализ уголовного законодательства государств СНГ. Общая часть. М.: Московский университет МВД России, 2006. С. 3.

⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. С. 268.

¹⁰ См.: *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // *Законность.* 2006. № 4. С. 56.

¹¹ *Кузнецова Н.Ф., Огурцов Н.А.* О соотношении международного и внутреннего уголовного права // *Законодательство.* 2007. № 5.

¹² См.: *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // *Законность.* 2006. № 4. С. 58—59.

¹³ См.: Clifford Chance. Corporate Liability in Europe. January 2012 [Электронный ресурс] // <http://www.cliffordchance.com>: Clifford Chance — URL: http://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/PDFs/Corporate_Liability_in_Europe.pdf (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

¹⁴ Law on criminal liability of legal entities [Электронный ресурс] // <http://sudovi.me>: Sudovi Crne Gore. URL: <http://sudovi.me/podaci/en/vrhs/dokumenta/71.pdf> (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

¹⁵ Law on the liability of legal entities for criminal offences [Электронный ресурс] // <http://www.ohchr.org>: Управление Верховного комиссара по правам человека. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/Law/Serbia/LawOnLiability.pdf> (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

¹⁶ См., например: *Качалов В.В.* Виды наказаний, применяемых к юридическим лицам по уголовному законодательству Франции // *Правовые и социальные исследования: Сборник научных трудов.* Вып. 3. Тула: Тульский филиал МосУ МВД России, 2008. С. 189—194.

¹⁷ *Назаренко Г.В., Абашина Л.А.* Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: опыт зарубежных государств и перспективы российского законодательства. Орел: Издательство ОРАГС, 2009. С. 23.

¹⁸ *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб, 1998. С. 26.

¹⁹ *Мельникова М.В.* Уголовная ответственность для юридических лиц: теория и практика [Электронный ресурс] // <http://edu.tltsu.ru>: Образовательный портал ТГУ. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media71251/Melnikova.pdf (дата обращения: 10 апреля 2014 г.).

ТЕРМИНОЛОГИЯ КРИМИНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ВЛАДИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ КАЧАЛОВ,

*кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: vk2007@bk.ru

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования терминологии в криминологической науке; приводятся примеры отдельных понятий; описывается взаимосвязь ряда понятий системы противодействия преступности.

Ключевые слова: криминология как наука, язык науки, терминология криминологии, противодействие преступности, предупреждение преступлений, профилактика преступлений, борьба с преступностью, пресечение преступлений, унификация языка науки.

Annotation. The article dwells on the issues of using terms accepted in the criminal science; exemplifies particular notions; characterizes relations between the notions of crime counteractions system.

Keywords: criminal science, language of science, terms of criminal science, crime counteractions, crime prevention, crime fighting, crime suppression, science language unification.

Криминология как наука прошла длительный путь развития. С момента ее зарождения и до настоящего времени минуло уже несколько веков, включая периоды, когда, в том числе и в нашей стране, она не признавалась наукой вообще.

Конечно, основой самостоятельности любой науки являются специфические объекты изучения и методы исследования. Вместе с тем, немаловажную роль играет и язык науки, основой которого выступает особый понятийный и терминологический аппарат, используемый в ней. Он может быть представлен как общенаучными категориями, применяемыми различными науками, так и частнонаучными терминами, характерными именно для этой науки или используемыми ей в особенных значениях. Язык науки является «одним из важнейших системных компонентов науки»¹. Его нельзя недооценивать. Точность дефиниций, их соотношение и единообразие значений использования — залог научной обоснованности и, часто, эффективности исследований. Как отмечается, язык науки «стремятся строить таким образом, чтобы избежать недостатков естественного языка: многозначности

терминов; расплывчатости и неопределенности их содержания; двусмысленности выражений; семантической замкнутости»². Не случайно, практически во всех научных работах обязательно затрагиваются вопросы понятия и признаков какого-либо объекта исследования, которые предваряют дальнейшее рассмотрение темы³.

Сейчас криминология обычно рассматривается как наука междисциплинарного характера, теснейшим образом взаимосвязанная с самыми различными сферами человеческих знаний. Это во много предопределяет ряд проблем использования категориального аппарата. Если, например, отраслевые юридические науки базируются на нормах соответствующей отрасли права, в свою очередь закрепленных в нормативных правовых актах, то из них же, как правило, и берутся основные термины, используемые наукой. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации⁴ (далее — УК РФ) в Общей части содержит дефиниции преступления, малозначительности деяния, рецидива, прямого и косвенного умысла и др., а Особенная часть по своей сути наполовину состоит из определений соответствующих престу-

плений. В противовес этому можно привести криминологическое понимание рецидива и его классификацию. Если УК РФ точно описывает, что такое рецидив, каким признакам он должен отвечать, что не учитывается при его установлении, фактически дает классификацию рецидива, подразделяя его на три вида: простой, опасный и особо опасный, то в криминологии единое понимание рецидива (криминологического, фактического) отсутствует, а его виды выделяются по различным основаниям и часто не имеют общепризнанного содержания (например, какой срок должен разделять ближайший и отдаленный рецидив, какие именно преступления образуют однородный рецидив, что конкретно следует относить к пенитенциарному рецидиву и следует ли вообще выделять постпенитенциарный рецидив и т.д.

При этом в криминологии отсутствует формальная определенность ключевых понятий, образующих предмет криминологии: преступность, личность преступника, причины и условия преступности и предупреждение преступности. Немного лучше ситуация обстоит лишь для последнего элемента. Хотя Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁵, содержащий множество нормативных определений (профилактики правонарушений, объекта, предмета профилактики и др.), все еще не принят, ряд подзаконных актов содержит дефиниции понятий, относящиеся к данной области. Например, в Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений закрепляется, что «предупреждение преступлений органами внутренних дел — деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением»⁶.

Сказанное объясняет востребованность различного рода криминологических словарей, в которых предпринимаются попытки дать определения основным криминологическим понятиям и терминам⁷. Ознакомление с подобными работами показывает, что авторы стараются исходить из нормативных определений, цитируя соответствующие правовые

акты, или же приводят положения из постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые большинством юристов рассматриваются как акты официального, судебного толкования, а фактически зачастую содержат правоположения, дополняющие законодательство. Лишь в случае отсутствия подобных определений даются теоретические дефиниции, которые могут сильно отличаться в различных источниках.

Подчеркнем еще раз — вышеизложенное свидетельствует о востребованности специфических криминологических понятий и терминов и единообразия их дефиниций. Представляется, что даже при отсутствии каких-то конкретных определений отдельных понятий следует по возможности использовать аналогичные, пусть из других смежных областей, но имеющие нормативное описание.

Например, в криминологии традиционно дискуссионным является вопрос о соотношении понятий из сферы противодействия преступности: предупреждение преступлений, профилактика преступлений, превенция, пресечение и пр.

К сожалению, как уже было отмечено выше, Федеральный закон «О предупреждении преступлений» еще не принят. Однако, существует Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸, который дает описание ряда понятий применительно к данной области. Представляется, что их можно экстраполировать на термин «противодействие преступности» в целом.

В таком случае под противодействием преступности следует понимать деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по:

- а) предупреждению преступности, в том числе по выявлению и последующему устранению причин преступности (профилактика преступности);
- б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений (борьба с преступностью);
- в) минимизации и (или) ликвидации последствий правонарушений⁹.

Для наглядности соотношение этих понятий изобразим в виде схемы:

Противодействие преступности		
Предупреждение преступности	Борьба с преступностью	Минимизация или ликвидация последствий преступлений
Профилактика преступности	Предупреждение правонарушений	
	Выявление правонарушений	
	Пресечение правонарушений	
	Расследование правонарушений	

Безусловно, с теоретической точки зрения эта схема является далеко не полной. Так, в ней не нашли отражения индивидуальная профилактика, виктимологическая профилактика и некоторые другие смежные термины.

Таким образом, следует констатировать, что проблемы с понятийным аппаратом в настоящее время оказывают существенное негативное воздействие на криминологию, сдерживая и снижая эффективность развития научных идей. Выход из этой ситуации видится в дальнейшем совершенствовании законодательства, прежде всего, в части как можно большего и единообразного закрепления специальных определений криминологических понятий и терминов.

Другим перспективным направлением развития терминологии криминологии (как, впрочем, и любой другой российской науки) следует назвать ее унификацию, которая проявляется в двух аспектах. С одной стороны, мы можем говорить о междисциплинарной унификации. Как отмечается в диссертационном исследовании Е.В. Чепкасовой, в современной постнеклассической парадигме создание единого унифицированного языка является одной из тенденций в развитии языка науки¹⁰. Сказанное особенно актуально именно для криминологии, исторически носящей междисциплинарный характер. С другой стороны, по справедливому замечанию А.Б. Соломоника, «сегодня... наука интернациональна и распространяется по всему миру, преодолевая государственные и языковые барьеры»¹¹. Данный процесс осложняется не только внутрисистемными проблемами категориального аппарата криминологии, но и концептуальными отличиями во взглядах на место криминологии в системе наук

в России и за рубежом и требует отдельного детального анализа.

¹ Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: Дис. ... канд. философ. наук. М., 2006. 166 с.

² Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики. 2004. 1072 с. [Электронный ресурс] // <http://notions.ru/dictionary>: Национальная Энциклопедическая Служба России. URL: <http://notions.ru/dictionary/187/jazyk-nauki.html> (дата обращения: 27.04.2014).

³ См., например: Качалов В.В. Ответственность организатора преступления по российскому уголовному праву: Монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2012. 152 с.; Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Монография. Орел: Издательство ОрЮИ МВД России, 2012. 110 с.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

⁵ Проект федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>: Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=106222> (дата обращения: 27 апреля 2014 г.).

⁶ Приказ МВД РФ от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>: Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=129872;dst=0;ts=F201BC162AA6803C380AD387CEA1BCE7;rnd=0.891885496597946> (дата обращения: 27 апреля 2014 г.).

⁷ Жабский В.А., Латаев А.А., Волконская Е.К. Краткий словарь криминологических терминов: Учебно-методическое пособие. М.: Издательство «Перо», 2014. 63 с.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.

⁹ См.: Бугаевская Н.В. Уголовно-правовой механизм противодействия коррупции // Уголовно-правовой механизм борьбы с коррупцией: Материалы X Международной научно-практической конференции «Современные научные достижения — 2014» (27 января — 5 февраля 2014 г.). Прага: Publishing House «Education and Science» s.p.o., 2014. С. 37.

¹⁰ Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: Дис. ... канд. философ. наук. М., 2006. 166 с.

¹¹ Соломоник А.Б. О языке и языках [Электронный ресурс] // <http://pubs.ejwiki.org>: Ежевика - публикации. URL: http://pubs.ejwiki.org/wiki/Абрам_Бенцианович_Соломоник_О_языке_и_языках_Глава_15 (дата обращения: 27 апреля 2014 г.).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ОНЛАЙН И СЕТЕВЫХ ИГР НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУЗНЕЦОВА,

преподаватель кафедры уголовного процесса Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: helenky@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется влияние контента сети Интернет, в особенности сетевых и онлайн игр, на формирование девиантного поведения несовершеннолетних пользователей; рассмотрены причины и условия данного воздействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, информационное пространство сети Интернет, компьютерные игры, девиантное поведение, личность, интернет-зависимость.

Annotation. The article dwells on the influences of Internet content including network and online games that determine deviant behavior in minor users; reviews the causes and conditions of such influences.

Keywords: minors, informational Internet media, computer games, deviant behavior, personality, Internet addiction.

Институт личности является предметом исследования таких наук, как социология, психология, философия, криминалистика, криминология и т.д., и рассматривается с учетом специфики объекта изучения соответствующих дисциплин.

Формирование личности начинается еще в детстве, когда закладываются фундаментальные основы: физическое и психологическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал и т.д. Качества, которыми наделен ребенок, являются наиболее важными и прочными; изменить их в последующем достаточно сложно, а в ряде случаев — практически невозможно, так как по мнению психологов, формирование личности происходит в основном на 3—5 году жизни. В дальнейшем скорректировать определенные свойства и качества личности могут заинтересованные лица.

Появление в жизни несовершеннолетних неограниченного доступа к получению разнообразной информации как позитивного, так и негативного характера, в том числе и из глобальной компьютерной сети Интернет, на этапе формирования личности приводит к тому, что несовершеннолетние всецело погружаются в «мировую паутину» и порой уже не

представляют себя в реальной жизни, а существуют в виртуальном мире.

На фоне неконтролируемого и зачастую целенаправленного воздействия посредством размещения провокационной или запрещенной информации в сети Интернет происходят деструктивные изменения свойств и качеств личности, при этом одной из наиболее незащищенных групп, подверженных влиянию, являются несовершеннолетние. Процесс осознания сложностей и проблем, возникающих в реальной жизни, с которыми несовершеннолетний не может справиться самостоятельно, искажение восприятия реального мира приводит к разрушению повседневного образа жизни, смене жизненных ориентиров, развитию депрессии, нарастанию социальной изоляции, способствует формированию девиантного поведения, как правило, связанного с серьезными психофизиологическими проблемами.

Криминогенное воздействие информационного пространства сети Интернет обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, в виртуальном пространстве любой несовершеннолетний чувствует себя легко и непринужденно, выдавая себя за совершеннолетнего,

и таким образом получает доступ к тем видам деятельности и к той информации, которые в реальной (обычной) жизни были бы для него не просто затруднены, а порой даже недоступны (например, участие в аукционах, заключении финансовых сделок, проведении платежных операций; посещение сайтов, доступных только взрослым пользователям, порносайтов и т.д.).

Во-вторых, безграничные возможности информационного пространства сети Интернет приводят к формированию у несовершеннолетних чувства безнаказанности и вседозволенности, которое возбуждает желание, направленное на совершение правонарушения, а в ряде случаев и преступления. Иллюзия свободы в виртуальном пространстве может привести к формированию у несовершеннолетнего правового нигилизма, искаженного понимания норм поведения и безответственности за совершенные действия.

В-третьих, поисковые возможности сети Интернет позволяют не только расширить кругозор несовершеннолетних пользователей, но и при помощи «серфинга»¹ в интернет-пространстве получить информацию о действиях криминальной направленности (об изготовлении наркотиков, взрывных устройств, способах самоубийства, экстремистской деятельности, способах мошенничества и т.д.). Поисковая активность пересиливает чувство осторожности, снижается способность критически оценивать достоверность получаемых сведений.

Рассмотренные обстоятельства приводят к интернет-зависимости несовершеннолетних пользователей, которая, как правило, проявляется в навязчивом желании постоянно находиться в режиме онлайн, продолжать сетевое общение и участие в сетевых компьютерных играх. Для подростков, получающих постоянный доступ к сетевым ресурсам, виртуальная среда иногда представляется даже более адекватной и правдивой, чем реальный мир. Возможность перевоплотиться в некую бестелесную «идеальную» личность открывает для них особые ощущения, которые им хочется испытывать постоянно или очень часто. Специалисты отмечают, что в некоторой степени такая зависимость близка к патологической увлеченности азартными играми, а ее деструктивные эффекты сходны с возникающими симптомами алкоголизма².

Проблемы интернет-зависимости несовершеннолетних связаны с тем, что подростки все чаще стремятся уйти от проблем реальной действительности, порой предпочитая «живому» общению со сверстниками виртуальное общение в сети Интернет. В последние годы все более отчетливо стали проявляться негативные последствия данной зависимости и в России.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает влияние распространения компьютерных игр с элементами агрессии и насилия в информационном пространстве сети Интернет на формирование девиантного поведения у несовершеннолетних. Так, всемирно известная компьютерная онлайн-игра World of Tanks, заявленная разработчиками как массовая многопользовательская онлайн-игра в жанре Action с элементами шутера и стратегии, проводимая в режиме реального времени как аркадный танковый симулятор³ в историческом контексте Второй мировой войны, с одной стороны, позволяет изучить исторические аспекты танковых сражений, а с другой, — культивирует агрессивное поведение игроков по отношению к иным участникам игры как российских, так и зарубежных серверов. При этом зачастую агрессия среди игроков проявляется именно по национальному признаку. На 28 февраля 2013 г. число аккаунтов⁴ по кластерам составило 75 000 000. По данным общедоступной мультязычной универсальной интернет-энциклопедии «Википедия», 19 января 2014 г. одновременно на каждом из семи серверов онлайн-игры World of Tanks участвовало свыше 1 114 000 пользователей. Ежемесячный доход компании от торговли виртуальными объектами, по словам ее президента Виктора Кислого, составляет не менее 10 000 000 долларов, при этом доля заплативших игроков достигает 25—30%⁵. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения и Фонда «Общественное мнение», на январь 2012 г. в России 47% населения страны являлись пользователями Интернета, в то время как среди опрошенных школьников Интернетом пользовались 90%. Это свидетельствует о том, что несовершеннолетние являются одной из самых многочисленных и активных групп пользователей глобальной компьютерной сети Интернет⁶.

Как следствие, онлайн-игры с элементами агрессии и насилия приводят к духовной и нравственной опустошенности. В таких внешне реалистичных мирах компьютерных игр нередко нарушаются все

нормы морали: стимулируются жестокость, коварство, обман, предательство, презрение к слабому, которые поощряются путем начисления различных бонусов. Во многих играх для усиления зрелищности на экране практически постоянно демонстрируются сцены жестокости и насилия, присутствуют части расчлененных тел, изуродованные трупы и т.п. Все это рассчитано на то, что психологическое «отторжение» таких сцен будет преодолено, и они станут привычными для индивида⁷.

Анализ различных точек зрения авторов, рассматривающих данную проблему, позволяет выделить следующие основные причины формирования у несовершеннолетних зависимости от компьютерных игр с элементами насилия и агрессии: «развлечение, рекреация, компенсация, желание испытать волнение/страх; стремление виртуально испытать агрессию (эффект эмпатии); отождествление с агрессивным персонажем или персонажем-жертвой (эффект идентификации); игнорирование ограничений (эффект «запретного плода»); попытка увидеть насилие/агрессию, отражающие собственный опыт; изучение окружающего криминального мира (постижение роли насилия в обществе и в районе обитания данной аудитории); эффект самоуспокоения, т.е. эффект предчувствия счастливого финала и осознания того, что «весь этот кошмар происходит не со мной»; гендерный эффект и т.д.»⁸. Полное погружение в компьютерную игру, непосредственное управление конкретным персонажем, совершающим насильственные и агрессивные действия, приводит к тому, что несовершеннолетний, отождествляя себя с ним, не может объективно и правильно, с точки зрения морали и нравственности, оценить происходящее. Все это приводит к тому, что уже в реальной действительности известны факты совершения преступлений из-за ссор в виртуальном мире, мотивированных нервными и психическими расстройствами. Так, в Германии 12-летний ребенок создал трехмерную модель ненавистной ему школы, а в 17 лет, вооружившись отцовским пистолетом, застрелил 12 человек в помещениях школы. Жертвами стали 16 человек, включая и самого подростка⁹. Наша страна не является исключением. Так, в феврале 2014 г. старшеклассник одной из московских школ, вооруженный винтовкой, ворвался в класс, где проходило занятие, и застрелил учителя. После того как на место преступления прибыли сотруд-

ники полиции, подросток открыл стрельбу по ним, убив одного и ранив другого. По одной из версий подросток совершил преступление, копируя линию поведения персонажа одной из онлайн-игр. На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по правам человека руководитель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов высказал свое мнение о том, что стрельба школьника-подростка в учебном заведении столицы, приведшая к гибели двух человек, есть не что иное, как результат пагубного воздействия компьютерных игр — «стрелялок» на подростковую психику¹⁰.

Однако, с уверенностью утверждать, что это всецело связано с компьютерными играми, мы не можем. Нет единого мнения по данному вопросу как среди ученых, так и среди практикующих психологов и психиатров. Одни высказывают точку зрения о позитивном влиянии компьютерных игр с элементами агрессии и насилия, апеллируя к необходимости переносить часть негативной энергии в виртуальный мир и тем самым снимать эмоциональную напряженность, накопленную в период «агрессивного самоутверждения» подростков в обычной жизни среди своих сверстников. Другие, напротив, полагают, что интернет-зависимость негативно влияет на формирование личности несовершеннолетних, хотя обоснованного научного подтверждения непосредственного влияния насилия и агрессии в компьютерных играх на формирование девиантного поведения у подростков и возрастание подростковой преступности до сих пор не получено¹¹.

При всей дискуссионности факта влияния сетевых компьютерных игр на формирование девиантного поведения у несовершеннолетних нельзя не отметить определенный криминогенный потенциал такой увлеченности.

Таким образом, популяризация игр, создание игрового пространства, максимально соответствующего реальности, способствует смешиванию подростком реального и виртуального миров, переносу сценариев «игрового поведения» в реальную действительность и, в результате, наступлению трагических последствий. Проблема деструктивного влияния информационного пространства глобальной компьютерной сети Интернет на поведение подростков требует проведения комплексного междотраслевого исследования. Необходима разработка

государственных механизмов контент-анализа, контроля и регулирования информационных потоков, находящихся в глобальной сети Интернет, путем создания инструментов фильтрации, направленных на ограничение свободного доступа несовершеннолетних к ресурсам, способным оказать пагубное воздействие на формирование личности подростка. При этом необходимо обеспечить баланс между соблюдением конституционных прав несовершеннолетнего пользователя сети Интернет и интересами государства по формированию правопослушной личности.

¹ Веб-серфинг — это один из наиболее популярных видов использования Интернета. Для серфинга необходимо, чтобы на компьютере работала специальная программа — браузер (обозреватель). Обзоратель позволяет связываться с веб-узлами сети, просматривать (и прослушивать) содержащуюся в них информацию, а также перемещаться к другим узлам одним щелчком мыши по гиперссылкам, размещенным в просматриваемом на экране документе и выделенным тем или иным способом. Новый документ может, в свою очередь, содержать дальнейшие ссылки, что позволяет как бы «плыть» по этому океану информации — отсюда и название серфинг.

² *Young K.S.* Pathological Internet Use: The Emergence of a New Clinical Disorder. University of Pittsburgh at Bradford, 1996. URL: <http://www.apa.org/releases/internet.html> (дата обращения: 11 февраля 2014 г.).

³ Концепция World of Tanks базируется на командных танковых сражениях в режиме PvP. Термин появился для того, чтобы можно было различить игру человека против персонажей, управляемых компьютером — PvE, от игры против других игроков — PvP (PvP — Player vs Player переводится как «игрок против игрока»).

⁴ Учетная запись, как правило, содержит сведения, необходимые для опознания пользователя при подключении к системе, сведения для авторизации и учета. Это имя пользователя (login) и пароль.

⁵ Свободная энциклопедия «Википедия». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/World_of_Tanks (дата обращения: 20 февраля 2014 г.).

⁶ *Солдатова Г.В., Золотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С.* Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / Под редакцией Г.В. Солдатовой. М., 2011. 176 с.

⁷ *Осипенко А.Л.* Информационно-психологическое влияние ресурсов сети «Интернет» на формирование социальных установок ее пользователей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27).

⁸ *Федоров А.В.* Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог, 2004. С. 140—141.

⁹ Международная информационная группа Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/photo/1493/18885> (дата обращения: 9 февраля 2014 г.).

¹⁰ Электронная версия газеты Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/social/article/2014/02/04/979982-nakompyuternyie-igryi-mogut-vvesti-tsenzuru-izza-strelbyiv-moskovskoy-shkole.html> (дата обращения: 8 февраля 2014 г.).

¹¹ *Хелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 2000.



Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. Учебно-метод. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.В. Волченкова, Б.П. Михайлова. Изд-во ЮНИТИ, 2013. 431 с.

Дается ретроспективный анализ истории возникновения терроризма как социально-политического и криминального явления, рассматриваются правовые основы противодействия преступлениям террористической направленности, задачи подразделений уголовного розыска полиции ОВД, статистические и организационно-тактические положения, а также направления по противодействию этим преступлениям. На основе изучения и обобщения практики оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями террористической направленности излагаются мероприятия и практические рекомендации по организации и тактике противодействия данным преступлениям.

Рассматриваются правовые и организационные вопросы противодействия экстремизму в России, а также опыт оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов зарубежных стран в борьбе с экстремизмом.

Для преподавателей юридических высших образовательных учреждений, студентов, курсантов, слушателей, адъюнктов, докторантов и практических работников органов внутренних дел по противодействию терроризму и экстремизму.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛАЗАРЕНКО,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Московского областного филиала

Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: o-nika@bk.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены проблемы предупреждения и минимизации социальных последствий дорожно-транспортных происшествий. Ежегодный экономический ущерб от ДТП во всем мире оценивается от 518 до 800 млрд долл. США и в разных странах колеблется от 1 до 10% валового национального продукта. Вопросы последствий ДТП являются предметом анализа и выработки решений федеральной и территориальной межведомственных комиссий по безопасности дорожного движения. Однако, принимаемые меры по снижению ДТП и их последствий в России ощутимого эффекта пока не приносят; данная проблема требует поиска новых подходов к ее решению.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, социально-экономические последствия, травматизм, безопасность дорожного движения, федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах».

Annotation. The article dwells upon the issues of preventing and minimizing traffic accident consequences. Annual economic damage caused by traffic accidents all over the globe is estimated at 518 up to 800 billion USD, and varies in different countries from 1 to 10 per cent of gross national product. Consequences of traffic accident are being analyzed, and require particular solutions to be elaborated by the Federal and Regional Traffic Safety Commission. However, the efforts taken to reduce the number of traffic accidents and their consequences in Russia give no notable effect, the problem remains and needs new solving techniques.

Keywords: traffic accidents, socio-economic consequences, injury rate, traffic safety, Federal Target Program for Higher Traffic Safety in 2013—2020.

Дорожно-транспортное происшествие (далее — ДТП) — это событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, груз, сооружения¹.

В наше время дорожно-транспортный травматизм принял характер эпидемии не только в России, но и в мировом масштабе. За 2013 г. во всем мире в крушениях самолетов погибли 514 человек, а только в Москве, согласно статистическим данным, опубликованным ГИБДД в 2013 г., в ДТП погибли 841 человек, 12 951 человек получили ранения². Дорожно-транспортные происшествия на сегодняшний день являются одной из ведущих причин гибели и травматизма людей. Ущерб, наносимый в результате ДТП, имеет не только демографическую

и медицинскую направленность; это серьезная проблема для социально-экономической сферы.

По оценкам экспертов, в мире на дорогах ежегодно гибнет около 1,2 млн человек, или более 3 тыс. человек ежедневно. Получают травмы от 10 до 50 млн человек, до 20% из них становятся инвалидами, большинство из которых находится в трудоспособном возрасте³. В мире эту проблему называют «террор на дорогах», «война на дорогах», «геноцид на дорогах».

Рост смертельных случаев при ДТП неуклонно растет. Прогнозы специалистов как в России, так и за рубежом показывают, что ежегодное число погибающих на дорогах в ближайшие 20 лет увеличится на 65%, если не будут предприняты решительные меры по предупреждению ДТП и снижению тяжести их последствий.

По количеству аварий на душу населения Россия уверенно держит первое место в мире. В результате ДТП в России погибают и получают ранения свыше 270 000 человек. С ДТП так или иначе связаны 20 из каждой тысячи смертей. Около 30% погибших — это наиболее экономически активное население (26—40 лет). И тенденции к снижению этого показателя, к сожалению, нет.

Только в Московской области за 2013 г. произошло 11 319 ДТП, в которых погибло 1 578 человек, из них 36 детей в возрасте до 16 лет⁴. Наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий происходит с детьми в возрасте до 7 лет и 10—14 лет, при этом наблюдается рост происшествий с детьми до 7 лет.

Основными причинами ДТП были и остаются нарушения правил дорожного движения (далее — ПДД) как водителями, так и пешеходами и управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Например, за 2013 г. только в Московской области было совершено 646 ДТП в результате нарушения ПДД водителями транспортных средств, находившимися в состоянии опьянения⁵. В городах самым распространенным видом дорожно-транспортных происшествий являются наезды на пешеходов, тогда как на загородных трассах наиболее часто происходят столкновения транспортных средств.

Дорожно-транспортное происшествие — это явление контактного характера. Оно возникает в условиях дорожного движения в процессе взаимодействия всех его участников либо вследствие иных обстоятельств, которые не охватываются их предвидением, в результате которого причиняется физический, материальный или моральный вред. Оно может за один миг существенно изменить всю жизнь человека, его физическое, материальное и душевное состояние. ДТП — один из самых серьезных и опасных факторов окружающей среды, который оставляет на всю жизнь морально-психологические потрясения и физические увечья.

Согласно прогнозам аналитиков, к 2020 г. дорожно-транспортный травматизм будет занимать третье место среди проблем здоровья во всем мире, уступая лишь сердечнососудистым заболеваниям и тяжелым депрессиям. Значительный экономический ущерб наносят последствия, связанные с гибелью и ранением людей. Общая летальность пострадавших в ДТП в 12 раз выше, чем при остальных

травмах, инвалидность превышает в 6 раз, а пострадавшие нуждаются в госпитализации в 7 раз чаще. Более 70% пострадавших требуется дорогостоящее лечение в стационаре.

При ежегодном росте количества дорожно-транспортных происшествий отмечается и рост тяжести их последствий, показатели которой в 3—10 раз выше, чем в других европейских странах. Тяжесть последствий ДТП в течение последних пяти лет в России практически не изменяется и в целом составляет 11 погибших на 100 пострадавших. По статистическим данным⁶, только за 2013 г. в Российской Федерации в 204 068 ДТП погибли 27 025 человека, а ранены 258 437, в то время как во многих других государствах (США, Франции и др.) тяжесть последствий не превышает 2,5 человека. В среднем по стране на каждые 100 тыс. человек приходится 83 пострадавших в ДТП. Из общего числа пострадавших более трети (34,4%) — пассажиры, примерно столько же (34%) — пешеходы, и 29,6% — водители.

Ущерб, наносимый обществу вследствие ДТП, непоправим. Они никогда не проходят бесследно, а их последствия не всегда проявляются сразу.

Каждое ДТП может иметь следующие последствия:

- ☛ смерть всех или некоторых участников ДТП;
- ☛ причинение ущерба здоровью участникам ДТП;
- ☛ временная нетрудоспособность;
- ☛ оплата «больничных листов»;
- ☛ выплата пособий и пенсий по инвалидности;
- ☛ расходы на лечение и лекарства;
- ☛ расходы на реабилитацию как участников ДТП, так и их родственников;
- ☛ расходы, связанные с восстановлением поврежденных транспортных средств;
- ☛ расходы на ремонт поврежденных сооружений;
- ☛ психологические травмы участников ДТП или их родственников.

Тревогу вызывает рост количества ДТП с особо тяжкими последствиями (ДТП, в которых погибают 5 и более человек или получают травмы 10 человек и более). ДТП такого рода представляют собой большую социально-экономическую опасность, так как они, как правило, характеризуются очень высокой тяжестью последствий. Помимо унесенных и покалеченных жизней, это еще и огромные экономические потери. По оценкам аналитиков, ежегодный

экономический ущерб от ДТП в России составляет более 300 млрд руб.

Стоимостная оценка последствий ДТП (гибель, ранение людей, инвалидность и реабилитация, экономические, моральные, психологические и иные факторы) используется во всех странах с развитой автомобилизацией как один из основных критериев при принятии решений в процессе государственного управления в сфере безопасности дорожного движения. Данные оценки позволяют сделать соответствующие расчеты при разработке на различных уровнях управления целевых программ, проектов и проведении профилактических мероприятий в этой сфере. Тема безопасности на дорогах сегодня очень популярна во властных сферах.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 была утверждена федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах» (далее — Программа). Программа является продолжением аналогичной федеральной целевой программы, утвержденной на 2006—2012 гг. Цель Программы — сокращение смертности от ДТП к 2020 г. (число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях в 2010 г., составило 26 567 человек и к 2020 г. должно сократиться до 19 925 человек; число детей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, соответственно, в 2010 г., составило 898 человек и к 2020 г. должно сократиться до 673)⁷.

Задачами Программы являются:

- ❖ создание скоординированной системы направлений деятельности и детализирующих их мероприятий по снижению дорожно-транспортного травматизма в России;
- ❖ обеспечение условий для грамотного, ответственного и безопасного поведения участников дорожного движения;
- ❖ переход от принципа функционального управления ресурсами к проектному финансированию конкретных направлений деятельности;
- ❖ активное вовлечение в реализацию мероприятий Программы субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и негосударственных организаций;
- ❖ организация сотрудничества и партнерства с участием всех заинтересованных сторон в государственном, муниципальном и частном секторах с привлечением гражданского общества.

В число поставленных задач также входит развитие современной системы оказания помощи пострадавшим в ДТП, повышение правосознания и ответственности участников дорожного движения.

Общий объем финансирования федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006—2012 годах» за счет средств федерального бюджета составил 21 049,01 млн руб. Ранее никогда правительство не выделяло столько денег на такие статьи расходов, как безопасность на дорогах.

Эффективность и результативность реализации Программы заключается в сохранении жизни участников дорожного движения и предотвращении социально-экономического и демографического ущерба от ДТП и их последствий.

Реализация программы позволит в 2013—2020 гг.:

- ❖ сохранить жизни 67 587 человек;
- ❖ предотвратить дополнительный социально-экономический ущерб от дорожно-транспортных происшествий и их последствий в размере 2 828,7 млрд руб.;
- ❖ создать приток негосударственных инвестиций в сферу обеспечения безопасности дорожного движения в размере 1 623,333 млн руб., в том числе за счет разработки и внедрения инструментов государственно-частного партнерства;
- ❖ приблизить уровень дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации к уровню развитых стран мира⁸.

Для этого предлагается создавать экспериментальные федеральные полигоны «Детский автогород», внедрять школьные автобусы, развивать различные интеллектуальные транспортные системы. В рамках Программы предстоит разработать требования к транспортному планированию городов, открыть единые центры управления дорожным движением, внедрять новые технологии и методы оказания первой и экстренной медицинской помощи. Улично-дорожную сеть необходимо оборудовать устройствами аварийно-вызывной связи.

Травматизм на автомобильном транспорте — одна из важных социально-экономических проблем, стоящих перед большинством стран, в том числе и Россией. Дорожно-транспортная аварийность в настоящее время приняла характер эпидемии, социально-экономические негативные последствия которой значительно превосходят последствия стихийных

бедствий. ДТП наносят обществу большой социально-экономический ущерб, глобальные экономические потери составляют, по информации Всемирного банка, около 500 млрд долл. в год. Большинство существующих систем снижения последствий ДТП направлены как на первичное (профилактика ДТП), так и на вторичное (обеспечение своевременной и квалифицированной медицинской помощи) их предотвращение. Так, оборудование дорог средствами аварийно-вызывной связи, рациональное размещение вдоль дорог медицинских учреждений, где могли бы оказать квалифицированную помощь именно при дорожно-транспортных травмах, обучение водителей и работников ГИБДД приемам оказания доврачебной помощи, обязанность иметь в автомобилях аптечки и целый ряд других мероприятий позволяют существенно повлиять на снижение числа жертв дорожного травматизма. Опыт многих западных стран говорит о том, что аварийность и травматизм можно снизить только комплексными мерами, такими как усовершенствование организации дорожного движения, улучшение дорожного покрытия, пропаганда безопасности дорожного движения, повышение качества обучения в автошколах, ужесточение наказания за нарушения ПДД и многими другими мерами, позволяющими достичь существенного снижения общего количества ДТП и тяжких последствий от них.

Экономический ущерб от ДТП доходит до 5% валового национального продукта. «Размер социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за 2004—2010 гг. оценивается в 7 трлн 326,3 млрд руб., что можно сопоставить с расходами консолидированного бюджета Российской Федерации в 2011 г. на финансирование социальной политики (7 трлн

453,3 млрд руб.)», — говорится в Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах».

Вопросы дорожно-транспортного травматизма являются предметом анализа и выработки решений федеральной и территориальных межведомственных комиссий по безопасности дорожного движения. Однако, принимаемые меры по снижению ДТП и его последствий в России ощутимого эффекта пока не приносят. Данная проблема требует поиска новых подходов в ее решении. Основные усилия должны быть сосредоточены на профилактических мероприятиях и направлены на устранение и снижение основных факторов риска — в первую очередь управляемых (не требующих значительных финансовых затрат).

¹ Правила учета дорожно-транспортных происшествий от 29 июня 1995 г. № 647 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 1 декабря 1997 г. № 1513, от 31 июля 1998 г. № 866, от 2 февраля 2000 г. № 100, от 1 февраля 2005 г. № 49, от 19 ноября 2008 г. № 859, от 14 февраля 2009 г. № 106, от 4 сентября 2012 г. № 882).

² <http://www.gibdd.ru/r/77/stat>.

³ *Осинов В.В.* Особенности дорожно-транспортного травматизма в регионе и научное обоснование путей уменьшения его медицинских и социально-экономических последствий (на примере Хабаровского края): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Хабаровск, 2004.

⁴ <http://www.gibdd.ru/stat>.

⁵ <http://www.gibdd.ru/stat>.

⁶ <http://www.1gai.ru/511678-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-dekabr-2013-goda-1str.htm>.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 27 октября 2012 г. № 1995-р «Об утверждении Концепции Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 гг.» Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 27 октября 2012 г. № 1995-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 гг.» Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45.



Полиция Российской империи. Монография. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Изд-во ЮНИТИ, 2014. 320 с.

В монографии исследуются организация и деятельность полиции Российской империи. Рассматривается деятельность учреждений, выполнявших полицейские функции до образования империи, анализируется процесс слома полиции самодержавной России весной 1917 г.

Книга рассчитана как на профессиональных историков, правоведов, сотрудников полиции, так и на всех интересующихся отечественной историей.

ВРЕМЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО СТАДИЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

ВИКТОР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АБРАМОЧКИН,

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права
и оперативно-розыскной деятельности ОВД Московского областного филиала*

Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: viktor_abramochkin@mail.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс;

12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализ практики расследования дорожно-транспортных преступлений позволяет утверждать, что для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела в ряде случаев требуется проведение опытных действий, составляющих основу следственного эксперимента, производство которого на стадии возбуждения уголовного дела не допускается. Такая позиция законодателя заставляет правоприменителя проводить экспериментальные действия в рамках дополнительного осмотра места происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, возбуждение уголовного дела, следственный эксперимент, дополнительный осмотр места происшествия.

Annotation. Analysis of traffic accidents investigation practice can argue that in order to make a lawful and reasoned decision whether to initiate or refuse to initiate criminal proceedings, in some cases particular experimental steps that form the core of investigative experiment shall be taken, which is prohibited at the stage of criminal case initiation. Such legislative position forces the law enforcers into conducting experimental operations under additional scene inspection.

Keywords: traffic accidents, criminal case initiation, investigative experiment, additional scene inspection.

В 2013 г. зарегистрировано 28 249 преступлений, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), из них осталось нераскрытыми 3343¹. Большинство из этих дел представляют сложность в расследовании ввиду специфики установления механизма дорожно-транспортных преступлений (далее — ДТП).

При расследовании ДТП выясняются различные обстоятельства произошедшего события. Эти сведения можно получить в том числе путем допросов участников и очевидцев ДТП. Однако, в ряде случаев, в силу неожиданности и скоротечности события, наблюдавшие его люди не могут при допросе точно указать скорость, расстояние, определить временной промежуток. Оценочные утверждения «ехал быстро», «шел медленно», «выбежал внезапно» требуют уточнения и проверки путем проведе-

ния опытных действий в рамках следственного эксперимента.

Практика расследования свидетельствует о том, что следственный эксперимент порой является тем следственным действием, без проведения которого невозможно назначить автотехническую судебную экспертизу, а в дальнейшем принять обоснованное решение по уголовному делу.

Следственный эксперимент может быть произведен в процессе предварительного расследования и судебного следствия. Исследования, проведенные автором, позволили сделать вывод о том, что в процессе судебного следствия следственный эксперимент практически не проводится ввиду отсутствия такой необходимости (он либо проводился следователем, либо его проведение не требовалось исходя из материалов дела).

На стадии предварительного расследования следственный эксперимент может быть произведен на первоначальном или последующем этапе расследования; при определенных условиях он может стать неотложным следственным действием.

Проблема законности его производства возникает на стадии возбуждения уголовного дела. В настоящий момент уголовно-процессуальный закон позволяет до возбуждения уголовного дела получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы, предметы и изымать их, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В то же время, в практической деятельности нередко возникают такие ситуации, когда для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела требуется проведение следственного эксперимента, что законом не допускается. Такая позиция законодателя заставляет правоприменителя проводить экспериментальные действия, составляющие основу следственного эксперимента, в рамках дополнительного осмотра места происшествия, что отчасти не соответствует уголовно-процессуальному закону и может привести к обжалованию принятых следователями решений. Такие экспериментальные действия проводятся с целью не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела. Если уголовное дело будет возбуждено, в процессе расследования их придется повторить уже в рамках следственного эксперимента. Ссылка на протокол осмотра места происшествия, подменяющего следственный эксперимент, как на источник доказательств закономерно приведет либо к ходатайству стороны защиты о признании его недопустимым доказательством, либо к возвращению прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия.

На этот счет имеется и другая точка зрения, которая представляется нам несколько спорной. Ее сущность состоит в том, что если положения закона не содержат запрета на экспериментальные действия в рамках осмотра, значит их производство должно признаваться законным. Подобную точку зрения от-

стаивает Р.Г. Зорин, анализируя ст.ст. 203, 204, 207 УПК Республики Беларусь². Учитывая сходство процессуального законодательства России и Республики Беларусь, его выводы представляют интерес для отечественного уголовного процесса и криминалистики. В пользу позиции Р.Г. Зорина говорит тот факт, что, в зависимости от вида опытных действий, они могут быть проведены не только в рамках следственного эксперимента, но и производства судебной экспертизы, осмотра предмета (транспортного средства) с приглашением специалиста (например, для определения технического состояния транспортного средства).

Тем не менее, полностью согласиться с таким мнением нельзя. Следуя подобной логике, можно постепенно отказаться от следственного эксперимента, а затем и от проверки показаний на месте, получения образцов для сравнительного исследования, освидетельствования. Подменяя сущность следственного эксперимента осмотром места происшествия, мы возвращаемся к УПК РСФСР 1923 г., который не знал такого источника доказательств, а эксперимент считался тактическим приемом расследования. В то же время, если уголовное дело не возбуждено, а получение исходных данных для проведения автотехнического исследования или судебной экспертизы возможно только путем проведения экспериментальных действий, то остается их закрепление в протоколе дополнительного осмотра места происшествия³.

В завершение следует отметить, что изменения, внесенные в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁴, следственного эксперимента не коснулись. Обоснованность позиции законодателя в этом вопросе не вызывает сомнений, однако для правоприменителя в лице следователя, движимого стремлением не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела, следственный эксперимент в арсенале проверочных действий был бы не лишним.

¹ Состояние преступности в России за январь—декабрь 2013 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEу.pdf (17.01.2014).

² Зорин Р.Г. Следственный эксперимент: уголовно-процессуальное и криминалистическое обеспечение // Законность и правопорядок (Р. Беларусь). 2011. № 4 (20). С. 67.

³ См., например: Шелихов С.Г. Характерные недостатки расследования дорожно-транспортных преступлений // Уголовный процесс. 2010. № 11. С. 21.

⁴ О внесении изменений в ст.ст. 61 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ: ДЕ-ЮРЕ И ДЕ-ФАКТО

ВИТАЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: vak.usm@mail.ru

МАКСИМ ИВАНОВИЧ ПИЛЯКИН,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: pimaks81@rambler.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс;

12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит в своих нормах перечень следственных и процессуальных действий, грамотное применение которых в необходимом объеме позволяет сформировать доказательственную базу по любому уголовному делу. Одним из таких действий является освидетельствование.

Ключевые слова: освидетельствование, следы, осмотр, изъятие, обнаружение следов преступления.

Annotation. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains a list of investigation measures and procedures that allow for building evidence base to any criminal case if used wisely and to the extent required, among them examination.

Keywords: examination, traces, inspection, seizure, traces of crime detection.

На сегодняшний день в арсенале следователя имеется достаточно широкий набор следственных и процессуальных действий, позволяющих эффективно формировать доказательственную базу в рамках расследуемых уголовных дел. Вместе с тем, как показывает практика, частота применения отдельных следственных действий существенно разнится. Например, такие следственные действия, как допрос и все виды следственного осмотра, проводятся практически при расследовании каждого уголовного дела. При этом есть следственные действия, хоть и предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), но фактически не применяемые в следственной практике. Одно из таких следственных действий — освидетельствование. Из анализа теории юриспруденции следует, что освидетельствованию уделяется необоснованно мало внимания в учебной и научной литературе, а в практике расследования отдельных видов преступлений случаи его применение единичны и связаны, как правило, с расследованием изнасилований. Причин этому достаточно много.

Во-первых, сложная структура диспозиции рассматриваемой нормы приводит к недопониманию сущности данного следственного действия, а спорность отдельных положений, регламентирующих его производство, во многом обуславливает отказ от его осуществления практическими сотрудниками органов внутренних дел (далее — ОВД) и (или) его замену другим следственным действием либо медицинским освидетельствованием.

Так, ч. 1 ст. 179 УПК РФ предусматривает, что для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Примененный стиль изложения рассматриваемой статьи затрудняет ее осмысление, тем самым препятствуя ее правильному пониманию. Уяснение

сущности освидетельствования имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. С нашей позиции, необходимо норму данной статьи разделить союзом «и (или)» на две части. Во-первых, это позволит разделить такие понятия, как «обнаружение» и «выявление»; во-вторых, окончательно отграничит «выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков» от привязки к «на теле человека». Нами предлагается следующая формулировка данной нормы: «Для обнаружения особых примет, следов преступления, телесных повреждений на теле человека и (или) выявления состояния опьянения, иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Помимо вышеуказанного обстоятельства, проблемными являются вопросы, связанные с проведением освидетельствования. Во-первых, вопрос установления наличия фактических оснований для производства освидетельствования, которые зависят от вида совершенного преступления, способа совершения, орудий и других признаков, а также источника поступления первичной информации. Зачастую получение фактических данных в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий при отсутствии возможности процессуального подтверждения полученной информации рассматривается следственными подразделениями как недостаточное основание для вынесения мотивированного постановления о производстве данного следственного действия.

Во-вторых, если при проведении освидетельствования, сопряженного с осмотром тела человека, в целях выявления особых примет, следов преступления, телесных повреждений, имеющих значение для уголовного дела, какая-либо двусмысленность отсутствует, так как в научных изысканиях различных авторов достаточно подробно рассмотрены особые приметы (индивидуальные отклонения в анатомическом строении тела человека или его отдельные функциональные недостатки и особенности), следы преступления (различные материальные изменения, возникшие на теле живого человека

вследствие фактов, событий, явлений или действий, неразрывно связанных с расследуемым преступлением), телесные повреждения (которые находятся на поверхности тела живого человека (ссадины, кровоподтеки, поверхностные раны, в том числе следы инъекций) и не требуют для своего обнаружения и фиксации специальных медицинских исследований) и порядок их выявления, осмотра, фиксации и изъятия¹, то относительно проведения освидетельствования для выявления состояния опьянения в научных кругах однозначной точки зрения нет и вернута целая дискуссия.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) о состоянии опьянения упоминается только в трех статьях (ст.ст. 23, 63 и 264). В ст. 23 предусматривается привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. В ст. 63 УК РФ говорится о том, что отягчающим обстоятельством признается привлечение к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения. При этом необходимо акцентировать особое внимание на том, что отягчающим обстоятельством признается «привлечение к совершению», а не «совершение» преступления в состоянии опьянения. Аналогичная точка зрения высказана и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где указано, что совершение лицом преступления в состоянии опьянения не является обстоятельством, отягчающим наказание². В ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ состояние опьянения учитывается как квалифицирующий признак. Поэтому в соответствии с УК и УПК РФ необходимость фиксации состояния опьянения как квалифицирующего признака в процессе доказывания возникает только при расследовании уголовных дел по ст. 264 УК РФ или по всем фактам привлечения к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения.

На возможность проведения освидетельствования указано и в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах»³. В ст. 44 рассматриваемого закона предусмотрено, что лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, может

быть направлено на медицинское освидетельствование. Таким образом, данная статья предусматривает возможность направления на медицинское освидетельствование всех лиц, а не только подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, как это предусмотрено УПК РФ. При этом содержание рассматриваемой нормы после 25 мая 2014 г. будет противоречить УПК РФ, который предусматривает обязательное назначение судебной экспертизы, если необходимо установить психическое и физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией⁴, т.е. в отношении подозреваемых и обвиняемых производство освидетельствования по рассматриваемой категории преступлений будет запрещено, так как необходимо будет проводить судебную экспертизу. Итак, отметим, что в рамках рассматриваемой статьи у сотрудников органов внутренних дел есть возможность направлять лиц на медицинское освидетельствование для фиксации состояния опьянения только лишь в порядке административного производства и без установления факта болезни наркоманией.

Мы согласны с мнением В.М. Быкова, который говорит о необходимости исключения из ч. 1 ст. 179 УПК РФ слов «выявление состояния опьянения». Он считает, что «для установления того факта, что лицо находится в состоянии опьянения, следует назначать судебно-медицинскую экспертизу»⁵.

Постановление о производстве освидетельствования является обязательным для освидетельствуемого лица, поэтому данное следственное действие приобретает форму государственного принуждения.

Возможность принудительного освидетельствования также вызывает ряд вопросов как с научной, так и с практической точки зрения, так как соотносится с проблемой преодоления этических и нравственных норм.

Ряд авторов допускает возможность принудительного освидетельствования в отношении подозреваемого и обвиняемого, но отрицает возможность принуждения при освидетельствовании потерпевшего и свидетеля, подчеркивая, что оно может быть проведено только с их согласия. Существует позиция, отрицающая возможность принудительного производства освидетельствования⁶.

Мы поддерживаем позицию авторов, считающих, что принудительное освидетельствование возможно⁷, и убеждены, что если допустить иное, то

при отказе подозреваемых и обвиняемых, а также свидетелей и потерпевших от производства освидетельствования, органы предварительного следствия не смогут достичь целей уголовного судопроизводства. В отношении потерпевшего рассматриваемая точка зрения нашла свое законодательное закрепление. Так, УК РФ предусмотрена ответственность потерпевшего за отказ или уклонение от прохождения освидетельствования⁸. Что же касается подозреваемых и обвиняемых, то, по аналогии с решениями Конституционного суда Российской Федерации по фактам принудительного «получения образцов для сравнительного исследования», можно утверждать, что «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в соответствии с требованиями ст. 55 (ч. 3) Конституции⁹ Российской Федерации предусматривает возможность производства процессуальных действий (в том числе освидетельствование) и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6), обеспечивая обоснованность и соразмерность ограничений указанного права»¹⁰.

Однако, такое принуждение должно отвечать определенным условиям. Во-первых, оно является крайней мерой, к которой следует прибегать в исключительных случаях, после исчерпания мер убеждения; во-вторых, принуждение должно быть минимально необходимым, не унижающим чести и достоинства личности, не причиняющим вреда здоровью и не носящим характер насилия; в-третьих, дифференцироваться с учетом процессуального статуса освидетельствуемого в уголовном деле.

Свидетель может быть подвергнут освидетельствованию лишь в добровольном порядке, за исключением специально оговоренного в УПК РФ случая — для оценки достоверности показаний.

В соответствии с правилами, закрепленными в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, освидетельствование производится без участия понятых. В этой связи следует обратить внимание на небезупречность редакции некоторых комментариев¹¹, ознакомившись с содержанием которых, правоприменитель может сделать вывод об обязательном участии понятых в освидетельствовании. Понятые участвуют в освидетельствовании только по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе следователя.

Освидетельствование в соответствии с ч. 3 ст. 179 УПК РФ проводится следователем (при необходимости с привлечением врача или другого специалиста). В некоторых случаях, например, при необходимости освидетельствования лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица, осмотр освидетельствуемого осуществляется врачом. При этом в ч. 4 ст. 179 УПК РФ указывается, что такое освидетельствование производится врачом. Формулировка данной нормы не совсем верная; врачом производится не освидетельствование, а лишь осмотр тела освидетельствуемого лица. Освидетельствование как следственное действие и в данном случае проводится следователем, хотя и на обозначенном этапе (осмотре тела) он не присутствует. В связи с этим считаем целесообразным изменить указанную формулировку, изложив ее в следующей редакции: «В этом случае осмотр тела освидетельствуемого лица проводится врачом».

Также определенную дискуссию вызывают изъятия следов преступления при производстве освидетельствования. Одни авторы считают, что в предмет освидетельствования входит только обнаружение следов преступления, а их изъятие может быть произведено не иначе как в ходе проведения иных следственных действий. Другие же считают, что при освидетельствовании можно не только изымать следы преступления, но и осматривать одежду, в которую одет освидетельствуемый, с целью сопоставления следов на одежде и на теле¹². Поэтому во многом от недопонимания сущности освидетельствования практические работники часто производят смыывы с кистей рук, срезы ногтевых пластин и т.д. у подозреваемых и обвиняемых, оформляя это как получение образцов для сравнительного исследования. Все эти и другие неопределенности способствуют тому, что практические работники ищут наиболее простые решения и неохотно используют освидетельствование в процессе доказывания. Авторы данной статьи считают, что необходимо буквально толковать норму ст. 180 УПК РФ, которая прямо предусматривает возможность изъятия всех обнаруженных в ходе освидетельствования следов и предметов.

Проведение освидетельствования расширяет, увеличивает возможности следователя в установлении объективной истины по делу. Его проведение уполномоченными на то лицами в рамках уголов-

ного дела, находящегося в стадии расследования или судебного разбирательства, позволяет собирать и проверять доказательства в установленном законом порядке, тем самым формировать доказательственную базу по любому расследуемому делу.

¹ *Торбин Ю.Г.* Освидетельствование в российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): Практическое пособие. М.: Экзамен, 2005.; *Рыжаков А.П.* Освидетельствование, осуществляемое на стадии предварительного расследования // Известия высших учебных заведений. 2004. № 5; *Потанова А.Г.* Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России (процессуальный аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2007. № 1.

³ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп., вступающими в силу с 5 декабря 2013 г.) // Сборник законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

⁴ Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-10 (принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/4100000/#ixzz30LdHlFFV>.

⁵ *Быков В.М.* Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 67.

⁶ *Клевцов В.В.* Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2010.

⁷ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. С. 556.

⁸ Ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Сборник законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Сборник законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹¹ *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002. С. 230—231.

¹² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. С. 242; *Шамонова Т.Н.* Освидетельствование // Гражданин и право. 2000. № 5. С. 16; Осмотр места происшествия: Практическое пособие / Под ред. А.И. Дворкина. М.: Юристъ, 2000. С. 138; Криминалистика: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Инфра-М, 2005. С. 424; *Егоров К.* Судебный осмотр // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 21; *Белкин Р.С., Лифшиц Е.М.* Тактика следственных действий. М.: Инфра-М, 1997. С. 79—80.

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

МАКСИМ ИВАНОВИЧ ПИЛЯКИН,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: pimaks81@rambler.ru

ВИТАЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: vak.usm@mail.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс;

12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Соблюдение прав и свобод несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства зависит от качества и степени правовой регламентации порядка и особенностей проведения отдельных следственных действий с его участием, а также порядка применения мер процессуального принуждения. Изменения и дополнения к ст. 191 УПК РФ, вступающие в силу с 1 января 2015 г., вызывают многочисленные вопросы и остаются спорными.

Ключевые слова: несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства, особенности проведения следственных действий с участием несовершеннолетних, участие педагога и психолога, применение видеозаписи и киносъемки.

Annotation. Observance of rights and freedoms of minor participants in criminal trial depends upon the quality and degree of legal order regulation and peculiarities of separate minor-related investigation activities, as well as the order of procedural enforcement. Amendments and alterations to Article 191 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to come into force on January 1, 2015 are disputable and controversial.

Keywords: minor participants in criminal trial, peculiarities of minor-related investigation, participating educator and psychologist, video recording and film shooting.

Преступность несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних остается одной из наиболее острых проблем, стоящих перед Россией на протяжении многих лет. Данная проблема имеет комплексный характер и требует деликатного решения со стороны государства с учетом особенностей психоэмоциональной сферы несовершеннолетних и необходимости гарантировать особую правовую защиту несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

В данном направлении в последние годы приняты определенные шаги: внесены изменения в

уголовное законодательство, предусматривающие ужесточение наказания за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних; на очереди вступление в законную силу изменений в уголовно-процессуальное законодательство, связанных с проведением отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних. Безусловно, все это можно назвать большим прогрессом в области совершенствования системы защиты прав и свобод детей в России.

Выступая 21 марта 2014 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, Министр внутренних

дел, генерал-полковник полиции В.А. Колокольцев подчеркнул, что одним из приоритетных направлений деятельности подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) является профилактика преступлений и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Согласно приведенной в докладе статистике, несовершеннолетними и при их соучастии совершено 67,2 тыс. уголовно наказуемых деяний (+4,6% по сравнению с 2012 г.). Доля тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве подростковой преступности снизилась на 0,8 пункта и составила 21,8% (22,6% в 2012 г.). Более 38% преступлений было совершено в группах по предварительному сговору (23,4 тыс.; +2,8% по сравнению с 2012 г.). Каждый седьмой подросток на момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения (8,4 тыс.; +2% по сравнению с 2012 г.), каждый четвертый ранее уже нарушал закон (14,1 тыс.; +8,8% по сравнению с 2012 г.)¹.

На учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состоит 174 тыс. подростков, в том числе 37,5 тыс. несовершеннолетних — за систематическое употребление алкогольных напитков, наркотических и одурманивающих веществ.

Несмотря на предпринимаемые колоссальные усилия, в прошедшем 2013 г. снизить количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, не удалось. Рассматриваемая ситуация во многом обусловлена сокращением численности личного состава подразделений по делам несовершеннолетних в целом по России на 30%, а в отдельных субъектах Российской Федерации — свыше 50%. В результате рост нагрузки на инспекторский состав и увеличение территории обслуживания привели к снижению эффективности индивидуальной воспитательной работы, проводимой среди подростков, состоящих на учете².

Ретроспективный анализ раскрытия преступлений, совершенных в России, позволяет констатировать, что количество совершаемых несовершеннолетними лицами преступлений неуклонно растет. К сожалению, не снижается и количество преступлений, совершаемых и в отношении несовершеннолетних лиц. Вполне естественно, что на фоне данных неблагоприятных прогнозов по профилактике преступности среди несовершеннолетних за-

конодатель предпринимает шаги по оптимизации и модернизации законодательства, направленного на совершенствование норм, регламентирующих отдельные аспекты расследования преступлений, совершенных в отношении или с участием несовершеннолетних.

Так, с 1 января 2015 г. вступит в законную силу новая редакция ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), регламентирующая особенности допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетних лиц³. Примечательно, что в новой редакции, в отличие от действующей, расширен перечень следственных действий, на которые данная норма распространена. Еще одной характерной особенностью новой редакции данной статьи является отсутствие в ее названии конкретизации процессуального статуса несовершеннолетнего, в то время как в действующей пока еще редакции речь идет только о несовершеннолетнем потерпевшем и свидетеле. Однако, при изучении данной нормы мы видим, что фактически она регламентирует особенности производства указанных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. В этой связи считаем необходимым изменить наименование ст. 191 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля». Определенные вопросы, а порой и споры вызывает содержание и смысловая нагрузка данной статьи, что мы и рассмотрим ниже.

Согласно нововведениям при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Введение данной нормы позволяет констатировать положительные аспекты корреляции с аналогичными требованиями ст. 425 УПК РФ, которая регламентирует порядок допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, т.е. законо-

датель уравнивает в правах несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с подозреваемыми и обвиняемыми. Ведь в пока еще действующей редакции нормы УПК РФ при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей участие педагога является обязательным лишь в том случае, если допрашиваемое лицо не достигло 14 лет, либо по усмотрению следователя, если допрашиваемое лицо находилось в возрастном промежутке от 14 до 18 лет.

Указанная норма содержит еще более жесткие временные требования по производству допроса потерпевших и свидетелей. Так, допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более 1 часа; в возрасте от 7 до 14 лет — более 1 часа, а в общей сложности — более 2 часов, в возрасте старше 14 лет — более 2 часов, а в общей сложности — более 4 часов в день. Напомним, что ч. 1 ст. 425 УПК РФ устанавливает следующее: допрос несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности — более 4 часов в день, таким образом, данные нормы с 1 января 2015 г. будут взаимосоответствовать для всех несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Урегулировав временной промежуток отдельных следственных действий, законодатель оставил без внимания вопрос о возможном количестве таких действий, проводимых с несовершеннолетним участником уголовного судопроизводства в течение суток.

В качестве недостатка необходимо отметить, что, в отличие от вводимой в действие ст. 191 УПК РФ, иными нормами рассматриваемого кодекса регламентирован лишь допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, специфика остальных следственных и процессуальных действий с их участием остается вне рамок правового поля. Также остается пробел в правовом регулировании сроков содержания под стражей несовершеннолетних. К подросткам, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, применяются общие сроки содержания. Однако, в соответствии со ст. 37 Конвенции о правах ребенка⁴ задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и

используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие дополнения в гл. 50 УПК РФ статьей «Сроки содержания под стражей несовершеннолетних».

Сразу оговоримся, что с точки зрения криминалистической тактики подобные требования значительно усложнят процесс проведения следственных действий с участием несовершеннолетних. Временные ограничения фактически заставят следователя, который должен все подготовительные мероприятия осуществлять вне рамок следственного действия либо до прибытия несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Кроме того, требования ограничения времени могут с негативной стороны сказаться на качестве производства следственных действий.

Не совсем корректным авторы статьи считают содержание ч. 2 ст. 191 УПК РФ, которая осталась без изменений: «Потерпевшие и свидетели в возрасте до 16 лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. При разъяснении указанным потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав, предусмотренных соответственно ст.ст. 42 и 56 настоящего Кодекса, им указывается на необходимость говорить правду». Вопрос о предупреждении потерпевшего и свидетеля в возрасте до 16 лет об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний вообще не должен рассматриваться в данной норме (даже в форме запрета). В соответствии со ст. 20 УК РФ ответственности по ст.ст. 307 и 308 УК РФ, ссылки на которые предусмотрены ч. 7 ст. 42 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ, подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. В связи с этим считаем необходимым изменить ч. 2 ст. 191 УПК РФ таким образом, чтобы при разъяснении несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав, установленных соответственно ст.ст. 42 и 56 УПК РФ, вместо обязанности, предусмотренной п. 2 ч. 5 ст. 42 и п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ, им указывалось на необходимость говорить правду, содержание ч. 7 ст. 42 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ им не объясняется.

Спорным является и содержание введенной ч. 3 ст. 191 УПК РФ: «Следователь вправе не до-

пустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В этом случае следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля».

Понятие и содержание «интересов несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля» УПК РФ не раскрывает, следовательно, кто уполномочен их определять, исходя из каких предпосылок и чем мотивируя, остается неясным. В результате возрастает вероятность того, что следователь, ссылаясь на интересы несовершеннолетнего, не будет допускать к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и

(или) представителя, если это будет противоречить интересам следствия.

Дополнение ст. 191 УПК РФ ч. 4, содержание которой рассматривается ниже, вероятнее всего, является технической ошибкой, так как ч. 4 практически дословно передает содержание ч. 1, дополняя ее конкретными видами преступлений «против половой неприкосновенности несовершеннолетнего», и устанавливает обязательное участие психолога, который и так должен участвовать во всех следственных действиях с участием несовершеннолетних потерпевших и (или) свидетелей.

В приведенной таблице выделены отличия ч. 1 от ч. 4 ст. 191 УПК РФ, которые указывают на нелогичность и тавтологию рассматриваемых положений:

ч. 1 ст. 191 УПК РФ	ч. 4 ст. 191 УПК РФ
<p>При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.</p>	<p>При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.</p>

Как нам видится, в ч. 4 ст. 191 УПК РФ необходимо было рассматривать категорию несовершеннолетних, указанных в ч. 1, а именно лиц, достигших возраста 16 лет, в отношении которых совершено преступление или которые стали свидетелями по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Исходя из вышесказанного, предлагаем изложить ч. 4 ст. 191 УПК РФ в новой редакции следующего содержания: «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, достигшего возраста шестнадцати лет, по уголовным делам о преступлениях против

половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно». Это позволит закрепить обязательное участие психолога в указанных следственных действиях по рассматриваемой категории уголовных дел с участием несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, так как по остальным уголовным делам приглашение педагога и психолога осуществляется по усмотрению следователя.

Следующим значимым требованием при проведении следственных действий, предусмотренных гл. 26 УПК РФ, с участием несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, согласно внесенным дополнениям в ст. 191 УПК РФ, яв-

ляется обязательное применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, когда несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель возражает против этого. Данное положение также вызывает ряд вопросов, требующих разъяснений. Так, законодатель оговаривает применение средств видеозаписи и кинозаписи, но не оговаривает возможность применения средств аудиофиксации. С одной стороны, раз в норме не указан прямой запрет на применение средств аудиофиксации, то их использование допустимо в порядке ст.ст. 164 и 166 УПК РФ. Тем более что среди ученых-криминалистов главенствует позиция, согласно которой применение средств аудио- и видеофиксации при допросе несовершеннолетних лиц является обязательным, так как показания данных субъектов чаще всего крайне не точные и носят противоречивый характер⁵. Кроме того, зачастую несовершеннолетние лица в ходе допроса склонны преувеличивать какие-либо детали, выдумывать несуществующие факты и события. С другой стороны, на практике чаще всего складывается ситуация, когда родители или законные представители несовершеннолетних выступают против какого-либо участия последних в уголовном судопроизводстве, тем более с фиксацией следственных действий при помощи видео-, фотосъемки и аудиозаписи.

Необходимость внесения поправок в нормы УПК РФ, регламентирующие особенности производства отдельных следственных действий, назрела давно. Однако, качество предложенных изменений и дополнений, уже внесенных Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» в ст. 191 УПК РФ, оставляет желать лучшего. Наименование статьи, новая редакция отдельных частей и внесенные дополнения являются явно «сырыми», вызывают много обоснованных вопросов и замечаний. Отдельные части статьи построены нелогично и допускают тавтологию. Проведенный анализ нормы ст. 191 УПК РФ позволяет констатировать, что содержание статьи требует существенной доработки с учетом изложенных авторами статьи предложений.

Вместе с тем, внесенные изменения коснулись не всех следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних, а некоторой их части. В связи с этим возникает необходимость разработки соответствующих изменений и дополнений в другие главы УПК РФ в целях правовой регламентации соответствующих следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних.

Кроме того, изменения и дополнения должны коснуться не только правового положения несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, но и подозреваемых и обвиняемых. Законодатель должен обратить внимание и определить процессуальный порядок проведения отдельных следственных действий, правовое регулирования сроков содержания под стражей несовершеннолетних, так как его осуществление по общим правилам, предъявляемым к взрослым участникам уголовного судопроизводства, без определения специфики сроков содержания несовершеннолетних в местах временной изоляции от общества в контексте ратифицированной Российской Федерации Конвенцией о правах ребенка, недопустимо. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие дополнения в гл. 50 УПК РФ, в том числе дополнив ее статьей «Сроки содержания под стражей несовершеннолетних».

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа по состоянию на 10 апреля 2014 г.: http://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports.

² Там же.

³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. № 295. 2013.

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

⁵ Криминалистика: Учебник для студентов / Под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 180; *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 197—198; Криминалистика: Учебник / Под общей ред. А.Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2009. С. 810—812.

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

АННА ВАЛЕНТИНОВНА МИРОНОВА,

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса

Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: mir.av@mail.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы ограничения прав и свобод подозреваемого или обвиняемого, а также совместно проживающих с ним лиц в связи с реализацией меры пресечения в виде домашнего ареста; указывается на необходимость индивидуального подхода при определении запретов и ограничений, составляющих содержание домашнего ареста.

Ключевые слова: права, свободы, домашний арест, суд, запреты, ограничения.

Annotation. The article touches upon restriction of rights and freedoms of suspects or charged offenders as well as their co-habitants when employing restrictive measures in the form of house arrest. The article points out the necessity of personal approach when imposing restraints and restrictions that constitute the essence of house arrest.

Keywords: rights, freedoms, house arrest, court, restraints, restrictions.

Осуществление уголовного преследования часто сопровождается применением мер уголовно-процессуального принуждения, которые могут существенно ограничивать права и свободы человека. С одной стороны, уголовное судопроизводство представляет собой область правоотношений, где общественная опасность совершенного лицом деяния, обуславливает жесткость ограничений прав и свобод человека, которые должны предупреждать совершение им дальнейших противоправных действий/бездействий (в том числе воспрепятствовать сокрытию информации от органов расследования и суда, дальнейшей преступной деятельности, уничтожению доказательств и т.п.). С другой стороны, эта область правоотношений, где необходимо избегать неоправданного ограничения прав и свобод человека при применении мер пресечения, действовать строго в определенных законом целях и порядке, соблюдать требования справедливости, соразмерности избираемой меры совершенному деянию. К этому обязывают принципы назначения уголовного судопроизводства, законности при производстве по уголовному делу.

Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе России не является новой, ей в целом насчитывается почти двести лет. В начале ее применения законодательного механизма практически

не существовало. Тогда как в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) правовое регулирование этой меры пресечения основано на общепризнанных международных нормах в области прав и свобод человека и национальных принципах, обеспечивающих применение этой меры только в судебном порядке при соблюдении установленных уголовно-процессуальным законодательством условий. Тем не менее, несмотря на то, что в последние годы правовое регулирование и порядок применения домашнего ареста изменилось, все еще остаются вопросы, связанные с его реализацией.

Совершенствование процедуры избрания домашнего ареста, финансовое обеспечение государством этой меры, становление современной практики применения, а также поступление информации о зарубежном опыте обусловили тенденцию к постепенному возрастанию количества уголовных дел, по которым избирается в качестве меры пресечения домашний арест, в сравнении с периодом начала действия УПК РФ. За 2013 г. судами общей юрисдикции удовлетворено 3 086 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (в 2012 г. — 2 714, в 2010 г. — 668)¹. Сегодня более чем в 90% случаев ходатайства об избрании домашнего ареста удовлетворяются судом.

Российская практика применения мер пресечения долгое время выделяла две наиболее «популярные» меры среди следователей и дознавателей — это подписка о невыезде и заключение под стражу. После вступления в законную силу УПК РФ требовалось время для апробации домашнего ареста, корректировки норм, регулирующих порядок ее применения (Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены существенные изменения в ст. 107 УПК РФ «Домашний арест»).

Теперь домашний арест постепенно становится некой альтернативой заключению под стражу, которое является более суровой мерой пресечения, а потому ее применение влечет больший риск неоправданного ограничения прав и свобод обвиняемого или подозреваемого.

Эта тенденция имеет исторические предпосылки. Так, в первых российских правовых актах, где закреплялась рассматриваемая мера пресечения (Свод законов 1832 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г.), отсутствовали понятие этой меры и какая-либо процессуальная регламентация ее применения. Но из разъяснений, встречающихся в до-революционных юридических источниках, следует, что данная мера отличается от содержания под стражей, по сути, только тем, что местом ареста является дом обвиняемого².

Домашний арест фактически может избираться за совершение преступления любой тяжести, хотя 42,2% опрошенных следователей и дознавателей считают, что домашний арест может избираться в отношении лиц, совершивших преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести, 52,7% — за преступления средней тяжести, 4,1% — за тяжкие преступления и только 1% — за особо тяжкие³. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных следователей и дознавателей, которые собственно и инициируют избрание домашнего ареста, считает, что рассматриваемая мера пресечения должна избираться по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Безусловно, категория преступления должна учитываться при избрании этой меры пресечения, но и обстоятельства, характеризующие личность лица, причастного к его совершению, также влияют на решение о применении домашнего ареста.

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство, регулируя порядок избрания и элементы домашнего ареста как меры пресечения, также не дает его четкого определения.

В теоретических источниках уголовно-процессуального права определение домашнего ареста предлагается рядом авторов⁴. При некотором различии, в них, в основном, указываются такие черты, как место содержания подозреваемого или обвиняемого и круг ограничений и запретов, которые составляют процессуальное содержание данной меры пресечения.

С этими двумя чертами, характеризующими домашний арест, и будут обозначены проблемы его реализации.

Помимо оснований применения домашнего ареста, закрепленных в ст.ст. 97, 107 УПК РФ, не менее важно дознавателю, следователю, суду учитывать наличие условий. Одним из важных условий домашнего ареста является место его исполнения, которое в названии меры пресечения обозначено как «домашний», а это значит, что место исполнения меры пресечения используется подозреваемым или обвиняемым для проживания.

В ч. 1 ст. 107 УПК РФ законодатель определяет, каким образом подозреваемый или обвиняемый должен быть связан с жилищем, в котором будет осуществляться арест, а именно: в этом жилище указанное лицо должно либо проживать в качестве собственника, нанимателя, либо это лицо может проживать в помещении на иных законных основаниях, либо местом содержания может быть лечебное учреждение с учетом состояния здоровья рассматриваемого лица.

Таким образом, если исходить из смысла, заложенного в названии ст. 107 УПК РФ, обвиняемый или подозреваемый должен находиться под домашним арестом по месту своего проживания на законных основаниях или по месту лечения.

При применении рассматриваемой меры пресечения на практике могут возникнуть серьезные проблемы как с определением законности проживания в определенном месте, так и с обеспечением прав самого арестанта и его близких. Так, возможны варианты, когда арестованный проживает как по адресу регистрации по месту жительства, так и по месту фактического проживания (у родственников, супруга, иных лиц). При этом требование наличия законного основания для проживания явно сужает

возможности применения домашнего ареста, поскольку не у всех подозреваемых (обвиняемых) место регистрации, найма жилого помещения совпадает с местом фактического проживания. К тому же по месту регистрации может и не быть условий для исполнения этой меры пресечения; подозреваемый или обвиняемый также может не иметь регистрации по месту жительства, но при этом постоянно проживать в каком-либо месте.

В современных условиях жизнь многих людей в нашей стране и зарубежных странах, с которыми нас связывают экономические, социальные, культурные отношения, подвержена миграциям, что связано с представлением о свободе передвижения, выбором места жительства и работы или с проблемами отсутствия нормальных условий проживания в семье.

Поэтому следователь или дознаватель при избрании домашнего ареста должен изучить условия проживания, произвести осмотр жилища и допросить лиц, проживающих в нем, и соседей. Это позволит определить, действительно ли жилище является местом проживания обвиняемого (подозреваемого) и условия в нем позволяют применить меру пресечения.

Необходимо учитывать, что избрание места проживания подозреваемого или обвиняемого для исполнения этой меры пресечения влечет за собой ограничение прав и свобод людей, совместно с ним проживающих. Поскольку некоторые запреты и ограничения, указанные в решении суда об избрании домашнего ареста, не могут относиться только к подозреваемому или обвиняемому, например, такие как контроль телефонных переговоров, почтовой корреспонденции, запрет на пользование сетью Интернет и прочие.

Подобного рода меры ограничивают права совместно проживающих с обвиняемым граждан на свободу частной жизни (ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации). В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41⁵ выражена позиция Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой при принятии решения об избрании меры пресечения необходимо выяснить согласие собственника жилья, если он проживает в том помещении, в котором предполагается нахождение обвиняемого (подозреваемого) во время ареста. Также необходимо получить согласие представителя лечебного учреждения, если оно будет избрано местом домашнего ареста. Судебная позиция ясна, но

только если обвиняемый (подозреваемый) не является собственником жилья. А если он собственник, но с ним проживают другие члены семьи? Либо возникает такая довольно распространенная ситуация, когда в одном жилище (в комнатах, доме, квартире) проживают несколько семей, каждая из которых как собственник владеет частью жилища, в котором есть общие места пользования. Считаем, что в таких ситуациях необходимо выяснять согласие не только у собственника жилья, но и у лиц, проживающих совместно с арестантом, даже если они не являются собственниками, но проживают на законных основаниях. При отсутствии согласия этих лиц необходимо выяснять причину несогласия, устанавливать характер взаимоотношений между совместно проживающими в одном жилище лицами и на основе полученных результатов принимать решение о целесообразности избрания домашнего ареста с отбыванием его в конкретном жилом помещении.

Также при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста следует решать вопрос о том, что если такая мера может устанавливать режим полной изоляции от общества обвиняемого (подозреваемого), то кто тогда будет обеспечивать его жизнедеятельность. Ведь находящемуся в изоляции с запретом на выход за пределы жилища подозреваемому или обвиняемому каким-то образом необходимо получать продукты питания и предметы первой необходимости, оплачивать коммунальные услуги, содержать жилище и решать иные социально-бытовые проблемы. Этот вопрос также должен подлежать выяснению в ходе проведения допроса лиц, совместно проживающих с возможным арестантом. Копия протокола указанного допроса должна прилагаться к материалам, направляемым в суд для обоснования ходатайства об избрании домашнего ареста.

Мера пресечения должна предупредить возможные негативные последствия полной свободы подозреваемого или обвиняемого, которые указаны в ч. 1 ст. 97 УПК РФ (сокрытие от дознания, предварительного следствия или суда; продолжение преступной деятельности; воспрепятствование производству по уголовному делу).

В постановлении судьи об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста должен быть определен круг запретов и ограничений, исходя из объективных обстоятельств дела, и индивидуально, с учетом данных, характеризующих личность арестанта.

Однако, изученные в ходе исследования материалы уголовных дел свидетельствуют, что при избрании домашнего ареста основной целью часто является применение самой меры (например, как альтернативы заключению под стражу или иной мере пресечения), а ее эффективность, которая проявляется в устанавливаемых ограничениях и запретах, носит второстепенный характер. Например, такой вывод подтверждается решением судьи об избрании домашнего ареста в отношении обвиняемой по уголовному делу № 201/460655-12, возбужденному по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212, ч. 1 ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в ходатайстве следователя об избрании домашнего ареста указаны следующие характеризующие личность обвиняемой данные: нигде не работает, по месту регистрации постоянно не проживает, близкие родственники проживают за пределами Российской Федерации. В связи с чем, указывает следователь, «она может скрыться от органов предварительного следствия и суда; оставаясь на свободе, обвиняемая может лично или через иных лиц совершать действия, направленные на уклонение от уголовной ответственности, продолжить заниматься преступной деятельностью, а также уничтожить доказательства и иным образом воспрепятствовать производству предварительного расследования».

Приведенные в ходатайстве следователя обстоятельства, конечно, могут быть причиной того, что обвиняемая скроется, но совершенно не свидетельствуют о ее намерениях воспрепятствовать предварительному расследованию. Прежде чем выдвигать такие предположения в ходатайстве об избрании меры пресечения, необходимо собрать соответствующие доказательства и обозначить их для суда, который как соответствующий гарант прав и законных интересов личности не должен верить «на слово».

В постановлении судьи Басманного районного суда города Москвы от 29 мая 2012 г. по указанному уголовному делу была избрана мера пресечения в отношении обвиняемой в виде домашнего ареста. В постановлении судья перечислил те же основания, что и в постановлении следователя без изменений, и установил ряд ограничений, о которых ходатайствовал следователь, которые дословно перечисляют все запреты и ограничения, указанные в ч. 7 ст. 107 УПК РФ, добавив к ним запрет на заявления и комментарии, связанные с уголовным делом. Отметим, что в постановлении судьи не был указан

срок, на который введены запреты и ограничения, и не отмечены исключения в виде случаев, когда в соответствии с ч. 8 ст. 107 УПК РФ при возникновении чрезвычайной ситуации средствами связи можно пользоваться для вызова «скорой помощи», аварийных служб и т.п. Считаем, что, во-первых, введение каких-либо запретов и ограничений должно быть аргументировано и подтверждено обстоятельствами дела, и, во-вторых, невнимательность к правам человека, выраженная в данном случае отсутствием указания на возможные форс-мажорные обстоятельства, также недопустима.

Приведем еще один пример судебного решения, свидетельствующий об отсутствии тщательно взвешенного решения, когда речь идет об ограничении свободы личности. Так, в кассационном определении от 10 мая 2012 г. № 22 К-768-2012 судебная коллегия по уголовным делам Курского областного суда приняла решение о продлении срока домашнего ареста и оставлении кассационной жалобы об отмене домашнего ареста и изменении меры пресечения без удовлетворения. В своем решении судебная коллегия определила круг запретов и ограничений обвиняемому, к которым отнесла: запрет на выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает, без разрешения органов предварительного следствия; на общение со свидетелями, подозреваемыми и иными участниками уголовного судопроизводства по уголовному делу; на отправку почтово-телеграфных и иных сообщений и на пользование средствами связи, кроме случаев вызова экстренных служб и общения со следователем. В анализируемом случае дополнительно необходимо учитывать, что лицо обвиняется в совершении мошенничества в целях хищения денежных средств на общую сумму более 1 млн руб., и все соучастники преступления не установлены. В случаях, когда круг свидетелей и потерпевших обширен, и не все лица, которым причинен ущерб или которым что-либо известно об обстоятельствах дела, могли получить процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, ограничивать общение обвиняемого только кругом участников уголовного судопроизводства нецелесообразно. При принятии решения об избрании домашнего ареста необходимо продумывать круг ограничений и запретов в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела.

Существующий круг проблем в области применения домашнего ареста не в полном объеме

нашел свое отражение в рамках данной статьи и требует дальнейшего исследования. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного среди 22-х сотрудников подразделений предварительного следствия и дознания органов внутренних дел. Причиной неизбрания такой меры пресечения, как домашний арест назвали недостаточную правовую регламентацию — 65,4%, отсутствие порядка надзора за исполнением домашнего ареста — 23,8%, обеспечение должного поведения подозреваемого или обвиняемого — 6,4%.

альный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.

² Дьяконова Л.В. Мера пресечения — домашний арест // Законность. 2010. № 10. С. 7.

³ Результаты анкетирования 22-х сотрудников подразделений дознания и предварительного следствия органов внутренних дел по Ярославской, Тульской области.

⁴ Алтабаев К.Т. Домашний арест как мера пресечения // Право. 2008. № 5. С. 27; Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 6; Русман Г.С. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М.: Эксмо, 2010. С. 151; Салтыков Е.В. Домашний арест в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 13; Сергеев В.И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Эксмо, 2010. С. 224.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 27.12.2013. № 294.

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г. в сравнении с 2012 г. // Офици-

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Московский университет МВД России и Федеральный проект «Крепкая семья» партии «Единая Россия» 26 ноября 2014 г. проводят конференцию на тему: **«Социальные проблемы семьи и преодоление преступности несовершеннолетних».**

На конференции планируется обсудить следующие вопросы:

- семья как основа профилактики преступности несовершеннолетних;
- профилактика девиантного поведения несовершеннолетних;
- взаимодействие семьи с другими общественными институтами в вопросах профилактики преступности несовершеннолетних;
- семья и социализация личности;
- факторы предупреждения правонарушений несовершеннолетних.

В работе конференции принимают участие ведущие эксперты и специалисты России по проблемам семьи и профилактике преступности несовершеннолетних, представители известных научно-исследовательских и образовательных учреждений, общественных организаций.

Информация о конференции будет размещена в сети Интернет:

www.er.ru, www.patriotplatform.ru, <https://proj.edinros.ru/project/крепкая-семья>, www.ks-er.ru, www.mosu-mvd.com и средствах массовой информации.

Начало проведения конференции: 26 ноября 2014 г., 14.00 час.

Начало регистрации участников: 26 ноября 2014 г., 13.30 час.

Место проведения конференции:

г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Московский университет МВД России, конференц-зал.

Адрес оргкомитета:

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Московский университет МВД России;

E-mail: onimosu@mail.ru; E-mail: 4885679@gmail.com.

Контактные телефоны оргкомитета:

Московский университет МВД России: (495) 335-17-11 — Карасева Марина Вячеславовна,

(495) 330-75-29 — Осокин Роман Борисович;

Федеральный проект «Крепкая семья»: (915) 117-30-93 — Кожухов Алексей Валерьевич

Приглашаем принять участие в работе конференции!

Организационный комитет

РЕСТИТУЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА СЕЛЕДНИКОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: ok.selednikova@rambler.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрено понятие уголовно-процессуальной реституции; проанализированы теоретические положения и действующие правовые основы ее применения как формы реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением; обозначены проблемы правоприменительной практики.

Ключевые слова: реституция; возмещение причиненного преступлением имущественного вреда; потерпевший.

Annotation. The article deals with the concept of restitution in criminal trial; analyzes the theory and the effective legal principles of its application as means of exercising citizens' constitutional rights to compensation of damage caused to property by the act of crime; dwells on the issues of law enforcement practice.

Keywords: restitution; compensation for damage caused to property by the act of crime, victim.

Интересы защиты имущественных прав лиц, потерпевших от преступления, требуют применения в уголовном судопроизводстве различных правовых форм возмещения причиненного имущественного вреда. Действующее законодательство предусматривает следующие формы реализации права граждан на возмещение вреда, причиненного преступлением: а) гражданский иск; б) уголовно-процессуальная реституция; в) добровольное возмещение (компенсация) причиненного преступлением вреда; г) взыскание ущерба по решению суда; д) возложение обязанности загладить причиненный преступлением вред.

Сообразно значению термина «реституция», которое говорит о факте «возвращения утраченного, восстановлении первоначального положения, состояния»¹, в уголовном и уголовно-процессуальном аспектах данное определение, очевидно, предполагает восстановление имущественного положения физического или юридического лица, нарушенного вследствие совершенного преступления.

Стоит подчеркнуть, что уголовно-процессуальное законодательство как не включало ранее, так и в настоящее время не содержит дефиниций представленного понятия. Несмотря на актуализацию в основе ряда последних исследований вопросов возмещения имущественного вреда, вопросы применения реституции и иных способов, отличных от инициации процесса самим потерпевшим, все же не получили должного разрешения и в большей своей части остались перспективным направлением. Именно поэтому целесообразно более подробно рассмотреть неисковые способы возмещения причиненного преступлением имущественного вреда с целью выявления недостатков нормативной регламентации и действующей практики правоприменения.

Важно подчеркнуть, что факты развития взглядов исследователей на феномен реституции в процессе производства по уголовному делу дают повод говорить об отсутствии единого восприятия учеными-процессуалистами данного явления.

Так, по мнению З.З. Зинатуллина, под уголовно-правовой реституцией необходимо понимать «восстановление материального положения потерпевшего от преступления путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, или их заменителей»².

В свою очередь, С.А. Александров убежден, что реституция в уголовном процессе представляет собой возврат утраченных в результате преступления материальных ценностей, имеющий основой факт обнаружения последних и их поступление к органу, ведущему расследование³.

В обоснование сущности реституции А.Г. Мазалов делает акцент на возврате потерпевшему вещественных доказательств — непосредственно похищенных в результате преступного посягательства материальных ценностей⁴.

Производя попытку развития представленных взглядов, В.Я. Понарин приходит к выводу о том, что уголовно-процессуальная реституция есть «восстановление в уголовном деле материального положения лица, пострадавшего от преступления, посредством возвращения ему в порядке, указанном в законе, вещественных доказательств, а при необходимости — предметов того же рода и качества или уплаты их стоимости, если это возможно без ущерба для производства по делу»⁵. Принимая во внимание самостоятельный характер реституции, автор, вместе с тем, придерживается мнения о том, что данная форма возмещения имущественного вреда является «вспомогательной» по следующим причинам: 1) возвращение вещественных доказательств возможно лишь в условиях обнаружения последних и в том случае, когда это возможно без ущерба для производства по уголовному делу; 2) гражданский истец и гражданский ответчик зачастую не участвуют в процессе⁶.

Примечательно, что В.Т. Нор, в целом восприняв сущность представленных позиций, в определении уголовно-правовой реституции указывает на факторы (возможности) появления вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве — их обнаружении и изъятии либо принятии от других лиц субъектами уголовно-процессуальной деятельности⁷. «Ведущий уголовный процесс орган, обладая всеми полномочиями, — подчеркивает исследователь, — возвращает потерпевшему вещественные

доказательства — объекты преступного посягательства и, восстанавливая прежнее положение, тем самым осуществляет защиту его имущественных прав непосредственно на основании предписаний уголовно-процессуального закона»⁸. Соответственно, такие начала определяют справедливость тезиса о приближении реституции в уголовном процессе к виндикации имущества⁹ лишь в аспекте восстановления благосостояния субъекта общественных отношений.

Хочется отметить, что в более поздних исследованиях, наряду с вышеизложенными, нашли место и более расширенные по объему положения.

Так, А.С. Карпиков, соглашаясь с вышерассмотренными позициями, понимает под реституцией восстановление материального положения потерпевшего посредством возврата вещей, а равно иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступного посягательства¹⁰.

С другой стороны, основой в определении анализируемого понятия, как полагает Г.А. Подкаур, следует считать не только возврат потерпевшему похищенного у него имущества («вещественных доказательств по уголовному делу»), но и случаи возмещения причиненного преступлением материального ущерба «в его натуральном, естественном, а также в стоимостном, в виде определенной суммы денег, выражении»¹¹.

Как представляется, среди дефиниций, предлагаемых различными авторами, в большей степени приближены к истине те, что позволяют говорить о реституции как самостоятельной форме возмещения причиненного преступлением имущественного вреда в уголовном судопроизводстве. Так, по мнению А.Ю. Садова, реституция — это форма возмещения вреда, причиненного преступлением, суть которой заключается в передаче незаконно отчужденного имущества его владельцу¹². Иными словами, справедливы утверждения, отражающие, с одной стороны, перспективы наиболее полного исправления наступившей вследствие преступления деструкции материального блага, и с другой, — подчеркивающие источники реализации неотъемлемого права потерпевшего в уголовном процессе. Отсюда вполне адекватен подход авторов юридической лексикологии применительно к проблеме восстановления в уголовном деле материального статуса лица, восприняв-

ших конструкцию¹³, предложенную в свое время В.Я. Понариным.

В результате представляется необходимым дать следующее определение реституции: «реституция — это самостоятельная форма возмещения причиненного преступлением имущественного вреда в уголовном судопроизводстве посредством восстановления материального положения потерпевшего от преступления путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, или их заменителей».

Рассматривая понятие реституции через призму теории конституционного права, необходимо иметь четкое представление о его структуре и, прежде всего, применительно к действиям по реализации конституционного права на компенсацию причиненного ущерба.

Как видно, одна часть авторов видит в реституции в большей части уголовно-правовое основание, другая — уголовно-процессуальное. Думается, каждая из позиций в данном отношении имеет право на существование и, более того, феномен реституции определенно необходимо рассматривать в нескольких плоскостях. Аргументация такого тезиса подтверждает значение выделения настоящей формы возмещения вреда в уголовном судопроизводстве.

Имущественный вред, полученный лицом, организацией или государством в результате совершения преступления, имеет производный характер и следует непосредственно за совершаемым общественно опасным деянием, предполагающим применение норм уголовного закона (уголовной ответственности). Здесь, помимо ущерба собственнику, нарушается правоохраняемое общественное благо, социальная стабильность. При хищении чужого имущества имеют место негативные изменения в системе общественных отношений. В иных составах также могут проявляться факторы, тесно граничащие с имущественной утратой.

Как обоснованно подчеркивает Н.Ф. Кузнецова, деяния, отличные от хищений, где причиняется прямой имущественный вред, зачастую способны повлечь «целую цепочку последствий» — от косвенного социально-экономического вреда до имущественных изменений, выраженных в форме упущенной выгоды, банкротстве и т.д.¹⁴

Представляется, что именно для отражения подобной взаимосвязи последствий преступных посягательств целесообразно использование отдельной трактовки мер по восстановлению прежнего состояния общественных отношений и имущественной сферы потерпевшего. Думается, что понятие «уголовно-правовая реституция» все же целесообразно применять в случае обращения к проблеме восстановления социальной справедливости, что будет свидетельствовать об использовании базового термина в широком смысле слова с конституционно-правовой окраской как окончательной стадии реализации конституционного права на компенсацию причиненного ущерба. Возврат же имущества в первоначальном виде либо равноценной вещи, либо денежной суммы, эквивалентной стоимости материального блага, утраченного вследствие преступления, основанный на соответствующих нормативных установках, есть реституция процессуальная.

Применительно к вышепредставленному сравнению нельзя не отметить интересную позицию С.В. Бажанова, согласно которой развитие уголовно-процессуальной реституции в разрезе «компенсационно-восстановительной судебной ответственности за преступление» ведет к реституции «равновесия, существовавшего в общественных отношениях до криминального события»¹⁵. Тем самым, подчеркивается как концептуальное, так и практическое значение уголовно-процессуальных действий, производимых в целях имущественного возмещения, причем вне исковых инициатив потерпевшей стороны. Стоит заметить, что автор в структуре возврата к докриминальным общественным отношениям, в частности, усматривает содержание уголовно-процессуальной реституции как натурное восстановление материального состояния, нарушенного преступлением. Такое мнение все же противоречит содержанию восстановительного правосудия и, наверняка, в данном, и смежном с ним, подходах выявляет существенное ограничение возможностей уголовного судопроизводства в части реституции нарушенных преступлением имущественных прав.

В соответствии с действующими нормативными установками материальные блага, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем, признаются в уголовном судопроизводстве

производстве вещественными доказательствами (п. 2.1 ч. 1 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — далее УПК РФ). Именно данная трактовка позволяет говорить об идентификации предложения о реституции утраченных в результате преступления материальных благ.

Безусловно, факт признания наличия вещественного доказательства при производстве по уголовному делу, равно как и его возвращение собственнику, не могут не иметь правового основания. Соответственно, законодателем «классически» предусмотрены постановление о признании вещественными доказательствами и приобщении их к уголовному делу (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и вынесение приговора суда (ч. 3 ст. 81 УПК РФ), содержащего в резолютивной части «решение вопроса о вещественных доказательствах» (п. 2 ч. 1 ст. 309 УПК РФ). При вынесении приговора деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ), кроме тех, что подлежат конфискации в соответствии с п.п. «а»—«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Источником появления вещественных доказательств в уголовном процессе, пусть и неявно отраженным, представлен результат наложения ареста и изъятия имущества, денежных или иных материальных ценностей (п.п. 3.1, 4 ч. 2 ст. 82, ст. 115 УПК РФ). Кроме того, сохранены и дополнены правила обращения с вещественными доказательствами в рамках уголовного судопроизводства (ст. 82 УПК РФ).

Казалось бы, сегодня создана и существует полноценная основа для осуществления уголовно-процессуальной реституции, а посредством последней могут более эффективно решаться вопросы обеспечения конституционного права по компенсации причиненного преступным посягательством имущественного вреда. Однако, при ближайшем рассмотрении соотношение действующих норм УПК РФ позволяет сделать вывод об упущениях, а в ряде случаев — нелогичности позиции законодателя.

Поскольку первопричинным фактором в возможности возврата того или иного материального блага, очевидно, является наличие постпреступного уменьшения имущественного благосостояния

субъекта общественных отношений, понятие уголовно-процессуальной реституции наиболее тесно связано с понятием «потерпевший». Представляется, что используемый в данном случае термин «законный владелец» не способен в полной мере отразить назначение реституции как отдельной формы возмещения имущественного вреда, применяемой в рамках уголовного судопроизводства. Именно отсюда происходит восприятие в правоприменительной практике возврата принадлежащих личности или юридическому лицу вещественных доказательств в качестве «придаточной нормы», вытекающей из итогов доказательного процесса и завершения судебного разбирательства. В исследованных автором материалах уголовных дел, а также в приговорах суда фактически не содержится информации, подчеркивающей значение возврата приобщенных к делу материальных объектов в целях возмещения потерпевшему имущественного вреда.

Думается, что, исходя из необходимости доказывания характера и размера имущественного вреда, можно сделать вывод о взаимодополняемости уголовно-процессуальной реституции и требований, предъявляемых гражданским истцом. Несмотря на тот факт, что возвращение вещей или денежных средств является наиболее простым средством, потерпевший не может быть ограничен в праве поставить вопрос о решении проблемы возмещения имущественного вреда с учетом и «процессуальной проверки» собственной позиции, отраженной в гражданском иске. Как представляется, более чем спорно утверждение П.П. Гуреева о беспредметности гражданского иска при обнаружении в уголовном процессе вещи, сохранившей прежнюю ценность¹⁶.

Хочется подчеркнуть, что непосредственно сам потерпевший, как никто другой, может иметь более правильное представление обо всех нюансах совершенного преступного посягательства и в ходе производства по уголовному делу представить доказательства, подтверждающие, в обоснование гражданского иска, особенности имущественного вреда. Как следствие, справедливым будет следующий тезис: необходимость применения уголовно-процессуальной реституции к потерпевшему, закрепленная наличием вещественных доказательств, не определяет неактуальность, тем более невозможность, инициации гражданского иска о возмещении

причиненного преступлением имущественного вреда.

Нельзя не обратить внимания на проблему ответственности возможностей признания материальных объектов вещественными доказательствами с вариантами осуществления уголовно-процессуальной реституции. Как ни странно, в научной литературе имеют место лишь косвенные указания на необходимость сохранения корреляций такого рода, хотя неиспользование здесь всего ряда перспектив уголовного процесса далеко не способствует эффективности защиты имущественных прав потерпевшей стороны.

Как подчеркивает В.Я. Дорохов, «несвоевременное признание предметов и документов вещественными доказательствами может... существенно стеснить права и интересы граждан»¹⁷. Отметим, что сравнительный анализ действующих уголовно-процессуальных норм все же не позволяет сделать заключение о решении законодателем вопроса ответственности «видового состава» реституции и источников ее обеспечения.

Как известно, наряду с имуществом, денежными средствами и иными ценностями, полученными преступным путем (п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), вещественными доказательствами могут быть признаны в целом предметы, на которые направлены преступные действия (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Отсюда фактически следует, что вещественным доказательством, следовательно, одним из источников уголовно-процессуальной реституции, способны стать объекты, которые остались в сфере пользования гражданином или юридическим лицом, но вследствие преступления отчасти потеряли былую материальную ценность либо вовсе утратили возможность включения в имущественный (вещный) оборот. Однако, в отличие от случаев возврата потерпевшей стороне изъятых у субъекта преступления тех или иных имущественных благ, в УПК РФ не акцентируется внимание на действиях с приобщенными к уголовному делу такого рода вещественными доказательствами. Можно лишь на уровне предположений говорить о целях законодателя, который при использовании общего и частного в указанной диспозиции ст. 81 УПК РФ не представил решений о наличии или отсутствии перспектив применения реституции.

Помимо формирования у известных субъектов уголовного процесса неверного понимания

процессуальных основ реституции, отнесение изъятых у потерпевшего и приобщенных к уголовному делу предметов к ряду «остальных», подлежащих возврату (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ), не способствует правильному восприятию смежных положений института возмещения имущественного вреда. Такая позиция, как представляется, требует пересмотра; более того, в настоящий момент расширение возможностей применения рассматриваемой формы защиты имущественных прав¹⁸ потерпевших обязано получить отражение в нормативных и, как следствие, разъяснительных конструкциях.

Учитывая особенность восстановительных свойств уголовно-процессуальной реституции, что определяется диверсификацией возможностей возврата потерпевшему вещи в неизменном виде, предмета, идентичного утраченному, либо денежной суммы, эквивалентной стоимости материального блага, следует более внимательно относиться к необходимому и достаточным для исполнения такого возмещения условиям. Согласно позиции, отстаиваемой В.Т. Нор, в качестве последних следует принимать:

- 1) незаконное отчуждение имущества потерпевшего — собственника;
- 2) обнаружение имущества и приобщение последнего к делу в качестве вещественного доказательства;
- 3) сохранение предметом первоначального состояния;
- 4) обладание свойством находиться в гражданском обороте¹⁹.

Представляется, что подобные, в целом правильные, установки все же не охватывают всего ряда ситуаций, где возможно и необходимо возместить вред путем возврата того самого докриминального имущественного положения. Здесь, наряду с фактом отчуждения имущества, обязаны приниматься во внимание нередкие случаи порчи предмета собственности физического или юридического лица, заменителем которого способны стать нажитые незаконным способом материальные блага, причем нажитые, возможно, и вследствие иных преступлений, не являющихся предметом конкретного разбирательства. В итоге объективные признаки утраты, в каждом отдельном случае полностью или отчасти, материального блага, приобщение к делу вещественных доказательств — материальных

ценностей (имущества, денежных средств, носителей имущественных прав и т.д.), удовлетворяющих по состоянию, прежде всего, имущественным интересам потерпевшего, составляют базовые критерии возможности применения уголовно-процессуальной реституции.

В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 81 УПК РФ «предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению». Тем самым при производстве по уголовному делу в целях сохранения гарантий полного возмещения причиненного преступлением имущественного вреда следователю, дознавателю предписано иметь четкое представление о ценности того или иного предмета, подлежащего реституции. Более того, в рамках уголовного процесса актуальна проверка вопроса о том, насколько важна вещь, прежде всего, для самого потерпевшего.

По аналогии с возмещением имущественного вреда посредством гражданского иска потерпевший зачастую заинтересован в немедленном возврате вещи, утраченной или нарушенной вследствие преступления. Иногда результат отчуждения, тем более длительного, материального блага может граничить даже с невозможностью дальнейшей деятельности юридического лица либо «достойного» включения личности в структуру социально-экономических отношений.

Как справедливо подчеркивает А.М. Ларин, одним из условий, способствующих нивелированию противодействия расследованию при розыске и обнаружении доказательств, выступают «быстрота расследования и внезапность производства следственных действий»²⁰.

А.С. Карпиков, в свою очередь, обоснованно указывает на тот факт, что временной разрыв между совершением преступления и возбуждением уголовного дела в большинстве своем используется преступниками в целях «сбыть, потребить, сокрыть, реализовать, изменить, уничтожить добытые преступным путем ценности»²¹. Таким образом, эффективность возвращения имущества «напрямую зависит от оперативности проведения соответствующих следственных действий и розыскных мероприятий»²².

Безусловно, подобные утверждения заслуживают поддержки, но для практической их реализации, наверняка, необходим более гибкий процессуальный механизм, который имеется сегодня.

Возвращаясь к общей проблеме скорейшего возврата значимых для потерпевшего вещей и предметов, подчеркнем, что на практике необходимость восстановительных действий во многих случаях проявляется еще в стадии предварительного расследования. При этом нельзя не отметить, что в настоящее время содержание нормативных конструкций, устанавливающих порядок хранения материальных объектов, признанных вещественными доказательствами (ст. 82 УПК РФ), не в полной мере способствует реализации такого права. Сомнение, прежде всего, вызывает адекватность ограничения законодателем вариантов, которые предопределяли бы возврат материального объекта непосредственно потерпевшему с момента приобретения им статуса вещественного доказательства в уголовном процессе. Если для скоропортящихся товаров и продукции, а также имущества, подвергающегося быстрому моральному старению, такая возможность предусмотрена (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), то почему подобные действия ограничены, например, в случаях отчуждения ценной для потерпевшего вещи или утраты денежных средств, недостаток которых может примыкать к резко негативным последствиям как для личности (необходимость оплаты за лечение, финансовый долг), так и для юридического лица (необходимость пополнения оборотных средств, угроза банкротства и т.д.). Очевидно, что в распространенных ситуациях длительного процесса по уголовному делу следование приведенным установкам фактически рождает состояние, когда потерпевший от преступления может стать еще и «потерпевшим от правосудия».

Таким образом, налицо актуальность соразмерной упущениям законодателя критики, которая лишь в последнее время нашла отражение в уголовно-процессуальной доктрине.

Например, Ю. Боруленков, указывая на недостатки законодательной интерпретации операций с вещественными доказательствами, справедливо подчеркивает: «можно только догадываться, что имел в виду законодатель, обуславливая возможность возврата этих предметов, в широком смысле слова утраченных вследствие преступного посягательства, законному владельцу отсутствием ущерба для доказывания»²³. Данный тезис явно небезоснователен, поскольку в многочисленных комментариях уголовно-процессуального закона действительно

трудно найти предложения, содержательно раскрывающие представленные установки. Как следствие, в противовес нормативным упущениям в уголовном судопроизводстве зачастую применяются гражданско-правовые возможности, определяющие свой порядок сохранения материальных благ (гл. 47 ГК РФ).

Подводя итог анализу теоретических положений и действующих правовых основ применения реституции как формы реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, следует выделить следующие ключевые моменты.

1. Понятие реституции целесообразно рассматривать в двух смыслах: в широком и в узком. В широком, аксиологическом, смысле под реституцией необходимо понимать восстановление социальной справедливости и окончательную стадию реализации конституционного права на компенсацию причиненного ущерба, а в узком, праксиологическом, смысле — возврат имущества в первоначальном виде либо равноценной вещи или денежной суммы, эквивалентной стоимости материального блага, утраченного вследствие преступления.

2. Реституцию в уголовном судопроизводстве следует рассматривать не просто как форму возмещения причиненного преступлением имущественного вреда или восстановления материального положения потерпевшего, а как неделимое целое, сумму этих составляющих. В результате для повышения эффективности уголовно-процессуальной реституции как способа защиты имущественных прав целесообразно закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации понятие реституции в следующем виде: «Реституция — это самостоятельная форма возмещения причиненного преступлением имущественного вреда посредством восстановления материального положения потерпевшего от преступления путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления, или их заменителей».

3. Понятие уголовно-процессуальной реституции наиболее тесно связано с понятием «потерпевший», а не «законный владелец», так как последний термин не способен в полной мере от-

разить назначение реституции как отдельной формы возмещения имущественного вреда, поскольку первопричинным фактором в возможности возврата того или иного материального блага является наличие постпреступного уменьшения имущественного благосостояния субъекта общественных отношений.

¹ *Мюллер В.К.* Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200 000 слов и выражений. М.: Эксмо-Пресс, 2008. С. 617.

² *Зинатуллин З.З.* Уголовно-правовая реституция как форма возмещения причиненного преступлением материального ущерба // Правоведение. 1972. № 2. С. 117.

³ *Александров С.А.* Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе: Учебное пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. С. 25.

⁴ *Мазалов А.Г.* Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1967. С. 20.

⁵ *Понарин В.Я.* Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. № 1. С. 43—44.

⁶ *Понарин В.Я.* Указ. работа. С. 43—44.

⁷ *Нор В.Т.* Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. Киев: Высшая школа, 1989. С. 153.

⁸ Там же. С. 154—155.

⁹ *Понарин В.Я.* Указ. работа. С. 45; *Мурашко М.С.* Особенности вилдикации и реституции // Российская юстиция. 2005. № 6. С. 6.

¹⁰ *Карпиков А.С.* Право на возмещение причиненного преступлением материального ущерба и его реализация в стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 90.

¹¹ *Подкаура Г.А.* Реституция в стадии предварительного расследования уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 44.

¹² *Садов А.Ю.* Уголовно-процессуальный механизм восстановления нарушенных имущественных и немущественных прав лиц, потерпевших от преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 12.

¹³ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2008. С. 582.

¹⁴ *Кузнецова Н.Ф.* Законодательные причины квалификационных ошибок // Вестник Московского государственного университета. Серия «Право». 2005. № 6. С. 335.

¹⁵ *Бажанов С.В.* Стоимость уголовного процесса: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 337.

¹⁶ *Гуреев П.П.* Гражданский иск в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1961. С. 19—20.

¹⁷ *Дорохов В.Я.* Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 114.

¹⁸ *Емельянов С.Л.* Уголовно-процессуальная реституция как форма возмещения вреда, причиненного преступлением // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права. Минск, 2003. С. 176.

¹⁹ *Подкаура Г.А.* Указ. работа. С. 163.

²⁰ *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит., 1966. С. 46.

²¹ *Карпиков А.С.* Указ. работа. С. 97.

²² Там же. С. 97.

²³ *Боруденков Ю.* Понятие «вещественное доказательство» // Законность. 2006. № 2. С. 5.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ШВЕДОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Московского областного филиала

Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: shvedov-29@mail.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены проблемы правовой регламентации применения специальных знаний в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: специальные знания, специальные познания, эксперт, специалист.

Annotation. The article discusses the issues of legal regulation in the sphere of application of special knowledge in the criminal trial.

Keywords: special knowledge, special experience, expert, specialist.

Вопрос о понятии и правовой основе применения специальных знаний в рамках исследования судебной экспертизы издавна привлекал внимание процессуалистов и криминалистов. Отечественными учеными и практиками, в том числе дореволюционными, советскими и российскими юристами, был внесен значительный вклад в разработку теоретических основ участия сведущих лиц в уголовном процессе, а так же форм использования специальных знаний. Начиная с XIX в. и до настоящего времени исследованию категории специальных знаний в уголовном судопроизводстве и криминалистике было посвящено много значимых и интересных работ. В дореволюционный период вопросы, касающиеся отдельных аспектов специальных знаний в рамках исследования судебной экспертизы, рассматривали С.И. Баршев, Л.Е. Владимиров, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий и др.

В советское время вопросам понятия, признаков и форм использования специальных знаний в уголовном процессе были посвящены работы В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, А.В. Дулова, Р.Д. Рахунова, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, А.Р. Шляхова, А.А. Эйсмана. Сущность, природа специальных знаний в уголовном процессе продолжают привлекать внимание ученых и практиков. Проблемам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве посвящены работы

Т.В. Аверьяновой, Л.В. Виницкого, Л.Д. Гаухмана, А.В. Кудрявцевой, Ю.Г. Корухова, Ю.Д. Лившица, В.Н. Махова, Ю.К. Орлова, И.Л. Петрухина, Е.Р. Россинской, И.Н. Сорокотягина, Е.В. Селиной и многих других. В науке гражданского процесса отдельным вопросам понятия и условий использования специальных знаний посвящены работы Т.В. Сахновой, М.К. Треушникова и другие.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию категории специальных знаний в уголовном процессе, в большинстве случаев специальные знания рассматривают с позиции форм их использования в судопроизводстве. В основном в научных работах проблема понятия и признаков специальных знаний рассматривается в качестве отдельного частного вопроса.

Зародившись в криминалистической науке, рассматриваемая категория на сегодняшний день образует самостоятельное научное направление в науке уголовно-процессуального права. Тенденция к обособлению института использования специальных знаний в уголовном процессе является очевидной. Основная цель уголовного судопроизводства заключается в установлении истины по делу, и это невозможно без привлечения неюридических сфер человеческой деятельности. Таким образом, главная познавательная задача может быть решена только при использовании предусмотрен-

ных законом методов, средств и знаний, которыми овладел человек в результате предметно-познавательной деятельности. К их числу относятся закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (УПК РФ) специальные знания.

Правовой статус и правовая регламентация использования специальных знаний при доказывании по уголовным делам выдвинулись за последние годы в ряд основных проблем уголовно-процессуальной науки в связи с постоянным ростом потребности практики в более широком использовании специальных знаний и современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве. Выявление, раскрытие и расследование преступлений в современных условиях связаны с применением новых и все более совершенных научно-технических средств и научных методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств. Без активного участия экспертов и специалистов в производстве по уголовным делам решать задачи уголовного судопроизводства в этих условиях весьма сложно.

Повышенный интерес ученых к проблемам участия лиц, обладающих специальными знаниями, в уголовно-процессуальном доказывании предопределяется необходимостью реформирования отечественного уголовного процесса посредством разработки, законодательного закрепления и реализации в деятельности судебно-следственных органов принципиально новых концептуальных, правовых и прикладных начал доказательственной деятельности.

Эффективное использование специальных знаний в судопроизводстве во многом зависит от правильного и однозначного уяснения указанного понятия.

Вопрос о специальных знаниях исследован многими учеными. Одним из первых определений специальных знаний, после принятия в 1960 г. УПК РСФСР², дал в самом общем виде А.А. Эйман, определив их как знания не общеизвестные (не общедоступные), не имеющие массового распространения, которыми располагает ограниченный круг специалистов³.

Р.С. Белкин, а впоследствии и другие авторы, предложил развернутое определение специальных познаний: «Специальные познания — это совокупность современных знаний в определенной области науки, техники, искусства и ремесла. Они получены

в результате специальной подготовки или профессионального опыта и применяются с целью расследования преступления, организации оперативно-розыскных мероприятий, выполнения экспертных и судебных исследований»⁴.

Исходя из этого понятия можно предположить, что законодатель имел в виду особый характер и уровень специальных знаний: это необщеизвестные, необщедоступные знания, а также неюридические знания, которыми располагает ограниченный круг людей⁵.

Е.И. Зуев так сформулировал определение специальных знаний: это любые знания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия⁶.

Нетрудно заметить, что при разработке определений авторы используют два термина: «специальные знания» и «специальные познания», в одних случаях понимая их как синонимы, в других — вкладывая различный смысл в их содержание. Представляется, что эти понятия не синонимы. Наиболее точно их отличие друг от друга показали В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий⁷. Они рассматривают специальные знания как систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в различных отраслях и зафиксированных в научной литературе, учебных пособиях, методических разработках, наставлениях, инструкциях и т.п., а специальные познания — как знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, при котором они приобрели также необходимые навыки для ее осуществления.

Анализ определений понятия «специальные знания» свидетельствует о том, что одни авторы включают в их структуру практические навыки, а другие не выделяют последние в качестве ее составного элемента.

Анализ имеющихся в специальной литературе точек зрения позволяет прийти к выводу, что для отнесения знаний в уголовном судопроизводстве к числу специальных имеют значение два обстоятельства: а) область этих знаний, б) форма и цели использования.

Практически все исследователи к первому признаку специальных знаний относят то, что специ-

альные знания являются необщедоступными, не общеизвестными.

Обладатели таких знаний получили специальное образование, профессиональную подготовку, имеют опыт работы в соответствующей сфере. Важнейшие показатели не узкой, но, наоборот, широкой распространенности знаний, помимо их обыденности, бытового характера, общежитической распространенности, — преподавание соответствующих предметов в курсе общеобразовательной школы⁸.

«Специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области»⁹.

Однако, к специальным могут относиться также знания, которые не основаны на теории, не связаны с получением специального образования. Практике известны случаи привлечения в качестве специалистов стеклодувов, сапожников и других лиц, или специалистов в области филателии, которые также не связаны со специальным профессиональным образованием и изучением теоретических основ. В данных случаях специальные знания получены, в первую очередь, в результате практической деятельности сведущих лиц.

Отмечается, что общеизвестные (свойственные всем) знания имеет любой обыкновенный нормальный человек, обладающий здравым смыслом¹⁰. Не являются специальными общеизвестные факты, так как они обладают свойством очевидности, всеобщего признания, т.е. понятны всем.

Попытку представить в качестве структурного образования специальные знания (олицетворяя их со специальными познаниями и не допуская возможности разграничения этих понятий) предприняла в своей диссертации И. Трапезникова, по мнению которой специальные знания составляют следующие взаимосвязанные и взаимодействующие подсистемы.

1. В качестве основы специальных знаний выступают: а) отраслевые знания; б) иные знания, необходимые для использования в доказывании с целью получения доказательств.

2. В качестве внешнего проявления и формы реализации имеющихся у сведущего лица отраслевых и иных знаний выступают специальные умения, которые складываются из: а) специальных навыков; б) операций; в) действий.

3. В качестве условия допустимости и индикатора полноты использования выступают опыт и применение данных знаний и умений¹¹.

Анализ приведенных положений с закономерностью порождает вывод о том, что особую структурную составляющую специальных познаний представляет собой практический опыт применения информации, которой обладает сведущее лицо. Для специалиста опыт является основой отграничения от других сведущих лиц (в частности экспертов), поскольку специалисты зачастую основывают свое заключение не на научных знаниях, а именно на опыте, например, ремесленники¹². Само по себе понятие «навыки» обуславливается как «знание профессии, полученное от многократного опыта»¹³.

Таким образом, специальные познания можно представить в виде структурного образования (модели), включающего в себя:

- а) специальные знания — сведения, которыми обладают сведущие лица (информационный блок);
- б) навыки, умения (мастерство), профессиональный опыт применения (функциональный блок);
- в) технологии, методики, процедуры применения (нормативно-технический блок).

Специальные знания — комплекс научно-разработанной, достоверной, разнообразной по содержанию, непрерывно обогащающейся информации, представляющей собой содержание и результат теоретической и практической деятельности человека в различных областях, за исключением юридических знаний лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, необходимых им для оценки доказательств и принятия решений.

Навыки — действия, алгоритмы поведения, доведенные до совершенства, выполняемые точно с минимальными затратами времени, грамотно, правильно, конструктивно.

Умения (мастерство) — способности лица творчески, оригинально, в оптимальном временном, пространственном и ином ресурсном режиме, независимо от фактических жизненных условий, обстоятельств и факторов выполнять определенные действия по использованию специальных знаний.

Профессиональный опыт — сформировавшееся в результате длительной профессиональной деятельности в определенной области психофизические свойства личности, обеспечивающие оптимальный режим и результативность применения лицом его специальных знаний.

Технологии, методики, процедуры применения — основанные на технических нормах правила, а иногда и требования, предъявляемые к деятельности по использованию специальных знаний (фактически именно они «превращают» термин «знания» в «познания»).

На наличие методической составляющей в определении специальных познаний акцентируют внимание не только ученые, исследующие общие закономерности использования этих познаний в производстве по уголовным делам, но и занимающиеся исследованием частных вопросов производства судебных экспертиз, участия специалиста, в том числе педагога, психолога¹⁴.

Зачастую технологии применения специальных познаний предполагают использование специальных технических средств (приборов, оборудования).

Правовые основы применения специальных знаний в уголовном процессе закреплены ключевыми нормами Конституции Российской Федерации¹⁵ о законности при осуществлении уголовного преследования. В частности, к правовым основам относятся, прежде всего, нормы Конституции Российской Федерации, которая закрепляет основы правового положения личности в Российской Федерации. Согласно ст. 2 Конституции человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов.

Подобные положения находят свою детализацию в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих участие сведущих лиц в процессе производства по уголовному делу.

В действующем УПК РФ и юридической литературе термины «эксперт», «специалист» применяются в сочетании с термином «специальные знания». Этот термин является общим для многих статей, регулирующих участие специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве (например, ст.ст. 57, 58 УПК РФ). Однако, уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения термина «специальные знания». Только в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹⁶ косвенно упоминается о содержании это-

го понятия: Пленум обращает внимание судов на необходимость правильного и наиболее полного использования достижений науки и техники с целью всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела путем производства экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших при судебном разбирательстве вопросов требуются специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле (п. 1).

Кроме того, отдельные аспекты деятельности сведущих лиц отражены в специальном законодательстве, в частности в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁷, многочисленных ведомственных положениях и регламентах.

Немаловажную роль в обеспечении надлежащего правоприменения, в частности толкования норм УПК РФ и смежного законодательства относительно применения специального познания, играют правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенные, например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹⁸.

В целом правовое регулирование применения специальных познаний в уголовном процессе представлено обширным массивом законодательства, которое, впрочем, имеет немало проблем и противоречий.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.01.2014) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1930. № 40. Ст. 592. Документ утратил силу.

³ *Эйсман А.А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юрид. лит., 1967. С. 91.

⁴ *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия: Справочное пособие. М.: БЕК, 1997. С. 217.

⁵ *Карнович С.А., Трибунов О.П.* К вопросу о применении специальных познаний при исследовании наркотических средств и психотропных веществ в процессе выявления и раскрытия преступлений // Актуальные вопросы судебных экспертиз: Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2012. С. 3.

⁶ См.: Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: Курс лекций / Трубицын Р.Ю., Хрусталев В.Н. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2002. С. 8.

⁷ См.: *Арсеньев В.Д., Заблочкий В.Г.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 152 с.

⁸ *Лазарева Л.В.* Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу: Монография. М.: Юри-

тинформ, 2009. С. 9—11.

⁹ Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. С. 399.

¹⁰ Сretenцев Д.Н. О возможности отнесения правовых знаний к специальным познаниям // Наука и практика. 2012. № 2. С. 90.

¹¹ Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 9—10.

¹² Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и связанных заседателей. Тула: Тип. В.Н. Соколова, 1901. С. 116.

¹³ Шиканов В.И. Использование специальных познаний при расследовании убийств: Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1976. С. 4.

¹⁴ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Учеб. пособие. М.: Гардарика; Смысл, 1998. С. 53.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2. Утратило силу.

¹⁷ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МУЛЕНКОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России

E-mail: dimaoxana@mail.ru

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛАЗАРЕНКО,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики

Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: o-nika@bk.ru

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;

оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются возможности применения цифровых средств фиксации в полицейской деятельности. Охарактеризованы современные дополнительные средства цифровой фиксации криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: цифровая фотография, цифровая видеозапись, цифровые средства фиксации.

Annotation. The article dwells on possible application of digital recording devices in police practices; characterizes modern digital accessories used in criminal investigation to record crucial information.

Keywords: digital photograph, digital video, digital recording devices.

Проблема технической вооруженности сотрудников правоохранительных органов на всех этапах борьбы с преступностью всегда привлекала внимание научных и практических работников. Ее актуальность в настоящее время обусловлена фактором научно-технического прогресса, предоставляющим реальные возможности для использования в деятельности полиции многообразных, качественно иных средств и методов фиксации следов правонарушений и преступлений.

В настоящее время для фиксации криминалистически значимой информации в наглядно-об-

разной форме широкое распространение получили такие технические средства, как фото- и видеотехника. Данные средства обеспечивают точность, полноту, всесторонность закрепления существенных свойств объектов, возможность их последующего исследования, проверки и объективной оценки. Внешним проявлением научной состоятельности любого современного технического средства является точность, истинность результатов его применения в правоприменительной деятельности. Цифровые средства фиксации полностью подпадают под такие критерии оценки.

Если обратиться к законодательному закреплению, то можно увидеть, что в п. 2 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), определяющем содержание протокола следственного действия, указано, что при производстве следственного действия могут применяться фотографирование, аудио- и видеозапись. Там же в п. 8 говорится, что к протоколу, среди прочих традиционных документов и материалов, прилагаются «носители компьютерной информации». Соответственно, можно сказать, что согласно данной норме использование цифровых средств фиксации при производстве следственных действий не будет противоречить нормам, закрепленным в УПК РФ. В ряде других норм российского законодательства также содержатся прямые указания на использование технических средств. Так, в ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О полиции» указывается на то, что «полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеofиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений...». Все это свидетельствует о том, что проблема с законодательной регламентацией цифровых средств фиксации в основном решена.

В настоящей статье нами предпринята попытка охарактеризовать некоторые современные способы дополнительной фиксации криминалистически значимой информации, используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений, а именно фото- и видеосредств, имеющих цифровой формат ввода и вывода изображения.

Актуальность вопросов, поднимаемых авторами данной работы, обусловлена, прежде всего, тем, что современный уровень внедрения инноваций в уголовное судопроизводство предлагает надежные и высокоскоростные технологии, которые предполагают широкое использование в деятельности полиции компьютерных и цифровых средств фиксации для целей раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Тенденции к использованию цифровых инноваций прослеживаются во всех направлениях работы с информацией: фиксация, обработка, передача и хранение. К подобным инновациям можно отнести современные цифровые средства фиксации, такие как фото-, видео-, аудиотехнику. Считаем, что эти технические средства, основанные на передовых технологиях, используемые криминалистикой, занимают в практической деятельности полиции все

более стабильное положение и опираются на новейшие возможности науки и техники.

Как уже отмечалось ранее, в данной статье будет дан краткий анализ современных способов и методов фиксации криминалистически значимой информации посредством цифровых технологий — фото- и видеотехники.

Устройство цифровой фотокамеры практически полностью повторяет камеру традиционную (плёночную), но вместо фотопленки изображение образуется на поверхности полупроводниковой матрицы. В матрице под действием света происходят не фотохимические, а фотоэлектрические процессы. Качество изображения напрямую зависит от разрешающей способности светочувствительной матрицы фотокамеры и выражается в пикселях, т.е. чем больше количество пикселей, тем выше качество снимков.

С помощью современных моделей цифровых фотокамер можно снять небольшой видеofilm, добавить звуковое сопровождение, а также комментарии к полученному изображению, что достаточно удобно при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

При работе с цифровой техникой появляются новые продуктивные и оперативные способы работы, процесс обработки полученного материала может быть проведен за довольно короткий промежуток времени, при этом отпадает необходимость в подборе специальных дорогостоящих расходных материалов и методов их многоступенчатой обработки (по сравнению с традиционной фотографией). Цифровая фотоаппаратура превратилась в повседневный рабочий инструмент участников уголовного судопроизводства. Качество криминалистически значимой информации, фиксируемой с использованием цифровой фототехники, позволяет нам утверждать, что она полностью отвечает реалиям сегодняшнего дня, полностью подпадая под потребности современного уголовного судопроизводства.

Цифровая фотокамера также имеет возможность подключения к различным техническим средствам для ввода-вывода информации, например, к компьютеру (либо иному гаджету). Далее можно осуществить обработку¹ полученного изображения. Также можно (минуя стадию обработки) вывести изображение на печать, используя принтер, имеющий стандарт прямой печати. Такой способ, вероятнее всего, исключит возможность фальсификации

и внесения изменений в изображение с помощью компьютерных программ и редакторов, причем все это может осуществляться в присутствии понятых уже в процессе непосредственного проведения следственного действия, а не после его окончания. Фотоснимки, полученные указанным способом, при необходимости можно оперативно отправить в любую точку посредством глобальной сети Internet. Как известно, сигналы, представленные в цифровой форме, практически не подвержены амплитудным и фазовым искажениям, что позволяет передавать даже телевизионную информацию с большим разрешением на большие расстояния с сохранением ее высокого качества.

Применение цифровой видеозаписи в практике правоохранительных органов объясняется ее неоспоримыми достоинствами. Одним из основных является то, что с ее помощью доступна фиксация как звуковой, так и зрительной информации, а также эмоционально-психологического состояния запечатленных субъектов (участников уголовного судопроизводства). Также следует отметить и постоянное совершенствование цифровой техники, ее миниатюризацию и повышение надежности фиксируемой информации.

Помимо этого, ряд норм уголовно-процессуального законодательства не исключает возможность применения цифровой видеозаписи (например, в ч. 6 ст. 164, ч. 2 ст. 166 УПК РФ и др.), а в ч. 1.1. ст. 170 УПК РФ законодатель прямо указывает на обязательность применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия без участия понятых. Полагаем, что с точки зрения уголовно-процессуального закона принцип и технология формирования фото- и видеоинформации не важны; важно получение качественных данных, отвечающих требованиям ст. 88 УПК РФ, т.е. относимости, допустимости и достоверности.

Таким образом, использование цифровых средств видеофиксации выступает в качестве одного из приоритетных направлений при фиксации наиболее сложных следственных действий (например, допроса в конфликтной ситуации, осмотра места происшествия по факту взрыва и т.п.).

Следует отметить также, что цифровая видеокамера по своему устройству практически полностью повторяет обычную видеокамеру, различия заключаются в способе записи видеоизображения. Цифровая запись осуществляется на различные носите-

ли в виде сжатого цифрового потока видео, поэтому никаких потерь при записи нет. Из этого следует еще одно преимущество цифровых фото- и видеокамер: перезапись видео с камеры на компьютер и обратно может выполняться неоднократно без ухудшения качества.

На сегодняшний день на рынке цифровых видеокамер представлены модели зарубежных производителей разного ценового диапазона. Качество изображения цифрового видео также зависит от разрешающей способности матрицы и дополнительных функций. От этого напрямую зависит стоимость камеры. Практически все видеокамеры снабжены опциями для съемки фотографий и специальными картами памяти для их хранения. Данное преимущество в недорогих камерах спорное, поскольку разрешение, например, в 0,8 мегапикселя не позволяет получить изображение хорошего качества, но, безусловно, может использоваться в качестве альтернативы. В некоторых случаях можно обойтись и без данных карт, а получать изображение непосредственно с фильма, при обработке на компьютере, в режиме стоп-кадра. Еще одно преимущество карт памяти заключается в том, что при фотосъемке информация об изображении фиксируется именно на ней и не занимает место на другом используемом носителе. На сегодняшний день существует три вида цифровых видеокамер в зависимости от носителя записываемой информации. Первые используют цифровые пленки (MiniDV) в кассетах размером 65x45 мм, вторые используют DVD-диск. Третьи — встроенный жесткий диск (винчестер), на который фиксируется снимаемая информация в различных форматах (AVI, DVD и т.д.).

У первых, использующих кассеты, есть одна особенность. После записи на ленту можно осуществить монтаж фильма, т.е. убрать ненужные фрагменты, наложить титры, голос, сделать надписи и т.д. Все, что для этого необходимо — мощный процессор с оперативной памятью, карта видеозахвата IEEE 1394 и программное обеспечение, т.е. видеоредакторы. Наиболее популярными из них являются Adobe Premiere, Ulead MediaStudio и Vegas Video. Можно использовать и более простые редакторы, например Avid Free DV, Pinnacle Studio и др.

Видеокамеры, использующие DVD-диски, такого преимущества не имеют, потому что сжатие в формат MPEG-2 выполняется не по всем кадрам: только каждый 15-й кадр (для PAL) «истинный»,

остальные отличаются от него фрагментами изображения, измененными по сравнению с ним. Такой алгоритм компрессии MPEG приводит к значительным (по сравнению с DV) затратам процессорного времени на кодирование и декодирование изображения.

В DVD-камерах используются три вида носителей:

- ❖ DVD-RAM-диски — для их воспроизведения необходим специальный DVD-RAM-привод.
- ❖ DVD-R-диски — для воспроизведения требуется обычный DVD-ROM.
- ❖ DVD-RW-диски — требования аналогичны DVD-R.

В данном случае запись осуществляется непосредственно на сам DVD-диск. Исходя из общих положений по видеосъемке, известных в криминалистике, можно сделать вывод о том, что в процессе проведения съемки необходимо фиксировать последовательно ход того или иного следственного действия, по возможности без перерывов и т.п. Камера, осуществляющая съемку прямо на DVD-диск, в полной мере соответствует этим требованиям, поскольку выполненную запись на DVD-R-диск невозможно стереть, смонтировать и т.п. Следует также учитывать, что запись на одноразовый DVD-R-диск не позволяет исправить промахи, допущенные при проведении следственных действий (например, неправильное оглашение фамилий понятых и т.п.), в этих случаях дополнительную запись в реальном времени следует производить путем последующих пояснений и уточнений. Необходимо также отметить, что использование видеокамер, использующих формат DVD, не получило широкого распространения.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать определенные направления, связанные с использованием цифровой видеосъемки в процессе раскрытия и расследования преступлений. В первую очередь, фото- и видеосъемку объектов, предметов и т.п. при проведении отдельных следственных действий можно осуществлять с помощью цифровой видеокамеры. Далее можно пойти по двум направлениям:

- ❖ оцифровка полученных изображений с помощью видеоредакторов, о которых говорилось ранее, и монтаж полученного фильма;
- ❖ оцифровка полученных изображений и кодирование видеофильма (минуя монтаж) в MPEG-2 (фор-

мат DVD) с последующей записью на DVD-R или DVD-RW-диск.

Еще одним важным аргументом является мнение ученых о возможности внесения изменений и «редакторских правок» в полученную цифровую видеозапись. Так, М.А. Сильнов считает, что «с помощью цифровых видео- и фотокамер можно производить наложение движущегося объекта на другой фон, изменять визуальные свойства объекта (например, изменять цвет одежды) и т.д. уже в момент записи, не говоря уже о последующей обработке данных в мощных графических программах-редакторах»². Такое суждение заслуживает определенного внимания, но при должном процессуальном и техническом оформлении с соблюдением определенных требований данную «операцию» выполнить затруднительно. Отдельные ученые криминалисты, а таких в настоящее время большинство, положительно рассматривают возможность применения цифровой видеозаписи в уголовном судопроизводстве в рамках расследования преступлений³.

В данном аспекте целесообразно заметить, что при определении допустимости использования современного технического средства для фиксации доказательственной информации основное значение, как указывалось ранее, будет иметь не сам процесс ее обработки, а объективность и полнота получаемых результатов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что для решения задач уголовного судопроизводства в части раскрытия и расследования преступлений необходимо широкое использование современных цифровых средств дополнительной фиксации, а также выработка совершенных определенных методик, обеспечивающих гарантии соблюдения законности применения цифровых технологий в деятельности полиции.

¹ Под обработкой мы понимаем цветокоррекцию, восстановление резкости, изменение яркости или контраста полученного изображения.

² Сильнов М.А. К вопросу о допустимости использования цифровых технологий в доказывании при расследовании преступлений // URL: www.silnov.newmail.ru/digitl.htm. (дата обращения 19.03.2014).

³ Криминалистическая видеозапись: Учебное пособие / Под ред. Р.Ю. Трубицына, О.А. Щеглова. М., 2004. С. 96; Муσειбов А.Г. Правила применения цифровой аппаратуры и компьютерной техники при производстве следственных действий // СПС КонсультантПлюс. 2009; Соколов Ю.Н. Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Российский судья. 2010. № 6. С. 29—31; и др.

ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ,

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: alex.mifist@gmail.com

*Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Цифровой метод фиксации информации связан с использованием электронных систем регистрации и последующей цифровой обработкой полученных оптических изображений. Общие принципы допустимости использования цифровых фотографических технологий при производстве криминалистических экспертиз: законность, безопасность, научная состоятельность, эффективность, соответствие нормам нравственности. В качестве цифровых негативов могут выступать файлы с изображениями в формате RAW.

Ключевые слова: цифровая обработка изображений, принципы допустимости, законность, правовая регламентация, цифровой негатив.

Annotation. Digital information recording technique is based on application of electronic registration systems and further digital processing of the acquired optical images. General principles of applying digital photographic technologies in criminal examination are as follows: legality, safety, scientific consistency, efficiency, conformance to morality rules. Files in RAW format may serve as digital negatives.

Keywords: digital image processing, permissible principles, legality, legal regulation, digital negative.

В судебной экспертизе широко используются изображения, полученные электронным способом с помощью различных регистрирующих устройств: цифровые фото-, видеокамеры, сканеры, компараторы и т.д. Новый вид фиксации информации основан на сохранении изображения на электронных устройствах — фотоматрицах, содержащих миллионы светочувствительных ячеек¹. Яркость света регистрируется ячейкой, затем фиксируется в виде цифрового кода, с помощью которого изображение может быть представлено на мониторе или распечатано на бумаге.

Изображение является одной из форм получения, передачи и хранения информации об объекте. Под цифровым понимают такой метод фиксации информации, который связан с использованием электронных систем регистрации и последующей цифровой обработкой полученных оптических изображений². В настоящее время цифровая обработка изображений является одним

из эффективных и распространенных исследовательских методов. Она используется как в научной, так и в художественной фотографии, а также в технике визуализации информации. Дальнейшее развитие компьютерно-технических средств и программного обеспечения способствуют применению интерактивных режимов обработки изображений, при использовании которых эксперт самостоятельно выбирает необходимые алгоритмы преобразований, исходя из поставленных задач.

Использование цифровых средств фиксации информации позволяет существенно сократить время на рутинные операции в процессе производства судебных экспертиз, одновременно повышая достоверность, результативность и воспроизводимость полученных результатов экспертного исследования. Как справедливо отмечает Т.В. Толстухина, «это естественный процесс, обусловленный современным этапом развития судебной экспертизы, а также необ-

ходимостью решения тех задач, которые стоят перед ней»³.

Особое место цифровые средства фиксации информации занимают при производстве криминалистических экспертиз. Благодаря различным приемам и способам судебной фотографии, видеозаписи удается продемонстрировать не только сравнительное исследование совпадающих признаков, что является важным удостоверительным фактом в экспертизе, но и наглядно продемонстрировать доказательственную значимость установленных фактических данных. Сравнительно недавно появившаяся цифровая фотографическая технология располагает рядом существенных преимуществ по сравнению с «традиционной»⁴. Данное обстоятельство внесло изменения в существующую структуру судебной фотографии. Средства и методы цифровой фотографии были взяты на вооружение экспертами-криминалистами для фиксации и исследования различных следов и вещественных доказательств.

Проведенным интервьюированием экспертов-криминалистов установлено, что в настоящее время большинством экспертов-криминалистов (86% опрошенных) цифровая фотография признается более эффективной и удобной для решения практических задач при производстве криминалистических экспертиз, чем «традиционная» фотографическая технология⁵.

При этом в связи с переходом на новую технологию получения фотографических изображений обозначился широкий спектр правовых, организационных и методических проблем, требующих решения.

В цифровой фотографии, а именно в графических редакторах существуют инструментарии, при помощи которых можно воздействовать на изображение. Возможности внесения изменений в первоначально зафиксированную информацию с использованием компьютерных технологий значительно шире, чем при использовании «традиционных» способов фотографирования.

А.Н. Чепцов сложившуюся ситуацию охарактеризовал следующим образом: «...говоря о конкретных цифровых устройствах фиксации звука и изображения возникают сомнения в возможности использования их в качестве средств собирания, проверки и оценки доказательств. Цифровые системы позволяют значительно изменять характеристи-

ки и параметры фиксируемых объектов уже в процессе съемки. Представим ситуацию, при которой недобросовестный следователь, используя возможности цифрового фото или видео, умышленно изменяет параметры фиксируемого изображения в ходе осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента, проверки показаний на месте и т.д. При этом присутствуют понятые, и с их точки зрения следователь все делает правильно. Нетрудно представить, какой вред интересам правосудия может быть нанесен»⁶.

Допуская применение криминалистикой достижений научно-технического прогресса, исходя из ее синтетической природы, Р.С. Белкин справедливо отмечал: «правомерность, допустимость применения — вот тот основной критерий, с позиций которого оценивается всякое новое технико-криминалистическое средство. При этом допустимость обычно понимается как непротиворечие применения криминалистического средства духу и букве закона..., а буква закона никогда не может охватить всего непрерывно развивающегося арсенала средств и методов борьбы с преступностью... В законе должны быть определены лишь общие условия допустимости технических средств, общие правила их применения в уголовном судопроизводстве»⁷. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают такой подход обоснованным.

В частности, Е.Н. Дмитриев, изучая данный вопрос, писал: «перечень допустимых технических средств в уголовно-процессуальном законе не может быть исчерпывающим. Необходимо только предусмотреть условия их применения. Технические средства должны обеспечивать получение достоверных результатов, их применение не должно нарушать права и законные интересы участников следственных действий, не вступать в противоречие с требованиями морали, не создавать опасности для жизни и здоровья людей. Кроме того, технические средства должны использоваться уполномоченными на то лицами в установленном законом порядке и с соблюдением процессуальной формы»⁸.

Поэтому следует рассматривать общие принципы допустимости использования цифровой фотографической технологии при производстве криминалистических экспертиз. Таковыми являются законность, безопасность, научная состоятельность, эффективность, соответствие нормам нравственности.

В настоящее время методики установления подлинности галогеносеребрянных и цифровых фотографий разработаны и успешно применяются на практике, тем самым повышая доказательственное значение цифровых фотоснимков⁹. При возникновении сомнений в подлинности фотоснимков, может быть назначена фототехническая экспертиза.

Основными ее задачами являются отождествление кино- фотоаппаратуры и лабораторного оборудования, участков местности, помещений, предметов по негативам, позитивам; установление условий съемки и обработки фотоматериалов; размеров объектов, расстояний между ними; выявление фотографического монтажа и ретуши; идентификация негативов и позитивов по отпечаткам. Фототехническая экспертиза делится на исследование фотографических изображений и фотографических материалов»¹⁰.

Однако, несмотря на существующие рекомендации, выпускаемые ведущими подразделениями¹¹, некоторые специалисты до сих пор с недоверием относятся к цифровым фотоснимкам и оспаривают возможность их использования в качестве доказательств, аргументируя это высокими возможностями для фальсификации.

До недавнего времени одним из спорных вопросов использования цифровой фотографии в экспертной практике выступал вопрос о негативах. В соответствии с требованиями п. 8 ст. 166 УПК РФ «к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия».

Благодаря данной норме в судебной практике получило распространение суждение о невозможности установления факта фальсификации цифрового фотоснимка, так как в данном случае негатив отсутствует.

Решение данного вопроса нам видится в следующем. Применительно к цифровой фотографии в настоящее время можно говорить о так называемых «цифровых негативах», в качестве которых могут выступать файлы с цифровыми изображениями в формате RAW.

RAW (англ. raw — сырой) формат данных, содержащий необработанные (или обработанные в минимальной степени) данные, полученные напря-

мую с матрицы без обработки. В таких файлах содержится полная информация о хранимом сигнале, включая мета-данные¹².

Поэтому эта особенность позволяет использовать фотоснимки формата RAW при их оценке в качестве доказательств в процессе судопроизводства.

На практике значительное количество моделей компактных цифровых фотоаппаратов, используемых в экспертных подразделениях, не обладают возможностью сохранять фотографии в формате RAW. Однако, среди экспертов-криминалистов все большее распространение получают цифровые зеркальные фотокамеры, как правило, имеющие такую возможность.

Учитывая все рассмотренные достоинства и ограничения формата цифровых изображений RAW, по нашему мнению, более широкое распространение данного графического формата в практике экспертно-криминалистических подразделений позволит качественнее и оперативнее решать многие поставленные задачи, а также повысит доказательственное значение цифровых фотоснимков в процессе судебного разбирательства.

¹ Жалтанова Л.Ж. Цифровая фотография: от новичка к мастеру. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 10.

² Четверкин П.А. Методы цифровой обработки слабозримых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 36.

³ Толстухина Т.В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С.4

⁴ Ростовцев А.В. Применение цифровой фотографии при осмотре места происшествия: Уч.-практ. пособие. М.: Московский университет МВД России, 2008. С. 16.

⁵ Трущенко И.В. Использование цифровой фотографии в криминалистических экспертизах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3.

⁶ Чепцов А.Н. Процессуальные проблемы использования цифровой фотографии в уголовном процессе. URL: <http://www.sworld.com.ua> (дата обращения: 15.04.2014).

⁷ Белкин Р.С. Общая теория криминалистики в условиях научно-технической революции // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 104—105.

⁸ Дмитриев Е.Н. Судебная фотография: Курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 147.

⁹ Муленков Д.В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.

¹⁰ Томский экспертно-правовой центр «Регион 70». URL: http://70region.tomsk.ru/1_11.htm (дата обращения: 12 апреля 2014 г.).

¹¹ Об использовании цифровой фотографии: Рекомендации ГУ ЭКЦ МВД России от 24 апреля 2003 г., от 15 марта 2007 г.; Информационное письмо прокуратуры Московской области от 4 мая 2006 г.

¹² URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/RAW> (дата обращения: 16 апреля 2014 г.).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮЛИЯ ПЕТРОВНА КАЛИНЧЕНКО,

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: yukka.02@yandex.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Сформулированы понятия валютного контроля. Раскрываются субъекты валютного контроля. Рассматриваются органы и агенты валютного контроля. Изучается Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле».

Ключевые слова: валютный контроль, административный механизм, агенты и органы валютного контроля, Правительство Российской Федерации.

Annotation. The article formulates the term for currency control; describes currency control authorities and agents; examines Federal Law on Currency Regulation and Currency Control No. 173-FZ as of 10.12.2003 (as amended on 12.03.2014).

Keywords: currency control, administrative mechanism, currency control authorities and agents, Government of the Russian Federation.

Валютный контроль — административный механизм, способный, в случае необходимости, создать условия для контроля за исполнением действующего законодательства при осуществлении валютных операций и, в случае выявления нарушений, наказать виновных. Основным правовым актом высшего уровня, который лег в основу осуществления этого процесса, является Закон Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле», принятый в октябре 1992 г.¹

В ст. 3 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»² (далее — ФЗ-173), пришедшего на смену вышеуказанному акту, закреплен перечень основных принципов валютного контроля, который предусматривает:

- 1) Приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования;
- 2) исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов;
- 3) единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации;

4) единство системы валютного регулирования и валютного контроля;

5) обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций.

Нормы ст. 22 ФЗ-173, как следует из ее названия, определяют: а) валютный контроль; б) органы валютного контроля; в) агентов валютного контроля. Однако, в ч. 5 ст. 4 ФЗ-173 не дается определение валютного контроля, что является серьезным упущением, так как акты, издаваемые органами валютного контроля, должны касаться именно вопросов валютного контроля и не должны содержать положения, относящиеся к вопросам регулирования валютных операций.

В самом общем виде валютный контроль можно охарактеризовать как деятельность государства в лице органов и агентов валютного контроля, направленную на обеспечение соблюдения валютного законодательства при осуществлении конкретных валютных операций³. Более развернутое определение валютного контроля сформулировано как «комплекс нормативно закрепленных административных (правоприменительных) и организационных

мер, осуществляемых специально уполномоченными на основании закона государственными органами или иными организациями (например, уполномоченными банками в качестве агентов валютного контроля) и направленных на реализацию порядка совершения валютных операций и сделок в части валютных ограничений, а также мер по выявлению, предупреждению и пресечению нарушений этого порядка»⁴.

Целью валютного контроля, которая ранее была закреплена в п. 1 ст. 10 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3615-1 (ред. от 10 декабря 2003 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле»⁵ (на данный момент утратил силу) (далее — Закон № 3615-1), является обеспечение соблюдения валютного законодательства, а также актов органов валютного регулирования и валютного контроля при осуществлении валютных операций.

Трехуровневая система валютного контроля определена ФЗ-173. Ее составляют Правительство Российской Федерации, органы валютного контроля и агенты валютного контроля. При этом ч. 2 ст. 22, в сравнении с ч. 2 ст. 11 Закона № 3615-1, сформулирована таким образом, что исключает указание в каком-либо ином федеральном законе органа исполнительной власти в качестве органа валютного контроля. Полномочие определять орган валютного контроля имеет только Правительство Российской Федерации.

В ст. 23 ФЗ-173 закреплены общие полномочия органов и агентов валютного контроля:

- 1) осуществление контроля за проводимыми в Российской Федерации резидентами и нерезидентами валютными операциями, за соответствием этих операций актам валютного законодательства и актам валютного регулирования;
- 2) проведение проверок валютных операций резидентов и нерезидентов в Российской Федерации;
- 3) определение порядка и форм учета, отчетности и документации по валютным операциям резидентов и нерезидентов;
- 4) получение документов и информации, связанной с проведением валютных операций, открытием и ведением счетов.

Как отмечает в своих трудах Е.Ю. Грачева, органы и агенты валютного контроля в пределах своей компетенции осуществляют контроль за проводи-

мыми в стране валютными операциями, за соответствием этих операций законодательству, условиям лицензий и разрешений, а также за соблюдением актов валютного контроля»⁶.

Следует отметить, что в соответствии с п. 1 и п. 5 ст. 4 ФЗ-173 право издания нормативных правовых актов валютного законодательства предоставлено одновременно как органам валютного регулирования, так и органам валютного контроля. Однако, данный подход нарушает основополагающий принцип построения государственного механизма, заключающийся в отделении функции правотворчества от функции правоприменения. Следовательно, представляется нецелесообразным относить функцию нормотворчества к компетенции контролирующих органов⁷.

К числу органов валютного контроля ФЗ-173 относит Центральный банк Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти в пределах своей компетенции, установленной федеральными законами, а также федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации⁸.

Агенты валютного контроля — это организации, которые в соответствии с законодательными актами Российской Федерации могут осуществлять функции валютного контроля. Агенты валютного контроля подотчетны соответствующим органам валютного контроля и осуществляют валютный контроль в рамках специальных полномочий, закрепленных в нормативных актах.

К ним относятся уполномоченные банки, подотчетные Центральному Банку Российской Федерации, а также не являющиеся уполномоченными банками профессиональные участники рынка ценных бумаг, в том числе держатели реестра (регистраторы), подотчетные федеральному органу исполнительной власти по рынку ценных бумаг, и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, являющихся органами валютного контроля⁹.

В системе органов валютного контроля роль Правительства Российской Федерации выражается в осуществлении валютного контроля, но при этом само Правительство Российской Федерации не является ни органом, ни агентом валютного контроля. Указанная особенность предопределена тем, что Правительство Российской Федерации — орган общей компетенции, а иные федеральные органы

исполнительной власти являются органами специальной компетенции.

Валютный контроль осуществляют также таможенные органы Российской Федерации. В соответствии со ст. 403 Таможенного кодекса Российской Федерации¹⁰ (далее — ТК РФ) к функциям таможенных органов отнесено осуществление валютного контроля в пределах их компетенции.

В соответствии со ст. 402 ТК РФ таможенными органами являются:

- ❖ федеральная служба, уполномоченная в области таможенного дела (Федеральная таможенная служба — Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»¹¹);
- ❖ региональные таможенные управления;
- ❖ таможни;
- ❖ таможенные посты.

К компетенции таможенных органов относится осуществление валютного контроля за перемещением лицами через таможенную границу Российской Федерации (за исключением периметров таможенных зон и свободных складов) валюты Российской Федерации, ценных бумаг в валюте Российской Федерации, валютных ценностей, а также за валютными операциями, связанными с перемещением через таможенную границу товаров и транспортных средств. Таможенные органы осуществляют валютный контроль в соответствии с валютным и таможенным законодательством России¹².

Право на осуществление валютного контроля в августе 1999 г. также получили налоговые органы¹³. В настоящее время налоговые органы контролируют порядок налогообложения доходов, полученных в иностранной валюте лицами и организациями, признаваемыми налогоплательщиками по законодательству Российской Федерации, а также порядок уплаты налогов в иностранной валюте налоговыми нерезидентами Российской Федерации.

В осуществлении валютного контроля участвуют также: Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации. Указанные исполнительные органы информируют Центральный банк Рос-

сийской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации и другие органы валютного контроля о ставших им известными фактах нарушения резидентами и нерезидентами валютного и таможенного законодательства и иных нормативных актов, касающихся осуществления валютных и других операций¹⁴.

Среди агентов валютного контроля в наиболее многочисленную группу выделяются подотчетные Банку России уполномоченные банки.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 1 ФЗ-173 уполномоченные банки — кредитные организации, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации и имеющие право на основании лицензий Центрального банка Российской Федерации осуществлять банковские операции со средствами в иностранной валюте.

¹ Попова Т.Н. Внешнеэкономическая деятельность: Учебное пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2001. С. 26.

² Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4859.

³ Сапожников Н.В. Валютные операции коммерческих банков. Правовое регулирование: Практическое пособие. М., 1999. С. 89; Хаменушко И.В. Валютный контроль в Российской Федерации: Учебно-практическое пособие. М., 2001. С. 21.

⁴ Тосунян Г.А., Емелин А.В. Валютное право Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2002. С. 28.

⁵ Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3615-1 (ред. от 10 декабря 2003 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступающими в силу с 17 июня 2004 г.) // Российская газета. 1992, 4 ноября. № 240.

⁶ Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П. Финансовое право. Москва, 2004. С. 399.

⁷ Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатъевой. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 239.

⁸ Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П. Финансовое право. М., 2004. С. 398.

⁹ Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатъевой. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 240.

¹⁰ Таможенный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 18.06.1993 № 5221-1) (ред. от 26 июня 2008 г.) // Российская газета. 1993, 21 июля. № 138.

¹¹ Указ Президента РФ от 20 мая 2004 г. № 649 (ред. от 25 августа 2010 г.) «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 24 мая 2004 г. № 21. Ст. 2023.

¹² Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатъевой. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 242.

¹³ П. 2 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О государственной налоговой службе РСФСР» // Российская газета. 1999, 14 июля.

¹⁴ Финансовое право: Учебник / Под ред. В.П. Сальникова, С.В. Игнатъевой. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 241.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ЭДУАРД ТОМОВИЧ СИДОРОВ,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и оперативно-розыскной деятельности ОВД Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ТАРАСОВ,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и оперативно-розыскной деятельности ОВД Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с использованием органами внутренних дел, осуществляющими административно-юрисдикционную деятельность, информации, полученной при помощи фото- и видеосредств. Проводится сравнительный анализ использования фото- и видеоматериалов при производстве следователями предварительного следствия дорожно-транспортных преступлений, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, и также при производстве сотрудниками Госавтоинспекции дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Авторами исследуются вопросы совершенствования действующего административного законодательства, регулирующего порядок привлечения к административной ответственности в области дорожного движения.

Ключевые слова: доказательства, фото- и видеоматериалы, производство по делам об административных правонарушениях, судебная экспертиза, меры административно-процессуального обеспечения.

Annotation. The article dwells on the issues of using information obtained via photo and video aids by the law-enforcement authorities engaged in administrative and jurisdictional activities. It examines, in terms of comparison, application of photo and video materials in the course of preliminary investigation of traffic offences specified in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, and administrative proceedings conducted by the traffic safety inspectors as provided for in Article 12.24 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The authors treat the issues of improving existing administrative legislation that regulates the procedure of imposing administrative sanctions for traffic offences.

Keywords: evidence, photo and video materials, administrative proceedings, forensic analysis, measures of administrative and procedural enforcement.

Благодаря развитию техники в настоящее время в России, как и во всем мире, при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях органы внутренних дел в качестве доказательств используют информацию, полученную при помощи фото- и видеосредств.

Как признают многие специалисты, использование средств фото- и видеонаблюдения, с одной стороны, повышает эффективность охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, с другой, — меняет не только кон-

кретные тактические приемы, но и тактику охраны общественного порядка в целом¹. В то же время, существует немало связанных с этим проблем. Рассмотрим ряд из них.

Первая проблема заключается в том, что, во-первых, получение и использование материалов фото- и видеозаписи имеют свою специфику, во-вторых, ст. 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) не относит их к отдельному виду доказательств.

Действующее административное законодательство предусматривает широкое применение фото- и видеозаписи. Такой вид фиксации доказательств предусмотрен КоАП РФ при осуществлении различных мер административно-процессуального обеспечения: производстве личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице (ч. 5 ст. 27.7); производстве осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (ч. 3 ст. 27.8); производстве досмотра транспортного средства (ч. 4 ст. 27.9); проведении изъятия вещей и документов (ч. 4 ст. 27.10) и в других случаях².

Видеоматериалы используются и для фиксации административных правонарушений, например при нарушении правил остановки или стоянки. В этом случае в обязательном порядке должна проводиться предварительная фото- и видеосъемка места расположения эвакуируемого транспортного средства и его внешнего вида. Впоследствии эти материалы будут доказательством при оспаривании владельцем примененной меры, а также при предъявлении претензий по внешним повреждениям транспортного средства.

Автоматизированные системы фото- и видеofиксации нарушений правил дорожного движения выявляют все большее количество видов административных правонарушений в области дорожного движения.

В то же время, имеет место несоответствие современного административного законодательства, осуществляющего правовое регулирование оснований и порядка применения технических средств, осуществляющих аудио- и видеозапись, их техническим возможностям, распространенности таких устройств, а также потребностям правоприменительной практики.

С одной стороны, получение и использование материалов фото- и видеозаписи имеют существенную специфику, с другой, — КоАП РФ (ч. 2 ст. 26.7) они не отнесены к отдельному виду доказательств, в то время как, например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) в ст. 77 определяет, что в суд могут представляться аудио- и видеозаписи на электронном или ином носителе³.

Достоинством такого доказательства является его наглядность, способность с объективностью и

«технической» точностью фиксировать событие административного правонарушения в области дорожного движения. Особую значимость это имеет при административном расследовании дорожно-транспортных происшествий (ДТП), когда данные материалы фиксируют сам момент ДТП, учитывая, что он имеет скоротечный, кратковременный характер.

В то же время, получение доказательственной информации с использованием фото- и видеосредств, ее применение в правоохранительной деятельности имеет свои особенности, которые необходимо учитывать в практической деятельности органов внутренних дел.

Эти особенности настолько существенны, что данному вопросу неоднократно посвящались постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации⁴. Учеными-административистами издано немало статей и научных монографий, а также проводятся и диссертационные исследования в этой области⁵. В 2013 г. филиалом Всероссийского института повышения квалификации МВД России в городе Набережные Челны был снят учебный фильм, содержащий методические рекомендации для сотрудников Госавтоинспекции о порядке работы с техническими устройствами, имеющими функцию аудио- и видеозаписи, и об использовании доказательств, полученных с их помощью.

Тем не менее, сотрудники органов внутренних дел не всегда используют такой способ фиксации доказательств, опасаясь специфики их проведения. Как показывают исследования, использование фото- и видеосъемки для закрепления доказательств, полученных путем проведения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 27 КоАП РФ, проводится крайне редко, в частности, из-за отсутствия соответствующей аппаратуры и неподготовленности самих правоприменителей⁶.

Аналогичная ситуация имеет место и при проведении осмотра места происшествия следователями. Проведенные среди следователей опросы показали, что при расследовании дорожно-транспортных преступлений следователям зачастую приходится брать на себя функции специалистов-операторов по аудио- и видеотехнике. При этом абсолютное большинство из них (76%) обладает навыками пользования такой

техникой только на бытовом уровне. Также, по признанию 54% опрошенных, основные трудности для них заключаются в наличии психологического напряжения, обусловливаемого отсутствием навыков поведения перед видеокамерой⁷.

Для преодоления данной трудности полезным было бы введение в программу подготовки курсантов и слушателей вузов системы МВД России практического спецкурса, посвященного этим вопросам.

Несмотря на явную специфику деятельности, связанной с получением доказательственной информации при помощи фото- и видеосредств, ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ относит такую информацию к документам, не признавая ее, как это делает ГПК РФ (ст. 77), отдельным видом доказательств и не регулируя вопросы ее сбора, хранения и использования.

Вторая проблема заключается в несоответствии правовых нормативных актов, содержащих материальные нормы и нормы, регулирующие процедуру привлечения к административной ответственности и к уголовной ответственности в области дорожного движения.

Разграничением между дорожно-транспортным преступлением, предусмотренным ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), и административным правонарушением в области дорожного движения, предусмотренным ст. 12.24 КоАП РФ, являются последствия, которые образуют объективную сторону правонарушения. Если ДТП повлекло легкий или средний вред здоровью потерпевшего, образуется состав административного правонарушения; при причинении более серьезных последствий имеет место преступление. Соответственно, проводится либо административное расследование, либо расследование дорожно-транспортного преступления.

Причем грань эта достаточно зыбкая. Так, на протяжении периода с 1999 г. по 2002 г. происходила декриминализация законодательства в этой области. В настоящее время, наоборот, имеются предложения по ужесточению ответственности. Кроме того, если потерпевший скончался на месте ДТП, первоначальные следственные действия проводит следователь органов внутренних дел; если потерпевший скончался в лечебном учреждении или по дороге к нему, такие действия осуществляет, как правило, сотрудник ГИБДД.

Поэтому сравнительный анализ уголовной и административной политики в этих вопросах, на наш взгляд, представляется корректным и полезным.

Так, технические средства, используемые при проведении административного расследования, относящиеся к измерительным приборам, в соответствии с ч. 1 ст. 26.8 КоАП РФ и п. 46 Административного регламента⁸ должны быть сертифицированы в качестве средств измерения, иметь действующее свидетельство о поверке, выдаваемое органами Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, и применяться в соответствии с инструкциями и методическими указаниями.

При контроле за дорожным движением допускается применение только технических средств, предусмотренных табельной положенностью.

Таким образом, другие технические средства, не отвечающие данным требованиям, не могут использоваться органами внутренних дел, и информация, полученная с их помощью, не может быть признана допустимой.

При этом технические устройства, имеющие функции фото- и видеозаписи, широко распространены. Такими функциями обладают мобильные телефоны, цифровые фотоаппараты, видеорегистраторы, видеокамеры и иные устройства⁹.

Поэтому при расследовании дорожно-транспортных преступлений нередки случаи, когда граждане, находящиеся в момент аварии на месте ДТП, являются очевидцами или участниками происшествия и имеют техническое устройство, на котором отражено данное событие. В этом случае фото- и видеоматериалы могут быть истребованы следователем как от очевидцев происшествия, так и от участников. Если при осмотре места ДТП будет установлено, что в автомобиле имеется видеорегистратор, то следователь изымает либо сам видеорегистратор, либо цифровой носитель с видеорегистратора — флэш-карту. Данные действия отражаются в протоколе осмотра места происшествия. Если сведения о наличии технического устройства и находящейся в нем информации о происшедшем ДТП следователь получает от свидетеля в ходе допроса, он может затребовать эти материалы. В случае отказа их представить, такие материалы могут быть изъяты в процессе проведения обыска.

Следует отметить, что при расследовании дорожно-транспортных преступлений обращение следователями органов внутренних дел с запросом о предоставлении информации, полученной при использовании стационарных аппаратно-программных комплексов идентификации транспортных средств по государственным регистрационным знакам «Поток», позволяет решать многие важные задачи: установление свидетелей ДТП, определение скорости движения транспортных средств непосредственно перед ДТП.

Запрос о предоставлении такой информации направляется следователем в порядке ч. 4 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), согласно которой «требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами»¹⁰.

При производстве административного расследования на основании ст. 26.10 КоАП РФ судья, орган, должностное лицо вправе истребовать необходимые для правильного рассмотрения и разрешения дел сведения от организаций, госорганов и органов местного самоуправления. Что же касается истребования от граждан, то такие сведения судья, орган, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, истребовать не вправе. Такой вывод можно сделать из толкования текста ст. 26.10 КоАП РФ.

Третья проблема связана с неурегулированностью КоАП РФ оснований и порядка проведения повторной и дополнительной экспертиз в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

Для выяснения содержащихся в аудио- или видеозаписи сведений судом может быть привлечен специалист или назначена экспертиза. Специалист может привлекаться и для оказания технической помощи суду при воспроизведении записи.

К примеру, обращение к помощи специалиста, помимо технического обслуживания аппаратуры, посредством которой осуществляется прослушивание и просмотр аудио- или видеозаписи, возможно, в частности, в случае, когда носитель

информации в силу некачественной записи либо производственного или временного дефекта не позволяет в обычных условиях получить определенное суждение о содержащихся в записи сведениях, для устранения чего требуется применение специальных приборов и технологий для усиления сигнала, выделения его из среды, затрудняющей четкое восприятие.

Возможно получение от специалиста консультации относительно того, является ли запись первоначальной или производной. Однако, если требуются более глубокие исследования относительно достоверности информации, содержащейся в записи, установления ее происхождения, определения отношения изображения или звука к конкретному лицу, выявления признаков фальсификации, что невозможно без специальных познаний, то должна быть назначена фото-видеотехническая судебная экспертиза, которая определяет, каким образом была сделана представленная видеозапись, вносились ли в нее какие-либо изменения. На необходимость проведения экспертизы может быть указано в консультации специалиста.

Следственная практика расследований дорожно-транспортных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, также показывает, что основанием для проведения комплексной экспертизы являются заявления участников ДТП об их сомнении в подлинности и неизменности аудио- и видеоматериалов. В случае же, если участники ДТП не отрицают, что представленная видеозапись является видеозаписью момента ДТП, следователь может в ходе допроса участника ДТП предоставить видеозапись (о чем в протоколе допроса делается пометка), после чего задать вопрос, соответствует ли эта видеозапись обстоятельствам ДТП.

При этом УПК РФ (ст. 207) предусматривает (при наличии правовых оснований) проведение как дополнительной экспертизы, так и повторной.

КоАП РФ не определяет порядок проведения повторной и дополнительной экспертизы, хотя практика работы подразделений Госавтоинспекции, осуществляющих проведение административного расследования по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, показывает необходимость наличия подобных положений в законе.

При этом информация, полученная при помощи устройств, осуществляющих фото- и видеозапись,

сама может послужить исходными данными при проведении автотехнической экспертизы. Предоставление в качестве исходных данных информации, отвечающей требованиям достоверности и допустимости, позволяет максимально использовать возможности современных научно-технических достижений и повысить объективизацию процесса доказывания. Зачастую заключение эксперта-автотехника становится одним из доказательств по делу о ДТП, которое берется за основу при принятии решения. Это объясняется, с одной стороны, большими возможностями экспертизы по установлению обстоятельств, имеющих значение по делу, с другой, — объективностью эксперта, его незаинтересованностью в исходе дела.

Так, при просмотре видеозаписи можно установить расположение на проезжей части транспортных средств, место столкновения автомобилей, направление движения автомобилей и даже их скорости движения.

Решение данных вопросов помогло бы органам внутренних дел в осуществлении более эффективной административно-юрисдикционную деятельности.

¹ Цупко В.А. Административно-правовые и организационные основы тактики охраны общественного порядка: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Академия управления МВД России. М., 2003. С. 92.

² Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. I. Ст. 1.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ См. например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 9 февраля 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ № 12, декабрь, 2006.

⁵ См. например, Темняков Д.А. Проблемы правовой регламентации применения технических средств в административной и оперативно-разыскной деятельности полиции: Материалы научно-практической конференции // Актуальные проблемы административно-правовой и оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. С. 150—155.

⁶ Тюрин В.А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / Всероссийский научно-исследовательский институт. М., 2004. С. 108.

⁷ Миленин Ю.Н. Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18.

⁸ Приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru>.

⁹ Вологдин Э.И., Ковалгин Ю.А., Гласман К.Ф. Запись аудио- и видеосигналов: Учебник для вузов. М.: Академпресс, 2010. С. 11.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.



Введение в судебную экспертизу. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие.

В пособии изложены основные теоретические понятия судебной экспертизы, представлены история развития, система государственных экспертных учреждений в России, правовые основы судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Раскрыты: научные основы судебной экспертизы, включающие в себя криминалистическую идентификацию и диагностику; технология экспертного исследования; содержательная часть заключения эксперта и его доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Уделено внимание информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, а также экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

ПЕДАГОГИКА БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТЕМНЯКОВ,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры административного права и оперативно-розыскной деятельности ОВД
Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: dima-terjewa@rambler.ru

Научная специальность 13.00.08 — теория и методика профессионального образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проводится теоретический анализ профессиональной безопасности сотрудников полиции. Рассматриваются педагогические аспекты профилактики возможной опасности и безопасности сотрудников полиции. Особое внимание уделено структурным компонентам подготовленности к обеспечению личной безопасности, а также обучения тактике и методам обеспечения личной безопасности.

Ключевые слова: педагогика профессиональной безопасности, обучение личной профессиональной безопасности, структурные компоненты, слагаемые подготовленности к личной профессиональной безопасности.

Annotation. The article comprehends theoretical analysis of police officers professional safety. It examines possible risks prevention and safety of police officers in educational perspective. The special focus is set on components of preparedness to ensure personal safety, as well as training tactics and methods of personal safety control.

Keywords: personal safety education, personal professional safety training, components, terms of preparedness to ensure personal professional safety.

Кризис образования признается характерной особенностью цивилизации на рубеже тысячелетий. Он связан с изменением цели образования в современном мире. Устойчивое состояние кризиса проявляется в резком увеличении объема информации и скорости ее обращения; необходимости пересмотра содержания обучения, рожденной информационным бумом; проблеме согласованности знаний, получаемых в школе, вузе с информацией, идущей по другим каналам; функциональной безграмотности выпускников-специалистов, которая обострила проблему качества образования и др.¹ Эти проблемы поставили общество перед необходимостью переосмысления существующих педагогических представлений.

В настоящее время в России ведется интенсивная работа по реформированию системы образования. Актуальность проблемы образования определяется самой жизнью, перспективами жизнедеятельности личности. Эта проблема приобре-

тает особую остроту в период глубокого кризиса общества. Ориентация на образовательные, духовные ценности является показателем развития общества.

Признавая необходимость современного подхода к обучению слушателей и курсантов учебных заведений системы МВД, необходимо поставить вопрос о его задачах: какая цель может быть достигнута, какая модель должна закладываться в основу формирования гражданских и профессиональных качеств сотрудников полиции, на какие ценности должна быть ориентирована образовательная система, в состоянии ли она решать эти задачи при данных условиях. На эти сложные вопросы в ближайшее время должна ответить проводимая реформа системы образования в Российской Федерации. В отношении сотрудника полиции основной целью образования является развитие его задатков, формирование его способностей, личностных, гражданских и профессиональных качеств, которые обеспечат ему жизнеспособность в любом обществе.

В последние годы проблеме педагогики в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел², профилактике возможной опасности и безопасности сотрудников уделялось много внимания как в России, так и за рубежом. Общество на современном этапе развития уделяет большое внимание обеспечению безопасности как государства в целом, так и конкретной личности. Нарастание техногенных рисков и природных угроз, а также социальных дестабилизирующих факторов (терроризм, преступность, радикализм) заставляют многие государства формировать концепции национальной безопасности, в том числе принимать международные меры, ориентированные на повышение безопасности жизни. Основная обязанность государства стоит в создании безопасной обстановки в обществе и сохранении жизни и здоровья граждан, однако и сам гражданин должен прилагать определенные усилия для предотвращения возможной опасности и обеспечения собственной безопасности. Встает вопрос: как это осуществить? И ответ достаточно очевиден: необходимо создавать педагогическую систему обеспечения собственной безопасности на всех этапах развития личности.

В связи с этим следует отметить, что особое место в системе профилактики возможной опасности и безопасности принадлежит отдельной категории граждан, профессия которых связана с профессиональным риском, в частности сотрудникам полиции.

Педагогика профессиональной безопасности нашла широкое применение в различных отраслях деятельности, однако комплексная программа обучения личной профессиональной безопасности сотрудников полиции как в служебное время, так и в повседневной деятельности недостаточно разработана и внедрена.

В нашей стране необходимость подготовки граждан к обеспечению собственной безопасности была осознана лишь в середине 90-х гг. Этому способствовало изменение криминогенной обстановки в ряде регионов и стране в целом. Комплексное педагогическое воздействие в целях обеспечения личной профессиональной безопасности было признано реальной необходимостью профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Едва ли не каждый день средства массовой информации сообщали о нападениях на сотрудников пра-

воохранительных органов. Печальная статистика фиксировала постоянный рост погибших и раненых сотрудников органов внутренних дел и граждан, пострадавших от рук преступников. В связи с этим настоятельно требовалось найти пути решения конкретного вопроса: как научиться предвидеть возможную опасность и обеспечивать личную безопасность сотрудников правоохранительных органов. Во многих нормативных документах, пособиях и учебных программах содержались разделы и темы, затрагивающие вопросы безопасности сотрудников органов внутренних дел. Однако, и на сегодняшний день актуальным остается вопрос о повышении качества данного вида обучения исходя из специфики профессиональной деятельности конкретного сотрудника органов внутренних дел.

В настоящее время для решения этой проблемы предпринимается ряд важных мер. Одним из путей снижения потерь среди граждан и сотрудников органов внутренних дел является специальное обучение тактике и методам обеспечения личной безопасности. Существующая практика такого обучения уже дает некоторые положительные результаты. В науке эта проблема уже получила теоретическое и научно-практическое обоснование. Так, в русле юридической педагогики данные аспекты предметно изучены в трудах А.В. Буданова, В.В. Кожевникова, А.М. Столяренко и других отечественных ученых-педагогов, которые обосновали необходимость педагогического воздействия на сотрудников органов внутренних дел для обеспечения ими личной профессиональной безопасности. Психологическое обеспечение личной безопасности сотрудников правоохранительных органов рассматривали А.И. Папкин, А.Е. Понамарева, А.М. Столяренко; ими выделены и конкретизированы основные психологические слагаемые профессиональной подготовки к обеспечению личной профессиональной безопасности сотрудников правоохранительных органов, а также рассмотрено виктимное поведение сотрудников. Общие правовые вопросы обеспечения личной безопасности раскрыли в своих работах Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин. Отраслевые вопросы права, касающиеся обеспечения безопасности сотрудников ОВД, рассмотрены в работах Э.Т. Сидорова³. Тактику и методы предвидения возможной опасности и обеспечения личной безопасности исследовали В.С. Карпов, В.С. Новиков, А.Д. Сафронов. Педагогику возможной опасности и безопасности сотруд-

ников в экстремальных условиях раскрыли в своих работах Н.В. Андреев, И.О. Котенев, А.Ф. Майдыков и др. Зарубежный опыт обучения личной профессиональной безопасности обобщили в своих работах А.В. Буданов, А.И. Папкин, В.А. Сергеевич. Для обучения практических работников ОВД А.В. Будановым разработана Программа действий сотрудников ОВД по обеспечению личной профессиональной безопасности. В ней определены общие подходы и конкретные методики, позволяющие разрабатывать содержание подобных учебных курсов.

Педагогика безопасности в профессиональной подготовке сотрудников полиции выступает одним из условий, позволяющих эффективно достигать поставленных целей в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и нарушением законности. Однако, научные аспекты профилактики возможной опасности и безопасности сотрудников органов внутренних дел еще не нашли своего достаточного изучения и нуждаются в дальнейшем научно-педагогическом анализе.

Исследование педагогических аспектов профилактики возможной опасности и безопасности сотрудников ОВД обусловлено, прежде всего, значительными трудностями в ходе их реализации на всем протяжении жизни и профессиональной деятельности сотрудников полиции. Раздробленность, несогласованность, а зачастую и отсутствие конкретных рекомендаций по обеспечению личной безопасности, снижают эффективность формирования устойчивых навыков профилактики возможной опасности у сотрудников полиции.

Более того, не разработаны два ключевых вопроса: о дифференциации обучения сотрудников полиции тактике и методам обеспечения безопасности в зависимости от специфики профессиональной деятельности сотрудника; о включении в педагогический процесс в качестве отдельного предмета искусства культуры жизни как основы безопасности на всех этапах обучения сотрудника полиции.

Основными категориями педагогики являются образование, обучение и воспитание. Педагогика безопасности также базируется на данном понятийно-категориальном аппарате. Соответственно, категория «образование» будет иметь единое законодательное определение.

Образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции в определенных объемах и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов⁴.

Процесс воспитания и обучения личной профессиональной безопасности будет иметь свои характерные особенности.

Педагогика безопасности в профессиональной подготовке сотрудников полиции невозможна без целостного воспитательного процесса. Соответственно, в содержании данного воспитания преобладает формирование убеждений, направленных на обеспечение личной безопасности, норм и правил безопасного поведения, ценностных ориентаций, установок на выживание, мотивов и идеалов безопасности. Хотелось бы отметить некоторые моменты воспитания личной профессиональной безопасности.

Это, прежде всего, воспитание культуры личной безопасности. Термин «культура личной безопасности» обусловлен сущностью рассматриваемого явления. Воспитание культуры личной безопасности является составной частью содержания образования безопасного поведения сотрудников органов внутренних дел. Воспитание культуры безопасности включает формирование готовности к возможной опасности и снижение ее до реально возможного минимума как лично для себя, так и общества в целом. Воспитание культуры безопасности обеспечивает подготовку сотрудника полиции к сочетанию личной безопасности, безопасности коллег и безопасности других людей. Культура безопасности является элементом профессиональной культуры сотрудника полиции. Соответственно, данная культура безопасности должна стать универсальным компонентом общечеловеческой культуры, которую усвоят все члены общества. Каждый человек так или иначе влияет на уровень безопасности окружающих людей, общества в целом. Характер этого влияния зависит от уровня культуры безопасности конкретного человека. Учитывая сложность проблемы

воспитания культуры безопасности, мы выделяем лишь часть данного явления, те его компоненты, которые преимущественно влияют на формирование готовности к обеспечению личной профессиональной безопасности сотрудников полиции. Понятно, что прежде чем обеспечивать безопасность других людей, сотрудник должен быть готовым к обеспечению своей собственной безопасности, иначе попытки помочь другим людям могут обернуться бедой как для самого сотрудника, так и для того, кому он эту помощь оказывает. Например, сотрудник полиции, прежде всего, должен уметь пользоваться огнестрельным оружием и специальными средствами для сохранения собственной жизни. Только при этом условии он сможет пресечь правонарушение и помочь потерпевшему. В противном случае сотрудник полиции может нанести потерпевшему еще более существенные травмы. Разумеется, культура личной профессиональной безопасности — неотъемлемая часть общей культуры безопасности. Безопасное поведение сотрудника полиции, усвоившего культуру личной профессиональной безопасности, одновременно повышает уровень безопасности находящихся рядом с ним людей и общества в целом. Тем не менее, культура личной профессиональной безопасности имеет свои особенности, которые необходимо целенаправленно формировать в рамках профессиональной педагогики у сотрудников органов внутренних дел для противодействия опасности.

Воспитание культуры личной профессиональной безопасности является сложным педагогическим явлением, которому присущи следующие признаки:

- ❖ педагогическая практика, которая обеспечивает подготовку подрастающего поколения к обеспечению личной безопасности в ситуации риска;
- ❖ педагогическая доктрина, продуктом которой являются программы, учебники, учебные пособия, методические пособия, методики воспитания и обучения, предназначенные для эффективной подготовки подрастающего поколения к профилактике возможной опасности и безопасности;
- ❖ педагогическая теория, раскрывающая сущность, структуру, цели, содержание, педагогические средства, формы и методы, движущие силы, закономерности и принципы обучения и

воспитания готовности к профилактике возможной опасности и безопасности;

- ❖ совместная деятельность педагога и воспитанников по прививанию и развитию культуры личной безопасности;
- ❖ создание педагогом благоприятных условий для усвоения воспитанниками культуры личной безопасности в процессе осознанной, целеустремленной деятельности, направленной на формирование у себя необходимых черт характера, профессионально деловых качеств и норм поведения безопасности;
- ❖ слагаемое содержания воспитания, представляющее систематизированный и адаптированный к условиям педагогического процесса опыт предупреждения и преодоления сотрудником полиции опасных ситуаций;
- ❖ функция воспитания, выражающаяся в устойчивом влиянии педагогического процесса на уровень готовности сотрудников органов внутренних дел к опасным и экстремальным ситуациям профессиональной деятельности;
- ❖ принцип воспитания, ориентирующий педагогов на регулярное формирование и развитие готовности обучающихся к предупреждению и преодолению опасных и экстремальных ситуаций.

Общим для всех подходов воспитания культуры личной профессиональной безопасности является подготовка сотрудника органов внутренних дел к предупреждению и преодолению опасных жизненных ситуаций, т.е. воспитание культуры безопасного поведения, которая выступает педагогическим компонентом формирования личности безопасного типа.

Исходя из этого, можно выделить в структуре профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, в качестве самостоятельного компонента, процесс воспитания культуры личной безопасности.

Воспитание немислимо без обучения; в любом воспитании всегда содержатся элементы обучения. Точно также обучение имеет воспитательный характер. Обучая — воспитываем, воспитывая — обучаем. Области понятий обучения и воспитания частично перекрываются.

Обучение — это специально организованный, целенаправленный, двусторонний, управляемый процесс взаимодействия преподавателей и учени-

ков, направленный на усвоение знаний, умений и навыков, формирование мировоззрения, развитие умственных сил и потенциальных возможностей обучаемых, закрепление навыков самообразования в соответствии с поставленными целями⁵.

Основу обучения составляют знания, умения, навыки, выступающие со стороны преподавателя в качестве исходных компонентов содержания, а со стороны учеников — в качестве продуктов усвоения. Знания — это отражение объективной действительности в форме взаимосвязанных фактов, систем понятий и правил, теоретических обобщений, формул, законов, научных теорий. Умения — это готовность сознательно и самостоятельно выполнять определенные действия на основе высокой теоретической и практической подготовки. Умения представляют собой синтез знаний и навыков. Навыки — это автоматизированный компонент сознательной деятельности, проявляющийся при выполнении определенных действий, доведенных до совершенства путем многократного повторения.

Определение объема, уровня и глубины знаний, навыков и умений, а также уровня общего развития сотрудника при конкретном обучении личной безопасности зависит от профессиональной необходимости профилактики возможной опасности и безопасности.

Обучение также характеризуют как передачу информации от учителя к ученику. Но обучение возможно только при встречной активности ученика в ответ на усилия, прилагаемые учителем для его обучения. Если ученик не будет прилагать ответных усилий, знания у него не появятся. Таким образом, обучение личной безопасности можно охарактеризовать как процесс активного взаимодействия между обучающим и обучаемым, в результате которого у обучаемого формируются определенные знания и умения на основе его собственной активности. При этом преподавателю следует учесть, что:

☛ обучение личной профессиональной безопасности является особым видом подготовки, которая имеет сложную структуру и содержание, и складывается из семи составляющих личной безопасности (перечислены по степени важности): тактической, технической, стрелковой, профессионально-психологической, физической, волевой и натренированности;

☛ каждая группа составляющих личной профессиональной безопасности складывается из определенных структурно-содержательных компонентов, каждый из которых имеет определенное значение для формирования профессиональных качеств обеспечения личной безопасности;

☛ анализ подготовки на современном этапе к обеспечению личной безопасности показал, что в учебных заведениях МВД России в некоторой степени формируются составляющие личной безопасности в процессе изучения таких дисциплин, как «Профессионально-психологическая подготовка», «Физическая подготовка», «Огневая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», «Основы личной безопасности сотрудников органов внутренних дел»;

☛ на современном этапе обучения формируются не все составляющие подготовленности к обеспечению личной профессиональной безопасности и их структурно-содержательные компоненты, а если формируются, то не полностью и не целенаправленно

Все это необходимо учитывать при обучении обеспечению личной профессиональной безопасности.

Соответственно, результатом такого обучения будет образование. В буквальном смысле оно означает процесс и результат усвоения систематизированных знаний, навыков и умений обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудниками органов внутренних дел. В данном случае такое профессиональное образование представляет собой развивающуюся систему с определенными закономерностями, принципами и содержанием.

¹ Ильин Г.П. От педагогической парадигмы к образованию // Высшее образование в России. 2000. № 1. С. 64.

² Далее автором наряду с общим названием «органы внутренних дел» будет применяться и сокращение «ОВД».

³ Сидоров Э.Т. Административно-правовое принуждение в условиях специальных административно-правовых режимов: Монография. М.: Московский университет МВД России, 2004.

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета от 31 декабря 2012 г. № 303.

⁵ Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студентов педагогических вузов: В 2 кн. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. С. 26.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАКТИК ТРАСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА

ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии

Московского областного филиала

Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: mtv-psy@mail.ru

Научная специальность 19.00.06 — юридическая психология

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы использования психотехнологий трансперсональной психологии для обучения преодолению стрессовых воздействий и предупреждению психосоматических расстройств в образовательной среде ведомственного вуза.

Ключевые слова: юридическая психология, трансперсональная психология, психологическая культура, психотехнологии, стрессовые воздействия, эмоционально-волевая регуляция, психосоматические расстройства, дыхательные техники.

Annotation. The article is devoted to the special aspects of applying transpersonal psychology techniques and technologies when training to deal with stress situations, and preventing psychosomatic disorders in educational milieu of ministerial universities.

Keywords: juristic psychology, transpersonal psychology, psychological culture, psychotechnologies, stress factors, emotional and volitional regulation, psychosomatic disorders, breathing techniques.

Современные условия службы в правоохранительных органах предъявляют серьезные требования к сотруднику, в частности к его психофизической и психоэнергетической устойчивости к стрессам, умению действовать в различных нестандартных и чрезвычайных ситуациях. Особенности профессиональной деятельности создают условия, требующие от сотрудника максимального напряжения психических и физиологических функций, повышенного волевого усилия, таким образом вызывая напряженность или стресс. Данные многочисленных исследований¹ указывают на высокий уровень стрессовых воздействий, которым подвергаются сотрудники правоохранительных органов в ходе своей повседневной жизнедеятельности. Все это ведет к распространению среди сотрудников правоохранительных органов различных психосоматических расстройств и заболеваний, состояний нервно-психической дезадаптации, являющихся следствием высокой интенсивности профессионального стресса. Ряд научных публикаций² так-

же указывает на то, что курсанты и слушатели, с одной стороны, подвергаются стрессовым воздействиям образовательной среды ведомственного вуза, а с другой стороны, остаются не подготовленными к профессиональным стрессам, к тому, что их профессиональная деятельность будет связана с повышенной потребностью в активности, с реальной опасностью, с многообразными сложными как физическими, так и умственными действиями, с административным прессингом и враждебностью со стороны лиц, нарушающих закон. В изобилии в профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов встречаются такие неблагоприятные факторы, повышающие психическое напряжение, влекущие за собой дезадаптивные реакции, как физиологический дискомфорт, биологический страх, дефицит времени, повышенная трудность задач, высокая значимость ошибочных действий, присутствие релевантных помех, неуспех вследствие объективных обстоятельств, дефицит информации для

принятия решений, недогрузка информацией (сенсорная депривация), перегрузка информацией, конфликтные условия, т.е. условия, при которых выполнение одного из них требует осуществления действий, противоречащих выполнению другого условия³.

В арсенале психологов есть много методов, техник и психотехнологий преодоления негативных эмоциональных состояний, овладения основами психофизической и психоэнергетической регуляции. Однако, их эффективность зависит от разных причин: мотивации, индивидуально-личностных особенностей, а также уровня профессиональной подготовленности специалиста-психолога и пр. Особое место в этом арсенале занимают практики трансперсональной психологии, которые, с одной стороны, предлагают широкий спектр возможностей в преодолении стрессовых воздействий, а с другой, — представляют собой потенциальный резерв для духовного и личностного развития, расширения мировосприятия, развития креативности и внутренней целостности. Данные технологии работают как механизм, раскрывающий внутренние ресурсы организма на различных уровнях — физическом, психическом и духовном, — ведущий к самоисцелению, к глубинным структурам психики.

На сегодняшний день транспсихология стала «пятой силой» в психологии, наряду с психоанализом, гештальт-психологией, бихевиоризмом и гуманистической психологией. Основателями этого направления следует считать широко известных психологов и психотерапевтов. А. Маслоу, С. Грофа, А. Уотса, М. Мерфи и др.

Особенность трансперсональных практик состоит в том, что они работают с измененными и расширенными состояниями сознания, непосредственно связаны с трансовым опытом, который сугубо индивидуален в каждом конкретном случае. Данные психопрактики имеют большое количество видов (так называемых модальностей) и форматов. Каждый вид и формат имеет свое значение, однако все трансперсональные процессы объединяет одно — они состоят из трех общих этапов. Первый этап вводный, включающий в себя снятие зажимов, создание комфортных условий для входа в измененное состояние сознания (в трансперсональных психопрактиках используется трансовое и расширенные со-

стояния сознания⁴), которое является базой для дальнейшей работы. Второй этап связан с нахождением в измененном состоянии сознания и характеризуется рефлексией или выходом в инсайт. Последний этап — это выход из измененного состояния сознания с обязательным обсуждением процесса в групповом формате или дальнейшей индивидуальной работой в персональной сессии.

Трансперсональные практики имеют свою специфику. Во-первых, они до конца не признаны в отечественной науке. Во-вторых, активно развиваются и интегрируются с самыми разными научными направлениями. В-третьих, представляют собой систему методов целостного (холистического) преобразования. И, наконец, то, что почему-то больше всего настораживает специалистов-психологов ведомственных вузов, представляют собой синтез мировых религиозно-философских учений, древних духовных практик и экзистенциальной психологии.

На сегодняшний день спектр практик трансперсональной психологии весьма широк и достаточно хорошо описан в научной литературе⁵. В психотерапии и психокоррекции активно применяются психотехнологии, основанные на использовании дыхательных техник. В основе этих техник лежит связанное естественное осознанное дыхание, которое позволяет трансформировать проблемный психологический материал в процесс самоинтеграции и развития личности. Особое место среди них занимают дыхательные техники (ребефинг, вайвейшн, Свободное Дыхание, холотропное дыхание), динамические и статические медитации и танцевально-двигательные техники. Данные техники, как пишет Г.Б. Карельский, позволяют индуцировать глубокие трансперсональные переживания... трансцендентного характера, способствующие катарсическим процессам, позитивным личностным изменениям, личностному росту и самопознанию⁶.

В рамках работы научного кружка кафедры с курсантами идет работа по освоению дыхательных техник. Выбор данных трансперсональных практик не случаен. Дыхательные техники, с нашей точки зрения, являются наиболее физиологичными и экологичными методами саморегуляции, а самое главное — целенаправленными и осознанными.

Дыхательные психотехники способствуют преодолению негативных эмоциональных состояний, овладению основами психофизической и психоэнергетической регуляции, но также имеет ярко выраженный волевой аспект. На наш взгляд, именно эти умения могут быть востребованы в чрезвычайных ситуациях, когда нужны срочные меры по саморегуляции⁷. Кроме того, у курсантов, занимающихся дыхательными техниками, отмечается повышение творческого потенциала, гармонизация взаимоотношений с другими людьми, снижение уровня внутриличностной конфликтности, расширение адаптационных возможностей, наблюдаются позитивные личностные и поведенческие изменения.

В процессе использования техник на основе связанного дыхания возникает особое измененное состояние сознания, отличающееся от других измененных состояний сознания осознанностью, контролируемостью, управляемостью, присутствием воли, возможностью в любой момент времени возвращения в обычное состояние сознания.

Сам процесс дыхания отличает двухтактность, отсутствие пауз между вдохом и выдохом; вдох делается на мышечном усилии, а выдох полностью расслаблен и не контролируется. При поддержании такого процесса дыхания в течение относительно длительного времени возникает измененное состояние сознания позволяющее вскрыть подавленные в подсознании проблемные образы

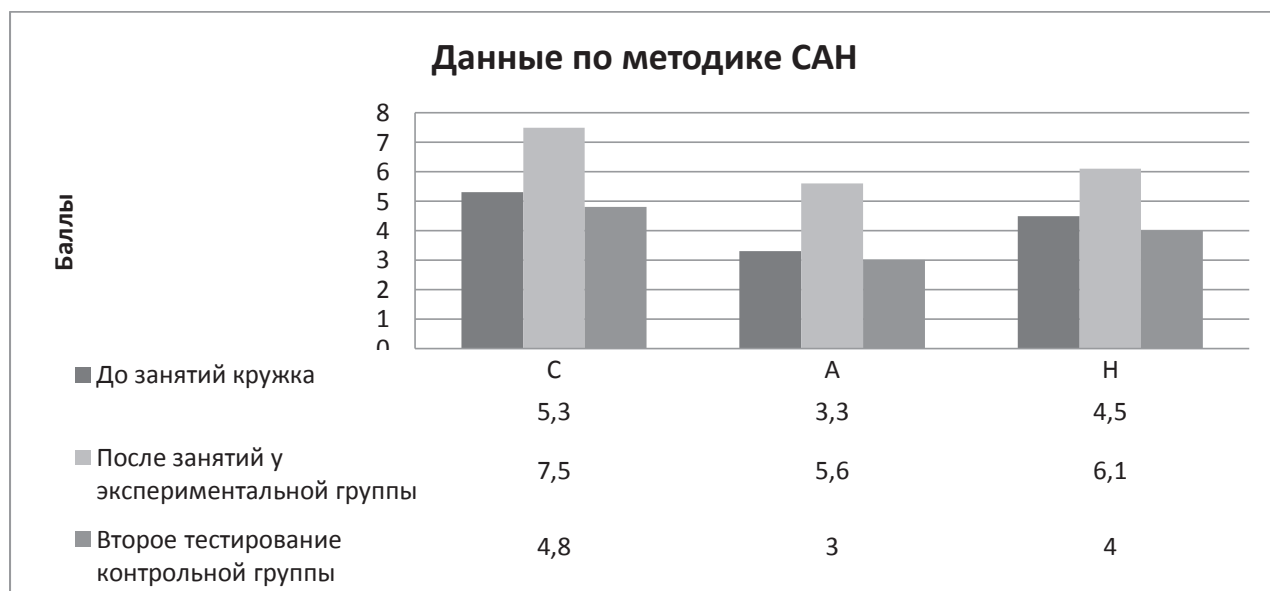
и эмоции, снять их негативный заряд, преодолеть последствия стрессовых воздействий, еще раз осмыслить кризисные моменты биографического опыта.

Во время начальной профессиональной подготовки курсантам первого курса было предложено пройти ряд психодиагностических методик: тест САН⁸ (самочувствие, активность, настроение), тест Спилбергера-Ханина⁹ (реактивная тревожность и личностная тревожность), тест SACS¹⁰ С. Хобфолла (оценка стратегий копинг-поведения). Позже из курсантов первого курса было сформировано две группы: экспериментальная (12 человек) и контрольная (12 человек).

На базе научного кружка кафедры с экспериментальной группой проводилась работа в виде групповых тренингов с использованием различных трансперсональных практик с опорой на освоение дыхательных техник. После десяти сессий, проходивших в течение шести месяцев, было проведено контрольное тестирование экспериментальной группы и контрольной группы по упомянутым методикам. Результаты диагностики представлены в диаграммах.

Как видно из диаграмм, наблюдается статистически значимое ($P < 0,05$) улучшение показателей психологического теста для экспериментальной группы и отсутствие такового у контрольной.

Диаграмма 1



Данные по методике Спилберга-Ханина

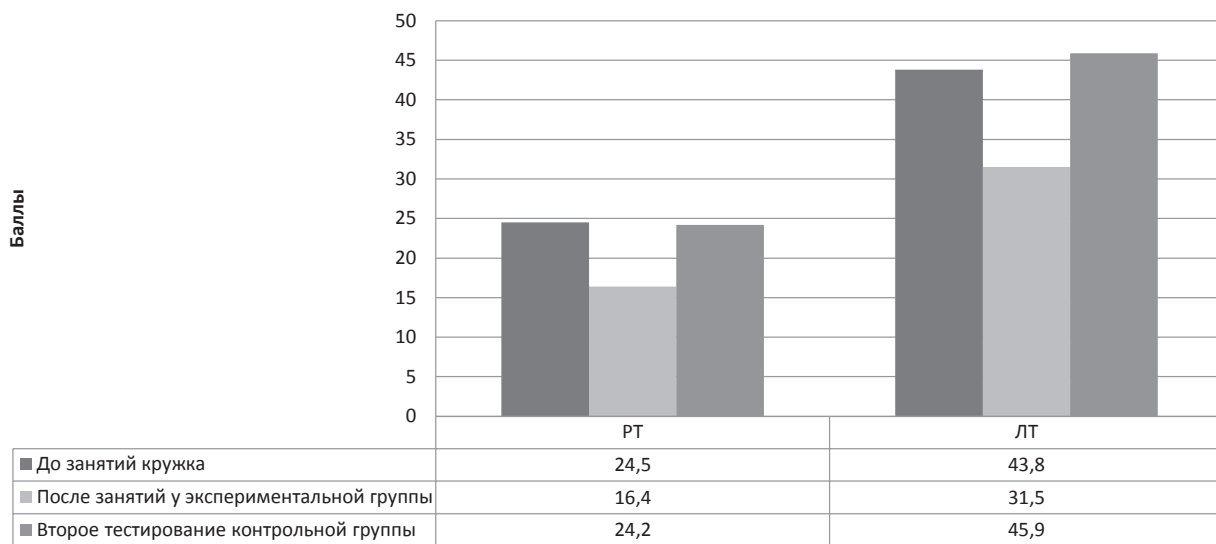
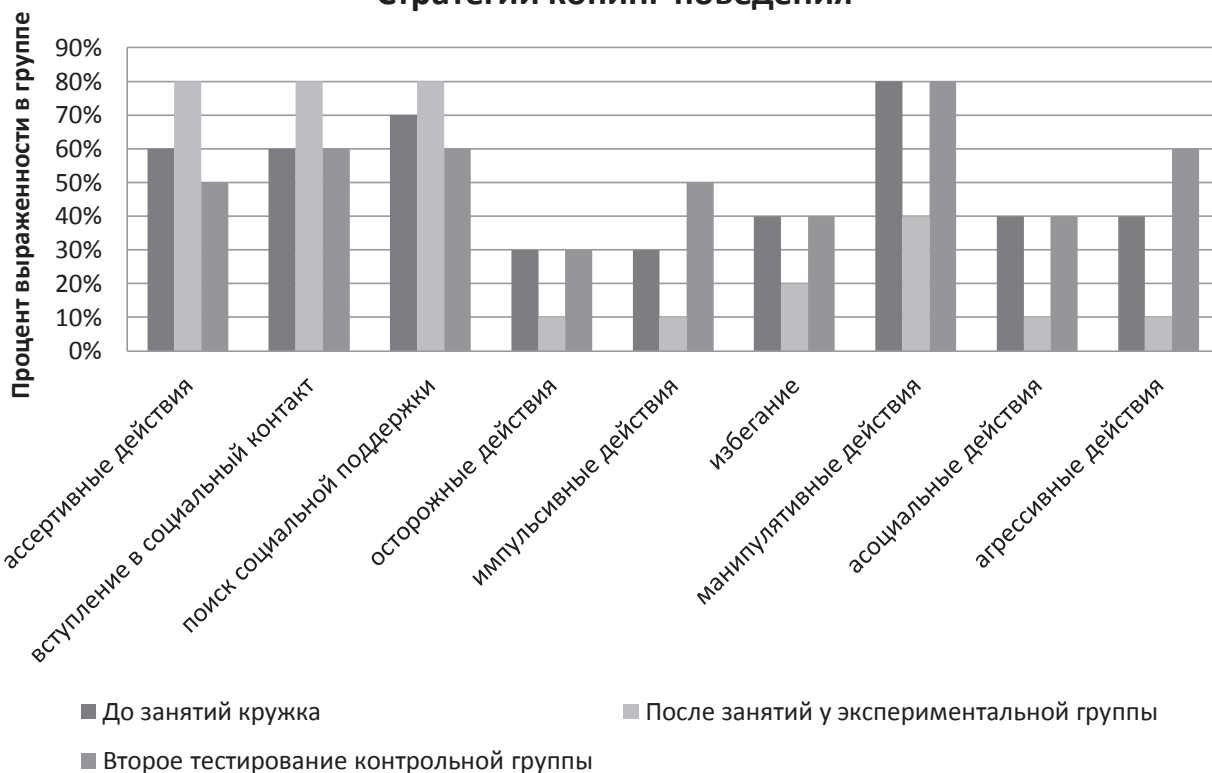


Диаграмма 3

Стратегии копинг-поведения



В процессе исследования было проведено сравнение особенностей поведенческих стратегий и моделей преодолевающего поведения у курсантов экспериментальной группы и контрольной. Как видно из диаграммы 3, после занятий у экспериментальной группы наблюдается повышение использования просоциальных и уменьшение исполь-

зования асоциальных стратегий, а также стратегий, приводящих к неразрешенности ситуации или свидетельствующих о наличии внутренней конфликтности¹¹ (осторожные, импульсивные, манипулятивные действия и избегание). У контрольной группы значимые изменения либо не наблюдаются, либо идет возрастание показателей, что, с одной сторо-

ны, свидетельствует об идущих процессах адаптации к образовательной среде ведомственного вуза (поиск социальной поддержки), а с другой, — о ее неуспешном векторе (импульсивные и агрессивные действия).

Результатом работы по освоению дыхательных техник курсантами первого курса стало позитивное воздействие на их психофизическое состояние, личностный рост, развитие осознанности, переосмысление жизненных позиций, креативность, а также освоение техники психофизической регуляции, управления психоэмоциональной сферой, самооздоровления. В процессе годовой работы с первым курсом у курсантов, занимающихся в научном кружке кафедры, прослеживается изменение мировоззрения в сторону расширения взглядов, способности к восприятию нового, более мудрого и терпимого отношения к жизни, рост внутренней независимости, конструктивное приятие себя, что позитивно влияет на уровень самооценки и способность к самоактуализации.

Итак, наличие в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов и в образовательной среде ведомственных вузов стрессовых воздействий, вызывающих дезадаптивные нарушения психоэмоциональной сферы, нарушения интеллектуальных функций, снижение психической устойчивости и адаптационных возможностей организма, повышение тревожности, определяет целесообразность использования целенаправленной психокоррекции.

Использование дыхательных техник трансперсональной психологии оказывает позитивное влияние на психоэмоциональное состояние, умственную и физическую работоспособность, адаптационные резервы организма. Практическим психологам ведомственных вузов следует активно применять практики трансперсональной психологии для психологической регуляции и коррекции психического состояния у курсантов.

¹ Антонова Н.А. Социально-психологические факторы нервно-психической дезадаптации сотрудников силовых структур: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2009; Гольцева Т.П. Особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции, влияющие на возникновение негативных психических состояний // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 221—227; Пряхина М.В. Влияние внутриорганизмических источников стресса на нервно-психическую адаптацию сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47);

Павлова С.А. Влияние эмоциональных особенностей личности на эффективность деятельности сотрудников ОВД в нестандартных ситуациях // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4—2 (28). С. 43—48; Пряхина М.В., Кобозев И.Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика. СПб., 2011; Уразаева Г.И. Нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел и психологическая безопасность их личности. Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Казань, 2012. С. 576—582; Шихова А.П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2009 и др.

² Макаренко Ю.Б. Особенности профессионального самоопределения курсантов вуза МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1 (19). С. 88—91; Петров В.Е., Харитиди Д.П. Динамика личностного становления студентов-юристов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск, 2013. № 1 (52). С. 33—37; Петрова А.С., Шелепова М.А. Профессиональная адаптация молодых специалистов ОВД: понятие и пути совершенствования // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск, 2011. № 3 (46). С. 29—33; Стряпина Н.В. Личностные особенности курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, склонных к девиантному поведению, и возможности их профилактики и коррекции // Вестник психотерапии. 2007. № 21. С. 49—66; Уразаева Г.И. Стратегия психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8). С. 98—102; Филимонов Н.М. Психолого-педагогические условия совершенствования подготовки курсантов вузов МВД России к преодолению трудностей в профессиональной деятельности // Актуальные проблемы преподавания психолого-педагогических дисциплин в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24 апреля 2013 г. Руза: Московский областной филиал МосУ МВД России, 2013. С. 189—192 и др.

³ Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001. С. 531—536.

⁴ Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Издательство Института Психотерапии, 2005. С. 12—15.

⁵ Козлов В.В. Указ. раб.; Козлов В.В., Майков В.В. Основы трансперсональной психологии. Истоки, история, современное состояние. М., 2004; Лабковская Г.С. Интенсивные интегративные психотехнологии, трансперсональная психология и духовное целительство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.terton.ru/biblioteka.html> (дата обращения 10 апреля 2014 г.) и др.

⁶ Карельский Г.Б. Эстетические особенности переживаний в измененных состояниях сознания // Дис. ... канд. философ. наук. М., 2001. С. 12.

⁷ Петров В.Е., Филипенкова Н.Ф. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие — Домодедово: ВИПК МВД России, 2013.

⁸ Практикум по психологии состояний: учебное пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. СПб: Речь, 2004. С. 19.

⁹ Там же. С. 121.

¹⁰ Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб., 2001. С. 313—316.

¹¹ Мальцева Т.В. Психологическое консультирование курсантов и слушателей высших образовательных учреждений МВД России в ситуациях внутриличностных конфликтов профессионального становления: монография. Московский университет МВД России. Изд-во УРАО, 2005. С. 76—82.

**ПРЕОДОЛЕНИЕ
«МОЛЧАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ»
КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МУХОРТОВ,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Уфимского юридического института МВД России

E-mail: muhortov.002@mail.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства, история правовых учений

Рецензент: кандидат юридических наук Хисматуллин О.Ю.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена проблема «молчания законодателя», раскрыта ее сущность, проанализирован современный научный подход к данной проблеме. Представлен авторский подход к различию категорий «молчание законодателя» и «пробел в праве»; предложено решение обозначенной проблемы в рамках правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: молчание законодателя, пробелы в праве, правоприменение, правоприменительная деятельность.

Annotation. Based on the modern scientific approach the article considers the problem of «silence of the legislator» and its essence. The author's approach to the categories «silence of the legislator» and «gap in the law» allowed to propose the solution to the problems within the framework of enforcement activities.

Keywords: the silence of the legislator, the gaps in law, law enforcement, law enforcement activity.

В отечественной доктрине права преобладает мнение о том, что общепринятое представление о пробелах в праве уже сложилось, а дискуссии идут лишь в отношении сферы (пределов) правового регулирования. Но пределы юридической регламентации, а значит и природу пробела невозможно определить без точного понимания, когда законодатель преднамеренно молчит. Думается, что понятие «молчание законодателя» не может и не должно быть «зачислено» в разряд узкоспециальных либо популярно-публицистических и потому второстепенных, вспомогательных, малозначимых.

Авторы многих работ по теории права и государства и отраслевым юридическим наукам, освещающая проблемы реализации права, считают возможным обходиться без употребления этого понятия. Так, В.В. Лазарев, рассуждая о «ситуации, когда правоприменитель не находит нормы, регулирующей установленные факты», утверждает, что «из этого следуют по меньшей мере два вывода:

или законодатель не считает необходимым регулировать данные обстоятельства и принимать по ним какие-либо решения юридического характера, или же налицо пробел в законе» [1, с. 454; 2, с. 320—346].

Возникает вопрос: как правоприменителю достоверно определить: считает или не считает законодатель необходимым регламентировать определенный вопрос, общественные отношения, фрагмент деятельности? Есть ли для этого определенные критерии, сколько их, кто их выработал и где они официально закреплены?

«Молчание законодателя» — общеправовой феномен. Вполне возможно, что эта категория находится на стыке понятийных рядов теории правосознания, теории правотворчества, теории интерпретации и теории реализации права.

Полагаем, что ныне проблема пробелов в праве (и в науке, и на практике) необоснованно гипертрофирована и чрезмерно расширена. Сфера «функ-

ционирования пробелов в праве», если можно так выразиться, гораздо уже, а вредные последствия, которые они вызывают, значительно меньше, чем принято считать и заявлять об этом. Главная причина сложившейся методологической проблемы заключается в том, что из поля зрения правоведов выпал феномен «молчание законодателя».

Прежде чем констатировать пробел в праве необходимо достоверно доказать, что здесь отсутствует «молчание законодателя». «Молчание законодателя» в некоторых правовых системах означает вполне определенную государственную позицию. Мусульманская правовая культура, например, традиционно исходит из того, что в шариате нет и не может быть пробелов, ибо в мусульманской правовой доктрине изначально имеются ответы на все вопросы и существуют правила на все случаи жизни [3, с. 8; 4, с. 777].

Государства, применяющие прецедентную систему права, по сути, также ориентированы на беспробельность права. Все правовые коллизии, включая пробел в законодательстве, должен разрешить по своему усмотрению уполномоченный правоприменитель (судья либо административный орган). В этом смысле можно сказать, что право не имеет пробелов, поскольку закон или обычное право совсем не дают ответа или дают ответ недостаточно полный, постольку постоянно существовало прямо или молчаливо выраженное общее правило, отсылающее к судебному усмотрению. Ст. 4 Кодекса Наполеона гласила, что «судья, который откажется судить под предлогом молчания, темноты или недостаточности закона, может подлежать преследованию по обвинению в отказе в правосудии» [5, с. 490].

В трактовке профессора Морозовой Л.А. мнимые пробелы — «преднамеренное молчание законодателя, то есть когда он сознательно оставляет вопрос открытым, предлагая передать его решение на усмотрение правоприменителя, или законодатель сознательно выводит данные общественные отношения за сферу правового регулирования» [6, с. 288]. Такие действия законодателя, по ее мнению, именуют квалифицированным молчанием.

«Мнимый пробел в праве, — по мнению А.В. Малько, — ситуация, когда законодатель не

считает целесообразным урегулирование того или иного вопроса правовыми средствами» [7, с. 81]. Получается странная «гносеологическая картинка» — квалифицированное молчание законодателя отождествляется с «мнимым пробелом». Однако, неясно: для чего одно и то же правовое явление обозначается столь разными понятиями.

Такая ситуация порождает немало коллизионных проблем и трудноразрешимых конфликтов в самых разных областях правового регулирования современной России. К примеру, не имея своего интереса в результатах деятельности обществ с ограниченной ответственностью, государство перестало регулировать отдельные аспекты их правового функционирования. Так, в законодательстве об акционерных обществах не устанавливаются правовые последствия истечения срока, на который избран исполнительный орган. Возникает вопрос: это пробел или «квалифицированное молчание законодателя»? Внимательное ознакомление с текстом законов и иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность обществ с ограниченной ответственностью, приводит к вполне определенному выводу о том, что отсутствие законодательного регулирования последствий истечения срока, на который избран исполнительный орган, представляет собой «квалифицированное молчание законодателя».

«В праве пробелов нет и быть не может» — этот тезис был выдвинут очень давно [8, с. 312—314] и, к сожалению, до сих пор оказывается непровергнутым. Налицо определенные неясности в самой юридической науке. Исследование «квалифицированного молчания законодателя» — один из возможных вариантов разрешения векового спора. Это вопрос не только догмы права, юридической техники, но и законодательной политики.

Надо точно знать, какие виды деятельности не могут и не должны быть предметом правового регулирования. Иллюстрируя это положение, как правило, ограничиваются сферой частной жизни, и никто не пытается предложить иерархическую таблицу видов юридически «незначимой» деятельности.

Нельзя упускать из виду тот факт, что сферу правового регулирования очерчивает государство и именно ему решать, что и как регламентировать.

Было бы логичным принять юридическую норму, где зафиксировать: «молчание законодателя» не может рассматриваться в качестве пробела в законе, а юридическое дело должно быть рассмотрено компетентным органом по существу в духе обеспечения прав и свобод, основываясь на принципах действующего законодательства, а также принципов и норм морали. Такая радикальная новелла не только ускорит факт признания в России судебных и административных прецедентов источником права, но и кардинально усилит правозащитную систему нашего государства, качественно усовершенствует весь юридический процесс. Кроме того, уйдет из научного лексикона странное понятие «мнимого пробела», под которым многие авторы понимают «отсутствие правовой нормы, регулирующей общественные отношения, по своему характеру не являющиеся правовыми» [9, с. 233]. Ход мыслей таких авторов понять трудно, ибо неясно — как они собираются отличать правовые отношения от неправовых отношений, если нет никакой юридической нормы?

Многое в этой проблеме могло бы проясниться, если бы состоялось комплексное широкомасштабное исследование истинных глубинных причин того феномена, что юристы именуют «пробелом в законодательстве». Почти всегда одной из главных причин пробелов называют отставание законодательства от развития общественной жизни. Время правовой регламентации той или иной юридически значимой деятельности определяет государство и никто с достоверностью не может утверждать, когда именно это надо сделать, ибо всех фактов и обстоятельств общественной жизни не знает никто. Между тем не только в научной, но и в учебной литературе пишут о небрежности законодателя, о его непростительном создании пробелов в праве [9, с. 232—233].

Однако, есть случаи установления в законодательстве границ юридической регламентации. Например, ст. 2 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38 (ред. от 28.12.2013г.) «О рекламе» называется «Сфера применения настоящего Федерального закона» [10]. В статье не только четко обозначено, что закон применяется к отношениям в сфере рекламы независимо от места ее производства, если распространение рекламы, осуществляется на территории Российской Федерации, но и в п. 2 этой статьи пере-

числяется девять объектов, на которые закон не распространяется (политическая реклама, в том числе предвыборная агитация и агитация по вопросам референдума, вывески и указатели, не содержащие сведений рекламного характера и т.п.).

И совсем неважно, что некоторые исследователи считают это пробелом в рекламном законодательстве: государство установило сферу применения закона именно в таком аспекте. А вот Уголовный кодекс Российской Федерации, видимо, в силу традиции, понятие «сфера применения закона» в разд. 1 Общей части не содержит. Нет его и в разд. 1 Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

«При отказе законодателя от правовой регуляции данных обстоятельств, — верно подчеркивал В.С. Нерсисянц, — соответствующие фактические обстоятельства не имеют юридического значения... По таким обстоятельствам, — пояснял он, — не следует возбуждать юридическое (правоприменительное) дело, а по уже возбужденному делу необходимо вынести соответствующее решение с учетом их юридической незначимости («юридической ничтожности»)» [11, с. 489].

Ни один ученый-правовед, ни один даже самый опытный юрист-практик не может додумывать за законодателя и решать — следовало или не следовало ему регулировать то или иное общественное отношение. Приводимые В.М. Сырых примеры, когда демократические нормы долгое время бездействовали из-за отсутствия специальных актов, определяющих порядок их реализации (право граждан на обжалование действий должностных лиц, право на возмещение государством вреда, причиненного их имуществу преступными деяниями), «бьют мимо цели». Политический режим того времени (90-е гг. XX столетия) не желал реализации этих прав, для этого не было экономических возможностей, да и сейчас их явно недостаточно.

Чувствуя неоднозначность своей позиции, В.М. Сырых был вынужден выразить свою позицию следующим образом: «тезис о том, что правоприменитель связан волей законодателя в случаях квалифицированного пробела, является недостаточно точным. Он противоречит общему принципу права, согласно которому ни один правоприменительный орган не может отказывать в решении

дела по мотивам отсутствия необходимой нормы права» [12, с. 287]. Сознательное умолчание законодателя не преодолевается в процессе правоприменения по объективным причинам. Решающее значение, чаще всего, имеет не само намерение законодателя, а невозможность принятия правоприменительного акта из-за отсутствия законодательства в достаточно специфической сфере общественных отношений, не восполняемого действующим законодательством.

Таким образом, есть необходимость во внедрении в научный аппарат и в законодательство понятия «молчание законодателя». Предлагаемое понятие позволит охватить все те ситуации, когда законодатель осознает необходимость юридического регулирования того или иного фрагмента человеческой жизнедеятельности, желает и имеет намерение осуществить правовую регламентацию, но в силу самых разных причин и обстоятельств фактически не в состоянии это сделать. В завершении статьи предлагаем принять юридическую норму, где зафиксировать, что в случае «молчания законодателя» юридическое дело должно быть рассмотрено компетентным органом по существу исходя из духа обеспечения прав и свобод, основываясь на принци-

пах действующего законодательства, а также принципов и норм морали.

Литература

1. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М.: 2002.
2. *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: Учебное пособие: В 2-х т. Т. 1. Ярославль, 2005.
3. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.
4. *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. СПб., 2003.
5. *Эннексерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1949. Т. 1. Полумтом 1. Введение и общая часть.
6. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М., 2002.
7. Краткий юридический словарь. М., 2007.
8. См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: Учебное пособие: В 2 т. М., 1995. Т. 2.
9. См.: *Румынина В.В.* Теория государства и права: Методическое пособие / В.В. Румынина, А.В. Клименко. М., 2002.
10. СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
11. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2000.
12. *Сырых В.М.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М., 2002.



Юридическая этика: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [И.И. Аминов и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

В соответствии со структурой курса и основными категориями этики в пособии раскрываются содержание и социальная ценность профессиональной этики юриста, выделяются виды этики, нравственные аспекты назначения российского уголовного процесса и его принципов, институтов уголовно-процессуального доказывания и мер уголовно-процессуального принуждения, нравственные основы деятельности в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса, а также вопросы культуры уголовно-процессуальной деятельности. Значительное внимание уделено истории развития нравственно-правовых идей в России, этическим требованиям, предъявляемым к следователям, прокурорам, адвокатам и судьям.

Для студентов юридических факультетов и институтов, будущих работников правоохранительных органов, судов, прокуратуры и т.д., а также юристов-практиков.

ПРЕДЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЮЛИЯ ГРИГОРЬЕВНА БЕЛЯЕВА,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин

Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

E-mail: Julia18flash@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются признаки пределов законодательного ограничения прав государственных служащих в современной России. В соответствии с конституционными установлениями, регламентируя правовой статус государственных служащих, порядок поступления и прохождения государственной службы, государство применительно к этой сфере может устанавливать пределы и ограничения прав служащих с учетом обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов.

Ключевые слова: правовой статус; государственный служащий; запреты; требования; правовые пределы и ограничения прав государственных служащих.

Annotation. The article analyzes the characteristics of the limits of legislative restrictions of the rights of civil servants in modern Russia. In accordance with the constitutional provisions regulating the legal status of civil servants, the procedure of admission and the civil service, the state in relation to this sphere can set the limits and restrictions of the rights of employees, to ensure the balance of the constitutional protected values and interests.

Keywords: legal status; a state official; prohibitions; requirements, legal limits and restrictions of the rights of civil servants.

Пределы законодательного ограничения государственно-властных субъектов — это один из принципов организации их деятельности в границах правового государства и юридическое средство законодательного регулирования. Ограничение в праве, как производное от правового ограничения, являет собой сложный юридический феномен, системно включенный во все сферы жизнедеятельности отдельного человека и государства в целом. Его генезис характеризуется поступательным историко-правовым развитием как в науке, так и в практике — от специально-отраслевых интерпретаций до общего теоретико-правового доктринирования¹, от конституционного до конкретно-законодательного закрепления. Как и другие социальные регуляторы, правовые пределы и ограничения прав имеют особые признаки, зависящие от особенности само-

го законодательства, в котором они находят свое закрепление.

Анализируя пределы законодательного ограничения прав государственных служащих, классифицируем их по признакам.

1. Правовые пределы деятельности государственных служащих регламентируют определенные дозволения, которые выражены посредством прав, обязанностей и требований, составляющих статус государственного служащего. Например, государственному служащему предписано «исполнять свои должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом; исполнять поручения соответствующих руководителей, данные в пределах их полномочий, установленных российским законодательством; соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы гражд-

дан и организаций; соблюдать служебный распорядок государственного органа»². Что касается прав, то уместно привести пример дозволения для государственного служащего, который «вправе с предварительным уведомлением представителя нанимателя выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет за собой конфликт интересов»³.

2. Правовые пределы определены в законодательстве Российской Федерации. Нормы, устанавливающие правовые пределы для государственных служащих, закреплены в Основном законе государства — Конституции РФ в форме основания и правовых принципов государственной власти, ее компетенции (функций и полномочий), определенных запретов как средств ограничительного характера, а так же «в виде принципов права, которые должны определять содержание позитивного права и практики его реализации»⁴. Например, согласно ст. 10 Конституции РФ: «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»⁵. А в п. 3 ст. 11 Конституции РФ установлено, что «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий».

В федеральных конституционных законах и в федеральных законах установлены правовые пределы, составляющие правовое положение непосредственно конкретных органов государственной власти. Например, согласно п. 6 ст. 29 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции, если имеет «близкое родство или свойство (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители и дети супругов) с сотрудником полиции, а также если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому»⁶.

Акты Конституционного Суда РФ также имеют большое значение в регулировании правовых пре-

лов деятельности органов государственной власти, так как именно Конституционному Суду РФ дано право конституционного контроля на предмет соответствия законодательства Российской Федерации Конституции РФ, а также толкования ее положений. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. сказано: «Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц. Граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, в свою очередь, соглашаются с ограничениями, которые обуславливаются приобретаемым ими правовым статусом, а потому установление особых правил прохождения государственной службы, включая правоохранительную службу, и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных ст.ст. 32 (ч. 4) и 37 (ч. 1) Конституции Российской Федерации права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, находится в полном соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, допускающей в установленных ею целях ограничения прав граждан федеральным законом, и не противоречит п. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 1958 г. относительно дискриминации в области труда и занятий, согласно которому различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определенной работой, не считаются дискриминацией»⁷.

3. Правовые пределы выступают в качестве инструмента системы права, так как воплощаются с помощью правовых средств «как позитивных, так и негативных»⁸.

В соответствие с Конституцией РФ государству предоставлено право использовать определенные юридические «позитивные» средства по организации государственной власти для целей, стоящих

перед государством и обществом. Они оформляются посредством функций и властных полномочий, принципов организации и деятельности органов государственной власти и их должностных лиц. Например, в своем Постановлении от 21 марта 2014 г. № 7-П Конституционный Суд РФ указывает: «осуществляя в соответствии с п. г, м, т ст. 71 Конституции РФ правовое регулирование отношений, связанных с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, в том числе устанавливая требования к сотрудникам, проходящим службу в органах внутренних дел, обусловленные возложением на них обязанностей правоохранительной деятельности, и последствия невыполнения этих требований, федеральный законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации принципы справедливости, равенства и соразмерности, а вводимые им нормы должны отвечать критериям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания»⁹.

Так, в подпункте 4 п. 3 ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел» четко установлено, что «ограничение прав и свобод человека и гражданина в отношении сотрудника органов внутренних дел допускается федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для выполнения задач, связанных с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и для обеспечения безопасности государства»¹⁰.

Так же государству дано право применять и так называемые «негативные» юридические средства разрешительного правового регулирования, отличающиеся такими свойствами как упорядоченность, конкретизация, процессуально-процедурная форма закрепления, а также обеспеченность государственно-властным принуждением. В практическом применении данные правовые средства призваны обеспечить четкую организованность, дисциплину,

порядок и регламент деятельности органов государственной власти и их должностных лиц.

4. Правовые пределы являются не только основой разрешительного правового регулирования, но и основой правового ограничения функционирования государственной власти.

Так, говоря о принципах правового государства, уместно выделить два из них:

- первый, раскрывающий социальную сторону сущности правового государства — наиболее полное обеспечение прав человека и гражданина;
- второй — показывает формально-юридическую сторону правового государства — это последовательное связывание государственной власти правом и формирование для государственных органов режима правового ограничения.

Первый принцип четко зафиксирован в ст. 2 Конституции РФ: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»; государство должно, следуя этому принципу, создать систему социальных средств, при которой конституционные права и свободы человека будут на первом месте, а осуществление функций государственной власти будет вторичны.

Что касается второго принципа, уместно привести высказывание А. Эсмана, который еще в начале XX в. писал: «Индивидуальные права представляют все одну общую черту: они ограничивают права государства. Государство должно воздерживаться от вмешательства в известные области, предоставляя известный простор личной деятельности...»¹¹.

Государство, каким бы оно ни было, не может само себя ограничить. Государственную власть могут ограничить именно права и свободы человека, воля гражданского общества, составляющие главную часть права. «Кто защищает свое право, — писал Р. Иеринг — тот в узких пределах его защищает право вообще»¹². Так, в Федеральном законе «О государственной гражданской службе» говорится: «гражданский служащий обязан соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций»¹³.

Так же ко второму принципу правоограничений государственной власти можно отнести принцип разделения властей, выдвинутый Дж. Локком и Ш. Монтескье, главное требование которого заклю-

чается в том, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти самостоятельные, взаимодерживающие друг друга, осуществляющие свои функции посредством особой системы органов государственной власти. В частности, данная система сдержек и противовесов установлена в Конституции РФ (ст. 10, 11) и в российском законодательстве посредством норм, закрепляющих правовые ограничения в отношении государственных органов вышеназванных ветвей власти.

5. Правовые пределы, применительно к органам государственной власти и их должностным лицам, осуществляя правовое регулирование должны достигать социально полезные цели и задачи. Среди таких целей является ориентирование государственных служащих на выполнение государственно-служебных полномочий и исключение различных злоупотреблений со стороны служащих, а также предотвращение использования в своих личных целях служебного положения¹⁴. Для примера можно привести п. 4 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» где говорится, что «гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы категории «руководители» высшей группы должностей гражданской службы, в целях исключения конфликта интересов в государственном органе, не может представлять интересы гражданских служащих в выборном профсоюзном органе данного государственного органа в период замещения им указанной должности».

6. Правовые пределы призваны выполнять регулятивную и охранительную функции.

Так, регулятивная функция осуществляется путем нормативного закрепления функций, обязанностей, запретов и на добровольной основе исполнения властных полномочий органами государственной власти и их должностных лиц для обеспечения устойчивости и стабильности социально-правовой системы. Например, «гражданский служащий — гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств

федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации»¹⁵.

В свою очередь, охранительная функция правовых пределов, как указывает С.С. Алексеев, «как бы «растворена» во всех институтах права, и основным средством ее проявления является принуждение лиц к юридической ответственности»¹⁶. Например, «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет»¹⁷.

7. Правовые пределы определяют статическое состояние правового статуса органов государственной власти и их должностных лиц. Так, статическое состояние компетенции органов государственной власти и их должностных лиц регулируется законодательством Российской Федерации, например, Федеральным конституционным законом от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе», Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и многими другими законодательными актами.

Итак, правовые пределы установленные Конституцией РФ, являются первичными, а закрепленные в других нормативно-правовых актах — производные; материальные, с помощью которых государство осуществляет воздействие посредством прямого правового регулирования и процессуальные, являющиеся

юридической категорией и одновременно процессуальной формой выражения; в зависимости от направленности юридических средств правовые пределы могут быть как позитивные, так и негативные; разрешительные и ограничительные правовые пределы; в зависимости от функциональных начал — регулятивные и охранительные; правовые пределы, являющиеся частью правового статуса могут быть конституционные, уголовные, административные и др.

Проведенный анализ показал, что правовые пределы организации и деятельности органов государственной власти и государственных служащих представляют собой установленные и закрепленные на законодательном уровне пределы и ограничения прав служащих, в которых определена юридическая фабула государственной власти.

Представляется, что специфика государственной службы как профессиональной деятельности, гарантирующей реализацию полномочий государственных органов, опосредуется специфическим правовым статусом государственных служащих. Исходя из этого, регламентируя правовой статус государственных служащих, порядок поступления и прохождения государственной службы, государство, применительно к этой сфере, может устанавливать пределы и ограничения прав служащих, с учетом обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов.

Таким образом, следует сказать, что ключевыми положениями, регламентирующими включение ограничений прав государственных служащих в систему правоотношений, выступают установления ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, определяющие юридические пределы и фактические условия их применения. При этом косвенным подтверждением соблюдения принципов конституционного строя в данном вопросе выступает наличие в указанной норме закрытого перечня условий ограничения субъективных прав служащих, а также их непосредственная взаимосвязь с формально-юридической стороной вопроса — конституционной гарантией от злоупотребления в части определения таких ограничений непосредственно федеральным законом. Более того, как представляется, данное конституционное положение в последующем ориентирует законодателя на обязательное и четкое установление в федеральном законе конкретных условий и пределов ограничений субъек-

тивных прав государственных служащих в соответствующей правовой ситуации, в чем также прослеживается правообеспечительный потенциал.

¹ См.: *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2004. С. 106.

² Ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 2 апреля 2014 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

³ Ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 2 апреля 2014 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

⁴ *Варламова Н.В.* Доклад, представленный на первых философско-правовых чтениях памяти академика В.С. Нерсесянца // Право и политика. 2006. № 12. С. 37.

⁵ Конституция РФ 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ поправкам к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ и от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

⁶ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 3 февраля 2014 г.) // Российская газета. 2011, 10 февраля.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. № 7-П По делу о проверке конституционности положения п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерова, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160804/

⁸ См.: *Карташов В.Н.* О системном и ситуационном подходах к проблеме ограничения прав человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву : сб. науч. тр. / под. ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 1998. Ч. 1. С. 43—47.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. № 7-П По делу о проверке конституционности положения п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерова, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160804/

¹⁰ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 21 марта 2014 г.) «О службе в органах внутренних дел» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

¹¹ *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб, 1909. С. 398.

¹² *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб, 1907. С. 44.

¹³ П. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 2 апреля 2014 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

¹⁴ См.: *Манохин В.М.* Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. С. 175.

¹⁵ Ст. 13 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 2 апреля 2014 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

¹⁶ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1: Введение. Сущность социалистического права. С. 64—67.

¹⁷ Ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>

ЗАКОН СИЛЬНЕЕ ВЛАСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛЬГИНА,

кандидат юридических наук, доцент Одинцовского гуманитарного института

E-mail: office@unity-dana.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема обеспечения правосудием прав и свобод человека. Анализируется установка «закон сильнее власти».

Ключевые слова: власть, закон, права и свободы человека, уполномоченный по правам человека.

Annotation. The problem of providing the justice of rights and freedoms of man is examined in the article. Setting is analysed a «law is stronger than power».

Keywords: power, law, rights and freedoms of man, authorized on human rights.

В Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституцией РФ, признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, определяя смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Данные права являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием.

Прежде всего хотелось бы отметить, что проблемы соблюдения прав и свобод человека, которые, безусловно, есть в любой стране мира, по своей природе не должны отождествляться с проблемами политики. Взгляды и убеждения любого человека, его партийная принадлежность, любые факты биографии, образование, род занятий, сексуальная ориентация — ничто не может быть основанием для ограничения его прав и свобод иначе, как в соответствии с законом.

К сожалению, в результате чрезмерной политизации многих традиционных аспектов правозащитной тематики в обществе складываются очаги напряженности, возникает дефицит взаимной терпимости и самоограничения. Это чревато радикализацией общественного протеста и мер противодействия ему со стороны государства.

Мы затронем достаточно важную проблему — проблему гарантированности обеспечения прав человека правосудием.

В связи с этим, прежде всего, хочется привести эпиграф из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 г.: «Закон сильнее власти». Почему же мы решили взять эпиграф именно Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации?

Прежде всего потому, что должность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в отдельных субъектах Российской Федерации занимает свое особое место в правовой системе России.

Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, а также уполномоченных по правам человека в отдельных субъектах Российской Федерации необходимо рассматривать исключительно как должностным лиц, призванных, наряду с представителями иных должностей, обеспечивать соблюдение прав и свобод граждан в Российской Федерации.

Именно должность уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и в отдельных субъектах Российской Федерации предназначена для устранения нарушенных прав и свобод человека как по инициативе представителей этой «должности», так и при обращениях лиц, считающих свои права и свободы нарушенными.

В основу законодательства об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, а также уполномоченных по правам человека в отдельных субъектах Российской Федерации по-

ложена концепция приоритета интересов личности по отношению к интересам общества и государства (ст. 2 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.).

На основании этих положений рассмотрим отдельные положения доклада Уполномоченного по правам человека в РФ, а вернее, проанализируем его понимание того фактора, каким должен быть закон, чтобы он стал сильнее власти.

Чтобы закон стал ЗАКОНОМ, он должен вызывать признание и уважение граждан и не должен превратиться в служанку конъюнктуры.

Закон должен быть итогом серьезных общественных дискуссий, а не предшествовать им.

В строгом соответствии с буквой и духом Конституции Российской Федерации новые законы должны конкретизировать, а не ограничивать сформулированные в ней права и свободы российских граждан.

И, конечно, в законе не должно быть места правовым неопределенностям.

На первый взгляд может показаться, что все перечисленное — прописные истины, которые должны приниматься как аксиомы. Очевидно, это так и есть. И смысл, и дух Конституции РФ ориентированы именно в этом направлении. Да и политика Российской Федерации идет таким же путем. Но почему же тогда закон, увы, до сих пор не стал выше власти? Да и возможно ли, чтобы закон всегда, в любых обстоятельствах был выше власти? Вопрос скорее риторический, потому что ни в одной стране мира добиться этого пока не удалось.

О том, что право занимает более высокие позиции, нежели государство, говорил еще древнеримский философ Цицерон. В правовом демократическом государстве право является единственным источником власти.

Должностные лица, члены государственного аппарата, а также президент не имеют права действовать вопреки закону, игнорировать положения конституции. Эта идея стала главным принципом политической власти — верховенства закона над государством. Ведь главной функцией государства является гарантия соблюдения действующего законодательства. Лица, обладающие политической властью, не могут принимать субъективные законы,

которые бы притесняли в правах и интересах граждан государства.

Напомним, что начало развития учения о правовом государстве уходит своими корнями в период ранних цивилизаций. Именно тогда люди впервые начали задумываться о том, чтобы упорядочить общественные отношения. Первыми методами в то время были обычаи и традиции, на основе которых было зарождалось современное право.

Однако, в период зарождения и расцвета первых империй учение о праве как о гармоничном регуляторе социальных отношений начало постепенно отходить на второй план. Власть во многих империях была узурпирована правителями и членами их семей. Законы в таких государствах защищали права и интересы власть имущих, а не граждан. Идеи о правовом государстве возродились в Средневековой Европе, в частности в Англии, где в 1328 г. был принят закон, который впервые ограничивал влияние монарха на судебное производство. Философское определение понятию «правовое государство» дали известные философы Г. Гегель и И. Кант.

В связи с этим интересным представляется мнение Ю.А. Тихомирова: «В переустройстве общества, которое с таким трудом происходит в нашей стране, два явления привлекают, пожалуй, наибольшее внимание. Одно из них — **власть**, другое — **закон**. И в этом нет ничего удивительного, ибо преобразование власти и властеотношений всегда было важнейшей задачей революции. Сегодня нас особо заботит раскрытие подлинно народного характера власти, не отчуждаемой от общества, как в прошлые годы. Столь же явственно осознается многими гражданами и новая роль закона, поскольку именно закон создает стабильный порядок в обществе и демократические процедуры, защищает личность.

Взятые порознь, власть и закон действительно выступают мощнейшими рычагами преобразований в нашем обществе. Но каково соотношение между ними, каковы тенденции изменения? Вопрос не новый, поскольку в истории человечества на него всегда приходилось искать ответ.

Платон предвидел гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, он усматривал спасение государства и все блага. Аристотель, признавая закон, а не че-

ловека олицетворением верховной власти в государстве, пояснял: закон свободен от человеческих аффектов и представляет собой «уравновешенный разум».

Увы, общество развивалось противоречиво и деспотизм правителей брал верх, а их воля «творила» законы как орудие власти и своекорыстия. И не случайно канун французской революции ознаменован приоритетом идей о примате закона.

Ж-Ж. Руссо писал, что самая могущественная власть недостаточно сильна, чтобы постоянно господствовать, если только она не превращает свою силу в право, а послушание других — в долг.

Вслед за ним Ш. Монтескье в своем труде «О духе законов» обосновал разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную в интересах общества, ибо концентрация их ведет к злоупотреблениям. Народ же не способен законодательствовать сам и действует через представителей.

Шли десятилетия, столетия, но дуализм не исчезал: признание верховенства закона сосуществовало с реальным могуществом императоров, канцлеров, бюрократической машины. И лучшие умы своего времени по-прежнему видели выход в торжестве закона. Это стремление и породило идею **правового государства**, которая получила распространение в России в конце XIX — начале XX в.

Русские юристы С. Котляревский, В. Гессен, А. Кони много усилий затратили на обоснование закона как верховного арбитра, как выразителя нравственных начал, как «сдержку» против самодержавных проявлений, самодурства чиновников. Отторжение власти от человека, от закона, от идей нравственности глубоко порицалось Л. Толстым и Ф. Достоевским.

России предстоит длительный путь формирования правового государства. И на этом пути придется настойчиво внедрять новый приоритет: закона над властью. Этого можно добиться с помощью демократических процедур создания законов путем более широкого использования их для проведения всех прогрессивных преобразований посредством реализации высоких законных требований «к власти»: к ее организации, разделению функций, ответственности. «Правовая связанность» власти — новый императив нашего времени.

Литература

1. Доклад уполномоченного по правам человека за 2012 г. // <http://www.rg.ru/2013/03/29/lukin-dok.html>
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК, 1995. С. 94, 97.
3. Раянов Ф.М. Введение в правовое государство. Уфа, 1994 // Цит. по: Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учебник. М.: БЕК, 1995.



Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 6-е изд., перераб. и доп. Изд-во ЮНИТИ-ДАНА.

Новое, шестое, издание учебника актуализировано с учетом последних изменений в российском законодательстве. Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» ПО МЕРЕ ПЕРЕХОДА ОТ РОДОПЛЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ К ГОСУДАРСТВУ

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА,

кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, старший лейтенант полиции

E-mail: kgtv@yandex.ru

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Прослеживается эволюция понятия «безопасность» по мере перехода от родоплеменных отношений к государству.

Ключевые слова: безопасность, государство, Сократ, Платон, Аристотель, Гоббс, Спиноза.

Annotation. Evolution of the concept of «security» as the transition from tribal relations to the state.

Keywords: security, state, Socrates, Plato, Aristotle, Hobbes, Spinoza.

Феномен безопасности имеет столь же глубокие исторические корни, что и человек, так как является основной характеристикой его нормального функционирования и жизнеобеспечения сначала в самом примитивном физиологическом, а затем (с учетом эволюции человека) и в социальном аспекте его деятельности.

С развитием общественных отношений, по мере перехода от родоплеменных отношений к государству как единой политической организации человеческого общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления и принуждения, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом, понятие «безопасность» претерпевало большие изменения.

Длительное время государство как политическая категория в научной теории, а также понятие «безопасность», было имплицитно, т.е. не зафиксировано на материальных носителях.

Первыми среди европейцев теорию государственного управления, а также философские размышления по обеспечению безопасности как формы социальной устойчивости эксплицитировали — ввели в научное обращение — древние греки: Сократ, Платон и Аристотель. При этом если Сократ и Платон положили начало «фиксации права» в государствен-

ном управлении, то Аристотель подвел итог античному периоду государственного устройства.

По мнению Платона, особое внимание государство должно уделять воинам, которые обеспечивают его безопасность. В философских взглядах Платона безопасность — это предотвращение вреда¹.

С дальнейшим развитием рабовладельческого общества идеи безопасности государства трансформировались в необходимость обеспечения личной безопасности правящей аристократии империи Александра Македонского и Римской империи — об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней мысли ученых того времени.

Например, крупнейший историк Древнего Рима Полибий (200—120 г. до н.э.) в своей «Всеобщей истории» не только сравнивает развитие государства с жизнью живых организмов, но и считает агрессивную политику империи жизненной потребностью и необходимым условием для обеспечения безопасности страны и ее граждан².

Выдающийся оратор и известный государственный деятель Древнего Рима Цицерон (106—44 г. до н.э.) считал, что собственность на землю и иное имущество (в том числе и на рабов) обуславливает необходимость охраны и обеспечения безопасности ее владельцев. Его современник — Гай Юлий Цезарь (100—44 г. до н.э.) полностью разделял это мнение и рассматривал государство как политиче-

скую организацию, которой руководят избранные лица — рабовладельцы, чья безопасность должна обеспечиваться вооруженной силой.

Главным фактором, обеспечивающим необходимую стабильность в обществе Цезарь считал вооруженную силу: «Война и сила не терпят возражений»³. Этот знаменитый ответ Цезаря на замечания одного из народных трибунов по поводу незаконного изъятия денег из казны дошел до нас благодаря Плутарху.

В раннефеодальном обществе понятие безопасности ориентировалось, в первую очередь, на защиту интересов церкви и феодальной аристократии. Ярким подтверждением сказанному нами служат социально-политические взгляды известного философа раннего средневековья Фомы Аквинского (1225—1275 гг.). По мнению этого философа, благо государства неизмеримо выше блага человека, ибо оно охраняется Божественной волей. Неукоснительное соблюдение человеком обязанностей, установленных Богом, является самой надежной гарантией всеобщей безопасности.

Особый вклад в развитие идеи безопасности внёс выдающийся английский философ-материалист Томас Гоббс (1588—1679 гг.). В своей известной работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», изданной в 1651 г., он очень точно охарактеризовал жизнь человека в догосударственном состоянии, как «войну всех против всех»⁴.

По мнению Т. Гоббса, безопасность является фундаментом государства; только с помощью законов, которые государство поддерживает силой, можно обеспечить его развитие, жизнь и непри-

косновенность собственности его подданных: «Соглашения без меча лишь слова, которые не в силах обеспечить человеку безопасность»⁵.

Созвучные идеи сформулировал в 1677 г. в своей работе другой выдающийся мыслитель Нового времени — Бенедикт Спиноза. Он считал, что главная цель государства «...заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно»⁶. По его мнению, «...для безопасности государства и не важно, какими мотивами руководствуются люди, надлежащим образом управляя делами, лишь бы эти последние управлялись надлежащим образом. Ибо свобода, или твердость души есть частная добродетель, добродетель же государства — безопасность»⁷.

Как видим, выдающиеся представители философской мысли раннебуржуазного государства (Т. Гоббс жил в Англии, а Б. Спиноза в Нидерландах — единственных тогда странах в Европе, где буржуазия уже пришла к политической власти) достаточно четко сформулировали его основные цели и направления деятельности в сфере безопасности — развитие общественных отношений настоятельно требовало этого.

¹ См.: Платон. Диалоги. М.: Мысль. 1986. С. 434; 436.

² Полибий. Всеобщая история. М. 1980. Т. 1., С. 209.

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1972. Т. 2. С. 480.

⁴ Т. Гоббс. Сочинения в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 150.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Б. Спиноза. Богословско-политический трактат. Антология мировой политической мысли. Т. 1. М., 1997. С. 350.

⁷ Там же. С. 356.



Криминология. Практикум. 2-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие. Гриф НИИ образования и науки. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Лебедев С.Я., Иншаков С.М. и др. 2013. 367 с.

В практикуме предложены теоретические положения (криминологический словарь), упражнения в сочетании с проблемными вопросами, инструкции по проведению деловых игр, методический инструментарий (программа курса, контрольные тесты, критерии оценки на экзамене и дифференцированном зачете). Может использоваться как при самостоятельном изучении криминологии, так и в ходе семинарских и практических занятий.

Для студентов вузов, изучающих криминологию в высших учебных заведениях, а также преподавателей данной дисциплины.

**ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ
ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛИЦ РЯДОВОГО
И НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ**

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА АНИКЕЕВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российской правовой академии Минюста России

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право;

международное частное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается история развития законодательства страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы; анализируются особенности правового регулирования обязательного государственного страхования указанных категорий лиц. Делается вывод о гражданско-правовом характере указанных отношений; приводятся необходимые доводы.

Ключевые слова: стихийное бедствие; чрезвычайное обстоятельство; пожар; страхование; личное страховании; обязательное государственное страхование; обязательное государственное страхование жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы; договор в пользу третьего лица.

Annotation. In the present article the history of development of the legislation, life insurance and health of faces of the private and commanding structure of the Public fire service is considered, and also features of legal regulation of obligatory state insurance of the specified categories of persons are analyzed. The author draws a conclusion about civil character of the specified relations and necessary arguments are given.

Keywords: natural disaster; emergency circumstance; fire; insurance; personal insurance; compulsory state insurance, compulsory state insurance of life and health of persons of ordinary and commanding structure of the State fire service; the contract in favour of a third party.

В настоящее время жизнь и здоровье лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы подлежат обязательному государственному страхованию. И это понятно.

Профессия пожарного признана одной из самых опасных и ответственных в мире. Рисковый характер ее проявляется не только в ежедневной работе, связанной с предупреждением и обеспечением защиты от огня жизни, здоровья и имущества различных субъектов, но и, самое главное, в спасении в чрезвычайной ситуации граждан и их имущества. Это обуславливает необходимость в процессе всей службы вступать в различные правоотношения, в том числе гражданские, путем установления договорных отношений в рамках заключения договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья.

Однако, рассматриваемый институт обязательного государственного страхования жизни и здоровья рассматриваемых категорий лиц весьма молодой и актуальный, ибо на протяжении нескольких столетий основная их задача состояла лишь в обеспечении защиты городов от возможных пожаров путем применения мер дисциплинарного характера к самим горожанам, а равно укрепление существовавших строений. Жизнь и здоровье лиц, проводивших мероприятия по пожаротушению долгое время не брались в расчет. И это можно наглядно проследить на основе анализа зарождения и развития законодательства, регулировавшего вопросы предупреждения пожаров в целом.

Так, по имеющимся данным, на Руси первые упоминания об организованном тушении пожаров датируются XVII в. А вот первые законы, которые

устанавливали наказание за поджог начинают издаваться уже в XV в. В это же время предпринимается попытка принятия и некоторых предупредительных мер, среди которых запрет в летнее время топить печи, варить пищу на огородах, вдали от домов, держать огонь в домах, заниматься стекольным производством в городе и др. Кроме того, в это время, в целях предупреждения пожаров, также прописывались суровые меры наказания для поджигателей. Тогда же стали возводить каменные здания, строить заводы по производству огнестойкого материала, в частности кирпича, и проводиться различные работы по реконструкции различных московских строений, в частности стен Кремля.

В последующие годы ограничивалось использование в быту печей, свечей, лучин. Кроме того, вводился ряд требований к лицам, занимающимся гончарным и оружейным делом. В частности, они должны были осуществлять указанную деятельность вдали от строений. В XV же веке создается пожарно-сторожевая команда, призванная вести наблюдение за порядком в городе. Далее, вплоть до конца XVI в. запрещалось использовать в летнее время бани, разводить костры. Кроме того, жители Москвы обязаны были иметь во дворах и на крышах своих домов специальные бочки, а также обязаны были неукоснительно выполнять введенные ранее условия.

В следующие столетия также предпринимались лишь действия, направленные на ограждение столицы от огненной стихии, например, путем проведенного в 1603 г. деления города на 11 округов и назначения одного из членов боярской думы ответственным за «бережение от огня»¹.

Важной тематической вехой можно считать период действия «Соборного уложения», закреплявшего восемь статей, строго регламентировавших соблюдение правил пожарной безопасности в городах и других селениях, а также в лесах; царского «Наказа о Градском благочинии», установившего строгий порядок при тушении пожаров в Москве и заложившего основы профессиональной пожарной охраны. В частности, был создан оплачиваемый штатный состав, введено постоянное дежурство в виде объезда города, предусмотрено использование при тушении механизированных водоливных труб, объездным предоставлено право наказания жителей

города за нарушения правил обращения с огнем. Служба Градского благочиния по борьбе с пожарами была введена не только в Москве, но и в других городах Руси. Таким образом, «Наказ о Градском благочинии» представлял собой первый на Руси документ, утвердивший пожарную безопасность.

Надо сказать также, что формально днем возникновения на Руси пожарной охраны считается 30 апреля 1649 г. Однако, фактически, первые профессиональные пожарные появились лишь в 1804 г. Именно с этим временем связывают создание первых пожарных команд. Вместе с тем, Московская пожарная охрана как единая структура, была образована лишь в 1823 г., а лица в соответствующей спецодежде и на специальном транспорте могли встретиться на улице лишь начиная с 1907 г.²

Затем совершенствование пожарно-сторожевой охраны продолжилась изданием сначала общероссийского Указа в 1701 г. о строительстве в городах каменных зданий, а потом изданием регионального (московского) Указа, распространявшего указанные правила на территорию г. Москвы. Вообще указанный период характеризуется изданием ряда указов и инструкций по обеспечению пожарной безопасности на судах, в торговых рядах и в жилых зданиях. Кроме того, именно тогда была создана одна из первых профессиональных пожарных команд, построено при Адмиралтействе первое пожарное депо, закуплены основные атрибуты пожаротушения.

Однако, анализ указанных актов показал, что за столь многолетнюю историю существования каких-либо законодательно закрепленных мер по борьбе и предотвращению пожаров, вопрос о компенсационных выплатах родственникам, а равно самим лицам, проводившим мероприятия по тушению пожаров и пострадавшим при этом, не поднимался.

Вместе с тем, служба, именуемая Государственным пожарным надзором и призванная предотвращать возникновение пожаров, появилась намного позже, а именно 18 июля 1927 г. Именно с этого периода начало действовать Положение «О государственном пожарном надзоре», которое стало ключевым документом для развития Государственной противопожарной службы страны и законодательно определило сферу ее полномочий.

Далее последовало издание таких важных приказов как Приказ ВСНХ РСФСР от 25 июня 1928 г.

«О применении противопожарных правил при разработке проектов нового строительства» и Приказа ВСНХ РСФСР от 18 января 1930 г. «Об образовании в местных органах Высшего совета народного хозяйства РСФСР пожарных инспекций», закрепляющих ряд важных положений, требующих неукоснительного выполнения³.

Важным шагом на пути к решению вопроса о компенсационных выплатах членам профессионального состава, получивших увечья при исполнении своих обязанностей явилось принятие Постановления ЦИК и СНК от 7 апреля 1936 г. № 52/654, которым было утверждено Положение «О государственном пожарном надзоре». В указанном Положении в п. 18 было определено, что лица оперативно-строевого состава городской пожарной охраны должны страховаться в обязательном порядке на случай смерти или увечья при исполнении ими служебных обязанностей, а также функции и права органов государственного пожарного надзора, а на Главное управление пожарной охраны НКВД СССР в этот период возложен было ряд функций, среди которых особо выделялась функция по разработке нормативно-правовых документов в области пожарной безопасности.

К началу 80-х гг. XX в. пожарная охрана преобразовалась в инженерную службу и насчитывала около 200 000 человек личного состава и более 150 000 работников военизированной пожарной охраны.

21 декабря 1994 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», в котором излагаются положения о единой системе обеспечения пожарной безопасности, для которой определены полномочия, система неотложных мер в области пожарной безопасности и др. Однако, нормы указанного Закона в то время не получили должной реализации. Вместе с тем, в тот период стали развиваться такие виды деятельности, как лицензирование и сертификация продукции и услуг. С принятием Федерального Закона «О пожарной безопасности» впервые появилась возможность существенно изменить формы и методы нормативно-технической работы, так как закон дал право органам государственной противопожарной службы организовывать разработку, утверждать самосто-

ятельно или совместно с федеральными органами исполнительной власти нормативные документы по пожарной безопасности, обязательные для исполнения. Кроме того, в указанном Законе, в ст. 9, указывается о страховых гарантиях сотрудникам и работникам Государственной противопожарной службы.

В настоящее время Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2001 г. № 1309 Государственная противопожарная служба МВД Российской Федерации с 1 января 2002 г. преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России).

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 72 устанавливает предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В числе полномочий, на осуществление которых Основной закон требует координации усилий со стороны Федерации и ее субъектов, выделяется осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, а равно ликвидации их последствий (п. «з» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Так, стихийным бедствием признается не поддающееся влиянию человека событие (юридический факт), чрезвычайное обстоятельство, являющееся следствием действия сил природы; один из распространенных видов непреодолимой силы⁴. В свою очередь, чрезвычайным обстоятельством признается негативное событие, вызванное источником чрезвычайной ситуации либо массовыми беспорядками и приведшее к гибели людей или угрозе их жизни и здоровью, ущербу государственной и другим видам собственности, личному имуществу граждан и окружающей природной среде на определенной территории⁵.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (далее — Закон о пожарной безопасности)⁶ пожаром признается неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. В качестве источников чрезвычайной ситуации, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном

положении», выделяются обстоятельства, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер⁷. Соответственно, пожар мы будем рассматривать как событие (юридический факт), угрожающее жизни и здоровью людей, ущербу их личному имуществу, а равно имуществу юридических лиц и государства, а равно угрожающее природной среде на определенной территории, устранение которого требует применения чрезвычайных мер.

Таким образом, несмотря на то, что в ст. 72 Конституции РФ законодатель прямо не указывает на необходимость совершения действий по предотвращению и ликвидации пожаров, однако, косвенно, исходя из вышесказанного, Основной закон требует соответствующей координации усилий и в данной области и упоминает о наличии солидарной ответственности за состояние дел⁸.

Во исполнение указанных требований, носящих исчерпывающий характер, необходима координация усилий всех потенциальных участников рассматриваемых общественных отношений, регулирование которых отнесено Основным законом к компетенции Российской Федерации и к компетенции субъектов РФ.

По мнению М.В. Конохова, Конституция Российской Федерации проводит действенную и, что не мало важно, значимую социальную политику, обеспечивающую достойную, благополучную жизнь человека и его свободное развитие, которая, кроме того, создает надлежащие правовые условия для действенного функционирования института обязательного государственного страхования жизни и здоровья отдельных категорий граждан. Правоприменительная практика Российского государства по линии обеспечения личных и имущественных прав отдельных категорий граждан свидетельствует о том, что Россия — правовое, демократическое, социальное государство⁹. И с этим утверждением Максима Васильевича нельзя не согласиться.

Однако, в процессе своего исследования особенностей обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих, которые, наряду с гражданами, призванными на военные сборы, лицами рядового и начальствующего состава ор-

ганов внутренних дел Российской Федерации, лицами органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а равно лицами рядового и начальствующего состава органов Государственной противопожарной службы признаны отдельными категориями граждан, подлежащими, в равной степени, обязательному государственному страхованию, Конохов М.В. приходит к выводу о комплексности характера правового института обязательного государственного страхования таких категорий граждан ввиду их закрепления в различных отраслях права¹⁰. Так, Конохов М.В., в частности, утверждает, что п. 4 ст. 969 Гражданского Кодекса РФ устанавливает приоритет специальных нормативных правовых актов в области обязательного государственного страхования жизни и здоровья отдельных категорий граждан над правилами, установленными гл. 48 «Страхование» Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). По его мнению, это обстоятельство также подтверждает социальную направленность данного правового института, а равно комплексность его характера.

Однако, с этим утверждением автора хотелось бы немного поспорить, ибо отношения, устанавливающиеся в рамках заключения и исполнения договора обязательного страхования указанных категорий граждан носят сугубо гражданско-правовую направленность. Попытаемся рассмотреть особенности института обязательного государственного страхования приведенных выше категорий граждан на примере обязательного государственного страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы.

Так, нормы, регулирующие различные аспекты обязательного государственного страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы в основном изложены в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю

за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»¹¹ (далее — Закон об обязательном государственном страховании жизни и здоровья), который и объединил указанные категории граждан в свете обязательного государственного страхования их жизни и здоровья. В его развитие принято Постановление Правительства РФ от 6 марта 2014 г. № 169 «Об утверждении типового договора обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»¹². Кроме того, нормы, регулирующие различные аспекты обязательного страхования, в основном изложены в гл. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации¹³ (в частности, ст.ст. 927, 969), а также в Законе РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»¹⁴ (далее — Закон об организации страхового дела), а также в иных соответствующих нормативных правовых актах.

Действительно, ГК РФ не содержит общего определения договора страхования, что на сегодняшний день, по нашему мнению, является существенным пробелом. Однако, российское законодательство и законодательство стран СНГ под договором страхования понимают «договор, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы)»¹⁵.

Однако, в Гражданском кодексе Российской Федерации дано четкое определение договора личного страхования, к которому имеет непосредственное отношение рассматриваемый договор обязательно-

го государственного страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы. Так, согласно ст. 934 ГК РФ, по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая). Кодекс устанавливает за лицом, в пользу которого заключен договор право на получение страховой суммы. По ГК РФ договор личного страхования считается заключенным в пользу застрахованного лица, если в договоре не названо в качестве выгодоприобретателя другое лицо, а также, что в случае смерти лица, застрахованного по договору, в котором не назван иной выгодоприобретатель, выгодоприобретателями признаются наследники застрахованного лица. Договор личного страхования в пользу лица, не являющегося застрахованным лицом, в том числе в пользу не являющегося застрахованным лицом страхователя, может быть заключен лишь с письменного согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным по иску застрахованного лица, а в случае смерти этого лица — по иску его наследников.

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 3 Закона об организации страхового дела обязательное страхование — это такая форма страхования, которая осуществляется в силу закона, и все его виды и порядок реализации определяются соответствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации. Особой разновидностью этой формы страхования выступает обязательное государственное страхование. При обязательном государственном страховании в качестве застрахованных лиц выступают государственные служащие, которые одновременно являются выгодоприобретателями. Государственное страхование устанавливается законом в отношении жизни, здоровья и имущества государ-

ственных служащих определенных категорий в целях обеспечения социальных интересов граждан и интересов государства (ст. 969 ГК РФ).

Действительно, в ст. 969 ГК РФ говорится, что в целях обеспечения социальных интересов граждан и интересов государства специальным законом может быть установлено обязательное государственное страхование жизни, здоровья и имущества государственных служащих определенных категорий. Однако, в указанном случае позиция Конохова М.В. об установлении Кодексом приоритета специальных нормативных правовых актов и выявлении социальной направленности данного правового института видится не совсем правильной.

В этом случае буду придерживаться позиции, высказанной И.М. Брагинским о том, что это, скорее, некоторое несоответствие признакам ст. 969 ГК РФ, а равно недостаток, а не признак комплексности и социальной направленности правового института обязательного государственного страхования отдельных категорий граждан.

Так, И.М. Брагинский утверждает, что среди отношений, полностью соответствующих признакам ст. 969 ГК РФ, можно выделить отношения, регулируемые, в частности Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», где в ст. 22 указывается, что данные категории граждан подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств федерального бюджета на сумму их годового денежного вознаграждения в случае: гибели (смерти), если гибель (смерть) наступила вследствие телесных повреждений или иного причинения вреда здоровью; причинения увечья или иного повреждения здоровья¹⁶. Сюда, согласно его исследованиям, входит еще ряд нормативных правовых актов, в частности, Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹⁷, Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁸, Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 8 декабря 2011 г.) «О внешней разведке»¹⁹.

Однако, И.М. Брагинский говорит о том, что существует большое количество актов (норм) в настоящее время, предусматривающих случаи «обяза-

тельного государственного личного страхования», которые часто не соответствуют признакам ст. 969 ГК РФ. Рассмотрим указанное несоответствие на примере обязательного государственного личного страхования сотрудников и работников Государственной противопожарной службы.

Так, согласно ст. 9 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» указанная категория граждан подлежит обязательному государственному личному страхованию за счет средств соответствующих бюджетов. Основания, условия, порядок обязательного государственного личного страхования указанных сотрудников и работников устанавливаются, в частности, Законом об обязательном государственном страховании жизни и здоровья, Законом об организации страхового дела, а также законодательными актами субъектов Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации во исполнение норм Конституции РФ. Согласно Закону об обязательном государственном страховании жизни и здоровья объектами такого страхования являются жизнь и здоровье указанных категорий граждан; сотрудники и работники государственной противопожарной службы являются застрахованными лицами. В качестве страховщиков могут выступать любые организации, обладающие лицензией на осуществление обязательного государственного страхования. В качестве страхователя выступает федеральный орган исполнительной власти — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Выгодоприобретателями являются застрахованные лица, т.е. сотрудники и работники государственной противопожарной службы, а в случае их гибели (смерти) — круг лиц, указанных в ч. 3 ст. 2 Закона об обязательном государственном страховании жизни и здоровья, которые в этом случае получают страховые выплаты. Законом сюда отнесены: супруга (супруг), состоявшая (состоявший) на день гибели (смерти) застрахованного лица в зарегистрированном браке с ним; родители (усыновители) застрахованного лица; бабушка и (или) дедушка застрахованного лица при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее трех лет в связи с отсутствием у него родителей; отчим и (или) маче-

ха застрахованного лица при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее пяти лет; несовершеннолетние дети застрахованного лица, дети застрахованного лица старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, его дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях; подопечные застрахованного лица. Приведенный список выгодоприобретателей носит исчерпывающий характер и являет собой также особенность.

Вообще надо отметить, что есть существенное отличие между выгодоприобретателями в договорах имущественного и личного страхования. В имущественном страховании такое правовое положение имеют либо лица, обладающие интересом в сохранении объекта страхования (выгодоприобретатели по договорам страхования имущества — ст. 930 ГК РФ), либо лица, назначенные выгодоприобретателями по закону (потерпевшие по договорам страхования гражданской ответственности за причинение вреда — ст. 931 ГК РФ; контрагенты страхователя по договорам страхования договорной ответственности — ст. 932 ГК РФ). В личном страховании выгодоприобретателем может быть любое лицо, назначенное страхователем с письменного согласия застрахованного (ст. 934 ГК РФ). При этом выгодоприобретатель отличается от застрахованного лица тем, что в виде общего правила имеет право требовать от страховщика осуществления страховой выплаты при наступлении страхового события, т.е. является третьим лицом.

В законе об обязательном государственном страховании жизни и здоровья также представлен исчерпывающий перечень событий, с которыми законодатель связывает возникновение у него обязанности по уплате страховых выплат (ст. 4). Указанный список также имеет некоторые особенности, так как весьма расширен по отношению к общим нормам о страховых случаях и включает в себя гибель (смерть) застрахованного лица в период прохождения службы; смерть застрахованного лица до истечения одного года после увольнения со службы, после отчисления вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы; установление застрахованному лицу инвалидности в период прохождения службы; установление застрахованному

лицу инвалидности до истечения одного года после увольнения со службы, вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения службы; получение застрахованным лицом в период прохождения службы увечья (ранения, травмы, контузии).

Кроме того, согласно тому же Закону об обязательном государственном страховании жизни и здоровья одноименный договор обязательного государственного страхования будет всегда являться договором в пользу третьего лица — выгодоприобретателя, в отличие от более распространенной в практике конструкции двустороннего договора. Также рассматриваемый договор страхования, помимо общих требований о включении в текст соглашения информации о застрахованных лицах, сроке действия договора, размере, сроке и порядке уплаты страховой премии (страховых взносов), правах, об обязанностях и ответственности страхователя и страховщика, сроках и способах уведомления страхователем страховщика о наступлении страхового случая и способах выплаты страховых сумм выгодоприобретателю, будет подчиняться требованию указанного Закона об обязательном государственном страховании жизни и здоровья, которое сводится к обязанности страховщика незамедлительно сообщать о заключении договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья в федеральный орган исполнительной власти.

В рамках анализа договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы хотелось бы обратить особое внимание на обязанности страхователя в указанном договоре. Они приобретают особый характер, так как указанный договор является договором в пользу третьего лица. Конечно, основной обязанностью страхователя является своевременная уплата страховой премии. В этом смысле указанный договор обязательного государственного страхования жизни и здоровья подчиняется общей концепции договора страхования. Вместе с тем, в виду особенностей субъектного состава, в число обязанностей включены и иные. В частности, включена обязанность информировать о порядке и об условиях осуществления обязательного государ-

ственного страхования, а также о страховщике как гражданина, поступающего на соответствующую службу, так и застрахованное лицо, причем страхователь должен следить за тем, чтобы указанная информация не теряла своей актуальности и достоверности. Указанным Федеральным законом об обязательном государственном страховании жизни и здоровья также предусмотрена обязанность организации страхователя незамедлительно сообщать выгодоприобретателю, а в случае его гибели (смерти) — иному выгодоприобретателю о наступлении страхового случая. Причем, в отличие от классического двустороннего договора страхования, где указанная обязанность лежит на страхователе в пользу самого страховщика в рассматриваемом договоре, такая обязанность должна быть исполнена и по отношению к выгодоприобретателю. Также на организации страхователя лежит совместная с федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы обязанность по оказанию выгодоприобретателям содействия в истребовании и оформлении документов, необходимых для принятия решения о выплате страховых сумм. Законом об обязательном государственном страховании жизни и здоровья предусмотрена ответственность должностных лиц организаций страхователя при наличии их виновны в необоснованном отказе в предоставлении и оформлении выгодоприобретателям документов, необходимых для принятия решения о выплате страховых сумм (ст. 7). Помимо прочего, в круг специфических обязанностей страхователя включены: обязанность по соблюдению требования законодательства Российской Федерации о защите государственной тайны; контроль за исполнением страховщиком договора обязательного государственного страхования; обязанность требовать от страховщика представления документации о выплате страховых сумм по наступившим страховым случаям с указанием размера и даты выплаты по установленной страхователем форме, а также документов, подтверждающих исполнение обязательств в рамках настоящего договора. В рамках участия в договоре обязательного государственного страхования страхователь имеет возможность реализовать свои права. В частности, согласно Типовому договору обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным

законом «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» страхователь вправе, по согласованию со страховщиком, изменять условия договора в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации и с учетом положений Федерального закона о контрактной системе; получать от страховщика разъяснения по условиям страхования, порядку и срокам выплаты страховых сумм; также вправе по согласованию со страховщиком прекратить договор в рамках условий им предусмотренными, а также вправе расторгнуть договор обязательного государственного страхования по решению суда или в случае одностороннего отказа стороны от его исполнения в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации и с учетом положений Федерального закона о контрактной системе; вправе определять состав конфиденциальной информации, передаваемой страховщику, предъявлять требования к ее хранению и защите, контролировать их соблюдение страховщиком; может осуществлять иные права, установленные договором и законодательством Российской Федерации.

Также в число важных особенностей, предусмотренных ст. 10 Закона об обязательном страховании жизни и здоровья относится обязанность страховщика выплатить страховое возмещение в случае смерти застрахованного лица, если смерть последнего наступила вследствие самоубийства, независимо от срока нахождения застрахованного лица на службе.

Вместе с тем, указанная статья также предусматривает основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, среди которых выделяет совершение застрахованным лицом деяния, признанного в установленном судом порядке общественно опасным; наступление страхового случая, если последний находится в прямой связи с алкогольным, наркотическим или токсическим опьянением застрахованного лица, а также если

страховой случай является результатом доказанного судом умышленного причинения застрахованным лицом вреда своему здоровью.

В качестве классических условий, характерных для большинства договоров страхования можно выделить условие о сроке. Рассматриваемый договор обязательного государственного страхования заключается не менее чем на один календарный год (ст. 6 Закона об обязательном страховании жизни и здоровья). Также действует общее условие о форме договора, предусматривающее заключение договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья в письменной форме.

Таким образом, нормы страхового права выступают в качестве первичного компонента страхового законодательства. Как властные предписания государства они входят в те или иные законы, акты, распоряжения и др. Указанные нормы регулируют лишь определенные виды и разновидности страховых отношений. Остальные страховые отношения либо не урегулированы, либо регулируются другими юридическими нормами. Например, и обязательное, и добровольное страхование регулируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (гл. 48), а комбинированные формы страхования в различных сферах экономики плохо регламентированы в законе.

Сегодня можно уже говорить о формировании специфических институтов страхового права, под которыми понимается относительно устойчивая и признанная группа норм страхового права, регулирующая определенные виды страховых отношений. Институты регламентируют отдельные аспекты, направления и сферы страховой деятельности, их можно выделить большое количество. Например, в российском страховом законодательстве это могут быть институты: добровольного страхования, обязательного страхования (в частности, институт обязательного страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы), ответственности по договору, страхования предпринимательского риска, страхового надзора и др.

Все эти институты в том или ином виде в настоящее время существуют и применяются в тесной взаимосвязи друг с другом и в будущем составят отрасль страхового права (как систему).

Поскольку указанные выше законодательные акты являются определенными установлениями государства, общую систему формирующейся отрасли страхового права можно представить в виде двух частей — Общей и Особенной.

Общая часть страхового права будет включать в себя нормы, устанавливающие исходные положения, виды и формы страхования, а также общие проблемы страхового надзора.

В Особенной части будут охарактеризованы отдельные виды страхования, а также отдельные направления страхового надзора.

Ввиду того, что страховое право представляет собой формирующуюся отрасль права, которая включает в себя нормы гражданского, административного и других отраслей права, то на строение его Общей и Особенной частей влияет наличие в массиве указанных норм, подчиняющихся разным правилам систематизации. Одновременно действуют и собственные системообразующие критерии страхового права.

Однако, сегодня именно в рамках гражданско-правового раздела Общая часть страхового права может содержать такие основные «блоки», как: исходные положения страхования, его виды и формы, элементы страхования; правовой статус страховых организаций; их имущество; правовой статус иных субъектов страхового права; страховое обязательство; перестрахование; ответственность в страховании и др.

Особенная часть гражданско-правового раздела страхового права может включать в себя: правовое регулирование имущественного страхования; правовое регулирование личного страхования, в том числе и рассматриваемое правовое регулирование страхования жизни и здоровья лиц рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы, которые, в свою очередь, также могут подразделяться на более мелкие.

Применительно же, в частности, к административно-правовому разделу Общая часть страхового права может содержать следующие «блоки»: правовой статус органа страхового надзора; общие проблемы организации и деятельности органов страхового надзора.

Особенная часть этого раздела может включать в себя: лицензирование деятельности субъектов

страхового дела; правовое регулирование контроля за соблюдением страхового законодательства.

Применительно к своему финансово-правовому разделу Общая часть страхового права может состоять из: системы расчетов страховых сумм, страховых выплат, вычетов и т.д.; Особенная часть этого раздела страхового права может содержать: страхование вкладов физических лиц в банках нашей страны, процесс финансирования страхования этих вкладов, финансирование деятельности в этой сфере агентств, фондов и пр.

¹ Государственный пожарный надзор. Главное управление МЧС России по г. Москве. 2012, С. 9—23.

² «Тверская, 13», 2007, 3 мая.

³ Предупреждение, спасение, помощь. Информационно-обучающий бюллетень Главного управления МЧС России по г. Москве, № 12, июнь 2012, С. 9—11.

⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия/ Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: 2000. С. 426.

⁵ Сайт: <http://www.mchs.gov.ru>

⁶ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 г.) «О пожарной безопасности»; СЗ РФ, 26.12.1994, № 35. ст. 3649.

⁷ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 7 марта 2005 г.) «О чрезвычайном положении». СЗ РФ», 04.06.2001. № 23. ст. 2277.

⁸ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации/ Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2008. С. 218—223.

⁹ См.: Конохов М.В. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих как институциональная составляющая России в формате правового, демократического, социального государства. Государство и право, 2014. № 2. С. 68.

¹⁰ См.: Там же. Конохов М.В. С. 69.

¹¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (ред.

от 23 июля 2013 г.) «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»; СЗ РФ», 30.03.1998, № 13, ст. 1474.

¹² Постановление Правительства РФ от 6 марта 2014 г. № 169 «Об утверждении типового договора обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»; СЗ РФ», 17.03.2014, № 11. ст. 1147.

¹³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ед. от 28 декабря 2013 г.); СЗ РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.

¹⁴ Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об организации страхового дела в Российской Федерации»; «Российская газета», № 6, 12.01.1993.

¹⁵ См.: Рассолова Т.М. Страхование право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Экономика». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 162.

¹⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В.: Договорное право. книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. С. 659—660.

¹⁷ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 25.11.2013) «О статусе судей в Российской Федерации»; «Российская газета». 1992, 29 июля.

¹⁸ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 2 апреля 2014 г.) «О прокуратуре Российской Федерации»; СЗ РФ», 20.11.1995, № 47, ст. 4472.

¹⁹ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 8 декабря 2011 г.) «О внешней разведке»; СЗ РФ», 15.01.1996, № 3. ст. 14.3

Криминология. 6-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. Г.А. Аванесова. 2013. 576 с.

Даны основы криминологического учения о преступности, вскрываются причины преступности, рассматриваются механизмы воздействия на преступность, и в частности насильственную, корыстную, организованную, политическую, профессиональную и т.д. Особое внимание уделено зарубежным криминологическим теориям и практике воздействия на преступность.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов юридических специальностей, а также судей, практических работников правоохранительных органов и адвокатов. Может быть использован в учебном процессе по дистанционным образовательным технологиям.



ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБОСОБЛЕННОСТЬ В КОНСТРУКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛЕБЕДИНЕЦ,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: o.lebedinec@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право;

международное частное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимосвязи и взаимообусловленности имущественной обособленности юридических лиц и их организационно-правовых форм и, соответственно, правосубъектности юридических лиц в ситуации динамично развивающегося гражданского законодательства, а также вопросы баланса частно-правовых и публично-правовых механизмов воздействия на конструкцию юридического лица.

Ключевые слова: имущественная обособленность юридического лица, классификация, организационно-правовые формы, управление, собственность, интерес, организация, жизненный цикл.

Annotation. The article examines the interrelationship and interdependence property isolation of legal entities and their legal forms and, accordingly, the legal personality of legal persons in a situation of a dynamic civil law, as well as balance issues of private law and public law mechanisms to influence the structure of the legal entity.

Keywords: property isolation entity classification, legal forms, management, ownership, interest, business, life cycle.

Субъекты правоотношений, как известно, обособлены друг от друга, что может выражаться в личном, имущественном, организационном обособлении. Применимо к данной работе, нас в большей степени интересует имущественная обособленность субъектов, в частности, юридических лиц, конструкция которых построена, в первую очередь, на имущественном обособлении.

Появление института юридического лица в самом общем виде обусловлено теми же причинами, что возникновение и эволюция права: усложнением социальной и политической организации общества, развитием экономических отношений и, как следствие, общественного сознания и правосознания граждан. Основная мысль о юридическом лице, как приеме юридической техники для введения в оборот неделимой имущественной массы, обособленной от имущества физических лиц, была выражена еще в римском праве. Так, уже в законах XII таблиц упоминались различные частные корпорации ре-

лигиозного характера, профессиональные объединения ремесленников и другие. С течением времени количество корпораций как публичного, так и частного характера росло. Вместе с тем, римские юристы обратили внимание на то, что в некоторых случаях имущество не принадлежит отдельным гражданам, а закрепляется за их объединением в целом, и отдельные его члены оказываются в отношении имущественных прав обособленными; они отмечали тот факт, что в некоторых случаях права и обязанности принадлежат не отдельным гражданам и не группам физических лиц, а целой организации, имеющей самостоятельное существование, независимо от составляющих ее физических лиц. Это последнее положение наглядно выражается при сравнении *universitas* или *collegium* (корпорации) с *societas* (товариществом). Следует отметить, что с течением времени взгляд на отличительные признаки этих крупных типологий юридических лиц практически не изменился. Таким образом, имуществен-

ная обособленность имеет определенные правовые формы.

Видовая классификация юридических лиц, многообразие их организационно-правовых форм изменяется в зависимости от социально-экономической системы и политического строя государства. Соответственно этим закономерным динамичным процессам резко увеличивается объем законодательства о юридических лицах, изменяются фундаментальные положения как в вопросах определения понятия, правовой природы, классификации юридических лиц, так и всех этапов жизненного цикла юридических лиц (от создания до ликвидации).

Если организационное единство необходимо для объединения множества лиц в одно коллективное образование, то обособленное имущество создает материальную базу деятельности такого образования. Любая практическая деятельность немислима без соответствующих нематериальных активов, основных средств, финансовых активов, запасов и иных оборотных активов, отраженных в балансе предприятия. Объединение этих инструментов в один имущественный комплекс, принадлежащий данной организации, и отграничение его от имуществ, принадлежащих другим лицам, и является имущественной обособленностью юридического лица. Этот признак играет ведущую роль на этапе признания несостоятельности коммерческой организации и принятия решения о ее банкротстве.

В настоящее время легальная классификация юридических лиц усложнилась. В самом общем виде юридические лица могут быть представлены двумя принципиально отличающимися друг от друга группами: юридические лица публичного права и юридические лица частного права. Их видовое отличие состоит в: природе акта, явившегося основанием возникновения субъекта права; целях и характере деятельности; правосубъектности; субстрате. Публичные юридические лица имеют, как правило, более длительный жизненный цикл, поскольку создаются на основании публично-правового акта, и цели их деятельности, носящие общепольный характер, отличаются постоянством, продолжительностью, независимостью от воли частных лиц, входящих в их состав, поскольку велика имущественная основа их деятельности.

В качестве важнейшего классификационного основания, всегда сохраняющего свою юридическую силу и значение, можно назвать форму и степень имущественной обособленности, в рамках которой создается и функционирует юридическое лицо. Так, в зависимости от этого критерия юридические лица представлены юридическими лицами — собственниками и юридическими лицами — несобственниками. К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения. Причем с учетом законодательных изменений (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) степень имущественной обособленности юридических лиц не конкретизируется в дефиниции юридического лица, которым признается организация, имеющая обособленное имущество и отвечающая им по своим обязательствам, от своего имени приобретающая и осуществляющая гражданские права и нести гражданские обязанности, выступающая истцом и ответчиком в суде.

По-прежнему актуальна и практически значима классификация юридических лиц в зависимости от основной цели деятельности, согласно которой юридические лица подразделяются на коммерческие (преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности) и некоммерческие организации (не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками).

Перечень организационно-правовых форм юридических лиц, как коммерческих, так и некоммерческих, носит закрытый характер, что должно способствовать стабильности гражданского оборота.

Так, юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах: потребительских кооперативов, к которым относятся в том числе жилищные, жилищно-строительные и гаражные коо-

перативы, садоводческие, огороднические и дачные потребительские кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы, фонды проката, сельскохозяйственные потребительские кооперативы; общественных организаций, к которым относятся в том числе политические партии и созданные в качестве юридических лиц профессиональные союзы (профсоюзные организации), общественные движения, органы общественной самодеятельности, территориальные общественные самоуправления; ассоциаций (союзов), к которым относятся в том числе некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, объединения работодателей, объединения профессиональных союзов, кооперативов и общественных организаций, торгово-промышленные, нотариальные и адвокатские палаты; товариществ собственников недвижимости, в том числе товарищества собственников жилья; казачьих обществ; общин коренных малочисленных народов Российской Федерации; фондов, к которым относятся в том числе общественные и благотворительные фонды; учреждений, к которым относятся государственные учреждения (в том числе государственные академии наук), муниципальные учреждения и частные (в том числе общественные) учреждения; автономных некоммерческих организаций; религиозных организаций; публично-правовых компаний.

В зависимости от субстрата юридические лица подразделяются на объединения лиц (учреждения) и объединения капиталов (корпорации). К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации (юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и самостоятельно формируют их высший орган управления).

К ним относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них

прав членства, являются унитарными юридическими лицами. К ним относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, публично-правовые компании.

Все отмеченные формальные и содержательные изменения относительно классификации и видов юридических лиц являются, в том числе, результатом «приспособления» общества к конкретным экономическим условиям. Это необходимо учитывать и при «внедрении» конкретных организационно-правовых форм в условиях российской экономики и геополитики. Так, специально созданные и необходимые государству для реализации определенных государственных задач и функций государственные корпорации, правовая природа которых по многим позициям противна общедоктринальным позициям относительно института юридических лиц, прекращают свое существование и подлежат преобразованию (в том числе, в публично-правовые компании).

Рыночная экономика, в среде которой действуют сегодня юридические лица, в первую очередь, — коммерческие организации, имеет системный характер и циклическое направление своего развития, а роль управленческих решений, принимаемых отдельными лицами, органами управления юридического лица является весьма существенной в организации всех этапов жизненного цикла юридического лица. Цены на рынке и иерархия управления, наряду с правовым положением конкретной организации, как показал Р. Коуз, получивший Нобелевскую премию «За пионерские работы по проблемам трансакционных издержек и прав собственности», определяют ее бытие, ее судьбу, цикл ее жизни. Экономическая деятельность протекает как внутри фирм, где развиваются вертикальные иерархические структуры и ведущим является принцип прямых приказов, так и на рынке, где на основе договоров складываются горизонтальные отношения и где все решают цены конкурентов. Снижение «трансакционных» издержек возможно при организации фирм оптимальных размеров, которые определяются границей, где издержки рыночной координации сравниваются с издержками централизованного бюрократического контроля. До этой границы выгодна иерархия, а после — рынок.

Подобно разделению государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, «власть» в корпорациях также разделена, что дает возможность наиболее эффективной деятельности организации, регулирования внутренних и внешних рисков, обеспечивая, тем самым, большую длительность ее жизненного цикла.

Законодатель устанавливает общую структуру конструкции юридического лица, предоставляет юридические возможности, в пределах которых учредитель самостоятельно, сообразуясь со своей волей, наполняет ее необходимым дополнительным содержанием, фиксируя место ее отдельных элементов и, тем самым, определяя их юридическую значимость. Это может быть выражено в установлении и закреплении внутренних отношений власти и подчинения, распределении компетенции, наличии взаимных обязанностей и другое. Действия одного и того же лица, находящегося в различных юридических положениях в системе этого устройства и представляющего элемент этой конструкции, порождают различные юридические последствия.

Потому нельзя рассматривать конструкцию юридического лица в отрыве от других юридических средств, в том числе права собственности и иных вещных прав, обязательственного права, ответственности, а также без установления взаимосвязи с экономическими инструментами рынка, организационными, управленческими вопросами. Исходя из этого изменяется и жизненный цикл юридического лица, его качество, срочность, стадийность. Причем эти циклы могут быть длинными — на макроуровне развития общественных отношений (стратегические), связанные с социально-политическими преобразованиями, в том числе при изменении отношений собственности в государстве, процессами национализации или приватизации, и короткими — на микроуровне развития конкретной коммерческой организации (тактические), непосредственно связанные с деятельностью организаций, создаваемой и действующей на рынке, с постоянно изменяющейся конъюнктурой, взаимодействующей с иными лицами публичного и частного права.

В управлении «нуждается» не только само юридическое лицо, но и его собственность, что, конечно, само по себе не означает изменение природы, приоритета вещных отношений, а лишь упорядо-

чивание, выбор наилучшего варианта поведения участников данных отношений для наиболее эффективного использования имущества, его преумножения ради достижения целей деятельности юридического лица на конкретном этапе его жизненного цикла. Институт юридических лиц создает основания для более гибкого использования капитала, принадлежащего одному лицу, в том числе государству, в различных сферах хозяйственной деятельности. Отлаженное законодательство о юридических лицах служит одним из средств управления капиталом в масштабах всей страны и, поэтому, является мощным инструментами саморегулирования, самоорганизации рыночной экономики, способствует интернационализации хозяйственной жизни.

Отношения собственности являются базисными в обществе, поскольку они непосредственно связаны с властью. Осуществление права частной собственности должно находиться под контролем общества¹. Наиболее жизненным и социально-ориентированным будет тот общественный строй, в основе которого лежат следующие институты и принципы: демократическая организация общества; частная собственность; свобода предпринимательства и социального выбора; личный интерес как главный мотив поведения людей; конкуренция; опора на систему цен, основанных на спросе и предложении на рынке; защита личности и собственности. Все эти факторы обуславливают дифференциацию частной собственности как определенного типа собственности, проявляющуюся в различных формах юридических лиц.

Поскольку отношения собственности динамичны, в экономической системе, действующей на принципах свободы, диспозитивной направленности деятельности субъектов, самоопределения, самоорганизации и саморегулирования, не существует и статичных экономико-правовых форм. Действуя и взаимодействуя, рыночные механизмы способствуют формированию наиболее эффективных и рациональных отношений собственности, появлению новых форм собственности и/или доминированию определенных форм собственности. На каждом этапе экономико-правового развития естественно изменяется структура собственности (при непосредственном государственном участии): формы собственности, оказавшиеся неэффективными,

неконкурентоспособными, вытесняются более эффективными и жизнеспособными. Каждому этапу развития отношений собственности соответствуют определенные формы собственности, и, соответственно, определенные формы юридических лиц.

Так, коренное преобразование отношений собственности в нашей стране начала 90-х гг. (смена приоритетов в формализации права собственности) повлекли изменения правового регулирования института юридических лиц.

В результате переориентирования в области управления и распоряжения государственным имуществом, возникла политическая и экономическая потребность в отчуждении государственного и муниципального имущества в частную собственность. Что касается России и других постсоциалистических государств, то в данном случае приватизация осуществлялась под влиянием снижения веры в социализм и неверы в жизнеспособность экономической системы, опирающейся на государственную собственность. Поэтому в 1992—1994 гг. осуществлялись стремительные процедуры разгосударствления и приватизации, приведшие к мощным сдвигам в структуре отношений собственности и, соответственно, к изменениям социально-экономического уклада, а как показала практика, и к системному социально-экономическому и правовому кризису. Первая волна приватизации потребовала серьезных административных вмешательств в экономику и осуществлялась с применением публично-правовых инструментов и публично-правовыми средствами. Вторая волна приватизации осуществлялась с помощью уже, в большей степени, частных правовых механизмов, законодательно предусмотренными способами. Передаче из государственной и муниципальной собственности в частную подлежали в основном государственные и муниципальные унитарные предприятия. На сегодняшний момент, помимо унитарных предприятий, имеют место и сделки приватизации недвижимых объектов культурного наследия, отнесенных к памятникам истории и архитектуры местного значения.

«Успех» приватизации, ее темпы, качество, доходность, прежде всего, зависят от полноты и эффективности механизмов правового регулирования отношений по приобретению гражданами и юридическими лицами объектов приватизации. Однако,

всегда следует учитывать экономические, политические, социальные факторы, сопровождающие приватизацию, а точнее, длящийся приватизационный процесс, требующий соответствующего правового обеспечения². Приватизация, действительно, является мощным рычагом создания новой системы общественных отношений, но навязчивое форсирование самостоятельности на основе частной собственности, без учета специфики экономики страны с некогда тотальным огосударствлением, высвобождает и деструктивные силы.

В ходе любых экономических и правовых преобразований неизбежно, в первую очередь, преобразование базовых вещных отношений, в том числе, отношений собственности. Постоянный повышенный интерес к этой проблеме объясняется сложностью и важностью задач, решение которых затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Поэтому, вполне очевидно, что реформирование отношений собственности не может быть пущено на самотек и требует четкого регулирования и поддержки со стороны государства. В то же время, процесс массовой реструктуризации собственности оказывает разностороннее воздействие на цели, формы, методы и приоритеты государственного регулирования, поскольку предполагает формирование самостоятельной и особой сферы экономической политики государства, в том числе в отношении юридических лиц, что мы и наблюдаем сегодня.

Такие модификации организационно-правовых форм юридических лиц неизбежны в современных экономических условиях. В условиях многообразия форм собственности создаются принципиально новые формы и типы организаций, постоянно уточняется правовая природа юридических лиц, так как именно в этой категории концентрируются основные вопросы, тенденции развития не только правосубъектности, но и права собственности, а также других институтов гражданского права.

Цивилизованные преобразования организационно-правовых форм и изменение правосубъектности юридических лиц осуществляются и на договорной основе. Имущественная потребность юридического лица может быть удовлетворена при помощи вещных прав или посредством договора.

Однако, договор, будучи одним из элементов механизма гражданско-правового регулирования в

системе товарно-денежных отношений, наиболее эффективно воздействует на поведение субъектов лишь в совокупности с другими правовыми средствами (нормами права, правосубъектностью, правом собственности и другими вещными правами, обязательствами, обеспечительными средствами, ответственностью и другими), а также экономическими (товар и деньги, спрос и предложение, рынок и конкуренция, издержки и цена, налог и бюджет и другие). В отрыве от них, вне механизма гражданско-правового регулирования, договор не способен обеспечить организационно-правовую модель (конструкцию) поведения юридического лица на рынке. Отношения собственности и другие вещные отношения служат экономическим пространством для договорных правоотношений, в том числе, при слиянии и «поглощении», разделении, выделении и «расщеплении» организаций.

Юридические лица типизированы и должны формально и содержательно соответствовать законодательно установленным формам.

Форма определяется как способ организации содержания и его существования в пространстве и во времени. По форме и проявляющихся в ней признаках можно судить и о самом содержании. В частности, определив форму организации юридического лица, можно выделить состав его участников, цели создания организации, ее основные признаки и т.д. Форма организации определяет ее тип, устройство, структуру, иерархичность органов управления, способы и средства внутренних взаимоотношений, режим формирования воли и ее выражение, а также порядок приобретения и реализации субъективных прав.

Отношения собственности, выбор видов и форм собственности тесно связаны с экономическими интересами (как обусловленными отношениями собственности мотивами, стимулами экономической деятельности, направленной на удовлетворение определенных потребностей).

Экономические интересы очень многогранны и могут принадлежать как отдельному лицу, так и персонифицированному или неперсонифицированному образованию. В зависимости от этого выделяют личные (направлены на удовлетворение потребностей отдельного человека), коллективные интересы (направлены на удовлетворение потребностей отдельных групп лиц, объединенных определенным

ситуативным положением), общественные интересы (представляют интересы общества в целом), государственные интересы (для целей удовлетворения общегосударственных интересов).

В условиях рыночной экономики приоритетное место занимают личные интересы, являющиеся главным стимулирующим фактором ведения целенаправленной хозяйственной деятельности. Однако, принимая решения, управляя, реализуя свои цели, каждый должен принимать во внимание и интересы всех тех, с кем взаимодействует в ходе своей экономической деятельности. При этом удовлетворение личных потребностей зачастую способствует удовлетворению и коллективных, и общественных потребностей — именно таким образом выстраивается грамотная экономическая и правовая политика в социально ориентированном государстве. Потому, и юридические лица (в частности, корпоративной формы) на протяжении всего своего жизненного цикла должны не только преследовать основную цель своей деятельности, стремясь исключительно к получению прибыли любым путем, но и, по мере экономических и юридических возможностей, помогать реализовывать интересы своих учредителей, участников, членов, сотрудников, клиентов, государства, общества в целом. К примеру, в Великобритании целью деятельности компании является и достижение благополучия ее участников. Экономические результаты (с их показателем — прибылью, а лучше — рентабельностью) должны быть направлены не только на увеличение благосостояния всех участников корпорации и ее «окружения», но и на благополучие малого и большого социума, в котором действует корпорация (институт корпоративной социальной ответственности). Несомненно, что для решения практически всех социальных задач любого общества, любого политического устройства необходимо объединение финансовых ресурсов публичных субъектов и финансовых возможностей частных субъектов, прежде всего, крупных корпораций в целях реализации единой социальной политики государства. Социальная ответственность корпораций должна носить комплексный, многоуровневый характер, реализуясь путем применения частно-правовых и публично-правовых методов и форм взаимодействия. Потому, «помогая» государству в решении социальных вопросов и снижая, та-

ким образом, социальную напряженность, корпорация вправе рассчитывать и на помощь и поддержку со стороны государства в необходимых случаях (по примеру европейской практики, например, в кризисных ситуациях или при выходе на мировые рынки).

В своем действии принцип взаимодействия и взаимопроникновения порождает возможность существования разных форм собственности в пределах одного субъекта.

Установление рационального соотношения государственной федеральной, государственной субфедеральной, муниципальной, частной индивидуальной и частной групповой, иных форм собственности, их совмещение, преобразование, что является базисом для построения и системы эффективных

собственников (в том числе, юридических лиц) — важнейшая задача социально-экономической и правовой политики любого государства.

Конечно, при любой, даже самой благоприятной социально-экономической политике, не исключено существование противоречий между личными, коллективными, общественными, государственными интересами (конфликт интересов), минимализировать которые должны соответствующие правовые регуляторы.

¹ См.: Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. С. 1—15.

² См.: Кориунов Н.М. Приватизационный процесс в России (методология исследования): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1998.

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРОВА,

адъюнкт кафедры гражданского права и процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: Aleksandrovna-88@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право, семейное право; международное частное право

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, полковник полиции Лебединец О.Н.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового регулирования жилищных отношений в России, включая отношения с участием сотрудников органов внутренних дел. В целях совершенствования правового регулирования в данной сфере исследуется опыт российской правовой науки дореволюционного и советского периодов, а также признается необходимым проведение анализа и глубокое осмысление советского жилищного законодательства, его становления и развития.

Ключевые слова: жилье, жилищная политика, жилищные правоотношения, жилищное хозяйство, этапы развития жилищного законодательства, интересы, потребности, жилищная проблема.

Annotation. The article examines the legal regulation of housing in Russia relations, including relations with the participation of law enforcement officers. In order to improve legal regulation in this area explores the experience of the Russian legal science prerevolutionary and Soviet periods, as well as considered necessary analysis and deep understanding of the Soviet housing legislation, its formation and development.

Keywords: housing, housing policy, housing, legal, housing, stages of development of housing legislation, interests, needs, the housing problem.

Актуальность исследуемой темы обуславливается, прежде всего, остротой жилищной проблемы, которая со временем не снижается. В ст. 40 Конституции РФ отражена роль государства и органов местного самоуправления на рынке жилья, которая сводится к содействию, поощрению жилищного строительства любых форм собственности, созданию условий для осуществления права на жилище, предоставлению в установленном порядке гражданам жилых помещений по договорам социального найма или договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда. В условиях рыночной экономики возникает противоречие в сочетании интересов государства и личности при решении жилищной проблемы. С одной стороны, государство берет на себя обязанности по обеспечению своих граждан надлежащими условиями жизни, включая обеспечение жильем, с другой, — исторический опыт показывает, что только за счет государственных ресурсов решить жилищный вопрос в полной мере невозможно. Более того, имеются некоторые категории граждан, которые не в состоянии самостоятельно удовлетворить свои потребности в жилье. В этих условиях особо ярко обозначился вопрос о государственно-правовых гарантиях в области обеспечения жилищных прав граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел. Все это вызывает необходимость разработки новых подходов к проблеме правового обеспечения права граждан на жилище с учетом исторического опыта, сочетания института государственного жилищного обеспечения и частной инициативы.

Как известно, проблема жилья во все времена является одной из самых приоритетных в жизни любого человека. В настоящее время, как и прежде, реформирование жилищного законодательства заставляет более внимательно взглянуть на то, как жилищно-правовая проблема решалась в нашей стране. Для этого представляется целесообразным изучение опыта правового регулирования жилищных отношений на различных этапах развития нашего государства.

В целом, как и любое законодательство, жилищное законодательство развивается поэтапно. Можно выделить следующие этапы развития жилищного законодательства:

- ❖ дореволюционный период — нет места жилищному законодательству как комплексной отрасли российского законодательства и как инструменту государства в решении жилищной проблемы; жилищные отношения как гражданские отношения регламентировались частным правом, государство (местное самоуправление) самоустранилось от решения квартирного вопроса, несмотря на его социальную остроту;
- ❖ советский период — возникла и утвердилась комплексная отрасль советского жилищного законодательства, регулирующая группу разнородных отношений, условно объединяемых как жилищные, нормами публичного и гражданского права; государство достигло доминирующего положения в системе удовлетворения жилищных потребностей граждан, сведя рынок жилья на нет;
- ❖ постсоветский период — жилищное законодательство как многоотраслевое сохраняет свои функции в структуре постсоветского российского законодательства, а постсоветское государство (органы местного самоуправления) утратило функциональное назначение быть монополистом в жилищном строительстве и жилищном фонде, главным инструментом в решении жилищной проблемы, уступив место рынку жилья;
- ❖ современный период — наблюдается переход к принципиально иному общественному строю, иной политической и правовой надстройке; на повестке дня стоит вопрос о перестройке российского законодательства, в том числе и жилищного законодательства, находящегося теперь в зависимости от конституционного права граждан на жилище, необходимость которого была поставлена под сомнение накануне принятия новой Конституции, а также новой государственной системы удовлетворения жилищных потребностей российских граждан, в принципе отвергнувшей в условиях рыночной экономики, рынка жилья функцию социального государства как главного инструмента в решении жилищной проблемы общества и перехода к инициативному решению квартирного вопроса каждым в сочетании с мерами социальной помощи или поддержки малоимущих граждан.

В дореволюционной России правовое регулирование жилищных отношений осуществлялось в

рамках гражданского права. В результате вопрос о правовой природе прав, на основании которых осуществлялось пользование жильем, не возникал. В указанный период развития нашего государства права на жилье могли носить как вещный, так и обязательственный характер. К вещным правам на жилье относились право частной собственности на домостроения и право застройки, а к обязательственным — имущественный найм. Конечно, объекты вещных и обязательственных прав на жилище в дореволюционном и современном законодательстве определяются по-разному.

Применительно к теме нашего исследования, особое место в системе социального регулирования занимает сегмент, относящийся к специфической профессиональной категории работников, — сотрудников правоохранительных органов и, прежде всего, органов внутренних дел Российской Федерации.

В дореволюционной России правовое регулирование жилищных отношений осуществлялось в рамках гражданского права. В результате чего вопрос о правовой природе прав, на основании которых осуществлялось пользование жильем, не возникал.

В современном гражданском и жилищном законодательстве объектом прав на жилье являются жилые дома и жилые помещения. Что касается дореволюционного периода, то в юридической практике того времени понятия «жилое помещение» или «жилой дом» не употреблялись. В законодательстве Российской Империи объектами прав на жилье признавались «частные имущества», «строения», «недвижимые имущества в городах», «домовладения», «квартиры», «комнаты», «углы» и «койки». Дореволюционный законодатель допускал, что право имущественного найма может возникнуть не только на квартиры и комнаты, но и на их части, т.е. на «углы» и «койки».

Следует обратить внимание на то, что в дореволюционной России жилищное хозяйство находилось в руках частных предпринимателей и являлось одним из отсталых в мире. По низкому уровню благоустройства и переуплотненности жилищ, а также антисанитарии Россия занимала первое место в Европе. По статистике, средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 кв. м., фактически же была еще ниже¹. В

городах потребность населения в жилье в основном удовлетворялась путем найма жилья на основании договора имущественного найма.

В этот период в России четко выделялась проблема жилищной нужды бедного населения, неспособного создать для себя или оплачивать достойное жилище, ищущего элементарного ночлега или угла существования. Начало удовлетворения этой нужды принадлежит частной инициативе. В свою очередь, выгодность такого предпринимательства сдерживалась ограниченной возможностью оплаты ночлега или коечно-каморочных квартир и углов, что приводило к максимальному уплотнению проживающих, антисанитарным жилищным условиям и нежеланию владельцев вкладывать средства в ремонт и содержание жилья. С 1864 г. из-за опасности эпидемий и криминала возникла острая необходимость государственного вмешательства в рассматриваемые отношения. Первоначально были приняты меры по оздоровлению частных ночлежек и коечно-каморочных квартир и углов: законодательно-нормировочные и компенсационные, включающие оказание медицинской помощи, создание дешевых столовых и магазинов дешевой одежды возле частного жилья подобного типа. Из-за малой эффективности этих мер, требовавших, тем не менее, значительных затрат, с конца XIX в. начинается строительство муниципальных ночлежных домов и домов дешевых квартир. Ожидалось, что предоставление крова упрочит положение малоимущего слоя населения, и он сможет сам решить вопросы своего бытия. В целях усиления эффективности такой помощи использовались и другие ее формы: устройство дешевых чайных и столовых, обеспечение дешевой одеждой и обувью, возможность получения профессий, имеющих спрос на рынке труда, организация непосредственно у ночлежных домов Бирж труда для поиска работы и т.д.

Для среднестатистического населения жилищная проблема была значительно более мягкой, и речь скорее шла об оздоровлении жилищных условий: улучшении санитарного состояния, повышении качества и комфортности жилья. Учитывалось, что эта часть населения способна сама создавать собственное жилище или нанимать его у частных домовладельцев. Для активизации строительства нового частного жилья для проживания или сдачи его вна-

ем, при ограниченности средств, требовалась определенная помощь со стороны государства: выделение дешевых строительных участков, оснащенных коммуникациями и водоснабжением; содействие в снабжении строительными материалами; поддержка в организации строительства и облегчение правил получения права на строительство. Одним из видов помощи государства становилось содействие едва возникшему кооперативному движению, при котором создание нового жилья достигалось объединением малых средств отдельных участников, а со стороны государства оказывалась помощь в форме выделения участков и кредитов, льготных условий снабжения строительными материалами, временного освобождения от уплаты части налогов. В указанный период поощрялась благотворительная деятельность богатой части населения в создании жилья для малоимущих. Таким образом, решение жилищной проблемы для среднестатистического населения почти целиком ложилось на плечи частной инициативы.

В дореволюционный период, в условиях роста промышленности, а соответственно, и численности населения, в городах присутствовал значительный дефицит квартир и комнат. Спрос на жилье превышал предложение, это приводило к тому, что собственники строений имели практически неограниченную возможность навязывать нанимателю свои условия, далеко не всегда выгодные для него (особенно это касалось цены договора найма жилья).

Указанные выше обстоятельства обусловили необходимость государственного вмешательства в регулирование отношений, складывающихся по найму жилья.

Дореволюционная Россия была аграрно-индустриальной страной, что определяло состав ее населения: 82% жителей страны проживало в сельской местности и, как правило, в собственных домах — избах, без элементарного благоустройства². Накануне первой мировой войны жилищный фонд городов России составлял 180 млн. кв. м. общей площади. На 80% он состоял из одноэтажных деревянных и малоразмерных домов, находящихся в собственности граждан³.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой права собственности на строения в рассматриваемый период можно назвать его тесную связь с

землей. Лицо, которое намеревалось возвести строение, как правило, приобретало в собственность земельный участок, а при продаже строения, оно могло быть продано только лишь совместно с земельным участком. Дореволюционное законодательство не исключало возможность возведения строения на участке земли, не принадлежащем застройщику на праве собственности. Владеть таким участком земли застройщик мог на основании договора аренды. По истечении срока договора аренды собственник земельного участка мог требовать сноса возведенного арендатором строения.

События 1917 г. привели к принципиально новому подходу в правовом регулировании рассматриваемых отношений. После Октябрьской революции правовое регулирование жилищных отношений стало осуществляться в рамках административной юрисдикции, посредством жесткого регулирования с использованием императивных предписаний.

Придя к власти, большевики немедленно приступили к решению жилищного вопроса в соответствии со своими программными документами, в частности, с программой партии 1903 г., в основе которых лежали идеи экспроприации домов буржуазии и переселения в них из трущоб и подвалов рабочих. Эти идеи были развиты В.И. Лениным в дополнение к проекту декрета Петроградского Совета «О реквизиции теплых вещей для солдат на фронте», которое так и называлось «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужды бедных»⁴. В соответствии с ним домовым комитетам вменялось в обязанность взять на учет богатые квартиры, подлежащие реквизиции, а районным Советам рабочих и солдатских депутатов — утверждение списка и порядка занятия квартир беднотой. 20 ноября 1917 г. В.И. Ленин составил «Тезисы закона о конфискации домов с сдаваемыми внаем квартирами»⁵, которые послужили основой для «жилищного передела» — выселения буржуазии из ее домов и заселения их семьями рабочих из подвалов, трущоб, казарм. В «Тезисах» предусматривалась также национализация всей городской земли. В них были намечены главные направления жилищной политики Советского государства и заложены принципы управления жилищным фондом.

Изложенные в «Тезисах» идеи нашли дальнейшее отражения в декрете РСФСР от 23 ноября 1917 г. «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» и декрете ВЦИК от 6 декабря 1917 г. о запрещении сделок с недвижимостью⁶. На основе этих актов Советы рабочих и солдатских депутатов изымали из частного владения крупные дома и строения и передавали их в ведение Советов. Критерием, определявшим право на экспроприацию, служил минимум доходности, получаемой от жилых помещений, определяемый в зависимости от местных условий. Право национализации домов предоставлялось местным Советам. Домовладения и другое недвижимое имущество, нажитое своим трудом, экспроприации не подлежали. По свидетельству современников, «в Москве и Петербурге, а также и в провинциальных городах, жители лучших, удобнейших домов были разделены на специальные категории, причем буржуазные паразитические элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов переселялись рабочие»⁷. Кстати, у выселяемых вместе с квартирами отбирались мебель, домашняя утварь, одежда, продукты питания и деньги, часть реквизированного передавалась новым жильцам — рабочим, с которых первое время даже не взималась квартплата.

С принятием Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.⁸ государственная собственность становится основной формой собственности на жилье. С этого момента стало использоваться понятие государственный жилищный фонд.

Необходимо обратить внимание, что ГК РСФСР 1922 г., наряду с государственной формой собственности на жилье, предусматривал существование кооперативной собственности (собственности жилищно-арендных кооперативных товариществ, общегражданских жилищно-строительных товариществ, и рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ). Развернувшаяся вокруг института кооперативной собственности дискуссия о характере этого явления и его роли в решении жилищной проблемы, выявила точку зрения большинства ее участников — «в ближайшие годы при широкой поддержке самого населения значительно облегчить, если не ликвидировать вполне жилищный кризис»⁹. В то же время, тут сохранялась идеологическая основа, поскольку жилищные товари-

щества должны были выполнять двуединую задачу: «с одной стороны, воспитывать в людях чувство хозяина и развивать опыт самоуправления, а с другой — эксплуатировать жилье на принципах самоокупаемости»¹⁰.

Помимо государственной и кооперативной собственности в ст. 52 ГК РСФСР 1922 г. закрепляется и частная собственность. Частная собственность устанавливалась на небольшие по размерам дома. Вместе с тем, было упразднено право частной собственности на землю, с которым в дореволюционное законодательство связывало право собственности на жилье. Данное упразднение повлекло за собой отмену в ГК РСФСР 1922 г. деления имущества на движимое и недвижимое, что привело к изменению оценки статуса жилья.

Взятый курс на ускоренную индустриализацию страны привел к переориентировке жилищной политики на обеспечение промышленных новостроек рабочей силой и закрепление за ней хоть какого-то жилья. В результате, происходит снижение вдвое доли кооперации в общем объеме жилищного строительства. Жилищные условия людей снова ухудшаются, на сей раз и количественно, и качественно. Это было связано с тем, что в 1932 г. число городских жителей возросло до 35,6 млн., т.е. почти на 9 млн., тогда как жилая площадь увеличилась лишь на 25 млн. кв. м. по сравнению с 1927—1928 гг., что понизило норму жилой площади на одного человека до 5,2 кв. м. Построенные по типу временных пристанищ вокруг возводимых заводов и фабрик, часто без необходимой санитарно-гигиенической проверки мест застройки, бараки стали постоянным местобитанием многих миллионов рабочих семей.

Нехватка денежных средств для поддержания жилого фонда стала одной из основных причин жилищного кризиса.

Исходя из сложившейся ситуации, важным шагом в развитии советского жилищного законодательства стало Постановление ЦИК и СНК от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»¹¹. Данный нормативный правовой акт имел базовое значение в сфере регулирования жилищных отношений. По существу, его принципиальные положения сохранялись во всех последующих нормативных правовых актах, регулирующих жилищные отношения.

На основании положений рассматриваемого нормативного правового акта почти весь жилищной фонд объявлялся государственной собственностью. Государство стало практически чуть ли не единственным собственником жилья; были ликвидированы жилищно-арендные кооперативные товарищества, а дома, находящиеся в их пользовании, переданы в управление местных Советов и государственных предприятий. Жилищная кооперация, в свою очередь, могла существовать только в форме жилищно-строительного кооператива. Понятие «частная собственность» было заменено на понятие «личная собственность». Предусматривались существенные ограничения права застройки. Так был взят курс на постепенную ликвидацию указанного института.

Постановление ЦИК и СНК от 17 октября 1937 г. являлось первым законодательным актом, в котором специально были урегулированы вопросы найма жилых помещений. В законодательство впервые было введено понятие «ордер», как основание для вселения в жилое помещение.

Бурное развитие промышленности, транспорта, строительства, городского хозяйства вело к росту городского населения страны, что, в свою очередь, требовало больших капитальных вложений в государственное и кооперативное жилищное строительство. Уже к 1940 г. весь городской жилищный фонд СССР составлял 421 млн. кв. м общей площади¹². Великая Отечественная война затормозила развитие городского хозяйства. Во-первых, война нанесла большой урон, во-вторых, выделять значительные средства из бюджета на строительство и содержание жилищного фонда в эти годы было невозможно. В 1948 г. граждане получили право приобрести в личную собственность один жилой дом в 1—2 этажа с 1—5 комнатами, общей площадью не более 60 м². Однако, этого было недостаточно, чтобы существенно улучшить жилищные условия граждан.

Коренной перелом в решении жилищной проблемы произошел в 60-е гг. прошлого столетия. Так, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» была поставлена задача в кратчайшие сроки достигнуть значительного прироста жилищного фонда страны¹³. В третьей Программе партии такая задача ставилась и

на ближайшие 10—15 лет: «Каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта»¹⁴. Несмотря на то, что эти планы не были полностью выполнены, объемы жилищного строительства в 70-е гг. прошлого столетия были значительны. Жилищный фонд городов и рабочих поселков к 1971 г., по сравнению с до-революционным периодом, увеличился в 8,5 раза. Средняя обеспеченность городского жителя в этом году составила 11 кв. м. общей площади. По числу построенных квартир на тысячу человек населения Советский Союз занимал одно из первых мест в мире¹⁵.

Произошедшие в нашей стране в 1930—1940-х гг. преобразования в сфере правового регулирования жилищных отношений были закреплены в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г.¹⁶

В начале 1980-х гг. жилищное законодательство подверглось кодификации. В 1983 г. был принят Жилищный кодекс РСФСР, который продолжал действовать до 1 марта 2005 г.

На основании положений ЖК РСФСР 1983 г. жилые помещения и дома могли принадлежать государству (государственный жилищный фонд), колхозам и другим кооперативным организациям (общественный жилищный фонд), жилищно-строительным кооперативам (фонд жилищно-строительных кооперативов), гражданам (индивидуальный жилищный фонд).

В ЖК РСФСР 1983 г. содержалась подробная характеристика жилого дома и жилого помещения. В нем было закреплено, что жилой дом или жилое помещение предназначаются только для постоянного проживания граждан. Предоставление жилых помещений для нужд промышленного характера было запрещено.

Правила, регулирующие договор найма жилого помещения в ЖК РСФСР не претерпели существенных изменений. Сохранялся и административный характер возникновения права на жилое помещение.

Дальнейшее развитие советского жилищного законодательства связано с принятием в конце 80 гг. прошлого столетия Закона СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР»¹⁷. В нем были закреплены различные формы жилищной кооперации: жилищных и жилищно-строительных кооперативов.

До принятия указанного закона граждане, полностью выплатившие паевой взнос, приобретали право бессрочного пользования квартирой. Факт окончательной выплаты пая означал лишь погашение долга кооперативу и сущности отношений не менял. Закон связывал с фактом выплаты пая возникновение у члена кооператива права собственности, т.е. возможности по своему усмотрению передать квартиру родственникам или другим лицам с соблюдением ряда условий.

Граждан, полностью выплативших паяевой взнос, закон называл собственниками своих жилых помещений. Наниматели жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищного фонда получили право выкупить соответствующую квартиру или дом.

Своего рода логическим продолжением новой экономической политики государства было принятие Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР». Данный закон закрепил следующие формы собственности: 1) собственность граждан, 2) коллективную собственность, 3) государственную собственность.

Началом нового этапа в развитии советского жилищного законодательства стало принятие Закона РФ от 4 июля 1991 г. «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»¹⁸. На основании данного закона граждане РФ, занимающие жилые помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде (включая ведомственный жилищный фонд) на условиях социального найма, вправе с согласия всех совместно проживающих совершеннолетних членов семьи приобрести эти помещения в собственность на безвозмездной основе.

В заключение отметим, что к моменту распада СССР жилищное законодательство представляло собой конгломерат недостаточно согласующихся между собой нормативных правовых актов. Существование многообразия форм собственности на жилье и вовлечение жилья в рыночный оборот сопровождалось попыткой использования цивилистических начал в регулировании жилищных отношений. Однако, неспособность отказаться от применения устаревших административно-правовых институтов регулирования жилищных отношений не позволило четко установить порядок, условия и пределы использования гражданско-правовых ин-

ститутов в жилищной сфере. Жилищная проблема оставалась достаточно острой.

В настоящее время, введение в новой национальной системе удовлетворения жилищных потребностей граждан (ст. 40 Конституции РФ) такой категории, как малоимущие в качестве основной категории нуждающихся в жилых помещениях исходит из того, что другие граждане, равно нуждающиеся в жилых помещениях, должны инициативно решать свой квартирный вопрос, используя уже не право на получение социального жилого помещения, а новые экономические конституционные права — свободу экономической деятельности, основанной на конституционном праве частной собственности, свободном использовании своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Таким образом, без использования основных экономических прав не может осуществляться право на жилище.

Советское конституционное право на жилище не знало зависимости от социального и материального положения граждан, придерживаясь признания равенства между ними перед законом.

В новых экономических условиях заложенная в ст. 40 Конституции РФ схема национальной системы удовлетворения жилищных потребностей общества не соответствует платежеспособности большинства населения в переходный период к рыночной экономике, т.е. установленная национальная система может быть адекватной лишь в отдаленном будущем.

Новое жилищное законодательство, определив, что переходный период к новой системе закончился, оказалось малоэффективным, неадекватным существующим общественным отношениям. Причина лежит на поверхности: в новых установках оно забежало вперед, оторвалось от действительного материального положения большинства граждан и навязывает принудительно схему удовлетворения жилищных потребностей общества, решение квартирного вопроса, содержания, сохранения и благоустройства существующего жилищного фонда. Поэтому органы местного самоуправления испытывают большие сложности с образованием товариществ собственников жилья. У большинства населения отсутствуют материальные возможности для инициа-

тивного индивидуального решения возникающей жилищной проблемы, улучшения содержания, эксплуатации и капитального ремонта жилых домов, в которых они живут. Тем более в условиях кризиса. Предложенное завершение приватизации жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов вообще и деприватизации в том же ряду новой системы решения жилищной проблемы связано с введением в действие Жилищного кодекса РФ.

Новая система удовлетворения жилищных потребностей граждан предусмотрена ч. 2 ст. 40 Конституции РФ, и поэтому жилищное законодательство постсоветского периода не может быть другим. Однако, определение постепенности перехода к ее полному осуществлению зависит от жилищного законодательства, которое должно адекватно отражать подлинное состояние общественного развития и не навязывать общественным отношениям такие правоотношения, которые не отражают материальных возможностей большинства его участников, тогда как государство и право декларировали свою социальную ориентацию (ст.ст. 2, 7 Конституции Российской Федерации). Тем более, обозначенный переходный период к новой системе был застойным относительно строительства жилья, не говоря уже о современном неудовлетворительном состоянии жилищного фонда и недостаточных мерах, предпринимаемых по улучшению его эксплуатации¹⁹.

Таким образом, на любом этапе развития жилищного законодательства существовали и существуют проблемы как теоретического, так и практического характера. Неизбежны эти проблемы и сегодня (несмотря на усилия законодателя более сбалансированного объемного правового регулирования жилищных отношений). Эти проблемы касаются и определения критериев жилого помещения, вещных прав на жилое помещения, способов реализации жилищных прав (в том числе и сотрудников органов внутренних дел), и др., устранению которых должны способствовать адекватные, действенные механизмы правового воздействия на жилищную сферу.

Литература.

1. Анохина С.Ю. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: вопросы те-

рии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

2. Бронер Д.Л. Современные проблемы жилищного хозяйства. М., 1961.

3. Грудцына Л.Ю. Жилищная политика в России: прошлое и будущее // Законодательство и экономика. 2005. № 6.

4. Говоренкова Т.М. Этапы развития жилищных отношений в России и Москве XX в. // ЖКХ. 2000. № 9.

5. Грибанов В.П. Основы советского жилищного законодательства. (Пособие для слушателей народных университетов). М.: Знание, 1983.

6. Красавчиков О.А. Основы советского жилищного законодательства. Уральский государственный университет. Свердловск. 1981.

7. Кабалкин А.Ю. Жилищное законодательство в СССР. (Пособие для слушателей народных университетов). М.: Знание, 1970.

8. Кузнецова Т. О революционном жилищном переделе в Москве // История СССР. 1963. № 5.

¹ Бронер Д.Л. Современные проблемы жилищного хозяйства. М., 1961. С. 56.

² Народное хозяйство СССР в 1969 г.: Стат. ежегодник. М. 1970. С. 7.

³ Дмитриев Н. Жилищный вопрос. Два мира — два подхода. М., 1973. С. 71.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 133.

⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 137.

⁷ Черных А. Жилищный передел // СОЦИС: Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71.

⁸ СУ 1922 г. № 71, ст. 904.

⁹ Плансон В. Организационные задачи жилищной кооперации // Жилищная кооперация. 1924. № 17—18. С. 10.

¹⁰ Бессонова О.Э. Жилье: рынок и раздача. Новосибирск, 1993. С. 73.

¹¹ СЗ СССР. 1937. № 69. Ст. 314.

¹² СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции: Стат. сборник. М., 1970. С. 180.

¹³ СП СССР. 1957. № 16. Ст. 162.

¹⁴ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 390.

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Стат. ежегодник. М., 1971. С. 68.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г., № 24, ст. 406; 1966, № 32, ст. 771; 1973, № 51, ст. 1114; 1974, № 51, ст. 1346; 1986, № 23, ст. 638; 1987, № 9, ст. 250; 1988, № 1, ст. 1; 1991, № 15, ст. 494; 1992, № 15, ст. 768; 1992, № 29, ст. 1689; 1992, № 34, ст. 1966.

¹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

¹⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1991 г., № 28, ст. 959; СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 15.

¹⁹ Литовкин В.Н. Два шага назад без шага вперед // Законы России. 2008. № 8. С. 4—9; Литовкин В.Н. Реформа ЖКХ не то что не дошла до середины — ее практически не видно // Жилищное право. 2009. № 6. С. 5—12.

**ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК ЛИЦОМ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ**

ВАРВАРА ГЕННАДЬЕВНА ШАКАЛОВА,

Санкт-Петербургский университет МВД России, адъюнкт кафедры гражданского права

E-mail: v_shakalova@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право;

международное частное право

Научный руководитель: кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права,

Заслуженный юрист России Маркова М.Г.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются особенности порядка заключения гражданско-правовых сделок как элемента правосубъектности лицом, в случае, когда оно приобретает статус подозреваемого (обвиняемого) и в отношении него ведется предварительное расследование по уголовному делу, в том числе в период применения меры пресечения заключения под стражу. Затрагиваются проблемы реализации прав и обязанностей лица, связанные с изоляцией, и способы их осуществления. Поднимается вопрос представительства и доверенности. Указаны источники, на основе которых необходимо строить теоретическую базу с дальнейшим воплощением в практику.

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, гражданско-правовая сделка, подозреваемый, обвиняемый, представительство, доверенность.

Annotation. In article features of an order of the conclusion of civil transactions as a right subjectivity element, the person, in a case when it gets the status of the suspect (accused) and concerning it conducts preliminary investigation on criminal case, including during application to the citizen of a measure of restraint of imprisonment are considered. Issues of realization of the rights and duties the persons tied with isolation, and ways of their implementation are touched. Raises the question of representation and power of attorney. Shows the sources on which it is necessary to build a theoretical framework to a further embodiment in practice.

Keywords: legal personality, legal ability, civil transaction, suspect, the accused, representation, power of attorney.

Правовое положение лица, в отношении которого ведется предварительное расследование по уголовному делу, отличается от правового положения обычного гражданина. В-первую очередь это связано с тем, что, как правило, в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления избирается мера пресечения заключение под стражу, в связи с чем лицо, в отношении которого ведется предварительное расследование, ввиду своей изоляции, не может полностью реализовывать свои гражданские права и обязанности. Возможность совершать не запрещенные законом

сделки является элементом правосубъектности, принадлежит гражданину и может быть ограничена только в определенных случаях и на основании закона.

Действия граждан, а также юридических лиц, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей являются гражданско-правовыми сделками¹, которые разделяются на односторонние, двухсторонние или многосторонние.

Следует отметить, что для совершения односторонней сделки требуется волеизъявление лишь

одной стороны, в нашем случае волеизъявления лица, заключенного под стражу в порядке меры пресечения; примером может служить завещание. При совершении многосторонней сделки требуется волеизъявление всех лиц, участвующих в сделке сторон, одной из которых является подозреваемый (обвиняемый)².

Совершение сделок возможно в устной форме, простой письменной форме, либо в письменной нотариально заверенной. Сделка считается недействительной, если не соблюдается ее форма, установленная гражданским законодательством.

Гражданская дееспособность как способность своими действиями гражданину приобретать и осуществлять гражданские права, а также создавать и исполнять гражданские обязанности в полном объеме наступает в момент совершеннолетия³ и ограничение ее недопустимо, не иначе как в соответствии с законом⁴.

Как было указано ранее, полная и неизменная реализация правосубъектности лицом, в отношении которого ведется предварительное расследование, в условиях изоляции сталкивается с трудностями, в результате чего появляются определенные процедуры, без соблюдения которых осуществление гражданских прав и обязанностей представляется невозможным. В отношении подозреваемого (обвиняемого), содержащегося под стражей в порядке меры пресечения, такой процедурой служит дача согласия на приобретение и осуществление гражданских прав лицом, в производстве которого находится уголовное дело, которое производится на усмотрение последнего. Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, может отказать в даче согласия, но такой отказ не должен быть произвольным, а может быть произведен только в интересах уголовного судопроизводства и безопасности участников уголовного процесса. Основанием для отказа в даче согласия может послужить сделка:

- ❖ не соответствующая закону (иному правовому акту);
- ❖ противоречащая основам правопорядка и нравственности;
- ❖ являющаяся мнимой или притворной;
- ❖ к совершению которой привлечено недееспособное лицо;

- ❖ Сделка выходит за пределы правоспособности хотя бы одного из ее участников⁵.

Необходимо так же учитывать, что совершенные сделок несовершеннолетними возможно только с письменного согласия законных представителей (родителей, усыновителей, попечителей), за исключением положений, перечисленных в ст. 26 ГК РФ.

Направлять ходатайства органу, либо лицу в производстве которого находится уголовное дело, на дачу согласия на совершение гражданско-правовой сделки могут:

- ❖ сам подозреваемый (обвиняемый);
- ❖ его защитник или представитель;
- ❖ претендент на участие в гражданско-правовой сделке;
- ❖ любое заинтересованное физическое или юридическое лицо⁶.

В случае, когда ходатайство поступает от заинтересованного лица, в-первую очередь необходимо выяснить позицию лица, содержащегося под стражей, в отношении предстоящей сделки, документально ее зафиксировать, а лишь затем принимать окончательное решение.

Порядок дачи согласия должен быть установлен, опираясь на ст. 157.1 ГК РФ⁷, мотивированным постановлением, по аналогии с уголовно-процессуальными нормами; оформлять его необходимо в двух экземплярах: первый должен быть приобщен к уголовному делу, а второй — к личному делу арестованного, либо протоколу задержания подозреваемого.

Обжаловать отказ в даче согласия имеет право как подозреваемый (обвиняемый), так и любое заинтересованное лицо. Для этого необходимо обратиться в прокуратуру или в суд, а далее по инстанциям. По аналогии заинтересованным лицом может быть обжаловано и решение о даче согласия; таким лицом может выступать потерпевший гражданский истец.

Лицо, в отношении которого ведется предварительное расследование по уголовному делу и избрана мера пресечения заключение под стражу, в следствие изоляции не всегда имеет возможность осуществить свои права и обязанности лично, в связи с чем указанное лицо пользуется институтом представительства.

Представителем может выступать любое незаинтересованное лицо, которое на основании письменной доверенности, указания в законе, либо акта уполномоченного государственного органа или органа самоуправления будет совершать сделки от имени доверителя⁸. Но существует исключение, когда сделка по своему характеру может быть совершена только лично; в этом случае представительство недопустимо. Так же существует требование соблюдения формы сделок. Так, сделка, требующая нотариального удостоверения, может быть совершена только по нотариально заверенной доверенности. Здесь существует определенная особенность — для лиц, содержащихся под стражей, доверенность, удостоверенная руководителем места содержания под стражей, приравнивается к нотариально удостоверенной.

Доверенность ограничена сроком в один год, если иное не указано в самом тексте доверенности. Но, любая доверенность будет признана недействительной если в ее тексте не содержится дата выдачи последней. Следует также учесть, что в случае, когда нотариально удостоверенная доверенность выдана для совершения действий за границей и не содержит срока ее действия, она является бессрочной, вплоть до отмены ее выдавшим лицом.

Если лицо, выдавшее доверенность желает отменить ее, то это необходимо сделать в письменном форме, удостоверить у администрации места содержания под стражей и известить об этом лицо, которому она была выдана, а также всех известных ему третьих лиц. В случае прекращения доверенности тот, кому доверенность была выдана, обязан ее немедленно вернуть доверителю.

Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, а также администрация места содержания под стражей не могут влиять на содержание гражданско-правовой сделки и реализацию ее положений, их роль заключается лишь в даче согласия на факт совершения сделки, либо в отказе от такового⁹.

Для реализации своего право на дачу доверенности, лицу содержащемуся под стражей, необходимо иметь при себе бланк доверенности и уметь ее составлять, в связи с чем на администрацию места содержания под стражей возлагается обязанность по обеспечению указанных лиц бланками доверенности и разъяснению порядка их составления.

Для получения доверенности от лица, в отношении которого ведется предварительное расследование, заинтересованным лицам и гражданам необходимо написать заявление и вручить его на личном приеме, либо отправить по почте лицу (органу), в производстве которого находится уголовное дело, или представителю администрации места содержания под стражей. Если требуется нотариально удостоверенная доверенность, то приравненной к ней является лишь доверенность, удостоверенная начальником места лишения свободы¹⁰.

Правила внутреннего распорядка места содержания под стражей определяют порядок непосредственного совершения гражданско-правовой сделки, в частности указывают на место, время ее совершения; несоблюдение порядка, предусмотренного правилами внутреннего распорядка ведет к недопустимости совершения сделки.

Закон не предусматривает каких-либо ограничений на совершение лицом, заключенным под стражу в порядке меры пресечения, гражданско-правовых сделок. Но следует учитывать, что когда вопрос касается:

- ❖ закрепления принадлежности объекта гражданских прав конкретному лицу;
- ❖ ограничения прав принадлежности объекта гражданских прав конкретному лицу;
- ❖ обременения имущества (имущественных прав).

В указанных случаях права подлежат государственной регистрации (в частности право на недвижимое имущество), соответственно и сделка, повлекшая возникновение, изменение, либо прекращение прав на имущество, подлежащее государственной регистрации, так же должна быть нотариально удостоверена¹¹. В следствии чего можно сделать вывод о том, что когда подозреваемым (обвиняемым), находящимся в месте предварительного заключения под стражей проявлено пожелание приобрести недвижимое имущество, все его действия, а так же действия представителя, работающего по доверенности, должны иметь форму нотариально удостоверенных, на основании того, что приобретение недвижимого имущества подлежит государственной регистрации. В случае же продажи принадлежащего указанному лицу недвижимого имущества на праве собственности, сделка не требует

нотариального удостоверения, ввиду того, что государственная регистрация продажи не производится.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.66 г. ст. 16 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 30 декабря 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301. п. 1 ст. 30 (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921 (с изм. и доп. от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) // Российская газета. 1997. № 9 (с изм. и доп. от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 4 февраля 2014 г.)).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 4 марта 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). ст. 7627.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. ст. 2327.
9. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 14 апреля 2014 г.).
10. Приказ МВД России «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» от 22 ноября 2005 г. № 950 (ред. от 18 октября 2012 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51 (с изм. и доп. внесенными Приказом

МВД России от 18 октября 2012 г. № 953).

11. Приказ Минюста РФ «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» от 14 октября 2005 г. № 189 (ред. от 27 декабря 2010 г.) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 8 ноября 2005 г. № 7139) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46 (с изм. и доп. Приказом Минюста РФ от 27 декабря 2010 г. № 410 (опубликован в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 21 февраля 2011)).
12. *Ратников Н.Д.* Проблемы правового положения подозреваемого и обвиняемого, содержащихся под стражей в следственном изоляторе. Воронеж: ВИ МВД России, 2000. 132 с.
13. *Даньшина Л.И., Маркова М.Г., Смирнов А.М.* Правовое положение лиц, заключенных под стражу в порядке применения меры пресечения. М., 1981. 64 с.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301. п. 1 ст. 30 (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ). Ст. 153.

² *Ратников Н.Д.* Проблемы правового положения подозреваемого и обвиняемого, содержащихся под стражей в следственном изоляторе. Воронеж: ВИ МВД России, 2000. С. 57.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301. п. 1 ст. 30 (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ). ч. 1, ст. 21.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301. п. 1 ст. 30 (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ). Ч. 1, ст. 22.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301. п. 1 ст. 30 (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ). ст. 168—173.

⁶ *Даньшина Л.И., Маркова М.Г., Смирнов А.М.* Правовое положение лиц, заключенных под стражу в порядке применения меры пресечения. М., 1981. С. 21.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 разд. I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 разд. I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. ст. 2327. Гл. 10.

⁹ *Даньшина Л.И., Маркова М.Г., Смирнов А.М.* Правовое положение лиц, заключенных под стражу в порядке применения меры пресечения. М., 1981. С. 34.

¹⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 разд. I ч. 1 и ст. 1153 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. ст. 2327. п. 3, ч. 2 ст. 185.1.

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 4 марта 2013 г.) // Российская газета. № 3. 2013. Ст. 8.1.

**К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ,
ПРИМЕНЯЕМОЙ В ОПРЕДЕЛЕНИИ НОТАРИУСА
КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 202 УК РФ**

АННА ЮРЬЕВНА БОГАЧЕВА,

адъюнкт ФПНФ и НК Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: yrann13@rambler.ru

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное прав и криминология; уголовно-исполнительное право
Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, полковник полиции Динека В.И.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается нотариат как институт гражданского общества, как институт превентивного правосудия. Дается краткий анализ содержания полномочий нотариуса. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса о его правовом статусе.

Ключевые слова: частный нотариус, нотариат, полномочия, правовой статус, институт превентивного правосудия, публичный служащий.

Annotation. The notarialness as institute of civil society, as institute of preventive justice is examined in this article. The short analysis of maintenance of plenary powers of notary is given. The special attention is spared to consideration of question about his legal status. These questions have a qualificatory value during qualification of this type of crimes.

Keywords: private notary, notarialness, plenary powers, legal status, institute of preventive justice, public office worker.

При применении ст. 202 УК РФ возникает вопрос об использовании терминологии. В нашем исследовании речь пойдет о частном нотариусе как субъекте названного выше преступления.

Бланкетный характер диспозиции ст. 202 УК РФ предполагает необходимость использования нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус рассматриваемой категории лиц. Так, законодательство о нотариате не содержит термина «частный нотариус», а оперирует выражением «нотариус, занимающийся частной практикой» (ст. 1).¹ При этом законодатель не совсем четко определил правовой статус новой категории нотариусов, назвав лицом, «занимающимся частной практикой», но не являющимся предпринимателем и не преследующим цели извлечения прибыли. Думается, что это взаимоисключающие друг друга положения.

Несомненно, нотариат является правовым инструментом, без которого невозможно осуществле-

ние надлежащего правового обеспечения рыночных отношений. А именно: нотариусы совершают нотариальные действия по удостоверению бесспорных прав и фактов, по приданию исполнительной силы долговым и платежным документам, составляют проекты сделок, заявлений и других документов, а так же другие нотариальные действия в соответствии с Основами и в интересах, обратившихся к ним физических и юридических лиц. Консультируют обращающихся к ним лиц, разъясняя им права и обязанности. Например, поясняют сторонам их право согласиться с совершением нотариального действия или отказаться от него до подписания, право на свободное волеизъявление и их обязанность по исполнению обязательств и условий удостоверяемой им сделки, поскольку их невыполнение влечет гражданско-правовые последствия. Предупреждают о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем, чтобы юридическая неосведом-

ленность не могла быть использована им во вред. Договорные отношения, равенство сторон, относительная свобода и самостоятельность участников правоотношений, субъективные взаимные права и обязанности, свобода выбора воли поведения субъектов, обусловленная индивидуальным (частным) интересом характеризуют эти отношения как частноправовые.

Ярко выраженное частноправовое содержание деятельности нотариата, а также то, что он не входит структурно в систему государственных органов, позволяют признать нотариат полноценным институтом гражданского общества.

Кроме того, организацию нотариата, в частности правовую основу его деятельности, формирует государство, определяя структуру, требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должность нотариуса, и другие организационные вопросы². Нотариус, занимающийся частной практикой, представляет собой лицо, наделенное отдельными государственно-властными полномочиями, которые прямо вытекают из сущности нотариата и решаемых им задач. Выражается это в следующем. Осуществляя деятельность по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, нотариус в РФ действует от имени государства (ст. 1 Основ), имеет личную печать с изображением Государственного герба РФ (ст. 11 Основ). Его деятельность связана с осуществлением юридически значимых действий, способных порождать, изменять или прекращать правовые отношения, тем самым организовывая и направляя поведение других лиц, в интересах которых они исполняют свои служебные обязанности³. Нотариус вправе истребовать сведения и документы (в том числе содержащие персональные данные), необходимые для совершения нотариальных действий; обязать заинтересованных лиц либо их представителей явиться в нотариальную контору для дачи устных или письменных пояснений. Нотариусом направляются официальные запросы юридическим и физическим лицам, имеющим отношение к рассматриваемому делу. Данные требования обязательны для исполнения всеми участниками гражданского оборота. Нотариус не может изменить выполняемую им нотариальную функцию. Соблюдение правил нотариального производства по степени своей обязательности имеет

такой же характер, как и соблюдение процедурного регламента в рамках гражданско-процессуального, арбитражного, уголовно-процессуального и конституционного производства. Наделение нотариусов соответствующими полномочиями производится Министерством юстиции РФ или по его поручению органами юстиции на местах в строго определенных законом пределах. Нотариальная деятельность, выполняемая частнопрактикующим нотариусом, является продолжением функции Министерства юстиции РФ по организации услуг и правовой помощи⁴.

Нотариат осуществляет свою деятельность строго в установленном порядке путем совершения только предусмотренных законодательными актами нотариальных действий и в определенных государством процессуальных формах. Нотариус имеет ограничения на занятие частнопредпринимательской и иной деятельностью (ст. 6 Основ) с целью извлечения прибыли. Вышеизложенное обуславливает наличие публичного начала в правовой природе нотариата и не позволяет рассматривать нотариуса как лицо, занимающееся частной практикой, т.е. участвующее в частноправовых отношениях, где самим участникам предоставлена возможность самостоятельно, по своей воле и в своих интересах определять свои права и обязанности.

Таким образом, содержание нотариальной деятельности, не включение структурно в систему органов государственной власти нотариата свидетельствуют о том, что нотариат представляет собой институт гражданского общества, наделенный публичной властью, который функционирует в сфере, где взаимодействуют государство и гражданское общество.

Анализ содержания норм ГК РФ и Законодательства о нотариате, показывает, что в ст. 8 Основ перечисляются все признаки (иметь контору, нанимать и увольнять работников, участвовать в арбитражном суде от своего имени, наличия имущественных и личных неимущественных прав и т.д.), позволяющие рассматривать частнопрактикующего нотариуса как юридическое лицо⁵.

Между тем, исходя из ст. 48 ГК РФ юридические лица обязаны иметь самостоятельный баланс. Однако, частный нотариус бухгалтерский учет не ведет и самостоятельный баланс не имеет. Нота-

риальные действия, совершаемые частнопрактикующим нотариусом, регистрируются в реестре, форма, которого устанавливается Министерством юстиции РФ. В реестре также отражаются суммы тарифов, полученных частным нотариусом за совершение нотариальных действий. Учет доходов, расходов и хозяйственных операций частным нотариусом ведется путем фиксирования в Книге учета полученных доходов и произведенных расходов в момент их совершения, т.е. отражаются результаты деятельности нотариуса за налоговый период. Форма книги учета, с учетом специфики нотариальной деятельности, может быть разработана нотариусом по согласованию с налоговым органом и вестись как на бумажных носителях, так и в электронном виде⁶.

В настоящее время Основы закрепляют единые требования к кандидату на должность нотариуса. Количество нотариусов ограничено и определяется совместно государством и нотариальной палатой в рамках территориального округа. Стоимость оказания нотариальных услуг регулируется государством. Нотариус не может устанавливать свои расценки и совершать только те нотариальные действия, которые ему выгодны⁷. Предпринимательский характер нотариальной деятельности противоречит самой ее сущности как публичной, осуществляемой от имени государства — Российской Федерации (ст. 1 Основ).

Таким образом, выделяя наиболее характерные черты правовой природы нотариата, становится очевидным, что частный нотариус юридическим лицом не является.

Тем не менее, закрепление в Законе нормы о запрете извлечения прибыли в сфере нотариальной деятельности по смыслу ФЗ «Об общественных объединениях» (ст. 5 Основ) относит нотариат к статусу общественного объединения и порождает споры по поводу обязательного членства в единой нотариальной палате субъекта Российской Федерации⁸. Очевидно, что любое общественное или религиозное объединение не может рассматриваться исключительно как частное объединение. Конституционный Суд РФ уточняет данную норму Закона указанием, что «Конституция Российской Федерации не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти

негосударственным организациям, выполняющим публичные функции власти»⁹. Между тем, важным признаком общественного объединения является принцип добровольности вступления в него. Деятельность же частнопрактикующего нотариуса основывается на обязательном членстве в нотариальной палате (ст. 2 Основ). Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 19 мая 1998 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 2, 12, 17, 24 и 34 Основ» признал, что «в силу публичного предназначения нотариальных палат для их организации неприемлем принцип добровольности, характерный для членства в других объединениях, которые создаются исключительно на основе общности интересов граждан...»¹⁰.

Главное отличие общественных объединений от нотариата заключается в том, что в отношениях с другими субъектами они действуют от своего имени, выполняя задачи, определенные их уставом. Частнопрактикующие нотариусы, являясь членами нотариальной палаты, действуют от имени государства, осуществляя функции, возложенные на них государством, и не вступают в договорные отношения с клиентом.

Некоторые ученые предлагают рассматривать нотариат как «институт» предупредительного (превентивного) правосудия¹¹. Действительно, судебная и нотариальная деятельность обладает некоторым сходством в целях, в принципах организации деятельности и в полномочиях. Прежде всего, нотариат и правосудие имеют общую цель — обеспечение прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Суть деятельности правосудия — это осуществление властных полномочий. Как представители государства, нотариусы наделены определенными властными полномочиями, хотя носителями государственной власти они не являются. И судья, и нотариус действуют от имени государства, реализуя черты государственно-властного свойства. Присутствие нотариуса в гражданско-правовых отношениях позволяет, во-первых, реализовать функцию государства по охране и защите прав, не допуская их нарушения, и, во-вторых, придать им законный характер. Судья и нотариус в равной степени должны быть независимы как от государства, так и от участников процесса, что

обуславливает такие общие принципы их деятельности как объективность, беспристрастность в отношениях со всеми участниками процесса, подчинение только действующему закону. Взаимодействие нотариата и правосудия проявляется в таких аспектах как:

- ❖ осуществление нотариальной деятельности предупреждает обращение в суд и возбуждение гражданского процесса;
- ❖ нотариальная форма оформления документов обеспечивает доказательную базу, что при необходимости облегчает установление обстоятельств дела в судебной процедуре.

Между тем, суд является носителем государственной власти, в то время как нотариус — лишь представитель государства. Федеральных судей назначает президент страны. Отстранить судью от должности может только квалификационная коллегия судей, а прекратить деятельность нотариуса, помимо его воли, можно только по судебному решению. Отнесение нотариата к судебной системе противоречит принципу разделения властей, поскольку суд в правовом государстве занимает собственное место в правовой системе и входит структурно в систему органов государственной власти. Нотариат же правосудия не осуществляет. Думается, что в основу деятельности нотариата как института превентивного правосудия положено понимание нотариата как органа призванного не осуществлять судебные функции, а облегчить осуществление правосудия тогда, когда возникает потребность обратиться за такой защитой в суд, что можно назвать превентивной защитой.

Анализ содержания полномочий нотариуса позволяет утверждать, что он имеет признаки служащего. Поэтому поводу, в правовой науке нет единого мнения относительно самого понятия служащего, к основным признакам которого можно отнести следующие¹²:

1. Как правило, он занят умственным трудом и выполняет функции по контролю, управлению, руководству, надзору и учету.
2. Объектом его воздействия является интеллект, сознание, здоровье, поведение и все иные стороны личности человека.
3. Он занимает должность, посредством которой определяются содержание и границы его воз-

действия на объект деятельности, объем и содержание полномочий. Обязательным условием для признания лица служащим является официальное назначение на должность.

4. Служебная деятельность является для него основным занятием и требует специального образования и подготовки.
5. Как правило, он действует не от своего имени, а представляет организацию, государство в его многообразных взаимоотношениях.
6. Его деятельность направлена на обеспечение нормального функционирования и интересов представляемой структуры (например: в достижении целей, ради которых была создана организация (регулирование общественных отношений и т.д.); в обеспечении согласованности функционирования представляемой структуры с «внешними» требованиями (нормами права, морали, профессиональными нормами и т.д.)).

Представляется, такая характеристика служащего, а так же нотариальная деятельность, связанная с реализацией публичной функции государства, позволяют отнести частнопрактикующего нотариуса к публичному служащему.

Таким образом, рассмотрев правовую природу нотариата, можно сделать вывод, что на современном этапе российский нотариат представляет собой институт гражданского общества, действующий на принципах самоуправления, с двойственной правовой природой, сочетающий в своей организации и деятельности принцип публичности с защитой частных интересов граждан и юридических лиц, вследствие чего деятельность нотариата имеет ярко выраженное частноправовое содержание. Вместе с тем, нотариус, выступая как индивидуальный субъект правоотношений, по существу не может быть частным. Между тем, нотариальная деятельность, связанная с реализацией публичной функции государства позволяет отнести частнопрактикующего нотариуса к публичному служащему.

¹ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». 13-е изд. М.: Ось-89, 2012. 64 с. (Федеральный закон). Далее — Основы.

² Романовская О.В., Романовский Г.Б. «Организация нотариата в России»// электронный ресурс <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp>.

³ Романовская О.В., Романовский Г.Б. «Организация нотариата в России» // электронный ресурс <http://law.edu.ru/script/sntsourse.asp>.

⁴ Комментарий к Основам законодательства РФ о нотариате под ред. В.Н. Аргунова. М., 1996. С. 7.

⁵ Гражданский кодекс РФ // электронный ресурс <http://www.gk-rf.ru/statia48>

⁶ Миллер Н.Н. «Налогообложение доходов нотариусов, занимающихся частной практикой» // электронный ресурс <http://www.notary.ru/notary/text5.html>

⁷ Ст.ст. 16, 22 Основ.

⁸ Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 1 января 2014 г.) // электронный ресурс <http://www.consultant.ru/popular/obob/76>

⁹ Собрание законодательства РФ 1998 г. № 22. Ст. 2491.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // электронный ресурс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18805/

¹¹ Комаров В.В., Баранкова В.В.: «Нотариат как институт превентивного правосудия: Нотариат и нотариальный процесс» // электронный ресурс http://www.adhdportal.com/book_2445_chapter_13__2._Notariat_kak_institut_preventivnogo_pravosudija.html

¹² Ремизов М.В. // «Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы (гл. 30 УК РФ)» // дис. канд. юрид. наук // 2004 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МОРОЗОВ,

адъюнкт кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: serj_morozov90@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с предупреждением преступности как приоритетном направлении современной уголовной политики российского государства; проводится анализ ретроспективы системы предупреждения преступности ОВД; обосновывается вывод о важности именно предупредительной работы в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: предупреждение преступности, система предупреждения преступлений, задачами органов внутренних дел, правоохранительные приоритеты.

Annotation. The article covers issues related to crime prevention as a priority direction of contemporary criminal policy in Russia, conducted a retrospective analysis of the system of crime prevention ATS substantiated conclusion about the importance of preventive work in law enforcement.

Keywords: crime prevention, the system of prevention of crimes, the tasks of the bodies of internal Affairs, law enforcement priorities.

Одним из приоритетных направлений современной уголовной политики российского государства выступает предупреждение преступности. Данный аспект является не только следствием гуманизации и либерализации общества (не дать совершиться злу лучше, чем потом за него наказывать), но и имеет под собой экономическую основу: ущерб от преступлений, совершенных в 2013 г., составил 386 млрд руб., что на 44,2% больше аналогичного показателя 2012 г.¹

Среди правоохранительных органов «на передовой» в деятельности по предупреждению преступности (впрочем, как и прежде) остаются органы внутренних дел. Предупреждение преступлений органами внутренних дел — это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих

их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением². В федеральном законе «О полиции» (в перечне основных направлений деятельности полиции) Законодатель отводит предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений одно из первых мест³.

Следует отметить, что проблеме именно предупреждения преступности уделялось внимание еще в дореволюционной России. При этом полиции отводилась одна из главных ролей в предупреждении различного рода нарушений законодательства. Например, специально регулировалась профилактическая деятельность полиции. С привлечением общественности была создана разветвленная система учреждений социальной помощи для предупреждения рецидивных преступлений и преступлений несовершеннолетних⁴.

На основе такого дореволюционного опыта предупреждения преступности в советский период была выработана научная концепция предупреждения преступности, а также получила развитие система различных предупредительных мер. Важным правовым актом того времени, регламентировавшим общепрофилактическую деятельность милиции, явилась «Инструкция волостным милиционерам» от 16 февраля 1920 г. Инструкция подчеркивала, что в своей деятельности милиционер должен «...как можно больше сближаться с населением и стараться заслужить его доверие. В целях борьбы с преступностью он был обязан собирать сведения о замышляемых преступлениях, не допускать их совершения»⁵.

Принятый в 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР определил основные институты уголовного права. Одной из провозглашенных целей наказания и других мер социальной защиты в УК РСФСР (ст. 8) являлось общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других «неустойчивых элементов» общества. Законодатель уже тогда при формулировании целей уголовного наказания исходил не только из необходимости применения репрессий в отношении преступного элемента, но и важности осуществления задач общего и частного предупреждения преступлений, что нашло отражение и в УК РСФСР 1926 г.⁶. В 60-е гг. начался активный поиск прак-

тических путей осуществления предупреждения преступлений. 14 апреля 1969 г. МВД СССР был издан приказ о введении в действие «Инструкции по основам организации и тактики предотвращения преступлений органами милиции». Данная инструкция определяла предупреждение преступлений в качестве одной из основных обязанностей всех сотрудников милиции. В дальнейшем профилактическое направление нашло выражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», определявшего в качестве важнейших задач милиции: предупреждение и пресечение преступлений и других антиобщественных деяний; быстрое и полное раскрытие преступлений; всемерное содействие устранению причин, порождающих преступления и иные правонарушения.

В соответствии с приказом МВД СССР № 260 от 15 марта 1974 г. «Об утверждении Положения о профилактической службе Управления уголовного розыска МВД СССР» была создана профилактическая служба правонарушений. В ее состав были переданы все подразделения профилактики МВД, УВД и горрайорганов внутренних дел, подразделения по борьбе с преступностью несовершеннолетних, а также участковые инспектора милиции.

В 1978 г. Приказом МВД СССР были введены в действие «Положение об основах организации профилактики преступлений органами внутренних дел», «Наставление по профилактике преступлений аппаратами уголовного розыска». В указанных документах отдельные разделы посвящались вопросам организации и тактики предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений⁷.

18 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял нормативный правовой акт, определяющий организацию милиции в РФ, ее обязанности и права, задачи милиции, применение милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, порядок прохождения службы, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников — Закон РСФСР «О милиции». В качестве одной из главных задач милиции было определено предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

Существенным шагом в развитии системы предупреждения преступлений стало принятие в 1993 г. МВД России «Концепции профилактической деятельности органов внутренних дел» и «Наставления о деятельности служб и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (утверждено приказом МВД РФ № 390)⁸. Анализируя эти документы, О.В. Зинченко справедливо подчеркивает, что в этих документах не только уточнено понятие «предупреждение преступлений», но и дан перечень основных задач органов внутренних дел по предупреждению преступлений, объектов и субъектов этой деятельности, разрешено создание в отдельных службах специализированных подразделений (групп) по профилактике преступлений либо возложение этой обязанности на специально выделенных сотрудников⁹. В это же время был создан Координационно-методический совет МВД России по профилактике преступлений.

Некоторые криминологи, произведя сравнительный анализ между современной и советской моделями предупреждения преступности, придерживаются мнения о неэффективности нынешней системы предупреждения преступлений. В качестве возможной причины данного явления они выделяют недооценку органами власти стратегического значения предупреждения преступности для будущего страны, и, как результат, полное разрушение отечественной системы предупреждения преступности. В частности, они приводят в качестве примера существовавшую в УПК СССР строгую обязанность правоохранительных органов выявлять причины и условия преступности и принимать обязательные меры реагирования, замененную в действующем УПК РФ на ни к чему не обязывающую формулировку: «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений»¹⁰.

Однако, нам такое утверждение представляется не совсем верным и обоснованным. Конец 20 в. ознаменовался кардинальными переменами в жизни нашей страны. Были пересмотрены политические, культурные, правовые, социальные и другие ценности. Эти изменения и послужили причиной дестабилизации общества и роста преступности. Со временем политическая и отчасти экономическая ситуация в стране стабилизировалась, и теперь «на-

водится порядок» в иных сферах деятельности государства. В 2006 г. Министерством внутренних дел Российской Федерации был принят новый ведомственный приказ «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»). Данные документы определили задачи, направления, формы и методы предупреждения преступлений, осуществляемые органами внутренних дел, а также порядок организационного и методического обеспечения этой деятельности. В Министерствах внутренних дел по республикам, главных управлениях, управлениях МВД России по иным субъектам Российской Федерации были созданы оперативные штабы по предупреждению преступлений. Данные оперативные штабы представляют собой действующие нештатные координационные органы, образованные для организации обеспечения деятельности структурных подразделений полиции по профилактике правонарушений, а также по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в период подготовки и проведения общественных мероприятий.

В соответствии с Инструкцией основными задачами органов внутренних дел по предупреждению преступлений являются:

- 1) выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению или нейтрализации;
- 2) выявление и постановка на профилактические учеты лиц, склонных к совершению преступлений;
- 3) установление лиц, осуществляющих подготовку к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 4) привлечение к работе по предупреждению преступлений общественных объединений правоохранительной направленности и граждан;
- 5) Предупреждение безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних¹¹.

Помимо этого, Инструкция устанавливает обязанности сотрудников различных служб (участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, со-

трудников патрульно-постовой службы и т.д.) по предупреждению преступлений. Более того, в настоящее время действуют отдельные Федеральные законы, в которых предупреждение преступности в деятельности служб органов внутренних дел является одной из первостепенных задач (Например, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) «О полиции», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 21 декабря 2013 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности»). Другие законодательные нормативно-правовые акты направлены на совершенствование организации деятельности по предупреждению преступлений (Например, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», Приказ МВД РФ от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» и др.).

Безусловно, нередко исполнение этих законов и иных документов, деятельность правоохранительных органов, в особенности органов внутренних дел, далека от эффективного предупреждения преступности. Многие ученые подвергают ее обоснованной критике, отмечая отсутствие правоохранительных приоритетов, реализация которых способна нейтрализовывать внешние и внутренние факторы эскалации преступности и ее различных форм¹². Безусловно, это так, но надо учитывать, что развитая (как в правовом, так и в правоохранительном плане) превентивная система полиции, которая может оказать положительное влияние на сокращение числа преступлений, только складывается. Необходимо констатировать и тот факт, что общество «не стоит на месте». Формируются новые достижения в сфере высоких технологий, меняется политическая ситуация в мире, появляются новые общественные отношения и т.д. В связи с этим появляются новые виды преступлений, новые способы, средства и орудия совершения преступления. Все это оказывает непосредственное влияние на криминогенную обстановку в стране, поэтому для

обеспечения правопорядка превентивная система должна постоянно подвергаться новым реформам и изменениям, соответствующим изменяющимся реалиям жизни общества.

Только в этом случае системному по своей сути явлению преступности будет противопоставлена адекватная и оптимальная система целенаправленного правоохранительного контроля, в основу которого и должна быть положена предупредительная деятельность, в первую очередь определяемая целями, задачами и функциями правоохранительных органов¹³.

¹ Сайт «Министерство внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения 28 июня 2014 г.)

² См.: Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (ред. от 30 декабря 2011 г.) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»). Сайт «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129872/ (дата обращения 28 июня 2014 г.).

³ См.: Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ / «Российская газета», № 25. 8 февраля 2011 г.

⁴ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009.

⁵ См.: *Зинченко О.В.* Становление и развитие отечественной системы предупреждения преступлений органами внутренних дел. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 155.

⁶ См.: *Герасимов С.И.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 349.

⁷ См.: *Зинченко О.В.* Указ. соч. С. 155—156.

⁸ Организация работы горрайоргана внутренних дел по предупреждению преступлений. / Под ред. Э.И. Петрова. М., 1994. С. 31.

⁹ См.: *Зинченко О.В.* Становление и развитие отечественной системы предупреждения преступлений органами внутренних дел. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 155.

¹⁰ См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009.

¹¹ См.: Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (ред. от 30 декабря 2011 г.) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»). Сайт «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129872/ (дата обращения 2 июля 2014 г.).

¹² См., например: *Лебедев С.Я., Иванцов С.В.* Об обеспечении системности в криминологической оценке организованной преступности // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1 (17). С. 234—238; *Иванцов С.В.* Криминологическая оценка социальных последствий коррупционной деятельности / С.В. Иванцов, А.С. Домников // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4. С. 4—8.

¹³ См.: *Иванцов С.В.* Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 3—5.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФСКН РОССИИ

АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ ОТКИДАЧ,

кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела Следственного департамента ФСКН России,

полковник полиции

E-mail: sledi24@yandex.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Рецензент: Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Лебедев С.Я.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Освещаются новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, разработанные органами наркоконтроля, а также перспективные законодательные инициативы ФСКН России в этом направлении.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, проблемы уголовного процесса, уголовный закон, совершенствование законодательства, органы наркоконтроля.

Annotation. The article highlights the novel criminal and criminal procedural law developed drug control authorities, as well as promising legislative initiatives Russian Federal Drug Control Service in this direction.

Keywords: criminal justice, problems of criminal procedure, criminal law, improvement of legislation, drug control authorities.

Результаты деятельности ФСКН России свидетельствуют о том, что органы наркоконтроля, в числе других правоохранительных органов, вносят существенный вклад в противодействие преступности.

На фоне снижения в 2013 г. на 4% общеуголовной преступности, наркопреступлений, выявленных всеми правоохранительными органами в течение года стало на 5,7% больше. В том числе, почти на 1 тыс. возросла их регистрация в органах наркоконтроля. Как производное, увеличилось число расследованных дел, а также выросла нагрузка на дознавателей и следователей, которыми за год было направлено в суд более 30 тыс. дел¹.

По данным ежегодного мониторинга наркоситуации в России около 8,5 млн. человек, с разной степенью регулярности употребляют наркотики. Именно они обеспечивают до 80% всей уличной преступности в стране, одновременно образуя как рынок спроса на наркотики, так и инфраструктуру их сбыта².

Находясь в состоянии наркотического опьянения, либо абстинентного синдрома и в поиске

средств на очередную дозу зелья наркопотребители совершают не только наркопреступления, но и другие уголовно наказуемые деяния (кражи, грабежи и т.п.).

Ежегодно число лиц, одновременно находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы превышает 600 тыс. человек³. Из них, порядка 120 тыс. — осужденные за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Кроме того, ежегодно порядка 45 тыс. лиц осуждается за совершение наркопреступлений к лишению свободы условно, в отношении более 100 тыс. лиц по делам об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотиков судьями назначаются административные наказания⁴.

В этой связи директор ФСКН России В.П. Иванов справедливо отмечает, что реальное лечение от наркозависимости и реабилитацию проходят не более 20 тыс. человек, в то время, как в европейских государствах почти 1,5 млн. наркопотребителей ежегодно ресоциализируются в обществе. Подобная противоестественная ситуация, сложившаяся в

Российской Федерации в сфере борьбы с наркомагией, когда карательная практика явно доминирует над мерами медицинского и социального характера, требует совершенствования государственной антинаркотической политики⁵.

Следует признать, что остановить наркотизацию в России возможно, только добившись кардинального снижения спроса на наркотики через реализацию политики, направленной на увеличение доступности и эффективности услуг по лечению от наркомании, а также реабилитации и ресоциализации наркопотребителей.

С 2013 г. в России действует уголовно-правовой институт отсрочки отбывания наказания для наркозависимых лиц, добровольно изъявивших желание пройти лечение и комплексную реабилитацию, впервые совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК России)⁶.

Анализ практики применения данного института свидетельствует, что правоохранительная система недостаточно эффективно использует его в правоприменительной деятельности, о чем свидетельствуют данные ФСИН России. Так, в 2012 г. в уголовно-исполнительных инспекциях поставлено на учет 93 таких лица, в 2013 г. — 153, в первом квартале 2014 г. — 38, что вряд ли можно признать существенным в масштабах всей страны⁷.

Причинами сложившейся ситуации является отсутствие в регионах необходимого количества специалистов-наркологов и неинформированность судов о наличии профильных учреждений, осуществляющих лечение от наркомании, а также медицинскую и (или) социальную реабилитацию наркопотребителей.

В целях решения обозначенных проблем и во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 21 ноября 2012 г. ФСКН России разработан проект государственной программы «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ»⁸, которая утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации 15 апреля 2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков». Основные цели указанной

программы — существенное сокращение спроса на наркотики, а также развитие системы учреждений наркологического профиля⁹.

Эффективность реализации программы будет обеспечиваться локализацией значительного количества (до 150 тыс.) наркопотребителей в специализированных реабилитационных центрах на продолжительное время. Это, с одной стороны, позволит выводить их из системы наркопотребления и сбыта наркотиков, и с другой, — вовлечь их в сферу деятельности специалистов медицинского, социального и правоохранительного профиля.

25 ноября 2013 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, разработанный ФСКН России и предусматривающий совершенствование правового механизма побуждения лиц, страдающих наркотической зависимостью, к лечению от наркомании, а также наделяющий суды правом, при назначении административного или уголовного наказания, обязывать наркопотребителя пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, а также медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

Таким образом, данным законом внесены в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК России) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП России) изменения, позволяющие судам принимать решения о реализации на практике конкретных медицинских и социальных реабилитационных мер.

При этом уклонение лица от выполнения указанных обязанностей повлечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до тридцати суток.

В целях обеспечения возможности судам выносить такие решения, ст. 196 УПК России дополнена новым пунктом, в соответствии с которым назначение и производство судебной экспертизы является для органов расследования и суда обязательным, если имеются основания полагать, что подозреваемый либо обвиняемый является больным наркоманией¹¹.

Кроме того, внесены дополнения в ст. 299 УПК России, в соответствии с которой вопрос, нуждается ли подсудимый в прохождении лечения от наркомании, а также медицинской и (или) социальной реабилитации, в обязательном порядке должен решаться судом при постановлении приговора¹².

Рассматриваемый закон является важным шагом в комплексе мер, направленных на сокращение спроса на наркотики и последующее развитие системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей в Российской Федерации.

Одновременно с этим ФСКН России является инициатором разработки других законодательных инициатив.

Так, подрыв экономических основ наркопреступности является стратегической целью государственной антинаркотической политики в сфере сокращения предложения наркотиков. Статистика показывает, что среди правоохранительных органов нашего государства преступления, связанные с легализацией денежных средств, полученных от наркоторговли, расследуются преимущественно органами наркоконтроля¹³.

В 2013 г. сумма легализованных доходов по направленным органами наркоконтроля в суд уголовным делам составила порядка 1,1 млрд. руб., что превысило общую сумму легализованных наркодег последних трех лет¹⁴.

Так, в августе 2013 г. Следственным департаментом ФСКН России в суд направлено уголовное дело в отношении участников организованной группы, которые отмыли около 50 млн. руб., полученных в результате незаконного сбыта крупных партий наркотиков растительного происхождения (гашиш, марихуана, гашишное масло), ввезенных контрабандным путем из Канады, Филиппин, Нидерландов.

В рамках совершенствования деятельности по подрыву экономических основ наркопреступности ФСКН России разработаны положения федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям», которым снижен порог наступления уголовной ответственности за легализацию. Данная норма позволяет повысить эффективность оперативно-служебной деятельности, осуществляемой в данном направлении.

В развитие этой инициативы в настоящее время ФСКН России разрабатываются законопроекты, которые:

- во-первых, позволят криминализовать простое распоряжение средствами, полученными от преступной деятельности, поскольку вливание в экономику криминальных доходов само по себе представляет общественную опасность. Таким путем пошли в ряде зарубежных стран, в частности, в Великобритании, где, согласно принятому в 2002 г. закону «О преступных доходах», под легализацией понимается простое внесение денежных средств на счета в банки, перевод в ценные активы или просто их использование в собственных целях преступником на повышение уровня жизни¹⁵;
- во-вторых, внесут изменения в действующее законодательство, предусматривающее установление норм, обязывающих лицо, совершившее преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, отчитываться перед государством о законности происхождения, принадлежащего ему имущества, а также обращение данного имущества в доход государства в случае, если лицо не может доказать правомерность его происхождения.

В целях повышения эффективности института отсрочки отбывания наказания для лиц, больных наркоманией, ФСКН России прорабатывает вопрос о распространении действия ст. 821 УК России на лиц, осужденных к лишению свободы, признанных больными наркоманией и совершивших впервые преступление небольшой тяжести. При этом для преступлений, в результате совершения которых причиняется ущерб, обязательным условием применения отсрочки отбывания наказания предусматривается необходимость его возмещения.

Для противодействия наркотизации общества другим законопроектом «О внесении изменений в ст. 721 Уголовного кодекса Российской Федерации» предлагается распространить положения ст. 721 УК России на лиц, допускающих потребление наркотиков без назначения врача, что позволит вовлечь их в систему диагностики и профилактических мероприятий наркологической службы, а также обеспечить их учет, и, следовательно, более точную оценку масштабов наркопотребления в Российской Феде-

рации для принятия соответствующих управленческих решений на государственном уровне.

Кроме того, ФСКН России в инициативном порядке разработан законопроект, предусматривающий внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части, касающейся исключения случаев возвращения судом уголовных дел прокурору по такой формальной причине, как наличие оснований для соединения уголовных дел⁶, и одновременного наделения суда полномочиями по соединению уголовных дел, который в настоящее время проходит согласование в органах государственной власти.

Его необходимость заключается в следующем. За период с 2011-2012 гг. по причине отсутствия у суда права соединения уголовных дел, судьями возвращено порядка 600 уголовных дел по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК России, подследственных органам предварительного расследования СК России, МВД России и ФСКН России¹⁶.

Другой весомый аргумент заключается в том, что при расследовании дел о преступлениях, совершенных преступными сообществами (преступными организациями), зачастую сразу не удается одновременно задержать и привлечь к уголовной ответственности всех членов преступного сообщества. При завершении расследования уголовного дела, перед его направлением в суд, из него, как правило, выделяются в отдельное производство уголовные дела в отношении неустановленных соучастников преступления, а также лиц, находящихся в розыске. Однако, в ходе рассмотрения уголовного дела в суде, по ранее выделенному из него уголовному делу могут быть установлены и задержаны другие члены преступного сообщества. При таких обстоятельствах суд использует свое право, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК России и возвращает находящееся в его производстве уголовное дело для соединения с расследуемым (ранее выделенным) делом в одно производство.

Вполне логично, что к этому времени, установленные ст. 109 УПК России предельные сроки содержания обвиняемых под стражей истекают, органы предварительного следствия вынуждены изменять им меру пресечения на иную, не связанную с лишением свободы, что, в большинстве случаев, не способствует эффективному продолжению рас-

следования. Не секрет, что обвиняемые по такой категории дел по выходу из следственного изолятора начинают оказывать давление на свидетелей, противодействовать расследованию, а также скрываются от органов расследования, что, естественно, затягивает сроки производства по уголовному делу.

Таким образом, подобные ситуации не корреспондируют с принципом уголовного судопроизводства, изложенным в ст. 61 УПК России, согласно которому уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок.

Полагаем, что наделение суда правом соединять уголовные дела, в случаях, когда это не влечет изменения обвинения в сторону его отягчения, либо иным образом не ухудшает положения подсудимого, является конструктивной инициативой, которая будет способствовать расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел в разумный срок.

Ежедневно в России увеличивается количество изымаемых синтетических наркотиков. Причем новые, в отдельных случаях так называемые «дизайнерские» вещества в обороте появляются ежегодно, десятками и даже сотнями. В этой связи ФСКН России осуществляется разработка и внедрение правового механизма установления временного запрета на оборот таких веществ до завершения процедуры включения в соответствующие списки¹⁷.

Таким образом, несмотря на освещение в рамках настоящей статьи лишь небольшой части правовых новелл, можно отметить, что органы наркоконтроля играют важную роль в законотворческом процессе в ходе совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Представляется, что принятие обозначенных законодательных инициатив позволит более эффективно решать задачи в сфере противодействия как наркопреступности, так и в борьбе с преступностью в целом.

¹ По данным ведомственной статистической отчетности за 2013 г.

² Мониторинг наркоситуации Государственного антинаркотического комитета в 2013 г. // gak.gov.ru.

³ По данным ФСИН России (без учета лиц, содержащихся в СИЗО, колониях поселений, а также в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы).

⁴ По данным межведомственной статистической отчетности МВД-НОН за 2013 г. (по основной и дополнительной квалификации).

⁵ См.: Выступление председателя ГАК, директора ФСКН России В.П. Иванова на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации по вопросу «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2013 год и задачах на 2014 год».

⁶ УК России, ст. 821 «Отсрочка отбывания наказания большим наркоманией» // Справочная правовая система «Гарант».

⁷ Согласно статистическим данным по форме ФСИН-1 за 2012—2013 гг.

⁸ Официальный сайт ФСКН России // <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/13250/index.shtml>.

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков», подпрограмма № 3 «Комплексная реабилитация и ресоциализация лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях» // Справочная правовая система «Гарант».

¹⁰ Вступил в силу с 25 мая 2014 г.

¹¹ УПК России, ст. 196 «Обязательное назначение судебной экспертизы» // Справочная правовая система «Гарант».

¹² УПК России, ст. 299 «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора» // Справочная правовая система «Гарант».

¹³ По данным межведомственной статистической отчетности в 2013 г. расследовалось 287 преступлений ФСКН России и только 1 преступление, связанное с легализацией наркоделов, следственными органами ФСБ России, а в 2012 г. расследование подобных преступлений проводилось только органами наркоконтроля.

¹⁴ По данным ведомственной статистической отчетности за 2013 г.

¹⁵ См.: Давыдов В.С. Легализация преступных доходов - уникальный криминальный феномен XXI в. // <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article79.html>.

¹⁶ УПК России, п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК России «Возвращение уголовного дела прокурору» предусматривает возвращение судом уголовного дела прокурору по ходатайству стороны или по собственной инициативе для устранения препятствий по его рассмотрению в случаях, если имеются предусмотренные ст. 153 УПК России основания для соединения уголовных дел // Справочная правовая система «Гарант».

¹⁷ По данным межведомственной статистической отчетности за 2011—2012 гг.

¹⁸ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант».

ДЕЯНИЕ ЛИЦА В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРИЧИННОСТИ

ЗОРИКТО БОРИСОВИЧ СОКТОЕВ,

доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: soktoev@gmail.com

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выявлены различия в употреблении понятия «деяние лица» по Уголовному кодексу Российской Федерации. Раскрыто значение этого признака при квалификации преступления по объективным признакам. Рассмотрена специфика уголовно-правовой оценки деяния лица при выявлении причинной связи по уголовному делу.

Ключевые слова: причинность, причинная связь, уголовное право, деяние лица.

Annotation. In this article author reveals distinctions in usage definition «act of person» in accordance with Criminal Code of the Russian Federation. Significance of such feature is disclosed for qualification of crime by objective signs. Author shows specific character criminal law.

Key words: causation, chain of causation, Criminal Law, act of person.

До совершения лицом общественно опасного деяния объект уголовно-правовой охраны и сам человек существуют независимо друг от друга. Совершением деяния лицо воздействует на объект преступления, тем самым порождая, иными словами — причиняя, общественно опасные последствия.

Общественно опасное деяние лица, таким образом, «связывает» элементы и признаки состава преступления в целостное образование. Из этого вытекает требование к самому деянию: оно «должно быть объективно опасным в момент его совершения для охраняемого законом объекта»¹ в том смысле, что

«создает реальную возможность наступления вредных последствий»².

Однако, в уголовно-правовой литературе остается дискуссионным само понятие «деяние человека». В действующем УК РФ не содержится определения понятий «общественно опасное деяние», «преступное деяние», не дается законодательного определения и такому термину как «деяние», хотя само слово «деяние» употребляется законодателем весьма часто (445 упоминаний³).

В УК РФ термин «деяние» используется в нескольких значениях.

Во-первых, как слово, определяющее правомерное поведение человека. В этом значении деяние может употребляться при оценке следующих регламентированных уголовным законом ситуаций:

а) в гл. 8 УК РФ говорится о деяниях, преступность которых исключается в силу особых обстоятельств. Слово «деяние» используется в названии самой главы, а непосредственно в статьях этой главы в качестве синонима «деяние» используется оборот «причинение вреда»⁴.

б) уголовный закон различает фактически совершенное деяние при добровольном отказе лица от преступления (ст. 31 УК РФ). Это деяние может быть неоднородным по своему содержанию, а потому влечь различные правовые последствия. Например, согласно ч. 3 ст. 31 УК РФ «лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления»;

в) под уголовно-правовым деянием, т.е. деянием, имеющим уголовно-правовое значение, влекущим юридически значимые последствия, сопряженные с изменением уголовно-правового статуса лица, нужно понимать также и все виды правомерного посткриминального поведения⁵.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 2 УК РФ сформулировано положение о том, что УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Здесь речь идет о той ситуации, когда уголовный закон признает известное значение за опасными деяниями, которые еще не получили уголовно-правовой оценки, но обладают необходимыми и достаточными свой-

ствами преступления. Иными словами, когда «еще нужно определить, какие из них будут признаны преступлением»⁶.

Таким образом, под уголовно-правовым деянием нужно понимать и такое опасное деяние, чьи свойства побуждают законодателя к его криминализации. Это деяние может быть криминализовано, но может и не получить соответствующей политической оценки. Ни для кого не секрет, что законотворческая деятельность вообще, и криминализация в частности, представляют собой своеобразный творческий процесс, который, в зависимости от исторических, политических, субъективных и иных условий, не всегда получает свое логическое завершение в виде оформленного законодательного решения (например, в форме конкретного уголовно-правового запрета). Исследование деяния в указанном значении должно проводиться в рамках проблемы причинности уголовного закона и поведения субъектов уголовной ответственности.

В-третьих, термин «деяние» используется как синоним преступного поведения человека в его психофизическом единстве. Это значение деяния используется в ст. 8 УК РФ при определении основания уголовной ответственности: совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

При формулировании составов с отягчающими и особо отягчающими обстоятельствами в нормах Особенной части УК слова «те же деяния» также обозначают преступное поведение указанного вида в единстве его объективных и субъективных признаков.

В-четвертых, «деяние» употребляется как понятие, характеризующее содеянное лишь с внешней его стороны и включающее в себя действие (бездействие) и причиняемые ими общественно опасные последствия. Это то значение слова, которое охватывается понятием «посягательство».

В этом значении деяние используется, в частности, для целей раскрытия форм вины, невменяемости. Так, согласно ст. 24 УК РФ виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Согласно ст. 21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости.

В-пятых, «деяние» используется как синоним понятий «действие (бездействие)». А точнее — как родовое понятие, объединяющие все формы проявления человеческой активности в социальной и правовой, а также в физической (что чаще всего воспринимается исследователями) плоскости, причинно связанные с общественно опасными последствиями. Об этом говорится в статьях уголовного закона о принципах уголовного права, действии уголовного закона во времени.

В соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

В ст. 9 УК РФ указывается, что преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, т.е. во время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

При таком различном законодательном подходе к определению «деяния» вполне закономерно выглядит имеющийся разнобой мнений в уголовно-правовой доктрине по этому вопросу, который порождает еще большую путаницу при решении обусловленных трактовкой «деяния» вопросов. Тем не менее, деяние в качестве компонента причинной связи нужно иметь в виду именно в последнем значении собирательного термина, объединяющего действие и бездействие. Деяние в этом значении играет роль самостоятельного признака, характеризующего объективную сторону преступления.

Отождествление деяния (как признака объективной стороны преступления) с действием или бездействием проводится в уголовно-правовой доктрине в целях более полного и глубокого анализа объективной стороны преступления: понятие «посягательство» в этом значении подвергается научному «препарированию» на самостоятельные признаки — деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия и причинную связь. Этот прием используется при квалификации преступлений и для того, чтобы провести более полный и глубокий анализ субъективной стороны содеянного. В частности, раскрывая интеллектуальный компонент умысла, законодатель акцентирует

внимание практического работника, осуществляющего квалификацию преступления, на необходимости выяснения в режиме самостоятельных квалификационных задач, во-первых, осознания лицом общественной опасности своих действий (бездействия), а, во-вторых, предвидения возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, что предполагает предвидение развития причинной связи (хотя бы в ее основных звеньях).

Таким образом, понятие «деяние» поливариативно и используется в УК РФ в нескольких значениях: а) как слово, определяющее правомерное поведение человека; б) деяние, чьи свойства побуждают законодателя к его криминализации; в) как синоним преступного поведения человека в его психофизическом единстве; г) как понятие, характеризующее содеянное лишь с внешней его стороны и включающее в себя действие (бездействие) и причиняемые им общественно опасные последствия; д) как родовое понятие, объединяющие все формы проявления человеческой активности в социальной, правовой (иногда — и в физической) плоскости, причинно связанные с общественно опасными последствиями.

В свою очередь, для формулирования практических рекомендаций квалификации преступлений по объективным признакам нужно учитывать специфику общественно опасного деяния как структурной составляющей уголовно-правовой причинности.

Во-первых, необходимо иметь в виду, что говоря о причине какого-либо события, мы останавливаемся только на тех условиях, которые представляют интерес для квалификации преступления. Или иначе, находим «объективные пределы ответственности человека»⁷. Н.С. Таганцев, в свое время, рассуждал так: «Представим себе, что кто-либо сбросил в пруд и сброшенный утонул; если мы будем определять причину его смерти, то врач, производивший вскрытие трупа, скажет, что такой причиной было преграждение доступа в легкие кислорода, необходимого для дыхания, а юрист найдет таковое действие лица, сбросившего утонувшего в пруд, и оба будут правы с их точки зрения; с точки же зрения преемственности явлений, определивших это событие, надо было бы сказать: мускульное движение лица было причиной толч-

ка; притяжение земли было причиной падения в воду; сравнительно больший удельный вес падающего тела был причиной погружения упавшего в воду; непроницаемость среды, в которую попал упавший, была причиной устранения доступа воздуха в легкие, а отсутствие доступа в них воздуха вызвало прекращение обмена веществ в организме и смерть»⁸.

Уголовное право интересуют специфические составляющие с присущими им известными особенностями. Уголовно-правовое значение имеет не любое поведение человека в связи с изменениями им природного и человеческого мира, а лишь то поведение, которое влечет негативные изменения в объекте преступления. «Причины всегда суть антисоциальные действия или бездействия, следствия — общественно опасные, предусмотренные уголовным законом последствия»⁹.

Во-вторых, в формировании уголовно-правовой причины могут быть задействовано множество факторов, которые лишь в общей сумме, интегративно приводят к общественно опасным последствиям. В таких случаях учет совершенного деяния вне анализа иных фактических данных не позволяет объяснить причинение вреда. Исходя из сказанного, совокупность таких факторов, в том числе и деяние лица, должны учитываться как единая системная причина, породившая общественно опасные последствия.

В-третьих, квалификацию преступления по объективным признакам нужно понимать в итоге как решение правового вопроса. Правоприменитель нередко прибегает к помощи эксперта, специалиста, и, основываясь на представленных этими лицами данных, установленных благодаря специальным знаниям, опыту и специфическому видению деяния лица, его места в структуре причинности, подвергает исследованию предметную, физическую сторону вопроса, а затем оценивает юридически значимые аспекты объективной стороны преступления. Но и при отсутствии мнения этих лиц следователь, судья (суд) выявляют объективную сторону преступления при различном подходе к оценке предметной (фактической) стороны дела и собственно уголовно-правовой оценке механизма причинения вреда.

Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО Москов-

ский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

НИР «Квалификация преступлений по объективным и субъективным признакам», проект № 2.2.1.4

Литература

1. Жалинский А.Э. О материальной стороне преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 27—29.
2. Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И.Э. Звечаровский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 123 с.
3. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
4. Кудрявцев В.Н. Рецензия на монографию Малинина В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000. 315 с. // Правоведение. 2002. № 2. С. 254—256.
5. Кузнецова Н.Ф. Детерминация в уголовном праве и криминологии // Теоретико-методологические проблемы права / Под ред. М.Н. Марченко. Вып. 2. М.: ИКД «Зерцало-М», 2007. С. 319—336.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. М.: Наука, 1994. Т.1. 393 с.
7. Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2012. 3-е изд. перераб. и доп. 568 с.

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1963. С. 207.

² Филимонов В.Д. Объективная сторона преступления // Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2012. С. 167.

³ По состоянию на 1 мая 2014 г.

⁴ Отметим, что через словосочетание (синоним) «причинение вреда» раскрываются некоторые общественно опасные деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ. Например, согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ под убийством понимается умышленное деяние, состоящее в «причинении смерти другому человеку».

⁵ См.: Звечаровский И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993.

⁶ Жалинский А. О материальной стороне преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 27.

⁷ См.: Кудрявцев В.Н. Рецензия на монографию Малинина В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000. 315 с. // Правоведение. 2002. № 2. С. 254.

⁸ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 282.

⁹ Кузнецова Н.Ф. Детерминация в уголовном праве и криминологии // Теоретико-методологические проблемы права / Под ред. М.Н. Марченко. Вып. 2. М., 2007. С. 321.

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ В НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СВЯТЕНЮК,

доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: Svyatenyuk@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема квалификации действий соучастников в неоконченном преступлении. Анализируются ситуации, когда неудавшимся соучастникам не удалось склонить предполагаемого исполнителя к совершению преступления, когда исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца, а также когда исполнителю не удалось довести преступление до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Отмечается необходимость четкого законодательного закрепления правил квалификации действий соучастников в неоконченном преступлении.

Ключевые слова: квалификация; неудавшееся соучастие; неоконченное преступление.

Annotation. Article is devoted to a problem of qualification of actions of accomplices in an unfinished crime. In it situations when unfortunate accomplices didn't manage to incline the alleged performer to commission of crime when the performer voluntary refused crime finishing up to the end and also when the performer didn't manage to finish a crime on circumstances not depending on it are analyzed. Need of accurate legislative fixing of rules of qualification of actions of accomplices for an unfinished crime is noted.

Key words: qualification; unfortunate partnership; unfinished crime.

Уголовно-правовая оценка действий соучастников преступления считается одной из наиболее сложных проблем применения уголовного закона. Острые дискуссии на страницах юридической печати продолжаются по вопросу о квалификации действий соучастников преступления в случае, когда намерения соучастников по совершению преступления оказываются нереализованными (неудавшимися). Ситуации недоведения соучастниками преступления до конца в юридической литературе понимаются по-разному и называются неоднозначно (неудавшаяся организационная, подстрекательская или пособническая деятельность; неудавшееся соучастие)¹. Нет единого подхода при квалификации действий неудавшихся соучастников и в правоприменительной практике.

Одни авторы неудавшееся соучастие ограничивают ситуацией, когда соучастники (организатор, подстрекатель или даже пособник) не смогли склонить предполагаемого исполнителя к совершению

преступления. Потенциальный исполнитель отвергает предложение участвовать в совершении преступления. Такую позицию занимает В.С. Прохоров, который неудавшееся соучастие отождествляет лишь с безуспешной попыткой склонить другое лицо к совершению преступления². Как справедливо отмечает Л.Д. Гаухман, уголовная ответственность при любой форме соучастия наступает с момента его возникновения³. Поэтому, если лицу не удалось вызвать у возможного соучастника решимость совершить преступление, то соучастие отсутствует, так как соглашение является обязательным признаком института соучастия. В рассматриваемом случае предполагаемый исполнитель уголовной ответственности не подлежит. Остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к тому преступлению, которое они намеревались совершить — по ч. 1 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части УК. Их деятельность по приисканию соучастников образует одно из умыс-

ленных условий для совершения преступления, т.е. приготовление к преступлению. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, лицо, которому по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению.

Другие ученые, наряду с ситуацией, когда приглашение на совершение преступления между соучастниками не состоялось, к неудавшемуся соучастию относят также и случаи добровольного отказа от преступления. Добровольный отказ имеет место, когда соучастник, дав согласие на совершение преступления или даже выполнив часть намеченных действий в рамках стадий приготовления или покушения, впоследствии добровольно отказывается от дальнейшей преступной деятельности при осознании им фактической возможности доведения преступления до конца. Например, Г.Г. Галиакбаров пишет: «При неудавшемся подстрекательстве субъекту не удается склонить подстрекаемого к совершению преступления или же, предварительно дав согласие на совершение преступления, исполнитель затем добровольно отказывается от него. Неудавшееся пособничество заключается в содействии исполнителю в совершении преступления, от которого тот добровольно отказался»⁴. Подобного мнения придерживается и Н.К. Семернева, называя неудавшимся такое соучастие, «при котором соучастники выполнили возложенные на них в процессе сговора действия, но исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца»⁵.

В Уголовном кодексе Российской Федерации не определены правила привлечения к ответственности неудавшихся соучастников, действовавших совместно с исполнителем до момента его добровольного отказа.

В уголовно-правовой литературе по-разному решаются вопросы и о наличии соучастия у лиц, действовавших совместно с исполнителем до момента его добровольного отказа, и о стадии неоконченного преступления, которая должна вменяться виновным лицам. Специалистами предлагается несколько основных вариантов правовой оценки действий неудавшихся соучастников при добровольном отказе исполнителя.

Первый заключается в том, что при добровольном отказе исполнителя от доведения преступления

до конца неудавшиеся действия соучастников квалифицируются как приготовление или покушение на преступление. Им вменяется та стадия, на которой была прервана деятельность исполнителя. Так, по мнению Л.Д. Гаухмана, «добровольный отказ исполнителя от совершения преступления не освобождает других соучастников от уголовной ответственности, которые привлекаются соответственно за приготовление или покушение на преступление — в зависимости от того, на какой стадии произошел этот отказ»⁶.

Второй вариант правовой оценки сводится к тому, что при добровольном отказе исполнителя от доведения преступления до конца, независимо от того, на какой стадии развития преступной деятельности это произошло, неудавшиеся соучастники подлежат ответственности лишь за приготовление к соответствующему преступлению. Данную позицию отстаивает Т. Плаксина. Не соглашаясь с квалификацией, предложенной Л.Д. Гаухманом, Т. Плаксина считает, что применение такого правила оказывается невозможным для случаев, когда исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца на стадии покушения, уже выполнив часть объективной стороны. Поэтому квалификация действий неудавшегося подстрекателя как покушения на преступление приведет к искажению его действительной роли: отсутствие ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ и указание на ч. 3 ст. 30 УК РФ будут свидетельствовать о том, что лицо выступало в качестве исполнителя покушения, тогда как в действительности оно таковым не являлось⁷. Далее, ссылаясь на ч. 2 ст. 31 УК РФ, согласно которой лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения преступления до конца, то и содеянное последним, — по словам Т. Плаксиной, — признается не преступным. Поскольку соучастником не преступного поведения с позиций уголовного права быть нельзя, постольку подстрекавший в данном случае не приобретает статус соучастника, а несет ответственность за свои личные действия, которые могут быть квалифицированы лишь как приготовление к соответствующему преступлению. Ведь создание условий для совершения преступления, в том числе посредством приискания соучастников, — заключает автор, — как раз и об-

разует объективную сторону приготовления⁸. Нельзя согласиться с Т. Плаксиной, что неудавшиеся соучастники подлежат ответственности как за приготовление к преступлению и в том случае, когда исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца на стадии покушения. Выполнение исполнителем хотя бы части объективной стороны преступления свидетельствует о том, что соучастие уже состоялось и на стадии покушения разрушено быть не может, хотя исполнитель добровольно и отказался от доведения преступления до конца.

Третий вариант квалификации состоит в том, что при добровольном отказе исполнителя от доведения преступления до конца, неудавшиеся соучастники привлекаются к ответственности по статье Особенной части УК РФ с одновременной ссылкой на соответствующую часть (ч. 3—5) ст. 33 УК РФ и ч. 1 ст. 30 УК РФ либо ч. 3 ст. 30 УК РФ, в зависимости от того, на какой стадии предполагаемый исполнитель отказался от продолжения преступной деятельности. «При добровольном отказе исполнителя, — пишет В.С. Прохоров, — соучастники подлежат ответственности за соучастие в той стадии развития преступной деятельности, на которой остановился исполнитель»⁹. Подобного мнения придерживается А.Н. Попов, указывая, что если исполнитель отказался от доведения преступления до конца на стадии приготовления, то соответствующая стадия, наряду с соучастием (ст. 33 УК РФ), вменяется и подстрекателю; если же исполнитель отказался от продолжения преступной деятельности, выполнив часть объективной стороны преступления, склонявшему его лицу, помимо подстрекательства, должно вменяться и покушение на соответствующее преступление¹⁰.

Четвертый вариант уголовно-правовой оценки, представляющийся нам наиболее правильным, заключается в том, что только на стадии приготовления добровольный отказ предполагаемого исполнителя от доведения преступления до конца не образует соучастия, и лица, которые при условии завершенности преступления являлись бы организаторами, подстрекателями или пособниками, подлежат ответственности лишь по ч. 1 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части УК РФ как за приготовление к преступлению. Если

же добровольный отказ исполнителя от доведения преступления до конца произошел на стадии покушения, то неудавшиеся соучастники подлежат ответственности за соучастие в покушении на преступление по соответствующей части (ч. 3—5) ст. 33 УК РФ, ч. 3 ст. 30 УК РФ и статье Особенной части УК РФ. Так, А.В. Наумов отмечает, что если организатор или подстрекатель сделали все возможное, чтобы исполнитель совершил преступление, однако тот в последний момент отказался от задуманного, действия неудавшихся соучастников должны квалифицироваться как приготовление к преступлению, при условии, что задуманное преступление относится к категории тяжких или особо тяжких. Если же исполнитель довел свои действия до стадии покушения на преступление, то и неудавшиеся соучастники подлежат ответственности за соучастие в покушении на преступление¹¹. Н.К. Семернева также считает, что при добровольном отказе исполнителя от доведения преступления до конца на стадии приготовления соучастие распадается, а те, кто принимал участие в подготовке преступления, могут быть привлечены к ответственности за свои личные действия, например, за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению¹². Аналогичную позицию, судя по его высказываниям, занимает и П.Ф. Тельнов, который пишет: «При соучастии с исполнением различных ролей добровольный отказ исполнителя ведет к тому, что соучастие распадается. В деяниях предполагавшегося исполнителя в таком случае нет ни приготовления, ни покушения на совместно задуманное преступление. Усилия остальных соучастников оказываются неудавшимися. За них может наступить ответственность как за приготовление к преступлению»¹³.

Третья группа ученых, наряду с двумя рассмотренными выше ситуациями, когда намерения соучастников по совершению конкретного преступления оказываются нереализованными (при отсутствии соглашения на совершение преступления между соучастниками и в случае добровольного отказа от преступления), к неудавшемуся соучастию относят также третью ситуацию — недоведение преступления до конца по обстоятельствам, не зависящим от соучастников. Например, В.С. Комиссаров полагает, что с неудавшимся со-

участием мы сталкиваемся в тех случаях, когда, несмотря на все усилия соучастников, исполнитель отказывается от совершения преступления, а также тогда, когда он осуществляет добровольный отказ от доведения преступления до конца уже после состоявшегося сговора либо его преступная деятельность прерывается по не зависящим от него обстоятельствам¹⁴.

По вопросу об уголовно-правовой оценке действий неудавшихся соучастников при недоведении исполнителем преступления до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, в юридической литературе высказано несколько точек зрения.

Согласно первой, если неудавшийся соучастник выполнил все соответствующие его роли действия, однако преступление исполнителем не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам, неудавшиеся соучастники подлежат уголовной ответственности за соучастие в оконченном преступлении. Так, С.Я. Улицкий считает, что если, например, подстрекатель полностью выполнил все действия, соответствующие его роли, склонив исполнителя к совершению конкретного преступления, он должен отвечать за склонение к совершению оконченного преступления, а юридическая фикция, создаваемая посредством введения в формулу квалификации ссылки на неоконченное преступление, искусственно снижает общественную опасность деяния подстрекателя¹⁵. С такой позицией вряд ли можно согласиться. Как справедливо отмечает Т. Плаксина, тот факт, что подстрекатель выполнил все необходимые действия, склонив исполнителя к совершению преступления, сам по себе не является достаточным аргументом в пользу уголовно-правовой оценки его поведения как подстрекательства к оконченному преступлению, если деятельность исполнителя была пресечена или иным образом прервана помимо его воли¹⁶.

Вторая точка зрения заключается в том, что при недоведении исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам, неудавшиеся соучастники должны отвечать за соучастие только в приготовлении к преступлению, и их действия необходимо квалифицировать по статье Особенной части УК РФ со ссылкой на соответствующую часть (ч. 3—5) ст. 33 УК РФ и ч. 1

ст. 30 УК РФ. Подобных сомнительных взглядов придерживается А.П. Козлов, обосновывая свою позицию тем, что покушение представляет собой начало выполнения объективной стороны преступления, а неудавшиеся соучастники, не являясь исполнителями, объективную сторону выполнять не могут¹⁷. Следует согласиться с Т. Плаксиной, которая, подвергая А.П. Козлова критике, указывает, что применение ст. 33 УК РФ как раз и показывает, что лица, выступающие в качестве организатора, подстрекателя или пособника совершают действия, не входящие в объективную сторону преступления, которую при покушении уже начал выполнять исполнитель¹⁸.

Третья точка зрения по вопросу квалификации действий неудавшихся соучастников при недоведении исполнителем преступления до конца по причинам, не зависящим от воли виновного, состоит в том, что в этом случае неудавшиеся соучастники подлежат ответственности по соответствующей части (ч. 3—5) ст. 33 УК РФ за соучастие в приготовлении или покушении на преступление с одновременной ссылкой на ч. 1 или ч. 3 ст. 30 УК РФ, в зависимости от того, на какой стадии была пресечена деятельность исполнителя, и статье Особенной части УК РФ. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам, остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Однако, специалисты обращают внимание на несовершенство данного законодательного решения, поскольку оно оставляет без должной правовой оценки действия неудавшихся соучастников. Так, А.Н. Попов на примере квалификации убийства по найму пишет, что соучастие никак не может превратиться только в приготовление к преступлению или в покушение на преступление, поскольку при подобной квалификации создается иллюзия, что квалифицируются действия исполнителя, а не иного соучастника. Действия последнего во всех случаях должны квалифицироваться со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ¹⁹. Представляется, законодательное положение, определяющее квалификацию действий остальных соучастников (организатора, подстрекателя и пособника), в случае недоведения исполнителем

преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам, следует дополнить уточнением, что они несут уголовную ответственность за соучастие в приготовлении к преступлению или покушении на преступление.

В завершение отметим, что существует острая необходимость четкого законодательного закрепления правил квалификации действий соучастников в неоконченном преступлении для создания единообразия в правоприменительной практике и устранения противоречий в науке уголовного права.

¹ Далее для краткости будет использоваться термин «неудавшееся соучастие».

² Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. С. 631.

³ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2013. С. 237.

⁴ Галакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 34.

⁵ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Об-

щая и Особенная): Научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2008. С. 190.

⁶ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 239.

⁷ Плаксина Т. Неудавшееся подстрекательство // Уголовное право. 2011. № 4. С. 51.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 633.

¹⁰ Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 776—777.

¹¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 469.

¹² Семернева Н.К. Указ. соч. С. 190—191.

¹³ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 160.

¹⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2001. С. 449.

¹⁵ Улицкий С.Я. Некоторые спорные вопросы учения о соучастии // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью. Владивосток, 1986. С. 49—50.

¹⁶ Плаксина Т. Указ. соч. С. 48.

¹⁷ Козлов А.П. Соучастие в преступлении. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 313.

¹⁸ Плаксина Т. Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Попов А.Н. Указ. соч. С. 773—774.



Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: Учеб. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассмотрены теоретические основы и возможности практического применения технологий профайлинга в целях предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Показаны возможности использования направлений прикладной психологии для выявления лиц, имеющих противоправные намерения. Систематизированы представления о технологиях оценки личности на основе визуальной психологической диагностики; рассмотрены методы противодействия психологическому воздействию со стороны потенциальных преступников; раскрыты особенности коммуникации с объектами профайлинга; представлены методы психической саморегуляции эмоциональных состояний в деятельности профайлера; показаны пути развития навыков распознавания потенциальных преступников по их словесному портрету и типологии поведения.

Для курсантов, слушателей вузов системы МВД России, а также для практических работников органов внутренних дел, выполняющих обязанности по обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры.

ПОДВОДНЫЕ «КАМНИ»
ВНЕШНИХ УГРОЗ**ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ФАДЕЕВ,***доктор юридических наук, профессор,**профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя**E-mail: fadei87@mail.ru**Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Для России сегодня конструктивное взаимодействие с США — приоритет номер один. Для США — Россия одна из многих стран, которую они и впредь хотели бы рассматривать только с точки зрения полезности для себя. Следовательно, если в политике США возобладают мотивы иррациональные, связанные с постоянно присутствующими в ней фобиями или мессианскими амбициями, то они могут привести к резкому обострению обстановки вопреки всем трезвым расчетам. В этом крайнем варианте России следует принять все меры к тому, чтобы остаться в стороне от новой «холодной войны». Только так наша страна сохранит способность бороться с терроризмом, противодействовать экстремизму и раскольничеству, поддерживать территориальную целостность и единство нации.

Ключевые слова: «холодная война»; геополитические интересы; военно-политический альянс; дестабилизация; терроризм; экстремизм; территориальная целостность.

Annotation. On modern stage of development, for Russia constructive cooperation with USA is the priority number one. For USA Russia is one of many countries, which they would like to continue to consider only from point of view of the utility for themselves. Therefore, if in the politics of USA irrational motives, connected with the ever-present phobias or messianic ambitions, will prevail, this may bring to marked aggravation of the situation contrary to sober judgment. In such utmost variant Russia should take all measures to stay aside from the «cold war». By this our country will keep the ability to oppose to terrorism, extremism and schism, to support territorial integrity and unity of nation.

Keywords: «cold war», geopolitical interests, military-political alliance, destabilization, terrorism, extremism, territorial integrity.

Безусловно, для России конструктивное взаимодействие с США — приоритет номер один. Для США — Россия одна из многих стран, которую они и впредь хотели бы рассматривать только с точки зрения полезности для себя. Никто из лидеров США не будет предлагать России вступить в НАТО или петь ей дифирамбы как великой демократической стране и другу Америки. Тянуть через Европу лоскутное одеяло на себя невыгодно. К США ближе Дальний Восток и Сибирь. Но там Китай и Япония. Более того, пока Россия ядерная держава, для США даже выгодно поддерживать в России образ потенциального противника и собирать всех под свой антиядерный зонтик. В Европе этот образ очень хорошо работает.

Вашингтон пока не определился, что для США важнее: сохранять Россию как «пугало», не давая ей активно развиваться, или наладить с Россией взаимодействие для обеспечения основополагающих интересов США, точно так же, как они взаимодействуют с другими недемократическими, но стратегически важными государствами — Китаем или Саудовской Аравией.

Для развития сотрудничества нет необходимости в ненужной восторженности или настороженности. Здесь опасно нереалистичное представление о том, что интересами других государств можно пренебрегать без последствий для себя. Мало кто в США отрицает необходимость такого сотрудниче-

ства, но в Вашингтоне правит бал наивная и эгоистичная убежденность, что Соединенные Штаты могут заручиться сотрудничеством России там, где это выгодно США, и при этом США без помех смогут игнорировать собственные приоритеты России.

Например, американские чиновники полагают, что Россия должна не критически поддерживать борьбу США с Ираном и исламистскими террористами на том основании, что считает их угрозой и для себя. Однако, при этом игнорируется тот факт, что Россия рассматривает иранскую угрозу в совершенно ином ключе, чем они. Россия тоже не желает, чтобы Иран стал ядерной державой, но не считает проблему настолько острой, и вполне может удовлетвориться инспекциями иранских объектов, не позволяющими наладить обогащение урана в промышленных масштабах. Тезис о том, что Россия должна пойти навстречу США по Ирану независимо от политического курса США по другим вопросам, на практике равносителен не столь уж давним ожиданиям, что иракцы встретят американские и другие коалиционные войска как освободителей.

Безусловно, и впредь США будут проявлять твердость в отношениях с Россией, и недвусмысленно будут давать нам понять, что Иран, нераспространение и антитеррор — ключевые проблемы, определяющие характер двусторонних отношений.

Аналогичным образом, США, расширяя НАТО на Восток, дают нам понять, что агрессия против любой страны НАТО или неспровоцированное применение силы в отношении любого государства самым серьезным образом отразится на наших отношениях.

США и впредь словом и делом будут демонстрировать свое резко негативное отношение к любым попыткам воссоздания СССР в любой форме.

В экономической сфере Вашингтон будет и впредь твердо стоять на позиции, что любые попытки конфискации активов, правомерно приобретенные иностранными топливно-энергетическими компаниями, повлекут за собой далеко идущие последствия, включая ограничение доступа России на американские и западные распределительные и сбытовые энергетические рынки. Это нанесет не

только серьезнейший ущерб для репутации России, который отразится на инвестициях и приобретении зарубежных технологий, но и на поддержке западными компаниями сотрудничества с Россией.

Нам надо понимать, что любые возражения России не смогут удержать США от размещения системы ПРО в Чехии и Польше или других странах.

Надо осторожно относиться к заверениям США о том, это развертывание, как выразился Генри Киссинджер, не выходит за рамки «заявленной цели — преодоления угроз со стороны «деструктивных государств»».

Россию и впредь будут успокаивать и подбивать на подписание ничего не обязывающих соглашений, якобы о конкретных шагах по сохранению безопасности, призванных убедить Москву, что эти программы не имеют ничего общего с подготовкой гипотетической «войны» против России.

При всем разочаровании в США и Европе, России пока нет необходимости вступать в какой-нибудь альянс, направленный против США и Запада. Простой народ в России не желает пока рисковать своим немного иллюзорным благосостоянием, а российская элита — расставаться со счетами в швейцарских банках, особняками в Лондоне и отпусками в Альпы и на Средиземноморье.

Хотя Россия и стремится к более тесному военному сотрудничеству с Китаем, Пекин, похоже, также не горит желанием начинать схватку с Вашингтоном. В настоящее время Шанхайская организация сотрудничества, призванная расширять взаимодействие между Китаем, Россией и центрально-азиатскими государствами, скорее напоминает дискуссионный клуб, как и СНГ, чем полноценный военно-политический альянс.

Но если американо-российские отношения будут и дальше ухудшаться, это не сулит ничего хорошего Соединенным Штатам и, тем более, России в ее нынешнем положении.

Генеральный штаб должен иметь в виду распространение компетенции Шанхайской организации сотрудничества на военную сферу; нельзя отбрасывать идею о пересмотре внешнеполитического курса в сторону противостояния с Западом. Косово может стать Сараево. Нельзя забывать, что первая и вторая мировые войны начались в Европе — одна на Балканах, другая, — в Польше.

Сегодня не так уж мало стран, в том числе Иран и Венесуэла, которые призывают Россию вместе с Китаем взять на себя лидирующую роль в создании экономического, политического и военного противовеса Соединенным Штатам.

Наконец, постсоветские государства, вроде Грузии, поднаторевшие в искусстве сталкивать лбами Россию и США, могут своими действиями повысить напряженность между двумя державами.

Однако, новые угрозы и непредсказуемая ситуация могут заставить будущих лидеров страны проявить и собственные амбиции, могут появиться собственные идеи, а политическая неопределенность или экономические проблемы могут побудить их к попыткам укрепить собственную легитимность, разыгрывая в том числе и националистическую карту.

Надо понимать, что независимая позиция России идет в противоречие с амбициями США в ООН. Если США не смогут — из-за российского вето — хотя бы изредка, придавать легитимность своим военным акциям или вводить действенные санкции против «деструктивных государств» через Совет Безопасности ООН, то будет поставлен под вопрос сам факт существования ООН.

США опасаются, что их враги могут осмелеть, получив доступ к поставкам российских вооружений и обрета покровительство Москвы в сфере политики и безопасности. Международные террористы смогут находить убежище в России или государствах, которые она защищает. Наконец, крушение российско-американских связей расширит для Китая свободу маневра в отношениях с США. Речь не идет о новой «холодной войне», поскольку Россия не сможет соперничать с Соединенными Штатами в мировом масштабе, и вряд ли будет главной движущей силой конфронтации с США в XXI в. Однако, Россия способна будет создавать стимулы и обеспечивать прикрытие тем, кто готов к конфронтации с Вашингтоном.

Если, повторяя прошлые советские ошибки, Россия продолжит развитие российско-американских отношений в этом направлении, не найдет способов избежать возобновления американо-российской конфронтации, то последствия этого могут быть катастрофическими для России.

Ввязаться в «драку», стать над схваткой гигантов и даже продолжать выступать миротворцем —

сегодня не по силам России, да и в этом нет нужды за исключением тех зон, где интересы России имеют стратегическое значение. Нам надо отстаивать собственные интересы и, прежде всего, обезопасить себя от назойливых соседей.

У России пока нет надежного «забора» от своих соседей — соорудить его — вот главная задача. Увлечение другими геополитическими проблемами в ущерб этой простой задаче будет верхом безответственности и близорукости политического руководства России.

Учитывая, что в прошлом Кремль часто делал неверный политический выбор, новое столкновение интересов может произойти независимо от предпочтений России и США. Но и в этом случае надо понимать, что с усиливающейся Россией Соединенные Штаты будут вести себя в условиях такого соперничества с большим реализмом и решительностью, чем они проявили в ходе вялых попыток наладить партнерство с Москвой во времена Ельцина и раннего Путина.

США и Китаю — минуя Россию есть о чем поговорить. Например, о Тайване, чье движение к независимости способно спровоцировать Пекин на военные меры, что может привести Китай и Америку к опасному конфликту. Или о Северной Корее — в Вашингтоне полагают, что лишь Китай может обратски приструнить Пхеньян и убедить Ким Чен Ына отказаться от создания атомной бомбы. А также о ядерной программе Ирана — США постоянно выносят вопрос о санкциях против Тегерана на Совбез ООН. Для этого им необходимо заручиться поддержкой Китая, обладающего в Совбезе правом вето, чтобы оставить Россию в одиночестве.

Не менее острыми будут и экономические споры. Американские власти требуют от Китая немедленной смены валютного курса. Уступив давлению, в июле 2005 г. Пекин отказался от привязки курса национальной валюты к доллару, но с тех пор юань подорожал всего лишь на 3,2%. Американские производители настаивают, что юань обязан подорожать на 40%, иначе они не выдержат конкуренции с дешевыми китайскими товарами. Сторонники жестких мер в отношении Пекина утверждают, что заниженный курс юаня создал для китайских экспортеров несправедливые преимущества, благодаря

чему в прошлом году дефицит в торговле США с Китаем вырос до рекордных 273,1 млрд. долл. не в пользу США.

Китай в силу своих возможностей старается не пренебрегать американскими интересами. У Китая самые большие золотовалютные резервы — в конце 2013 г. достигли 3.82 трлн. долл. Большая доля китайских золотовалютных резервов накоплена благодаря быстрому росту внешней торговли, в том числе, с США и Японией. Сотни миллиардов долларов вложены в ценные бумаги казначейства США.

Экономики КНР и США активно интегрируются, что ограничивает для обеих сторон возможность навредить партнеру без ущерба для собственных интересов. Однако, американских консерваторов все сильнее пугает усиливающийся Китай, способный подкрепить свою независимую внешнюю политику солидными материальными ресурсами.

До 1991 г. политика США и СССР в отношении Китая определялась их стратегией в адрес друг друга. В те годы Вашингтон и Москва следовали двум сходным стратегиям. Одна требовала подходить к другой стороне как к противнику, вторая — как к стратегическому партнеру. В США они были известны как «сдерживание» и «новый мировой порядок» (НМП), в СССР — как «борьба с империализмом» и «разрядка». Перемена стратегии в американско-советских отношениях приводила к изменению политики каждой из держав в адрес Китая. После 1991 г. Китай начал доминировать в политике обеих стран.

Вторичный характер американской политики в отношении Китая проявился после завершения второй мировой войны. Разработанная президентом Франклином Рузвельтом стратегия нового мирового порядка была нацелена на разрядку с Советским Союзом. США не планировали вооруженного присутствия на евразийском пространстве после завершения войны, добиваясь создания нейтральных государств в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. В частности, США поддерживали создание в Китае коалиционного правительства с участием противостоявших друг другу гоминдановцев и коммунистов.

С ухудшением американско-советских отношений США перешли к политике сдерживания СССР. На

китайском направлении США стала искать дружбы с коммунистами, одерживавшими верх в гражданской войне. Эта попытка провалилась, когда победившие в 1949 г. китайские коммунисты заключили союз с Москвой.

Через два десятилетия президент Ричард Никсон использовал китайско-советский конфликт, чтобы вернуть Китай в политические пенаты Америки. Встреча в 1972 г. Никсона и Мао Цзэдуна помогла подвинуть Китай в западный лагерь. Восстановление отношений с Пекином дало американцам возможность достойно выйти из Вьетнама и активизировать политику сдерживания СССР.

Однако, внутривластное поражение Никсона из-за уотергейтского скандала и переход внешней политики США в руки госсекретаря Генри Киссинджера знаменовали отход от стратегии сдерживания Советского Союза. Киссинджер потерпел полную неудачу в попытке восстановить стратегию нового мирового порядка в отношении Москвы, но преуспел в отдалении США от Китая.

Быстрое усиление СССР и отчуждение от Китая сильно ослабили позиции США в мире, нарушили выгодный для США глобальный порядок. Но Америка не бездействовала. США выработали новую стратегию, основанную на надежде на сближение с Китаем.

После развала СССР Россия оказалась слишком слабой, чтобы продолжать играть роль стратегического партнера США. В ходе поисков нового партнера Китай был выдвинут американцами на роль, закрепленную ранее за СССР. Одновременно китайское руководство пришло к выводу, что возникший вслед за распадом СССР вакуум мощи открыл для Китая возможность занять место Советского Союза и стать, как минимум, крупнейшей азиатской державой.

На закате президентства Джорджа Буша-старшего американские и китайские лидеры, по инициативе Вашингтона, пришли к судьбоносному размену. Предполагалось, что США помогут Китаю выйти на путь быстрого экономического развития. В обмен Китай использовал бы свою мощь, чтобы играть стабилизирующую роль в Азии и даже за ее пределами. Считалось, что Китай будет сотрудничать с США в поддержании стабильности, отказавшись как от стратегии равной удаленности между

США и Россией, так и от стратегического альянса с Россией против США.

После этого США «открыли двери» для крупномасштабных западных инвестиций, торговли и передачи технологий Китаю. В ответ китайские власти пересмотрели внутреннее законодательство, сняли барьеры на пути экономического взаимодействия. Дэн Сяопин вышел из тени, чтобы преодолеть влияние консервативных просоветских руководителей, возвысившихся после событий на Тяньаньмэнь. Дэн вновь широко открыл двери Западу, но при этом оставил их открытыми и для Москвы.

Президент Клинтон проводил новую американскую стратегию увлеченно и размашисто, осуществляя, без преувеличения, самое большое в мировой истории перемещение ресурсов с Запада на Восток. Три крупных решения были незаменимы для нынешнего возвышения Китая: принятие ориентированной на экспорт экономической стратегии, основанной на заниженном курсе юаня; качественный скачок прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китай и передача США самых чувствительных военных технологий.

С 1982 по 1991 год годовой объем прямых иностранных инвестиций в Китай не превышал 3 млрд. долл., а их общий приток за десятилетие в целом был менее 20 млрд. Большая волна поднялась в 1992 г., после решения США помочь развитию Китая. Ежегодный приток прямых иностранных инвестиций резко взмыл вверх, составив 40 млрд. в 2000 г. и превысив 60 млрд. долл. в 2005 г. Но уже в 2013 г. Китай привлек рекордные \$117,6 млрд. в виде прямых иностранных инвестиций. Всего за двадцать лет совокупный объем полученных Китаем прямых иностранных инвестиций превысил триллион долларов США.

Хотя доля США в общем притоке инвестиций в Китай за любой из прошедших годов редко превышала 10%, но наложенная Вашингтоном «печать» одобрения поощряла другие страны. И пусть в последние годы доля США и Запада снижается, общий объем получаемых Китаем инвестиций растет из-за увеличения инвестиционных потоков из Гонконга, Британских Виргинских островов, Западного Самоа и Каймановых островов. Это не источники инвестиций, а финансовые «трубопроводы» для других ин-

весторов, включая Тайвань, по которым деньги направляются в Китай.

В прежние времена американский экспорт в Китай был ограничен двойными технологиями с ограниченным военным применением. В рамках политики президента Клинтона «вовлечения» Китая в орбиту американских интересов контроль был снят. Суперкомпьютерные, аэронавигационные, спутниковые, ракетные и оружейные ядерные технологии были переданы Китаю оптом. Поставлялось оборудование для проектирования ядерного оружия, обработки ядерных материалов, оценки данных ракетных испытаний; и это далеко не все. Американские ядерные оружейные лаборатории были открыты для китайского пользования, побуждая пекинский аппарат шпионажа устремиться к краже того, что не могло быть куплено.

Но когда потоки инвестиций и технологий потекли в Китай, тот все чаще стал проявлять желание бросить вызов основам мощи Соединенных Штатов, нежели чем сотрудничать с ними. В оправдание американские политики бесконечно твердят, что экономическое развитие Китая будет вести к демократии. Долгосрочной целью США было преобразование централизованно управляемой коммунистической системы в рыночную, движущуюся к политическому устройству западного типа и твердо заинтересованную в стабильности. Мы не должны вводить себя в заблуждение относительно целей и последствий этой политики: ее успех означал бы конец коммунистической власти в Китае. А власть в монолитном Китае — незыблема.

Однако, китайское коммунистическое руководство хочет усилить мощь государства, не потеряв контроль над ним. После чистки проамериканской фракции в китайской верхушке более не стоит вопрос об эволюции в демократическом направлении. Китай накапливает богатство, модернизирует государство и наращивает военную мощь, чтобы потом использовать эту мощь для изменения по своему проекту регионального, а, возможно, и общемирового порядка. России в этой стратегии отведена роль соучастника «заговора» и поставщика оружия. Это вовсе не то стратегическое партнерство, о котором заключило сделку с Китаем американское руководство.

Пекин перестал притворяться, что ищет мирное решение тайваньского вопроса, открыто объявив о намерении использовать военную силу, если Тайбэй провозгласит независимость. Возобновленный интерес к Тайваню знаменовал пересмотр направления, в котором хотели ориентировать Пекин американские лидеры. Вашингтон ожидал, что Пекин обратится «внутри» — к Центральной Азии и новым независимым государствам. Китай продвинулся к созданию Шанхайской организации сотрудничества и привлек туда Россию. Теперь Пекин сотрудничает с Москвой, чтобы выдавить США из региона.

Китай не пошел в пустыню.

Пекин обратился, прежде всего, в сторону моря, чтобы создать основания для подрыва позиций Америки. Вместо сотрудничества с США, Китай вернулся к стратегии равной удаленности Дэн Сяопина. В ее нынешнем варианте Китай использует богатство, полученное от торговли с США, чтобы приобрести военную мощь у России, стремясь изменить построенный Вашингтоном мировой порядок.

Для Китая цель состоит не в том, чтобы выиграть полномасштабную войну против США. И не в том, чтобы обрушить «дождь» ядерных ракет на Тайвань. Цель скорее в том, чтобы накопить достаточную мощь и поднять вопрос относительно способности США гарантировать безопасность их союзников. Китайцы выиграют соревнование, когда союзники начнут отдаляться от США и становиться все более покладистыми в отношении Пекина. Уже есть признаки того, что такие мысли зародились у руководителей Южной Кореи. Пекин нацелен на разрушение союза США и Японии, понимая, что это приведет к ослаблению американских позиций не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

Еще есть энергетическая игра. Китайцы сосредоточились на получении доступа к африканским, ближневосточным, американским и центрально-азиатским нефтяным запасам. Развертывание китайской военно-морской мощи указывает на масштабные цели, поскольку Пекин обретает рычаги влияния на ведущих в Азию морских путях.

Спор с Японией о правах бурения месторождений в Японском море, укрепление контроля над Парасельскими островами и островами Спратли в

Южно-Китайском море, развитие военно-морских баз в Бирме, Пакистане и Бангладеш, помощь в «проектах развития» в Иране, Саудовской Аравии и Судане, продвижение в Боливии, Венесуэле, на Карибах и в Панаме — все это указывает на намерение Китая получить прямой контроль над нефтяными ресурсами, которые превышают его потребности. Вместе с Россией китайцы пытаются получить решающие рычаги на мировом нефтяном рынке, чтобы повышать цены и давить на западную экономическую систему.

Главная цель Китая — ослабление глобальных позиций Америки с перспективой возможного вытеснения США с позиции крупнейшей державы мира. Китай бросил США вызов, еще не располагая для этого достаточной военной мощью. Экономика Китая все еще не в состоянии функционировать как независимый от внешнего мира генератор богатства. Однако, Китай быстро компенсирует эти слабости, а время не ждет.

США избрали стратегию попыток замедлить темпы роста Китая. Именно в этом состоит реальная цель американских требований увеличения курса китайской валюты. Рост валютного курса юаня нужен для того, чтобы замедлить экспорт Китая, приток инвестиций и рост китайского ВВП. Но чтобы эта стратегия преуспела, Китай должен ей добровольно подчиниться, а это маловероятно, ибо такой подход противоречит национальным интересам Китая.

В отношении ослабления Китая перед США встает задача ограничить торговлю, перенаправить потоки инвестиций в другие регионы и запретить поставки американских технологий, прежде всего военного назначения. Внешняя торговля и прямые иностранные инвестиции в сумме дают более 40% китайского ВВП. Взятые вместе, США и Япония потребляют более 40% экспорта Китая. Существенное замедление в этих двух областях не только притормозило бы рост Китая, но и серьезно повлияло бы на военные расходы, которые привязаны к доходам в твердой валюте.

Президент Рейган в свое время успешно использовал против СССР стратегию экономического давления. Китай сегодня находится в худшем положении, поскольку его экономический успех при-

вязан к США куда теснее, чем это было в случае с СССР. Рейгану тогда пришлось надавить на союзников, чтобы лишить Советский Союз доходов в твердой валюте и нанести вред нашей экономике. Ныне США могут разобраться с Китаем непосредственно, хотя закрытие дверей для инвестиций и военных поставок в Китай потребует обращения к союзникам и России.

Чтобы отвести потоки прямых иностранных инвестиций от Китая, США должны сделать более привлекательными для американских и прочих западных фирм инвестиции в другие страны. Создание Центрально-американского соглашения о свободной торговле — хорошее начало. Оно должно сопровождаться усилиями по достройке Всеамериканской зоны свободной торговли, что должно сementировать Западное полушарие. Соглашения США о свободной торговле с ЕС и Ближним Востоком, а также более тесные связи с Индией помогут отклонить инвестиции от Китая. Возможно, администрация США начнет более активно думать о соглашении о свободной торговле еще и с Тайванем, чтобы показать Пекину, что он перешел черту, и увести тайваньские капиталы подальше от Китая.

В этом смысле Китай более уязвим, чем в свое время СССР.

Рейган когда-то поставил Москву перед вызовом Стратегической оборонной инициативы. В настоящее время США делают шаги в этом же направлении, размещая морские противоракетные системы «Иджис» у Японии и Тайваня, сухопутные комплексы «Пэтриот» в Южной Корее, а также создают наземную систему ПРО на Аляске и в Калифорнии. Хорошее начало, но этого недостаточно. Пришло время вспомнить планы президента Рейгана в области космической обороны. Первый шаг на этом пути уже сделан. В конце февраля 2008 г. был успешно поражен в космосе вышедший из строя американский спутник-шпион.

Если вспомнить того же Рейгана, то важнейшим шагом на первой пресс-конференции президента Рейгана стало отрицание легитимности советского коммунистического режима. США смогут использовать этот курс в отношении Китая, чтобы пробуждать внутреннее инакомыслие и помогать его сосредоточению. Китайские коммунисты выбрали стратегию соперничества с Соединенными Штата-

ми, и теперь перчатки сняты. США будут стремиться нанести поражение этой стратегии.

В этой ситуации Россия должна быть готова сыграть свою игру.

Какой должна быть реакция России, если США начнут проводить в отношении Китая жесткую политику сдерживания?

1. России надо иметь четкое представление о том, что означает на практике американское «сдерживание» Китая. Если речь идет об отстранении Китая от решения глобальных и региональных вопросов безопасности, то надо смотреть, где это отвечает российским интересам, а где — нет. Если не отвечает, то следует вести с Китаем свою линию по той или иной проблеме. И в любом случае нам не стоит вовлекаться в американо-китайские разногласия.

2. Если речь пойдет об экономических санкциях, здесь первостепенное значение имеет правовое обоснование их целесообразности. Если будет поставлен вопрос об ограничениях на экспорт технологий в Китай, то России и в этом случае важно не вовлекаться в конфликт, а поискать для себя новые возникающие технологические ниши на китайском рынке. Самое главное для нашей страны — не впасть в искушение поиграть на стратегии «сдерживания» Китая, ставя вопрос лишь в общем виде, без конкретики.

3. К сожалению, внешнеполитический курс США, в том числе по отношению к Китаю, определяется не только рациональными, но и иррациональными мотивами. При сохранении рациональной доминанты, более либеральной или более консервативной, резкое обострение отношений между США и Китаем крайне маловероятно.

4. Другое дело, если в политике СШАобладают мотивы иррациональные, связанные с постоянно присутствующими в ней фобиями или мессианскими амбициями. Они могут привести к резкому обострению обстановки, вопреки всем трезвым расчетам. В этом крайнем варианте России следует принять все меры к тому, чтобы остаться в стороне от новой «холодной войны». Тем самым наша страна сохранит способность сопротивляться силам терроризма, экстремизма и раскольничества, поддерживать территориальную целостность и единство нации.

О ФОРМУЛИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ, СОПРЯЖЕННАЯ С КОРРУПЦИЕЙ»

РАВИЛЬ ШАЙХЛИСЛАНОВИЧ ШЕГАБУДИНОВ,

кандидат юридических наук, заместитель начальника УВД по Юго-Восточному административному округу

ГУ МВД России по г. Москве

E-mail: Shegabudinov@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Предложено авторское видение понятия «организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией».

Ключевые слова: экономическая преступность, коррупция, организованная преступность, внутренняя их сопряженность, совокупность отличительных признаков.

Annotation. In this article the author presents his vision on the definition of «organised economic crime, coupled with corruption».

Keywords: economic crime, corruption, organized crime, internal their ties, the set of distinctive feature.

Не определив понятия «экономическая преступность», «коррупции», а также «организованная преступность», их сущность и содержание, не представляется возможным сформулировать авторское определение организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

Справедливости ради отметим, что само понятие «организованная преступность» в отечественных криминологических исследованиях стал использоваться лишь в середине 70-х гг. прошлого века. Криминологов интересовал не только этот феномен, но и меры борьбы с ним. В частности, криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью рассмотрены в научных трудах Г.А. Аванесова, А.И. Алексева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, С.Е. Вицина, С.В. Ванюшкина, Л.Д. Гаухмана, А.И. Гурова, К.К. Горяинова, В.Г. Гриба, А.И. Долговой, С.В. Дьякова, А.Э. Жалинского, К.Е. Игошева, С.М. Иншакова, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, С.И. Кириллова, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Г.М. Миньковского, В.В. Овчинского, В.Д. Пахомова, В.И. Попова, С.А. Солодовникова, В.Е. Эминова, А.М. Яковлева и др.

Несмотря на несомненную значимость работ указанных авторов, следует констатировать тот факт, что в основном в них освещались преимущественно вопросы, связанные с преступностью вообще, причинным ее комплексом, личностью преступника, а также предупреждением преступности применительно к условиям административно-командной системы управления народным хозяйством, и в меньшей степени уделялось внимание их изучению в рыночной экономике.

Проведенный анализ монографической и иной литературы показывает, что глубоких научных исследований по проблемам, связанным с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, до настоящего времени не проводилось. Между тем, в современных условиях научная их разработка приобретает особую значимость, прежде всего, в силу следующих обстоятельств:

- 1) того, что судебно-следственная практика, не дожидаясь предварительного научного анализа указанного явления и его составных частей, сама нащупывает наиболее эффективные уголовно-правовые меры;
- 2) отставания науки криминологии от реально сложившейся в стране криминологической ситуации;

3) ежегодного причинения экономике страны многомиллиардных ущербов от экономических преступлений, совершенных в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи;

4) продолжающегося процесса криминального банкротства кредитных организаций, предприятий градо- и бюджетобразующих отраслей экономики;

5) дальнейшего сращивания российской организованной преступности с транснациональной преступностью в сфере экономики.

Перечисленные обстоятельства диктуют необходимость разработки Государственной концепции противодействия организованной преступности, в которой должна найти отражение система мер по борьбе, в том числе, и с рассматриваемым видом преступности.

Как уже отмечалось выше, определение сущности и содержания организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, невозможно без рассмотрения в отдельности составных ее частей, а именно: экономической преступности, коррупции и организованной преступности.

Прежде чем приступить к анализу названных явлений считаем целесообразным отметить некоторые общие для них положения, суть которых заключается в:

- ❖ отсутствию на сегодня законодательных определений указанных явлений;
- ❖ наличию в криминологической литературе множества точек зрения по поводу формулирования понятий «экономическая преступность», «коррупция» и «организованная преступность»;
- ❖ недостаточном углубленном изучении криминологами связей и отношений между рассматриваемыми явлениями, хотя на этот счет имеются солидные наработки судебно-следственной практики;
- ❖ слабом заимствовании международного опыта борьбы с названными видами преступности.

Проведенное нами выборочное исследование позволяет сделать вывод о том, что *экономическая преступность* в условиях рыночной экономики — качественно новое явление, состоящее из совокупности преступных посягательств, причиняющих

вред охраняемым законом экономическим интересам государства и общества.

Общепринятого уголовно-правового и криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время учеными не выработано. Вопрос о понятии экономической преступности и ее признаках является наиболее дискуссионным в российском уголовном праве и в отечественной криминологической науке. Уже сегодня предложено много определений понятия экономической преступности, которые отличаются теми или иными признаками¹. Рассмотрим лишь некоторые из них².

Итак, экономическая преступность³ определяется как:

- ❖ система социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли, удовлетворения корыстных интересов любой ценой;
- ❖ явление, на качественно новой основе объединяющее корыстно-хозяйственную и должностную преступность, когда тяжкие их проявления совершаются организованными группами, стремящимися к расширению масштабов своей деятельности;
- ❖ совокупность преступных посягательств, причиняющих вред охраняемым законом экономическим интересам общества и граждан вследствие совершения хищений, хозяйственных и корыстных должностных преступлений⁴. Аналогичной точки зрения придерживаются С.Х. Нафиев и Г.Р. Хамидуллина⁵;
- ❖ устойчивое объединение криминально активных лиц, организовавших для совместной преступной деятельности в наиболее прибыльных отраслях (сферах) экономики в целях извлечения незаконной прибыли. По данным проведенного нами опроса, 63% респондентов (практические работники правоохранительных органов) указали приведенное определение наиболее приемлемым в правоприменительной практике;
- ❖ совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, пар-

тнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства⁶;

❖ совокупность корыстных посягательств на собственность и порядок управления народным хозяйством со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений⁷. Нам импонирует данная точка зрения, ибо ее авторы четко вычерчивают объекты преступного посягательства и круг лиц, к ним причастных;

❖ совокупность преступлений, совершаемых в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг нелегальными методами с целью незаконного обогащения, не вступая ни в какие экономические отношения с государством (т.е. теневая деятельность, вступившая в противоречие с уголовным законом)⁸;

❖ совокупность преступных посягательств, причиняющих вред охраняемым законом экономическим интересам общества и граждан вследствие совершения хищений и иных преступлений экономической направленности⁹;

❖ общественно опасное, сложное, системное, многогранное, социальное, уголовно-правовое явление, взаимообусловленное особенностями социальной среды, характеризующееся наличием устойчивых преступных связей, возникающих в процессе экономической деятельности между субъектами экономических отношений, имеющих корыстную или иную личную заинтересованность в получении противоправной экономической выгоды¹⁰;

❖ противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, а также на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом¹¹. В этой дефиниции автор выделяет следующие признаки экономической преступности: корыстный характер, создание видимости легальной экономической де-

ятельности, существенный ущерб, делящийся характер.

Некоторый анализ точек зрения на понятие и содержание экономической преступности позволил автору сделать следующие выводы.

Во-первых, экономическая преступность находит свое проявление в сфере экономических отношений, в широком смысле последние становятся объектом преступных посягательств. Собственность и порядок управления народным хозяйством также выступают объектом преступных посягательств, но уже в узком смысле этого слова.

Особо следует отметить, что ядром экономической преступности является организованная преступность, сопряженная с коррупцией. Ю.В. Латов, разделяя эту точку зрения, подчеркивает, что в силу целого ряда факторов произошла определенная смычка криминализированных предпринимателей с коррумпированными чиновниками. Криминализованная часть предпринимателей находится под «крышей» организованных преступных групп.

Во-вторых, «определения экономической преступности до сего времени политизированы и сориентированы на задачи охраны экономической системы, основанной на монополии государственной и общественной собственности и командно-административных методах управления, и уже не отвечают новым потребностям уголовно-правовой борьбы с посягательствами на экономические отношения»¹². На перекосы в экономической политике, допущенные особенно на этапе перехода к рыночной экономике, в юридической литературе обращалось достаточно большое внимание. Как нам представляется, в настоящее время произошел дисбаланс в структуре собственности, сейчас доминирует частная форма собственности. В результате этого сложилась ситуация, при которой взамен так называемой ничейной собственности вроде бы пришел «настоящий» ее хозяин¹³.

Связующим звеном между экономической и организованной преступностью выступает *коррупция* во всех ее проявлениях.

Автор настоящей статьи, анализируя документы международного значения, пришел к выводу о том, что международное сообщество, стремясь выработать эффективные меры по своевременному пред-

упреждению коррупции, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций (например, Конвенция против коррупции), Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития. В этих документах отмечается, что коррупция превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает все страны. Российская Федерация в этом плане также не является исключением.

В настоящее время, на наш взгляд, создана прочная правовая основа противодействия коррупции, составными частями которой являются Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции.

Среди коррупционных преступлений наиболее распространенным и опасным является взяточничество, которое «посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие»¹⁴.

Коррупция, как известно, явление социально-правовое, криминальное. Термин «коррупция» имеет как узкую, так и широкую трактовку.

Как нам представляется, краткое и емкое его определение содержится в Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией: «Коррупция — это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных

целях»¹⁵. Более широко это понятие трактуется в Межамериканской конвенции против коррупции, подписанной государствами — участниками Организации американских государств 29 марта 1996 г. в столице Венесуэлы г. Каракас. В данной Конвенции перечислены формы проявления коррупции. В частности, наряду с вымогательством в ней указаны получение чиновником или лицом, которое выполняет государственные обязанности, любого предмета, имеющего денежную стоимость, или иной выгоды в виде подарка, услуги, обещания или преимущества для себя или иного физического или юридического лица в обмен на любое действие или не совершение действия при исполнении им своих государственных обязанностей, а также предложение или предоставление таких предметов или выгод. Кроме того, к случаям коррупции отнесено любое действие (бездействие) при исполнении своих обязанностей правительственным чиновником или лицом, выполняющим государственные обязанности, в целях незаконного получения выгоды для себя или третьего лица. Мы убеждены в том, что понятие «коррупция» должно определяться национальным правом. При этом его нормы, безусловно, разнятся. Так, законодательное определение коррупции содержится и в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В частности, в нем коррупция закреплена как: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Между тем, чтобы глубоко уяснить смысл и содержание указанного явления приведем понятие коррупции из Толкового словаря русского языка. В нем оно сформулировано так: «Коррупция —

моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»¹⁶. Дефиниция содержит в себе не только отдельные формы проявления коррупции, но и один из существенных признаков, ее характеризующих, — срастание чиновников с мафиозными структурами. Тем самым подчеркивается степень организованности, что немаловажным является при определении взаимосвязи двух относительно самостоятельных явлений — организованной преступности и коррупции.

Значительным событием в рамках деятельности по формированию единой антикоррупционной политики стало принятие федеральных законов¹⁷ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции», от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» и от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Выборочное изучение судебно-следственной практики показывает, что антикоррупционные меры, осуществляемые органами внутренних дел, в большинстве своем реализуются в рамках уголовной политики, которая определяет основные направления, цели и средства воздействия на коррупционную преступность путем формирования соответствующего уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства, практики его применения. В этом плане правоведы современную политику в сфере противодействия коррупции чаще всего определяют следующим образом: «Это — система политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в принципах, направлениях, формах и способах деятельности ее субъектов по противодействию коррупции в сфере осуществления государственной и муниципальной власти, а также корпоративных интересов»¹⁸. Как нам представляется, приведенное определение не бесспорно, ибо его авторы допускают смешение отдельных понятий (политико-правовые отношения, идеи и взгляды). Политика в общем виде — многозначное понятие. В данном случае ее следует рассматривать как «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми»¹⁹.

Говоря о политике в сфере противодействия коррупции, прежде всего, следует исходить из того, что основным ее содержанием выступают стратегические и тактические задачи применения уголовного законодательства в названной сфере. Эти задачи, в свою очередь, решаются в интересах снижения уровня коррупции (форм ее проявлений) до социально приемлемых масштабов. Формы проявления коррупции перечислены в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (п. «а» ст. 1). К ним, в частности, отнесены злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Со своей стороны полагаем, что приведенный перечень коррупционных деяний не исчерпывающий, хотя законодатель закрепил критерии их отбора из числа уголовно наказуемых деяний.

Наконец, другим относительно самостоятельным видом является *организованная преступность*.

Следует отметить, что только к концу 1980-х гг.²⁰, на основе анализа судебно-следственной практики, были сформулированы основные признаки, характеризующие современную организованную преступность. Мы теперь находим их в трудах А.И. Гурова, А.И. Долговой, С.В. Дьякова и ряда других авторов. Так, профессор А.И. Долгова, давая определение организованной преступности, пишет: «Организованная преступность — это сложная система организованных преступных формирований с их широкомасштабной преступной деятельностью и созданием для такой деятельности наиболее благоприятных условий ... В эту систему вовлечена немалая часть населения, и по существу организованная преступность представляет собой альтернативное общество со своей экономикой, социальной и духовной сферами, своими системами управления, безопасности, формирования молодого

поколения, судами, своей внутренней и внешней политикой»²¹.

Между тем, следует подчеркнуть, что до сего времени не выработано унифицированного определения организованной преступности. В итоговом документе Международного семинара ООН по вопросам борьбы с преступностью (Суздаль, СССР, 21—25 октября 1991 г.) «под организованной преступностью понималась относительно массовая группа устойчивых и управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и крупномасштабные хищения». Данное определение может пониматься и в более широком смысле: «любая группа или отдельные лица, организованные на постоянной основе для получения прибыли незаконным способом»²².

Приведенная дефиниция почти-что в аналогичной редакции (с некоторой конкретизацией) воспроизводилась во многих учебниках по криминологии. Вот одна из них: «... организованную преступность образуют широкая консолидация и сплочение организованных преступных групп, преступных организаций и преступных сообществ, обеспечивающих противоправную деятельность, с целью увеличения криминальных доходов и укрепления влияния на властные структуры»²³. Принципиально важными в этом определении мы считаем (с позиции предмета нашего исследования) создание предпосылок для коррумпирования государственных чиновников посредством наращивания преступных доходов (денег, ценных бумаг, иных материальных или интеллектуальных ценностей или прав на них).

Несколько по-иному формулируют определение «организованная преступность» специалисты ВНИИ МВД России. Они утверждают, что современная организованная преступность представляет собой сложную криминальную систему организованных преступных групп и преступных сообществ (организаций), осуществляющих свою социально опасную деятельность, отличающуюся высокой степенью вреда для всего российского общества»²⁴. Как нам представляется,

такая несколько «упрощенная» трактовка не раскрывает сущность рассматриваемого социально-правового явления, в этой дефиниции выпали из поля зрения исследователей важные признаки, характеризующие организованную преступность. Речь идет, прежде всего, о цели и средствах ее достижения.

В юридической литературе можно встретить и другие определения, с которыми, на наш взгляд, нельзя согласиться по многим соображениям. Однако, не вдаваясь в полемику, приведем еще одно из них. Организованная преступность рассматривается как создание и функционирование организованных преступных групп, их преступная деятельность. Погрешности этого простейшего определения очевидны. Общеизвестно, что организованная преступность неразрывно связана с такими понятиями, как «организованная преступная группа» и «преступное сообщество» («преступная организация»). Давайте обратимся к ст. 35 УК РФ; здесь приведены четыре формы соучастия, две из которых представляют наибольшую опасность: организованная группа (ч. 3) и преступное сообщество (ч. 4). Мы считаем, что это базовые термины, которые должны войти в содержание формулируемых понятий «организованная преступность».

Организованная преступность в динамике есть преступная деятельность криминальных структур. Данная деятельность в юридической литературе определяется как система деяний с заранее обдуманым умыслом по приготовлению, покушению, совершению одного или более преступлений, предусмотренных статьями УК РФ, а также по легализации и приумножению преступных доходов.

Что же касается особенностей организованной криминальной деятельности в сфере экономики, то изучение и анализ архивных уголовных дел и обзоров судебной практики позволили выделить следующие наиболее характерные ее признаки, а именно: устойчивость и продолжительность существования криминальных структур; программирование преступной деятельности с учетом изменяющейся обстановки, состояния рынка, системы законности, правопорядка и налогового контроля; использование при совершении преступных акций

новейших достижений науки и специальной техники; преследование цели извлечения максимальной прибыли, использование государственных и негосударственных структур для сохранения, легализации и приумножении накопленного криминального капитала; наличие четкой структуры с распределением ролей, отработанной схемы изъятия и обращения в собственный доход чужого имущества с маскировкой изъятия; создание безопасных условий преступной деятельности внутри предприятия и от внешних органов контроля; фактическую неограниченность в материальном обеспечении проведения крупномасштабных противоправных акций; мобильность и конспиративность в перемещении сил и средств, а также извлеченной криминальным путем прибыли; фиксированное распределение доходов пропорционально степени участия в преступной организации; вложение части прибыли в «дело».

Принимая во внимание приведенные особенности, можно констатировать, что экономические факторы в России определили цели организованной преступной деятельности: монополизация прибыльных секторов экономики, осуществление контроля над деятельностью доходных предприятий, образование собственных легальных коммерческих структур и создание условий для занятия ими лидирующего положения, а также проникновение во властные структуры.

Даже по результатам краткого анализа экономической преступности, коррупции и организованной преступности уже усматривается внутренняя их сопряженность. Более отчетливое выражение она находит, когда изучаем характерные каждому из этих явлений черты (признаки). Для удобства анализа их условно можно разбить на две группы: общие и специфические.

К числу *общих*, по результатам изучения монографической литературы, а также архивных уголовных дел и судебной практики, мы относим:

- ❖ уголовно-правовое явление, взаимообусловленное особенностями социальной среды;
- ❖ устойчивое объединение криминально активных лиц;
- ❖ общественную опасность конкретных проявлений рассматриваемых видов преступности (существенный ущерб);

- ❖ корыстный и длящийся характер деяний. Наличие у субъекта корыстного мотива, в частности, означает то, что деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц;
- ❖ их наказуемость в уголовном порядке (в силу противоправности действий).

В группу специфических черт следует отнести:

- ❖ совершение деяния (участие в нем) должностным лицом; государственным служащим и служащим органов местного самоуправления; лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;
- ❖ посягательство на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, на порядок управления экономикой;
- ❖ получение противоправной экономической выгоды. Извлечение наживы происходит, как правило, под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом;
- ❖ совместную преступную деятельность в наиболее прибыльных отраслях экономики.

Не все названные признаки уголовно-правового порядка. В этом плане их перечень как бы носит смешанный характер. Безусловно, есть и чисто уголовно-правовые. Укажем их, исходя из норм УК РФ. В данный перечень, на наш взгляд, следует включить:

- ❖ совершение преступления группой лиц по предварительному сговору;
- ❖ причинение значительного ущерба гражданину;
- ❖ совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения;
- ❖ преступление, совершенное организованной группой либо в крупном или особо крупном размере.

Эти признаки считаются квалифицирующими; они отражают тяжесть совершенного деяния. Один и тот же состав преступления может содержать в себе несколько квалифицирующих признаков. Например, присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) могут быть совершены лицом (помимо иных квалифицирующих признаков) с использованием своего

служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3). Деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 160 УК РФ, могут быть совершены организованной группой. В свою очередь, эти деяния отнесены к числу преступлений коррупционной направленности²⁵. Даже из содержания указанной нормы наглядно просматривается взаимосвязь (взаимопроникновение) преступлений в сфере экономики, коррупционной направленности и совершенных организованной группой лиц.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией, — это качественно новая разновидность преступности, обусловленная причинным комплексом, включающим в себя совокупность противоречий, прежде всего, связанным с переходом экономики страны на рыночные отношения, которые выступают родовым объектом преступного посягательства (видовым объектом — собственностью).

Указанная разновидность преступности на сегодня является одним из источников угроз экономической безопасности государства. Повышенная ее общественная опасность определяется не только этим, но и тем, что экономические преступления, совершенные в организованной форме лицами, имеющими коррупционные связи, — это, как правило, результат деятельности организованных групп (либо отличающиеся совершением в особо крупном размере). В то же время, как показало выборочное исследование, те же деяния совершаются не без участия должностных лиц, использующих в корыстных целях свое служебное положение.

По прогнозам специалистов, а также результатам проведенного нами исследования, в ближайшее время, в силу наличия совокупности негативных факторов²⁶, продолжают сохраняться неблагоприятные тенденции развития организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. В частности, в развитии данного вида преступности отчетливо будет просматриваться следующие тенденции. Укажем основные из них.

Одной из тенденций, присущей организованной преступности в сфере экономики, является *переход количественной ее характеристики в строго опре-*

деленное качество. Иными словами, происходят не только количественные, но и качественные изменения организованной преступности в сфере экономики. Не случайно отдельные исследователи стали высказывать мнение о возникновении относительно самостоятельной разновидности преступности — организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

Другой не менее важной тенденцией выступает *выстраивание целой системы взаимоотношений как в самой криминальной среде, так и с окружающей общественной средой*. Особую тревогу вызывает такое состояние, ибо это во многом свидетельствует о поиске новых форм и средств выживания и развития рассматриваемого вида преступности. В свою очередь, речь идет о его приспособляемости к новым экономическим условиям.

По-прежнему сохраняется тенденция *сплочения групп лиц в организованные преступные формирования на земляческой, национальной, религиозной и иной основе*. Криминальные структуры, сплоченные на этнической основе, специализируются по определенным направлениям предпринимательской, торговой, финансовой и иной деятельности. Стремясь расширить сферу своего влияния, они активно участвуют в криминальном переделе собственности. Эти структуры представляют повышенную опасность.

К тенденциям, вызывающим особое беспокойство со стороны государственных и правоохранительных органов, относится *подконтрольность организованным преступным формированиям градо- и бюджетобразующих объектов экономики*. Такие сферы, как топливно-энергетический и лесопромышленный комплекс, внешнеэкономическая деятельность и потребительский рынок, сфера оборота водных биологических ресурсов и драгоценных металлов и камней, оказались под контролем криминальных структур, ибо они являются высокодоходными, прибыльными отраслями экономики и отдельными видами деятельности. Продолжают иметь место незаконные захваты собственности преступными организациями и сообществами. Они широкое распространение получили в сферах землепользования, арендных отношений. Противоправное извлечение доходов организо-

ванными преступными формированиями в настоящее время является одним из основных источников угроз экономической безопасности страны, ибо оно крайне негативно отражается на развитии экономики страны, а также усиливает социальную напряженность.

В качестве одной из тенденций продолжает оставаться то, что *организованная экономическая преступность служит одним из основных источников финансирования организованной преступности и терроризма*²⁷. К большому сожалению, такая опасность пока что сохраняется. Наличие причинного комплекса особенно в условиях финансового кризиса, естественно, способствует развитию экономической преступности. Действие данного комплекса, наряду с другими факторами, создает внутреннюю угрозу экономической безопасности. Отсюда выявление, устранение либо нейтрализация этих угроз — основная задача различных субъектов защиты собственности и экономических интересов хозяйствующих структур от преступных посягательств.

Наблюдается тенденция *роста отдельных качественных показателей, отражающих состояние борьбы с преступлениями экономической направленности, совершенными в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи*. Удельный вес преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, из общего количества выявленных в сфере экономики, составил около 60%. В то же время, удельный вес раскрытых преступлений, совершенных организованными группами в сфере экономики, составляет за последние пять лет около 10% от общего массива раскрытых. Думается, что это серьезный задел. Качественную сторону, на наш взгляд, характеризуют изощренность используемых криминальными структурами схем, высокая латентность ими совершаемых преступлений экономической направленности с участием коррумпированных чиновников.

Прослеживается тенденция *роста числа выявленных преступлений, совершенных против собственности, в том числе фактов мошенничества; против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления*. Между тем, сохраняется тенденция пресечения малозначительных

деяний, не оказывающих серьезного влияния на состояние борьбы с коррупцией. Так, по данным выборочного исследования, менее 5% составляли деяния из числа выявленных коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере. По уголовным делам о преступлениях данной категории, направленных в суд не многим более четверти, из числа установленных виновных лиц, привлекаются к уголовной ответственности.

Анализируя динамику роста выявленных случаев взяточничества в период 2003—2012 гг. (если в 2003 г. было выявлено 7 346 фактов, то в 2012 г. более 12 тыс., в том числе фактов получения взяток было зарегистрировано 6,3 тыс.), можно ожидать увеличения регистрации количества соответствующих преступлений. Такой прогноз, в первую очередь, ориентирован на активизацию деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией и, прежде всего, со взяточничеством и коммерческим подкупом. Государственные органы и общественные организации, как нам представляется, не развернули должным образом пропагандистскую работу среди населения, не создана атмосфера неприятия. Общественное осуждение не стало действенным средством противодействия коррупции.

Количественный рост выявляемых экономических преступлений, совершаемых в организованных формах лицами, имеющими коррупционные связи, сопровождается изменением их структуры и характера. Из года в год, по данным выборочного исследования, наблюдается устойчивая тенденция их роста. Так, в 2003 г. всего было зарегистрировано 16 таких фактов, а уже в 2012 г. — 59. Изучение архивных уголовных дел, а также обзоров судебной практики показывает, что осуществляемая широкомасштабная антикоррупционная деятельность еще не обеспечивала создание таких условий, при которых установление коррупционных отношений между чиновниками органов различных уровней власти, теневой экономики и представителями организованных преступных структур стало невозможным.

Небезынтересно и то обстоятельство, что отчетливо прослеживается увеличение доли преступлений, совершенных в прибыльных отраслях эконо-

мики. Показатель выявляемости указанных видов экономических преступлений не может в полной мере отражать реальное состояние преступности, но он позволяет иметь общую картину преступности по линии ЭБиПК, устанавливать закономерности и тенденции ее развития.

Для сравнения приведем тенденции и закономерности, присущие организованной экономической преступности в целом. В частности, тут наблюдается:

- ❖ реальный повсеместный рост числа совершаемых преступлений экономической направленности. Этому отчасти способствует и то, что по статистике подразделениям ЭБ удается выявить только порядка 50% совершенных хищений чужого имущества, а взяточничества — не более 10% от общего числа случаев;
- ❖ высокий уровень коррупции во всех сферах экономики (дотирование, кредитование, передача недвижимости и ее реализация, лицензирование, регистрация и тому подобное);
- ❖ высокая степень вуалирования преступных действий;
- ❖ массивное проникновение в сферу экономики лиц с преступным прошлым, дельцов «теневой» экономики (потому что здесь накапливается ими первоначальный капитал, сконцентрированы значительные материальные и денежные ресурсы, сырье для промышленности);
- ❖ интенсивный процесс вложения и легализации преступно нажитых доходов в наиболее прибыльные отрасли экономики;
- ❖ криминальный передел собственности. Все еще продолжается интенсивная перекачка средств и недвижимости к другим формам собственности, их балансовая стоимость для этого умышленно занижается, аукционы, конкурсы проводятся формально, создается лишь видимость законной смены собственников;
- ❖ увеличение среди активных членов преступной группы доли лиц, которые до совершения преступления находились вне поля зрения подразделений ЭБиПК;
- ❖ явное доминирование отдельных видов преступлений. Так, в структуре организованной экономической преступности взяточничество,

«экономическое» мошенничество занимают значительное место, причем их доля проявляет устойчивую тенденцию к увеличению;

❖ рост числа групповых преступлений экономической направленности и организованных, заранее спланированных преступлений. Эти виды преступлений, как правило, отличаются тем, что они характеризуются изощренностью, носят многоэпизодный, групповой, а нередко межрегиональный и межгосударственный характер. К примеру, факты изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег (фальшивомонетничество). К сожалению, подавляющее большинство из них остается нераскрытым.

Существенный материальный ущерб, причиняемый предприятиям, независимо от форм собственности, в сочетании со значительной распространенностью недостатков, порчи, непроизводительных расходов и разного рода других потерь, выступает одним из признаков, свидетельствующих о высоком уровне латентности экономических преступлений в сфере экономики. Принимая во внимание вышеизложенное, можно прогнозировать дальнейший рост организованной экономической преступности.

Значительное место в структуре преступности занимают факты фальшивомонетничества. Однако, подавляющее большинство из них остается нераскрытым.

По мнению автора, динамика экономических преступлений по России в целом и по отдельным регионам (особенно «бедным») в ближайшие годы, а также ее количественные и качественные характеристики, будут претерпевать существенные изменения. Это, во многом, обусловлено совокупностью противоречий в экономических отношениях, отчасти возникающих и существующих из-за пороков экономической политики²⁸.

Таким образом, без уяснения сущности, содержания таких базовых понятий, как «экономическая преступность», «коррупция», «организованная преступность» и их взаимной обусловленности невозможно либо крайне затруднительно сформулировать определение организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

¹ См.: *Тацый В.Я.* Проблемы ответственности за хозяй-

- ственные преступления: объект и система: Дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1984. С. 17; *Свенсон Б.* Экономическая преступность / Пер. со шведск. М.: Прогресс, 1987. С. 25—26; *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988. С. 50; *Мельникова В.Е.* Причины и условия хозяйственных преступлений, совершаемых должностными лицами с использованием своего служебного положения. М., 1990. С. 4; *Рогов И.И.* Экономика и преступность. Алма-Ата, 1991. С. 91; *Он же.* Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1991. С. 11—12; *Кузнецова Н.Ф.* Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1993. № 4. С. 12; *Колесников В.В.* Условия и причины криминализации экономических отношений на этапе рыночных реформ (политико-экономические исследования): Дисс. ... докт. экон. наук. СПб., 1995; *Он же.* О феномене экономической преступности на этапе перехода к рыночному хозяйству // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 1996. № 1. С. 49; *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. С. 33—34; *Волженкин Б.В.* Экономические преступления. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 1999; *Пинкевич Т.В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 76; *Ларичев В.Д.* Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
- ² В настоящее время понятие и сущностные характеристики преступлений, совершаемых в сфере экономики, обстоятельно рассмотрены профессором В.Д. Ларичевым в его монографии: «Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики» (М., 2010.). Разумеется, это во многом облегчает труд и нет необходимости повторяться.
- ³ В юридической литературе на понятие «экономическая преступность» сформировались взгляды в узком и широком смысле. Есть и средний между ними.
- ⁴ Криминология. Учебное пособие. Под ред. профессора Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало. 1998. С. 78.
- ⁵ *Нафиев С.Х., Хамидуллина Г.Р.* Экономические преступления. Судебно-бухгалтерская экспертиза как метод предупреждения экономической преступности: Учебное пособие. М.: Издательство «Экзамен», 2003. С. 7.
- ⁶ *Петров Э.И., Марченко Р.Н., Баринова Л.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений: Учебное пособие. М., 1995. С. 12.
- ⁷ *Токарев Е.В.* Концептуальные вопросы организации борьбы с экономической преступностью и перестройки службы БХСС: Лекция. М., 1990. С. 13—14.
- ⁸ *Петухов А.В.* Теория и практика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере экономики: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 17.
- ⁹ *Баринова Л.В., Мартыненко Н.Э., Ревин В.П.* Словарь терминов и схем по курсам: «Уголовная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел» и «Организация профилактической деятельности органов внутренних дел». М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 28.
- ¹⁰ *Пинкевич Т.В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 76.
- ¹¹ *Дементьева Е.Е.* Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 12—13.
- ¹² *Петров Э.И., Марченко Р.Н., Баринова Л.В.* Указ. соч. С. 12.
- ¹³ Подразумевается добросовестный собственник, который от рачительного хозяйствования, удачных коммерческих операций, производительного труда мог бы создавать прибыль и присваивать ее.
- ¹⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24.
- ¹⁵ *Лунеев В.В.* Коррупция, учетная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 81.
- ¹⁶ *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 298.
- ¹⁷ В механизме их реализации значительное место отводится указам Президента РФ. См. об этом: О Национальном плане противодействия коррупции на 2012—2013 гг. и внесении изменений в некоторые акты Президента РФ по вопросам противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 13 марта 2012 г. № 297; Вопросы противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 8 июля 2013 г. № 613.
- ¹⁸ Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции: Учебное пособие / Под общ. ред. В.Ф. Цепелева. М., 2011. С. 18.
- ¹⁹ *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 553.
- ²⁰ Как известно, с 1987 г. начались рыночные реформы, которые открыли простор не только для предприимчивых правоуполномоченных граждан, но и всевозможных дельцов «теневой» экономики и раскитителей социалистической собственности.
- ²¹ *Долгова А.И.* Организованная преступность, ее развитие и борьба с ней // Организованная преступность — 3. М., 1996. С. 20.
- ²² Эти дефиниции см.: Основы борьбы с организованной преступностью. Монография / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: «ИНФРА-М», 1996. С. 9.
- ²³ Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Долговой. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
- ²⁴ Прогноз преступности на 2003 г. (на базе статистических данных за 2002 г.) / Под общ. ред. канд. юрид. наук С.И. Гирько. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
- ²⁵ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ от 15 февраля 2012 г. № 52-11/2.
- ²⁶ Автор полагает, что факторы достаточно подробно и обстоятельно представлены во многих работах криминологов. Учитывая данное обстоятельство, нет особой необходимости в рамках настоящего параграфа их анализировать. См., например: *Эминов В.Е.* Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ: Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 128 с.
- ²⁷ *Шегабудинов Р.Ш.* К вопросу о подрыве экономических основ организованных преступных формирований и противодействию финансированию экстремизма // Труды Академии управления МВД России, 2010, № 4 (16). С. 58—63.
- ²⁸ В криминологической литературе справедливо отмечается, что «противоречивость экономических отношений, как правило, рождает преступность. Рыночные отношения изначально отягощены преступностью». См. об этом: *Эминов В.Е.* Указ. соч. С. 59.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ
КАК ИСКУССТВО

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ БОРУЛЕНКОВ,

кандидат юридических наук, доцент, проректор Академии Следственного комитета РФ

E-mail: borulenkov@bk.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрено юридическое познание как творческий процесс и искусство. Подчеркивается, что в юридической деятельности личность юриста, его талант, проницательность и энергия имеют решающее значение. Индивидуальный облик правоведа, чутье, интуиция, находчивость, такт и многие другие субъективные качества, выступают как реальные и действенные факторы юридического познания.

Ключевые слова: юридическое познание; личность юриста.

Annotation. The author of the article considers the legal knowledge of how the creative process and art. It is emphasized that in legal activities, the identity of the lawyer, his talent, vision and energy are crucial. Individual look lawyer, feeling, intuition, ingenuity, tact and many other subjective quality, are as real and effective factors of legal knowledge.

Keywords: legal knowledge; identity of the lawyer.

*Юридическому познанию*¹ присущи характерные черты *искусства как вида познавательной деятельности*, связанной с художественным освоением действительности. Искусство является особым способом познания и отражения действительности посредством художественных образов. Главная специфика искусства заключается в том, что оно *образно* и *наглядно*. В искусстве *личный характер познания* настолько глубок, что личностно-эмоциональный компонент входит составным элементом в «объект отражения». Объект осваивается мышлением, затем художник посредством творческой деятельности формирует художественный образ и транслирует его реципиенту с целью определенного воздействия на психику последнего.

Как и у искусства, природа юридического познания *отражательно-выражательная*. Результаты юридического познания тесно связаны, как и в искусстве, с индивидуальностью и тоже представляются в конкретных, живых *образах*. В ходе решения мыслительных задач соответствующие образы преобразуются так, чтобы один из нескольких был

самым точным и интересным. Образное мышление позволяет получить конкретное субъективное восприятие действительности².

Форма бытия искусства — художественное *произведение*, имеющее видовую и жанровую определенность и осуществляющееся в качестве материального предмета — знака, который передает людям определенную художественную концепцию, обладающую эстетической ценностью. В искусстве целостность постижения объектов — сознательная, неизменная установка художников. Результатом творчества оказываются синтетичные, целостные и, в идеале, гармоничные произведения. И перед юристами, как теоретиком, так и практиком, стоит задача создания целостного образа. Стремление к гармонии и красоте, осуществляемое на подсознательном уровне, может служить фактором, оказывающим влияние на выбор из множества вариантов более совершенного.

Произведения юристов-теоретиков, осмысливающих правовую сферу, тоже оказываются личностными, отражающими свое понимание реальности. Поскольку переживания у разных юристов

различны, постольку и пониманий юридической материи множество. Как и в искусстве, индивидуальность отражается не только на процессе, но и на самих результатах юридической рефлексии. Произведения великих юристов есть величайшие памятники понимания мира права глубоко думающими личностями в разных эпохах истории человечества.

На своеобразии юридического знания, сопоставимого с результатами творчества в искусстве, основан феномен личностного неприятия теорий одних юристов и влечения к произведениям других. Правовые теории удовлетворяют только отдельных лиц и в известные эпохи, а других не удовлетворяют, поскольку те и другие составляют дело *вкуса*. Отсюда известный круговорот и преемственность в господстве различных правовых воззрений, как и в преобладании различных школ музыки и живописи. В тоже время, несмотря на разнообразие и переменчивость вкусов в отношении к произведениям как юриспруденции, так и музыки, живописи и поэзии, они обладают в одинаковой мере способностью, если только они хороши, вызывать в нас впечатление чего-то великого или высокого, волновать нас чувством красоты и гармонии, хотя бы мы вовсе не разделяли общую их идею и не одобряли ее в частностях³. Правовые теории, как все творения художников и поэтов, неразрывно связаны с именем своего творца. Произведения выдающихся правоведов прошлого всегда современны. Знание истории права, важнейших трудов правоведов прошлого — необходимая предпосылка современного юридического познания.

В *социально-гуманитарном знании*, к которому относится и юридическое познание, объяснение, понимание и интерпретация описываются в полной мере в герменевтике. Следует отметить, что слово «герменевтика» древнегреческого происхождения первоначально означало искусство толкования, перевода и понимания. Аналогичное значение имеет латинское слово «интерпретация»⁴, которое впоследствии получило настолько широкое распространение, что почти вытеснило древнегреческий термин «герменевтика». Один из активных создателей современной герменевтики Ханс-Георг Гадамер был против того, чтобы его герменевтику рассматривали в качестве метода, поскольку не

хотел, чтобы приписывались правила тому, что является творчеством, соответствующим сущности⁵. Одно из значений интерпретации — импровизация, подвигающая к особому творческому осмыслению информационных продуктов. Не случайно большинство дореволюционных русских ученых-юристов (Г.Ф. Шершеневич, Н.А. Гредескул и др.) говорили о юридическом толковании как об искусстве, высокоинтеллектуальной, творческой деятельности⁶.

Право — мир идеальных сущностей. Идеальное связано с творчеством, а творчество немислимо без субъективности индивида, его эмоционально-чувственной стороны, постольку идеальное не исключает, но предполагает соучастие чувств, эмоций, интуиции, «мимолетности» и «случайности», т.е. всего богатства и уникальности проявлений живой жизни. Само идеальное, на каком бы уровне оно ни реализовывалось, всегда порождается индивидуальным сознанием⁷.

Понимание римскими юристами права как «искусства добра и справедливости» (*ars boni et aequi*) отсылает не к контексту знания о некоем специфическом предмете, а к контексту деятельности, ориентированной на конечный результат и основанной на определенных социальных ценностях. Эта предзаданность юридической деятельности неюридическими факторами явилась причиной того, что помимо широко известного противопоставления духа и буквы закона, римская юриспруденция изобрела эффективное средство обновления своего предмета — естественно-правовые понятия и принцип справедливости, а также принципы интерпретации⁸.

«Созидание законов, юридических рамок поведения субъектов права — пишет Р.С. Байниязов — есть прежде всего творческий процесс: в сознании формируются идеальные образцы должного, которые еще не обрели качеств сущего. Данные нормы (эталон поведения) в природе не существуют, их необходимо творчески породить. Именно для этого требуются неисчерпаемые психологические ресурсы правового воображения, которое в форме юридической мечты формирует нужный законодателю образ нормативного акта. Качество принимаемых правовых актов напрямую зависит от богатства, оригинальности, многоплановости или, наоборот,

«бедности», узости, однобокости юридического воображения законодателя»⁹.

В *юрисдикционном процессе*¹⁰ юридическое познание, как и искусство, создает модель события, имевшего место в прошлом. Образ может быть не аналогичен действительности, можно сказать, что это продукт человеческого воображения¹¹. Юридическое познание как искусство выполняет познавательно-эвристическую функцию – отражает и осваивает те стороны жизни, которые труднодоступны науке.

В абсолютном большинстве ученые и практики относятся к юридическому познанию как к *ремеслу*. С этих же позиций осуществляется организация работы и обучения правоведов. В тоже время, информационный продукт как результат деятельности юриста отвечает критериям *проекта*¹², что с необходимостью влечет рассмотрение данной деятельности в качестве творческого процесса, и даже искусства. А.С. Александров, Э. Анушат, В.И. Громов, В.Е. Коновалова, Н. Лаговнер, В.В. Мельник, А.С. Подшибякин и С.А. Шейфер пишут об искусстве раскрытия и расследования преступлений, искусстве доказывания, искусстве допроса¹³. Ю. Лубышев называет труд адвоката творчеством¹⁴. О творческом подходе в юридическом процессе размышляют и другие исследователи. «Творчество в уголовном судопроизводстве — пишет В.Д. Ломовский — необходимо везде — как при производстве следственных, так и судебных действий, которые обычно много теряют при формальном и равнодушном подходе к их осуществлению»¹⁵.

В широком смысле термин «искусство» применим к любой сфере человеческой деятельности, когда какая-либо работа выполняется умело, мастерски, искусно и в технологическом, и в эстетическом смысле. Искусство проявляется как способность к импровизации, высокое умение объединять отдельные элементы знания и интуиции в новые, ранее неизвестные комбинации¹⁶. Но юридическое познание — это особое искусство, так как оно впитало в себя достижения права, криминалистики, психологии, логики, риторики, этики, а также методов воздействия на личность. Юридическое познание — это искусство мыслить и реализовывать задуманное.

Говоря о юридическом познании в юрисдикционном процессе, достаточно сложно отрицать, что это творческий процесс, несущий на себе отпечаток личности юриста. Мышление по самой своей природе — процесс творческий¹⁷. Творчество имеет место, когда правоприменитель использует возможность выбора нормы права, подлежащей применению по конкретному делу, обстоятельств, имеющих значение для дела.

Сложно не согласиться с тем, что при применении нормы всегда присутствует элемент правотворчества, причем зачастую не осознанного. Способность выносить суждение, имеющее правовой характер, почти всегда требует творческого выхода за рамки сопоставления признаков в норме и признаков конкретной ситуации в силу того, что в качестве основы имеет интуитивно-чувственный компонент. Интеллект, образованность, общегуманитарная подготовка, ценностно-мировоззренческая позиция, общая эрудиция правоприменителя играют в этом процессе расширения и дополнения действующего права важнейшую роль¹⁸.

Говоря о юридическом познании как искусстве, мы должны вести речь об умении, мастерстве юриста, польку в юридической практике его личность, талант, проницательность и энергия имеют решающее значение. Деятельность каждого конкретного правоведа является искусством в той мере, в которой в эту деятельность вкладывается творческий потенциал.

Влияние личности юриста особенно велико и существенно уже потому, что юридическое познание включает в себя межличностные отношения, индивидуальный облик юриста, чутье, интуицию, находчивость, такт и многие другие субъективные качества, которые выступают как реальные и действенные факторы эффективности познания.

Юрист-практик, как правило, действует в ситуациях, характеризующихся той или иной степенью неопределенности, оперирует с объектами, содержащими в себе большее или меньшее количество нового, ранее непознанного содержания, и это при принципиальной возможности установления каждого обстоятельства по делу разными средствами и способами. Все это обуславливает не только творческий характер познавательной деятельности, но и сложный, противоречивый, нелинейный ход творческого

поиска. Юридический познавательный процесс — это не строго последовательный и поступательный прогресс, свободный от отклонений и отступлений. Напротив, это движение в условиях действия разнообразных и противоречивых внутренних и внешних факторов.

Предусмотреть все возможные варианты развития ситуаций весьма сложно, поэтому юрист осуществляет планирование и прогнозирование тактики и линии поведения по нескольким направлениям. В этих условиях имеющиеся у правоведа знания не могут обеспечить его готовыми, подходящими ко всем случаям вариантами действий. В различных правовых ситуациях, особенно носящих проблемный характер, он должен постоянно искать новые приемы и способы действия, что и придает его работе ярко выраженный творческий характер.

Современное правовое мышление должно обладать свойствами прогностического характера или таким свойством, как его иногда называют «опережающее отражение», позволяющим предвидеть все возможные действия, которые необходимо провести для выявления и процессуального закрепления доказательственных фактов.

Творческое мышление позволяет его обладателям из выявленных и изученных незначительных материальных следов, ничтожнейших побочных обстоятельств, почерпнутых из личностных и других источников, делать выверенные и порой нестандартные выводы, связывать указанные следы и обстоятельства в непрерывную и крепкую цепь фактических данных¹⁹.

Практик укрепляет и совершенствует навыки решения задач, связанных не только с собственно юридическим познанием, но и по преодолению различного рода прямого и косвенного противодействия его деятельности, иных конфликтных ситуаций, прогнозированию возможного поведения участников юридического процесса. Рассмотрение творчества юриста показывает его глубоко индивидуальную природу, большое значение в нем профессионализма, таланта и интуиции.

Юридическое познание далеко не всегда может опираться на дедуктивные и индуктивные методы, так как изучаемые явления нельзя изолировать от влияния огромного множества факторов. Воспри-

ятие правоведем интегрированной информации способствует активизации интуитивного познания, являющегося творческим ресурсом; позволяет переводить интуитивное познание в область сознания, что способствует созданию оригинального информационного продукта²⁰. Конечно, интуиция основана на эмпирическом и теоретическом знании изучаемого явления, но внезапность срабатывания механизма интуиции, неосознанность мыслительных процессов, приведших в верному решению, свидетельствуют о тесной связи методов юридического познания с озарением и вдохновением. Хороший юрист обладает чутьем, которое подсказывает ему верное решение в тех условиях, когда очень сложно рационально определить правильное поведение или принятие правильного решения в различных правовых ситуациях. Все это делает одними из важнейших факторов юридической деятельности умелое использование интеллектуального мыслительного потенциала, умение доверять своей интуиции и смелость принятия в различных условиях решений любой сложности. Творческие поиски оптимального, нестандартного решения придают этой деятельности характерные черты искусства.

Юрист в ходе юридического познания находится в постоянном контакте с изменяющейся социальной средой и разными людьми и обязан принимать решения с учетом случайных явлений и конкретных ситуаций, основываясь на собственном опыте и интуиции. Он должен быть незаурядной личностью, мастерски владеющей искусством общения, убеждения, диалога, иметь острый, неординарный ум и солидную эрудицию во многих сферах знаний. Но, поскольку он работает в первую очередь с людьми, то обязан знать все тонкости «человеческой инженерии» и владеть обширными гуманитарными и психологическими знаниями. Мастерство общения — это в определенной мере искусство, требующее природных склонностей и даже таланта²¹.

Формирование зрелого правоведа как цель отнюдь не сводится к привитию готовых навыков; ею может быть только воспитание творческой личности, чтобы «они не были унылыми ремесленниками, а подлинными мастерами своего дела»²². Прежде необходимо научить человека мыслить, — абсолютно верно отмечает А.И. Овчинников — а затем

уже требовать от него юридических знаний. Человек, его мировоззрение и мышление формируются посредством накопления политико-правового опыта, юридического знания, идей и взглядов других мыслителей, в первую очередь, тех, которые жили и мыслили в рамках отечественной истории и культуры. Поэтому воспитание этой личности — дело не отраслевых юридических дисциплин, а историко-теоретических: философии и теории права, истории политических и правовых учений, истории государства и права, культурологии, религиоведения и т.д.²³

В заключение, перефразируя известный афоризм, можно сказать: «Юридическое познание есть искусство возможного». Секрет этого «искусства» заключается в умении путем целенаправленной деятельности создать такие условия, в которых нежелательные возможности теряли бы свой реальный характер и не могли превращаться в действительность, а желательные возможности приобретали бы реальный характер и превращались в действительность.

Литература

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 420 с.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 608 с. (Классический университетский учебник.).
3. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / науч. ред. В.В. Крылов. М.: ЛексЭст, 2002. 112 с.
4. Артишевская Т.М. Психология массовых коммуникаций: учеб. пособие: в 2 ч. Ч 1. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 198 с.
5. Байниязов Р.С. Правосознание: Психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 16—21.
6. Белкин Р.С. Ведется следствие. М.: Сов. Россия, 1976. 224 с.
7. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 09.00.01. Воронеж, 2010. 29 с.
8. Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Монография. Владимир. ВГПУ, 2006. 257 с.
9. Боруленков Ю.П. Юридический факт как образ об-
стоятельства реальной действительности // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 122—127.
10. Боруленков Ю.П. Интерпретация как элемент технологии юридического познания // Пробелы в российском законодательстве. Международный юридический журнал. 2013. № 1. С. 56—61.
11. Боруленков Ю.П. Решение публичного субъекта юридического познания как интегрированный правовой продукт // Российский следователь. 2013. № 16. С. 7—10.
12. Боруленков Ю.П., Дмитриева Л.А. Психологическое воздействие как инструмент юридического познания и доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (9). С. 148—154.
13. Боруленков Ю.П. Общение — эвристический инструмент юридического познания // Мировой судья. 2014. № 6. С. 16—22.
14. Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б. Следственный комитет Российской Федерации как организация проектного типа // Российский следователь. 2014. № 11.
15. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.
16. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с. URL:http://philosophy.ru/library/gadamer/gadamer_istina_metod.pdf [Дата обращения 20.05.2014].
17. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование. Харьков: Тип. А. Дарре, 1900. 248 с.
18. Громов Вл., Лаговнер Н. Искусство расследования преступлений. М.: Юриздат, 1927. 168 с.
19. Захляпин Л.А. Искусство расследования преступлений от Г. Гросса до сегодняшнего дня. Рецензия на учебник. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. (М., 2007. 672 с.) // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2008. № 4. С. 199—203.
20. Зельдович Б.З. Психология и педагогика в профессиональной деятельности юриста: Учебное пособие для студентов юридических вузов. М.: Экзамен, 2003. 230 с.
21. Коновалова В.Е. Убийство: Искусство расследования. Монография. Харьков: Факт, 2001. 311 с.
22. Ломовский В. Ораторское искусство для целей пра-

восудия // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 49—50.

23. *Лубышев Ю.Ф.* Курс адвокатского права. М.: Профобразование, 2003. 392 с.

24. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М.: Дело, 2000. 496 с.

25. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д: Изд-во Рост, ун-та, 2002. 288 с.

26. *Подшибякин А.С.* Взаимоотношение юридической и криминалистической техники / Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2011. 353 с.

27. *Чердиченко И.П., Тельных Н.В.* Психология управления / Серия «Учебники для высшей школы». Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 608 с. URL:http://pedlib.ru/Books/1/0260/1_0260-3.shtml#book_page_top [Дата обращения 28.06.2014].

28. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2012. 240 с.

29. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: Учебное пособие: В 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4 (по изданию 1910-1912 гг.). М. Юридический колледж МГУ, 1995. 362 с.

30. *Яблоков Н.П.* Средства криминалистического мышления в криминалистической тактике // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Международной науч.-практич. конференции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 308—313.

¹ О юридическом познании подробнее, см.: *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.

² См.: *Артишевская Т.М.* Психология массовых коммуникаций: учеб. пособие: в 2 ч. Ч 1. Челябинск, 2010. С. 64—65.

³ См.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учеб. М., 2005. С. 60—61, 63.

⁴ См.: *Боруленков Ю.П.* Интерпретация как элемент технологии юридического познания // Пробелы в российском законодательстве. Международный юридический журнал. 2013. № 1. С. 56—61.

⁵ См.: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 586.

⁶ См. например, *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: Учебное пособие: В 2 т. Т. 2. Вып. 2—4 (по изданию 1910—1912 гг.). М., 1995. С. 96; *Гредескул Н.А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. С. 129.

⁷ См.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Указ. соч. С. 281.

⁸ См.: *Беляев М.А.* Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 09.00.01. Воронеж, 2010. С. 14.

⁹ См.: *Байниязов Р.С.* Правосознание: Психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 16—21.

¹⁰ Об особенностях процессуального познания подробнее, см.: *Боруленков Ю.П.* Теоретические основы процессуального познания. Монография. Владимир, 2006. 257 с.

¹¹ См.: *Боруленков Ю.П.* Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 122—127.

¹² Об уголовном деле как проекте подробнее, см.: *Боруленков Ю.П., Гранкина А.Б.* Следственный комитет Российской Федерации как организация проектного типа // Российский следователь. 2014. № 11.

¹³ См.: *Александров А.С.* Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 231; *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики / науч. ред. В.В. Крылов. М., 2002. 112 с.; *Громов Вл., Лаговнер Н.* Искусство расследования преступлений. М., 1927. 168 с.; *Коновалова В.Е.* Убийство: Искусство расследования. Монография. Харьков, 2001. 311 с.; *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. 496 с.; *Подшибякин А.С.* Взаимоотношение юридической и криминалистической техники / Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М., 2011. С. 156; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2012. С. 210.

¹⁴ *Лубышев Ю.Ф.* Курс адвокатского права. М., 2003. С. 13.

¹⁵ См.: *Ломовский В.* Ораторское искусство для целей правосудия // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 49.

¹⁶ См.: *Чердиченко И.П., Тельных Н.В.* Психология управления. Ростов-н/Д, 2004. 608 с. URL:http://pedlib.ru/Books/1/0260/1_0260-3.shtml#book_page_top [Дата обращения 28.06.2014].

¹⁷ См.: *Зельдович Б.З.* Психология и педагогика в профессиональной деятельности юриста: Учебное пособие для студентов юридических вузов. М., 2003. С. 64.

¹⁸ См.: *Овчинников А.И.* Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002. С. 111—112, 228.

¹⁹ См.: *Яблоков Н.П.* Средства криминалистического мышления в криминалистической тактике // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Международной науч. -практич. конференции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 308—313.

²⁰ См.: *Боруленков Ю.П.* Решение публичного субъекта юридического познания как интегрированный правовой продукт // Российский следователь. 2013. № 16. С. 7—10.

²¹ См.: *Боруленков Ю.П.* Общение — эвристический инструмент юридического познания // Мировой судья. 2014. № 6. С. 16—22; *Боруленков Ю.П., Дмитриева Л.А.* Психологическое воздействие как инструмент юридического познания и доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (9). С. 148—154.

²² *Белкин Р.С.* Ведется следствие. М., 1976. С. 18.

²³ См.: *Овчинников А.И.* Указ. соч. С. 228—229.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КАЛИНИН,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации*

E-mail: vladimirnk@yandex.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Прудников А.С.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся законодательного совершенствования статуса потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации. Анализируются новеллы в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», направленные на комплексное улучшение правового положения потерпевшего и укрепление его уголовно-процессуальных гарантий.

Ключевые слова: потерпевший, несовершеннолетний потерпевший, процессуальный статус потерпевшего, права и обязанности, защитник, представитель, законный представитель, адвокат, ходатайство.

Annotation. The paper addresses issues related to improving the legislative status of the victim in criminal proceedings of the Russian Federation. Analyzed novels in Code of Criminal Procedure, introduced by the Federal Law of 28.12.2013, № 432-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in criminal proceedings», aimed at comprehensive improvement of the legal status of the victim and the strengthening of its criminal procedural safeguards.

Keywords: the victim, the victim is a minor, procedural status of victim, rights and obligations, the defender, the representative of the legal representative, a lawyer petition.

Проблемы положения личности в обществе, ее взаимоотношения с государством, относятся к числу наиболее значимых проблем строительства правового демократического государства. Утверждение прав и свобод человека в качестве высшей социально-правовой ценности невозможно без обязанности государства не только признавать, но и соблюдать, а также защищать эти права и свободы.

Необходимость признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти закреплена в ст. 2 Конституции Российской Федерации, одновременно провозгласившей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Права потерпевших

от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации). Обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном законом порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Конституционные положения, касающиеся прав и свобод человека и гражданина учитываются и конкретизируются в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹. Нормы

УПК направлены на расширение и укрепление процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса, последовательную реализацию принципа состязательности, повышение стандартов доказывания, что в совокупности способствует улучшению качества правосудия и повышению эффективности уголовного судопроизводства. Строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, служит важной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба.

В соответствии с Всеобщей Декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью от 29 ноября 1985 г., а также в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. № (85)11 важной функцией уголовного правосудия выступают охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию².

Назначением уголовного судопроизводства, согласно закону, является как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК). Как видно, в системе процессуальных гарантий законодательный приоритет отдан именно защите прав потерпевших. Актуальность обеспечения и защиты прав потерпевшего обуславливается тем фактом, что, по данным статистики, как это отмечено в Специализированном докладе Уполномоченного правам человека в Российской Федерации «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений», ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и в соответствии с установленным порядком признается «потерпевшим»³.

Закрепленный в УПК РФ процессуальный статус потерпевшего претерпел существенные изменения. По УПК РСФСР потерпевшим могло быть признано только физическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР).

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред, так и юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Следует обратить внимание на то, что различие оснований для возникновения статуса гражданского истца от оснований для появления статуса потерпевшего применительно к юридическому лицу затруднено, поскольку факт причинения юридическому лицу имущественного вреда в равной мере выступает основанием как для признания этого юридического лица потерпевшим, так и гражданским истцом.

Взаимосвязь статусов потерпевшего и гражданского истца также указывает на целесообразность дополнения ч. 2 ст. 42 УПК РФ указанием на право заявления потерпевшим ходатайства о признании его гражданским истцом.

Права потерпевшего, закрепленные в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, по сравнению с их регламентацией в УПК РСФСР, в целом сформулированы гораздо более широко. Это дает основания для вывода о том, что потерпевший теперь получил реальную возможность осуществлять защиту своих законных интересов и, вместе с тем, значительно активнее влиять на ход судопроизводства и принимаемые в нем процессуальные решения⁴.

Как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, потерпевший наделен широкими правами, обеспечивающими ему полную возможность наблюдать за движением уголовного дела, участвовать в уголовном преследовании лица, совершившего преступление и причинившего ему вред⁵.

В то же время, системный анализ норм УПК РФ в его первоначальной редакции, т.е. после вступления УПК РФ в действие с 1 июня 2002 г., показывал, что российское уголовное судопроизводство было ориентировано, прежде всего, на обеспечение прав и интересов лиц, подвергавшихся уголовному преследованию — подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Об этом свидетельствовали многочисленные решения Конституционного Суда РФ, касающиеся уголовно-процессуального законодательства, а также характер последних изменений и дополнений, внесенных на их основе в последний период действия УПК РСФСР. Интересы потерпевшего в балансе си-

стемы прав лиц, имеющих собственный материально-правовой интерес, явно отошли на второй план.

Законодательные изменения в УПК РФ, касающиеся процессуального положения потерпевшего, вносились неоднократно. Качественному изменению процессуального положения потерпевшего в уголовном процессе способствовало недавнее принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»⁶. Указанный закон вступил в силу с 10 января 2014 г., за исключением отдельных положений, вступающих в силу с 1 января 2015 г.

Нормы данного закона, комплексно улучшающие процессуальное положение потерпевшего, во многом воспроизводят положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»⁷, также составляющего нормативную основу правового положения потерпевшего в уголовном процессе. Кроме того, они учитывают правовые позиции Конституционного Суда РФ, затронувшего в целом ряде своих решений проблему гарантий процессуального статуса потерпевшего.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, в частности, предусматриваются изменения в УПК РФ, касающиеся:

- ❖ подсудности дел об отдельных преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности;
- ❖ порядка принятия решения о признании потерпевшим, а также прав и обязанностей потерпевшего;
- ❖ обеспечения участия адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено половое преступление;
- ❖ отстранения от участия в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего;
- ❖ особенностей проведения допроса, очной ставки и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего;
- ❖ мер по обеспечению гражданского иска;

❖ уведомления потерпевшего о заявлении обвиняемым ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства;

❖ применения мер государственной защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, потерпевший вправе: знать о предъявленном обвинении; давать показания; отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; иметь представителя; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием и подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта; знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе, в случае прекращения уголовного дела, со всеми его материалами, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела с помощью технических средств.

Потерпевший вправе получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений суда апелляционной и кассационной инстанций. Потерпевший получил право по ходатайству получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы.

Потерпевший вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке; выступать в судебных прениях; поддерживать обвинение; знакомиться с протоколом судебного за-

седания и подавать на него замечания; приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда; обжаловать приговор, определение, постановление суда; знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения; ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Потерпевший получил право получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы в случае, если потерпевший или его законный представитель сделает соответствующее заявление до окончания прений сторон. Потерпевший также вправе осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

В УПК РФ предусмотрено участие потерпевшего в качестве частного обвинителя по делам частного обвинения (ст.ст. 22, 43, 318, ч. 4—6 ст. 246 УПК); по заявлению потерпевшего возможно прекращение уголовного дела по преступлениям небольшой и средней тяжести за примирением с подозреваемым или обвиняемым (ст. 25 УПК РФ). Потерпевший вправе давать согласие на применение особого порядка судебного разбирательства (ч. 1, 4 ст. 314 УПК РФ). Потерпевший вправе обжаловать постановления о прекращении уголовного дела. Заявленные возражения потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме выступают обстоятельством (основанием), исключающим производство указанной формы дознания (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Потерпевший вправе обжаловать приговор суда в апелляционной (289.1, 289.24, 289.25 УПК), кассационной (40.1.2, 401.6 УПК) и надзорной инстанции (412.1, 412.9 УПК), в том числе, по мотивам необходимости пересмотра обвинительного приговора либо определения или постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного.

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуаль-

ный кодекс Российской Федерации»⁸ было закреплено право потерпевшего на участие в разрешении вопросов об условно-досрочном освобождении или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Кроме того, сформулированные в ряде решений Конституционного Суда РФ правовые позиции, расширяющие права потерпевшего, также должны учитываться как в правоприменительной, так и в законодательной деятельности. Речь, в частности, идет о компенсации вреда потерпевшим при ненадлежащем расследовании уголовного дела, в том числе, в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого⁹.

Однако, несмотря на заявленный широкий круг прав потерпевшего, механизм их реализации, предусмотренный в специальных нормах закона, далеко не совершенен.

Так, по-прежнему важнейшей проблемой для потерпевшего является возмещение причиненного преступлением материального вреда, в особенности, по делам, связанным с хищением имущества. В целом по Российской Федерации потерпевшим возмещается лишь около 35% причиненного ущерба. В Докладе Уполномоченного по правам человека отмечено, что в УПК РФ в качестве способа возмещения причиненного преступлением вреда упоминается лишь гражданский иск, тогда как ранее действовавший УПК РСФСР предусматривал, помимо гражданского иска, и такие формы, как возмещение вреда по инициативе суда (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР), а также уголовно-процессуальную реституцию (ст. 83—86 УПК РСФСР).

Процедура заявления гражданского иска, меры по его обеспечению, порядок его разрешения при рассмотрении уголовного дела являются существенными гарантиями для обеспечения возмещения вреда потерпевшему преступлением. В то же время, на практике, несмотря на принятие указанных обеспечительных мер и наличия решения суда, многие потерпевшие, тем не менее, в течение многих лет не могут получить возмещение причиненного им ущерба. Объясняется это тем, что у достаточно большого числа осужденных отсутствует имущество, на которое может быть наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части заявленного гражданского иска.

В этом плане заслуживает внимания опыт развитых зарубежных государств, компенсирующих ущерб от преступления потерпевшему, после чего осужденный должен возместить государству понесенные затраты¹⁰. Во многих странах мира — США, Великобритании, Германии, Японии — вред, причиненный преступлением жизни и здоровью граждан, компенсируется из государственных фондов. В Российской Федерации в этих целях также предлагается создание специального государственного фонда для помощи и выплаты компенсации вреда жертвам преступлений.

На совершенствование механизма обеспечения гражданского иска направлена ст. 160.1 «Меры по обеспечению гражданского иска», включенная в УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ. Согласно указанной статье, следователь (дознатель), установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого, либо лиц, которые в соответствии с российским законодательством несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество.

Следует, прежде всего, обратить внимание на то, что следователю (дознателю) законом вменяется обязанность принять меры по установлению имущества обвиняемого (подозреваемого) и по наложению ареста на данное имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, вне зависимости от заявленного по делу гражданского иска.

Кроме того, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432 возмещение осужденным вреда, причиненного преступлением, было включено в качестве необходимого условия при принятии решения об отмене условного осуждения или продлении испытательного срока (ст. 74 УПК РФ), об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) и о снятии судимости (ч. 5 ст. 85 УК РФ). Такой подход, несомненно, оказывает стимулирующее возмещение осужденным вреда в целях принятия благоприятных для него решений суда.

Особенно ярко различия между гарантиями прав обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего проявляются при реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации). Вопросы, связанные с реализацией права потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи тем более актуальны в связи с наметившейся тенденцией увеличения числа обращений потерпевших за помощью к адвокатам и последующее участие последних в уголовном судопроизводстве в качестве представителей потерпевших.

Механизм реализации конституционного положения о праве потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи в УПК РФ до недавнего времени не был предусмотрен. В этой связи отмечалось, что потерпевший, не имеющий достаточного количества денежных средств, не может воспользоваться услугами адвоката ни в ходе предварительного расследования, ни в суде¹¹.

Закон предусматривает не только возможность обеспечения потерпевшим возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, но и расходов, понесенных потерпевшим в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Этому способствует структурирование процессуальных издержек Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, дополнившим ч. 2 ст. 131 УПК РФ п. 1.1. следующего содержания: «суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего». Их обособление призвано минимизировать ошибки судов в отношении тех или иных расходов потерпевшего, связанных с участием в деле, к подлежащим возмещению процессуальным издержкам¹².

Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители (ч. 2 ст. 45 УПК).

В то же время, следует отметить, что законный представитель, по общему правилу, не обладает достаточными познаниями для оказания юридической помощи, что, в итоге также может привести к ущемлению или нарушению прав и законных интересов потерпевшего. Между тем, если право на бесплатную помощь защитника имеется у обвиняемого (подозреваемого), то закон аналогичного права даже для несовершеннолетнего потерпевшего до недавнего времени не предусматривал. Как отмечается в Докладе Уполномоченного, процесс отправления правосудия должен быть справедливым не только к правонарушителям, но и к их жертвам. При этом, если интересы государства защищаются органами прокуратуры, а обвиняемого — адвокатуры, то потерпевшие имеют возможность отстоять свои права и законные интересы с помощью адвоката лишь в редких случаях.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ усилено право несовершеннолетнего потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи и защиту своих прав и интересов. По ходатайству законного представителя потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

Такой подход частично снимает упреки в том, что государство оплачивает труд адвоката по защите лиц, совершивших преступления, но, в то же время, не желает делать того же для несовершеннолетнего потерпевшего.

Если имеются основания полагать, что действия законного представителя несовершеннолетнего наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего, то по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего (ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ).

Это же положение еще раз повторяется в ст. 191 УПК РФ, устанавливающей особенности про-

ведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего: «Следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и и(или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В этом случае следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля». Интересно, что в последнем предложении вышеприведенной нормы ничего не сказано о замене представителя.

Положения об обязательном участии адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего и оснований его отстранения вступают в силу с 1 января 2015 г. Последнее актуально в связи с возникающими противоречиями между интересами несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя (особенно когда речь идет о совершении преступления родственниками несовершеннолетнего потерпевшего).

УПК предусматривает возможность оказания юридической помощи потерпевшему посредством привлечения в уголовный процесс его представителя. Ранее, согласно ч. 1 ст. 45 УПК, по делам, подсудным федеральным судам, в качестве представителя потерпевшего могли выступать только адвокаты. По постановлению мирового судьи в качестве представителя потерпевшего или гражданского истца могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец.

Вместе с тем, в Определении Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 447-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Г.М. Ситяевой ч. 1 ст. 45 УПК РФ» было отмечено, что конституционно-правовое истолкование ч. 1 ст. 45 УПК РФ не исключает, что представителем потерпевшего и гражданского истца в уголовном процессе могут выступать иные — помимо адвокатов — лица, в том числе, близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Вышеуказанная правовая позиция Конституционного Суда

нашла отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда № 17, а также в Федеральном законе № 432-ФЗ.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ слова в ч. 1 ст. 44 УПК «по постановлению мирового судьи» были исключены. Соответственно, отныне в качестве представителя потерпевшего и гражданского истца по любой категории дел, включая дела публичного и частного-публичного обвинения, и во всех судах общей юрисдикции могут выступать не только адвокат, но и близкий родственник потерпевшего или гражданского истца, а также любое лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец.

Поскольку представителями потерпевшего могут быть адвокаты (ч. 1 ст. 45 УПК РФ), постольку возникает необходимость процессуальной регламентации порядка оформления его полномочий и участия в уголовном процессе. Связано это с тем, что в ряде случаев для разрешения участия в деле в качестве представителя потерпевшего адвоката должностные лица, в чьем производстве находится уголовное дело, требуют предоставления, помимо ордера и удостоверения адвоката, и иных документов. В частности, приводится пример, когда суд потребовал представления адвокатом нотариально заверенной доверенности от имени потерпевшего, мотивируя это тем, что институт представительства граждан регламентируется ГПК РФ¹³.

Вышестоящей судебной инстанцией данное постановление районного суда было отменено с указанием на то, что «при таких обстоятельствах, когда участие адвоката в качестве представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве и его полномочия прямо предусмотрены УПК РФ и при этом наличие нотариально заверенной доверенности у адвоката для представления интересов потерпевшего УПК РФ не требует, ссылки суда в постановлении на необходимость представления адвокатом такой доверенности в соответствии с нормами ГПК РФ, регулирующими институт представительства, являются незаконными»¹⁴.

Следователь, дознаватель, судья не вправе требовать от адвоката, выступающего представителем потерпевшего, как и от самого потерпевшего представления соглашения об оказании юридической

помощи в качестве условия вступления адвоката в дело¹⁵.

Таким образом, в качестве необходимого и достаточного юридического основания для участия адвоката в качестве представителя потерпевшего является предъявление им надлежащим образом оформленных удостоверения и ордера. В то же время, в целях правовой определенности и необходимости восполнения пробела, касающегося порядка вступления в процесс адвоката в качестве представителя потерпевшего, а также гражданского истца и частного обвинителя, считаем целесообразным дополнение ст. 45 УПК п. 1.1. следующего содержания: «Адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Следует отметить, что позиция потерпевшего не имеет какого-либо процессуально-правового значения при отказе государственного обвинителя от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Данная норма УПК, в свою очередь, основана на дифференциации порядка уголовного преследования (ч. 1 ст. 20 УПК РФ). Последовательная реализация принципа публичности уголовного преследования, подразумевающего, что уголовное преследование, включая обвинение в суде, поддерживается от имени государства, влечет обязательность принятия судом решения о прекращении уголовного дела или уголовного дела полностью или в части в случае полного или частичного отказа государственного обвинителя (прокурора) от обвинения в ходе судебного разбирательства. В этом случае потерпевший лишен права лично продолжать поддерживать обвинение, поскольку его возражения против отказа государственного обвинителя от обвинения судом во внимание не принимаются и не являются правовым основанием для дальнейшего продолжения судебного разбирательства.

Ряд современных российских ученых-процессуалистов придерживаются точки зрения о необходимости предоставить право поддержания обвинения потерпевшим в случае отказа прокурора от обвинения.

Так, А.С. Александров считает, что ликвидация субсидиарного обвинения снижает демократичность и состязательность уголовного процесса, что можно расценивать как отступление от начал,

заложенных в ст. 47 Конституции Российской Федерации¹⁶. По его мнению, subsidiарное и дополнительное уголовное обвинение можно признать жизнеспособными институтами для осуществления функции обвинения¹⁷.

Как полагает Н. Петрова, частным лицам, пострадавшим от любого преступления, следует предоставить возможность самостоятельно осуществлять уголовное преследование, особенно в тех случаях, когда правоохранные органы от него отказались¹⁸.

Имеется суждение о том, что защиту законных интересов потерпевшего в судебном разбирательстве берет на себя государственный обвинитель, который как юрист более осведомлен в сугубо юридических нюансах рассматриваемого судом уголовного дела. Однако, как было сказано выше, прокурор в уголовном процессе защищает, в первую очередь, интересы государства. Однако, как отмечает В. Демидов, потерпевший является равноправным участником уголовного судопроизводства, который вправе иметь свое собственное мнение по существу дела, отличающееся от мнения государственного обвинителя¹⁹.

В этой связи следует учитывать положение Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, согласно которому государства — члены ООН должны «...содействовать тому, чтобы судебные ... процедуры в большей степени отвечали потребностям защиты жертв путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства, в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы...»²⁰.

Анализируя новеллы, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, прежде всего, следует отметить, что теперь решение о признании потерпевшим должно приниматься незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляться соответствующим постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице (ч. 1 ст. 42 УПК).

Некоторые вопросы вызывает указание на суд в контексте незамедлительности возбуждения уголовного дела, очевидно, механически перенесенное из предыдущей редакции второго предложения ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Необходимость внесения указанных изменений высказывалась и ранее, в том числе в Специализированном докладе Уполномоченного по правам человека. Указывалось на то, что затягивание в признании лица потерпевшим существенно затрудняет его доступ к правосудию, а также препятствует реализации его процессуальных прав и ограничивает его влияние на ход предварительного расследования.

Установление данных о потерпевшем на момент возбуждения уголовного дела охватывается требованием необходимости предварительного установления оснований для возбуждения уголовного дела, включающих, прежде всего, объект и объективную сторону преступления. В то же время, своевременность вынесения постановления о признании лица потерпевшим должно рассматриваться в контексте своевременности возбуждения самого уголовного дела. Вряд ли можно говорить о соблюдении интересов заявителя или лица, потерпевшего от преступления в случае, если постановление о признании потерпевшим вынесено немедленно после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, тогда как само принятие решения о возбуждении уголовного дела было явно затянуто.

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ расширяет права потерпевшего на получение информации о ходе уголовного судопроизводства.

Согласно п. 13 ст. 42 УПК, потерпевший теперь вправе получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной инстанции. Помимо дополнения предыдущего перечня копий процессуальных документов постановлениями об отказе

в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, из него исключено постановление об отказе в признании потерпевшим. Последнее решение законодателя вполне обоснованно, поскольку в этом случае лицо и не наделялось таковым статусом. Что особенно важно, п. 13 ст. 42 УПК РФ дополнен вторым предложением, согласно которому потерпевший по ходатайству также вправе получать копии процессуальных документов, затрагивающих его интересы. К их числу следует отнести право обвиняемого на получение копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, право на ознакомление с постановлением о принятии дела к производству, об объявлении состава следственной группы, о направлении дела по подследственности. В целом же следует подчеркнуть, что список документов, копии которых потерпевший вправе получить в ходе досудебного и судебного производства по делу, теперь ограничен прямыми указаниями закона, а определяется самим потерпевшим, исходя из его прав и законных интересов. Последнее целесообразно еще и потому, что изучение материалов дела потерпевшим только после окончания предварительного расследования не позволяет ему предпринимать какие-либо действия и своевременно реагировать на ход расследования.

Новеллой являются новые положения закона, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего.

Согласно п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, потерпевший вправе получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы в случае, если потерпевший или его законный представитель сделает соответствующее заявление до окончания прений сторон.

Ст. 313 УПК РФ дополнена ч. 5 следующего содержания: «В случае, если до окончания прений сторон потерпевший или его законный представитель изъявил желание получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к

лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит определение или постановление об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, копию которого направляет вместе с копией обвинительного приговора в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания».

На реализацию этого же права потерпевшего направлены изменения в Уголовно-исполнительный кодекс, также внесенные Федеральным законом 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, в соответствии с которыми администрация места лишения свободы обязана, при наличии в личном деле осужденного указанного постановления (определения) суда, направлять потерпевшему уведомление об указанных событиях при отбывании наказания осужденным.

Данное уведомление направляется потерпевшему в случае условно-досрочного освобождения осужденного — в день освобождения, а по иным основаниям, например, в связи с истечением срока наказания, за 30 дней до освобождения. В случае дачи осужденному разрешения на временный выезд за пределы исправительного учреждения, администрация незамедлительно уведомляет об этом потерпевшего.

Как видно, потерпевший должен остерегаться осужденного и после его освобождения из мест лишения свободы. Впрочем, что будет делать потерпевший после получения указанного уведомления, остается за рамками закона.

На совершенствование мер безопасности направлены и изменения в ст.ст. 227, 303 и 313 УПК РФ.

Ст. 227 УПК РФ дополнена ч. 3.1 следующего содержания: «В случае, если с уголовным делом поступило постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства, судья принимает меры, исключающие возможность ознакомления с указанным постановлением иных участников уголовного судопроизводства».

Ст. 303 УПК РФ дополнена ч. 4: «Если в ходе судебного разбирательства данные о личности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства не раскрывались, суд в приговоре

ссылается на псевдонимы этих лиц (с указанием этого факта)». Можно отметить, что практика применения мер уголовно-процессуальной безопасности к участникам уголовного процесса различается. Отчасти это обусловлено тем, что закон не регламентирует порядок выполнения председательствующим требований ч. 2 ст. 278 УПК РФ об установлении перед допросом личности свидетеля (потерпевшего) в случае его участия на предварительном следствии под псевдонимом в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ²¹. При этом суды используют различные подходы и при документальном отражении факта использования псевдонимов: «Свидетель А», «Свидетель № 1», «Свидетель Петров» и т.д.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ расширен не только круг процессуальных прав, но и обязанностей потерпевшего.

Потерпевший, наряду с обязанностями, установленными пп. 1—3 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК).

Соответственно, за нарушение вышеуказанных процессуальных обязанностей потерпевшим Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ предусмотрел уголовную ответственность, наряду с отказом от дачи показаний по ст. 308 УК РФ. Соответствующие дополнения в ст. 308 УК РФ также внесены Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ.

Редакция ч. 8 ст. 42 УПК РФ изменена и выглядит следующим образом: «По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном процессе — к одному из родственников».

Как видно, изменение расширяет круг лиц, которые теперь могут быть признаны потерпевшими в порядке перехода этого статуса, поскольку ранее в ч. 8 ст. 42 УПК РФ речь шла только о возможности их перехода к одному из близких родственников. В то же время, применение порядка перехода статуса

потерпевшего, изложенного в ч. 8 ст. 42 УПК требует системного учета позиций как Конституционного Суда РФ, так и Верховного Суда РФ.

С одной стороны, как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности»²² ч. 8 ст. 42 УПК РФ, положение закона о переходе прав потерпевшего к одному из его близких родственников не может рассматриваться как исключаящее возможность наделения процессуальными правами потерпевшего более одного близкого родственника, чья смерть наступила в результате преступления.

С другой стороны, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 ограничивает возможность признания потерпевшим иных лиц, помимо названных в законе. Указывалось, что в случае отсутствия близких родственников у последнего, либо их неустановления следователи признают потерпевшим должностное лицо муниципального органа социальной защиты²³. Также существует практика признания потерпевшими и иных лиц, не являющихся родственниками погибшего: соседей, знакомых, представителей органов опеки и попечительства, адвокатов.

Поскольку указанные лица не имеют материального интереса потерпевшего и, соответственно, не могут адекватно его отражать и защищать, не указание на возможность наделения их статусом потерпевшего (т.е. скрытый запрет), тем самым, направлено на исключение появления в уголовном судопроизводстве посторонних участников. Таким образом, при отсутствии родственников лица, погибшего в результате совершения преступления, уголовное судопроизводство должно проводиться без потерпевшего.

Изменения, внесенные Федеральным законом, полностью уравнивают потерпевшего и его представителя в правах с обвиняемым (подозреваемым) и его защитником при назначении и производстве судебной экспертизы (ст. 198 УПК). Ранее потерпевший был вправе знакомиться только с постановлением о назначении судебной экспертизы и заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 198 УПК). Следователь теперь обязан ознакомить с постановлением о назначении

судебной экспертизы не только подозреваемого, обвиняемого, защитника, но и потерпевшего и его представителя с разъяснением прав, предусмотренных ст. 198 УПК (ч. 3 ст. 195 УПК). Равенство прав потерпевшего правам обвиняемого при назначении судебной экспертизы ранее было закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Изменениями, внесенными в редакцию ч. 3 ст. 161 УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432, усилена сохранность сведений о частной жизни участников уголовного процесса: «Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается».

Касаются положения Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432 также участия несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, в таких следственных действиях, как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний.

Так, при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте от 7 лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более 1 часа, в возрасте от 7 до 14 лет — более 1 часа, а в общей сложности — более 2 часов, в возрасте старше 14 лет — более 2 часов, а в общей сложности — более 4 часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля». Тем самым закон вводит дифференциро-

ванную, в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, длительность проведения с ним следственных действий.

Ст. 191 УПК также дополнена чч. 4 и 5, вступающими в силу с 1 января 2015 г.: «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно» (ч. 4 ст. 191 УПК).

Ч. 5 ст. 191 УПК определяет, что применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий, предусмотренных гл. 26 УПК РФ, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Материалы видеозаписи или киносъемки хранятся при уголовном деле.

Право потерпевшего участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, кассационной и апелляционной инстанций дополнено правом потерпевшего возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (п. 14 ч. 1 ст. 42 УПК).

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432 расширяет права потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. Ст. 219 УПК дополнена ч. 4 следующего содержания: «Если обвиняемым заявлено ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства в случаях, предусмотренных ст. 314 настоящего Кодекса, следователь уведомляет о заявленном ходатайстве потерпевшего и разъясняет ему право представить в суд возражения (после поступления уголовного дела в суд)». Очевидно, что только после получения необходимой информации обо всех особенностях применения особого порядка судебного разбирательства, потерпевший будет в состоянии отстаивать свои права и законные интересы: осознанно принимать решение о даче согласия на его проведение, либо о направлении в суд возражений против его применения.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432 в УПК РФ, касаются не только потерпевшего. Законом, в частности, продолжена намеченная ранее Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ тенденция к сокращению подсудности дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей. Теперь из нее исключены дела о преступлениях, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 131 УК РФ, ч. 4 и 5 ст. 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134 УК РФ. Таким образом, напрашивается вывод о том, что суду присяжных как «демократической витрине» правосудия можно доверять осуществление правосудия отнюдь не по широкому спектру составов преступлений (что, в свою очередь, порождает дилемму: «или все, или ничего»).

Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ также устанавливает уголовную ответственность за незаконное распространение некоторых данных в публичном выступлении, при демонстрации произведения, в СМИ или в информационно-телекоммуникационных сетях. Речь идет о сведениях, указывающих на личность потерпевшего, не достигшего 16 лет по уголовному делу, а также содержащих описание его физических (нравственных) страданий. Такие действия наказываются, если наступили тяжкие последствия (вред здоровью несовершеннолетнего, его психическое расстройство и др.).

Законом также вводится институт административного надзора в отношении лица, которое совершило после достижения восемнадцатилетнего возраста преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего младше четырнадцати лет и страдает педофилией. За таким лицом должен быть установлен административный надзор в течение принудительного лечения, но не менее срока, необходимого для погашения судимости.

Таким образом, принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ не только расширяет процессуальные возможности потерпевшего, но и способствует системному и комплексному законодательному упрочению его гарантий. В совокупности это способствует преодолению взгляда на потерпевшего как на бесправного и второстепенного участника уголовного судопроизводства.

29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

³ Рос. газета. 2008 г. 4 июня.

⁴ Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Науч. ред. В.Н. Галузо. М.: Тенс, 2004. С. 146; Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 129.

⁵ См.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 78.

⁶ Российская газета. 2013. 30 декабря; Далее Федеральный закон от 28.12.13 г. № 432; если не сказано иное.

⁷ Далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.10 г. № 17, если не сказано иное.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4054.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 1 п. 1 ч. 1, ч. 6 и 7 ст. 3 ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», ч. 1 и 4 ст. 244.1 и п. 1 ч. 1 ст. 244.6 Гражданско-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой граждански А.Е. Поповой» // Вестник КС РФ. 2013. № 6.

¹⁰ Марков А.Я. Как защитить пострадавшего от преступления // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами Уголовного и Уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (19—20 февраля 2004 г.). М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 250.

¹¹ Авдеев В.Н. Проблемы правового регулирования процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами Уголовного и Уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (19—20 февраля 2004 г.). С. 71.

¹² См.: Зеленин С.Р. Права потерпевшего в процессе: комментарий к новеллам УПК РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 19.

¹³ См.: Таран А. Незаконный «правовой недопуск» адвоката в участию в деле // Уголовное право. 2014. № 2. С. 126.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда от 13 октября 2009 г. // Официальный сайт Липецкого областного суда РФ <http://www.oblsud.lpk.sudrf.ru>

¹⁵ Таран А. Указ. соч. С. 127.

¹⁶ Александров А.С. Уголовное преследование. В кн.: Уголовный процесс: Сб. учебных пособий. Общая часть. Вып. 1. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 121.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Петрова Н. Частный интерес в уголовном процессе защищен не в полной мере // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 38.

¹⁹ Демидов В. Обеспечить положение потерпевшего реальными правами // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 20.

²⁰ Международные акты о правах человека: Сб. документов. М., 2000. С. 165—167.

²¹ См.: Осодоева Н.В. Допрос анонимных участников уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 45.

²² Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

²³ Камчатова К.В. Проблемные вопросы реализации прав потерпевшего от преступления на досудебных стадиях уголовного процесса РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 135.

¹ Далее — УПК, если не сказано иное.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от

«ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ»: СЛЕДОВАТЕЛЬ VS ПРОКУРОР

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия
Национального исследовательского университета Высшей школы экономики

E-mail: nikita_kokolov@mail.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Чтобы надлежащим образом работал механизм избрания меры пресечения судом, требуются: 1) внести изменения в законы о судах общей юрисдикции; 2) о прокуратуре; 3) УПК РФ; принять закон, регламентирующий порядок содержания обвиняемого под домашним арестом; 3) регламент залога.

Ключевые слова: механизм избрания меры пресечения судом, УПК РФ, компетенция следователя, прокурора и суда, пробелы в законодательстве.

Annotation. To properly worked as a mechanism for the selection of a preventive measure by the court, are required: 1) to introduce changes in the laws on courts of General jurisdiction; 2) on the Prosecutor's office; 3) the code of criminal procedure; to adopt a law regulating the procedure of detention of the accused under house arrest; 3) regulation of pledge.

Keywords: mechanism of election of a preventive measure by the court, the code of criminal procedure, the competence of the investigator, Prosecutor and the court, gaps in legislation.

Определение судебной перспективы дела — компетенция прокурора

Проблема, от решения которой уклоняется законодатель, — формирование позиции стороны обвинения. Если с ходатайством о заключении подозреваемого под стражу в суд идет дознаватель, то эта позиция автоматически совпадает с позицией выступающего в суде прокурора, несущего ответственность за судебную перспективу дела в целом. Если такое же ходатайство подается следователем, то его позиция с точкой зрения прокурора может и не совпадать. Парадоксально, но факт, если прокурор отказался от обвинения в суде (даже на этапе подготовки дела к судебному заседанию), то такой отказ для суда обязателен. Если прокурор не видит оснований для заключения обвиняемого под стражу, более того, из месяца в месяц, а то и из года в год последовательно утверждает, что последний подлежит освобождению из-под стражи, ибо само уголовное дело возбуждено в отношении него незаконно, законодатель снисходительно позволяет суду подобные рассуждения прокурора игнорировать.

Практика применения ст. 106—109 УПК РФ

Как судьи вынуждены разрешать противоречия, содержащиеся в УПК РФ, поясним на примерах.

*** По версии обвинения Комаров — заместитель генерального директора ФГУП «Машиностроительный завод им. Ф.Э. Дзержинского» — мошенническим путем пытался приобрести право на чужое имущество стоимостью более 400.000.000 руб., принадлежащее ООО «Бытпромторг» и ФГУП «Машиностроительный завод им. Ф.Э. Дзержинского». По данному факту 27 сентября 2012 г. было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

22 февраля 2013 г. Комаров был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, 23 февраля 2013 г. заключен под стражу.

18 июня 2013 г. органами предварительного следствия было возбуждено ходатайство о продлении срока содержания Комарова под стражей до 6 месяцев.

В обоснование продления срока следователем, кроме «дежурных фраз», суть которых Комаров —

супермен, который может все, приведены следующие доводы:

- ❖ 20 и 21 февраля 2013 г. по повестке на допрос к следователю не явился, мотивируя это занятостью по работе в суде;
- ❖ оперативно-розыскными мероприятиями зафиксированы меры, предпринимаемые Комаровым по сокрытию следов преступления, факты противодействия органам предварительного следствия;
- ❖ директор ООО «Бытпромторг» изменила показания в пользу Комарова, не является к следователю, место ее нахождения не известно.

В судебном заседании прокурор просил в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей отказать, мотивируя это тем, что Комаров повлиять на результаты расследования уже не может.

Постановлением от 26 июня 2013 г. Дзержинский районный суд продлил срок содержания обвиняемого Комарова под стражей до 6 месяцев 7 дней. Постановив данное решение, суд посчитал, что доводы последнего о том, что он ходу предварительного расследования не препятствовал, полностью опровергнуты следователем¹.

Прокурор в апелляционном представлении просил меру пресечения в отношении Комарова изменить на подписку о невыезде, мотивируя это тем, что:

- ❖ действиями обвиняемого ущерб не нанесен;
- ❖ доказательств о том, что Комаров препятствует следствию, нет².

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 3 июля 2013 г. в удовлетворении представления было отказано. В своем документе суд второй инстанции, ограничившись стандартными фразами о том, что Комаров может скрыться, а равно может препятствовать следствию, практически обошел вниманием такие доводы прокурора, как «ущерба по делу нет», факты препятствия следствию не установлены. Одновременно суд констатировал факт, что преступление Комаровым совершено вне сферы предпринимательской деятельности, упомянув при этом, что «суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении и о юридической оценке его действий»³.

22 августа 2013 г. Дзержинский районный суд г. Перми, несмотря на то, что прокурор поддержал ходатайство стороны защиты об освобождении Комарова, вновь продлил срок содержания последнего под стражей⁴.

26 августа 2013 г. помощник прокурора Дзержинского района г. Перми в очередной раз внес в суд апелляционной инстанции представление, в котором дал подробный анализ материалам уголовного дела в отношении Комарова и сделал вывод о том, что действиями обвиняемого вред не только не причинен, но и не мог быть причинен. Более того, отсутствие данных о размере ущерба свидетельствует об отсутствии в действиях Комарова состава преступления⁵.

Апелляционным постановлением от 30 августа 2013 г. Пермский краевой суд изменил меру пресечения Комарову на домашний арест. При этом суд апелляционной инстанции, нисколько не усомнившись в правильности квалификации содеянного обвиняемым, не входя в обсуждение вопроса об ущербе, отвергнув возможность применения к нему положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, выявил нарушения уголовно-процессуального закона, а именно, оказывается, суд первой инстанции надлежащим образом не оценил данных о личности Комарова.

Поместив обвиняемого под домашний арест, суд второй инстанции уклонился от обсуждения вопросов, связанных с питанием и медицинским обслуживанием Комарова⁶.

Для решения данных проблем Комаров был вынужден обращаться к следователю за разрешением:

- ❖ 23 сентября 2013 г. покинуть квартиру для покупки продуктов;
- ❖ 23 сентября 2013 г. участвовать в судебных заседаниях по обжалованию решений и действий (бездействия) следователя;
- ❖ 25 сентября 2013 г. выдать разрешение на вызов «скорой помощи» и аварийных служб;
- ❖ 25 сентября 2013 г. посетить стоматолога, сдать и получить анализы.

26 сентября 2013 г. Дзержинский районный суд, отказав следователю в удовлетворении ходатайства о продлении Комарову срока домашнего ареста, изменил в отношении него меру пресечения на залог в 2.000.000 руб., на этот раз честно указал:

- ❖ следователь так и не смог представить данных о том, что обвиняемый препятствует следствию;
- ❖ Комаров, оказывается, страдает тяжким заболеванием, неоднократно помещался в лечебное заведение, где проходил стационарное лечение⁷.

Приведенный пример показателен во многих отношениях.

Во-первых, почему суд избрал в отношении Комарова меру пресечения заключение под стражу, несмотря на возражение прокурора. Думается, причина в излишней доверии суда органам предварительного расследования. Документы о возбуждении следователем ходатайств, поданные в порядке ст. 108—109 УПК РФ, начинаются фразой: «Согласен. Начальник ГСУ ГУ ИВД РФ по Пермскому краю генерал-майор юстиции». Сказанное означает, что Комаров совершил такое тяжкое преступление, что расследование по его делу ведется на самом высоком уровне, генерал, назначенный на должность самим Президентом РФ, уверен: обвиняемый настолько опасен для общества, что место ему — только в СИЗО⁸.

Опросы адвокатов позволяют сделать вывод о том, что органы предварительного расследования для того, чтобы «повысить» степень важности дела, приобщают к ходатайствам о заключении под стражу совершенно не имеющую отношения к разрешаемому вопросу переписку между генералами.

Во-вторых, удивляет тот факт, что государство в уголовном процессе одно, а представляют его два участника процесса, которым законодатель позволяет иметь различные точки зрения по всем вопросам. Так, по делу Комарова прокурор последовательно просит обвиняемого освободить, ибо нет ни ущерба, ни препятствий для расследования. В это же время, следователь, под прикрытием «генерала» лишь «обозначает» наличие проблем с расследованием.

По этому поводу один известный специалист (не имею право назвать его имени, ибо он при солидной государственной должности) очень точно сказал, что органы предварительного следствия не только незаконно вменяют обвиняемым «лишние» составы, например, ст. 210 УК РФ, но даже не дают себе труда, раскрыть данный состав преступления.

В-третьих, к сожалению в данном противостоянии суд оказывается крайним. Движение дела в отношении Комарова — явное тому подтверждение.

Прислушайся суд сразу к доводам прокурора и защиты, проблемы меры пресечения, вылившейся в многочисленные, как показало время, совершенно никому не нужные, дорого обходящиеся государству тяжбы, удалось бы избежать.

В-четвертых, помещая лицо под домашний арест, суд должен четко представлять: где обвиняемый будет жить, чем питаться, кто его будет лечить и выгуливать. Возникает вопрос: должен ли, более того, в состоянии ли все эти вопросы решить суд, поговорим ниже.

Пока же следователь, разрешая вышеперечисленные ходатайства Комарова, 10 сентября 2013 г. вынес ряд постановлений следующего содержания.

- ❖ в праве покупать самостоятельно продукты обвиняемому отказать, поскольку это функция его близких родственников (мама, сестра, муж сестры), которым разрешен круглосуточный доступ в квартиру Комарова;
- ❖ запретить обвиняемому переговоры с близкими родственниками по телефону (мама, сестра, муж сестры).
- ❖ выдача разрешений на прогулки — компетенция не следователя, а суда.

Анализ позиции, занятой органами предварительного расследования, позволяет выявить наличие в них как внутренних противоречий, так и противоречие некоторых из них законодательству России в целом.

Так, возложив на маму, сестру, мужа сестры обязанность по снабжению Комарова продуктами, следователь не стал утруждать себя разъяснениями, в силу каких обстоятельств и в каком объеме они обязаны выполнять его поручение. Права возлагать на кого-либо их них какие-либо обязательства у следователя нет. Он что, договор с ними заключил, если да, то в какой форме. Что предпримет следователь, если его эту «договоренность» сторона, именуемая родственниками обвиняемого, вдруг, начнет саботировать? Сам пойдет за продуктами?

Не ясна суть запрета на телефонные переговоры с мамой, сестрой и мужем сестры, ибо им разрешено круглосуточное посещение обвиняемого. Получается, что следователь ограничил право обвиняемого заказать по телефону покупку лекарств?

Не основан на законе и ответ следователя о том, что право на прогулку — исключительная прерогатива суда. Судебный контроль за правами и свободами обвиняемого — явление разовое. Следователь данный вид контроля осуществляет непрерывно. Сказанное означает, что решение всех частных вопросов — его компетенция. Поскольку у обвиняемого, которого содержат под стражей, есть право на прогулку, поскольку нет оснований и на изъятие этого же права у обвиняемого.

Наконец, в-пятых, материалы в отношении Комарова позволяют сделать самый неутешительный вывод: суды всех уровней, применяя ст. 108—109 УПК РФ, откровенно путаются в вопросе наличия достаточности оснований для содержания обвиняемого под стражей.

С сожалением приходится констатировать, что нет четкого ответа по данному вопросу и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

*** 5 декабря 2012 г. Фадюшин задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, 7 декабря 2012 г. в отношении него избрана мера пресечения — заключение под стражу, 14 декабря Фадюшину предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ.

Срок предварительного расследования продлен до 5 июля 2013 г.

В мае 2013 г. органы предварительного расследования в очередной раз обратились с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга постановлением от 30 мая 2013 г. продлил срок содержания Фадюшина под стражей до семи месяцев — до 4 июля 2013 г.

Свой вывод он мотивировал тем, что основания, которые учтены судом при избрании меры пресечения, существенно не изменились, как не изменилось и существо предъявленного Фадюшину обвинения; заболевания, имеющиеся у обвиняемого, не препятствуют содержанию его в условиях следственного изолятора.

Доводы защиты о явном затягивании предварительного расследования судом принимаются во внимание, но не являются безусловным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства следовате-

ля о продлении срока содержания обвиняемого под стражей⁹.

Одновременно Верх-Исетский районный суд вынес частное постановление в адрес руководителя ГСУ ГУ МВД РФ по Свердловской области о нарушении следователями отдела № 5 СУ УМВД РФ по г. Екатеринбургу, допущенных при производстве расследования.

Суд в рамках судебного контроля указал, что не представляющее особой сложности одноэпизодное дело в отношении одного обвиняемого расследуется более шести месяцев, при этом за период с апреля по июнь 2013 г. по нему не произведено ни одного следственного действия.

Такое отношение порождает справедливые жалобы защиты, влечет нарушение прав обвиняемого на разумные сроки рассмотрения уголовного дела¹⁰.

Решение районного суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций. При этом вышестоящие инстанции подчеркнули, что судом выявлен факт волокиты, на что обращено внимание руководителя следственного органа региона¹¹.

Постановлением Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 27 декабря 2013 г. уголовное дело в отношении Фадюшина возвращено прокурору в виду нарушения п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, поскольку текст обвинительного заключения, врученный обвиняемому «не читаем в силу множественности грамматических ошибок, которые искажают его содержание...»

Мера пресечения Фадюшину оставлена без изменения в виде подписки о невыезде¹².

Приведенный пример поучителен во всех отношениях. Тот факт, что обвиняемый, находясь на свободе, не совершил новых преступлений, не скрылся, по завершению предварительного расследования он добровольно получил обвинительное заключение и прибыл в суд, свидетельствует о явной чрезмерности в выборе в отношении него меры пресечения. Как видим, все установленные законом виды контроля (ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль) в момент избрания меры пресечения оказались совершенно неэффективными, ибо имеются достаточные основания ут-

верждать, что Фадюшин совершенно напрасно был заключен под стражу, а затем совершенно напрасно содержался в следственном изоляторе целых семь месяцев.

Несмотря на то, что суд обратил внимание руководства органов предварительного расследования на факт вопиющей волокиты по делу Фадюшина, качество работы по делу не улучшилось, ход следствия не ускорился.

Люди под стражей, а, по мнению прокуратуры, уголовного дела нет

Начальник кафедры административного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Московского филиала Московского университета МВД РФ В.В. Абрамочкин, усматривая «личную заинтересованность в деле некоторых сотрудников органов прокуратуры», оправдывает допустимость противостояния в судебном разбирательстве органов предварительного следователя и прокуратуры¹³, наличие которой явно не способствует защите интересов как конкретных лиц, так и общества в целом.

В данном случае не лишним будет напомнить, что уголовное преследование осуществляют не лично отдельные следователи и прокуроры, а государство в целом, следовательно, во всех стадиях уголовного процесса позиция стороны обвинения по делу может быть только одна. Кому в споре между следователем и прокурором принадлежит последнее слово? Безусловно, прокурору, ибо закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, этапах движения уголовного дела.

При таких обстоятельствах перенос спора между следователем и прокурором в суд — явное свидетельство их профессиональной незрелости, в основе которой деформированное правосознание, излишняя амбициозность некоторых чиновников.

Тем же, у кого-то имеются обоснованные подозрения в том, что «кто-то из прокуроров», равно из следователей, в чем-то лично заинтересован, не лишним будет напомнить, что действующее законодательство закрепляет конкретные регламенты выхода из данных ситуаций.

Что касается суда, то он разрешает лишь спор между сторонами: обвинением и защитой. С со-

жалением приходится констатировать, что далеко не всегда суды, применяя правила ст. 108—109 УПК РФ, правильно разрешают спор между сторонами, отягощенный великим противостоянием органов предварительного расследования и прокуратуры.

Классический пример — уголовное дело в отношении Бульбова и др., в годовой спор о законности содержания которого под стражей был вынужден вмешаться Президиум Верховного Суда РФ.

*** Бульбов, Донченко, Гусев и Гевал обвинялись в даче взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий, за нарушение тайны телефонных переговоров, получение взятки.

Донченко, Бульбов и Гевал также обвинялись в превышении должностных полномочий.

Заместитель Генерального прокурора РФ Гринь В.Я. поставил вопрос об отмене постановления судьи Московского городского суда от 12 ноября 2008 г., кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 января 2009 г. в отношении Донченко, Гусева, Гевала, Бульбова и передаче дела на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе.

Основание — отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела в отношении Бульбова.

Незаконность уголовного преследования Бульбова без возбуждения в отношении него уголовного дела подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 18 июля 2006 г. № 343-0, а также судебной практикой — надзорным определением Верховного Суда РФ от 28 февраля 2006 г. по делу № 46-ДПО5-77.

Кроме того, на необходимость возбуждения уголовного дела в отношении Бульбова А.А. Верховный Суд РФ указал в кассационном определении от 28 октября 2008 г. при рассмотрении кассационных жалоб обвиняемого и других по данному уголовному делу на решение Московского городского суда от 10 сентября 2008 г., которое было отменено в связи с отсутствием постановления о возбуждении уголовного дела.

При судебном разбирательстве 10 ноября 2008 г. ГСУ СК при прокуратуре РФ в Московский городской суд впервые представлено постановление, вынесенное 28 июня 2007 г. заместителем прокурора

ЦАО г. Москвы Савковым В.И. Этим решением отменяется вышеуказанное постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Горохова от 28 июня 2007 г. и возбуждается уголовное дело по тем же обстоятельствам, но не только в отношении Горохова И.Ю., но и в отношении иных неустановленных лиц.

Между тем, в ходе расследования уголовного дела указанное постановление не представлялось ни прокурору, ни в суд. Более того, какие-либо сведения о том, что такое постановление выносилось и участие в преступлениях принимали иные неустановленные лица, отсутствуют и в прокуратуре ЦАО г. Москвы и ИЦ ГУВД по ЦАО г. Москвы. Данных об этом нет ни в надзорном производстве, ни в регистрационных, учетных и иных документах. Отсутствует какое — либо указание на это постановление, а также на участие в преступлениях иных неустановленных лиц и в других материалах о движении уголовного дела, ранее направляемых следствием как в Генеральную прокуратуру РФ, так и в суд.

Кроме того, ГСУ СК при прокуратуре РФ ранее в Генеральную прокуратуру РФ и в суд направлялось постановление о возбуждении уголовного дела только в отношении Горохова, возбужденного 28 июня 2007 г. следователем Сухаревым И.Е. с согласия заместителя прокурора ЦАО г. Москвы Савкова В.И., и именно оно было положено в основу состоявшихся судебных решений, в том числе Басманного районного суда г. Москвы от 5 октября 2007 г. об избрании Бульбову и 16 октября 2007 г. об избрании Гусеву А.В. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также других решений.

Данным обстоятельствам Московским городским судом при рассмотрении ходатайства следователя и Верховным Судом РФ при рассмотрении кассационных и надзорных представлений прокурора оценка не дана.

Фактически о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела не только в отношении Горохова, но и в отношении иных неустановленных лиц стало известно, и оно было представлено только после того, как Верховным Судом РФ 28 октября 2008 г. обращено внимание на отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела в отношении Донченко, Гусева, Гевала и Бульбова.

В связи с этим, Генеральной прокуратурой РФ первому заместителю Генерального прокурора РФ — Председателю СК при прокуратуре РФ Бастрькину А.И. направлены материалы для организации проверки в порядке ст.ст. 144—145 УПК РФ.

Однако, выходя за рамки требований ст.ст. 108, 109, 274, 278 УПК РФ и нарушая принцип состязательности сторон, предусмотренный ст. 15 УПК РФ, суд по собственной инициативе вызвал и допросил в качестве свидетелей бывшего следователя и заместителя прокурора ЦАО г. Москвы Сухарева И.Е. и Савкова В.И., соответственно. Данные свидетели показали, что постановление о возбуждении уголовного дела не только в отношении Горохова И.Ю., но и других неустановленных лиц выносилось.

Вызвав по собственной инициативе и допросив в судебном заседании свидетелей, суд фактически реализовал стадию судебного следствия, предусмотренную гл. 37 УПК РФ, и применил положения ст. 278 УПК РФ, что возможно лишь при рассмотрении уголовного дела по существу. Указанными действиями суд нарушил процедуру судопроизводства, установленную уголовно-процессуальным законом, что в соответствии со ст.ст. 379, 381 УПК РФ влечет отмену судебного решения.

Несмотря на то, что участвовавшими в процессе прокурорами представлены и судом исследованы материалы, опровергающие наличие ранее в материалах данного постановления, его регистрацию в установленном порядке, а также какие-либо сведения в иных документах о совершении преступлений Гороховым, Яныкиным, Нестеренко с участием других неустановленных лиц, судья необоснованно и безмотивно отверг доводы прокуроров и преждевременно, без выяснения всех обстоятельств, признал юридический факт, связанный с его вынесением. При этом, принимая решение, Московский городской суд ограничился лишь показаниями Савкова В.И. и Сухарева И.Е., хотя их доводы требовали дополнительного подтверждения, в том числе и документального. Изучения в судебном заседании оригинала постановления было не достаточно, чтобы сделать вывод о его достоверности и вынесения в установленном порядке.

Помимо этого, суд не принял во внимание то, что в данном спорном постановлении от 28 июня 2007 г. отсутствует время возбуждения уголовного

дела, тогда как в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 146 УПК РФ это является обязательным требованием.

Таким образом, постановление Московского городского суда от 12 ноября 2008 г. вынесено с нарушениями уголовно-процессуального закона, его выводы не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, что в соответствии со ст. 379 УПК РФ является основанием его отмены, а указанные нарушения подлежат устранению при новом судебном рассмотрении ходатайств следователя.

Как усматривается из протокола судебного заседания Московского городского суда от 10 ноября 2008 г., участвовавшим в деле прокурором указано, что необходимые материалы направлены Генеральной прокуратурой для проверки в СК при прокуратуре РФ.

Суд первой инстанции, проверив законность и обоснованность постановления о возбуждении уголовного дела, ограничился допросом бывшего заместителя прокурора ЦАО г. Москвы Савкова, а также следователя Сухарева И.Е. и, не располагая результатами проверки, вынес оспариваемое решение.

В судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ представители СК при прокуратуре РФ сослались на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Савкова В.И. и Сухарева И.Е. от 1 сентября 2009 г. Однако, данное постановление в суде первой инстанции не исследовалось и, следовательно, оценки не получило¹⁴.

Результат данного явно искусственного спора давно и хорошо известен всем процессуалистам: Бульбов и др. органами предварительного расследования вскоре были освобождены из-под стражи.

Скажем более, сторона защиты не случайно годами твердила об отсутствии у обвинения надлежащего комплекса доказательств вины многих из вышеперечисленных обвиняемых.

Постановлением Московского городского суда от 6 февраля 2013 г. уголовное дело в отношении Донченко, Гусева, Нестеренко и др. в порядке ст. 237 УПК было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом¹⁵.

Основание — отсутствие необходимых реквизитов в постановлении о привлечении лиц в качестве обвиняемых: не указаны точно время, место и способ их действия...

Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда от 22 марта 2012 г. указанное постановление оставлено без изменения¹⁶.

Аналогичное решение по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня было принято и в кассационной инстанции¹⁷.

На текущий момент судебная перспектива данного дела о событиях 2007 г. все еще не ясна...

В данном случае никто не говорит о фальсификации доказательств, Президиум Верховного Суда РФ обратил внимание только на «туманность» в вопросе появления отдельных важных документов, что, безусловно, само по себе недопустимо при решении вопроса о заключении человека под стражу.

Может быть, соответствующие службы, осуществлявшие оперативную разработку обвиняемых по анализируемому делу, и правы, но доказательств их вины в совершении конкретных преступлений ни они, ни следователи пока суду не предоставили...

С аналогичными проблемами суды столкнулись и по «игорному делу».

*** Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 9 июня 2011 г. по ходатайству старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Куликову, заместителю начальника отдела Управления «К» бюро специальных технических мероприятий МВД РФ, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 июня 2011 г. указанное постановление оставлено без изменения, а кассационные жалобы — без удовлетворения.

Постановлением президиума Московского городского суда от 31 мая 2013 г. отказано в удовлетворении надзорного представления заместителя Генерального прокурора РФ Гриня В.Я.¹⁸ о пересмотре постановления судьи Басманного районного суда г. Москвы от 9 июня 2011 г. и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 июня 2011 г. в отношении Куликова.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ Гринь В.Я. высказал несогласие с состоявшимися судебными решениями и считает их подлежащими отмене в связи с нарушением уголовно-процессуального закона, приводя следующие доводы.

Автор представления указывает в нем, что суд признал преследование Куликова по уголовному делу № 201/713066-11 и избрание в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу законными. Как указывается в представлении, в основу этого вывода судом положено то, что вышеприведенное уголовное дело возбуждено не только в отношении сотрудников органов прокуратуры Московской области, но и иных неустановленных лиц.

В представлении также указывается, что с данными утверждениями судов согласиться нельзя, поскольку они не подтверждаются материалами дела. Из постановления о возбуждении уголовного дела однозначно следует, что весь круг заподозренных следствием лиц ограничен работниками органов прокуратуры Московской области.

В названном процессуальном решении, по мнению автора представления, прямо указано на то, что к описанному в нем деянию причастны заместитель прокурора Московской области Игнатенко А.Н. и начальник управления данной прокуратуры Урумов Д.И. Впоследствии, как видно из текста этого же постановления, они с августа 2009 г. по апрель 2010 г. вовлекли в свою деятельность других сотрудников прокуратуры: Ногинского городского прокурора Глебова В.П., Клинского городского прокурора Каплуна Э.Ю. и иных неустановленных лиц, согласившихся за взятки не препятствовать организации азартных игр на территории городов Московской области, в которых они возглавляли органы прокуратуры.

Однако, суды не учли эту часть постановления о возбуждении уголовного дела и не дали ей юридическую оценку. Не придав значения указанным обстоятельствам, они пришли к ошибочным выводам о том, что уголовное дело возбуждено следователем в отношении неограниченного круга лиц, что позволяло ему преследовать любое должностное лицо.

Между тем, полагает автор представления, ни в описании преступления, ни в материалах проверки,

послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, сведений о должностных лицах иных органов государственной власти не имелось.

Данные о сотрудниках БСТМ МВД России — о Куликове и Темиргалиеве появились лишь в ходе последовавшего расследования уголовного дела № 201/713066-11 и спустя месяц после его начала, что исключало возможность вывода об участии в преступлении, описанном в постановлении о возбуждении названного уголовного дела, иных должностных лиц, в том числе Куликова и Темиргалиева. Поэтому следователь, осознавая, что без возбуждения уголовного дела о новом, выявленном им преступлении, он не сможет на законных основаниях осуществлять обвинительную деятельность в отношении Темиргалиева и Куликова, составил рапорт об обнаружении в их действиях признаков самостоятельного преступления и вынес 7 июня 2011 г. постановление о возбуждении нового уголовного дела № 201/713091-11, из которого следует, что действия Куликова и Темиргалиева, не связаны с инкриминированными Игнатенко А.Н. и другим лицам деяниями.

В этот же день уголовное дело № 201/713066-11 по обвинению прокурорских работников и уголовное дело № 201/713091-11 в отношении Темиргалиева и Куликова были соединены в одно производство под № 201/713066-11.

В связи с тем, что полученных следствием данных о противоправном поведении Темиргалиева и Куликова оказалось недостаточно для их преследования, постановление о возбуждении нового уголовного дела № 201/713091-11 было 9 июня 2011 г. отменено прокурором как необоснованное.

Несмотря на то, что в силу указанного решения прокурора ни расследуемое уголовное дело, ни вновь возбужденное на основании выделенных из него материалов дело не могли служить основанием для преследования Куликова, Басманным районным судом г. Москвы он, тем не менее, 9 июня 2011 г. был незаконно заключен под стражу.

Для оправдания продолжения уголовного преследования Куликова, проведения в отношении него судебного разбирательства и принятия обжалуемого решения суду оказалось достаточно формального основания — постановления о соединении указанных уголовных дел от 7 июня 2011 г.

Однако, тот факт, что до отмены постановления о возбуждении уголовного дела № 201/713091-11 материалы, послужившие основанием для его вынесения, были выделены из уголовного дела № 201/713066-11, а затем с ним вновь соединены, ничего не меняет, поскольку ни одно из этих решений не имеет силы, позволяющей следствию начинать уголовное преследование лица.

В соответствии со ст. 156 УПК РФ таким решением может быть только постановление о возбуждении уголовного дела, которое в рассматриваемом случае было отменено прокурором и все вытекающие из него последствия утратили свою процессуальную силу и не могли иметь продолжение.

Поэтому, по мнению автора представления, необходимо признать, что используемые судами первой, кассационной и надзорной инстанций аргументы о выделении материалов и последующем соединении вновь возбужденного уголовного дела с уже расследуемым делом не имеют принципиального значения для разрешения возникшего спора.

Правила о соединении уголовных дел не позволяют подменять одно уголовное преследование другим, что имело место в рассматриваемом случае. В соответствии со своим назначением решение о соединении дел призвано разрешать исключительно юридико-технические вопросы. В силу своей правовой природы оно не может оправдывать чье-либо уголовное преследование, служить ему подтверждением или опровержением.

Главным остается то, что суд не вправе был избирать Куликову меру пресечения на основании ходатайства следствия, все положения которого были основаны на отменном постановлении о возбуждении уголовного дела и к моменту его рассмотрения уже утратили юридическую силу.

У суда отсутствовал предусмотренный ст. 108 УПК РФ предмет для разбирательства, поскольку выдвинутое против Куликова подозрение было в установленном законом порядке снято прокурором.

Невозможно согласиться с позицией судов и в том, что постановление прокурора об отмене уголовного дела в отношении Куликова не ставит под сомнение законность проводимого против него следования.

Вопреки конституционному смыслу положений УПК РФ (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 600-О-О, от 1 марта 2007 г. № 327-0-0), эта позиция означает, что стадия возбуждения уголовного дела и указанное решение прокурора, которым он предотвращает необоснованное преследование лица, лишены какого-либо правового значения.

В итоге принятое судом решение об аресте, по мнению автора представления, позволило следствию осуществлять дальнейшее незаконное преследование Куликова при отсутствии возбужденного по поводу его деяния уголовного дела, что является недопустимым.

Принимая решение о заключении Куликова под стражу Басманный районный суд г. Москвы не учел, что выполнение процессуальных действий, в том числе избрание меры пресечения, могут быть приняты лишь к лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Эти обстоятельства не учтены также судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда и президиумом Московского городского суда.

Как видно из постановления старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Никандрова Д.В. от 4 мая 2011 г. в отношении Куликова М.А. уголовное дело не возбуждалось.

Указание в этом постановлении о возбуждении дела и в отношении иных неустановленных лиц, не свидетельствует о возможности проведения следственных действий и в отношении Куликова, поскольку следователь, придя к выводу о причастности Куликова к совершению преступления, возбудил уголовное дело в отношении него лишь 7 июня 2011 г.

Указанное постановление было отменено 9 июня 2011 г. заместителем Генерального прокурора РФ Гринем В.Я.

Таким образом, в отношении Куликова, в нарушение требований уголовно — процессуального закона, мера пресечения избрана без возбуждения уголовного дела¹⁹.

Впрочем, есть и иные точки зрения. Например, некоторые специалисты в Институте повышения квалификации СК РФ (А.М. Багмет, Ю.А. Цветков), расценивая прокурора не иначе как «паразитичную

шестерню» в механизме уголовного судопроизводства, предлагают и вовсе исключить его из перечня участников уголовного процесса; по их мнению, все за него сделают следователь и руководитель следственного органа.

В стадии предварительного расследования прокурор вправе требовать приобщения к делу конкретных доказательств

Важнейшей составляющей расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, направленных против отношений собственности, во все времена является установление реальной цены присвоенного виновными. Выявить действительный размер похищенного — проблема, поскольку с ценами формальными небезуспешно конкурируют цены рыночные. Классический пример — уголовное дело в отношении Пассата, продавшего, правда, с разрешения своего Президента, принадлежащие Молдове истребители не по реальной цене, а за те деньги, которые покупатели ему дали.

Достаточно таких примеров и в России. Например, в Мурманской области судебные приставы не нашли покупателей на целый ряд объектов, в прошлом принадлежавших МО РФ.

Следователем давно пора понять, что иное, с виду весьма ценное имущество (завод, фабрика), в жизни производят одни убытки, следовательно, цена их «отрицательная». Более того, всегда следует помнить, что с момента привлечения собственников этого имущества к уголовной ответственности ценность их владений стремительно убывает, в первую очередь, «падают» акции.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать неутешительный вывод: ущерб предпринимателям инкриминируется по максимуму, даже если размер его более чем спорен. Проблема заключается, в первую очередь, в том, что действующий УПК РФ позволяет следователям игнорировать мнение других участников процесса, даже прокурора, который, в отличие от следователя, отвечает за законность и обоснованность обвинения не только в стадии предварительного расследования, но и во всех судебных инстанциях.

*** Органами предварительного расследования (ГСУ СК РФ) Березин обвиняется в совершении преступления, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ. После окончания предварительного

следствия (ст. 215 УПК РФ), на этапе выполнения требований ст. 216 УПК РФ, сторона защиты заявила ходатайство о назначении трех независимых экспертиз отчетов оценщиков. В обоснование своего ходатайства обвиняемый Березин и его защитники — адвокаты Колодца Н.Р. и Иванов А.Г. приобщили отчет об оценке 25,5% акций ОАО «Уржумский спиртоводочный завод», выполненный ООО «Лэйк».

Постановлением следователя от 7 октября 2013 г. в удовлетворении данного ходатайства отказано. Свою позицию следователь мотивировал тем, что данный документ он оценивает критически. Согласно имеющейся в распоряжении следствия оперативной информации Березин через посредников организовал изготовление документов, подтверждающих стоимость, установленную предпринимателем Поповой М.А., попавшей в подозрение по этому же уголовному делу. Цель данной оценки поставить под сомнение имеющееся в материалах уголовного дела заключение финансово-экономической судебной экспертизы.

Сторона защиты обжаловала данное постановление в порядке ст. 125 УПК РФ.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, а значит ему лично и решать, какие доказательства и в каком количестве будут подкреплять выдвигаемое им обвинение.

Право дать указание следователю на сбор конкретных доказательств принадлежит только определенным руководителям следственных органов (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Что касается наличия прав у других реальных участников процесса (прокурора, стороны защиты) относительно полномочий участвовать в сборе доказательств, то закон сконструирован таким образом, что их полномочия на этапе предварительного расследования фактически стремятся к «нулю», ограничиваются правом ходатайствовать о проведении конкретных следственных действий.

Естественно, что обвиняемому, его адвокатам искать в рамках существующего регламента оптимальной поддержки у прокурора бессмысленно.

Что вынуждены в таких условиях делать участники процесса, нуждающиеся в объективном расследовании, а именно прокурор и сторона защиты? Как ни странно, они объединяются... В основе дан-

ного объединения — нежелание органов предварительного расследования искать не объективную, а планируемую следственными подразделениями, истину. Порой доходит до абсурда: прокуроры просят представителей стороны защиты обжаловать конкретные действия следователей в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, подают заявления на поведение органов предварительного расследования в порядке гл. 25 ГПК РФ.

*** Сторона защиты обжаловала отказ следователя удовлетворить ходатайство о назначении экспертизы и приобщении ее варианта оценки к материалам уголовного дела в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. В обоснование жалобы положен тезис о том, что отказ следователя нарушает право обвиняемого на защиту, поскольку лица, определяющие ход дальнейшего движения уголовного дела (прокурор, утверждающий обвинительное заключение, судья, назначающий судебное разбирательство), лишены возможности получить информацию, наличие которой позволяет подвернуть сомнению позицию органов предварительного расследования.

В судебном заседании прокурор отдела управления по надзору за расследованием особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ сторону защиты поддержал. Мотив тот же. Отказ следователя в приобщении к материалам уголовного дела представленного стороной защиты отчета о стоимости акций, лишает прокурора на стадии утверждения обвинительного заключения, а затем и суд получить информацию о стоимости акций.

Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 28 ноября 2013 г. в удовлетворении жалобы отказано, поскольку решение следователя: во-первых, не нарушает конституционных прав обвиняемого, во-вторых, не препятствуют дальнейшему движению дела²⁰.

Формально суд прав, законных оснований вмешиваться в процесс доказывания нет, вернуться к изучению документов, представленных защитой, можно в последующих стадиях процесса, например, на этапах утверждения обвинительного заключения или уже в суде... Да и не дело суда разрешать спор между следователем и прокурором, ибо это органы исполнительной власти, споры между которыми решаются в административном порядке.

*** Неудивительно, что суд апелляционной инстанции к мнению Генеральной прокуратуры РФ, последовательно настаивавшей на необходимости отменить предыдущее судебное решение, не прислушался и 3 марта 2014 г. его «засилил»²¹.

11 апреля 2014 г. судья Московского городского суда отказал стороне защиты в передаче кассационной жалобы на рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции²².

Почему следователь отказал в удовлетворении ходатайства? Ответов на данный вопрос может быть несколько. Например, представленный стороной защиты документ не выдерживает никакой критики, о чем заявил и сам следователь.

Если данный документ на самом деле не соответствует реалиям жизни, то почему на необходимости его приобщения настаивает представитель Генеральной прокуратуры? Думается, что у него для этого есть достаточные основания. Скорее всего, появление данного документа в деле, если не в корне, то существенно меняет содержание обвинения, а органы предварительного расследования уже выполняют ст. 215 УПК РФ.

Следователь заявил о наличии у него некоей «оперативной информации», которая вселяет в него уверенность, что оценка, произведенная стороной защиты — документ «заказной». Правда, при этом ни сам следователь, ни прокурор ничего не предпринимают для того, чтобы реально «опорочить» позицию защиты.

Какой в данной ситуации рисуется сценарий развития событий. Сторону защиты рано или поздно выслушают, не исключено, что в основу прокурорского, а то и судебного решения ляжет справка, предоставленная ею еще 4 октября 2013 г., или производные от нее документы. Не исключено, что уголовное дело будет возвращено прокурором для проведения дополнительного расследования или, более того, судом для устранения препятствий к его рассмотрению.

Впрочем, всего этого можно избежать, если следователь будет внимателен к позиции, занимаемой Генеральной прокуратурой РФ, которая, в отличие от него, отвечает не только за предварительное расследование, но и за наличие у него судебной перспективы.

Основные научно-практические выводы.

1. Поскольку уголовное преследование осуществляют не лично отдельные следователи и прокуроры, а государство в целом, то позиция стороны обвинения во всех стадиях уголовного процесса должна быть единой.

2. При возникновении спора между следователем и прокурором, именно прокурору принадлежит последнее слово, ибо закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, этапах движения уголовного дела. Иными словами, прокурор в целом отвечает за дело, а не следователь, ответственность которого ограничивается обязанностью качественного расследования.

3. Перенос спора между следователем и прокурором в суд — свидетельство их профессиональной незрелости, в основе которой деформированное правосознание, излишняя амбициозность чиновников.

4. При возникновении обоснованных подозрений в том, что «кто-то из прокуроров», равно из следователей, в чем-то лично заинтересован, не лишним будет напомнить, что действующее законодательство закрепляет конкретные регламенты выхода из данных ситуаций.

5. В рамках превентивного судебного контроля суд лишь разрешает спор между сторонами: обвинением и защитой.

6. Ст. 108—109 УПК РФ следует дополнить положением, согласно которому отказ прокурора поддержать ходатайство следователя о заключении обвиняемого под стражу — основание для освобождения его из под стражи.

7. Заключая обвиняемого под стражу, вопреки мнению прокурора, суд неизбежно становится на сторону обвинения.

⁵ Представление помощника прокурора Дзержинского района г. Перми от 26 августа 2013 г. №2814/2012. Архив прокуратуры Дзержинского района за 2013 г.

⁶ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 30 августа 2013 г. №22-6946. Архив Пермского краевого суда за 2013 г.

⁷ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 26 сентября 2013 г. Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 г.

⁸ См. об этом подробнее: Колоколов Н.А. Предисловие // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избранные меры пресечения судом / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011 (2014). С. 10.

⁹ Постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 30 мая 2013 г. Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга за 2013 г.

¹⁰ Постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 30 мая 2013 г. Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга за 2013 г.

¹¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 10 июня 2013 г. №22-7395/2013, постановление судьи Свердловского областного суда об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 29 ноября 2013 г. №4у-6715-2013. Архив Свердловского областного суда за 2013 г.

¹² Постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 27 декабря 2013 г. Архив Верх-Исетского районного суда. Екатеринбург за 2013 г.

¹³ Абрамочкин В.В. Исследование материалов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 32—34.

¹⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 сентября 2009 г. №197-П09-ПР. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2009 г. См. так же: Колоколов Н.А. 1.3. Заключение под стражу // Практика применения УПК РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Ирайт, 2013. С. 127—128.

¹⁵ Постановление Московского городского суда о возвращении дела прокурору от 6 февраля 2013 г. Архив Московского городского суда за 2013 г.

¹⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 22 марта 2013 г. № 10-899/2013. Архив Московского городского суда за 2013 г.

¹⁷ Постановление об отказе в передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 18 июля 2013 г. № 4у/2-5047. Архив Московского городского суда за 2013 г.

¹⁸ Постановление об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ Грия В.Я. 23 февраля 2013 г. № 5-ДП13-21 вынесено заместителем Председателя Верховного Суда РФ Хомчиком В.В. № 5-ДП13-21.

¹⁹ Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 сентября 2013 г. Дело № 5-ДШ 3-48. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2013 г.

²⁰ Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 28 ноября 2014 г. Архив Басманного районного суда г. Москвы за 2013 г.

²¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 марта 2014 г. № 10-2572/2014. Электронный архив Московского городского суда за 2014 г.

²² Постановление судьи Московского городского суда от 11 апреля 2014 г. № 4у/2-1731. Электронный архив Московского городского суда за 2013 г.

¹ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 26 июня 2013 г. Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 г.

² Представление помощника прокурора Дзержинского района г. Перми от 1 июля 2013 г. №2814/2012. Архив прокуратуры Дзержинского района за 2013 г.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 3 июля 2013 г. №22-5245. Архив Пермского краевого суда за 2013 г.

⁴ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 22 августа 2013 г. Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 г.

СТАДИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

АНАТОЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ОЛИМПИЕВ,

*профессор кафедры ПНОН Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ,
кандидат юридических наук, доктор исторических наук*

E-mail: A.olimpiev@yandex.ru

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ГАВРЮШКИН,

доцент кафедры ПНОН Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ, кандидат юридических наук

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Обосновывается суждение о том, что понятие «стадия уголовного процесса» является одной из фундаментальных категорий уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, Российская Федерация, уголовный процесс, «стадия уголовного процесса», стадия возбуждения уголовного дела; стадия предварительного следствия и дознания (стадия предварительного расследования); стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству; стадия судебного разбирательства; стадия апелляционного производства; стадия исполнения приговора; стадия кассационного производства, стадия надзорного производства и стадия производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Annotation. In the article the proposition that the notion of «stage of the criminal process» is one of the fundamental categories of criminal procedure of science.

Keywords: criminal procedure law, the Russian Federation, criminal procedure, «the stage of the criminal process», step excitation of criminal case, the stage of the preliminary investigation and inquiry (stage of preliminary investigation), the stage of preparing a criminal case for trial, the trial stage proceedings; hundred-Diya appellate proceedings, the stage of enforcement, appeal proceedings, supervising the production stage and stage of production on new and newly discovered circumstances.

При определении понятия «стадия уголовного процесса» и установлении перечня этих стадий представителями уголовно-процессуальной науки допускаются разные подходы.

Как представляется, это связано с тем, что не в полной мере учитываются: свойство системности процессуальных действий; правила формальной логики определения всякого понятия через существенные признаки.

По мнению В.Н. Галузо и Р.Х. Якупова, стадии уголовного процесса отличаются от других его частей тем, что будучи связанными единством общих задач и принципов, они, вместе с тем, характеризуются пятью существенными признаками:

- ❖ непосредственными задачами, решаемыми в соответствующих стадиях;
 - ❖ особым кругом субъектов, участвующих на той или иной стадии;
 - ❖ специфическими процессуальными действиями, проводимыми в определенной процессуальной форме;
 - ❖ определенными временными границами и
 - ❖ своими итоговыми процессуальными решениями¹.
- Приведенный перечень существенных признаков понятия «стадия уголовного процесса» позволил поименованным авторам установить их исчерпывающий перечень. Это — шесть обычных² стадий:
- ❖ возбуждения уголовного дела;

- ❖ предварительного следствия и дознания (стадия предварительного расследования);
- ❖ подготовки уголовного дела к судебному разбирательству;
- ❖ судебного разбирательства;
- ❖ апелляционного производства;
- ❖ исполнения приговора.

Кроме того, по мнению этих же авторов, действующим законодательством Российской Федерации предусмотрены три исключительные стадии: кассационного производства; надзорного производства; производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Исключительность этих стадий объясняется тремя обстоятельствами: проверкой законности и обоснованности уже вступивших в законную силу судебных решений, возможностью их отмены и изменения, а также узким кругом должностных лиц, полномочных возбуждать производство в названных стадиях процесса.

Фактически аналогично интерпретирует свойство системности процессуальных действий и Б.Т. Безлепкин³.

П.С. Элькинд выделяла следующие четыре «условия», совокупность которых «определяет относительную самостоятельность и законченность соответствующего комплекса уголовно-процессуальных действий и правоотношений, придает ему тем самым характер стадии уголовного процесса»: конкретная задача, своеобразное выражение принципов, своеобразный круг субъектов, типичное оформление актов применения права⁴.

По мнению А.В. Граве, «возбуждение уголовного дела — начальная стадия уголовного процесса, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие поводов и оснований к началу уголовного преследования, принимается решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела»⁵.

А.А. Давлетов и Л.А. Кравчук определяют стадию возбуждения уголовного дела как «обязательный этап современного отечественного уголовного процесса»⁶.

И.С. Дикарев фактически предлагает исключить стадию возбуждения уголовного дела из системы стадий уголовного процесса («В новых условиях стадия возбуждения уголовного дела утратила былое значение, ее правозащитный потенциал ничтожен в сравнении с оперативным судебным контролем. Законодатель должен осознать, что проблемы, с которыми вынуждены сталкиваться органы пред-

варительного расследования, не имея возможности сразу после получения сообщения о преступлении приступить к производству предварительного следствия или дознания, более ничем не оправданы»⁷.

Еще более категоричен А.П. Кругликов («предварительная проверка сообщений о преступлении, как и стадия возбуждения уголовного дела в целом, не нужна: возбуждение уголовного дела должно стать началом предварительного расследования преступления, сведения о котором содержатся в поступившем сообщении»⁸).

Подводя итог своим размышлениям, Т.К. Рябинина отмечает следующее: «высоко оценивая действительную новизну в регламентировании такой специфической стадии уголовного судопроизводства, как назначение судебного заседания, принципиально ее изменившую, законодатель все же необходимо откорректировать некоторые законоположения, что позволило бы поднять статус этой стадии до уровня других судебных стадий»⁹.

Изложенное позволяет нам высказать суждение о том, что при осуществлении представителями уголовно-процессуальной науки научных изысканий необходимо сосредотачивать усилия на фундаментальных категориях уголовного процесса: цель, задачи, принципы, стадии и др. Подобный подход позволит преодолеть многие противоречия при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

¹ См. об этом: *Галузо В.Н., Якулов Р.Х.* Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., перераб. М.: ТЕИС, 2013. С. 42—43.

² П.С. Элькинд именовала их (разумеется, без стадии апелляционного производства. — Авт.) «нормальными». Неприемлемость этого очевидна, ибо по правилам дихотомического деления уж никак не может быть «ненормальных» стадий уголовного процесса (см.: *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 49, 53; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 20).

³ *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах: Учеб. пособие. М.: ТК Велби, 2002. С. 45; *он же:* Уголовный процесс России: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2006. С. 8—9.

⁴ *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 50—52.

⁵ *Граве А.В.* Возбуждение уголовного дела как начальная стадия уголовного процесса // Право и политика. 2009. № 5.

⁶ См.: *Давлетов А.А., Кравчук Л.А.* Стадия возбуждения уголовного дела — обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6.

⁷ *Дикарев И.С.* Стадия возбуждения уголовного дела — причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11.

⁸ *Кругликов А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6.

⁹ *Рябинина Т.К.* Стадия назначения судебного заседания в свете нового уголовно-процессуального закона: проблемы теории и практики, пути их решения // Российский судья. 2004. № 7.

К ВОПРОСУ О БАЗОВЫХ КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ПРОВЕРОЧНЫХ ИНСТАНЦИЙ

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА СКЛЯРЕНКО,

юрист, соискатель кафедры права МПГУ

E-mail: marina-sklyarenko@yandex.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс;

12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Дубровин С.В.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Утверждается, что базовым критерием эффективности судебной системы является исполнимость судебных решений. Выводы автора иллюстрируются примерами из практики.

Ключевые слова: судебная система, судебная инстанция, апелляция, кассация, надзор, исполнение судебных решений, эффективность суда.

Annotation. It is claimed that basic criterion of efficiency of judicial system is feasibility of judgments. Conclusions of the author are illustrated by examples from practice.

Keywords: judicial system, judicial instance, appeal, cassation, supervision, execution of judgments, efficiency of court.

В СМИ, в различных социологических исследованиях суды весьма часто упрекают в плохом качестве работы. При этом о результатах их работы судят, в основном, лишь по количеству логических ошибок¹, т.е. несоответствию выводов суда требованиям материального и процессуального законодательства, реже нравственным нормам. Анализ подобных оценок судебной деятельности показывает, что в значительной мере они носят вкусовой характер, ибо научнообоснованных, универсальных критериев результатов судебной деятельности, ее эффективности в настоящее время просто не существует.

Чтобы разобраться в вопросах эффективности судебной системы, вспомним, что и государство, и элементы его механизма (в том числе и суд) — явления сами по себе системные, следовательно, на них в полной мере распространяются правила теории социально-правовых систем. Общеизвестно и то, что «система в процессе функционирования выступает как целостное образование, в котором между ее структурой и функциями существует взаимосвязь и взаимообусловленность»². В этой связи нам следует согласиться с Ю.Г. Марковым, который

утверждает, что «функция реализуется структурой и объясняется с помощью структуры»³.

В данном случае происходит то, что А.А. Богданов называл «сложением активностей»⁴. При этом давно установлено, что активности элементов социальной системы «складываются», но не арифметически, а системно, под воздействием системообразующих факторов. Особо следует обратить внимание на то, что работа системы представляет собой постоянное воспроизводство функционального эффекта, который сводится к способности системы делать то, что принципиально не может сделать каждый ее отдельный элемент. Функциональный эффект базируется на родственности и различии свойств элементов, на многообразии взаимодействий между ними, их интегрированности.

Функциональный эффект системы исполнения судебных решений обусловлен как эффективной работой сразу всех элементов судебной системы, так и способностью одних элементов системы компенсировать сравнительно низкую эффективность других.

С одной стороны, государство как система в целом легко может осуществить то, чего не под силу добиться составляющим его элементам. С дру-

гой, — элементы целого могут быть весьма самостоятельны, а эффективность одних структур легко компенсирует неэффективность или полное отсутствие других.

В решении задач повышения эффективности судебных систем значительная роль принадлежит правовой науке, в первую очередь, ведущей ее отрасли — теории государства и права. Именно она обязана вооружить как «созидателей» судебных систем, систем исполнения судебных решений, так и их руководителей конкретными рекомендациями о рациональных путях организации судебной власти, судебного строительства, методах улучшения всех видов и форм судебной деятельности.

К определению понятия эффективность функционирования такого социально-процессуального института как правосудие, необходимо подходить с системных позиций, при которых организационная и процессуальная деятельность судебной системы, регулирующие ее нормы, рассматриваются как единое целое установление, функционирующее в интересах достижения заранее запланированной социально-политической цели. Ибо «власть только тогда может быть действенной, когда она связана со своим народом общностью происхождения и представлений о законе и беззаконии»⁵.

При разработке критериев эффективности правосудия в целом, исполнения судебных решений, в частности, важно разобраться в этимологическом и философском значении самого термина «эффективность». Это слово берет свое начало от латинского понятия *effectus* (эффект, результат), что в переводе на русский язык звучит как «действенность», «результативность». Эффективность — не сам эффект, результат действия, а свойство системы. Наличие данного качества в ее характеристиках, свидетельствует о способности системы достигать определенной цели. Применительно к суду как к способу разрешения социальных конфликтов российские ученые-юристы под «эффективной» традиционно понимают только ту деятельность системы, которая гарантирует достижение результата, заранее задуманного как цель, решение системой поставленных перед ней задач⁶. Максимальное соответствие достигнутого результата поставленной цели и есть искомое — наивысшая эффективность работы анализируемой системы.

Понятие «эффективность» применительно к судебной деятельности так трактуется далеко не всегда и не всеми. Например, А.М. Ларин под эффективностью судопроизводства понимал не только соотношение цели и результата, но «качество деятельности самой по себе, ее производительный характер»⁷.

Прежде чем говорить о конкретных критериях эффективности правосудия, следует определиться с содержанием понятия эффективности государственной деятельности в целом. Поэтому по поводу Г.В. Атаманчук пишет, что «нужны объективные критерии, на основании которых можно было бы измерять эффективность государственного управления, высказывать по этому поводу достоверные и обоснованные суждения»⁸. Критерий — это признак, на основе которого оценивается факт, определение, классификация, мерило»⁹. Критерий эффективности — признаки, грани, стороны проявления управления (управленческой системы), посредством анализа которых можно определять уровень и качество управления, его соответствие потребностям и интересам общества¹⁰. Предлагает Г.В. Атаманчук также и свою классификацию критериев эффективности. По его мнению, первостепенное значение имеют критерии общей социальной эффективности.

К сожалению, столь широко проблема эффективности правосудия российской наукой¹¹ никогда не анализировалась. Более того, в современных книгах, специально посвященных проблемам судебной власти, вопросу ее эффективности за последние три десятилетия не посвящено ни одной самостоятельной главы, ни одного самостоятельного параграфа¹².

Последнее не означает, что эффективность правосудия отечественной наукой не исследовалась вообще. Напротив, исследования судебной деятельности производились всегда, а в отдельные периоды нашей истории даже достаточно интенсивно. Проблемами эффективности права вообще и правосудия в частности в советский период занимались А.Б. Венгеров, В.П. Казимирчук, М.П. Лебедев, В.И. Никитинский, А.С. Пашков, И.С. Самошенко, Д.М. Чечот, Е.П. Шикина и др.

В конце 60-х гг. прошлого столетия проблемами эффективности правосудия, наконец-то, серьезно озаботилась Академия наук СССР. В 1967—1972 гг.

по данной тематике было проведено комплексное, полномасштабное исследование, результатом которого было появление в 1975 г. коллективной монографии в двух частях: «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок»¹³. О солидности данного исследования свидетельствует состав участников авторского коллектива монографии. В него вошли такие крупные специалисты в области права как М.И. Авдеев, В.Б. Алексеев, Г.З. Анашкин, А.Д. Бойков, Ю.А. Лукашов, К.С. Макухин, Т.Г. Моршакова. Авторский коллектив возглавил И.Л. Петрухин; В.Н. Кудрявцев выступил ответственным редактором.

Авторы монографии впервые в советской литературе основательно изучили некоторые критерии и показатели эффективности правосудия. На основе обширных социологических исследований и судебной статистики им удалось определить: 1) распространенность, 2) структуру, 3) динамику судебных ошибок, наметить пути их устранения. Было изучено влияние на эффективность правосудия: 1) социально-психологических факторов, 2) научной организации труда в судах, 3) состояния судебных кадров, а также основных тенденций уголовной политики, практики вышестоящих судов, прокуратуры и адвокатуры.

К сожалению, это не единственный недостаток. Несмотря на то, что эта солидная работа была посвящена эффективности правосудия в целом, ее авторы по идеологическим причинам были вынуждены свести исследование важнейшей проблемы, в основном, к анализу причин судебных ошибок в уголовном судопроизводстве. Авторскому коллективу, во-первых, пришлось отказаться от анализа целей судебной политики СССР — составной части советского государства в целом, ибо в те годы анализ такого уровня был в исключительной компетенции руководства КПСС. Практически не обсуждалось ими и фактическое состояние законодательства, регламентирующего судебную деятельность, работу прокуратуры, адвокатуры, преследуемые законодателем цели. В те годы а priori считалось: законодатель всегда прав. Во-вторых, авторы книги были лишены возможности исследовать эффективность гражданского судопроизводства¹⁴. В-третьих, правосудие советского периода по своей социальной значимости несравнимо с важностью комплек-

са судебно-властных правоотношений, характерных для современного развитого государства. Поскольку судебная власть в СССР 60—70 гг. прошлого века не рассматривалась, да и по идеологическим причинам не могла рассматриваться в качестве самостоятельной властной силы, то ее, естественно, не существовало и в качестве объекта научного исследования. В-четвертых, научный коллектив, сосредоточившийся на анализе эффективности правосудия, был ограничен в выборе методов исследования, поскольку ученые того времени ничего кроме диалектики и истмата не знали, по крайней мере, знать не имели права. В-пятых, для советского общества в целом, его интеллигенции в частности были значимы совершенно иные, чем ныне социальные, экономические и правовые ценности. Все это подтверждает сказанное выше: проблемы эффективности правосудия в частности и судебной власти в целом пока еще ждут своего исследователя.

В тоже время, надо отдать должное, И.Л. Петрухину, перу которого в монографии принадлежит первая глава части первой — «Наука об эффективности правосудия — теоретическая основа изучения судебных ошибок»; несмотря на вышеперечисленные препятствия, свое исследование проблемы он предвосхищает анализом общих начал результативности судебной деятельности, пишет о «значении целей правосудия для определения его эффективности», и даже посвящает данному вопросу весь первый параграф.

Трудно спорить с И.Л. Петрухиным, когда он, рассуждая о целях правосудия, предлагает не забывать об их а) гносеологической и б) управленческой природе¹⁵. Ссылаясь на В.Х. Багдасаряна, И.Л. Петрухин, размышляя о сущности цели любого вида социальной деятельности, отмечает следующее: «Цель — явление материального мира, которое: а) не существует в настоящем, но предполагается, что может существовать в будущем, следовательно, б) отражается в сознании человека, причем, естественно, отражается заранее, то есть заранее учитывается; в) рассматривается как возможный результат возможной деятельности; г) является желательным для данного человека; д) человек стремится практически достичь ее»¹⁶.

Далее И.Л. Петрухин совершенно обоснованно подчеркивает, что «цели правосудия — цели всего

советского народа»¹⁷. Еще ниже он приводит высказывание Г. Клауса, определяющего «кибернетику как науку о планомерном достижении целей с помощью настройки систем на такие цели»¹⁸. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что цель это — «опережающее отражение действительности»¹⁹, «идеальная модель будущего»²⁰. Кроме того, существует самостоятельная наука, которая позволяет настроить судебные системы на планомерное достижение некоторых определенных целей, выдвигаемых большинством населения конкретного государства. Завершает свои теоретические рассуждения И.Л. Петрухин также совершенно правильным выводом о том, что характер цели предопределяет выбор средств²¹. Впрочем, данная мысль И.Л. Петрухиным истолковывается и совершенно иначе: «средства детерминируют цель»²², т.е. отсутствие или недостаток средств существенно влияют на выбор цели. И наоборот, наличие сил и средств позволяют настраивать системы, в том числе и судебные, на достижение действительно грандиозных целей. Не будем также забывать, что в системе правосудия существует не одна цель, а их иерархия²³. Еще важнее помнить о том, что иерархия целей свойственна не только судебной деятельности, но и государственной деятельности в целом.

Определение стандартов эффективности судебной системы в целом, исполнения судебных решений, в частности, — актуальная задача для отечественной науки и практики. До сих пор в публичном дискурсе доминируют вопросы структуры и механизмов функционирования судебной власти, проблема же результатов деятельности судов остается малоисследованной. Мировой опыт показывает, что интерес к проблеме определения стандартов эффективности судебной системы давно стал предметом общественной дискуссии. При этом не существует единственного и универсального метода для определения таких стандартов.

Трудно не согласиться с Л.Н. Москвич, что стандарты эффективности судебной системы, а равно системы исполнения судебных решений, всегда должны выступать стратегическим фундаментом планирования судебной реформы. Разработка соответствующего программного документа, во-первых, будет способствовать четкому определению основного назначения и ценности суда. Во-вторых, это по-

может оценить качество работы как отдельного суда, так и эффективность судебной системы в целом. В-третьих, такие исследования будут стимулировать совершенствование организационных, процессуальных, профессиональных, административных и контролирующих составляющих судебной системы. В-четвертых, проведенные исследования — основа подготовки и обоснования бюджетных запросов судов. В-пятых, наши исследования ориентируют учебные программы для судей и работников аппарата судов, выделив приоритетные области, в которых необходимо повысить их компетентность. Наконец, в-шестых, исследования помогут создать условия для получения объективной информации об эффективности судебной власти, что поможет воплотить в жизнь конкретные меры для повышения ее авторитета, легитимности и общественного доверия.

Стандарты эффективности судебной системы должны включать в себя организационную концепцию оценки эффективности, ключевыми составляющими которой должны стать сферы, критерии, показатели и способы оценки судебной деятельности.

Традиционно выделяется пять элементов эффективности судебной системы: 1) внешняя организация (судоустройство); 2) судебная процедура; 3) кадровое обеспечение; 4) судебное управление; 5) социальная эффективность суда, под которой понимается исполнимость судебных решений.

Под конструкцией «показатели эффективности судебной системы» понимаются реальные данные, которые делают возможным измерение и определение проявлений и проблем организации и функционирования судебной системы. Они конкретизируют индикаторы, могут иметь различный характер: вопросы анкеты, статистические показатели, вид поведения, частота события, наличие или отсутствие каких-либо фактов и т.д.

Таким образом, между критерием, индикатором и показателями существует тесная взаимосвязь. Под критерием как определителем эффективности судебной системы подразумевается постоянная, устойчивая величина, которая в идеале отражает условия для эффективного ее функционирования.

Социальная эффективность суда — ключевая сфера. В качестве критериев предлагаем: авторитет суда (универсальность судебной юрисдикции; альтернативность урегулирования правовых споров);

доверие к суду (уровень общественной культуры относительно разрешения правовых конфликтов; транспарентность суда).

Проанализируем наши теоретические рассуждения на основе примеров из практики.

Исполнимость судебного постановления является одним из обязательных принципов гражданского судопроизводства, поскольку иное означало бы отсутствие эффективной судебной защиты

Б. обратилась в суд с иском к Т. и К. о вселении в жилое помещение и признании незаключенным договора дарения спорной квартиры. Ответчик Т. подал встречный иск к Б. о признании ее утратившей право пользования спорным жилым помещением. Судом постановлено решение об удовлетворении исковых требований Б. и об отказе в удовлетворении исковых требований Т. Судебная коллегия отменила решение в части, и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска Б., в остальной части решение суда оставлено без изменения. Удовлетворяя требования иска Б. о вселении в квартиру, суд первой инстанции исходил из положений жилищного законодательства (ст. 31 ЖК РФ, а также ст. 19 ФЗ «О введении в действие ЖК РФ») о сохранении за истицей права пользования жилым помещением, поскольку на момент его приватизации на имя ответчика Т. она имела равные с ним права пользования квартирой. Действительно, истица имеет право пользования спорным жилым помещением, поскольку была вселена в него в качестве члена семьи нанимателя и в соответствии со ст. 69 ЖК РФ приобрела равные права пользования им с последним. При этом, по смыслу ч. 4 приведенной статьи прекращение семейных отношений с нанимателем не влечет прекращения права пользования жилым помещением бывшего члена его семьи при отсутствии возможности проживания в нем, в силу наличия препятствий со стороны нанимателя. Вместе с тем, судебная коллегия находит неверным вывод суда об удовлетворении требований иска о вселении истицы в спорное жилое помещение, поскольку они противоречат положениям ст.ст. 13 и 210 ГПК РФ. Принимая во внимание, что Б. членом семьи Т. не является, учитывая характеристики спорного жилого помещения, состоящего из одной комнаты, а также неприязненные отношения между бывшими супругами Т. и Б., судебная коллегия приходит к вы-

воду об отсутствии оснований для удовлетворения требований иска в части вселения Б. в спорное жилое помещение, поскольку в ином случае решение суда будет не исполнимым²⁴.

Решая вопрос об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, суд должен соблюсти баланс интересов взыскателя и должника

Решением суда между К. и К. произведен раздел совместно нажитого имущества, в том числе задолженности по кредитным договорам. К. обратилась в суд с заявлением о рассрочке исполнения судебного постановления с установлением ежемесячной выплаты в пользу К. в размере 5 000 руб. сроком до 22 апреля 2022 г. Судом постановлено определение об удовлетворении заявления. Судебная коллегия определение суда изменила, уменьшив размер удержания из заработной платы должника К. до 15% ее заработной платы, начиная с 1 апреля 2013 г. Установление фиксированной суммы удержания из заработной платы на продолжительный период времени не способствует балансу интересов взыскателя и должника, не учитывает происходящие в обществе и экономике изменения, связанные с инфляционными процессами, с повышением заработной платы, с возможностью улучшения материального положения должника и т.д.²⁵.

Изменение способа исполнения решения суда допускается только при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение либо свидетельствующих о невозможности исполнить решение суда тем способом, который указан в решении суда

Правительство обратилось в суд с заявлением об изменении способа и порядка исполнения решения суда: возложении обязанности по предоставлению Ф. жилого помещения на условиях найма специализированного жилого помещения. Судом постановлено определение об удовлетворении заявления. Судебная коллегия определение суда отменила, отказав в удовлетворении заявления. Оснований считать, что невозможно исполнить решение суда о предоставлении Ф. жилищной субсидии на приобретение жилья на территории РФ, не имелось. При этом должник предпринимал действия по реализации этого исполнения путем выдачи свидетельств о праве на получение социальной выплаты на приобретение жилья. Суд, рассматривая и удовлетворяя заявление должника о предоставлении жилого по-

мещения Ф. по договору найма специализированного жилого помещения, в нарушение вышеприведенных норм права изменил существо вступившего в законную силу судебного решения, иным образом определив права и обязанности сторон. В связи с чем, суд первой инстанции, по сути, по иному решил спор с учетом правовых норм, действующих с 1 января 2013 г., что недопустимо²⁶.

Согласно решению Лабинского городского суда Краснодарского края от 7 июля 2010 г. К. был обязан выплатить долг Лабинскому ОСБ № 1851 в сумме 3.449.601 руб. Должник добровольно судебное решение исполнить отказался. 12 августа 2010 г. был выписан исполнительный лист, который направили для принудительного исполнения в Лабинский городской отдел УФССП по Краснодарскому краю. В рамках исполнительного производства К. был предупрежден о том, что в случае неисполнения судебного решения он будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ. К. данное решение проигнорировал, тайно и от органов ФССП продал принадлежащие ему автомобиль БМВ и квартиру, вырученные денежные средства на погашение долга не использовал, израсходовал по собственному усмотрению. По приговору Лабинского городского суда Краснодарского края от 1 марта 2013 г. К. был осужден, в том числе, и по ст. 177 УК РФ к штрафу. По результатам системной проверки данного судебного решения оно было признано законным, обоснованным и справедливым²⁷.

Основные научно-практические выводы

Главное предназначение правосудия — разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов. Правосудие обладает рядом существенных характеристик: оно должно быть понятно большинству населения, быть реальным, обладать всеми видовыми, родовыми признаками и чертами, свойственными любому иному виду государственной деятельности.

Естественно, что правосудие существует только в динамике, а работа судебной системы, как правило, оценивается по результатам ее деятельности — реально исполненным судебным решениям.

Литература

1. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. Издание 2-е, дополненное. М.: Омега-Л, 2004.

2. *Багдасарян В.Х.* Причина и цель. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1967.

3. *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (тектология). Ленинград; Москва, 1925.

4. *Исаев И.А.* Politica hermetica: скрытые аспекты власти. М.: Юристъ, 2003.

5. *Казгериева Э.В.* Логические ошибки в судебном правоприменении: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006.

6. *Клаус Г.* Кибернетика и философия. М., 1963.

7. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М.: Прогресс, 1972;

8. *Ларин А.М.* Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. 1973. № 3. С. 106—113.

9. *Марков М.* Технология и эффективность социального управления: Перевод с болгарского. М., 1982.

10. *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск: Наука, 1982.

11. *Мельников А.А.* Теория гражданского процессуального права как наука // Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М.: Наука, 1981.

12. *Москвич Л.Н.* Проблемы повышения эффективности судебной системы. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. Харьков, 2012.

13. *Москвич Л.Н.* Эффективність судової системи: концептуальний аналіз. Харьков: Издательство «ФІНН», 2011. 384 с.

14. *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морицакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 73.

15. *Петрухин И.Л.* Теоретические проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1997.

16. *Правосудие в современном мире / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М.: Норма, 2012. 704 с.

17. *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ. Киев: МАУП, 2003. С. 138.

18. *Чечот Д.М.* Эффективность норм гражданского процессуального права и способы ее повышения // Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М.: Наука, 1981.

19. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Ответственный редактор В.Н. Кудрявцев. М.: АН СССР, Институт государства и права, 1975. Ч. I. 300 с. Ч. II. 300 с.

¹ Логическая ошибка — непреднамеренный алогичный результат, не соответствующий цели правоприменения; в его основе лежат: добросовестное заблуждение либо неосторожность в деятельности субъектов правоприменения. Подробнее о сути данного явления см.: *Казгериева Э.В.* Логические ошибки в судебном правоприменении: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006.

² *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ. Киев: МАУП, 2003. С. 138.

³ *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск: Наука, 1982. С. 20.

⁴ См. подробнее: *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (тектология). Ленинград; Москва, 1925. С. 85—88.

⁵ См.: *Исаев И.А.* *Política hermética: скрытые аспекты власти.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. С. 459.

⁶ См., например: *Котарбинский Т.* Тратат о хорошей работе. М.: Прогресс, 1972. С. 121; *Петрухин И.Л.* Теоретические проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1997.

⁷ См. *Ларин А.М.* Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. 1973. № 3. С. 106—113.

⁸ *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. Курс лекций. Издание 2-е, дополненное. М.: Омега-Л, 2004. С. 480.

⁹ *Марков М.* Технология и эффективность социального управления: Перевод с болгарского. М., 1982. С. 112.

¹⁰ *Атаманчук Г.В.* Указ. соч. С. 480—481.

¹¹ В Украине данные вопросы прорабатывались *Л.Н. Москвич.* См. ее труды: Проблемы повышения эффективности судебной системы. Автореф. на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук, а также ее монографию «Ефективність судової системи: концептуальний аналіз» (Харьков: Издательство «ФІНН», 2011. 384 с.), др. труда данного автора.

¹² См., например: *Правосудие в современном мире / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М.: Норма, 2012. 704 с.

¹³ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Ответственный редактор В.Н. Кудрявцев. М.: АН СССР, Институт государства и права, 1975. Ч. I. 300 с. Ч. II. 300 с.

¹⁴ В юридической литературе того времени признавалось, что «одной из важнейших задач науки гражданского процесса является изучение эффективности процессуального законодательства и путей повышения ее эффективности. Бесспорна актуальность научной разработки критериев эффек-

тивности применения норм гражданского процессуального законодательства, что дает возможность определения эффективности судебной защиты прав и охраняемых законом интересов» (*Мельников А.А.* Теория гражданского процессуального права как наука // Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М.: Наука, 1981. С. 35); *Чечот Д.М.* Эффективность норм гражданского процессуального права и способы ее повышения // Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М.: Наука, 1981. С. 104—113.

¹⁵ *Петрухин И.Л.* Наука об эффективности правосудия — теоретическая основа изучения судебных ошибок // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Ответственный редактор В.Н. Кудрявцев. М.: АН СССР, Институт государства и права, 1975. Ч. I. С. 22.

¹⁶ *Багдасарян В.Х.* Причина и цель. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1967. С. 3. Цитируется по: *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 22—23.

¹⁷ *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 22—23.

¹⁸ *Клаус Г.* Кибернетика и философия. М., 1963. С. 339. Цитируется по: *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 23.

¹⁹ *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 23.

²⁰ *Петрухин И.Л.* Там же. С. 23.

²¹ *Петрухин И.Л.* Там же. С. 23.

²² *Петрухин И.Л.* Там же. С. 23.

²³ *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 73.

²⁴ Апел. дело №33-1235/2013. Обзор судебной практики по гражданским делам за 2 квартал 2013 г. Утвержден постановлением президиумом суда ЯНАО от 17 июля 2013 г.

²⁵ Апел. дело №33-919/2013. Обзор судебной практики по гражданским делам за 2 квартал 2013 г. Утвержден постановлением президиумом суда ЯНАО от 17 июля 2013 г.

²⁶ Апел. дело №33-853/2013. Обзор судебной практики по гражданским делам за 2 квартал 2013 г. Утвержден постановлением президиумом суда ЯНАО от 17 июля 2013 г.

²⁷ Приговор Лабинского городского суда Краснодарского края от 1 марта 2010 г. № 1-2/203. Архив Лабинского городского суда за 2013 г. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 25 июля 2013 г. № 22-4423/13; постановление судьи Краснодарского краевого суда об отказе в передаче кассационной жалобы на рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции от 20 декабря 2013 г. № 4у-725/13. Архив Краснодарского краевого суда за 2013 г.

Криминалистика. 2-е изд., перераб. и доп. Учебник.

Учебник рассчитан на углубленное изучение курса криминалистики в объеме, соответствующем требованиям учебных программ для вузов юридического профиля. В нем раскрываются основные вопросы общей теории криминалистики (идентификация, диагностика, прогнозирование, криминалистическое изучение личности), криминалистической техники (фото- и видеозапись, трасология, криминалистическое исследование оружия, боеприпасов, взрывных устройств, документов, веществ и др.) и криминалистической тактики (следственные ситуации, криминалистические версии, тактика следственного осмотра, допроса, обыска и выемки документов, задержания подозреваемого, назначение судебных экспертиз и т.д.).

Для студентов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов-практиков.



ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ИВАН ИВАНОВИЧ КОТЛЯРОВ,

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: ikotlyarov@mail.ru

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ПУЗЫРЕВА,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: yuliya_dugina@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Приводится краткий анализ событий, происходящих на Украине в последние месяцы; обосновывается их квалификации как вооруженный конфликт, сопровождающийся совершением военных преступлений и грубыми нарушениями прав человека со стороны вооруженных подразделений Украины.

Ключевые слова: Украина, «Правый сектор», гражданская война, вооруженный конфликт, права человека, военные преступления.

Annotation. Paper is dedicated to a brief analysis of the events taking place in Ukraine in recent months, with the objectives justify their qualification as an armed conflict, accompanied by war crimes and gross human rights violations by the military units of Ukraine.

Keywords: Ukraine, «Right sector», civil war, armed conflict, human rights, war crimes.

Практика международных отношений свидетельствует о том, что международному сообществу не всегда удается уберечь мир от вооруженных столкновений как внутренних, так и международных. Примером тому служат войны и вооруженные конфликты последнего времени в Афганистане, Ираке, Северной Африке и на Ближнем Востоке. И кто бы мог подумать, что пламя гражданской войны вскоре перебросится на братскую Украину и так близко приблизится к границам России, затронет ее жизненно важные стратегические интересы. И что же, проникновенные слова Устава ООН («*Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности...*», «*...и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в*

мире друг с другом, как добрые соседи...»¹), воскресающие память о более, чем 54 миллионах жертв Второй мировой войны, оказались позабыты политиками Украины и ее западными покровителями всего лишь потому, что президент Украины В. Янукович в ноябре 2013 г. объявил о замораживании идеи евроассоциации. Такой поворот во внешней политике Киева вызвал бурю негодования в стане оппозиции; массовое протестное движение, названное Евромайданом, распространилось по всей Украине.

В начале января 2014 г. оно вылилось в столкновения вооруженных радикалов с органами правопорядка. Результатом уличных схваток, в ходе которых оппозиция неоднократно применяла огнестрельное оружие и «коктейли Молотова», стали десятки человеческих жертв².

22 февраля 2014 г., несмотря на то, что накануне президент Украины и лидеры оппозиции под-

писали соглашение об урегулировании кризиса в Украине, Верховная рада, поддерживаемая радикальными силами, а также зарубежными наемниками, грубо нарушив нормы международного права, насильственным путем захватила власть. Законный президент Украины вынужден был покинуть свою страну.

После зверств в Одессе 2 мая 2014 г., многие люди Украины проснулись с мыслью, что это именно их война, что жертвы были не напрасны. Жители на Юго-Востоке наконец-то поняли, что война идет не между какими-то непонятными группировками, которые не могут поделить власть. Война идет с народом, который не желает принять «национал-фашистскую» идеологию.

На усмирение Юго-Востока Украины так называемые киевские власти бросили вооруженные силы, Нацгвардию, состоящую из бандитов «Право-го сектора», подразделений внутренних войск Украины, а также иностранных наемников³.

Мирные жители Донбасса и других областей были вынуждены взяться за оружие и организовать народное ополчение с целью защиты государственного суверенитета и независимости Донецкой и Луганской народных республик, провозглашенных после проведенного 11 мая 2014 г.⁴ референдума.

Как справедливо отмечал великий ученый, дипломат и юрист, автор русского проекта Конвенции о законах и обычаях войны⁵ Ф.Ф. Мартенс, — «Междоусобные войны всегда гораздо больше вызывают у воюющих чувство ненависти и возбуждают страсти, чем войны между независимыми государствами»⁶.

Надежды на обещанное П. Порошенко мирное урегулирование ситуации на Юге-Востоке, объявленное им еще до выборов, а также озвученное позже в инаугурационной речи президента Украины, не оправдались. И стоит отметить с огромным сожалением, что военные действия армейских подразделений против жителей Донбасса еще более ужесточились и проводятся с каждым днем с нарастающей интенсивностью.

Рассматривая ситуацию на Украине через призму **норм международного права**, следует подчеркнуть, что киевские власти и до, и после выборов ныне действующего президента грубо нарушали и

продолжают нарушать международные договоры, действующие как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, участником которых является Украина.

Прежде всего речь идет об уважении принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе ООН (п. 2 ст. 1)⁷, а также в ст. 1 Международных пактов о правах человека 1966 г. (в дальнейшем Пакты⁸), в которых отмечается, что «...все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». О праве народов на самоопределение говорится и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. В ней сформулирован принцип, согласно которому «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». Более того, в этой Декларации указаны пути реализации права на самоопределение: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение» (курсив наш)⁹. Аналогичные положения отражены и в других международных документах¹⁰.

В Украине грубо попираются и другие нормы о правах человека — проводится политика геноцида в отношении жителей Юго-Востока вопреки Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.¹¹. Также систематически нарушается Пакт об экономических, социальных и культурных правах, гарантирующий: право на справедливые и благоприятные условия труда (ст. 7); справедливую заработную плату (ст. 7); право на социальное обеспечение (ст. 9); право на защиту семьи, детей (ст. 10); свободу от голода (ст. 11); право на образование (ст. 13), а также Международный пакт о гражданских и политических правах,

гарантирующий: право на жизнь (ст. 6)¹²; право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9) и др. права.

Именно грубые нарушения прав человека явились причиной массовых протестов населения и дестабилизации обстановки на Юго-Востоке и в других областях Украины. Вместо проведения мирного диалога с населением о путях выхода из кризиса и разрешения ряда гуманитарных проблем жителей Донбасса, киевские власти продолжают военную карательную операцию против сторонников независимости.

Кроме того, Украина в период военных действий на Юго-Востоке грубо нарушает государственный суверенитет и территориальную целостность России, что выразилось в нападении 14 июня 2014 г. на дипломатическое представительство Российской Федерации в Киеве¹³ в нарушение Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и в попытке нападения «Правым сектором» на консульство России в Одессе; вооруженные силы Украины бесцеремонно пересекали и обстреливали российскую границу, территория России неоднократно подвергалась артиллерийским ударам¹⁴. Так, 28 июня 2014 г. украинские силовики обстреляли пункт пропуска «Гуково» в Ростовской области. Серьезные разрушения получило помещение таможенного поста. Снаряды попали также в близлежащие населенные пункты на территории России. В связи с этим МИД России заявил решительный протест украинской стороне и потребовал тщательно расследовать случившееся¹⁵.

С точки зрения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, сложившееся военное противостояние в Украине можно охарактеризовать как вооруженный конфликт немеждународного характера, в котором одной стороной являются вооруженные силы Украины, поддерживаемые неформальными вооруженными группами «Правый сектор» и частными вооруженными охранными компаниями (ЧВОК), не имеющими лицензии правительства Украины на участие в военных действиях в составе вооруженных сил, что противоречит ст. 43 Дополнительного протокола I 1977 г.¹⁶, ст. 17 Конституции Украины от 28 июня 1996 г.¹⁷, а также ст. 1

закона Украины «О борьбе с терроризмом», о чем будет сказано ниже. На стороне вооруженных сил Украины воюют также иностранные наемники¹⁸, использование которых само по себе является военным преступлением¹⁹.

Другой стороной вооруженного конфликта является вооруженное ополчение Донбасса, которое, находясь под ответственным командованием, осуществляет такой контроль над частью территории Украины, который позволяет им проводить непрерывные и согласованные военные действия и применять нормы международного гуманитарного права, что соответствует ст. 1 Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. Народное ополчение Донбасса соответствует всем признакам воюющей стороны по международному гуманитарному праву.

Однако, власти Украины, не желая вести гражданскую войну по правилам, т.е. в соответствии с международным гуманитарным правом, и признавать народное ополчение законной воюющей стороной, дискредитируют ополченцев, называя их «сепаратистами», «террористами», что противоречит, например, закону Украины от 20 марта 2003 г. №638-IV «О борьбе с терроризмом»²⁰. В соответствии с этим законом «терроризм — общественно опасная деятельность, заключающаяся в сознательном, целенаправленном применении насилия путем захвата заложников, поджогов, убийств, попыток, запугивания населения и органов власти или совершения других посягательств» и др.²¹. Понятно, что ничего подобного ополченцы Донбасса не совершают. Причем в преамбуле названного закона подчеркивается, что «Положения настоящего Закона не могут быть применены в качестве основания для преследования граждан, которые, действуя в пределах закона, выступают в защиту своих конституционных прав и свобод» (выделено нами).

Таким образом, согласно анализируемому закону Украины, деятельность народного ополчения никак не укладывается в понятие «террористическая», что выбивает почву из под ног у идеологов украинского профашистско — бандеровского режима, цель которого, вопреки принципам и нормам

международного права, любыми методами и средствами подавить борьбу жителей Донбасса — своих соотечественников за права человека, свободу и независимость.

Вооруженные формирования Украины, вопреки принципам международного гуманитарного права защиты жертв войны, защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов²², ограничения воюющих в выборе методов и средств ведения войны²³, уничтожают мирное население и гражданские объекты Донбасса, чем грубо нарушают принятые Украиной обязательства, закрепленные в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г. и Протокол II к ним 1977 г., а также Наставление для командного состава Вооруженных Сил Украины (Порадник для командного складу Збройних Сил України²⁴), что выражается в применении таких запрещенных методов, как:

- ❖ нанесение ударов по гражданскому населению, отдельным гражданским лицам (включая детей, женщин, стариков, больных, раненых²⁵ — ст. 13 Дополнительного протокола II 1977 г.), гражданским объектам (жилым домам, больницам, школам, детским садам, магазинам, энерго- и теплосетям, сооружениям для снабжения питьевой водой, индивидуальному и общественному транспорту и т.п.) Донецка, Славянска, Краматорска, Константиновки, Горловки, Луганска, Лисичанска и др. городов Юго-Востока, что причиняет огромные жертвы и разрушения, создает обстановку голода среди гражданского населения (ст. 14 Дополнительного протокола II 1977 г.²⁶, ст. XXV Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.);
- ❖ терроризирование гражданского населения, которое выражается в применении, особенно в ночное время, таких боевых средств, как: бомбардировочная авиация, танки, тяжелая артиллерия (пушки, гаубицы), система залпового огня «Град», последствиями чего являются огромные жертвы, большие пожары и разрушения объектов для выживания людей, что сеет панику, ужас и страх среди мирного населения (ст. 4 d; ст. 13 п. 2 Дополнительного протокола II 1977 г.²⁷);

- ❖ убийство бойцами «Правого сектора» в целях устрашения лиц, вышедших из строя (раненых в больнице под Луганском 23 мая 2014 г.), расстрел нацгвардией солдат — срочников, сложивших оружие и отказавшихся вести братоубийственную войну (ст. 4.2d Дополнительного протокола II 1977 г.²⁸);
- ❖ использование в вооруженном конфликте символики ООН²⁹ (ст. 38 Дополнительного протокола I 1977 г.³⁰);
- ❖ использование в военных действиях против ополченцев Донбасса иностранных наемников, бойцов частных вооруженных охранных компаний, о чем уже было сказано;
- ❖ убийство, захват в заложники, попытки российских и иностранных журналистов, несущих правду мировому сообществу о преступных действиях вооруженных структур Украины в процессе ведения военных действий³¹.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с нормами международного гуманитарного права, журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, рассматриваются как гражданские лица. И в связи с этим они пользуются защитой как таковые (ст. 79 Дополнительного протокола I³² и ст. 13 Дополнительного протокола II 1977 г.) и не должны быть объектом нападения; в отношении них запрещаются акты насилия или угрозы насилием с целью воспрепятствовать выполнению ими своего профессионального долга.

Силловые структуры Украины (формальные и неформальные), вопреки нормам международного гуманитарного права и Наставлению для командного состава вооруженных сил Украины³³, проявляют жестокость в отношении мирного населения Донбасса посредством использования таких запрещенных средств ведения войны, как: зажигательное оружие против гражданского населения или гражданских объектов³⁴ (Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 г. и Протокол III к ней³⁵); кассетные боеприпасы (Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г.); химическое ору-

жие (Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г.)³⁶. Названные запрещенные методы и средства ведения войны, применяемые вооруженными силами в Украине в соответствии с Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним 1977 г., являются серьезными нарушениями норм международного гуманитарного права и квалифицируются как военные преступления (ст. 85 п. 5 Дополнительного протокола I 1977 г.). Такие действия караются и Уголовным кодексом Украины (с изменениями от 19 июня 2014 г.), в соответствии с которым «применение средств ведения войны, запрещенных международным правом, другие нарушения законов и обычаев войны... — наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет». Те же деяния, если они «объединены с умышленным убийством, — наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы» (ст. 438)³⁷.

Массовые нарушения прав человека киевскими властями, подчиненными им вооруженными силами и незаконными вооруженными формированиями, каждодневное и систематическое совершение ими военных преступлений, спровоцировали большой поток беженцев³⁸ из украинских городов, находящихся в районе ведения военных действий. По заявлению Министра иностранных дел России, на Юго-Востоке Украины происходит реальная гуманитарная катастрофа³⁹.

В соответствии с нормами международного права лица, совершающие международные преступления, привлекаются к индивидуальной уголовной ответственности национальными или международными судебными органами (органы международной уголовной юстиции)⁴⁰. Учитывая эти факты, в Следственном комитете Российской Федерации было создано специализированное управление по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных на территории Украины. Следственный комитет намерен привлечь к уголовной ответственности всех лиц, ответственных за организацию «карательных операций», принимающих участие в них, а также «отдающих приказы и финансирующих убийства мирных граж-

дан». В связи с этим Следственный комитет России уже определил двух должностных лиц, в первую очередь «достойных» привлечения к уголовной ответственности за совершаемые преступления в ходе вооруженного конфликта на Украине — А. Авакова и И. Коломойского⁴¹.

Проведенный анализ событий на Украине через призму норм международного права позволяет сделать вывод о юридической квалификации сложившейся ситуации как «вооруженный конфликт немеждународного характера» и о констатации повсеместного нарушения украинскими органами государственной власти своих международных обязательств, действующих как в мирное, так и в военное время. В представленной статье раскрыты грубые нарушения основных принципов международного права, нарушения ключевых прав и свобод человека, а также совершаемые силовыми структурами Украины противоправные деяния вопреки требованиям международного гуманитарного права.

Как показывает международная практика, лица, совершающие международные преступления, рано или поздно будут привлечены к уголовной ответственности с учетом того, что к военным преступлениям и преступлениям против человечности не применяются сроки давности (ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г.). В этой связи позиция России по сбору своевременной и доказательственной базы в отношении отдельных фигурантов Украины вполне обоснованна. Все остальное — это вопрос времени.

¹ См.: Устав Организации Объединенных Наций (преамбула) и Статут Международного Суда. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2006. С. 3.

² <http://ria.ru/world/20140509/1007155016.html> (дата обращения 19 июня 2014 г.).

³ Заявление МИД России относительно силовой операции на Юго-Востоке Украины http://mid.ru/brp_4.nsf/newslines/3E75E3F7753EE78A44257CCC003985B3 (дата обращения 25 июля 2014 г.).

⁴ Результаты референдума показывают, что практически 90% жителей Донецка и Луганска проголосовали за автономную Донецкую Народную Республику и отсоединение от Украины. МИД РФ: референдумы в Донецке и Луганске показывают настрой граждан // Офи-

циальный сайт «РИА новости». URL: <http://ria.ru/world/20140512/1007519878.html> (дата обращения 12 июня 2014 г.).

⁵ Обсуждавшегося на: Брюссельской конференции европейских держав (1874 г.), Первой (1899 г.) и Второй (1907 г.) Конференциях мира. Последняя закончилась принятием 14 конвенций, кодифицирующих законы и обычаи войны, 12 из которых действуют и в наше время.

⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 189—190.

⁷ В этом пункте определена одна из целей ООН — «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов». См.: Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2006. С. 5.

⁸ Имеются в виду Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. См.: Действующее международное право в трех томах. Т. 2. Составители *Колосов Ю. М., Кривчикова Э.С.* М.: МНИМП, 1997. С. 11—39.

⁹ См.: Действующее международное право в 3 т. Т. 1. Составители *Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С.* С. 71.

¹⁰ Так, в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1960 г., провозглашается, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» (п. 2). См.: Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 14 июня 2014 г.).

¹¹ См.: Действующее международное право в 3 т. Т. 2. Составители *Колосов Ю. М., Кривчикова Э.С.* С. 68—71.

¹² В результате нарушения данного права под огнем тяжелой артиллерии и военной авиации ежедневно погибают десятки жителей Донбасса: дети (при этом в Конвенции о правах ребенка 1989 г. закреплена норма, согласно которой «каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь» и государства — участники «обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка» ст. 6), женщины, старики. Яркий тому пример — уже упоминавшееся массовое уничтожение людей в Одессе.

¹³ Данный инцидент Российской Федерацией расценивается как «грубейшее нарушение международных обязательств Украины». См. подробнее: Заявление МИД России по ситуации вокруг Посольства России в Киеве // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/BE0640EF4CC54AF844257CF700673414 (дата обращения: 17 июня 2014 г.).

¹⁴ На 25 июля 2014 г. по территории Ростовской области было выпущено около 40 артиллерийских боеприпасов, есть погибшие и раненые. <http://izvestia.ru/news/574396> (дата обращения 25 июля 2014 г.).

¹⁵ В нем говорится, что российская сторона заявляет решительный протест в связи с подобными провокациями украинской стороны, которые грубо нарушают основополагающие принципы международного права. Следственный комитет России по данному факту возбудил уголовное дело по статье «Покушение на убийство двух или более лиц, совершенное группой лиц общеопасным способом». См. подробнее: Москва потребовала от Киева наказать виновных в обстреле российского пограничного пункта // Интерфакс.

URL: <http://www.interfax.ru/russia/383147> (дата обращения: 28 июня 2014 г.).

¹⁶ В этой статье определено, что лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях (курсив наш). В кн.: Действующее международное право в 3 т. Т. 2. Составители *Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С.* С. 756.

¹⁷ В ней говорится, что «на территории Украины запрещается создание и функционирование каких-либо вооруженных формирований, не предусмотренных законом». Конституция Украины от 28 июня 1996 г. №254к/96-ВР (в редакции Законов Украины от 8 декабря 2004 г. №2222-IV, 1 февраля 2011 г. №2952-VI, 19 сентября 2013 г. №586-VII, 21 февраля 2014 г. №742-VII) // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8689 (дата обращения: 28 июня 2014 г.).

¹⁸ Определение «наемник» закреплено в таких международных соглашениях, как Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны (ст. 47), а также Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. (ст. 1).

¹⁹ Так, в ст. 2 Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. отмечается, что «Любое лицо, которое вербует, использует, финансирует или обучает наемников... совершает преступление...», а в п. 1 ст. 3 дается квалификация действий самого наемника: «Наемник..., который непосредственно участвует в военных или совместных насильственных действиях, в зависимости от обстоятельств, совершает преступление...». См.: Действующее международное право в 3 т. Т. 2. Составители *Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С.* С. 179.

²⁰ Закон Украины «О борьбе с терроризмом» от 20 марта 2003 г. (в редакции Законов Украины от 31 мая 2005 г. № 2600-IV, от 15 декабря 2005 г. №3200-IV, 14 апреля 2009 г. № 1254-VI, от 16 февраля 2010 г. №1900-VI, 18 мая 2010 г. № 2258-VI, 7 октября 2010 г. №2592-VI, 21 апреля 2011 г. № 3266-VI, 16 октября 2012 г. №5461-VI, 20 ноября 2012 г. № 5502-VI, 4 июля 2013 г. №406-VII, 13 марта 2014 г. №877-VII) // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16885 (дата обращения: 20 июня 2014 г.).

²¹ И далее: «террористическая деятельность — деятельность, которая охватывает: «планирование, организацию, подготовку и реализацию террористических актов; подстрекательство к совершению террористических актов, насилью над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; организацию незаконных вооруженных формирований, преступных группировок (преступных организаций), организованных преступных групп для совершения террористических актов, равно как и участие в таких актах» (Ст. 1 Определение основных терминов). См.: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16885 (дата обращения: 20 июня 2014 г.).

²² *Пузырева Ю.В.* Историко-правовые аспекты становления и развития принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 2012. № 1. С. 89—110.

²³ Нормативное отражение названного принципа впервые было выражено в формуле: «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю» (ст. XXII Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.). Дальнейшее развитие он нашел в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны: «право

сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным» (ст. 35).

²⁴ См.: Право войны. Порямок для командного складу Збройних Сил України. Міністерство оборони України. Тасіс:1998. С. 17—23, 45—46, 58—59, 61—62.

²⁵ Комментарий МИД России о жертвах среди мирного населения Востока Украины // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/4DEC8A2F4A83316744257D0803B6A (дата обращения: 23 июня 2014 г.).

²⁶ Эта статья запрещает использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий, подвергать нападению, уничтожать, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие, как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посеы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения.

²⁷ В соответствии с нормами международного гуманитарного права «гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насиліем, имеющие основной целью терроризировать гражданское население».

²⁸ Международным гуманитарным правом запрещаются «акты терроризма» и угрозы их совершения.

²⁹ По словам Чуркина, — Постоянного представителя РФ при ООН и в Совете Безопасности ООН, имеются многочисленные свидетельства СМИ и видеоматериалы об использовании ВВС Украины вертолетов с ооновской символикой. Последний такого рода случай, сообщил он, был зафиксирован 26 мая в небе над Луганской областью. См. подробнее: Чуркин призвал ООН отреагировать на боевые вертолеты Украины с символикой организации // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140529005800.shtml> (дата обращения: 29 июня 2014 г.).

³⁰ Запрещение использования без разрешения эмблемы и формы ООН закреплено в военных уставах и наставлениях, которые применимы или применялись во время немеждународных вооруженных конфликтов». По законодательству многих государств (Австралии, Германии, Италии, Колумбии, Югославии) нарушение этой нормы является преступлением во время любого вооруженного конфликта. См.: *Хенкертс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л.* Обычное международное гуманитарное право. С. 272.

³¹ Украинские силовики снова взяли в заложники журналистов. Это подтвердили в российском МИДе. Минувшей ночью пропала связь сразу с двумя съемочными группами — телеканала Russia Today и новостного агентства Анна-news. Причем, один из задержанных журналистов — гражданин Великобритании, стрингер Russia Today Грэм Филлипс. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1828534&cid=9> (дата обращения 23 июля 2014 г.).

³² В 1996 г. Комитет министров Совета Европы подтвердил значимость ст. 79 Дополнительного протокола I, «который оговаривает, что журналисты должны считаться гражданскими лицами и пользоваться защитой в качестве таковых». Комитет министров указал, что «это обязательство применяется и в отношении немеждународных вооруженных конфликтов». См.: *Хенкертс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л.* Обычное международное гуманитарное право. С. 150.

³³ См.: Право войны. Порямок для командного складу Збройних Сил України. Міністерство оборони України. Докаток перший. С. 58, 112—113.

³⁴ См. подробнее: Ополчение: силовики обстреляли Славянск зажигательными бомбами. МИД РФ обвинил Киев в применении запрещенного оружия // NEWSru.com. URL: <http://ria.ru/world/20140519/1008457553.html> (дата обращения: 22 июня 2014 г.).

³⁵ Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. Этот вывод также подтверждается отсутствием разногласий при обсуждении распространения сферы действия Протокола III на немеждународные вооруженные конфликты в 2001 г., который с тех пор уже вступил в силу. См.: *Хенкертс Ж.-М. и Досвальд-Бек Л.* Обычное международное гуманитарное право. Нормы. С. 369.

³⁶ 30 июня 2014 г. поступила информация о том, что украинские силовики вновь применяют химическое оружие в окрестностях Славянска, сообщает корреспондент The Moscow Post со ссылкой на местные СМИ. Российский МИД уже выступил с резкой критикой действий украинских военных. Украинские силовики вновь использовали химическое оружие? // Общероссийский общественно-политическая электронная газета «The Moscow Post». URL: http://www.moscow-post.com/in_world/ukrainskie_siloviki_vnov_ispolzovanie_oruzhie (дата обращения: 30 июня 2014 г.).

³⁷ <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-20/> (Дата обращения 26 июля 2014 г.).

³⁸ Комиссия ООН побывала в лагерях украинских беженцев на территории России, и после этого представила доклад, в котором говорится, что за время конфликта в Россию бежали более 110 тыс. украинских граждан, еще 45 жителей востока Украины, по данным управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, перебрались в другие регионы своей страны. УВКБ сообщает о росте числа перемещенных лиц в Украине // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21879#U7SCWUBmOol> (дата обращения: 29 июня 2014 г.).

³⁹ «Гуманитарная катастрофа налицо. Кто оказывается в России, рассказывает, как страдают женщины, старики, дети. Просили Киев доставить гуманитарную помощь — отвести, все ваше продовольствие и медикаменты отправьте в Крым. Думаю, не нужно объяснять, как это цинично. Будем формулировать конкретные предложения сформировать гуманитарную миссию для юго-востока Украины. Больше закрывать глаза на гуманитарный характер потребностей было бы преступно», — считает глава российского МИДа. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1855805> (дата обращения 31 июля 2014 г.).

⁴⁰ См.: *Грицаев С.А.* Правосудие по Римскому статуту Международного уголовного суда. Учредительные и юрисдикционные основы. Монография. Белгород, 2005. 188 с.

⁴¹ В рамках уголовного дела о применении запрещенных средств и методов ведения войны, убийстве при отягчающих обстоятельствах, воспрепятствовании профессиональной деятельности журналистов и похищении людей следователями Следственного комитета вынесено постановление о розыске А. Авакова и И. Коломойского. Это постановление направлено в Главное управление уголовного розыска МВД России. Эти лица объявлены в международный розыск, который проводится на территории всех государств — членов Интерпола. См.: А. Аваков и И. Коломойский объявлены в международный розыск // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru/actual/405514/> (дата обращения: 29 июня 2014 г.).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЙОННЫХ СУДОВ

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА ДРЕВАЛЬ,

доктор юридических наук,

профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел

Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru

Научная специальность 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность,

правозащитная и правоохранительная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выявлены некоторые проблемы, связанные с деятельностью районных судов: перегруженность судов делами, отсутствие нормативного закрепления норм загруженности судей и требований к квалификации руководителя суда, необходимость расширения полномочий председателя суда. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: судебная система, правосудие, судебное разбирательство, законодательство, компетенция, уголовные дела, гражданские дела.

Annotation. Some problems connected with activity of district courts are revealed. In particular, congestion of vessels affairs, lack of standard fixing of standards of the workload of judges and requirements to qualification of the head of court, need of expansion of powers of the presiding judge. Solutions of the revealed problems are offered.

Keywords: judicial system, justice, judicial proceedings, legislation, competence, criminal cases, civil cases.

В декабре прошлого года российская общественность пыталась осмыслить реализацию положений Конституции Российской Федерации, подвести некоторые итоги в связи с ее действием в течение 20 лет.

Обсуждались многие вопросы. Это касалось развития государственности, демократии, эффективности социальных программ, взаимодействия всех ветвей власти, в том числе совершенствования судебной системы, которая в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 118) является конституционным понятием, поскольку представляет собой совокупность всех судов, имеющих общие задачи и связанных отношениями по осуществлению правосудия.

Начавшаяся в 90-е гг. прошлого столетия судебная реформа наметила основные направления развития всех видов судопроизводства,

а также судоустройства и нашла дальнейшее отражение в Концепции долгосрочного социально-экономического развития нашего государства на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 1662-р от 17 ноября 1998 г. [1].

Примечательно, что судебная реформа имеет цель — обеспечить справедливость принимаемых судом решений, создать условия, при которых и гражданам и юридическим лицам было бы выгодно оставаться в российской юрисдикции и использовать для разрешения споров национальную судебную систему.

Основным звеном российской судебной системы являются районные суды, с деятельностью которых связано множество проблем, влияющих на эффективность их работы, качество принимаемых решений, увеличение сроков рассмотрения дел и др.

В числе основных можно назвать не всегда эффективное правовое регулирование деятельности судов, недостаточное материальное обеспечение (малое количество залов заседаний, в большинстве случаев примитивная техническая оснащённость); низкую защищённость судей; увеличение числа уголовных дел; несогласованность отраслевых норм и частое их изменение; затрудненное получение информации (особенно в отдаленных районных судах) и др., и, как следствие, недоверие населения к судебной системе, его нежелание решать дела в судебном порядке.

Среди федеральных судов [2] районные суды уже многие десятилетия считаются основным и, одновременно, начальным звеном судебной системы. Под звеном судебной системы, как правило, понимается совокупность судов, обладающих равной компетенцией. Оно позволяет определить место суда в судебной иерархии.

Такое положение районных судов обусловлено их предназначением, а также объемом работы, которую они выполняют.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что районные суды обладают очень широкой компетенцией: рассматривают большое количество уголовных и гражданских дел, а также жалобы, связанные с принятыми решениями по делам об административных правонарушениях, проверяют законность и обоснованность наложения взысканий, как мировыми судьями, так и органами государственной и муниципальной власти и их должностными лицами, а также вопросы, касающиеся исполнения приговоров, и др. К тому же, довольно часто в судах этого уровня рассматриваются дела так называемого особого производства, т.е. об установлении фактов, имеющих юридическое значение (например, о признании гражданина безвестно отсутствующим, о правильности записей в книгах актов гражданского состояния, по жалобам на действия нотариусов и т.п.).

В соответствии с действующим законодательством районный суд рассматривает дела в качестве суда первой и второй инстанции и осуществляет другие полномочия.

Уголовные и гражданские дела по первой инстанции могут рассматриваться как судьями единолично, так и коллегиально — тремя судьями-профессионалами.

Районный суд является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к мировым судьям, действующим на территории соответствующего судебного района. «Инстанция, — как справедливо отмечают А.П. Гуськова и А.А. Шамардин, — определяет процессуальную компетенцию судов [3]». Наделение районного суда контрольными полномочиями позволяет повысить оперативность судопроизводства, упростить порядок обращения граждан в суд с жалобой на незаконное (согласно их точке зрения) решение мирового судьи.

Как показывает практика, на мировых судей ложится большая, чем в районных судах, нагрузка. Если уголовных дел мировые судьи рассматривают меньшее количество, по сравнению с районными судами, то разбирательства по гражданским делам превышают в 2,5—3 раза, а по административным дел — в 20 и более раз [4]. Эта проблема с некоторых пор обсуждается судебским сообществом (например, на VIII Всероссийском съезде судей в декабре 2012 г.), все чаще стали высказываться предложения по передаче части дел районным судам. Но этот вопрос остается пока нерешенным. А, может, учитывая недолгую историю существования института мировых судей, и преждевременным.

Конституционные и правовые основы деятельности районных судов, принципы, порядок создания и упразднения, их организационное обеспечение определены Конституцией Российской Федерации, Федеральными конституционными законами: «О судебной системе Российской Федерации» и «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и др.

Последний нормативный правовой акт закрепил статус судей в нашем государстве, который имеет определяющее значение для становления независимой и авторитетной власти. Его принятие положило начало практической реализации судебной реформы.

Рассматриваемые суды создаются в районах, городах, не имеющих районного деления, районах (округах) городов. Возможно создание одного районного суда на район и расположенный на его территории город.

До принятия федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», районный суд назывался народным. Этим подчеркивалась его близость к населению и то обстоятельство, что судьи районного суда избирались жителями района. С изменением порядка наделения судей полномочиями отпало основание для такого названия, но «его социальная сущность не изменилась», так как по своему местоположению районные суды наиболее близки к населению, что «реально позволяет гражданам обратиться именно в этот суд за защитой своих прав» [5].

По мнению многих исследователей, под районным судом обычно подразумевается государственное учреждение [6], которое обладает совокупностью определенных прав и обязанностей.

Районный суд представляют федеральные судьи. От их ума, компетентности, профессионализма, знания нормативных правовых актов и умения применять их зависит законность, справедливость и безошибочность принимаемых решений, так как в соответствии с законодательством судьи являются не только лицами, наделенными полномочиями осуществлять правосудие, но они — это еще и представители судебной власти. Поэтому прав С. Гришин, который считает, что все носители судебной власти призываются действовать в относящемся к их юрисдикции правовом пространстве в качестве потенциальных защитников Конституции РФ, хранителей законности и гражданского мира [7].

В зависимости от опыта конкретных судей, количества поступивших дел в суд, их рассмотрение происходит с учетом таких принципов распределения, как территориальный, функциональный, территориально-функциональный и персональный.

Суть первого принципа заключается в том, что судья рассматривает все дела, возникшие на определенной территории; второго — судья специали-

зируется на какой-то определенной категории дел (например, на уголовных). Если в основу положен третий принцип, то это значит, что судья, например, рассматривает только гражданские дела, которые возникли на определенной территории. При персональном принципе действует следующее правило: каждый судья рассматривает гражданские дела по заявлениям и жалобам граждан, поступившим во время личного приема, а уголовные и административные дела — по поручению председателя суда.

Количество судей определяется нагрузкой по разрешению дел. Но, к сожалению, оптимальные нормы загруженности судей не выработаны, что влияет на качество и сроки рассмотрения дел. На сегодняшний день установлены только временные ограничения на рассмотрение отдельных категорий дел Постановлением Министерства труда Российской Федерации от 27 июня 1996 г. № 41Б/Об-74-125 [8]. В связи с чем назрела необходимость принятия нормативного правового акта федерального уровня, который бы позволил решить данный вопрос.

Обозначенные выше проблемы не раз освещались в средствах массовой информации. Направления реформирования судостроительства уточнялись, корректировались в ходе дискуссий между представителями политических течений, социальных групп. На это обращал внимание и Президент РФ. Они часто обсуждались российскими гражданами.

Необходимо отметить, что споры не стихают и сейчас. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание и на другого рода проблемы, поскольку значительная часть работы, выполняемая в районных судах, приходится на долю его аппарата, который организационно обеспечивает осуществление правосудия, обобщение судебной практики, анализ судебной статистики, систематизацию законодательства и т.п. [9].

Общее руководство деятельностью конкретного суда осуществляет его председатель. Он обладает особым статусом. Именно на председателя возлагается ответственность за правильную организацию работы районного суда в целом и за выполнение каждым работником своих обязанностей.

В целях успешной деятельности суда председатель обязан решать многие задачи, выполнять множество функций и полномочий, в том числе установленных Уголовно-процессуальным и Гражданско-процессуальным кодексами Российской Федерации. Он председательствует в судебных заседаниях, ведет личный прием, руководит изучением и обобщением практики, внедряет в практику передовой опыт, организует работу по повышению квалификации работников суда, обеспечивает равномерную нагрузку на судей, осуществляет общий контроль и многое другое. Как, видим, обязанностей у председателя районного суда немало. К тому же, время диктует: необходимо взаимодействовать с представителями средств массовой информации; заниматься психологическим обеспечением судебной деятельности. С такими обязанностями может справиться только опытный высокопрофессиональный человек, имеющий определенный стаж работы в качестве судьи и обладающий навыками руководителя. Отсюда следует, что к кандидату по этой должности должны предъявляться определенные требования, которые необходимо закрепить в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в виде отдельной статьи.

Однако, пробел в законодательстве относительно статуса председателя районного суда заключается не только в этом. Так, для подъема престижа судебных органов и в целях обеспечения доступности правосудия для населения, необходимо введение для председателя дополнительной функции — внедрение при районных судах института «общественной приемной», посредством которого должна оказываться юридическая помощь гражданам.

Актуальным на сегодняшний день будет являться и возложение на председателя функции руководства по информатизации суда, поскольку положения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предписывают создание необходимых условий для удовлетворения потребностей судов в информации и оснащении их новыми технологиями сбора, обработки и передачи данных в электронной форме, которые будут способствовать 1) реализации конституционных принципов самостоятельности судебной власти и независи-

мости судей, повышению эффективности их деятельности, 2) осуществлению прав граждан и юридических лиц на судебную информацию [10].

Подводя итог изложенному, автор надеется на то, что сформулированные им в статье предложения по совершенствованию действующего законодательства (при своевременном внесении их в нормативные правовые акты), смогут повлиять на эффективность деятельности районных судов и повысить их престиж.

Литература

1. См.: Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; 2009. № 33. Ст. 4127.
2. Подробнее см.: п. 3 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
3. Гуськова А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы (судоустройство): Учебник. М.: ИГ «Юрист», 2005. С. 98.
4. См., например: статистические данные Управления Судебного департамента Сахалинской области // URL: <http://usd.sah.sudrf.ru/>.
5. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 334.
6. Петрухин И.Л. Судебная власть. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 240.
7. Гришин С. Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи // Российская юстиция. 2003. № 12. С. 23.
8. См.: Постановление Министерства труда Российской Федерации от 27 июня 1996 г. № 41Б/06-74-125 «Об утверждении норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов» // Бюллетень Министерства труда РФ. 1996. № 8.
9. Функции аппарата районного суда закреплены ст. 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».
10. См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448; 2010. № 31. Ст. 4196; 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4600; 2012. № 31. Ст. 4328; 2013. № 14. Ст. 1658; № 27. Ст. 3479.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОГДАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры ОРД Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,

начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: oper-ord@majj.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы деятельности оперативных подразделений по выявлению и предупреждению мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, финансовые «пирамиды».

Annotation. The row of questions of activity of operative subdivisions is examined on an exposure and warning of swindle is researched in the article.

Keywords: swindle, deception, breach of trust, financial «pyramids».

Термин «мошенничество» в русском языке имеет вполне определенное значение — обман, неблагоприятные, жульнические действия с корыстными целями, «всякое ложное, облыжное действие на дело, ложь, выдаваемые за истину»¹.

Мошеннические проявления в структуре преступности по-прежнему остаются относительно распространенным явлением. В 2012 г. всего зарегистрировано по ч. 2—4 ст. 159 УК РФ 161 969 фактов мошенничества²; в 2013 г. всего зарегистрировано по ст. 159—159.6. УК РФ 164 629 фактов мошенничества³; январь—март 2014 г. всего зарегистрировано по ст. 159 УК РФ 45 019 фактов мошенничества⁴. Сравнительно высокая латентность мошенничества, совершаемого с целью завладения личным имуществом, обусловлена поведением самих потерпевших. Некоторые считают, что заявление в полицию доставит им только хлопоты, потерянное время и не будет способствовать розыску и изобличению преступников.

Не секрет, что большинство сфер нелегального криминального бизнеса процветает благодаря наличию «покровителей» среди сотрудников полиции, в том числе и мошенничество.

Современный уровень экономического мошенничества по масштабам распространения и объемам наносимого ущерба, уровню организованности и степени конспиративности, объемам посягательства и способам защиты от преследования — качественно отличается от ранее известных правоохранительным органам традиционных способов завладения имуществом в среде физических лиц. Оно является, по сути, новой формой преступного бизнеса.

Мошенничество совершается всегда открыто для потерпевшего, но связано с введением его в заблуждение относительно тех или иных фактических обстоятельств.

На протяжении последнего времени стремительно набирают силу и совершенствуются различные виды мошенничества. Сегодня мошенниками для реализации своего преступного умысла, достижения корыстных целей используются новые методы обмана и современные технологии (сотовая связь, электронные кошельки, банковские карты, посредством которых осуществляются безналичные денежные переводы).

Социально малозащищенные слои населения — пенсионеры, инвалиды являются наиболее подвер-

женной криминальному воздействию частью общества. Об этом свидетельствуют многочисленные факты мошенничества, совершаемые в отношении указанной категории граждан путем использования средств сотовой связи, «снятия порчи», реализации биологически активных добавок под видом лекарственных средств и т.д.

Не последнее место в этой нише занимает мошенничество при реализации гражданам медицинских приборов и техники.

Мошенничество, т.е., хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием⁵, является общественно-опасным деянием, которое не только причиняет имущественный ущерб гражданам, но и разрушает нравственные устои общества, подрывает доверие человека к человеку. Мошенничество может быть совершено только в отношении дееспособного лица, которое по своей воле передает имущество либо право на него виновному.

Обман недееспособного (малолетнего, душевнобольного) и получение от него имущества квалифицируется как кража⁶.

Обман как способ хищения имущества может иметь две разновидности.

Активный обман состоит в том, что собственник имущества вводится в заблуждение преднамеренно, посредством сообщения заведомо ложных сведений либо совершения действий, направленных на введение владельца имущества или другого лица в заблуждение и склонение к передаче другим лицам имущества либо права на этом имущество.

Пассивный обман заключается в умолчании о юридически значимых фактических обстоятельствах, сообщить которые виновный был обязан, в результате чего лицо, передающее имущество, заблуждается относительно наличия законных оснований для передачи виновному имущества или права на него.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам.

Все сферы экономики России активно развиваются и совершенствуются, что зачастую сопровождается и параллельными ростом криминальных проявлений. Мошенничество является одним из видов преступлений против собственности, имеет в настоящее время достаточно широкий размах и в связи с усложнением механизмов функционирования экономической сферы приобретает новые формы. Мошенники разрабатывают новые виды и совершенствуют существующие способы преступных посягательств на денежные средства, имущество, приспосабливаются ко всем видам экономической деятельности, маскируются под заключение и осуществление законных гражданско-правовых сделок, оперативно реагируют на конъюнктуру рынка, используют технические новации в сфере экономики. Мошенничество в большинстве своем отличается тщательной подготовкой и высокой степенью квалификации их исполнителей, а причиненный ущерб зачастую исчисляется миллиардами. Мошенничество в сфере финансовой и банковской деятельности представляет серьезную угрозу экономическим интересам всего общества. Анализ обстановки, складывающийся в сфере кредитно-финансовых отношений, свидетельствует о неослабевающем внимании криминалитета к институтам финансового посредничества.

Разнообразны приемы и способы сокрытия мошенничества под видом «неудачной» коммерческой деятельности (невыгодная сделка, хитроумные реорганизации, переименованием фирм и т.п.).

Мошенники разрабатывают новые виды и совершенствуют способы преступных посягательств на денежные средства и иное имущество юридических и физических лиц. Они изощренно маскируют эти посягательства под легальные сделки и операции, активно используют в противоправных целях весь спектр технологий и инструментов, умело применяют в целях подготовки совершения преступлений современные компьютерные технологии, средства связи, множительную технику, технические средства незаконного получения информации и т.п.

К числу основных причин мошенничества относятся низкий уровень правовых знаний населения, несовершенство нормативных правовых актов в той или иной сфере экономики, коррумпированность государственных служащих и других лиц.

Таким образом, в настоящее время такие преступления обладают определенной общественной опасностью. Это позволяет сделать вывод о том, что каждый из рассмотренных способов мошенничества заслуживает внимательного изучения с тем, чтобы определить оптимальные пути борьбы с преступлениями данного вида.

Выявление фактов мошенничества состоит из нескольких этапов: получение первичных сведений, их проверка и анализ, а также принятие решения по результатам проверки.

Знание оперативными сотрудниками и следователями элементов (признаков) оперативно-розыскной характеристики мошенничества, безусловно, будет способствовать повышению их профессиональной квалификации и эффективности борьбы с рассматриваемым видом хищений.

Для раскрытия данных преступлений необходима активная профилактическая работа сотрудников правоохранительных органов, которым необходимо регулярно выступать в средствах массовой информации, готовить публикации и статьи, размещать видеоматериалы, организовывать встречи с гражданами, в ходе которых пожилым людям рассказывать о механизме совершения данного вида преступлений (главным образом, это телефонные звонки с просьбой помочь попавшему в беду родственнику и перевести деньги через банкомат), напомнить правила поведения в таких ситуациях.

Изучение практики свидетельствует о том, что наиболее эффективными формами привлечения населения к процессу раскрытия данного вида преступления являются:

- ❖ информирование отдельных граждан о совершенных мошенничествах путем индивидуальных бесед с ними;
- ❖ ориентирование на выявление мошенничеств лиц, способных оказать такую помощь (работников ДЭЗ, врачей и т.д.);
- ❖ информирование населения об обстоятельствах совершения преступления с помощью специальных плакатов и объявлений, а также через СМИ, кабельное телевидение;
- ❖ выступления сотрудников ОВД перед гражданами;
- ❖ предоставление необходимой информации редакциям газет, радио, телевидения;

- ❖ выступления оперативных сотрудников ОВД и следователей в печати, а также по радио и телевидению.

Совершаемые преступления зачастую носят многоэпизодный и межрегиональный характер, совершаются организованными группами, с распределением ролей, с использованием коррумпированных связей. Активно и весьма умело используются при совершении преступлений банковские документы, кредитные карты, средства связи и оргтехника (компьютеры, принтеры, множительные аппараты и т.п.). Разнообразны приемы и способы сокрытия следов преступлений под видом «неудачной коммерческой деятельности» (невыгодная сделка, хитроумные реорганизации, переименования фирм).

Подобные хищения в большинстве своем отличаются тщательной подготовкой и высокой степенью криминальной квалификации их исполнителей.

Способы мошенничества отличаются крайним разнообразием — от развлекательных манипуляций «наперсточников» до создателей «пирамид».

Арсенал мошеннических приемов — разнообразен. Профессиональная ориентация мошенников устойчива.

Финансовые «пирамиды» — мошенничества, основанные на привлечении денежных средств большого числа участников, с обещаниями выплат за приобретенные акции, привлеченных участников за вложенные ими средств.

Любая схема мошенничества, совершаемого способом финансовой пирамиды, в своем развитии проходит определенные стадии:

- ❖ первая стадия («создание») характеризуется активной рекламой и привлечением новых участников. Она занимает, как правило, от трех месяцев до года;
- ❖ вторая стадия («расцвет») характеризуется интенсивным (ажитажным) притоком инвесторов. На этой стадии выплачиваются «дивиденды» за счет поступления средств от новых участников. Временной промежуток — от шести месяцев до года;
- ❖ третья стадия («стагнация») — замедление темпов привлечения инвесторов и стабилизация их количества. Объем привлеченных средств уже недостаточен для своевременных выплат по вкладам. Инвесторов убеждают в необходимости

сти ожидания дивидендов, объясняя задержки с их выплатой влиянием объективных обстоятельств (от трех до шести месяцев);

на четвертой стадии («ликвидация») увеличивается количество недовольных участников, которые обращаются в правоохранительные органы с заявлением в течение одного до шести месяцев. Организаторы финансовой пирамиды в основном исчезают на этой стадии и принимают меры по сокрытию имущества, добытого преступным путем, с дальнейшим выездом за границу.

Розыск этих лиц затрудняется тем, что финансовые компании регистрируются по потерянными или украденным документам.

Мошенники умело используют всю доступную информацию и технологии, хорошо разбираются в психологии людей, вынуждая потерпевшего раскрыть всю информацию о себе либо совершать те или иные действия.

Основной причиной низкой раскрываемости преступлений остается недостаточный уровень взаимодействия следователей с оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями при раскрытии и расследовании преступлений, неудовлетворительная организация работы на месте преступления. Немаловажная проблема раскрытия и расследования мошенничества заключается в том, что место совершения преступления не совпадает с местонахождением лица, совершившего противоправное деяние.

Успех раскрытия мошенничества во многом зависит от незамедлительного проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий в сочетании с неотложными следственными действиями, которые проводятся на высоком профессиональном уровне, быстро, с применением криминалистических, оперативных и иных специальных средств; от степени эффективности и слаженности организации совместной работы следственных органов и оперативных подразделений органов внутренних дел.

Неотложными оперативно-розыскными мероприятиями по розыску мошенников являются следующие:

мероприятия, обеспечивающие сбор первичной информации о мошенничестве, для определения направления поиска преступников;

информирование о преступлении и приметах мошенников соседних территориальных ОВД и ОВД на транспорте;

оперативное информирование всех служб об известных обстоятельствах совершения мошенничества;

перекрытие объектов железнодорожного, автомобильного, воздушного и водного транспорта;

создание оперативно-поисковых групп для розыска мошенников в местах наиболее интенсивного движения граждан;

проверка притонов и адресов, представляющих оперативный интерес;

изучение и исследование имеющихся вещественных доказательств и использование полученных данных в розыске и изобличении подозреваемых.

Таким образом, результаты исследования наглядно говорят о необходимости повышения эффективности работы по выявлению, раскрытию и расследованию фактов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и сфере кредитования, использования современных методов документирования преступной деятельности еще при проведении оперативно-розыскных мероприятий, с последующей легализацией и использованием в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.

В заключение необходимо отметить, что в условиях стремительного роста количества зарегистрированных фактов мошенничества деятельность оперативных подразделений должна постоянно совершенствоваться, основываясь на видоизменяющихся схемах обмана и злоупотребления доверием и современных методиках выявления и раскрытия указанных видов преступлений.

¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1980. С. 600.

² См.: Состояния преступности в России за январь—декабрь 2012 г. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» М.: 2013. С. 6.

³ См.: Газета «Щит и Меч» № 2 (1402) МВД России 16 января 2014, С. 8.

⁴ См.: Газета «Щит и Меч» № 15 (1415) МВД России 17 апреля 2014, С. 8.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. на 10 сентября 2013 г.). М.: Эксмо, 2013. С. 90.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. Изд. 12-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 529.

**О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ
РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 2 АПРЕЛЯ 2014 Г. № 44-ФЗ**

«ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА»

ИРИНА ВИКТОРОВНА ПОТАПЕНКОВА,

*старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: irina_abuzova@mail.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

Рецензент: кандидат экономических наук Низаметдинов А.М.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы реализации основных положений Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Проводится системный анализ действующего законодательства субъектов Российской Федерации, регламентирующего порядок и организацию участия граждан и их объединений в охране общественного порядка. Обосновывается необходимость внесения изменений в нормативные правовые акты, регулирующие вопросы охраны общественного порядка, взаимодействия органов внутренних дел (полиции) с гражданами и их объединениями в сфере охраны общественного порядка в общественных местах.

Ключевые слова: общественный порядок, общественное место, общественное объединение правоохранительной направленности, народная дружина, реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, организация контроля за деятельностью народных дружин.

Annotation. In the article the author considers the problems of realization of the main provisions of the Federal law of 2 April 2014 № 44-FZ «On participation of citizens in the protection of public order». The author, a systematic analysis of the current legislation of subjects of the Russian Federation regulating the order and organization of participation of citizens and their associations in the protection of public order. The author proves the necessity of making amendments in normative legal acts, regulating the issues of protection of public order, the interaction of the internal Affairs bodies (police) with citizens and their associations in the sphere of protection of public order in public places.

Keywords: public order, public place, public Association of law-enforcement orientation, people's guard, the registry of the militias and public associations law-enforcement orientation, organization of control over the activities of the militias.

В целях реализации Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»¹, который вступает в законную силу 2 июля 2014 г., необходимо исполнить и претворить в жизнь² основные его положения, закрепляющие административно-правовой статус граждан и их объединений по участию в охране общественного порядка.

В настоящее время на федеральном уровне закреплены следующие формы участия граждан в охране общественного порядка:

- ☛ содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам;
- ☛ участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести;
- ☛ внештатное сотрудничество с полицией;
- ☛ участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности.

Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» установлена административно-право-

вая форма организации народных дружин, которая представляет собой общественно-государственное объединение, создаваемое по инициативе граждан Российской Федерации с обязательным уведомлением органов местного самоуправления и территориального органа МВД России.

По мнению автора, реализация положений рассматриваемого федерального закона представляет собой комплекс мер, направленных на установление правового соответствия нормативных правовых актов, регламентирующих участие граждан и их объединений в охране общественного порядка.

Во-первых, необходимо привести в соответствие с Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» иные федеральные законы, регламентирующие вопросы охраны общественного порядка и участия граждан и их объединений в управлении внутренними делами государства. Например, в ст. 12 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции»³ в качестве обязанности, стоящей перед полицией, предусмотреть осуществление контроля за исполнением основных направлений деятельности народных дружин.

Во-вторых, следует обеспечить соответствие законодательной продукции субъектов Российской Федерации и федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Так, основными задачами народных дружин, в соответствии с принятыми в субъектах Российской Федерации нормативными правовыми актами, являются⁴:

- ❖ содействие органам государственной власти, органам местного самоуправления и правоохранительным органам в их деятельности по обеспечению общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений;
- ❖ участие в мероприятиях по обеспечению безопасности населения и охране общественного порядка при возникновении стихийных бедствий, катастроф, аварий, эпидемий, иных чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий;
- ❖ распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» ис-

ключил участие народных дружин в обеспечении общественной безопасности, а также сузил перечень субъектов, которым народные дружины оказывают содействие в охране общественного порядка, исключив из него органы местного самоуправления.

Также в законе не раскрываются задачи организации деятельности народных дружин, а лишь делается акцент на тот факт, что стоящие перед ними задачи решаются во взаимодействии с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами⁵; при этом ограничена их компетенция. Так, органы государственной власти оказывают поддержку гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, а органы местного самоуправления создают условия для деятельности народных дружин.

В качестве основных форм деятельности народной дружины законодательством субъектов Российской Федерации предусматривается:

- ❖ совместное патрулирование народных дружинников с сотрудниками органов внутренних дел на маршрутах в системе единой дислокации сил и средств в соответствии с утвержденными планами и графиками совместной работы;
- ❖ дежурство народных дружинников при дежурных частях территориальных органов МВД России на районном уровне и на стационарных постах дорожно-патрульной службы;
- ❖ дежурство народных дружинников для оказания содействия органам внутренних дел в обеспечении общественного порядка и безопасности граждан при проведении массовых общественно-политических, спортивных и культурно-зрелищных мероприятий;
- ❖ участие в работе подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних и соответствующих комиссий органов местного самоуправления по выявлению семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- ❖ индивидуальная профилактическая работа с подростками, склонными к совершению противоправных действий;

- ❖ участие народных дружинников в мероприятиях правоохранительных органов по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений;
- ❖ использование средств массовой информации в целях пропаганды правовых знаний, профилактики правонарушений, формирования у населения уважительного отношения к закону.

В свою очередь, вступающий в законную силу Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», устанавливает основные направления деятельности народных дружин, определяет содействие в охране общественного порядка и участие в предупреждении и пресечении правонарушений.

Что касается средств социальной защиты членов народных дружин, то их перечень должен быть реализован на усмотрение волеизъявления органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

До вступления в законную силу Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране правопорядка», законодательством субъектов Российской Федерации⁶ предусмотрены следующие виды материального стимулирования членов народных дружин:

- ❖ обязательное личное страхование жизни и здоровья гражданина, участвующего в охране общественного порядка, в связи с выполнением обязанностей по охране общественного порядка;
- ❖ в случае гибели в связи с участием в обеспечении правопорядка семье пострадавшего и лицам, находящимся на его иждивении, за счет средств областного бюджета выплачивается единовременное пособие в размере 250 тыс. руб., с последующим взысканием этой суммы с виновных лиц;
- ❖ при причинении в связи с участием в обеспечении правопорядка тяжкого вреда здоровью, повлекшего стойкую утрату трудоспособности и (или) инвалидность, за счет средств областного бюджета пострадавшему выплачивается единовременное пособие в размере 100 тыс. руб., а также компенсируются понесенные им расходы на лечение, но не свыше 50 тыс. руб., с последующим взысканием этих сумм с виновных лиц;

- ❖ при причинении в связи с участием в обеспечении правопорядка иного вреда здоровью пострадавшему за счет средств областного бюджета компенсируются понесенные им расходы на лечение, но не свыше 50 тыс. руб., с последующим взысканием этой суммы с виновных лиц;
- ❖ компенсация организациям муниципального пассажирского транспорта затрат по предоставлению льгот в виде бесплатного проезда гражданам, участвующим в охране общественного порядка, в связи с выполнением обязанностей по охране общественного порядка;
- ❖ улучшение жилищных условий и содействие в поступлении в образовательные учреждения по юридической специальности для членов дружин и спецотрядов по охране общественного порядка⁷;
- ❖ внеочередное обеспечение детей граждан, участвующих в охране общественного порядка в детскими дошкольными учреждениями и выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров⁸.

Требуется реализовать такие положения Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», как: ведение регионального реестра территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел по месту создания народной дружины или общественного объединения правоохранительной направленности; определение административно-правового статуса внештатных сотрудников полиции при участии в охране общественного порядка; осуществление контроля за реализацией основных направлений деятельности народных дружин федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, в нормативных правовых актах Министерства внутренних дел Российской Федерации. Таким образом, в целях реализации положений ст.ст. 7, 12, 13, 22 и 23 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» необходимо подготовить и принять в установленном порядке приказы МВД России, регламентирующие порядок формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, устанавливающие основания и формы взаимодействия органов

внутренних дел (полиции) с общественными объединениями правоохранительной направленности, народными дружинами в сфере охраны общественного порядка.

Реализация положений Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» предусматривает расширенное использование участия граждан и их объединений в охране общественного порядка как одного из важнейших условий эффективной правоохранительной деятельности. Принимаемые меры, направленные на поддержку развития институтов гражданского общества, создание доверительных, партнерских отношений с населением, поддержку гражданских инициатив в области охраны общественного порядка и возрождение общественных формирований правоохранительной направленности способствуют более эффективному участию органов внутренних дел (полиции) в реализации приоритетных государственных задач в области национальной безопасности страны.

№ 49-ЗКО «О добровольных народных дружинах по охране общественного порядка»; Закон Забайкальского края от 5 ноября 2009 г. № 232-ЗЗК «О дружинах по охране общественного порядка»; Закон Чеченской Республики от 20 ноября 2009 г. № 67-РЗ «О добровольных народных дружинах» Законом Новгородской области от 12 июля 2007 г. № 139-ОЗ «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка на территории Новгородской области»; Закон Костромской области от 1 апреля 2013 г. № 347-5-ЗКО «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Костромской области»; Закон Смоленской области от 30 апреля 2013 г. № 33-з «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Смоленской области»; Закон Пензенской области от 20 февраля 2003 г. № 440-ЗПО «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка на территории Пензенской области» и многие другие.

⁵ См.: Ст. 12 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 апреля 2014 г. № 14. ст. 1536.

⁶ Закон Ростовской области от 16 декабря 2009 г. № 348-ЗС «Об участии жителей Ростовской области в обеспечении правопорядка и общественной безопасности» // Наше время. № 446-453. 23 декабря 2009 г.; Закон Камчатского края от 18 сентября 2008 г. № 123 «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка на территории муниципальных образований в Камчатском крае» // Официальные Ведомости, № 152-153, 30 сентября 2008 г.; Закон Республики Хакасия от 5 декабря 2005 г. № 92-ЗРХ «Об участии населения в охране общественного порядка на территории Республики Хакасия»; Закон Ульяновской области от 1 марта 2007 г. № 23-ЗО «О добровольном участии граждан в охране общественного порядка на территории Ульяновской области» // Ульяновская правда. № 19(22.566). 3 марта 2007 г.

⁷ Закон Пензенской области от 20 февраля 2003 г. № 440-ЗПО «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка на территории Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. № 3. 12 марта 2003 г.

⁸ Закон Ставропольского края от 18 декабря 2007 г. № 69-КЗ «Об участии граждан в обеспечении охраны общественного порядка» // Ставропольская правда. № 303. 22 декабря 2007 г.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 7 апреля 2014 г. № 14. ст. 1536.

² Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа. Русский язык. 2000.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 14 февраля 2011 г. № 7. ст. 900.

⁴ Закон города Москвы от 26 июня 2002 г. № 36 «О московской городской народной дружине»; Закон Чувашской Республики от 25 ноября 2003 г. № 35 «О народных дружинах в Чувашской Республике»; Закон Республики Саха (Якутия) от 13 июля 2005 г. 260-З № 527-III «О добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в Республике Саха (Якутия)»; Закон Курской области от 22 июля 2005 г.

Политология. Схемы, таблицы. Учебно-метод. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ, 2013. 303 с.

В схемах и таблицах в логико-смысловой последовательности раскрывается содержание политологии как науки и учебной дисциплины, характеризуются наиболее важные политические процессы и явления, социальные и институциональные субъекты политических отношений и др.

Для студентов и преподавателей вузов, а также тех, кто интересуется политической теорией и общественно-политической практикой.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УБЕЖИЩА В ГОСУДАРСТВАХ — УЧАСТНИКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ПРУДНИКОВА,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права

Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: tanya_198307@mail.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ САЗОН,

соискатель кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Международно-правовые акты устанавливают универсальные и региональные стандарты в сфере предоставления убежища. В рамках настоящей статьи особое внимание уделено выявлению особенностей закрепления в региональных международных организациях, на примере СНГ, права убежища как права человека, а также раскрытию обязательств государств по предоставлению статуса беженца.

Ключевые слова: убежище, права человека, международное право, правовой акт.

Annotation. International legal acts establish universal and regional standards in the field of asylum. In this article special attention is paid to revealing of features of fixing in regional international organizations on the example of CIS rights of asylum as human rights, as well as the disclosure obligations of States for granting refugee status.

Keywords: asylum, human rights, international law, legal act.

В рамках рассмотрения системы универсальных международных стандартов в сфере убежища, следует обратить внимание на тот факт, что к числу таковых, как правило, относят документы, касающиеся не столько убежища как такового, сколько регулирующие особенности предоставления защиты отдельным категориям лиц. Между тем, документы подобного уровня объективно не могут учитывать региональные особенности миграционных процессов. Для решения, в том числе и подобных задач, образуются различные региональные международные организации и союзы отдельных государств, деятельность которых направлена на формирование согласованной политики во всех сферах жизнедеятельности государства и общества.

Остановимся на рассмотрении особенностей региональной системы предоставления убежища на примере СНГ, что, на наш взгляд, объяснимо не

только многолетним опытом общего государственного строительства во времена Советского Союза, но и тенденциями интеграционных процессов настоящего времени. Бывшие государства СССР, подписав и ратифицировав Соглашение от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» (далее — Соглашение), а также Протокол от 21 декабря 1991 г. к указанному Соглашению, не только высказали стремление развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, общепризнанных принципов и норм международного права, но и взяли на себя обязательство соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов¹. В связи с этим в ст. 7 указанного Соглашения были определены положения сфере совместной деятельности государств — участников, включавшие не только согласованную координацию внешнеполитической деятельности государств и со-

трудничество в различных областях, но и совместное решение вопросов миграционной политики.

Одним из документов, принятым в рамках СНГ и направленным на регулирование общественных отношений в сфере миграции, было Соглашение от 24 сентября 1993 г. «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам»². Важнейшим положением Соглашения является закрепление на региональном уровне определения понятия беженец, под которым, в соответствии с международным договором, «признается лицо, которое, не являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами»³. Очевидно, что приведенное определение содержит более широкий перечень критериев, чем Конвенция ООН 1951 г. о статусе беженцев, что, по мнению автора, является свидетельством не только учета особенностей миграционных процессов на постсоветском пространстве, но и попыткой создания правового механизма предоставления защиты тем категориям лиц, ищущих убежища, которые не подпадают под положения Конвенции 1951 г.

Прежде всего, заметим, что в числе признаков, находящихся в основании преследования лица, наряду с конвенционными признаками расы, вероисповедания, политических убеждений и принадлежности к определенной социальной группе, Соглашение называет национальную принадлежность (гражданство в Конвенции) и язык. Напомним, что при наличии вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по обозначенным признакам в соответствии с Конвенцией 1951 г. лицо признается беженцем. Таким образом, существует прямая взаимозависимость между опасениями преследования и признаками лица, находящимися в основании подобных опасений.

Считаем правомерным в рассматриваемом аспекте обратиться к практике Экономического суда СНГ, который в своем решении от 11 сентября

1996 г. № С-1/14-96⁴ дал толкование термина «беженец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г. В своем решении Суд отметил, что для целей Соглашения лицо может быть признано беженцем, если оно удовлетворяет позитивным критериям, содержащимся в определении, при условии, что государство въезда и государство выезда должны быть участниками данного Соглашения. К таким критериям суд относит следующие требования:

- 1) лицо не должно является гражданином государства, предоставившего убежище (государства въезда);
- 2) лицо было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства, находящееся на территории другого государства (государства выезда);
- 3) причиной, по которой лицо вынуждено покинуть государство, является совершенное насилие или преследование в иных формах, либо реальная опасность подвергнуться преследованию не только в отношении самого лица, но и членов его семьи по признакам расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе;
- 4) существует связь между совершением насилия или преследования, либо реальной опасностью подвергнуться преследованию с вооруженными и межнациональными конфликтами.

Суд также обратил внимание на то, что беженцем не может признаваться лицо, совершившее преступление против мира, человечности или другое умышленное уголовное преступление.

Принимая во внимание приведенную выше позицию Экономического суда СНГ, подчеркнем, что Соглашение расширяет перечень конвенционных признаков, находящихся в основании преследования лица, охватывая такие понятия, как раса, вероисповедание, политические убеждения и принадлежность к определенной социальной группе, дополняя их признаками национальной принадлежности и языка.

Вместе с тем, считаем, что буквальное толкование определения понятия «беженец», содержащегося в ст. 1 Соглашения, позволяет не согласиться с судебным толкованием данной дефиниции. По мнению автора, анализ правового содержания рассматриваемой нормы предполагает выделение двух групп лиц, которые могут быть признаны беженца-

ми по основаниям, предусмотренным Соглашением. К первой группе следует отнести лиц, которые были вынуждены покинуть место своего постоянного жительства вследствие совершенного в отношении них или членов их семьи насилия или преследования в иных формах. Ко второй группе — лиц, покинувших место жительства по причине реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами.

Полагаем, что возможность предоставления лицу статуса беженца лицам первой группы зависит только от имевшего место совершенного факта преследования лица или членов его семьи. Представляется, что в данном случае не требуется установление взаимосвязи между фактом совершенного насилия или преследования в иных формах и вооруженным и межнациональным конфликтом. В противном случае наличие подобного требования следует рассматривать как противоречащее положениям Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г., где признание лица беженцем в силу наличия вполне обоснованных опасений преследования основано на конвенционных признаках лица и не зависит от наличия обстановки конфликта любого характера, в том числе вооруженного. Следовательно, отсутствие каких-либо дополнительных критериев применительно к возможности признания беженцами лиц рассматриваемой группы, должно рассматриваться как признание государствами — участниками Содружества необходимости защиты личности от любого насилия. При этом обращаем внимание на то, что Соглашение определяет насилие как форму преследования, что, на наш взгляд, призвано придать этому краеугольному понятию некоторое нормативное содержание. Кроме того, возможность предоставления статуса беженца лицу в результате преследования членов его семьи говорит о признании важнейшего принципа единства семьи⁵.

Обращаясь ко второй группе лиц, которые в соответствии с Соглашением признаются беженцами, отметим, что предложенный подход в целом повторяет концепцию предоставления статуса беженца, закрепленную в Конвенции 1951 г., дополняя ее по-

ложениями о признании лица беженцем, если преследования по указанным в Соглашении признакам имеют место в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами.

В связи с этим считаем, что упоминавшееся судебное толкование термина «беженец», по-нашему мнению, учитывает лишь обстоятельства, необходимые для признания лица беженцем, которые содержатся во второй части определения ст. 1 Соглашения. Еще раз подчеркнем, что отнесение к позитивным критериям предоставления лицу статуса беженца наличия взаимосвязи между преследованием, которое основано на определенных признаках лица, и вооруженным или межнациональным конфликтом противоречит нормам международного права.

Принимая во внимание изложенное, представляется, что законодательная практика закрепления в региональном международном договоре обязательства государств признавать беженцем только такое лицо, которое опасается преследования в условиях вооруженного и межнационального конфликта, должна быть признана не соответствующей универсальным стандартам в сфере защиты беженцев и требующей дальнейшего совершенствования.

В целях совершенствования механизма правового регулирования защиты беженцев и лиц, ищущих убежища, которые были вынуждены покинуть место своего обычного постоянного проживания по причине вооруженного конфликта, предлагается использовать опыт других региональных организаций.

В настоящее время подобный механизм предоставления защиты предусмотрен в рамках Организации африканского единства (сегодня — Африканский Союз). Согласно ч. 2 ст. 1 Конвенции ОАЕ 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке, «термин беженец применяется также к любому лицу, которое вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок в какой-то части страны или во всей стране его происхождения или гражданской принадлежности, вынуждено покинуть место своего обычного проживания и искать убежище в другом месте за пределами страны своего происхождения или гражданской принадлежности»⁶.

Отметим, что предоставление защиты лицам, опасаящимся преследований в условиях вооруженных конфликтов, имеет и еще одно признанное на международном уровне решение. В данном случае законодатель не идет по пути расширения содержания понятия «беженец» путем включения факта всеобщего насилия или вооруженного конфликта в число критериев предоставления статуса, а устанавливает механизм предоставления дополнительной защиты лицам, вынужденным покинуть место прежнего жительства по причинам наличия угрозы жизни и здоровью в условиях обстановки всеобщего насилия, возникающих в ходе таких ситуаций, как вооруженный конфликт.

Далее подчеркнем, что Соглашение СНГ о помощи беженцам и вынужденным переселенцам 1993 г. также определяет для государств, ратифицировавших его, направления по совершенствованию законодательства в сфере защиты беженцев не только в части расширения перечня конвенционных признаков преследования лица и введения критерия вооруженного и межнационального конфликта, но и предоставления статуса беженца лицам, ищущим убежища по причине совершенного в отношении них или членов их семей насилия или преследования в иных формах.

Вместе с тем, следует отметить, что в Соглашении, также как и в Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев, не предусмотрены ни механизм контроля исполнения положений соглашения, ни меры ответственности государств — участников соглашения. Указанное обстоятельство позволило ряду авторов прийти к выводу, что Соглашение не представляет собой эффективный документ о сотрудничестве, а является заявлением о намерениях, которое носит декларативный характер и при этом не отражает новых тенденций оказания помощи не только беженцам, но и другим категориям лиц, признаваемым нуждающимися в международной защите⁷.

Полагаем, что современные региональные реалии регулирования отношений в сфере предоставления убежища и защиты прав беженцев предполагают необходимость учреждения контрольного механизма обеспечения прав беженцев. По мнению автора, такой контрольный механизм должен включать в себя региональный международный договор, закрепляющий основные права беженцев и гарантии

их осуществления, к числу которых относится учреждаемая в соответствии с предлагаемым договором Комиссия по правам беженцев. Представляется, что указанная Комиссия должна формироваться на паритетной основе из представителей государств — участников данного договора, и выполнять наблюдательную и контрольную функции. В первом случае деятельность Комиссии будет направлена на рассмотрение ежегодно представляемых докладов государств по исполнению обязательств в сфере обеспечения прав беженцев. Во втором — на рассмотрение в рамках специальной контрольной процедуры обращений беженцев, права которых были нарушены государством — участником договора, с последующей возможностью применения международных санкций.

Таким образом, на региональном уровне в настоящее время приняты и действуют международные акты, в целом соответствующие универсальным стандартам в сфере прав человека, закрепляющие как общие принципы защиты прав человека, так и специальные правовые предписания, направленные на обеспечение реализации беженцами своих прав и свобод. При этом региональная практика правового регулирования отношений в сфере защиты беженцев и лиц, ищущих убежища, в рамках Содружества Независимых Государств свидетельствует об учете особенностей миграционных процессов на постсоветском пространстве и использовании опыта решения подобных проблем в других регионах мира.

¹ См.: Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Вып. 1. С. 6—8, 11.

² См.: О помощи беженцам и вынужденным переселенцам: Соглашение СНГ от 24 сентября 1993 г. // Содружество. 1993. № 4.

³ См.: Там же.

⁴ См.: О толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 г. [Электронный ресурс]: решение Экономического суда СНГ от 11 сентября 1996 г. № С-1/14-96. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Сазон К.Д.* Право убежища в государствах — участниках содружества независимых государств. Дисс... к.ю.н. М., 2014. С. 97—101.

⁶ *Гудвин-Гилл. Гай С.* Статус беженца в международном праве / Пер. с англ. Под. ред. М.И. Левиной. М.: Юнити, 1997. С. 480.

⁷ *Бекяшев Д.К., Иванов Д.В.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2013. С. 64—65.

**ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМ
ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ.
ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА — ОРГАНИЗАЦИЯ**

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СОСНОВСКАЯ,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: lisenok1214@yandex.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры органов внутренних дел Сулова Г.Н.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализ российского законодательства, учебной и научной литературы позволяет сделать вывод, что организационные структуры управления являются отражением объективно сложившихся общественных отношений и, в конечном счете, заключают в себе программы, цели и задачи деятельности органов внутренних дел. Организационные структуры управления органами внутренних дел являются составным элементом механизма управления и находятся в постоянной динамике развития, так как на организационную структуру оказывает влияние чрезвычайная подвижность множества различных факторов, в том числе политических, экономических, социальных и правовых.

Ключевые слова: системы организационного управления, элементы организационной структуры, уровни управления, процесс управления, системные признаки.

Annotation. Analysis of Russian legislation, educational and scientific literature suggests that the organizational structure of management objectively reflect the prevailing social relations and ultimately encompasses programs, goals and objectives of the internal affairs bodies. The author found that the organizational structure of management bodies of internal affairs are an integral part of the management and are in constant development dynamics, as on the organizational structure affects extreme mobility of many different factors, including political, economic, social and legal.

Keywords: organizational management system, the elements of the organizational structure, levels of management, process of management, systemic features.

Структурный подход при построении систем организационного управления основан на использовании различных типов организационной структуры организации, как правило, иерархической. В этом случае организация и управление деятельностью осуществляются по структурным элементам, а их взаимодействие — через должностных лиц и структурные подразделения более высокого уровня¹.

Основными элементами организационной структуры организации являются ее звенья (отделы), уровни управления и горизонтальные и вертикальные связи между ними. Все элементы взаимосвязаны между собой.

К звеньям управления относятся структурные подразделения, а также отдельные специалисты, выполняющие соответствующие функции управления, либо часть их. В основе образования звена управления лежит выполнение отделом определенной функции управления. Устанавливающиеся между отделами связи носят горизонтальный характер.

Под уровнем управления понимают совокупность звеньев управления, занимающих определенную ступень в системах управления организацией. Ступени управления находятся в вертикальной зависимости и подчиняются друг другу по иерархии: руководители более высокой ступени управления

принимают решения, которые конкретизируются и доводятся до нижестоящих звеньев.

Отношения между элементами структуры управления поддерживаются благодаря связям, которые подразделяются на горизонтальные и вертикальные².

Вертикальные связи — это связи руководства и подчинения, например связь между начальником органа внутренних дел и начальником полиции. Необходимость в них возникает при иерархичности построения системы управления, т.е. при наличии различных уровней управления, на каждом из которых преследуются свои цели.

Горизонтальные связи — это связи коопераций равноправных элементов, например связи между начальниками подразделений органов внутренних дел. Носят характер согласования и являются одноуровневыми.

При двухуровневой структуре создаются верхние звенья управления (руководство органа в целом) и низовые звенья (руководители, непосредственно руководящие работой исполнителей). При трех и более уровнях в организационной структуре управления формируется так называемый средний слой, который, в свою очередь, может состоять из нескольких уровней.

В структуре управления организацией различаются линейные и функциональные связи. Суть первых в отношениях по поводу принятия и реализации управленческих решений и движения информации между так называемыми линейными руководителями, т.е. лицами, полностью отвечающими за деятельность организации и ее структурных подразделений. Функциональные связи сопрягаются с теми или иными функциями управления. Соответственно, используется такое понятие, как полномочия: линейного персонала, штабного персонала и функциональные. Полномочия линейных руководителей дают право решать все вопросы развития вверенных им организаций и подразделений, а также отдавать распоряжения, обязательные для выполнения другими членами организации (подразделений). Полномочия штабного персонала ограничиваются правом планировать, рекомендовать, советовать или помогать, но не приказывать другим членам организации выполнять их распоряжения.

Принципами построения организационных структур являются:

- ❖ целесообразное число звеньев управления и максимальное сокращение времени прохождения информации от высшего руководителя до непосредственного исполнителя;
- ❖ четкое обособление составных частей организационной структуры (состава ее подразделений, потоков информации и пр.);
- ❖ обеспечение способности к быстрой реакции на изменения в управляемой системе;
- ❖ предоставление полномочий на решение вопросов тому подразделению, которое располагает наибольшей информацией по данному вопросу;
- ❖ приспособление отдельных подразделений аппарата управления ко всей системе управления организацией в целом и к внешней среде в частности.

Функции и структура управления — две неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны единого целого — организации системы управления, являющиеся, соответственно, содержанием и формой процесса управления. Наличие организационной структуры управления и ее развитие являются основой всей организации. Вне их рамок исключается возможность реализации функций управления, т.е. непосредственно процесса управления. *Процесс формирования организационной структуры представляет собой, прежде всего, организационное закрепление тех или иных функций за подразделениями аппарата управления.* При этом функции управления определяют задачи органов управления.

При любом общественно-политическом строе, режиме власти органы внутренних дел (ОВД), как бы они ни назывались, выполняли, среди прочих, и общие задачи: охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, борьбу с преступностью.

Вопросы, которые приходится решать органам внутренних дел, — особые. От результатов их деятельности зависит безопасность граждан и их имущества, прочность всего государственного строя, устойчивость экономики, незыблемость правовых основ общества и государства.

Вообще эффективность управления органами внутренних дел как на федеральном, так и региональных уровнях приобретает сегодня первостепенное значение. Это можно видеть хотя бы по тем задачам, которые поставил президент Российской

Федерации В.В. Путин перед Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Первое — оптимизация управления органами внутренних дел. Управленческая вертикаль в каждом субъекте Федерации должна замыкаться на одном руководителе, берущем на себя ответственность за положение дел на вверенной административной территории. Второе — укрепление учетно-регистрационной дисциплины и третье — комплекс мер по повышению авторитета милиции и доверия к ней среди населения.

Органы внутренних дел в тесном контакте и взаимодействии с другими государственными органами ведут работу по предупреждению и пресечению нарушений общественного порядка, используя широкую гамму средств правового и морального воздействия, арсенал мер убеждения и принуждения.

Органы внутренних дел Российской Федерации — важнейшее звено в системе правоохранительных органов. Органы внутренних дел необходимо рассматривать, как специфическое системное образование, имеющее определенные системные признаки.

Отличительным «системным признаком» для органов внутренних дел являются поставленные перед ними *цели*, суть которых заключается в «осуществлении в пределах своих полномочий государственного управления в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охрану правопорядка и обеспечение общественной безопасности, и непосредственно реализующим основные направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации...».

Также среди «системных признаков» для органов внутренних дел можно отметить следующие: детерминированность элементов системы, ее динамичность, наличие в ней управляющего параметра, усилительных свойств и обратных связей.

Детерминированность элементов системы органов внутренних дел заключается в том, что все входящие в них отраслевые, функциональные штабные подразделения находятся в тесной взаимосвязи и деятельность их взаимообусловлена.

Динамичность — состоит в том, что органы внутренних дел, испытывая возмущающие воздействия внешней среды, видоизменяют свою структуру, иерархию задач и функций, методы управления и пр.

Наличие управляющего параметра заключается в том, что в любом подразделении органа внутрен-

них дел имеется аппарат управления (руководитель, штаб), наделенный соответствующими полномочиями, который вырабатывает или принимает команды управления и организует их исполнение.

Наличие усилительных свойств заключается в том, что органы внутренних дел, получая от вышестоящих системных образований общие команды управления, детализируют, конкретизируют и организуют их непосредственно исполнение (так называемые производные решения, принимаемые во исполнение и в развитие решений вышестоящих органов или решения, принимаемые в порядке т.н. «правового автоматизма»).

Наличие обратных связей состоит в том, что ввиду жесткой соподчиненности элементов в системе органов внутренних дел объекты управления обязательно докладывают субъекту о выполнении полученных команд и своем состоянии.

В дальнейшем орган внутренних дел любого уровня управления будет нами рассматриваться в виде системы, подверженной управляющим воздействиям со стороны вышестоящих системных образований и в то же время, оказывающей, в рамках своей компетентности, управляющие воздействия на иерархически подчиненные объекты внутриорганизационного управления и объекты внешней среды.

Организационная структура управления — это целостная совокупность относительно самостоятельных элементов, реализующих закрепленные за ними функции управления, наделенных необходимой компетенцией, находящихся в определенных формально установленных и неформальных связях для обеспечения достижения целей управления.

Вся совокупность служб и подразделений, входящих в систему органов внутренних дел Российской Федерации, с системных позиций может быть рассмотрена в двух аспектах:

- ❶ первый, представляет горизонтальный срез системы, отражает ее функциональную структуру, определяет содержание системы управления,
- ❷ второй — вертикальный срез системы, раскрывает ее организационную структуру и иерархию.

Горизонтальный срез системы органов внутренних дел, раскрывающий ее функциональную структуру, представляется тремя группами подразделений:

- ❖ отраслевые подразделения — выполняют основные функции системы органов внутренних дел в сфере внешнего управления (охрана общественного порядка, пресечение и раскрытие преступлений, расследование преступлений и др.). Это подразделения полиции по охране общественного порядка и оперативные подразделения полиции, следствия, вневедомственной охраны и т.д.;
- ❖ функциональные подразделения — обеспечивают каждое по своей линии деятельности отраслевые и другие функциональные службы различными ресурсами: кадровыми, финансовыми, материально-техническими и военным снабжением и др. Это подразделения кадров, аппараты тылового, материально-технического и военного снабжения и пр.
- ❖ штабные (организационно-инспекторские) подразделения и руководство органа — обеспечивают непрерывное слежение и реагирование на изменения оперативной обстановки, комплексный анализ и прогнозирование криминогенной обстановки на обслуживаемой территории, организацию взаимодействия и координацию усилий служб и подразделений в осуществлении общесистемных, межотраслевых и региональных задач борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, планирование служебной деятельности, служебно-боевую и мобилизационную готовность органов внутренних дел к выполнению задач мирного и военного времени, в чрезвычайных ситуациях, а также организационно-штатное и правовое обеспечение их деятельности, и пр.

Вертикальный срез системы органов внутренних дел раскрывает ее организационную структуру и иерархию. Она включает в себя центральный аппарат МВД Российской Федерации; территориальные органы внутренних дел на окружном, межрегиональном, региональном и районном уровнях; иные организации.

Органы внутренних дел, включающие в себя полицию, входят в единую централизованную систему МВД России, состоят из следующих элементов:

- ❖ центральный аппарат МВД России (за исключением Главного командования внутренних войск МВД России);
- ❖ территориальные органы МВД России;

- ❖ образовательные учреждения системы МВД России;
 - ❖ научно-исследовательские организации системы МВД России;
 - ❖ медико-санитарные организации системы МВД России;
 - ❖ санаторно-курортные организации МВД России;
 - ❖ окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России;
 - ❖ представительства МВД России за рубежом;
 - ❖ иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел.
- Единая централизованная система МВД России включает в себя внутренние войска, а также организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России.

МВД России в лице Центрального аппарата и окружной уровень управления органов внутренних дел во многом осуществляют стратегические функции общего руководства³.

На региональном уровне аппараты управления проводят в масштабах региона работу по подбору, расстановке, воспитанию и первоначальной профессиональной подготовке сотрудников, осуществлению финансирования и материально-технического обеспечения деятельности подведомственных органов и подразделений, а также в незначительном объеме осуществляют также функции, связанные с непосредственным выявлением, раскрытием и расследованием преступлений, носящих организованный и межрайонный (межрегиональный) характер, а также силами своих сотрудников оказывает помощь подведомственным органам внутренних дел в выявлении и раскрытии преступлений, расследовании уголовных дел. Таким образом, этот уровень управления является промежуточным между первым (стратегическим) уровнем системы и третьим (тактическим) уровнем.

В МВД России, в целях приведения структуры территориальных органов внутренних дел в соответствие с нормативными правовыми актами⁴ Российской Федерации, издан Приказ МВД России № 333 от 30 апреля 2011 г. «О некоторых вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России», который утверждает перечень под-

разделений территориальных органов МВД России, нормативы формирования территориальных органов, типовую структуру территориального органа МВД России на окружном, межрегиональном, региональном и районном уровнях.

Сложность и ответственность задач, решаемых в процессе управления органами внутренних дел, вызывают необходимость правового регулирования деятельности всех структурных звеньев системы управления. Роль законодательного и иного нормативного регулирования заключается в упорядочении компетенций, а также в обеспечении надлежащих отношений между службами и подразделениями и отдельными сотрудниками. Все это в целом обеспечивает надежность, устойчивость и эффективность их функционирования.

В настоящее время происходит процесс последовательного усложнения правоохранительных функций и специализации труда, который вызывает необходимость более детального и глубокого структурирования органов внутренних дел, закрепления отдельных функций за соответствующим подразделением. Так, функция пресечения и раскрытия преступлений возлагается в целом на оперативные подразделения полиции. Ведущими направлениями ее деятельности являются: противодействие общеуголовной преступности, преступности экономической направленности, розыск, скрывающихся от следствия и суда, а также деятельность экспертно-криминалистических подразделений. В свою очередь, в деятельности уголовного розыска происходит специализация деятельности отделов (отделений, групп) по пресечению и раскрытию тяжких преступлений, квартирных краж, угонов автотранспорта, преступности несовершеннолетних, незаконного оборота наркотиков и другие направления оперативно-розыскной деятельности.

Аналогичная специализация функций и соответствующих структурных подразделений существует в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка. Основными структурами, выполняющими задачи в области общественной безопасности, являются: подразделения охраны общественного порядка, подразделения профилактики преступлений и правонарушений, подразделения исполнения административных наказаний, лицензионно-разрешительные и другие подразделения.

Отражением процессов специализации является деятельность подразделений органов внутренних дел, которые выполняют обеспечивающие функции. Например, служба материально-технического обеспечения является многофункциональной структурой. В ее компетенцию входит вещевое, транспортное, продовольственное и другие виды обеспечения, а также обеспечение средствами связи и спецтехникой, их ремонтно-техническое обслуживание, проведение ремонтно-строительных работ и т.д. Отдельно от служб тыла функционируют кадровые аппараты, секретариаты органов внутренних дел, подразделения собственной безопасности и иные обеспечивающие структуры.

Органы управления являются составной частью аппарата управления в органах внутренних дел. Они подчинены руководителю органа для осуществления с их помощью всех направлений организационно-управленческой деятельности, функций общего руководства. Организационная структура штаба соответствует его роли как органа межотраслевого управления. Основные направления деятельности штаба — комплексное планирование деятельности органа внутренних дел, координация деятельности отраслевых подразделений, подготовка проектов управленческих решений, контроль их исполнения и некоторые другие направления. Иную задачу выполняют дежурные части. Они осуществляют оперативное управление силами и средствами органа внутренних дел.

Таким образом, компетенция органа внутренних дел как явление юридическое отображается в компетенции его структурных подразделений; в качестве неотъемлемой части сюда же входит компетенция (должностные обязанности) сотрудников органов внутренних дел. Выделяют три категории сотрудников: старший начальствующий состав, средний начальствующий состав и младший начальствующий состав органов внутренних дел. В соответствии с категориями детализируются функциональные обязанности по каждой из должностей данного структурного подразделения. Правильное распределение должностных обязанностей относится к технологическому аспекту процесса управления, так как основные права и обязанности сотрудников данного структурного звена в целом совпадают, но технологически они должны разделяться по месту сотрудника в процессе деятельности и по специфике вы-

полняемых функций. Обеспечение правильной технологии управления предполагает недопустимость как отсутствия четких функций у сотрудника, так и дублирования функциональных обязанностей.

В общем виде организационная структура (формальная и неформальная) — это определенная форма организационного построения, которая должна наилучшим образом отвечать целям и задачам деятельности. Организационная структура органов внутренних дел находится в процессе постоянного совершенствования. Она представляет сложное, динамично развивающееся образование. Практически ежегодно происходят более или менее существенные структурные преобразования. Их инициатором, как правило, выступает МВД России. В отдельных случаях те или иные организационно-структурные образования могут осуществляться на основе решения других органов власти и управления.

Таким образом, организационные структуры управления являются отражением объективно сло-

жившихся общественных отношений и, в конечном счете, заключают в себе программы, цели и задачи деятельности. Они являются составными элементами механизма управления и находятся в постоянной динамике развития, ибо на организационную структуру оказывает влияние чрезвычайная подвижность множества различных факторов, в том числе политических, экономических, социальных и правовых.

¹ Сосновская Ю.Н.; Морукова А.А., Бубнов С.В. Системы организационного управления. Учебное пособие. МосУ МВД России. Москва, 2014.

² Кардашевский В.В., Морукова А.А., Сосновская Ю.Н. Основы управления в органах внутренних дел. Учебное пособие. МосУ МВД России. Москва, 2013 г.

³ Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации», от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту РФ», от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции».



Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 198 с. (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 5).

Новый выпуск авторской серии «Библиотечка судебного конституционализма» посвящен обоснованию современной доктрины конституционной модернизации российской государственности, в связи с чем анализируется социокультурное и политико-правовое значение Конституции РФ как нормативной основы соответствующих процессов и на этой основе обосновывается уникальная роль Конституционного Суда как универсального института развития модернизационных процессов в современной России. Вытекающие из решений Конституционного Суда основные направления и способы модернизации социально-экономических и политических институтов, правозащитных отношений рассма-

триваются в контексте общих закономерностей развития судебного конституционализма в России.

В условиях глобализации, углубляющегося кризиса современного конституционализма, включая транснациональные, международно-правовые его институты, особое значение приобретает проблема поиска баланса национальных (социокультурных) и универсальных (общедемократических) начал, стабильности и динамизма в конституционном развитии власти, собственности, свободы как фундаментальных начал современного общества и государства. В этих условиях поиск баланса конституционных ценностей и разрешение на этой основе социальных противоречий и правовых коллизий является важнейшей задачей конституционного правосудия.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, перспективами модернизации российской государственности, повышения конституционной культуры.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

АЛЕКСЕЙ АМИРБЕКОВИЧ ШИРВАНОВ,

Главный научный сотрудник отдела № 1 научно-исследовательского центра № 2 ФГКУ «ВНИИ МВД России»

доктор юридических наук, профессор, полковник полиции

ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДИЕВИЧ ДИКАРЕВ,

начальник кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного

центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции

А.Н. Сергеева ВИПК МВД России, подполковник полиции

Научная специальность 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;

оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Приводится описание развития и становления оперативно-розыскной и разведывательной деятельности правоохранительных органов России и других иностранных государств.

Ключевые слова: сыск, розыск, агент, разведчик, правоохранительные органы, метод, тайна, легенда.

Annotation. The article presets a short analysis of the criminal legislation of Spain, China, the Netherlands (Holland), Turkey, France regulating approach of criminal liability for illicit trafficking in drugs and psychotropic substances.

Keywords: drug addiction, tough policy group, savage control group, liberal group, Criminal code, legislation, large size, extreme penalty, legalization.

В реальной действительности современной России темпы роста наркопреступлений увеличиваются; в течение последнего 10-летия уровень «профессионализма и организованности» преступников, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков, непрерывно возрастает, что представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике страны, правопорядку и безопасности государства.

Важность исследования темы обусловлена рядом обстоятельств, среди которых, необходимо выделить следующие.

Высокая доходность операций, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, способствует постоянному расширению объема рынка незаконного предложения наркотиков.

Другим фактором, оказывающим влияние на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ является географическое положение Российской Федерации. Через ее территорию проходят магистральные пути транспортировки аф-

ганского героина в Европу, поэтому основным поставщиком на нелегальный рынок России наркотиков опийной группы является Афганистан. По данным МВД России до 80% героина, находящегося в незаконном обороте, имеет афганское происхождение.

Незаконный оборот наркотиков — одно из наиболее распространенных и опасных проявлений преступлений в обществе, отличающееся высокой латентностью. Так, по данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ в Российской Федерации за период 2009—2013 гг. в среднем зарегистрировано 1 020 671 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а умерло от употребления наркотических средств около 169 000 человек.

В 2009 г. общее количество преступлений, зарегистрированных в сфере незаконного оборота наркотиков, составило 238 527 преступлений. По возрасту среди наркопреступников незначительно преобладают лица в возрасте от 18 до 29 лет — 49,0%, лица старших возрастов составили примерно столь-

ко же — 48,8% , доля несовершеннолетних — 2,3%. Умерло от употребления наркотических средств — 24 000 человек.

В 2010 г. в Российской Федерации общее количество преступлений, зарегистрированных в сфере незаконного оборота наркотиков, несколько сократилось — на 6,7% и составило 222 564 преступления.

Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, достигло 112 109 человек, что на 1,9% больше, чем в 2009 г. (109 915 лиц). По возрасту среди привлеченных на долю лиц от 18 до 29 лет приходится — 46,6%, лиц старших возрастов — 51,3%; доля несовершеннолетних — 2,1%.

На учете за немедицинское потребление наркотиков состояло в конце 2010 г. 621 366 человек (+2,0%), в том числе с диагнозом «наркомания» — 422 749. По социальному положению среди потребителей преобладают лица без определенного рода занятий. Умерло от употребления наркотических средств в указанный период 29 000 человек.

Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в 2011 г. уменьшилось на 2,6% (109 144 лиц), в том числе: несовершеннолетних — на 10,4% (2 088 лиц), По возрасту среди привлеченных на долю лиц от 18 до 29 лет пришлось 46,6%, лиц старших возрастов — 51,3%; доля несовершеннолетних — 2,1%. Умерло от употребления наркотических средств — 31 000 человек.

Однако, в 2012 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, увеличилось на 1,7% и составило 218 974 преступления. Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков увеличилось на 3,6% (115 214 лиц), в том числе: несовершеннолетних — на 8,4% (2 150 лиц). По возрасту среди привлеченных на долю лиц от 18 до 29 лет пришлось 49,6%, лиц старших возрастов — 47,3%; доля несовершеннолетних — 3,1%. Умерло от употребления наркотических средств — 36 000 человек.

В 2013 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ

или их аналогов увеличилось на 5,7 % и составило 231 462 преступления, из них на 7,6% больше выявлено тяжких и особо тяжких преступлений 165 882 (в 2012 г. — 154 118), связанных со сбытом — 108 874 преступления (в 2012 г. — 101 475); прирост составил 7,3%. Умерло от употребления наркотических средств — 49 000 человек.

По данным мониторинга наркоситуации в Российской Федерации в 2013 г., количество лиц, имеющих опыт употребления наркотиков, оценивается в 12,5% населения страны (около 18 млн. человек), регулярно и эпизодически наркотики в России употребляет 5,6% населения (порядка 8 млн. человек), в том числе регулярно — 2% населения (около 3 млн. человек), причем потребителями наркотиков в основном являются молодые люди, что, наряду с негативным влиянием на демографическую и социально-экономическую обстановку в стране, криминализует общество.

Определяющим фактором развития ситуации в сфере наркопотребления и незаконного наркооборота на территории России остается масштабная внешняя наркоагрессия. Системообразующим звеном формирования наркоситуации (особенно в странах Центрально-Азиатского региона) являются афганские наркотики.

Почти четверть произведенного в Афганистане героина направляется в страны Центрально-Азиатского региона в том числе Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, что негативно сказывается на наркоситуации в этих странах, нанося урон безопасности этих государств. Так, в России острой зависимостью от их потребления (в большинстве своем — афганского героина) страдает подавляющее большинство, около 85% всех наркоманов, находящихся в поле зрения органов здравоохранения Российской Федерации.

Распространению наркотиков способствует криминализация российского общества, профессионализация и консолидация членов организованных групп и преступных сообществ, занимающихся наркобизнесом. Анализ деятельности преступных структур показывает, что среди них сложилась определенная специализация в сфере незаконного оборота наркотиков. Например, особенностью группировок, состоящих из представителей тад-

жикской национальности, является контрабандная поставка и распространение крупных партий наркотиков опийной группы (преимущественно героина). Полученные от реализации наркотиков денежные средства нелегально переправляются в Республику Таджикистан для воспроизводства наркотиков и использования в иных незаконных целях.

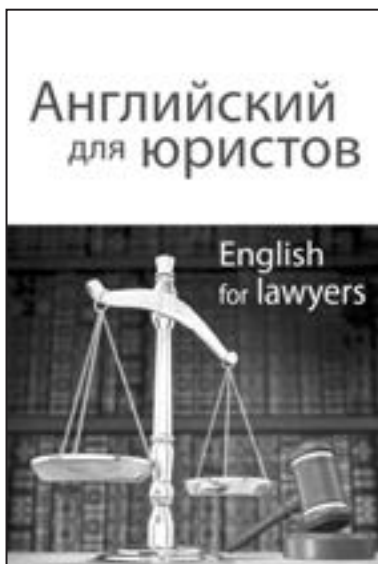
Проведенное нами исследование позволило выявить и другие факторы, способствующие незаконному распространению и употреблению наркотических средств и психотропных веществ. К таким факторам относятся наличие безработных среди молодежи, а также сравнительно низкий жизненный уровень населения. Трудные жизненные обстоятельства вынуждают население участвовать в наркобизнесе, который зачастую становится единственным источником дохода; культивировать наркосодержащие растения, осуществлять курьерские перевозки наркотиков, заниматься наркоторговлей и т.д. (например Афганистан, Таджикистан).

Отсутствие целостной, научно обоснованной системы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в первую очередь, среди подростков и молодежи, не позволяет оказывать адекватное противодействие таким негативным явлениям.

Своевременное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие наркопреступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел и антинаркотических структур иностранных государств, вовлеченных в транзит наркотиков из Афганистана (страны Центральной Азии), перекрытие каналов наркотиков в Россию и другие страны, выявление мест незаконного изготовления и складирования наркотических средств и психотропных веществ, разоблачение организаторов, активных участников наркогруппировок и преступных сообществ, лиц, финансирующих преступную деятельность, их коррумпированных связей во властных и правоохранительных структурах, подрыв экономических основ наркобизнеса рассматриваются правоохранительными органами России и стран Центральной Азии как приоритетное направление деятельности.

Литература

1. Состояние преступности в России за 2009—2013 гг. министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».
2. Кочетова Л.А., Гаврюшкин Ю.Б. Характеристика оперативно-розыскных мероприятий и особенности их проведения по противодействию незаконному обороту наркотиков. ВИПК МВД России 2013. С. 3—4.



Английский для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.А. Горшенева [и др.]; под ред. И.А. Горшеневой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 423 с.

Учебник предназначен для студентов юридических вузов и факультетов, в том числе системы Министерства внутренних дел. Содержание и структура учебного пособия проектируют элементы будущей профессиональной деятельности студентов. Комплекс лексико-грамматических упражнений направлен на формирование у студентов как языковых, так и профессиональных знаний.

Широко представлена разнообразная тематика: юридическое образование; государственное устройство и система уголовного правосудия России и стран изучаемого языка; работа полиции в современном обществе; организация и деятельность правоохранительных органов в России и за

рубежом; типология преступлений; формы и задачи международного сотрудничества в сфере правопорядка. Учебник содержит большой объем аутентичных текстов и оригинальную документацию полицейских служб, тексты для дополнительного чтения, грамматический комментарий, глоссарий основных юридических терминов.

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ПРУДНИКОВА,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя*

E-mail: 203.019@mail.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право, административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуются современные миграционные отношения в Российской Федерации; выявлены основные проблемы в сфере миграции, даются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменения в указанной сфере.

Ключевые слова: проблема, общественные отношения, совершенствование, миграция.

Annotation. The article deals with modern migration relations in the Russian Federation, the basic problems in different directions of the migration sphere, and provides recommendations on improvement of legislation and law enforcement in the field of migration.

Keywords: the problem, public relations, improvement and migration.

Российская Федерация гарантирует каждому, кто законно находится на ее территории, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства¹. Провозглашение и развитие в законодательстве Российской Федерации указанного права в пределах территории Российского государства имеет большое значение, поскольку право на свободу передвижения выступает одним из основных элементов правового статуса личности. Между тем, формальное признание права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства вовсе не означает одномоментного появления у человека возможности в полном объеме пользоваться им. Для обеспечения этого права необходим организационно-правовой механизм, способный эффективно регулировать отношения в сфере миграции.

Как показывает практика, в настоящее время механизм регулирования миграционных процессов еще не достаточно совершенен, причем не только на уровне правоприменения, но и на уровне нормативно-правового регулирования. Так, по нашему мнению, в настоящее время созрела необходимость создания единых центров, где на основе частного государственного партнерства одновременно ре-

шались бы вопросы достоверности исследований состояния здоровья, запросы по судимости, выяснение реального места проживания, обязательного медицинского страхования, депонирования суммы на выдворение. Это вопросы, которые должны решаться в одном центре. В перспективе, по нашему мнению, целесообразно до въезда на территорию Российской Федерации проводить все проверочные мероприятия в отношении тех лиц, которые хотели бы осуществлять трудовую деятельность, а также разработать электронные документы для трудовых мигрантов, которые позволили бы обеспечивать унифицированную форму накопления обмена информацией, в том числе позволяющую контролировать выплату заработной платы, потому что больше всего спекуляции и дискриминации сегодня наблюдаются именно в вопросах выплаты заработной платы.

Вопрос об ответственности работодателей может быть решен при определении статуса трудового мигранта и процедуры, которые запретят в дальнейшем принимать на работу субъекта, не имеющего официального документа трудового мигранта.

Изучение юридической литературы и практики показало, что одна из важнейших проблем в сфере использования информационных ресурсов является передача информации о каждом в органы статистики. При полной компьютеризации процедур регистрации населения по месту пребывания и месту жительства появляется возможность перейти от предполагаемых сроков регистрации к фактическим, учитывать досрочные выбытия, или повторные регистрации по месту пребывания. Это, по нашему мнению, должно повысить качество и достоверность собранной информации, сделать ее более понятной, а специалисты ФМС смогут отслеживать «миграционную» биографию человека, в частности, историю смены им статусов и историю регистраций по месту пребывания и месту жительства.

До сих пор одной из важных проблем остается совершенствование автоматизированного регистрационного учета населения России и затем, организация передачи в органы государственной статистики массивов первичной информации в электронном виде², что по нашему мнению, будет способствовать совершенствованию формирования отчетов о рождениях, смертях, браках и разводах среди мигрантов; налоговая служба сможет опубликовывать отчеты о том экономическом вкладе, который делают иностранные граждане или лица, недавно получившие российское гражданство и т.д.

Одной из основных задач государственной миграционной политики, предусмотренной Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³, является противодействие незаконной миграции, а одним из направлений государственной миграционной политики Российской Федерации в области противодействия незаконной миграции — совершенствование правовой базы противодействия незаконной миграции, создание и совершенствование системы иммиграционного контроля путем закрепления данного понятия в системе нормативных правовых актов Российской Федерации, определения компетентных органов и перечня соответствующих полномочий⁴. Поэтому назрела необходимость принятия Федерального закона «Об иммиграционном контроле в Российской Федерации».

На необходимость совершенствования методов противодействия незаконной миграции ука-

зывает также Концепция общественной безопасности, утвержденной 14 ноября 2013 г. Президентом Российской Федерации⁵, в которой говорится об увеличении преступности за счет незаконных мигрантов.

По нашему мнению, законопроект должен быть направлен на обеспечение комплексности содержащегося в различных законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации нормативного регулирования деятельности органов в сфере иммиграционного контроля.

Основными задачами законопроекта, по нашему мнению, должны стать: объединение и систематизация действующих норм с позиции актуальности их содержания, изложение нормативных предписаний стройно и внутренне согласованно, обеспечение максимальной полноты регулирования рассматриваемой сферы отношений.

Конструкция вышеуказанного законопроекта может выглядеть следующим образом.

В главе 1 «Общие положения» должны быть закреплены предмет регулирования законопроекта, правовая основа иммиграционного контроля и основные понятия.

В главе 2 «Принципы иммиграционного контроля» — основные принципы иммиграционного контроля, а также основные направления деятельности органов иммиграционного контроля.

Глава 3 «Права и обязанности органа иммиграционного контроля» должна быть посвящена установлению перечня прав и обязанностей органов иммиграционного контроля.

Глава 4 «Применение органами иммиграционного контроля отдельных мер государственного принуждения» должна регламентировать порядок применения должностными лицами органов иммиграционного контроля таких мер государственного принуждения, как задержание и доставление применительно к мероприятиям иммиграционного контроля.

Глава 5 «Применение должностными лицами органа иммиграционного контроля физической силы, специальных средств и оружия» должна устанавливать основания и порядок применения должностными лицами органа иммиграционного контроля физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Глава 6 «Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции» должна установить направления контрольной деятельности, особенности проведения проверочных мероприятий органами иммиграционного контроля, основания и сроки их проведения.

Глава 7 «Обжалование решений, действий (бездействия) должностных лиц органов иммиграционного контроля» — установить порядок обжалования действий (бездействия) должностных лиц органов иммиграционного контроля в вышестоящие органы и суд, с учетом регулирования судопроизводства в Российской Федерации.

Глава 8 «Правовое положение должностных лиц органов иммиграционного контроля» — предусмотреть установление норм, в соответствии с которым правовое положение должностных лиц органов иммиграционного контроля определяется законопроектом, иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере миграции.

В главе 9 «Заключительные и переходные положения» законопроекта предлагается признать утратившими силу отдельные положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», регламентирующих порядок осуществления государственного федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, данные правоотношения будут урегулированы нормами законопроекта.

Принятие данного закона позволит закрепить более качественное нормативное регулирование; позволит принимать более результативные меры реагирования по выявлению и пресечению административных правонарушений и преступлений в сфере миграции.

Одним из важных направлений деятельности органов государства является борьба с нелегальной миграцией, которая порождает не только проникновение в нашу страну радикального исламского фундаментализма, но и усиливает коррупцию, теневую экономику, представители которой заинтересованы в доступе к низкооплачиваемой и бесправной рабо-

чей силе из числа мигрантов. Все это объективно ведет к усилению социальной, межконфессиональной и межнациональной напряженности, так как неизбежным спутником нелегальной и экономически необоснованной трудовой миграции является рост нагрузки на российских налогоплательщиков и социальную инфраструктуру российских городов⁶.

В этой связи дальнейшее совершенствование законодательного регулирования миграционных процессов, на наш взгляд, должно решить следующие задачи.

Во-первых, необходима разработка единого Миграционного кодекса Российской Федерации. При въезде в Россию трудовой мигрант должен получить соответствующий электронный документ, удостоверяющий личность и содержащий его биометрические данные, сведения о месте жительства, месте работы, а также дающий возможность начислять на него заработанную плату в безналичной форме, что очень важно.

Следует ввести уголовную ответственность работодателей за использование руда нелегалов, а также запретить выдавать разрешения тем компаниям, в работе которых были выявлены факты привлечения к работе нелегальных мигрантов.

Во-вторых, предлагаем введение денежного залога, которые иностранные граждане должны вносить при получении патентов и разрешений на работу; сумма этого залога должна обеспечивать возврат иностранца на его историческую родину в случае выдворения его с территории Российской Федерации.

Необходимо ввести единую общероссийскую базу данных вакансий, в которой сведения о вакансиях в обязательном порядке должны заносить каждый: и региональная служба занятости, и частные агентства по подбору персонала. Работодатель должен при этом иметь право привлекать иностранных работников только после размещения информации в этой базе данных и по истечению какого-то времени, если эти вакансии не занимают гражданами Российской Федерации.

В-третьих, предлагаем, чтобы работодатели обязательно уведомляли органы Федеральной миграционной службы о расторжении договоров о найме работника-иностранца, который автоматиче-

ски должны вести к аннулированию разрешения на работу.

Государственная политика в сфере привлечения иностранной рабочей силы должна основываться на четких научных данных о реальных потребностях российской экономики в труде мигрантов.

Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определены основания, по которым разрешение на временное проживание иностранному гражданину не выдается, а ранее выданное разрешение аннулируется. В соответствии со ст. 7 данного федерального закона к таким условиям относится тот факт, если иностранный гражданин осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления, рецидив которого признан опасным; имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом.

Кроме того, 1 июля 2011 г. вступил в силу Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Целью его принятия было предупреждение совершения определенными категориями лиц преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия для защиты государственных и общественных интересов.

Исходя из положений вышеуказанных федеральных законов складываются такие обстоятельства, что иностранный гражданин, освобожденный из мест лишения свободы, за совершение преступлений при обычном рецидиве либо при совершении умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего может продолжать находиться на территории Российской Федерации. При совершении в течение года двух административных правонарушений, подпадающих под действие Федерального закона № 64-ФЗ, в случае непринятия судом в отношении него решения о выдворении за пределы Российской Федерации, сотрудники ОМВД по месту его временной регистрации обязаны направить материалы в суд для установления в

отношении него административного надзора. Полагаем, что логично было бы просто выдворять из страны ранее судимых иностранных граждан с непогашенной судимостью, в том числе подпадающих под действие указанного федерального закона, не дожидаясь совершения ими очередных правонарушений.

Ранее судимыми гражданами других государств на территории г. Москвы совершается свыше 20% всех преступлений. В связи с этим необходимо в подпунктах 5 и 6 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» слова «тяжкого или особо тяжкого» исключить.

В силу ч. 4.2 ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдано разрешение на работу, а также по профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), не указанной в разрешении на работу. Работодатель или заказчик работ (услуг) не вправе привлекать иностранного гражданина к трудовой деятельности вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину выдано разрешение на работу, а также по профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), не указанной в разрешении на работу. Вместе с тем, административная ответственность за нарушение данной нормы, введенной Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 207-ФЗ, до настоящего времени в законодательстве отсутствует.

Таким образом, необходимо в ст.ст. 18.10, 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установить административную ответственность за осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства вида деятельности, не указанного в разрешении на работу, а также за привлечение иностранного гражданина или лица без гражданства к виду деятельности, не указанному в разрешении на работу.

Также необходимо установить обязанность работодателей, принимающих на работу трудовых мигрантов, обеспечить их постоянным местом проживания в жилом фонде с временной регистрацией по конкретному адресу (улица, дом, квартира), запретив им регистрацию трудовых мигрантов по юридическим адресам. Данная норма позволит получить мигрантам право на медицинское обслуживание и другие социальные гарантии, а также упростит контролирующим органам учет и проверку прибывших трудовых мигрантов.

Согласно п. 11 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в случае, если иностранный гражданин или лицо без гражданства неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекались к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность, либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации, — в течение пяти лет со

дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности. Поэтому считаем необходимым расширить категории соответствующих правонарушений, дополнив пункт таким основанием, как совершение иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения в области дорожного движения, влекущего лишение права управления транспортными средствами либо арест.

Эти и другие меры будут способствовать совершенствованию регулирования общественных отношений в сфере миграции.

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 31 декабря 2008 г.) // Российская газета. 21 января 2009 г.

² Подробнее см.: Прудников А.С. и др. Основные направления деятельности Федеральной миграционной службы России (вопросы теории и практики). М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012.

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. / Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/news/>. Дата доступа: 8 июля 2014 г.

⁴ Тюркин М.Л. Миграционная система России. М., 2005. С. 36.

⁵ Концепция общественной безопасности / Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/news/>. Дата доступа: 8 июля 2014 г.

⁶ См.: Самойлов В.Д. Миграциология. М. ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 215—219.



Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [В.Я. Кикоть и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.

Применительно к реалиям современного общества систематизированно изложены нравственные основы правоохранительной деятельности. Рассмотрены этические основы специфики деятельности отдельных правоохранительных служб и учреждений.

Для студентов юридических вузов, изучающих курс профессиональной этики и служебного этикета, а также для практических работников системы правоохранительных органов.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ АНАЛИЗА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАЧАТУРЯН,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики туристической индустрии ГАОУ ВПО

Московский Государственный Институт Индустрии Туризма им. Ю.А. Сенкевича

E-mail: mike-hach@mail.ru

Научная специальность 08.00.01 — экономическая теория

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуются направления совершенствования механизмов анализа и предупреждения угроз экономической безопасности в условиях глобализации. На основе проведенного анализа предлагается авторская точка зрения на методы и механизмы совершенствования системы анализа и предупреждения угроз экономической безопасности России.

Ключевые слова: экономическая безопасность, Россия, механизмы, угрозы, предупреждение, глобализация.

Annotation. This article explores ways of improving mechanisms for analysis and prevention of threats of economic security in the conditions of globalization. Based on the analysis offered the author's point of view on the methods and mechanisms of improvement of the system of the analysis and prevention of threats of economic security of Russia.

Keywords: economic security, Russia, mechanisms, threats, prevention, globalization.

Одной из главных трудностей в процессе анализа технических, организационных и антропогенных угроз промышленной безопасности является невозможность точного прогнозирования наличия пространственных взаимосвязей между этими источниками рисков, а, следовательно, и выработки комплекса мер, направленных на их устранение [1].

Очевидно, что значительную помощь в прогнозировании и моделировании комплекса мер по устранению указанных угроз могут и должны играть современные компьютерные системы. Они должны стать основными инструментами и методами поддержки процесса мониторинга и анализа трех фаз обеспечения безопасности, а именно, исследования основных факторов безопасности, управления безопасностью и контроля состояния системы безопасности [1]. Только такое использование компьютерных систем позволит сформировать устойчивый и эффективный интегрированный комплекс мониторинга и анализа

промышленной безопасности МЧС России и Ростехнадзора.

Модель построения компьютерной системы прогнозирования и анализа технических, антропогенных и антропогенно-организационных факторов индустриальной безопасности представлена в табл. 1.

Автор считает необходимым предложить классификацию направлений использования компьютерных систем, методов, технологий прогнозирования, моделирования и анализа факторов и угроз промышленной безопасности:

- прогнозирование и моделирование влияния человеческих и организационных факторов на формирование средств, ресурсов и запасов организации в контексте обеспечения индустриальной безопасности предприятия и отрасли в целом;
- прогнозирование и анализ воздействия факторов воспроизводства и развития человеческих ресурсов на модель обеспечения безопасности

Таблица 1

Вид факторов риска	Форма проявления	Инструменты анализа и управления
Организационный	Постоянный, внутрисистемный Легко обнаруживаемый	Инспекции, Выявление функциональных ошибок, Аудит
Антропогенный	Спорадический Сложно обнаруживаемый	Анализ деятельности, анализ риска
Антропогенно-организационный	Риск, связанный с организацией, Латентный, сложно обнаруживаемый	Диагностика безопасности, Индикаторы безопасности

- производственных предприятий и обрабатывающих отраслей экономики;
- ❖ разработка, моделирование и прогнозирование использования интегрированных методов оценки и управления рисками, а также анализа угроз промышленной безопасности;
- ❖ анализ методов, технологий выявления и устранения организационных факторов, угроз индустриальной безопасности производственных предприятий;
- ❖ формирование комплексной системы анализа, моделирования и прогнозирования влияния человеческих факторов и антропогенных угроз в процессе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и кризисного управления;
- ❖ исследование проблем обеспечения эффективности интегрированной системы мониторинга и анализа промышленной безопасности, а также качества использования ключевых методов и технологий ее моделирования и прогнозирования.

Очевидно, что использование данных направлений позволит расширить возможности формируемой системы мониторинга и анализа индустриальной безопасности.

Необходимо отметить, что в современных условиях существует несколько важных проблем, связанных с индустриальной безопасностью. Они, главным образом, вытекают из логики и контекста индустриального развития, характеризуются такими факторами, как углубление процессов экономической интеграции, глобализации, совершенствование методов использования информационных технологий,

рост эффективности использования этих технологий в процессе обеспечения промышленной безопасности, а также учет влияния на этот процесс факторов демографии и социального развития общества [2].

Очевидно, что ускорение темпов технологического развития и рост качества человеческих ресурсов привели к формированию новых видов уязвимостей, опасностей, рисков и угроз промышленной безопасности. Исследование, анализ и прогнозирование этих рисков требует выработки инновационных, гибких, эволюционных подходов, которые охватывали бы весь спектр факторов, влияющих на системы обеспечения индустриальной безопасности России.

Таким образом, можно сделать вывод, что интегрированная система мониторинга и анализа промышленной безопасности должна служить инструментом для выработки и апробации комплекса мер по устранению существующих и потенциальных рисков, возникающих в свете вышеуказанных тенденций в национальной и мировой экономике, а также иных угроз промышленной безопасности, которые могут быть выявлены в процессе ее эксплуатации.

Результаты, полученные в рамках деятельности системы могут и должны являться основой для модернизации существующих и создания новых средств, методов, методик обеспечения промышленной, а также иных форм экономической безопасности России. Они также могут использоваться в качестве базы для формирования и развития законодательной и нормативной базы в сфере обеспечения индустриальной безопасности страны.

В этой связи автор предлагает следующую модель распределения результатов деятельности интегрированной системы по направлениям обеспечения промышленной безопасности:

- ❖ формирование и развитие комплекса законодательных и нормативных документов, кодексов, стандартов и анализ их влияния на эволюцию промышленной сферы;
- ❖ выработка средств и методик прогнозирования, мониторинга, анализа степени внедрения инновационных технологий в сферу обеспечения индустриальной безопасности, а также создание условий ускорения темпов научно-технического прогресса в данной сфере;
- ❖ создание и апробация инновационных методов идентификации и оценки существующих и потенциальных видов рисков, угроз экономической безопасности;
- ❖ разработка комплекса мер по ускорению темпов интеграции производственных фирм, компаний в формируемые на территории отдельных регионов и в стране в целом индустриальные сети, зоны, кластеры и другие аналогичные формы взаимодействия в сфере промышленности;
- ❖ прогнозирование, мониторинг, анализ будущих тенденций развития экономических аспектов устранения и управления промышленными рисками, а также выработка методик оценки соотношения экономической цены и ценности управления рисками, угрозами индустриальной безопасности;
- ❖ исследование и выработка мер устранения естественных видов опасностей, приводящих к формированию основных типов угроз промышленной безопасности страны;
- ❖ создание комплекса средств предотвращения и устранения последствий основных угроз безопасности всех видов промышленных объектов, а также создание условий для мониторинга и анализа ключевых видов подобных рисков;
- ❖ разработка и внедрение системы интеграции средств управления рисками, анализа, устранения угроз индустриальной безопасности в рамках жизненного цикла промышленных фирм и предприятий.

Подобное распределение результатов деятельности интегрированной системы мониторинга и анализа промышленной безопасности позволит не только усовершенствовать механизм взаимодействия органов и подразделений МЧС России со структурами Ростехнадзора в сфере предупреждения и устранения последствий чрезвычайных происшествий техногенного характера, но и развить модель обеспечения всех видов экономической безопасности России.

В современных условиях очевидной проблемой сферы обеспечения индустриальной безопасности является то, что процесс передачи знания, полученного в результате прогнозирования, моделирования, исследования, управления рисками и защиты окружающей среды в сферу разработки и внедрения практических решений в этих областях остается весьма продолжительным по времени [3].

Во-первых, анализ процесса передачи знания от научно-исследовательских разработок до практической реализации в промышленности показывает, что национальные проекты в виде федеральных целевых программ, приводят к результатам, степень выполнения которых оказывается значительно выше, чем у аналогичных региональных программ, при этом их результаты, главным образом, осуществляются в масштабах всей страны. Реализация региональных программ развития системы обеспечения промышленной безопасности не может характеризоваться как столь же успешная. С другой стороны, следует отметить, что промышленность не всегда активно, а в некоторых случаях даже довольно пассивно, реагирует на внедрение региональных программ развития производственного потенциала и систем индустриальной безопасности.

Во-вторых, существующая структура индустриальных предприятий в России неоднородна в различных секторах промышленности. В некоторых она представлена лишь крупными предприятиями, как например в машиностроении, автомобилестроении, станкостроении, а в других — группами или отдельными малыми структурами, как например в сфере высокотехнологичных производств.

В-третьих, на завершающем этапе процесс передачи знания затрудняется вследствие нехватки времени и ресурсов; при этом структура передачи

знания не всегда соответствует структуре индустриальной сферы России.

Таким образом, одной из задач интегрированной системы мониторинга и анализа промышленной безопасности должно стать формирование и внедрение новых методов и технологий, направленных на совершенствование процесса передачи знания в сфере индустриальной безопасности в различные отрасли промышленности и, особенно в сферы с наибольшим представительством малого бизнеса. Очевидно, что это позволит сформировать методы и инструменты, направленные на развитие компетентности в области индустриальной безопасности не только рядовых работников, менеджеров по безопасности, но и модернизацию образовательных стандартов в сфере экономической безопасности. В данном контексте значительную помощь должно оказать развитие научно-исследовательских работ в области инновационных компьютерных технологий.

Очевидно, что совершенствование знаний в области промышленной безопасности на основе роста эффективности методов и инструментов передачи знания, позволит развить и повысить культуру безопасности. Данное обстоятельство будет способствовать достижению общей цели формирования интегрированной системы мониторинга и анализа индустриальной безопасности МЧС России и Ростехнадзора; активизации использования этой системы сократит количество чрезвычайных производственных инцидентов.

Литература

1. *Herrmann D.S.* Software Safety and Reliability: Techniques, Approaches, and Standards of Key Industrial Sectors. Oxford: Oxford University Press, 2012. С. 367—380.
2. *Petersen D.* Human Error Reduction and Safety Management (Industrial Health & Safety). Washington DC: Berg, 2011. С. 500.
3. *Wilson L.* Industrial Safety and Risk Management. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2012. С. 345.

СПОСОБЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ И МЕТОДЫ ИХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛИТВИНЕНКО,

доктор экономических наук, начальник учебно-научного комплекса экономической безопасности

Санкт-Петербургского университета МВД России

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ШУБОЧКИНА,

*соискатель ученой степени кандидата экономических наук Санкт-Петербургского университета МВД России,
ведущий эксперт-ревизор Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России,*

подполковник полиции

E-mail: lanfk@rambler.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены методы документирования, используемые специалистами-ревизорами при выявлении случаев уклонения от уплаты налогов в сфере оптовой торговли.

Ключевые слова: экономические преступления, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, документирование.

Annotation. The article considers the methods of documenting used by auditors-specialists in identifying cases of tax evasion in the sphere of wholesale trade.

Keywords: economic crimes, tax fraud, tax evasion, documentation.

Экономические преступления не позволяют государству получать законные прибыли и препятствуют экономическому развитию страны. Особое значение среди прочих экономических преступлений имеют налоговые преступления, так как напрямую уменьшают доходы консолидированного бюджета Российской Федерации, без которых невозможно полноценное функционирование всех уровней власти. В связи с этим особый интерес представляет организационно-правовое противодействие уклонениям от уплаты налогов, которое рассматривается как инструмент в системе нейтрализации одной из угроз экономической безопасности государства.

Уклонение от налогов характеризуется разницей между номинальной и фактической нагрузкой. В предельно общем виде в нашей стране действует следующее правило: с ростом номинальной налоговой нагрузки растет и уклонение от уплаты налогов. В этой ситуации фактическая нагрузка — как доля реально выплаченных налогов в пользу государства — снижается. Проанализируем ситуацию применительно к оптовой торговле.

Оптовая торговля как объект налогообложения — это огромная сеть предприятий разных форм собственности. Экономическая роль развития оптовой торговли состоит в наполнении товарами потребительского рынка, создает условия для их распределения, стимулирования товаропроизводителей. Торговля занимает лидирующие позиции по вкладу и в мировой ВВП (около 10%), и в российский ВВП — доля торговли в добавленной стоимости, созданной в экономике России в последние 20 лет составляла от 10 до 20%. При этом вклад торговли в общую занятость — до 13%. Торговая отрасль на протяжении последних лет — одна из наиболее быстро развивающихся отраслей экономики России. Среднегодовые темпы роста оборота оптовой торговли с 2000 по 2013 гг. составляли 8,5% в год [1].

Уклонение от уплаты налогов — нелегальный путь уменьшения налоговых обязательств; это уголовно наказуемый путь — ст. 198 и 199 Уголовного кодекса РФ [2]. В данном случае, это сознательное использование методов сокрытия доходов от налоговых органов, представляющее собой форму уменьшения налоговых и других платежей.

В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3], под

уклонением от уплаты налогов и сборов следует понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджет. Предметом преступления являются неуплаченные денежные средства в виде налогов и сборов.

В соответствии со ст. 122 Налогового кодекса Российской Федерации [4], ответственность за неуплату налогов наступает не в любом случае возникновения у налогоплательщика задолженности перед бюджетом, а только тогда, когда такая задолженность стала результатом неправомерных действий налогоплательщика. Причем в п. 1 ст. 122 НК РФ определяются два случая неправомерного поведения налогоплательщика: занижение налоговой базы; неправильное исчисление налога.

Сама по себе неуплата налога или неполная уплата налога не являются налоговым правонарушением. Оно появляется только после занижения налогооблагаемой базы или неправильного исчисления сумм налога. Квалификацией таких действий, в соответствии со ст. 30 НК РФ [4], занимаются налоговые органы.

Субъектом преступления может стать лицо, на которое по закону возложена обязанность обеспечить уплату налогов с организации [3]. К субъектам преступления [4] могут быть отнесены руководитель организации — налогоплательщика и главный бухгалтер, в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, а равно иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий. К числу субъектов данного преступления могут относиться также лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера.

Действия субъектов налоговых преступлений принимают конкретные способы уклонения от уплаты налогов на предприятиях оптовой торговли. Рассмотрим наиболее характерные и распространенные среди них.

У субъектов хозяйствования есть два варианта уклонения от уплаты налогов: игнорирование налоговых обязанностей; внесение в налоговую декларацию для целей налогообложения заведомо

ложных сведений [4]. В первом случае организация не исчисляет к уплате и не перечисляет в бюджеты всех уровней подлежащие к уплате налоги.

На втором варианте остановимся более подробно. Именно он подразумевает разнообразные схемы уклонения от уплаты налогов, суть которых заключается в следующем:

- ❖ непредставление налоговых деклараций и документации бухгалтерского учета в налоговые органы;
- ❖ сокрытие объекта налогообложения: фиктивный бартер; лжеэкспорт; фиктивная сдача в аренду основных средств; умышленное увеличение дебиторской задолженности; недостоверность отражения результатов финансово-хозяйственной деятельности в бухгалтерском учете, т.е. деяния по утаиванию денежных средств или имущества, бухгалтерских и иных учетных документов, информации о них (неотраженные результаты финансово-хозяйственной деятельности в документах бухгалтерского (налогового) учета; заключенные сделки и осуществленные хозяйственные операции без документального оформления; неоприходованные товарно-материальные ценности и денежная выручка в кассу);
- ❖ уменьшение размера налогооблагаемой базы: завышение затрат, относимых к издержкам производства; отнесение к издержкам производства расходов в сумме, превышающей действительные; отнесение к издержкам производства затрат, произведенных в другом налогооблагаемом периоде; занижение стоимости реализованной продукции (работ, услуг);
- ❖ использование необоснованных ставок по НДС и налогу на прибыль организаций;
- ❖ использование для уплаты налогов проблемных банков.

Уклонение от уплаты налогов на предприятиях оптовой торговли происходит путем искажения данных об объектах налогообложения с переносом из первичных учетных документов в бухгалтерские регистры, а из них в документы бухгалтерской и налоговой отчетности, которые направляются в налоговые органы. Завершается уклонение от уплаты налогов уплатой в бюджет заниженных сумм или просто их неперечислением. При этом под включением в декларацию заведомо ложных сведений [3]

следует понимать умышленное указание не соответствующих действительности данных об объекте налогообложения, расчете налоговой базы, наличии налоговых льгот, вычетов и любой иной информации, влияющей на правильное исчисление и уплату налогов и сборов.

Рассмотрим некоторые способы уклонения от уплаты налогов и методы их документирования на предприятиях оптовой торговли.

Первым из таких способов является неправомерное применение специального налогового режима — упрощенная система налогообложения.

Применение упрощенной системы налогообложения организациями предусматривает их освобождение от обязанности по уплате налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций и налога на добавленную стоимость. Однако, согласно законодательству [4], упрощенная система налогообложения может применяться организациями и индивидуальными предпринимателями только при соблюдении ряда условий и ограничений (величина доходов; средняя численность работников за отчетный период; остаточная стоимость основных средств и нематериальных активов; регистрация филиала (представительства); наличие соглашения о разделе продукции; участие других фирм в уставном капитале; производство подакцизных товаров; добыча и реализация полезных ископаемых).

Неправомерное использование специального режима налогообложения позволяет фирмам не уплачивать в бюджет налог на прибыль организаций и налог на добавленную стоимость.

Для выявления действий, связанных с неправомерным использованием упрощенной системы налогообложения, необходимо проводить исследования следующих документов:

- ❖ приказы о назначении должностных лиц организации, ответственных за ведение финансово-хозяйственной деятельности;
- ❖ свидетельства о постановке на учет в налоговом органе и государственной регистрации;
- ❖ справка из налогового органа об открытых счетах организации-продавца и банковские выписки по ним;
- ❖ налоговые декларации по налогу на прибыль организаций и налогу на добавленную стоимость;

❖ карточки счетов бухгалтерского учета 41 «Товары», 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 68 «Расчеты по налогам и сборам», 90 «Продажи».

Второй способ — применение предприятием оптовой торговли специального налогового режима в виде единого налога на вмененный доход путем реализации товаров в розничной торговле.

Для выявления указанных действий, связанных с неправомерным использованием упрощенной системы налогообложения, необходимо проводить исследования следующих документов:

- ❖ первые четыре документа, указанные для первого способа;
- ❖ договоры аренды и свидетельства о наличии недвижимого имущества, а также представленные сведения о ее площадях;
- ❖ карточки счетов бухгалтерского учета 01 «Основные средства», 41 «Товары», 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 68 «Расчеты по налогам и сборам», 90 «Продажи», забалансовые счета 001 «Арендованные основные средства».

Третьим из способов уклонения от уплаты налогов на предприятиях оптовой торговли является использование операций с рублевой (валютной) наличностью, не фиксируемых в бухгалтерском учете и отчетности. Речь идет о неофициальных наличных расчетах («черный нал»).

В нарушение правил ведения хозяйственных операций [6], в данном случае для получения наличных денежных средств, предприятие оптовой торговли реализовывало продукцию индивидуальным предпринимателям за наличный расчет, без отражения в бухгалтерском учете указанных хозяйственных операций. При этом в первичных формах бухгалтерской отчетности искажались данные о количестве реализуемой продукции и ее стоимости. Уклонение от уплаты налогов происходит путем отражения в бухгалтерском учете недостоверной информации по хозяйственным операциям.

При исследовании данного факта необходимо использовать метод встречной проверки документов контрагентов, которым реализовывалась продукция за наличный расчет. Встречная проверка заключается в сопоставлении разных экземпляров

одного и того же документа (например, экземпляр счета-фактуры, выставленный в адрес контрагента и экземпляр счета-фактуры, оставшийся у организации-продавца). В ходе проведения исследования выявляются несоответствия в данных, представленных контрагентами и в данных бухгалтерской отчетности организации.

Для документирования данного способа уклонения от уплаты налогов необходимо исследовать документы организации:

- ❖ документы контрагентов (в которых указаны виды, количество и цена продукции), подтверждающие приобретение продукции у организации, в отношении которой проводится исследование;
- ❖ приказы о назначении должностных лиц организации—продавца, ответственных за ведение финансово-хозяйственной деятельности;
- ❖ свидетельства о постановке на учет в налоговом органе и государственной регистрации организации—продавца;
- ❖ справка из налогового органа об открытых счетах организации—продавца и банковские выписки по ним;
- ❖ налоговые декларации по налогу на прибыль организаций и налогу на добавленную стоимость организации—продавца;
- ❖ первичные бухгалтерские документы: счета-фактуры, книги продаж, товарные накладные организации—продавца;
- ❖ выписки по расчетным счетам организаций, открытым в банках;
- ❖ карточки счетов бухгалтерского учета 41 «Товары», 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 68 «Расчеты по налогам и сборам», 90 «Продажи» организации-продавца.

Четвертым и наиболее часто встречающимся на практике способом уклонения от уплаты налогов является способ с использованием при расчетах за оказанные организации услуг фирм—однодневок.

Под фирмой—однодневкой понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации.

Суть схемы с участием фирм—однодневок сводится к искусственному включению их в цепочку хозяйственных связей фирм с признаками фиктивности [7]. При этом цель достигается в результате согласованных противоправных действий налогоплательщика и подконтрольной ему фирмы—однодневки, которая является формально обособленной от налогоплательщика, что зачастую фактически не соответствует действительности.

Основная идея этой схемы состоит в том, что фирма за оказываемые ей услуги перечисляет денежные средства на счет фирмы—однодневки, а взамен получает фиктивный отчет о проделанной работе. В результате такой сделки у организации—плательщика денежных средств существенно сокращаются налоговые платежи, а отчетность остается чистой, т.е. денежные средства израсходованы законно. В свою очередь, фирма—однодневка не смогла бы объяснить свою финансово-хозяйственную деятельность. Поэтому она действует непродолжительный срок.

При осуществлении исследования указанных операций, для подтверждения указанных фактов уклонения от уплаты налогов, необходимы следующие документы в отношении исследуемой организации:

- ❖ приказы о назначении должностных лиц организации, ответственных за ведение финансово-хозяйственной деятельности;
- ❖ свидетельства о постановке на учет в налоговом органе и государственной регистрации;
- ❖ сведения из налогового органа об открытых счетах организации и банковские выписки по ним;
- ❖ налоговые декларации по налогу на прибыль организации и налогу на добавленную стоимость;
- ❖ карточки счетов бухгалтерского учета 19 «Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям», 41 «Товары», 50 «Касса», 51 «Расчетные счета», 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 68 «Расчеты по налогам и сборам», 90 «Продажи».

В отношении поставщика работ (услуг) необходимо исследовать те же документы, подтверждающие фиктивность работы указанной организации (кроме карточек счетов бухгалтерского учета).

На фиктивность работы организации могут указывать следующие сведения: «массовый руково-

дитель» или «массовый учредитель» организации; фиктивная регистрация по адресу осуществления деятельности; не предоставление деклараций в налоговый орган или указание ничтожно малых сумм, подлежащих к уплате в бюджет и т.д.

Методика проведения исследований по выявлению и документированию способов уклонения от уплаты налогов заключается в установлении не исчисленных к уплате в бюджет сумм налогов за исследуемый период. Налоги исчисляются по действующему на исследуемый период законодательству.

При проведении исследования документов специалисту подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России необходимо сопоставлять данные бухгалтерского учета и выявлять несоответствие и недостоверные сведения.

Включение в налоговую декларацию и в иные обязательные документы заведомо ложных сведений может выражаться в умышленном неотражении в них данных о полученных доходах, в уменьшении его действительного размера и т.д.

В начале работы специалисты подразделений документальных исследований подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции изучают поступившие на исследование документы в отношении исследуемой организации.

Для предприятий оптовой торговли объектом налогообложения по НДС является сумма, полученная от реализации товаров (работ, услуг). При реализации товаров объектом налогообложения являются обороты по реализации товаров (работ, услуг).

Учет товаров в организации оптовой торговли должен вестись на счете 41 «Товары» (субсчет «Товары в оптовой торговле») по стоимости приобретения без НДС. Суммы НДС по приобретенным товарам отражаются по дебету счета 19 «Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям» в корреспонденции со счетами учета расчетов — 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами». При этом необходимо обратить внимание на выделение суммы НДС отдельной строкой в счете-фактуре.

В соответствии с законодательством [4, ст. 171] вычету подлежат суммы налога, предъявленные на-

логоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг), в отношении товаров (работ, услуг), приобретаемых для перепродажи.

Также необходимо обратить внимание на: применение ставок НДС (10% или 18%); законность освобождения от налога на добавленную стоимость. При документировании фактов уклонения от уплаты налогов необходимо обратить внимание на возмещение сумм НДС из бюджета.

При использовании метода формальной проверки анализируют соблюдение установленной формы документа и всех его реквизитов в соответствии с Законом [6]. Специалисту органов внутренних дел при проведении исследования таких документов следует обращать внимание на имеющиеся исправления, следы подчисток, дописок, а также черновые записи. При этом проводится арифметическая проверка (контроль) правильности подсчетов, произведенных при составлении учетных документов.

Во время нормативной проверки проводится анализ содержания отраженной в документе хозяйственной операции в плане соответствия действующим нормам, правилам и инструкциям. Это позволяет выявлять документы, содержащие недостоверную информацию.

Может использоваться метод контроля взаимосвязанных учетных документов, состоящий в сопоставлении документов, прямо или опосредованно отражающих проведение хозяйственной операции. Использование данного метода документирования позволяет сопоставлять: сведения, отраженные в налоговых декларациях, с данными бухгалтерского баланса и приложений к нему; налоговые декларации с первичными бухгалтерскими документами; содержание первичных бухгалтерских документов со сводными формами и записями неофициального учета. В результате использования этого метода выявляются операции, учтенные не полностью при расчете налогов, либо просто не задокументированные.

По результатам проведенных методов документальных исследований специалистами подготавливаются справки об исследовании документов, где отражаются все выявленные в процессе проведения исследования нарушения (в том числе и налогового законодательства).

При рассмотрении данного вопроса необходимо отметить, что в настоящее время в соответствии с [5] поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198 — 199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Следственные органы могут в дальнейшем, для уточнения сумм неуплаченных налогов, направлять материалы специалистам подразделений документальных исследований подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Способы совершения преступлений в сфере экономической деятельности, направленные на уклонение от уплаты налогов, не являются статичными. Поэтому важно не только изучить и знать основные схемы и инструменты их реализации, но и постоянно отслеживать развитие этих способов, упреждать появление новых возможностей для изменения действующих схем.

Литература

1. Приказ Минпромторга РФ от 31 марта 2011 г. № 422 «Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2011—2015 гг. и период до 2020 г.» www.consultant.ru (Дата обращения: 28 апреля 2014 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2014 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета от 31 декабря 2006 г.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ и часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 2 апреля 2014 г. и 20 апреля 2014 г.).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20 апреля 2014 г.).
6. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. от 1 января 2014 г.). Консультант Плюс (дата обращения 4 мая 2014 г.).
7. Батурина Е.В., Литвиненко А.Н. Методология экономико-правового анализа фиктивного предпринимательства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5 (83). С. 65—73.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО МАРКЕТИНГА**

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШИБАКОВ,

соискатель кафедры экономической безопасности и экономики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: shibakov.dv@yandex.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Купрещенко Н.П.

Рецензент: кандидат экономических наук, профессор Сигунова Т.А.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются современные характеристики внешней маркетинговой среды, приводится практический анализ ключевых элементов информационно-технологической среды международного маркетинга. При этом описываются такие аспекты, как распространение товаров и услуг через Интернет и его составляющие — социальные сети, форумы и т.д., а также влияние информации в СМИ на внутренний и внешний рынок товаров и услуг.

Ключевые слова: маркетинг, международная маркетинговая среда, электронная коммерция, социальные сети, средства массовой информации.

Annotation. This article discusses the characteristics of modern external marketing environment, provides a practical analysis of the key elements of the information and technological environment of international marketing. At the same time describes aspects such as the distribution of goods and services through the Internet and its components — social networks, forums, etc., as well as the impact of media reporting on internal and external markets for goods and services.

Keywords: marketing, international marketing environment, e-commerce, social networking, media.

Международный маркетинг позволяет оптимизировать коммерческую деятельность фирмы, направляя ее на удовлетворение динамично возникающих требований потребителей товаров и услуг.

Резких отличий между маркетингом на внутреннем и внешнем рынках не существует, поскольку на обоих рынках используются одни и те же принципы и методы маркетинговой деятельности. Однако определенная специфика мировых рынков придает международному маркетингу характерные черты, которые следует учитывать отечественными предпринимателям.

Современный этап развития российской экономики невозможен без активного присутствия российских участников рынка в международном сотрудничестве. Развивающийся отечественный рынок, являющийся одним из важнейших звеньев

международного рынка, оказывает существенное влияние на его формирование.

На текущий момент международный рынок представляет собой взаимосвязанную систему рынков государств со своей спецификой, с учетом географических, климатических, национальных, культурных, религиозных, социальных и политических условий.

Без освоения современных форм и методов международного маркетинга расширение международных связей невозможно.

Среда международного маркетинга характеризуется состоянием отечественной и зарубежной среды.

Информационно-технологическая среда международного маркетинга позволяет маркетологам проводить широкомасштабные и глубокие марке-

тинговые исследования, оперировать большим количеством данных в мировой маркетинговой среде, в том числе путем подключения к банкам данных других организаций через объединенные коммуникационные системы в локальном, национальном, региональном и международном масштабах. Она способствует осуществлению эффективного сбора, накопления, обработки, систематизации и анализа многоплановой по своей структуре маркетинговой информации, расширяет возможности применения математических методов, сложных, оптимальных экономических моделей для экономического и рыночного прогнозирования и моделирования, создает условия для повышения эффективности и значительного ускорения процесса составления маркетинговых программ и принятия управленческих решений, проведения имитационных тестов в лабораторных условиях, ведет к развитию новых видов маркетинга (например, электронного маркетинга, маркетинга ТВ) и т.д. Информационно-технологическая среда международного маркетинга включает в себя:

1) развитие электронной коммерции (транзакций и сделок на глобальном «электронном рынке»);

2) развитие собственно международного маркетинга (всех его основных функций, начиная с маркетинговых исследований и заканчивая деятельностью по управлению каналами товародвижения).

Современной составляющей электронной коммерции является среда распространения, в том числе локальные и глобальные сети передачи данных (Интернет и его составляющие), средства массовой информации¹.

В середине второго десятилетия XXI в. международный маркетинг товаров и услуг закрепился в информационных сетях. Наиболее востребованной услугой как на международном, так и внутреннем рынке, стала информация. Она в настоящее время является актуальным ресурсом на рынке в связи с низкими производственными затратами, а также незначительными затратами на логистику, при этом информация пользуется большим спросом. Если актуальную информацию своевременно вывести на рынок, как на региональный, так и на международный, то эффект от ее распространения может

вызвать рост и падение рынка (как товарного, так и валютного). Из этого следует, что информация — инструмент влияния на рынки с малой себестоимостью.

Поэтому наиболее целесообразно рассмотреть вопросы информационно-технологической среды международного маркетинга на примере её составных элементов — Интернета и в частности социальных сетей, форумов и поисковых площадок, а также СМИ.

Итак, социальные сети [Social Networks] — применительно к Интернету — это виртуальная сеть, являющаяся средством обеспечения сервисов, связанных с установлением связей между его пользователями, а также разными пользователями и соответствующими их интересам информационными ресурсами, установленными на сайтах глобальной сети. Иначе говоря, это веб-сайты с возможностью указать какую-либо информацию о себе, по которой вас смогут найти другие участники сети.

В социальных сетях пользователи могут общаться как индивидуально посредством электронных сообщений, так и в сообществах, которые представлены в виде открытых форумов с аудиторией, доходящей до 3—4 млн. посетителей. Прекрасно можно представить простор для рекламодателей. Всё делается для получения прибыли, не для общения по интересам. Так, в конце 2013 г. была создана рекламная биржа в одной из социальных сетей, стоимость одного сообщения рекламного характера не может быть ниже 100 руб., а конечная стоимость определяется администратором группы².

Всё же социальные сети — это не просто место для общения, в настоящий момент это классический рынок товаров и услуг, в большинстве своём несертифицированных и нелегальных. Так, в одной из популярных отечественных сетей можно заказать алкоголь сомнительного качества, но при этом, как утверждают продавцы, элитный, качественный и очень не дорого. Также можно приобрести ножи, мечи и прочий «качественный» товар, произведенный в Китае (большой оборот средств, которые официально не декларируются и уходят от налогообложения).

Один из ключевых элементов глобальной сети Интернет — поисковая площадка. Поисковых площадок в сети много, они отличаются между собой

технологией поиска информации и охватом аудитории, пользующейся их услугами. Поисковый запрос на популярных площадках уже давно перестал быть личным, любой запрос, который подразумевает товар или услугу, автоматически превращается в контекстную рекламу, которая, в свою очередь, публикуется в среде поисковика на любом доступном сайте различной тематики. Приведем пример: вы хотите приобрести велосипед, но еще не определились с моделью и местом покупки, вы вводите информацию для поиска подходящей модели на поисковой площадке. Спустя какое-то время, находясь на сайте, посвященном компьютерной технике, вы видите встроенное рекламное приложение поисковой площадки с указанием адресов интернет-магазинов по продаже велосипедов, т.е. информация о предыдущем поиске была обработана без вашего ведома и предложена вам в конечной интерпретации. При детальном рассмотрении поисковых площадок можно сделать вывод, что ту информацию, которую вы вводите в строку поиска, знаете не только вы, как собственники, но и операторы обработки информации, которые, в свою очередь, могут ее продать третьим лицам, что зачастую и происходит.

Второй составляющей данного комплекса являются средства массовой информации занимающиеся сбором, обработкой и распространением массовой информации по каналам печатной продукции, радио, телевидения, кинематографа, звуко- и видеозаписей.

СМИ и связанные с ними новейшие информационные и компьютерные технологии, используемые в политической сфере, могут способствовать расширению возможностей реального участия самых широких слоев населения в политическом процессе.

СМИ сообщают человеку о мире политики, тех политических ценностях, которые становятся господствующими с точки зрения государственной власти. При этом сам процесс «ввода» информации направлен на формирование у различных групп граждан хотя бы минимума согласия по основным вопросам государственной политической стратегии. Являясь фактором формирования политической культуры, СМИ выступают в качестве наиболее эффективного инструмента познания человеком мира политики³. Сбалансированная, объективная и

полная информация о самых различных сторонах политической жизни общества является условием совершенствования политической культуры.

Деятельность СМИ регулируется Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (Закон о СМИ).

За прошедшие с принятия Закона о СМИ годы некоторые использованные в нем термины устарели и перестали соответствовать терминологии, используемой в современном российском законодательстве. С другой стороны, за это время в правовой оборот были введены понятия, на момент принятия Закона не существовавшие и поэтому в него не вошедшие.

В Законе о СМИ немало норм, содержащих те или иные термины, вышедшие из современного юридического лексикона и серьезно осложняющие применение этих норм. Как, в частности, ч. 1 ст. 4 Закона. Исключительная важность этой статьи заключается в том, что ее и только ее нарушение является основанием для прекращения деятельности любого СМИ. Содержащийся в ней перечень деяний, признаваемых злоупотреблением свободой массовой информацией, во многом перекликается с различными статьями Уголовного кодекса РФ, но, так как термины в этих документах применяются разные, толкований определений данных терминов, а соответственно, и применения нормы, может быть множество, что затрудняет применение законов на практике.

При этом в Законе немало норм, по понятным причинам не содержащих тех или иных терминов, введенных в юридический лексикон после принятия Закона о СМИ. Например, ст. 39 Закона о СМИ предусматривает право редакции запрашивать информацию «о деятельности государственных органов и организаций», не упоминая при этом муниципальные органы. Фундамент системы муниципальных органов был заложен Конституцией РФ 1993 года, на два года позже принятия Закона о СМИ. В результате средства массовой информации оказались лишенными возможности направлять запросы информации в городские законодательные собрания, мэрии, районные управы и т.д. Очевидно, что короткая поправка в эти статьи, дополняющая список органами местного самоуправления, была бы эффективна и необходима.

Не совсем удачным образом решена в Законе о СМИ проблема регулирования распространения

средств массовой информации в транснациональных телекоммуникационных сетях, в том числе, в Интернете. Ст. 24 Закона говорит о двух видах «иных средств массовой информации»: это, во-первых, «тексты, созданные с помощью компьютеров и (или) хранящиеся в их банках и базах данных» — для которых установлены правила, аналогичные периодическим печатным изданиям; и, во-вторых, «распространение массовой информации через телекоммуникационные сети» — к которым должны применяться правила, установленные для радио- и телепрограмм. Проблема заключается в том, что Законом о СМИ оказались непредусмотренными тексты и иные изображения, созданные с помощью компьютеров и хранящиеся в их памяти, но одновременно, и распространяемые через телекоммуникационные сети. Закон не позволяет объединить оба признака, а заставляет выбирать: или первое со статусом печатного СМИ, или второе со статусом телерадиопрограммы. В результате Интернет-СМИ оказались между этими двумя совершенно разными правовыми статусами. Если применить первый, то каждый выпуск Интернет-страницы должен иметь свой порядковый номер (по аналогии с номерами выпусков газет) и тираж, определить который чрезвычайно сложно. Применение к той же странице второго статуса влечет необходимость ее лицензирования, поскольку распространение теле- или радиопрограмм есть соответственно теле- или радиовещание. Каждая из этих ситуаций является тупиковой.

Среди не до конца продуманных норм Закона находится ст. 17, которая устанавливает, что права и обязанности учредителя и редакции, предусмотренные настоящим Законом, возникают с момента регистрации средства массовой информации. Из этой нормы следует, что на учредителей и редакцию незарегистрированного средства массовой информации требования Закона не распространяются. Такое, санкционированное самим Законом существование СМИ «вне закона» чревато серьезными злоупотреблениями со стороны редакций, уклоняющихся от регистрации выпускаемых ими средств массовой информации, а также средств массовой информации, издаваемых тиражом менее 1 000 экземпляров, которые в силу ст. 12 Закона освобождены от обязательной регистрации.

Целесообразно отметить, что наличие «распыленных» норм нельзя однозначно оценить как недостаток, хотя они, конечно, свидетельствуют об относительной неразвитости законодательства о СМИ. Основная оценка должна зависеть от того, насколько та или иная норма вписывается в общую идеологию данной отрасли законодательства.

Нельзя не признать, что законодательство о СМИ развивается довольно хаотично. Существующая практика законотворчества в значительной степени характеризуется бессистемным поточным производством пробельных и противоречивых нормативных актов, конъюнктурных по содержанию и не приспособленных для правоприменения. Такая практика лишь усиливает разбалансированность правовой системы, и без того переживающей трудный, хотя и естественный период адаптации к новой конституционной базе. Издание новых законов — ключ к решению острейших проблем сферы массовой информации.

В настоящее время одними из популярных средств массовой информации являются радио и телевидение.

Количество каналов доведения информации до различных групп граждан велико, разнообразно и количество владельцев этих каналов. Только в Москве в FM-диапазоне насчитывается 45 радиостанций, телевизионных каналов различных диапазонов вещания в Москве давно превысило за 100. СМИ, позиционирующих как новостные сайты в среде Интернет очень много. И у всех есть владельцы и цели — аудитория, прибыль.

В зависимости от владельца СМИ приоритеты этих целей меняются.

СМИ интересны тем, что информация, которую они преподносят аудитории, влияет на политическую и экономическую обстановку в стране. Распространение информации, не всегда достоверной, но всегда актуальной может обрушить рынок акций или понизить стоимость национальной валюты по отношению к другим валютам. Как пример можно рассмотреть хронологию распространения информации о событиях на Крымском полуострове в марте—апреле 2014 г. и ее влияние на экономику:

3 марта — падение индексов основных российских бирж, а также обменного курса рубля ряд СМИ связал с кризисом в Крыму. Существует

мнение, что ЦБ России менее чем за сутки потратил 11,3 млрд долларов для поддержания курса рубля. Базовая ставка рефинансирования была увеличена с 5,5 до 7% годовых. По некоторым оценкам, общее снижение рыночной стоимости российских компаний за один день 3 марта 2014 г. составило 2 триллиона руб. (55 млрд долларов США).

- ❖ 6 марта — снизились индексы российских бирж: РТС на 2,5%, ММВБ на 2,1%. По мнению аналитиков, котировки отреагировали на повышенные риски из-за событий на Украине.
- ❖ 11 марта было объявлено, что Евросоюз планирует приостановить сотрудничество по строительству газопровода «Южный поток», через который должно было идти в Европу 35% всего российского газа.
- ❖ 21 марта — рейтинговые агентства Standard&Poor's и Fitch понизили прогноз кредитного рейтинга России со «стабильного» на «негативный». Главной причиной решения стала политическая неопределенность вокруг крымского кризиса. Общий дефицит бюджета Крыма и Севастополя в 2014 г. оценивается в 55 млрд руб. Эта сумма будет покрываться за счет нераспределенных доходов бюджета РФ⁴.
- ❖ 25 марта — агентство Fitch понизило прогноз по рейтингам девяти российских компаний и 15 банков до негативного. В список попали «Сбербанк России», «Внешэкономбанк», «Газпромбанк», «Росбанк», «Ситибанк» и «Райффайзенбанк», а также компании «Атомэнергопром», «Газпром», «Гражданские самолеты Сухого», «Лукойл», РЖД и «Русгидро».
- ❖ 9 апреля — РосБизнесКонсалтинг сообщило о том, что по оценке НИУ «Высшая школа экономики» и УК «Альфа-Капитал» присоединение Крыма стоило российскому рынку 179 млрд долл, что сложилось из оттока капитала в 33,5 млрд долл., падения капитализации отечественных компаний на 82,7 млрд долл. на родине и на 62,8 млрд долл. — в Лондоне⁵.

Таким образом, СМИ, как элемент информационно-технологической среды международного маркетинга, в настоящее время могут дестабилизировать экономику целого государства всего лишь распространением информации. На внутреннем рынке

существует такая же картина, заинтересованному лицу достаточно распространить информацию об экономической нестабильности нужной организации, как рынок, пусть на короткий срок, примет эту информацию, обрушив акции компании, чем и воспользуется заказчик, поэтому СМИ — элемент информационно-технологической среды международного маркетинга и безусловно требует детального рассмотрения.

Как видно из данной статьи — в XXI в. информационно-технологическая среда международного маркетинга тесно связана с нашей личной жизнью. Современные информационные технологии облегчают нам жизнь, в первую очередь, для совершения покупок, Интернет стал огромной торговой площадкой, телевидение и радио превратились во влиятельных игроков рынка. Эти элементы информационно-технологической среды международного маркетинга требуют детального рассмотрения, то есть изучив их механизм, можно было (не ограничивая их возможности) обеспечить экономическую и информационную безопасность государства, общества и гражданина.

Литература

1. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 с последующими изменениями и дополнениями.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О персональных данных».
3. Международный маркетинг: Учеб. пособие / Н.И. Перцовский, И.А. Спиридонов, С.В. Барсукова; Под ред. Н.И. Перцовского. М.: Высшая школа, 2001.
4. Статистика рынка товаров и услуг: Учебник / Под ред. И.К. Беляевского. М., 1995.
5. Черников В.И. Международный маркетинг: Учеб. пособие. СПб., 1998.
6. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 3-е изд. СПб., 2014.

¹ Далее: СМИ.

² ««ВКонтакте» запустила сервис платных постов от рекламодателей». <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/2013/11/05/111918.shtml>

³ «Госканалам нет альтернативы». РБК daily от 18.06.2014 №107.

⁴ http://www.bbc.co.uk/russian/business/2014/03/140303_rouble_collapse.shtml

⁵ <http://lenta.ru/articles/2014/03/03/fall/>

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА США

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,

кандидат исторических наук,

профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

ДИНАРА НАДЕРОВНА САУДАХАНОВА,

младший научный сотрудник научно-исследовательского института образования и науки

E-mail: d2003k@list.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются университетские издательства США, а также Ассоциация университетских издательств США, их роль, работа и функции.

Ключевые слова: университетские издательства, США.

Annotation. In this article we explore the university presses of the USA and the Association of American University Presses, their role, work and functions.

Keywords: university presses, the USA.

Первые университетские издательства США были созданы с целью удовлетворения собственных академических нужд. Они издавали официальные университетские бюллетени, а также публиковали работы студентов и выпускников. Позднее университеты стали привлекать к этой деятельности профессиональные издательские дома, с помощью которых учебные заведения смогли представить научные труды своих факультетов более широкой аудитории.

Первое в США упоминание термина «университетское издательство» связано с Корнелльским Университетом в 1869 г. В следующем году свое издательство открыл Университет Пенсильвании, однако начинания обоих учебных заведений от раза к разу терпели неудачи в силу различных причин (на постоянной основе и по сегодняшний день издательства указанных университетов работают с 1930 и 1920 гг. соответственно). Старейшим в Америке является издательство Университета Джона Хопкинса (1878 г.). Далее следуют издательства Чикагского Университета (1891 г.), а также Колумбийского и Калифорнийского университетов (оба 1893 г.). К 1920 г. собственными издательствами

обладали следующие университеты: Фордхемский (1907 г.), Йельский (1908 г.), Вашингтонский (1909 г.), Принстонский (1910 г.), Лойольский (1912 г.), Гарвардский (1913 г.), Нью-Йоркский (1916 г.), а также Университет штата Иллинойс (1918 г.)¹.

В 1935 г. в США существовало 17 университетских издательств, каждое из которых издавало не менее 5 книг в год, что составляло 6% от всей издаваемой продукции издательствами подобного размера. К 1949 г. количество увеличилось до 30, а доля до 7,2%. Работа собственных издательств была налажена в Университетах Дюк, штатов Джорджия, Небраска, Нью Мексико, Айова, Висконсин и Луизиана, Мичиганском, Миннесотском, Северо-Калифорнийском, Оклахомском, Стэнфордском, Далласком, а также в Университете Рутгерса.

Рост, особенно в более крупных издательствах, сопровождался расширением, как перечня издаваемой продукции, так и границ сбыта. В виду того, что главной проблемой для университетских издательств был недостаток финансирования, они стремились наладить тесные связи с бизнесом, фа-

культеты учебных заведений проводили различные исследования по заказу коммерческих структур, последние выступали в качестве инвесторов, а также помогали в распространении.

Главной задачей университетского издательства США является публикация научных трудов преподавателей и исследователей, в основном данного университета. При этом некоммерческое университетское издательство обязано выпускать все те книги, которые не берут для публикации крупные коммерческие издательства. За это они освобождаются от уплаты местных и федеральных налогов. Вместе с тем университетское издательство издает не только монографии, но и учебную литературу, рассчитанную на студентов и преподавателей, а также книги широкого спроса (trade books).

Рассмотрим более подробно издательство The University of Michigan Press, которое принадлежит Мичиганскому университету, принадлежащему, в свою очередь, штату Мичиган. Финансирование осуществляется из бюджета штата (5% бюджета университета), а также за счет пожертвований и даров бывших выпускников. Издательство существует с 1931 г. Его репутация достаточно высока, поскольку любая университетская библиотека считается неполной, если в ней отсутствуют книги The University of Michigan Press. То же мнение справедливо и в отношении личных библиотек специалистов по общественным наукам.

Основная специализация Мичиганского университета — гуманитарные и общественные науки, поэтому главной своей задачей издательство The University of Michigan Press считает ознакомление научной общественности и широкой публики с результатами исследований сотрудников Мичиганского университета. Причем в отличие от других университетских издательств оно не издает научный журнал, ограничиваясь только монографиями. Характерно, что публикуемые монографии, как правило, не переиздаются, поэтому издательство постоянно работает с авторами, пополняя издательский портфель².

Другой особенностью The University of Michigan Press является издание учебников по изучению английского языка как второго. Средний

тираж этих учебников, единственным в стране издателем которых является The University of Michigan Press, достигает 25 тыс. экземпляров.

Для поддержания своего финансового положения не так давно издательство осуществило успешный проект — выпуск книги, посвященной истории и основным направлениям джаза, для чего были привлечены авторы, являющиеся признанными специалистами по джазу.

Для распространения своей продукции издательство использует в качестве главного маркетингового инструмента каталог Spring and Fall lists (тематический план с объявленными к изданию книгами), выпускаемый два раза в год. Кроме США каталоги рассылаются оптовым и розничным торговцам в странах Европы, Азии и Канаде. Отделом маркетинга издательства разработан список основных клиентов, для которых составляется особый унифицированный список в электронном виде, часто в формате электронных таблиц, которые проще обновлять, когда вносятся коррективы в издательский план.

Для маркетинговой и сбытовой деятельности издательства The University of Michigan Press характерно все более широкое использование электронных средств, в частности, весьма активно развивается продажа книг через компанию Amazon.com.

Кроме каталога, издательство The University of Michigan Press размещает информацию о своих книгах в справочниках Books in Print («книги в печати»), которые содержат более точные данные, так как учитывают все изменения, которые издательство вносит в издательский план. Однако в последнее время большинство потенциальных покупателей ориентируются не на справочники и каталоги, а на Web-страницы компании Amazon.com, «перебивающей» тем самым клиентов у издательства The University of Michigan Press, которое могло бы предоставить более точную информацию о своих узкоспециализированных монографиях.

Организация работы университетского издательства имеет свою специфику, заключающуюся, прежде всего, в том, что оно с тематической точки

зрения не зависит от конъюнктуры рынка. Сегодня в год издается до 170 новых книг университетских авторов. Как правило, выплата аванса авторам не принята, авторский гонорар составляет 7—8% продаж. При этом многие преподаватели пишут книги не в расчете на гонорар, а для получения пожизненного контракта преподавателя и дальнейшего карьерного продвижения, для которого требуется наличие опубликованных научных трудов. Поэтому многие преподаватели сами предлагают для издания свои труды.

Кроме того, среди университетских издательств существует конкуренция за право издать работы наиболее видных специалистов. Поэтому наряду с рассмотрением предложенных к изданию работ издательство активно проводит работу с авторами по своему выбору. Считается престижным издать работы преподавателя другого университета, но не следует упускать и «своих», университетских авторов; когда они издают свои труды в других университетских издательствах, это рассматривается как промах. Если же речь идет о коммерческом издательстве, это уже не считается промахом, поскольку автор, как всем понятно, руководствовался соображениями финансовой выгоды, а не престижа³.

Утверждение издания каждой книги по представлению редакционного совета The University of Michigan Press осуществляет ученый совет Мичиганского университета, в состав которого входят профессор и ведущие специалисты-исследователи. Они определяют интеллектуальную ценность предлагаемых работ.

Залогом эффективной работы является грамотно выстроенная организационная структура издательства. Штат насчитывает 45 сотрудников, кроме того, практикуется привлечение внештатных редакторов. Возглавляет издательство директор. Издательство имеет семь отделов: приобретения рукописей (редакторский), маркетинга, производственный, цифровой обработки, клиентская служба и бизнес-офис, отдел реализации, склад. В ведущем, редакционном отделе (формирования издательского портфеля) работают пять редакторов по приобретению рукописей. Каждый является дипломированным специалистом, имеет докторскую степень по какой-либо обществен-

ной науке. В его задачу входит отбор рукописей для издания, т.е. работа с потенциальными авторами, предлагающими издательству свои труды. После ознакомления с рукописью редактор получает отзывы на нее двух независимых рецензентов, и если они положительны, готовит проект издания рукописи на рассмотрение ученого совета⁴.

При этом практикуется совместная работа редактора с автором, если рецензенты рекомендуют внести изменения в структуру или содержание работы. Работая с автором, редактор дает свои рекомендации, советует, обговаривает финансовую сторону проекта издания книги. Если автор является преподавателем или сотрудником Мичиганского университета, он может рассчитывать на более благоприятные финансовые условия. Инструментом убеждения могут стать также ускоренные сроки издания книги⁵.

Эта часть деятельности редактора важна с точки зрения не только пополнения издательского портфеля, но и антикризисного менеджмента: авторы, склонные к недовольству и потенциально опасные с точки зрения конфликтности и непредсказуемости поведения, выявляются уже на ранней стадии сотрудничества с издательством, которое может по рекомендации редактора прекратить контакты с таким автором⁶.

В случае достижения взаимопонимания между потенциальным автором и редактором последний готовит финансовый проект издания, в котором учитываются все издательские затраты, предлагается срок издания (в среднем 12—14 месяцев), определяется авторское вознаграждение. Этот план выносится на обсуждение совета директоров издательства, а затем на ученый совет университета.

Нагрузка на редактора довольно высока — он ведет 30—40 проектов в год, на завершение каждого проекта уходит от одного до четырех месяцев. Каждый редактор имеет по четыре ассистента. Кроме того, он уполномочен привлекать потенциально интересных для издательства авторов, предлагая им идею создания монографии, консультируя по структуре плана-проспекта, по содержанию. В случае успеха издательство гарантирует включение интересных, востребован-

ных ученым миром изданий в свой издательский портфель.

На читку рукописи и подготовку ее к верстке отводится около месяца. Непосредственным редактированием рукописи, проверкой стиля и грамматики занимаются, как правило, внештатные литературные редакторы. В основном это неработающие женщины, имеющие специальное образование и свободное время. В университетском городке нет недостатка в таком контингенте, который состоит в основном из жен преподавателей.

Далее подключаются специалисты по компьютерному изготовлению оригинал-макета и корректоры.

Отдел маркетинга осуществляет рекламную деятельность, прямую почтовую и электронную рассылку информации и образцов книг, организует участие The University of Michigan Press в выставках⁷.

Также необходимо, на наш взгляд, упомянуть об Ассоциации университетских издательств США (Association of American University Presses) и ее роли.

Основные направления деятельности AAUP — помощь в маркетинге и продвижении издаваемых ее членами книг, профессиональной подготовке персонала университетских издательств. AAUP устанавливает и поддерживает связи с государственными и правительственными институтами, фондами и другими организациями, которые могут быть заинтересованы в развитии академических издательств. Кроме того, она осуществляет контакты с организациями-спонсорами для привлечения средств на реализацию проектов в интересах всех университетских издательств и всей учащейся и преподающей общественности, проводит мониторинг законодательных изменений, предоставляет консалтинговые услуги по юридическим вопросам, а в случае необходимости может также организовывать лоббирование интересов университетских издательств⁸.

Бюджет Ассоциации университетских издательств составляет 2 млн долл. в год. Одна треть — это членские взносы, а две трети — доходы от предоставления услуг (консультации по менеджменту, маркетинг, реклама).

Корпоративная реклама — это один из основных видов услуг, оказываемых AAUP. Например, если университетское издательство не может позволить себе оплатить размещение своей рекламы в газете New York Times, то подключается AAUP, которая собирает заявки у нескольких участников и потом заключает договор на размещение рекламы с газетой от своего имени. При этом источником оплаты выступает AAUP, расходы которой оплачиваются участвующими в рекламном проекте университетскими издателями.

Одним из направлений деятельности AAUP является формирование банка данных по научным публикациям по всем университетам, эти базы доступны для использования студентам через университетский сервер, что облегчает им поиск литературы и ознакомление с тематическими новинками, а также способствует продвижению монографий⁹.

Ассоциация способствует распространению профессионального опыта и навыков среди университетских издателей. Она проводит множество мероприятий для представителей разных направлений деятельности университетских издательств, главное из которых — ежегодное собрание членов ассоциации.

Кроме того, AAUP проводит также конференции менеджеров по издательскому бизнесу, менеджеров академических периодических изданий, компьютерных менеджеров, производственных менеджеров, собрания специалистов по привлечению финансовых средств для маркетинга, собрания директоров издательств и пр.¹⁰.

¹ www.answers.com/topic/university-press

² www.press.umich.edu/about#mission

³ Эриаивили Н.Д. «Книгоиздание». 5-е издание. Учебник для ВУЗов / «Юнити-Дана». 2013. С. 293.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ www.press.umich.edu/authors

⁶ Эриаивили Н.Д. «Книгоиздание». 5-е издание. Учебник для ВУЗов / «Юнити-Дана». 2013. С. 294.

⁷ Там же. С. 295.

⁸ www.aaupnet.org

⁹ Эриаивили Н.Д. «Книгоиздание». 5-е издание. Учебник для ВУЗов / «Юнити-Дана». 2013. С. 296.

¹⁰ Там же. С. 297.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛАСКИН,

доктор педагогических наук, профессор

E-mail: al.laskin@yandex.ru

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА МАЛЬЦЕВА,

соискатель Московского государственного университета культуры и искусств

E-mail: kate555.05@mail.ru

Научная специальность 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются педагогические методы развития личностных качеств в социуме через социально-культурную деятельность личности. Приведены различия по предмету и объекту, между социальной и культурной деятельностью, которые отличаются по многим моментам в организации и проведении социально-культурных программ, личностных качеств, ее влияния и компетенции.

Определяющим в педагогических методах социально-культурной деятельности и развития личности является содержание исторических идей, теорий, норм, ценностей, символов, образцов, примеров, характеризующих развитие личностных качеств.

Ключевые слова: сущность личности, культурно-историческое развитие личностных качеств, педагогические методы, педагогическое взаимодействие, социальное регулирование, профессиональная подготовка, социально-культурная деятельность, информационная — аналитическая деятельность.

Annotation. The article considers the pedagogical methods of development of personal qualities in society through social-cultural activity of the person. Given differences between subject and object, between social and cultural activities, which differ in many aspects in the organization and carrying out socio-cultural programs, personal qualities, its influence and competence.

The determining factor in teaching socio-cultural activities and personal development is the content of historical ideas, theories, norms, values, symbols, samples, examples characterizing the development of personal qualities.

Keywords: the nature of identity, the cultural-historical development of personal qualities, teaching methods, pedagogical interaction, social regulation, vocational training, socio-cultural activities, information — analytical activity.

Педагогическое развитие личностных качеств в условиях социально-культурной деятельности может происходить только при благоприятном стечении устойчивых сочетаний, значений, системных параметров, характеризующих личность, рассматриваемую как систему. Педагогические аспекты развития личности в условиях социально-культурной деятельности относятся к «человеку вообще». Это значит, что одной личности может быть полезно, для другой быть может вредно.

Не располагая достаточно научно разработанной типологией личности, в рыночных отношениях нашего общества мы можем тем не менее отметить,

что педагогические методы развития личностных качеств в социуме через социально-культурную деятельность позволяют рассматривать личность по параметрам сложности. Конечно, в учреждениях культуры различная аудитория, бывают «простые» личности, характеризующиеся однообразием реакций на различные проявления окружающих людей, общественной и природной среды.

Так в учреждениях культуры г. Москвы, Московской области, г. Орла, Орловской области, г. Тамбова Тамбовской области, на 2 600 человек опрошенных оказались более сложные реакции лишь у 17% у которых более разнообразны реакции, а «простые лич-

ности» с которыми приходится встречаться специалистам учреждений культуры свыше 80%. Развитие личности в условиях социально-культурной деятельности здесь можно четко планировать. Это значит, что система культмассовых задач (мы не говорим при этом об отдельных задачах) достаточно проста.

Объект и субъект воспитания являются тем фундаментом, на котором основывается как обучение, так и формирование личностных качеств в условиях социально-культурной деятельности. Вот почему первостепенной задачей учебной и воспитательной в учреждениях культуры является развитие и поддержание высокой активности широкой аудитории в познавательной, трудовой и нравственно-эстетической деятельности.

Приведенные суждения позволяют сделать вывод о том, что правильно поставленное воспитание есть не что иное, как умелое внутреннее стимулирование активности развивающейся личности в работе над собой, есть побуждение ее к собственному развитию и совершенствованию.

«Всякая эффективная социально-культурная деятельность имеет своим внутренним условием собственную работу воспитуемого, которая, естественно, завязывается в каждой сколько-нибудь вдумчивой личности вокруг собственных поступков и поступков других людей... Успех деятельности по формированию духовного развития личности зависит от этой внутренней работы, от того, насколько воспитание оказывается в состоянии ее стимулировать и направлять на досуге» (См. 1).

Иначе говоря, уже в процессе воспитания в учреждениях культуры имеет место самовоспитательная работа. Но эта работа обуславливается и стимулируется специально организуемым воспитательным влиянием учреждений культуры. Специалисты учреждений культуры ставят воспитательные задачи, формируют у участников художественной самодеятельности, клубов по интересам и любительских объединений соответствующие потребности (активность) включают их в социально-культурную деятельность, которая побуждает их работать над собой.

Во многих случаях люди, всех возрастов и разных профессий, сами ставят перед собой определенные задачи по собственному развитию и самосовершенствованию, намечают пути их решения и, побуждаемые внутренним стремлением, начинают

настойчиво добиваться поставленной цели. Примеров тому в истории множество.

Большое значение самовоспитанию придавал Л.Н. Толстой. В юности он завел дневник, в котором фиксировал свои недостатки и намечал пути их преодоления. Благодаря работе над собой, он сумел преодолеть лень, тщеславие, лживость и многие другие дурные наклонности и выработал в себе человеколюбие, наблюдательность, творческое воображение, память.

А.П. Чехов в одном из своих писем жене отмечал: «Ты пишешь, что завидуешь моему характеру. Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчивый и пр., и пр. Но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежнее время я выделывал черт знает что».

Подобных примеров, когда человек благодаря самовоспитанию и упорной работе над собой совершенствовал и развивал у себя лучшие личностные качества, можно привести множество. Вот почему имел основание один из общественных деятелей, когда писал, что обыкновенно люди являются продуктом обстоятельств и воспитания, но лучшие люди, как правило, представляют собой результат активной работы над собой. А известный французский философ Ж.П. Сартр даже утверждал, что «человек есть только то, что он сам из себя делает», подчеркивая определяющую роль самовоспитания в его личностном развитии в учреждении культуры.

Все это говорит об исключительно важной роли самовоспитания в развитии и формировании личности и о необходимости его организации в условиях социально-культурной деятельности.

Молодежный период в жизни человека характеризуется множеством параметров, он содержит в себе целый ряд видов совершеннолетия, которые не совпадают по времени и содержанию. Так, наступление половой зрелости не совпадает с правовым совершеннолетием. Обретение экономической независимости не тождественно социально-психологическому совершеннолетию. Интеллектуальная зрелость, связанная с бурным развитием образования, часто опережает наступление социальной зрелости, зависящей от опыта общественных отношений.

В целях анализа рассмотрим китайский опыт, где жизнь человека делит на следующие этапы:

юность — до 20 лет; возраст вступления в брак — 20—30 лет; возраст познания своих заблуждений — 40—50 лет; последний период творческой жизни — 50—60 лет; возраст, которого желают достичь — 60—70 лет; старость — после 70 лет.

Древнегреческий математик и мыслитель Пифагор делил жизнь на четыре сезона, каждый по 20 лет: весна (детство) — до 20 лет, лето (молодость) — 20—40 лет, осень (зрелость) — 40—60 лет, зима (старость) — 60—80 лет.

Знаменитый русский ученый академик Отто Юльевич Шмидт в четырнадцатилетнем возрасте составил подробный план своей дальнейшей жизни. В нем было подробно записано, какие книги он должен прочесть, какими науками овладеть, какие проблемы решить, как развиваться физически.

Но когда он подсчитал, сколько лет ему потребуется для выполнения программы, обнаружил — ему необходимо ровно 900 лет! Шмидт «ужал» с большим трудом программу — получилось 500 лет. Ужал еще — получилось 150. На этом остановился.

Распланировав всю свою жизнь до минуты, работая на творческом пределе, ученый к концу жизни (Шмидт умер в 64 года) выполнил почти всю стопятидесятилетнюю программу, перекрыв свою «норму» почти в три раза!

Пример О.Ю. Шмидта наталкивает на интересную идею. Нельзя ли допустить, что именно работа «на пределе» есть тот «крючок», с помощью которого и вытаскивают люди из глубин своей биогалактики скрытые там резервы?

Гениям «от себя» порой не хватает той очаровательной непринужденности, той великолепной небрежности, что свойственна гениям «от бога», но гигантская внутренняя сила и страсть, соединенные с неукоснительной требовательностью к себе, возводят их произведения в ранг гениальности...

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов исходный потенциал дарования и у гениев «от себя»: что-то должно было быть, что питало страстное влечение к делу и веру в себя, — может быть, их толкало вперед смутное чувство нераскрытых возможностей...

Очень ярким примером «примирения» двух начал «от бога» и «от себя» может служить поучительная жизнь Гете. Человек редкостной уравновешенности, оптимизма и спокойствия, прозванный великим олимпийцем, он смолоду отличался слабым,

непостоянным характером, был нерешительным, склонным к приступам тоски. Путем постоянной тренировки, контроля над эмоциями Гете удалось изменить самого себя. «Вот что сказал я себе в январе 1824 г.: «Меня всегда считали баловнем судьбы. Я не хочу жаловаться и нарекать на свой жребий. Но на самом деле в моей жизни ничего не было, кроме тяжелого труда, и я могу сказать сейчас в 75 лет, что за всю жизнь и четырех недель не прожил себе в удовольствие. Как будто я все время тащил на гору камень, который снова и снова скатывался, и нужно было снова тащить его вверх».

Современная наука утверждает — потребность, заинтересованность, страсть, порыв, стремление очень важны в творчестве, изобретательстве, в открытии, в добывании не известной ранее информации. Но одного этого мало. Нужны еще знания, умение, мастерство, безукоризненный профессионализм. Всего этого не восполнить никакой одаренностью, никакими желаниями, никаким вдохновением. Эмоции без дела мертвы, как и мертво дело без эмоций.

Применяя количественные оценки для исследования социально-психологических отношений коллектива и личности. Мы получили точные количественные оценки таких, казалось бы, неуловимых качеств личности, как уровень одаренности, трудолюбия, организованности. Были получены точные количественные ответы на вопросы о том, как каждый член коллектива оценивает сам себя, как коллектив в целом оценивает каждого, как каждый оценивает коллектив. В работе обобщены мнения мужчин о мужчинах, женщин о женщинах, мужчин о женщинах...

О том, насколько тонкие нюансы этой сложнейшей проблемы удалось ухватить ученым с помощью математической статистики, говорит приводимый ниже список качеств каждого члена коллектива, по которым шел этот анализ. Это:

- ☛ интеллектуальные качества (одаренность, глубина знаний, широта интеллектуальных интересов, творческое воображение и т.п.).
- ☛ деловые качества (умение привлечь людей и т.п.).
- ☛ импульсно-волевые качества (сдержанность, эмоциональность, воля и т.п.).
- ☛ моральные качества (доброта, скромность, верность в дружбе и т.п.).

- ❖ качества, характеризующие мотивы поведения (альтруизм, стремление к истине, честолюбие и т.п.).
- ❖ качества, характеризующие отношение к жизни (оптимизм, юмор и т.п.).

Если учесть, что анализировался относительно небольшой коллектив в 113 человек (во Дворце Московского Метростроя), то можно представить, насколько увеличится объем работ при аналогичном изучении, например, коллектива предприятия завода «Серп и Молот», чтобы в результате получить выраженные в количественной форме градации качественных признаков личности в коллективе и коллектива предприятия, как своеобразного организма.

Автор поставил перед собой вопрос: в каком случае, для каких целей разные люди оказываются совместимыми и несовместимыми. В условиях космических экспедиций, космонавты в условиях изнурительного подхода отбрасывают все проблемы неприязни друг к другу, проявляя личные черты развития личности. В наши дни, когда кругом радио, телевидение, быстроходные лайнеры и так далее происходит нечто подобное. Социологи установили: «по причине психологической несовместимости из научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро увольняется двадцать процентов специалистов»!

Часто исходят из того, что уживаются люди, похожие друг на друга. Но, с другой стороны, нередко говорят, что крайности сходятся.

По данным Института терапии имени А.П. Мясникова АМН России, 80% случаев инфаркта миокарда предшествует либо острая психическая травма, либо длительное психическое напряжение, либо переутомление. Врачи прямо заявляют: добрые товарищеские отношения в коллективе — это не только хорошие условия для работы, это еще и фактор, уменьшающий возможность сердечно-сосудистых заболеваний.

Конфликтная ситуация всегда наводит на мысль о необходимости изменений. И в этом смысле в ней заложено творческое начало: ведь в процессе конфликта, попадая в нестандартные ситуации, личность обязана, как и в творческих поисках, прибегать к импровизации, новациям, к использованию конструктивных приемов взаимодействия. Правда, сказанное в большей мере относится к конструктивно-созидательным видам конфликтов, а не к деструктивно-разрушительным. Арсенал возмож-

ностей, применяемых с помощью педагогических методов развития личностных качеств в социуме через социально-культурную деятельность, в процессе решения созидательных конфликтов, можно сохранить и умножить в государственных учреждениях культуры и образования.

Конфликт возникает при появлении трудноразрешимых противоречий; столкновении интересов на почве соперничества, отсутствии взаимопонимания, часто сопровождаемых острыми эмоциональными переживаниями. Основу любого конфликта образует ситуация, включающая либо противоположные позиции сторон, либо противоположные цели или средства их достижения. А снижается напряженность и снимаются конфликты именно в условиях досуга, социально-культурной деятельности.

После обнаружения скрытых причин и источников конфликта следующим шагом является коррекция проблемы путем подходящей реакции на нее. «Если конфликт связан с различием в жизненных планах, реакция будет заключаться в одном из компромиссов, выработанных в результате переговоров и поиска взаимовыигрышных решений. Если в конфликте участвуют трудные с точки зрения общения люди — грубияны, жалобщики или вовсе отрицательные личности, — реакция должна заключаться в том, чтобы встречать их действия, руководствуясь соответствующей оборонительной стратегией»(См. 2). Если же помехой делу являются ваши собственные страхи и нерешительность, то решение заключается в выработке методов преодоления этих препятствий.

Часто источником конфликта служат недоверие и раздражительность. Попытки открыто высказать свое раздражение нередко приводят к большим обидам, заканчивающимся скандалами. Главное достоинство учреждений культуры состоит в том, что здесь парадигмальный подход позволяет нейтрализовать конфликтные ситуации и построить у участников коллектива творческие, деловые отношения, которые ориентируются на оказание услуг в развитии личности, стремятся к профессионализации и творческому росту. Это следует рассматривать как своеобразную модель малую самоорганизующуюся и саморазвивающуюся структуру действующую в условиях социально-культурной деятельности и специализирующуюся на разработке новых идей,

на использовании новых творческих ресурсов в искусстве. Поскольку первые результаты показали, что многие моменты в организации и проведении социально-культурных программ неоправданно усложнены, выведены за пределы компетенции, влияния и контроля коллектива.

Заинтересованность специалистов учреждений культуры и членов творческого коллектива в правильном развитии личностных качеств через социально-культурную и творческую деятельность выражается прежде всего в умении педагогов регулировать культурно-досуговую деятельность в том числе и материальными стимулами, руководствуясь положением: о том, что выгодно учреждению культуры, выгодно обществу в целом и наоборот.

Активность и развитие личности в социально-культурной жизни с помощью педагогических методов развития личностных качеств через социально-культурную деятельность — есть основной обобщающий критерий творчески развитой личности в социуме.

Литература

1. *Жарков А.Д.* Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М., 2007. С. 155.
2. *Лазарев М.А.* Технология творческого развития студентов педагогических вузов на основе формирования художественной культуры. Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2012. Т. 1. № 3. С. 523—532.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САВИН,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника

Учебного центра по подготовке и повышению квалификации (г. Владимир)

E-mail: aleksej.savin.61@mail.ru

Научная специальность 13.00.05 — теория, методика и организация социально-культурной деятельности

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассматриваются эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме. Какие должны быть критерии измерения эффективной работы, ее инструментов в работе с военнослужащими и социально-культурной среде военнослужащих.

Рассматриваются социальные и практические формы взаимодействия в эффективности социально-культурной деятельности в преодолении пассивности и инертности жизнедеятельности военнослужащих, их профессиональной активности в социально-культурной деятельности. Показаны эффективность и отличия по многим моментам в организации и проведении социально-культурных программ в среде военнослужащих, компетенции личности, ее влияния, а также психологическая поддержка коллектива.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, оценка личности, эффективность развития личности военнослужащего, социальный аспект, педагогическое взаимодействие, социальное регулирование, профессиональная подготовка военнослужащих, информационно — аналитическая деятельность, специалисты социально-культурной деятельности.

Annotation. The article examines the efficiency and development of social-cultural activity in soldiers' lives and in society. What should be the criteria of measurement of effective work, its tools in the work with military personnel and socio-cultural environment of servicemen.

Discusses the social and practical forms of cooperation in the efficiency of socio-cultural activity in overcoming the passivity and inertia of life of military personnel and their professional activity in socio-cultural activities. The efficiency and differences in many aspects in the organization and carrying out socio-cultural programs in the military, the competence of personality, of its influence, as well as psychological support team.

Keywords: socio-cultural activities, assessment of personality, the efficiency of the development of the individual soldier, the social aspect, the pedagogical interaction, social regulation, training of military personnel, information — analytical activity, specialists in social and cultural activities.

Главное в эффективности — это развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме, рассмотрим, какие должны быть критерии измерения и ее инструментов в социально-культурной деятельности. Сущность развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме, пытались решить многие ученые и военные исследователи. В измерении эффективности социально-культурной деятельности показана проблема о необходимости создания устойчивости психики, с умением преодолевать инертность жизненного развития и трудности в профессиональной и социально — культурной деятельности военнослужащих.

Так в об эффективности культурно-просветительной работы отмечается, что нередки случаи, когда работа клуба оценивается по одному-двум показателям — успехам на смотре художественной самодеятельности в армейских коллективах, выполнению финансового плана или степени активности в проведении массовой кампании. Методы измерения и оценки работы эффективности и развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих научно не разработаны. Считается, что данное положение можно объяснить двумя причинами: первая — многогранностью и неоднородностью культурных функций, наличием самых различных направлений, форм и методов, настолько качественно разнообразных, что сложно свести их к каким-либо однопорядковым количественным параметрам; и вторая — недостаточной разработанностью теории социально — культурной части, которая должна быть посвящена вопросам эффективности, результативности социально — культурной работы и способам ее количественного и качественного измерения.

Так социологами были разработаны научно обоснованные критерии оценки социально — культурной и клубной работы. Для оценки эффективности выделялись несколько типов сопоставимых объектов, и был предложен ряд критериев:

- ❖ Качественные критерии — а) критерий общественной оценки; б) критерий отношения; в) функциональный критерий; г) критерий дифференциации.
- ❖ Качественно-количественные критерии: а) критерий эффективности использования клубных и культурно-досуговых помещений; б) критерий участия общественности и коллектива; в) критерий сферы влияния и управления.
- ❖ Количественные критерии: а) точно измерены и выражены в цифровых показателях: а) финансовый критерий; б) критерий массовости, или критерий участия.

Критерий участия — один из важнейших. В конечном счете, — эффективность работы в развитии социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих определяется степенью привлечения к нему всего социума. Показатели участия можно считать комплексными показателями, характеризующими социально-культурную деятельность в жизни военнослужащих по определенным направлениям. Социологи и педагоги предлагают учитывать следующие виды деятельности: познавательные виды, развлекательно — познавательные и развлекательные.

Мы считаем, что взаимодействие такой количественной оценки с анализом качественных показателей позволит объективно судить об эффективности развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

Данная система критериев вызвала неоднозначное отношение у многих ученых. Некоторые из них высказали иной подход к определению эффективности развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих. Они выделяют десять критериев:

1. Идейная направленность, воспитательная ценность, широта охвата культурной работой, активное взаимодействие с населением.
2. Широта охвата социо-культурной деятельностью.

3. Активное участие в работе социума.
4. Активность его работы «вне стен».
5. Воздействие на психологическую и нравственную атмосферу среди военнослужащих.
6. Связь с работниками культуры и артистами.
7. Роль и непосредственная деятельность по профессиональной и культурной ориентации военнослужащих.
8. Использование средств массовой коммуникации (интернета, радио, телевидения, периодической печати, кино).
9. Учет интересов, запросов и потребностей военнослужащих.
10. Использование собственных сил и возможностей для улучшения и развития социально-культурной и материально-технической базы военнослужащих.

Предложенные критерии — «показатели успеха» — сложно отнести к критериям измерения эффективности развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и культурно-просветительной работы. Это условия деятельности всей социо-культурной работы.

Мы считаем, что предлагаемые авторами критерии носят формальный характер и не вскрывают результатов работы социально — культурной деятельности среди военнослужащих.

Также выделяются три линии измерения эффективности воспитательного воздействия по развитию социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

Это линии — критерии: во-первых, — удовлетворение социо-культурной деятельностью с помощью всех возможностей, запросов и потребностей у военнослужащих; во-вторых, степень взаимодействия всех военнослужащих и населения; в-третьих, степень участия общественных организаций в развитии социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

Выдвинув данные критерии мы считаем, что эффективность воспитательного и культурного воздействия на развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих проверяется, силой взаимодействия: личность — коллектив — общество.

Таким должен быть подход к определению критериев эффективности социально-культурной дея-

тельности в жизни военнослужащих. Однако есть еще одна сторона, о которой нельзя не сказать. Дело в том, что о работе в социально-культурной деятельности среди военнослужащих нужно судить не только по эффективности, но и по умению создавать условия, обеспечивающие эффективность культурного и воспитательного воздействия.

Это лишь подход к определению критериев эффективности и совместного их применения.

Считается, что эффективность социально-культурной деятельности и ее измерения в жизни военнослужащих обуславливаются социально — культурным назначением учреждений культуры внутри войсковых частей и соединений. Главное в проблеме эффективности — не измерение содержания работы, а поиск новых путей в развитии социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих путей изучения изменений в сознании и поведении людей, с которыми работают учреждения культуры.

Считаем, что эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме, как средство просвещения, всестороннего культурного развития военнослужащих в созданных для этого условиях, и с этого надо начинать определять критерии эффективности работы и развития социо-культурной деятельности. Мы предлагаем конкретные критерии измерения эффективности и развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих, а также и в культурно-просветительной работе. Рассматриваем условия, при которых работа будет эффективна, выдвинув при этом на первый план социо-культурную деятельность.

Мы считаем, что здесь в узел завязаны вопросы теории и практики, эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме.

Оценивая проведенные исследования, мы отмечаем, что работа заслуживает одобрения по многим причинам. В ней верно указаны трудности решения поднятой проблемы, сделана попытка не просто дать набор критериев эффективности в развитии социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих, а расположить их в некоей системе, создать типологию развития, классифицировать виды социо-культурной и клубной деятельности.

Однако хотим отметить, что эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих иногда построена по формальным признакам и заведомо неполна, неудачна и эффективность социально-культурной деятельности. Наиболее уязвимая разбивка критериев на три класса («качественные», «качественно-количественные» и «количественные»).

Для решения проблемы эффективности необходимо различать содержание и условия от результатов социально-культурной деятельности предлагаем систему — трех факторов.

Во-первых, должен быть произведен «содержательный» фактор влияния эффективности на развитие социально-культурной деятельности на свою аудиторию т.е. военнослужащих. Второй фактор — результат непрерывной работы, следовательно, должен касаться и внутренней психологической структуры воспитательного эффекта. Третий фактор — связан с процессом взаимодействия в социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме, то есть роста престижа и посещаемости определенного круга мероприятий.

Система факторов, показывает, что для определения эффективности социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих необходимо: во-первых, определить влияние на всю аудиторию, это качественная сторона работы; во-вторых, исследовать результаты эффективности и развитие социально-культурной деятельности, ее воспитательный эффект; в-третьих, определить рост престижа, посещаемости и возрастание активности среди военнослужащих; в-четвертых, социально-культурной деятельность должна привести к созданию соответствующих культурно-досуговых объединений.

Подводя итоги о эффективности социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме мы говорим, что требуется комплексный подход и решения. Комплексный подход к оценке работы признан единственно правильным, и нельзя согласиться с теми, кто пытается подойти упрощенно, излишне прямолинейно к этим оценкам критериям.

Общих критериев в оценке эффективности не было выработано. Были сформулированы лишь на-

правления формирования системы критериев эффективности развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

Вопросы эффективности социально — культурной деятельности в работе с военнослужащими активно исследовались на протяжении 70—80-х гг. Так, считалось, что критерии эффективности призваны вооружить работников культуры показателями, раскрывающими те нравственно-психологические и патриотические качества личности, что характеризуют убеждения военнослужащих. Определяя критерии эффективности, подчеркивалось, что одним из показателей действенности и развития социально-культурной деятельности, является развитие общественно-полезной активности трудящихся.

К вопросу эффективности социально — культурной работы среди военнослужащих обращались различные ученые, которые называя социально-экономический, педагогический, методический, социально-психологический аспекты эффективности, более подробно останавливались на педагогическом. Они тесно связывают понятие эффективность и развитие социально-культурной деятельности с активностью личности, рассматривают вопросы эффективности отдельного культурного мероприятия, системы клубных мероприятий, деятельность клубного армейского коллектива.

Мы считаем, что надо вести поиск не единых критериев, а их системы. Критерий оценки можно искать в зависимости между вместимостью культурно-досуговых учреждений, материальным состоянием, числом социо — культурных работников в воинской среде, посещаемостью и длительностью посещения социально-культурных мероприятий военнослужащими. Определить нормативы, оценивающие уровень интенсивности и эффективности использования культурной и материальной базы и людских ресурсов в эффективном развитии социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих. Обозначить проблему, как социально-экономический аспект эффективности развития досуга и социально-культурной работы среди военнослужащих и в социуме.

Эффективность культурной работы можно считать при выполнении следующих условий: первое требование — связать социо-культурную деятель-

ность с жизнью воинского коллектива и всего населения, находить новые направления в развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме. Сосредотачивать на их основные усилия; второе — наличие системы воздействия по видам воспитательной работы, анализ и учет не столько крупных социо-культурных мероприятий, сколько содержания и объема будничной, ежедневной социально — культурной работы, осуществляемой в различных оперативных, устных, наглядных и печатных формах; третье — умение эффективно развивать гласность культурных мероприятий, фактов, поступков, деяний, совершаемых в коллективе, давать им культурную и нравственную оценку.

Однако это не критерии, а условия эффективной работы и социально-культурной деятельности среди военнослужащих.

Эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих в частности зависит и от НОТ. Научная организация труда является ключом к повышению его эффективности.

Отмечается, что проблемы эффективности лежат в двух плоскостях, которые не следует путать. Это критерии эффективности и условия эффективности.

Эффективность работы социально-культурной деятельности связана с реализацией ее функций, которые могут быть: длительными, кратковременными, ситуативными. Длительные — это те, которые связаны с воспитанием высоких моральных качеств у военнослужащих. Кратковременные — конкретизируют длительные и воплощаются в отдельных культурных мероприятиях. Ситуативные — вытекают из сложившейся новой ситуации природного, экономического, социально-политического, нравственно-психологического характера военнослужащих.

Считается, что решение социальных задач — показатель эффективности деятельности социально-культурной жизни военнослужащих.

Цели и задачи эффективности по развитию социально-культурной деятельности поддаются измерению и оценке через количественные и качественно-качественные показатели.

Под эффективностью социально — культурной работы мы понимаем результативную дея-

тельность учреждения культуры эффективность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и во всех сферах жизни, характеризующуюся действенным, целенаправленным, глубоким, оперативным участием в осуществлении планов развития эффективности социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

Также отмечается, что критерии относились непосредственно к самой социо-культурной и клубной деятельности, а не к объекту ее воздействия — военнослужащим.

Речь шла о так называемых «функциональных критериях» — численности и разнообразии различных культурных учреждений . утверждалось, что «эффективность социально-культурной работы имеет три аспекта: — оптимизация деятельности культурных учреждений в армейской среде; результативность воспитательного воздействия на сознание; результативность воздействия на социально-армейскую сферу. Эти критерии называются видовыми, поскольку по ним оценивается эффективность определенного вида социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих.

В ходе социальной и культурной работы были подтверждены возможность и целесообразность учета качества социально-культурной деятельности на основе двух групп критериев: социально-экономических и социально-педагогических.

Сделав общий ретроспективный анализ тех положений, мы выделяем оценку деятельности конкретного культурного учреждения в зависимости от места его расположения и категории в целях получения эффективности работы в среде военнослужащих и сопоставимых результатов.

Несмотря на наличие конструктивных культурных предложений, была предложена система критериев эффективности работы в социально — культурной деятельности, охватывающую все стороны социо-культурной деятельности учреждений культуры или иного культурно-просветительного учреждения.

Рассматривая другие проблемы выделяем две группы критериев оценки культурной деятельности — социально-экономические и социально-педагогические.

Группа социально-экономических критериев, с одной стороны, характеризует наличие тех или иных материальных, финансовых, временных и трудовых ресурсов, с другой стороны, указывает на степень и характер их использования в военной среде.

К социально-педагогическим критериям относятся: а) глубина усвоения личностью основ научного мировоззрения; б) политическая мобильность; в) общественная и культурная направленность личности; г) социальная активность личности; д) нравственный иммунитет.

Приведенными критериями нельзя измерить социально-культурную деятельность и развитие социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих, хотя, одними из главных условий эффективности социально-культурной деятельности являются: приведение содержания и направленности в соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к культурно-воспитательной работе; отбор средств, методов и форм рациональной организации свободного времени у военнослужащих с учетом особенностей социально-культурной деятельности в условиях свободного времени.

Каждое из этих трех условий находит свое развернутое и концентрированное выражение в оценке определенных принципов социально-культурной деятельности в армейской среде.

Каждый из принципов: является условием, предпосылкой, обеспечения эффективности процесса социально-культурной развития, и дает основания рассматривать принципы социально-культурной деятельности не только в качестве условий, но и социально-педагогических критериев эффективности работы с военнослужащими.

Эффективностью социально-культурной деятельности является: материальная база учреждения; кадровое обеспечение; изучение удовлетворения интересов и потребностей армейского социума; реализация общественных социально-культурных функций; включение местного населения в социально-культурную деятельность; включение личности в социально-культурную деятельность в сфере свободного времени; привлечение к самоуправлению культурных учреждений и организа-

ций; методическое обеспечение культурно-просветительной работы; соответствие результатов финансово-экономической деятельности военных учреждений культурным планам развития, бюджетным грантам по культуре и ассигнованиям; общественная оценка культурно-просветительной деятельности.

Показатели структуры развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме — это новые требования к оценке культурно-просветительной работы в условиях координации, кооперации, специализации, интеграции и других форм комплексного решения задач эффективного воспитания и положительной оценки в воинских частях и соединениях.

Мы отмечаем также разнообразные критерии эффективности социально-культурной деятельности, и их влияние на уровень культурно-просветительной работы, на повышение привлекательности службы в вооруженных силах, на стабилизацию кадров социо-культурной сферы, специалистов, интеллигенции. Подводя итоги многообразным исследованиям и подходам, скажем: во второй половине XX в. не было выработано единой, всеми принятой, системы критериев и показателей эффективности социально-культурной деятельности в работе с военнослужащими. Так или иначе, большинство исследователей в той или иной мере использовали систему эффективности социально-культурной деятельности, по которой предложили качественно-количественные критерии измерения эффективности с учетом особенностей деятельности культурно-просветительных учреждений. Другие критерии эффективности развития социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих и в социуме все-таки мы считаем не продуктивными.

Исследования эффективности социально-культурной деятельности в жизни военнослужащих продолжают нами и в настоящее время.

Литература

1. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности по развитию личности — Учебник, М., 2012. С. 454.
2. Ласкин А.А. История отечественного государства и права. Учебник. М., 2014. С. 421.

**ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЗНАНИЯ**

СЕРГЕЙ РИФАТОВИЧ АБЛЕЕВ,

доктор философских наук, начальник кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: ASR028@yandex.ru

Научная специальность 09.00.01 — онтология и теория познания

Рецензент: доктор философских наук, доцент Золкин А.Л.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Изучаются альтернативные методологические подходы и онтологические концепции в исследованиях сознания.

Ключевые слова: сознание, онтология, методология, нейтральный монизм.

Annotation. The article dwells on alternative methodological approaches and ontological theories in consciousness research.

Keywords: consciousness, ontology, methodology, neutral monism.

Долгое время *сознание* в силу своей специфики находилось за периметром строгого научного знания. В европейской науке Нового времени постепенно утвердилось убеждение, что *сознание* как некая идеальная сущность не может изучаться строгими научными методами. Исключение составляли философские и психологические методы исследования сознания, которые мало влияли на естествознание и основанную на его достижениях картину мира (механистическую, электромагнитную, релятивистскую). Тем не менее, существующее положение вещей начали разрушать именно представители естественных наук. Одним из первых новое отношение науки к проблеме сознания сформулировал выдающийся датский физик Нильс Бор: будущая физика, полагал он, должна включать в себя сознание. Позже эта мысль была выражена более объемно талантливым английским математиком Роджером Пенроузом: «*Научное мировоззрение, которое игнорирует проблему сознания, не может претендовать на свою полноту*»¹. Таким образом, в современной постнеклассической научной парадигме сознание начинает приобретать статус объективного или виртуального физического объекта, потенциально доступного научным исследованиям и имеющего

порядок реальности, соизмеримый с реальностью квантовых микрообъектов.

Вместе с тем, решение основных вопросов, связанных с проблемой сознания в современной философии и науке выглядит полифонично и противоречиво. В первую очередь это касается самого понятия «*сознание*». В современной научной литературе оно используется в двух основных смыслах — психологическом и философском. Кроме того, в особом контексте понятие «сознание» начинают применять и физики. Очевидно, что философский смысл понятия «сознание» шире и объемнее, чем психологический и физический. Говоря о понятии сознания в философском смысле, современные философы, как правило, имеют в виду *весь внутренний мир человека*². В то время как понятие сознания в психологии указывает лишь на *один из уровней психики*. Например, в популярных сейчас теориях психоаналитиков (З. Фрейд, К. Юнг и др.). В физических концепциях сознание все чаще сводится к *энергетическим квантовым процессам*, что так же сужает семантический круг этого понятия.

Во многих философских системах *сознание* — это не только внутренний мир человека, но и трансперсональная психическая реальность, сверхсознание космического Универсума или Бога. Показатель-

ная иллюстрация — это философия евразийского антропокосмизма, в которой понятие «сознание» оказывается многомерным и полисемантическим. Оно указывает на различные формы проявления сознания и применяется в качестве специфической характеристики не только одушевленных существ, но и неодушевленных объектов физического мира. Более того, универсальный философский статус термина «сознание» здесь соизмерим с онтологическим статусом понятий «дух» и «материя». Сознание в философии Живой Этики есть изначальный духовный модус природной субстанции, характеристика дух-материи во всех ее формах и состояниях³.

Общепризнанного определения сознания в науке до сих пор не существует. Предпринимались попытки определить сознание через идеальную деятельность, через субъективную реальность, через функционирование сложноорганизованной материальной системы мозга. Под влиянием достижений естественных наук с конца XX в. стали развиваться новые подходы к определению сущности сознания. Центральное место среди них занимали представления об информационной, голографической или квантовомеханической природе психической деятельности. В целом, все определения сознания в зависимости от решения базовой философской проблемы онтологического статуса сознания, по мнению Л.Е. Моториной⁴, можно свести к двум основным подходам.

Сторонники первого подхода воспринимают сознание в качестве интегрального, словесно оформленного феномена психики человека, имеющего общественную природу. Здесь предполагается, что сознание возникает в результате исторической деятельности человека и является свойством высокоорганизованной материи (мозга) и высшей формой отражения действительности. Эта точка зрения наиболее ярко проявилась в *культурно-исторической модели сознания*, развивавшейся в русле марксистской философии.

Приверженцы второго подхода рассматривают сознание как *универсальный атрибут природы* или некую *онтологическую смысловую реальность*, которая активно влияет на развитие реальности физической. Иными словами, здесь сознание не является исключительно человеческим атрибутом.

Оно выступает изначальным свойством космического бытия, существующим до земного человека. Подобные представления отразились, в частности, в *антропокосмистской* (Кут Хуми, Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих), *голографической* (Д. Бом, К. Прибрам), *семантической* (В.В. Налимов) и *торсионной* (Г.И. Шипов, А.Е. Акимов) моделях сознания.

Особую позицию в этом вопросе занимают логические бихевиористы (К. Гемпель, Г. Райл), по убеждениям которых сознание вообще не имеет никакого онтологического статуса и не может рассматриваться в качестве физического и даже идеального объекта. Они ставят под сомнение необходимость использования понятия «сознание» и пытаются доказать, что любое высказывание о сознании может быть без изменения значения переведено в некоторое высказывание относительно доступного общему наблюдению поведения. Таким образом, здесь сознание есть не более чем *физическое поведение* (только оно доступно внешнему наблюдателю) человека.

Наиболее радикально логический бихевиоризм выражен у Карла Гемпеля. Он полагает, что всю психологию можно свести к физической науке, в чем явно просматривается отрицание специфики психо-ментальной реальности или даже отрицание этой реальности вообще. Не случайно для Гемпеля проблема соотношения сознания и тела является *псевдопроблемой*⁵. Исключает эту проблему и Райл, для которого картезианский дуализм есть *«категориальная ошибка»*. Но вопрос о дуализме здесь является частным. Райл ставит под сомнение сознание как категорию не только в контексте онтологического дуализма. Он пытается доказать, что, неправильно используя родовые или абстрактные понятия, человек склонен постулировать существование сущностей, которых на самом деле нет⁶.

Подобная точка зрения присутствует и у нейтрального мониста У. Джеймса. В своей известной статье «Существует ли Сознание?» он пишет о понятии сознания как об имени *«чего-то не существующего»*, которому *«нет места среди первых принципов»*⁷.

Очевидно, что бихевиористский подход задает совершенно специфическую методологию исследования сознания и определенно редуцирует его к фи-

зической реальности. Эта точка зрения диаметрально противоположна позиции космистов, у которых сознание соотносится с различными онтологическими уровнями природного бытия и не расценивается в качестве сущности, «которой на самом деле нет». Замена философского понятия «сознание» понятием «поведение», на наш взгляд, является непродуктивной.

Фундаментальный характер проблемы сознания предполагает системный подход к ее философскому осмыслению. Системность выступает важнейшей специфической чертой методологии исследования сознания. По всей видимости, узкие подходы (гуманитарный, физический, нейробиологический, психологический, логико-лингвистический) окажутся мало эффективными в решении проблемы сознания как такового, то есть как космического и социального феномена. Таким образом, в философском смысле преимущество системности не вызывает сомнений.

Однако системность это не только интеграция различных подходов и направлений исследования сознания в целостную научно-философскую картину, но и обращение к принципу холизма. Идея холизма применительно к пониманию сознания или психики начинает укрепляться не только среди философов, но и среди естествоиспытателей. В этом контексте примечательно, что на основе обширной программы эмпирических исследований психического мира человека под действием ЛСД Станислав Гроф пришел к выводам о необходимости холистского подхода к психике и невозможности ее редукции к чувствам, разуму или сознательному эго⁸. В современных теоретических моделях психики и сознание все чаще рассматриваются как *континуальные трансперсональные реальности*, изучение которых в русле концепции холизма представляется наиболее перспективным.

Под влиянием подобных исследований возрастает искушение отказаться от всяких редукций, как пережитков старой науки. Однако при изучении отдельных аспектов сознания, вероятно, избежать узкоспециальных подходов и методов окажется невозможно. Так, например, очевидно, что вопрос о материальном субстрате сознания (если он в принципе существует) есть прерогатива физической науки с ее неизменной редукцией всевозможных фи-

зических явлений и процессов к фундаментальным частицам и полям. Вопрос о влиянии сознания как идеального образования на материальное тело находится на стыке психофизиологии и физики. Как говорится, невооруженным глазом видно, что он лежит вне плоскости гуманитарных наук. Вопрос о локализации центров мышления в человеческом мозге, безусловно, относится к компетенции нейрофизиологии и нейропсихологии. Подобных частных аспектов проблемы сознания можно выделить достаточно много и каждый из них потребует специальных методов конкретной научной дисциплины.

В таком случае, что же остается философии? Что она может дать частным наукам? В чем состоит ее роль в изучении сознания? Вопросы эти появлялись в прошлом и возникнут еще не раз. Поэтому они требуют четких ответов. По нашему глубокому убеждению роль философии в осмыслении сознания крайне велика и никакая частная наука не может заменить собой философский дискурс вообще и дискурс на предмет проблематики сознания, в частности.

Первая функция философской науки состоит в *свободной эвристике*, лишенной короткого поводка господствующей научной парадигмы и инерциальных теоретических идеологем общепризнанного знания. Выдвижение концептуальных идей и определение магистральных направлений исследования всегда осуществляется в системе тех или иных философских координат. Даже в тех случаях, когда частное научное знание лишено соответствующей рефлексии и избегает четкого описания своих исходных идейных аксиом философского порядка. Чем глубже концептуальные идеи, чем точнее определено направление исследований, тем успешнее окажутся усилия естествоиспытателей и гуманитариев в изучении конкретных аспектов сознания.

Вторая функция философской науки состоит в осмыслении *гносеологических перспектив* и *методологии исследования* сознания. Можно принять позицию агностиков и тогда все специальные научные исследования сущности сознания оказываются пустой затеей по причине ее (сущности сознания) принципиальной непознаваемости. Можно принять позицию диалектических материалистов и тогда методология специальных научных исследований со-

знания будет задана двумя философскими тезисами о физиологической природе (сознание как свойство мозга) и социальной сущности сознания (сознание как следствие социокультурных отношений). Можно принять антропокосмистский тезис о многомерных онтологических экзистенциях сознания и тогда физиологические и социальные теоретические интерпретации сознания теряют свое значение. Таким образом, философия определяет гносеологические и методологические альтернативы изучения сознания, от интуитивного или рационального выбора которых зависит дальнейший когнитивный успех науки.

И, наконец, третья функция философской науки в вопросе осмысления сознания состоит в *системном обобщении* достижений частных наук и *построении целостной картины* сознания как одного из важнейших атрибутов природного бытия и человеческого существования. Маловероятно, что такое философское обобщение может быть выполнено квантовой физикой, нейропсихологией или другой частной научной дисциплиной. Всякое фундаментальное обобщение предполагает синтез и специальный понятийный аппарат определенной меры абстрактности. Попытка абстрактного обобщения полученного в любой области природы знания выводит на философский уровень мышления.

В этом смысле бихевиористская попытка подмены абстрактных философских понятий терминологией частных наук («поведение» вместо «сознания») может расцениваться как подрыв мировоззренческого статуса и специфики философского знания. На самом деле, не только философия, но даже естественные науки не могут и не должны отказываться от специальных теоретических понятий-конструктов, предполагающих изрядную долю абстрактности и условности. Например, в физике «*виртуальные частицы*», «*потенциальная энергия*», «*абсолютно твердое тело*» есть далеко не бесполезные теоретические абстракции. С продвижением физической науки в глубины материи их количество не сокращается, но, наоборот, возрастает. Это свидетельствует о том, что абстрактная терминология является неотъемлемым элементом современной методологии науки.

Таким образом, позитивистские попытки отстранения философии от изучения сознания не име-

ют под собой серьезных оснований. Методологическое противопоставление философского знания и частных наук является контрпродуктивным. Более эффективным является подход, предполагающий когнитивное дополнение и корреляцию достижений теоретической философии и точного научного знания.

Итак, методологический прием редукции при исследовании сознания в контексте частных наук можно считать в определенной мере допустимым. Но как быть с редукцией философской? Ведь не только физики и нейрофизиологи, но и философы не редко применяют этот прием. Что такое философская редукция применительно к проблеме сознания? В широком смысле это сведение сущности сознания, природы психической реальности или субъективных ментальных процессов к совершенно иным объективным сущностям и процессам. Например, к физиологии мозга, к электромагнитным процессам в нейронах, к квантовым взаимодействиям и так далее. Иными словами, здесь редукция сознания во многом похожа на бихевиористскую и выглядит как подмена философского понятия сознания понятиями конкретно-научными. Хотя отказ от понятия «сознание» происходит не во всех подобных подходах. Теоретический анализ таких подмен проводился в работе Д.В. Винника⁹, который выделил две основные разновидности философского редукционизма сознания: позитивный редукционизм (физикализм и ментализм) и негативный редукционизм (логический бихевиоризм и функционализм).

Евразийские антропокосмисты (Кут Хуми и др.) еще XIX в. пытались преодолеть крайности философского редукционизма сознания. По всей видимости, антропокосмистское понимание сознания находится где-то на стыке ментализма, функционализма и трансцендентальной феноменологии. Этот подход весьма интересен и нуждается, для начала, в некоторой типологизации относительно других философских позиций. Это можно сделать на основе типологической схемы Стивена Приста, который в своей известной книге «Теории сознания»¹⁰ выделил семь главных философских подходов к сознанию в целом и психофизиологической проблеме (соотношение ментального и физического), в частности. Он достаточно справедливо отмечает,

что к этим подходам могут быть сведены все другие точки зрения на проблему сознания, но сами эти подходы не могут быть сведены друг к другу. Единственное исключение составляют теории интенциональности сознания (Д. Деннет, Д. Серл), которые не нашли отражение в типологии Приста. Таким образом, общих подходов к решению проблемы сознания оказывается восемь: идеализм, материализм, дуализм, логический бихевиоризм, функционализм, двухаспектные теории (нейтральный или универсальный монизм), феноменологические концепции и теории интенциональности сознания.

Философская позиция евразийского антропокосмизма в рамках данной типологии может быть классифицирована как *двухаспектная теория (нейтральный или универсальный монизм)*. Концептуальная идея этой позиции — ментальное (сознание) и физическое (материя) есть два свойства некоторой лежащей в основе вещей *единой Реальности*. По своей изначальной сути она не является ни ментальной, ни физической и представляет собой некий *исходный нейтральный элемент* или *субстанцию*. Очевидно, что двухаспектные теории оппонируют всем трем классическим онтологическим позициям: *субстанциальному дуализму* (Декарт), *идеализму* (Беркли) и *материализму* (Маркс). Причем их относительное созвучие с дуализмом выражается в признании существования двух аспектов интегральной субстанции, то есть духа и материи. Но в отличие от дуализма, дух и материя не рассматриваются в качестве обособленных субстанций. С идеализмом и материализмом двухаспектные теории консонируют своим субстанциальным монизмом.

Двухаспектные теории сознания, по мнению Приста, просматриваются в учениях Б. Спинозы, Б. Рассела и П. Стросона. В некоторых своих идеях этим теориям были близки Д. Юм и У. Джеймс. Мы полагаем, что наиболее определенно нейтральный монизм проявился в работах Спинозы и Рассела. Они имеют существенное онтологическое созвучие философии сознания евразийского антропокосмизма. Однако созвучие здесь вовсе не означает тождество. Теософия и Живая Этика содержат массу специфических онтологических, антропологических, психологических и других особенностей, не свойственных философским системам Спинозы и Рассела.

Таким образом, выбор продуктивной методологии и определение онтологического статуса сознания во многом определяют характер и перспективы изучения сознания. Мы полагаем, что методология холизма с применением частных редукций, а также онтологическая концепция нейтрального монизма дают продуктивную теоретическую основу философским и специальным исследованиям феномена сознания.

Литература

1. *Аблеев С.Р.* Универсум Сознания. М.: Амрита, 2010.
2. *Акимов А.Е., Карпенко Ю.П.* Место сознания в системе современного научного знания // Акимов А.Е. Живая Этика, наука, общество: Сборник / Сост. В.Г. Акимова. Пенза, 2000.
3. *Бобров А.В.* Полевая концепция механизма сознания // Сознание и физическая реальность. Т. 4. 1999, № 3.
4. *Винник Д.В.* Сознание как проблема в современной философии и науке // Философия науки. 2002. № 4 (15).
5. *Моторина Л.Е.* Философская антропология. М.: Высшая школа, 2003.
6. *Поликарпов В.С.* Наука и мистицизм в XX в. М.: Мысль, 1990.
7. *Прист С.* Теории сознания // Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000.
8. *Райл Г.* Понятие сознания // Пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000.
9. *Рерих Е.И.* Космологические записи // У порога Нового мира. М.: МЦР, 2000.
10. *Penrose R.* Shadows of the mind. Search of missing science of consciousness. Oxford, 1994.

¹ *Penrose R.* Shadows of the mind. Search of missing science of consciousness. Oxford, 1994.

² *Моторина Л.Е.* Философская антропология. М.: Высшая школа, 2003. С. 180.

³ *Рерих Е.И.* Космологические записи // У порога Нового мира. М.: МЦР, 2000. С. 244—245, 249—250.

⁴ *Моторина Л.Е.* Философская антропология. М.: Высшая школа, 2003. С. 187.

⁵ *Прист С.* Теории сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000. С. 68—69.



⁶ *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, Идея-Пресс, 2000.

⁷ *W. James, 'Does 'Consciousness' Exist?'. Перепечатано с оригинального издания 1904 г. в: Essays in Radical Empiricism, R.B. Perry (ed.), N.-Y.: Dutton and Co., 4.*

⁸ См. *Поликарпов В.С.* Наука и мистицизм в XX в. М.: Мысль, 1990. С. 87.

⁹ *Винник Д.В.* Сознание как проблема в современной философии и науке // Философия науки. 2002. № 4 (15).

¹⁰ *Прист С.* Теории сознания. // Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, ДИК, 2000.

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ, ИМЕЮЩИХСЯ ПРОБЛЕМАХ И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧЕНКО,

*кандидат юридических наук, оперуполномоченный по особо важным делам Отдела правового сопровождения
оперативно-розыскной и служебной деятельности подразделений собственной безопасности
Управления стратегического развития в сфере обеспечения собственной безопасности и противодействия коррупции*

ГУСБ МВД России, подполковник полиции

E-mail: pilokarpov@gmail.com

*Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема дискредитации органов внутренних дел, вскрывается ее сущность, приводятся примеры резонансных фактов дискредитации. Освещаются основные направления противодействия указанному негативному социально-правовому явлению, затрагиваются существующие в данной сфере проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: собственная безопасность, органы внутренних дел, дискредитация, защита чести, достоинства и деловой репутации, репутационный вред, Интернет-мониторинг, средства массовой информации.

Annotation. In article the problem of discredit of law-enforcement bodies is considered, its essence is opened, examples of the resonant facts of discredit are given. The main directions of the counteraction to this specified negative social legal phenomenon are lit, the existing issues in this sphere are touched and ways their solutions are proposed.

Keywords: internal security, law-enforcement, discredit, honour and dignity protection, reputational damage, Internet monitoring, mass media.

Тема защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников и органов (подразделений) системы МВД России на сегодняшний день становится все более актуальной. Это связано с активизацией криминалитета, для которого дискредитация выступает относительно безопасным и малозатратным способом противодействия деятельности ОВД по выявлению и привлечению их к ответственности за совершаемые правонарушения. Нельзя не отметить также вал негатива, который льется на ОВД с телеэкранов и из сети Интернет.

Необходимостью борьбы с рассматриваемым негативным социально-правовым явлением обусловлено создание в структуре ГУСБ МВД России отдела защиты деловой репутации ОВД и организации пропагандистской работы, а также закрепление термина «дискредитация» в ведомственных

документах, регламентирующих деятельность по обеспечению собственной безопасности. Это обозначило роль подразделений собственной безопасности как весомого субъекта в деле защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников и органов (подразделений) внутренних дел.

В 2012 г. в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников и деловой репутации органов и подразделений системы МВД России издан приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России». Данным приказом впервые закреплён алгоритм противодействия дискредитации, который включает в себя:

• мониторинг публикаций, размещаемых в СМИ и на различных сайтах сети Интернет с целью

выявления несоответствующих действительности материалов порочащего характера;

- ❖ проведение проверок по фактам распространения недостоверной информации;
- ❖ итоговое принятие таких мер защиты, как опровержение недостоверной информации либо оказание помощи сотрудникам при защите их интересов в суде.

С целью учета особенностей регионального механизма взаимодействия в субъектах Российской Федерации принимаются собственные нормативные правовые акты, развивающие основные положения приказа. Так, например, вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в МВД по Республике Татарстан дополнительно закреплены приказом МВД по РТ № 677 от 30 ноября 2012 г. «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в МВД по Республике Татарстан»

Как следствие встал вопрос становления ведомственной статистики, позволяющей оценить степень распространенности данного негативного социально-правового явления, а также эффективность принимаемых мер борьбы с ним. До настоящего времени официальной статистики, позволяющей оценить состояние борьбы с дискредитацией, не существовало, что вызывало затруднения в принятии руководством Министерства управленческих решений и выработку адекватной стратегии реагирования. В связи с этим ГУСБ МВД России инициировано внесение изменений в форму статистической отчетности «Отчет о противоправных посягательствах в отношении сотрудников органов внутренних дел» — Форма «Защита», утвержденную приказом МВД России № 842 от 9 ноября 2009 г., а также прорабатывается вопрос корректировки формы статистической отчетности «Форма 1-Право».

Проведенная работа уже на сегодняшний день позволяет охарактеризовать рассматриваемое негативное социально-правовое явление.

Наибольшую общественную опасность представляют **преступления, совершаемые в целях дискредитации сотрудников органов внутренних дел**. В первом полугодии текущего года по материалам подразделений собственной безопасности, а также благодаря непосредственным обращениям сотрудников ОВД в подразделения Следственного

комитета возбуждено 66 уголовных дел, в том числе 53 — по статье 319 УК РФ (оскорбление представителя власти), 9 по ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос) и 4 — по ст. 128.1 УК РФ (клевета).

Как показывает анализ представленных статистических данных, наибольшее количество уголовных дел возбуждается за совершение преступлений в отношении сотрудников патрульно-постовой службы (30), вневедомственной охраны (8), участковых уполномоченных полиции (8) и подразделений безопасности дорожного движения (7). Следует отметить, что сотрудники перечисленных подразделений по ходу своей деятельности наиболее часто вступают в непосредственный контакт с гражданами, тем самым формируя образ полицейского в глазах населения.

Так, сотрудниками ОРЧ СБ УМВД России по Вологодской области сопровождался материал проверки, поступивший 5 ноября 2013 г. в СО по одному из районов Вологодской области для проверки по заявлению гр. К о неправомерном применении в отношении нее и гр. С. физической силы сотрудниками полиции. По результатам проведенной проверки сведения не подтвердились. На основании проверочных материалов 30 апреля 2014 г. К признана виновной в заведомо ложном доносе вступившим в законную силу приговором суда. 27 марта 2014 г. сотрудниками ОРЧ СБ совместно с ОИиОС на официальном сайте УМВД России по Вологодской области размещена статья «Жительница Вытегры осуждена за заведомо ложный донос в отношении сотрудников».

Вместе с тем, все указанные составы обладают высокой степенью латентности. По данным проведенных ранее исследований, доля зарегистрированных преступлений составляет максимально 30% по такому составу как публичное оскорбление представителя власти, а клевета и заведомо ложный донос, в форме которых наиболее часто осуществляется дискредитация сотрудников, регистрируются лишь в 17% и 15% случаев¹. Таким образом, справедливым будет говорить, что фактическое количество преступлений, совершаемых в целях дискредитации сотрудников ОВД, намного выше их статистического показателя.

Немаловажным блоком является защита от дискредитации в гражданско-правовом порядке. В первом полугодии т.г. в **порядке гражданского**



судопроизводства в защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудниками и органами внутренних дел подано 70 исковых заявлений, из них — 53 — в защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудников, и 17 — в защиту деловой репутации органов (подразделений). На сегодняшний день судами удовлетворено 22 иска, то есть практически третья их часть, по 37 заявлениям решение пока не принято.

Если сравнить эти данные с показателями прошлого года, то можно видеть, что за количество исков за первое полугодие т.г. уже превысило количество исковых обращений за период с сентября 2012 г. и по декабрь 2013 г., количество зафиксированных исковых заявлений в котором составило 67. При сохранении имеющейся тенденции можно прогнозировать, что динамика общегодового количество исков в защиту чести, достоинства и деловой репутации превысит 100%. Это указывает на возросшую активность сотрудников в защите своих нематериальных благ.

Весомую долю исковых заявлений (25) составляют заявления руководителей, что вполне правомерно, поскольку именно руководитель является лицом возглавляемого им подразделения, и в силу этого должен являть образец честной и безукоризненной службы, по которому станут судить и о его подчиненных.

23 сентября 2013 г. в ОРЧ СБ по Пермскому краю поступило обращение гр. К по факту организации начальником ОДиР ГУ МВД России по Пермскому краю подполковником внутренней службы Г. сети коммерческих предприятий. Информация аналогичного содержания появилась на различных форумах в сети «Интернет». Г. обратился в суд с иском в защиту чести, достоинства и деловой репутации. 28 марта 2014 г. решением Свердловского районного суда распространенные К. сведения были признаны не соответствующими действительности.

Существенная доля исков в защиту чести, достоинства и деловой репутации подается сотрудниками подразделений по организации безопасности дорожного движения (14 исков), что дает основания выделить данную группу лиц как наиболее часто подвергающуюся дискредитации. Довольно активны в защите своих материальных благ сотрудники подразделений уголовного розыска (7 исков), вне-

ведомственной охраны и следствия (по 4 исковых заявления).

Помимо судебной защиты, при активном участии подразделений собственной безопасности в средства массовой информации внесено 41 **опровержение в средства массовой информации**.

В этой связи необходимо остановиться на таком новом и весьма перспективном направлении в работе по защите от дискредитации как удаление дискредитирующих материалов из сети Интернет. Распространение в сети «Интернет» недостоверной информации формирует негативное общественное мнение об органах внутренних дел и их сотрудниках в целом. Зачастую сведения, размещенные первоначально на одном ресурсе, посредством их копирования получают широкую огласку в сети Интернет, оказывая свое негативное влияние на максимально широкий круг лиц.

В то же время периодическое отслеживание и анализ информации позволяет принимать оперативные меры по опровержению и удалению большинства негативных публикаций, выявить источники их появления, блокировать действия лиц, их распространяющих. В указанных целях в 2013 г. ГУСБ МВД России была подготовлена и направлена в территориальные подразделения ОВД докладная записка «О ведомственном реагировании по удалению из сети «Интернет» контента, дискредитирующего органы внутренних дел».

Положительные итоги проведенной работы можно оценить уже сегодня. При активности подразделений собственной безопасности только в первом полугодии т.г. **из сети «Интернет» удалено 37 материалов дискредитирующего характера**.

Анализ поступивших отчетов показывает, что удаление дискредитирующего контента (статей, комментариев, видеороликов, фотографий и пр.) осуществлялось посредством:

- добровольного удаления владельцами электронных СМИ, сайтов, форумов, порталов, блогов и их представителями размещенных негативных сведений (в частности, по направленным органами внутренних дел в адрес распространителей информационных писем) — в 35 случаях;
- обращения в суды с исковыми заявлениями об опровержении и удалении дискредитирующей информации на основании решения суда — в 2 случаях.



Так, 18 августа 2013 г. на сайте газеты «Вечерняя Москва» опубликована статья, в которой приводилась информация о применении сотрудниками полиции межмуниципального ОМВД России «Мордовский» Тамбовской области насилия в отношении гр. У. По данному факту ОРЧ СБ проведена проверка, по результатам которой сведения, опубликованные в статье, не подтвердились. ОИиОС УМВД в адрес редакции газеты направлено письмо с просьбой удаления вышеуказанной публикации. 17 ноября 2013 г. статья удалена.

5 июня 2013 г. Ленинским районным судом г. Чебоксары Чувашской Республики удовлетворены требования сотрудника МВД по Чувашской Республике С. к гр. И.К.А. и И.А.А. о защите чести, достоинства и деловой репутации в связи с размещением в их блоге в «Живом журнале» публикации под названием «Министр МВД по Чувашии генерал Семенов развел коррупцию?». 9 декабря 2013 г. решением суда иск удовлетворен полностью, информация удалена.

Приведенные примеры и статистические данные позволяют положительно оценить работу по защите чести, достоинства и деловой репутации в системе МВД России.

Достигнутые результаты влекут повышение активности самих сотрудников в защите своих нематериальных благ. По результатам проведенного экспертного опроса, столкнувшись с дискредитацией, 70% сотрудников настроены на опровержение порочащих сведений в судебном порядке как при содействии правового подразделения и ОИиОС, так и самостоятельно².

Вместе с тем, несмотря на ощутимые сдвиги в работе по защите от дискредитации нерешенным продолжает оставаться целый ряд вопросов, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

1. В первую очередь, необходимо отметить характерную для большинства органов и подразделений **проблему незавершенности принимаемых мер.**

С одной стороны для проведения проверки по поступившим сведениям негативного характера задействуются силы и средства собственной безопасности, иных структурных подразделений органов внутренних дел, с другой — в ряде случаев в дальнейшем данные рекомендации и предложения не реализуются на практике.

Так, 23 сентября 2013 г. на сайте «kavkaz-uzel.ru» и 30 сентября 2013 г. на сайте «Каспаров.ru» размещена информация, в которой гр. С. сообщил об избиении его в ОМВД России по К-му району МВД по Республике Дагестан. По результатам проверки, проведенной ОРЧ СБ МВД по Республике Дагестан, сведения не подтвердились. Материалы направлены в ОИиОС для подготовки и размещения опровержения, однако опровержение так и не было опубликовано.

Следует констатировать, что система защиты от дискредитации не работает как единое целое, поскольку каждый из субъектов выполняет лишь ему отведенную роль и не заинтересован в положительном итоге совместной работы. Вопреки требованиям приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России», из системы защиты практически выпали подразделения по работе с личным составом, из-за чего основная нагрузка по проверкам ложится на подразделения собственной безопасности. Имеет место перекалывание функции защиты на иных субъектов, вследствие чего действия по восстановлению доброго имени сотрудника не всегда удается довести до логического конца. Подтверждением служат поступающие в ГУСБ МВД России и территориальные подразделения собственной безопасности материалы, содержащие отписки и ссылки на нормативные источники, не имеющие прямого отношения к рассматриваемой проблематике в обоснование непринятия мер защиты.

Так, 16 сентября 2013 г. пользователем Avtalgin в его блоге в «Живом журнале» был размещен материал порочащего характера под названием «Ошибочка вышла» в отношении сотрудников ОМВД России по Пресненскому району г. Москвы о том, что они напали на гр. Т, ее мужа, мать и двух несовершеннолетних детей.

Материалы проверки были переданы в Правовое управление ГУ МВД России по г. Москве для подготовки искового заявления, откуда спустя некоторое время был дан ответ о необходимости представления дополнительных сведений о СМИ, распространившим информацию, из реестра зарегистрированных СМИ, о тираже (степени распространенности) публикации, а также об авторе пу-



бликации. Также было указано, что в ходе проверки не проведен анализ публикации и не установлено, какие именно сведения носят порочащий характер и соответствуют ли они действительности. Отсутствие данных сведений послужило поводом для не исполнения заинтересованными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве требований приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900.

Кроме того, необходимо отметить, что существенная часть сотрудников не готова проходить длительную процедуру защиты и нести бремя судебных издержек, связанных с защитой нарушенных нематериальных благ. Нередки случаи, когда за проведением проверки не следует обращения в суд за восстановлением чести, достоинства и деловой репутации. Согласно данным экспертного опроса, в качестве аргументации выступает мнение сотрудников, что дискредитирующие публикации негативных последствий по службе не повлекли, на их авторитете не отразились; в ряде случаев причиной отказа является большая загруженность сотрудников по службе, а также недостаточность у них юридических познаний для выступления в гражданско-правовом процессе на равных основаниях с иными участниками, в частности профессиональными адвокатами.

2. Остро стоит проблема, связанная с **несоблюдением журналистским сообществом** положений ст. 44 Федерального закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», устанавливающей **требования к порядку и правилам оформления и опубликования опровержения** в печатном издании — опровержения публикуются мелким и нечитаемым шрифтом и на полосе, не привлекающей внимания читателей.

Имеет место **нарушение сроков исполнения вступивших в законную силу решений суда, а также прямое их неисполнение ответчиками** — несоответствующая действительности информация с Интернет-ресурсов не удаляется, опубликование опровержений не осуществляется. В таких случаях органы внутренних дел и сотрудники вынуждены инициативно проходить повторную и длительную процедуру принятия мер государственного принуждения к ответчикам.

28 мая 2013 г. Пресненским районным судом г. Москвы удовлетворен иск межмуниципального ОМВД России «Ковровский» Владимирской области

к ОАО «Телекомпания «НТВ» о распространении в телевизионной программе «Максимум» несоответствующих действительности сведений в отношении сотрудников полиции в связи с гибелью гр. К. Судебное решение до сегодняшнего дня в полном объеме не исполнено (не внесено опровержение в аналогичной программе, также на некоторых сайтах в сети «Интернет» порочащая информация не удалена)³.

Представляется, что работа по защите от распространения несоответствующих действительности порочащих сведений путем опубликования опровержения не должна оканчиваться направлением опровержения, а требует последующего контроля за фактом его опубликования и соответствием требованиям законодательства.

3. Весьма ощутимую проблему представляет **выявление лиц, которые распространяют в сети Интернет несоответствующие действительности порочащие сведения.**

Это связано со следующим. С целью ухода от предусмотренной законом ответственности лица, осуществляющие размещение ложных порочащих сведений в отношении сотрудников и органов (подразделений) внутренних дел называются вымышленными именами, размещают недостоверную информацию о личности при регистрации, используют программы, позволяющие замаскировать IP-адрес пользователя и анонимно перемещаться по любым сайтам.

Для установления таких граждан в большинстве случаев необходимо проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина и в силу этого требуют санкции суда. Между тем правовых оснований для проведения подобных мероприятий не имеется в связи с тем, что преступления, совершаемые в целях дискредитации сотрудников (ст.ст. 128.1, 137, 298.1, 306 УК РФ), преимущественно относятся к категории преступлений небольшой тяжести.

4. В связи с тем, что **централизованный учет мероприятий, проводящихся в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников и органов (подразделений) внутренних дел** осуществляется лишь с 2014 г. в этой сфере также имеются **проблемы.**



Так, одни и те же показатели одним и тем же субъектом представляются неоднозначно: в таблице статистических данных может быть указано 5 исков, поданных в защиту, а в прилагаемой к таблице справке эти сведения не расшифровываются, не указываются или указываются не в полном объеме, что позволяет сделать вывод о том, что статистические данные включены в таблицу произвольно, а в действительности не существуют. Имеется внутреннее несоответствие между общим итогом табличных данных и арифметической суммой раскрывающих его показателей.

По ряду показателей статистические данные по-прежнему отсутствуют из-за объективных трудностей, связанных с длительной процедурой внесения изменений в ведомственные приказы.

Все перечисленные проблемы существенно затрудняют работу по защите сотрудников и органов внутренних дел от дискредитации и **нуждаются в скорейшем их разрешении.**

1. Руководителям необходимо организовать систему контроля за состоянием взаимодействия и пропорциональным возложением нагрузки на всех субъектов защиты от дискредитации.

Требуется четкое разграничение компетенции в сфере проверки порочащих сведений, в частности, между подразделениями по работе с личным составом и подразделениями собственной безопасности, а также иными субъектами, которые фактически осуществляют проверочные мероприятия.

Следует рассмотреть вопрос изменения ведомственного регламентирования защиты от дискредитации, предусматривающее включение подразделений специальных технических мероприятий в систему субъектов защиты. Одновременно имеется необходимость изменения и дополнения законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность в части наделения органов, осуществляющих ОРД, предварительного следствия и дознания полномочиями по установлению лиц, сообщающих на страницах сети «Интернет» о фактах подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений в целях дискредитации сотрудников ОВД.

2. Требуется дополнительные меры, направленные на повышение уровня правовой культуры

сотрудников ОВД. В связи с тем, что гражданско-правовая защита от дискредитации является правом, а не обязанностью сотрудника, чьи нематериальные блага нарушены, а не квалифицированный состав клеветы выступает составом частного обвинения, т.е. уголовное дело может быть возбуждено только при наличии волеизъявления потерпевшего, субъектам воспитательной работы в системе МВД России и психологам необходимо уделять внимание формированию в сознании сотрудников и руководителей установки на защиту нарушенных чести, достоинства и деловой репутации в каждом случае.

Актуальной в этой связи видится разработка механизма стимулирования подачи сотрудниками исковых заявлений по фактам клеветы в СМИ, сети «Интернет», в обращениях граждан как в гражданско-правовом, так и в уголовно-правовом порядке.

3. Для обеспечения максимально полного учета необходимо проведение занятий в системе служебной подготовке и повышения квалификации сотрудников информационно-аналитических подразделений по заполнению статистических форм отчетности в сфере противодействия дискредитации.

Ввиду того, что информирование сотрудниками руководителя ОВД о принимаемых мерах защиты нематериальных благ, особенно когда такая защита осуществляется самостоятельно, оставлено на усмотрение самих сотрудников, следует акцентировать внимание на необходимости информирования о принятом решении в каждом случае защиты.

Представляется, что решение указанных проблем при сохранении имеющихся положительных тенденций должно стать ведущим вектором в дальнейшей работе по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников, а также деловой репутации подразделений органов внутренних дел.

¹ Подробнее см. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 173, 174, 189, 190, 581, 582, 555, 556.

² В ходе анкетирования, проводившегося в июле 2014 г. были опрошены 98 сотрудников органов внутренних дел 36 регионов Российской Федерации.

³ См. решение Пресненского районного суда г. Москвы по гражданскому делу № 2-3342/13.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ ЖУК,

декан юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: ole375@rambler.ru

Научные специальности 12.00.09 — уголовный процесс;

12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Рецензент: доктор юридических наук, профессор В.Г. Бессарабов

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы проведения прокурорского надзора за исполнением законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности для возбуждения уголовного дела. Проведен анализ ряда норм УПК РФ, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Сделаны выводы и даны предложения пути решения выявленных вопросов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, суд, следователь, оперативно-розыскная деятельность, уголовное дело.

Annotation. The article considers the issues of prosecutorial supervision over the execution of the laws by using the results of operative-investigative activity for a criminal case. Certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law on Operation-Investigative Activity are analyzed. Certain conclusions are made and the ways to resolve the outlined issues are proposed.

Keywords: prosecutorial supervision, court, investigator, operative-investigative activity, criminal case.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Статьей 146 УПК РФ определено, что уголовное дело возбуждается при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ. Перечень поводов для возбуждения уголовного дела, изложенный в ч. 1 ст. 140 УПК РФ, не содержит такого повода, как результаты оперативно-розыскной деятельности. Тем не менее, как

представляется, результаты оперативно-розыскной деятельности в соответствии с действующим УПК РФ могут рассматриваться как один из видов сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, полученных из иных источников. В этом случае в соответствии со ст. 143 УПК РФ составляется рапорт об обнаружении признаков преступления.

Под результатами оперативно-розыскной деятельности понимается информация, добытая субъектами оперативно-розыскной деятельности в установленном нормативными правовыми актами порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях или действиях, создающих угрозу государственной,



военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Результаты оперативно-розыскной деятельности отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, актах, отчетах и т.п.). К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении оперативно-технических мероприятий.

В случае проведения в рамках оперативно-розыскной деятельности оперативно-технических мероприятий результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть также зафиксированы на материальных (физических) носителях информации (фонограммах, видео-фото пленках, фотоснимках, магнитных, лазерных дисках, флеш-картах, слепках и т.п.).

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут содержаться также в объяснениях лиц, участвовавших в ее проведении; в предметах, изъятых при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий; в сообщениях лиц, сотрудничающих с оперативными работниками на конфиденциальной основе.

В тех случаях, когда орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, в процессе ее проведения обнаруживает признаки преступления, то он вправе при наличии на то оснований самостоятельно возбудить уголовное дело, не дожидаясь поступления информации от иного источника.

Поскольку первичный источник информации о преступлении подлежит регистрации, результаты оперативно-розыскной деятельности, содержащие сведения о признаках преступления, должны быть обобщены в отдельном рапорте сотрудника, адресованном начальнику органа дознания. Особенность обнаружения признаков преступления в процессе оперативно-розыскной деятельности заключается в том, что к моменту составления рапорта совокупность фактических данных, указывающих на признаки преступления, достаточна для возбуждения уголовного дела и, как правило, не требует проверки в порядке ст. 144 УПК РФ.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, направляют фактические данные, полученные оперативным путем, следователю с ра-

портом. Рапорт должен соответствовать требованиям ст. 143 УПК РФ.

Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны быть достаточны для вывода о наличии в деянии признаков преступления. Поэтому основание для возбуждения уголовного дела, как правило, образуется совокупностью оперативно-розыскных данных.

Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), об очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Сведения, содержащиеся в представляемых результатах, должны позволять сделать вывод о наличии события и его противоправности.

Сведения о совершенном преступлении могут содержаться в различных документах, составляемых при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий, а также в протоколах изъятия предметов и материалов, проводимого в соответствии с п. 1 ст. 15 Закона об ОРД. К уголовному делу такие письменные материалы приобщаются в качестве «иных документов». Формально «иными документами» могут считаться справки органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с изложением прямых или обобщенных сведений, содержащихся в делах оперативного учета (например, о принадлежности того или иного лица к организованной преступной группе). Однако их доказательственное значение практически ничтожно, поскольку часто достоверность представленных сведений не поддается проверке. В связи с этим такие справки не могут считаться содержащими достаточные данные, указывающие на признаки пре-

ступления, если они не подтверждены иными материалами.

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут отражаться в рапортах, объяснениях лиц, производивших оперативные мероприятия. Показания этих лиц, допрошенных в качестве свидетелей, впоследствии оцениваются дознавателем, следователем, прокурором, судом. Такие показания не имеют заранее установленной силы и преимуществ перед показаниями других лиц, однако не могут быть отвергнуты по мотивам одной лишь профессиональной заинтересованности в исходе дела.

Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в большинстве случаев не требуется получение следователем дополнительных объяснений от лица, составившего рапорт об обнаружении признаков преступления, или от других сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Получение такого объяснения будет необходимым в том случае, если следователь имеет достаточные основания полагать, что при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, были допущены нарушения закона.

В УПК РФ не определяется порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности и их использования в уголовно-процессуальной деятельности. В ст. 89 УПК РФ об использовании в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности упомянуто лишь в негативной форме: «запрещается использовать названные материалы, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Прокурору при реализации своих надзорных полномочий по обеспечению законности в ходе использования результатов оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела необходимо иметь в виду, что субъектам оперативно-розыскной деятельности следует:

а) обеспечить точное исполнение предусмотренных законом и подзаконными актами правил представления этих результатов органам дознания, следователям, прокурорам;

б) тщательно проверять законность получения представленных оперативных данных;

в) уже на этапе возбуждения уголовного дела установить порядок введения этих данных в уголовный процесс путем формирования на их основе процессуальных доказательств.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона об ОРД представление результатов оперативно-розыскной деятельности руководителю следственного органа, следователю, органу дознания, дознавателю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами.

Основным актом, предусматривающим порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности для субъектов, ее осуществляющих, является Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденная приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г. (далее — Инструкция).

Инструкция определила порядок представления оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также в порядке:

- ❖ выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве;
- ❖ исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по находящейся у него на рассмотрение жалобе лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, о непредставлении или представлении не в полном

объеме органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о полученной об этом лице информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны;

исполнения требования суда (судьи) о представлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве, и по указанным в ст. 15 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» судебными исками.

Упомянутая Инструкция содержит положения, позволяющие на основе полученных оперативных данных формировать соответствующие закону процессуальные доказательства.

В целях установления единого в Российской Федерации порядка представления органами внутренних дел материалов, оперативно-служебных документов об основаниях, порядке проведения оперативно-розыскных мероприятий и их результатах, необходимых для осуществления прокурорского надзора за исполнением Закона об ОРД, принято совместное Указание МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 сентября 2008 г. №1/7818 и №215/69 «О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В этом Указании четко определено, что при проведении проверок уполномоченным прокурорам необходимо обращать особое внимание на обеспечение гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и выполнение задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, изобличению виновных и розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, либо уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыску без вести пропавших граждан.

Руководителям органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предписано по требованию уполномоченных прокуроров представлять подлинные оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В повседневной деятельности необходимо учитывать, что вопросы, касающиеся организации, тактики, методов и средств осуществления оперативно-розыскной деятельности, в предмет прокурорского надзора не входят, а данные о внедренных в организованные преступные группы лицах, о штатных негласных сотрудниках, а также о лицах, оказывающих и оказывавших содействие на конфиденциальной основе, представляются только с их письменного согласия, за исключением случаев, требующих привлечения их к уголовной ответственности.

Необходимо иметь в виду, что незаконный отказ от исполнения требований уполномоченного прокурора влечет за собой привлечение виновных должностных лиц к предусмотренной законом ответственности.

Установленный Инструкцией порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности может также применяться при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности в соответствии с запросами международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств, если это не противоречит международным договорам Российской Федерации, законодательству Российской Федерации.

Определено, что правовой основой представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд являются Конституция Российской Федерации, УПК РФ, Закон об ОРД, иные ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а также упомянутая выше Инструкция.



Дознавателю, органу дознания, следователю или в суд представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые соответствуют установленным Инструкцией требованиям и могут:

- ❖ служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела;
- ❖ быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- ❖ использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В случаях необходимости привлечения к участию в производстве следственных и судебных действий лиц, внедренных (внедрявшихся) в организованные преступные группы, в том числе, штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также лиц, оказывающих или оказывавших этим органам содействие на конфиденциальной основе, обеспечение их безопасности в условиях конспирации и конфиденциальности осуществляется в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В Инструкции подробно определен порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд.

Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности, которые составляются должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и регистрируется в порядке, установленном нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Процедура представления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде сообщения включает в себя:

- ❖ рассмотрение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, составляющих государ-

ственную тайну, содержащихся в представляемых результатах оперативно-розыскной деятельности, и их носителей;

- ❖ оформление необходимых документов и фактическую передачу результатов оперативно-розыскной деятельности.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, в суд для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется на основании постановления о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (начальником или его заместителем).

Указанное постановление составляется только в двух экземплярах, первый из которых направляется уполномоченным должностным лицам, второй — приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, к материалам специального номенклатурного дела.

Если в результате проведения проверочной закупки не удалось в достаточной степени задокументировать подготавливаемое, совершаемое или совершенное противоправное деяние, то ее результаты должны приобщаться к материалам повторной проверочной закупки, содержащим признаки преступления, которые представляются следователю или прокурору в порядке, установленном Инструкцией.

В случае представления дознавателю, органу дознания, следователю или в суд результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, к ним прилагаются копии судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности, содержащих сведения об органи-



зации и тактике проведения оперативно-технических мероприятий, используемых при их проведении технических средствах, о штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должно в обязательном порядке согласовываться с исполнителями соответствующих мероприятий.

При необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты оперативно-розыскной деятельности, руководителем органа ее осуществляющего (начальником или его заместителем), выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

В иных случаях результаты этой деятельности, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, представляются в соответствии с установленным порядком ведения секретного делопроизводства.

Способ фактической передачи результатов дознанию, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (пересылка по почте, передача с нарочным и другие способы) избираются органом ее осуществляющим, в каждом конкретном случае с учетом требований нормативных правовых актов, регулирующих организацию делопроизводства.

К рапорту об обнаружении признаков преступления могут прилагаться полученные (выполненные) при проведении оперативно-розыскных мероприятий фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, акты, справки, другие документы, а также иные материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами.

При этом необходимо учитывать, что информация о времени, месте и обстоятельствах получения прилагаемых материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, должна быть отражена в рапорте об обнаружении признаков преступления и/или сообщении.

В случае необходимости описание индивидуальных признаков указанных материалов,

документов и иных объектов может быть изложено в отдельном приложении к сообщению.

Органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при подготовке и оформлении для передачи дознавателю, органу дознания, следователю или в суд материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, должны быть приняты необходимые меры по их сохранности и целостности (защита от деформации, размагничивания, обесцвечивания, стирания и другие).

Допускается представление материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении мероприятий, в копиях (выписках), в том числе с переносом наиболее важных моментов (разговоров, сюжетов) на единый носитель, о чем обязательно указывается в сообщении. В этом случае оригиналы материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, если они не были в дальнейшем истребованы дознавателем, органом дознания, следователем, прокурором или судом (судьей), хранятся в органе, осуществившем оперативно-розыскные мероприятия, до завершения судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу, либо до прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

В Инструкции перечисляются требования, предъявляемые к результатам оперативно-розыскной деятельности, представляемым дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение

для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Прокурору, при проверке законности получения представленных руководителю следственного органа, следователю, органу дознания, дознавателю, результатов оперативно-розыскной деятельности необходимо, прежде всего, установить:

а) соблюдены ли положения закона о том, в каких целях может проводиться оперативно-розыскная деятельность (ст. 1 Закона об ОРД);

б) проведены ли оперативно-розыскные мероприятия уполномоченным на то государственным органом (эти органы перечислены в ст. 13);

в) предусмотрены ли законом оперативно-розыскные мероприятия, в результате которых получена представленная информация (ст. 6);

г) имелись ли предусмотренные законом основания для производства оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7);

д) имелись ли дополнительные условия, предусмотренные законом для проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий (ст. 8);

е) соблюден ли установленный законом особый порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 8);

ж) соблюдены ли положения закона о неприкосновенности должностных лиц, занимающих некоторые государственные должности (ст. 91, 98, 122 Конституции РФ).

Нарушение перечисленных требований делает результаты оперативно-розыскных мероприятий ничтожными и не позволяет использовать их в доказывании.

При осуществлении оперативно-розыскной деятельности предусмотрено составление справок-меморандумов (их называют также обзорными справками). В них отражаются производные оперативные сведения и обобщения, сделанные оперативными сотрудниками на основании оперативно-служебных документов, имеющихся в деле оперативного учета.

Сведения оперативно-розыскного характера, содержащиеся в справках-меморандумах, важ-

ны для органов предварительного расследования. Но они могут быть использованы только в качестве ориентирующей информации при производстве по уголовным делам, а также для определения наиболее целесообразных тактических приемов производства следственных действий. Такие сведения не могут служить основаниями для принятия необходимых процессуальных решений по уголовному делу (о возбуждении уголовного дела, о применении мер процессуального принуждения, прежде всего задержания подозреваемого в совершении преступления), о производстве следственных действий и не могут заменить конкретных оперативно-служебных документов.

Так как традиционно (не только в России, но и в других странах) регулярный обмен оперативной информацией между оперативными подразделениями различных ведомств фактически не осуществляется, а реализация планов основных оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий в отношении разрабатываемых лиц занимает определенное время (обычно 2—3 месяца), то только прокурор, систематически проверяя исполнение законов при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности в целом, может выявить возможное дублирование оперативных разработок и впоследствии через функцию координации скоординировать деятельность этих ведомств по пресечению преступной деятельности одного и того же лица или преступной группы.

Необходимо также учитывать, что впоследствии представителям этих и других ведомств с рапортом об обнаружении признаков преступления в качестве повода для возбуждения уголовного дела и с официально представленными результатами оперативно-розыскной деятельности целесообразно прибыть к следователю, который, в свою очередь, может согласовать вопрос о возбуждении уголовного дела с прокурором, непосредственно осуществляющим надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органом, являющимся ее субъектом.

При этом необходимо учитывать, что, когда в процессе проверки заявления и сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, следова-

тель дает поручение органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность о проведении оперативно-розыскных мероприятий, только прокурор, осуществляя свои надзорные полномочия, может реально проверить результативность работы оперативного сотрудника по данному поручению.

Уполномоченный прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, имеет право изучить дело оперативного учета, выявить проблемы и недостатки оперативной разработки и, через применение мер прокурорского реагирования, потребовать их устранения. При этом, с одной стороны, он не обязан сообщать дознавателю, следователю или руководителю следственного органа о выявленных нарушениях закона, а с другой стороны — в последующем, осуществляя уголовное преследование в судебном производстве, он будет представлять доказательства, полученные, в том числе, в результате проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий. И если они были добыты органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, с нарушением закона, то эти доказательства будут признаны судом недопустимыми.

В связи с изложенным, именно прокурор, реализуя свои полномочия с точки зрения координации работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является основным звеном между дознавателем, следователем, руководителем следственного органа и оперативными сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Первым этапом уголовно-процессуальной деятельности является прием, регистрация и разрешение сообщений о преступлениях. С приема сообщения о преступлении начинается первая стадия уголовного судопроизводства — стадия возбуждения уголовного дела.

Согласно ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Рапорт об обнаружении признаков преступления как повод для возбуждения уголовного дела составляется должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, органов дознания, предварительного следствия или прокуратуры, получившим сообщение о совершенном или готовящемся преступлении из иных источников информации, кроме указанных в ст.ст. 141 и 142 УПК РФ.

Рапорт может быть составлен в случаях, когда признаки преступления были обнаружены в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, при исполнении иных должностных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими внутренних войск МВД РФ. Рапорт составляется также в случаях, когда сотрудники правоохранительных органов или военнослужащие, выполняющие обязанности по охране общественного порядка, являлись очевидцами преступлений.

УПК РФ, Законом об ОРД, а также иными нормативными актами не урегулирован вопрос о том, кто именно из числа сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, должен составлять рапорт об обнаружении признаков преступления, поэтому рапорт об обнаружении признаков преступления может быть составлен сотрудником, являвшимся инициатором заведения дела оперативного учета, или руководителем структурного подразделения.

При реализации своих надзорных функций на стадии возбуждения уголовного дела прокурорам необходимо использовать в полном объеме все средства и полномочия, предусмотренные УПК РФ, Федеральными законами «О прокуратуре», «Об оперативно-розыскной деятельности» и другими нормативными актами.

С момента возбуждения уголовного дела прокурору необходимо обеспечить организационное взаимодействие с судом, органами МВД, ФСБ, другими правоохранительными органами, как в субъекте федерации, так и в центральных аппаратах этих органов.

«ЗОЛОТОЙ ПРАЗДНИК КНИГИ»

так назвал 27-ю Московскую международную книжную выставку-ярмарку знаменитый кинорежиссер Сергей Соловьев, представивший на выставке свой новый альбом фоторабот «Жизнь со скоростью 1/100 секунды»

В период с 3 по 7 сентября 2014 г. на ВДНХ в г. Москве состоялась 27-я Московская международная книжная выставка-ярмарка — крупнейший книжный форум России.

Книжная выставка-ярмарка проводилась в канун Года литературы и ознаменовала собой открытие нового выставочного сезона после отпускного периода, как для читателей, так и издателей.

Указом Президента РФ от 12 июня 2014 г. № 426 2015 год в России объявлен Годом литературы

На открытии выставки-ярмарки выступил глава Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский, который отметил, что выставка давно стала «одним из крупнейших событий на книжном рынке... и знаменует собой начало напряженного рабочего сезона для всех людей книги — издателей, книготорговцев и, конечно же, не в последнюю очередь, читателей». Он также отметил, что особенностью ярмарки в этом году является участие многих небольших издательств наряду с крупнейшими издательскими домами и книготорговыми компаниями.

Сергей Соловьев на открытии выставки высказал мнение, что наблюдающийся ныне спад книгоизда-

ния — дело временное. По его мнению, Россия переживает золотой век книги. Нет такого автора, которого нельзя было бы почитать, взять, посмотреть и читать. А в общем-то в этом и есть самая главная идея литературы — общаться с людьми, с которыми ты хотел бы общаться. И я уже не говорю о том, как замечательно работают издательства. У меня, как ни странно, при любом столкновении с миром книги в России последнее время ощущение праздника. Как сумасшедше тяжело делать этот праздник! Но, тем не менее, он есть, этот великий праздник, золотой праздник книги на русском языке — русской книги...».

В этом году на ярмарке были представлены тысячи книг от большинства существующих в России и странах СНГ издательств. Состоялось множество знаменательных событий в литературной области: круглые столы, обсуждения, отраслевая конференция «Книжный рынок России — 2014» и, конечно, по традиции состоялась церемония награждения победителей национального конкурса «Книга года».

Из сотен произведений, выпущенных издательствами Москвы, Петербурга и десятков российских





цевальным дополнением среди интересных книжных презентаций, круглых столов и других мероприятий стала танцевальная программа от испанского образовательного центра «Болеро».

Гостями ярмарки этого года стали знаменитый французский драматург Эрик-Эммануэль Шмит, польский автор Януш Вишневский, документалист ВВС Бен Макинтайер, создатель исторических биографий Флора Фейзер. О своих

регионов члены жюри выбрали лучших из лучших. В этом году главная премия национального конкурса «Книга года» присуждена трехтомной энциклопедии «Россия в Первой мировой войне 1914—1918». В самой престижной номинации «Проза года» победителем стал роман «Обитель» Захара Прилепина. Поэтическим сборником года стал «Уильям Шекспир. Король Лир» в переводе Григория Кружкова. Награду в номинации «Вместе с книгой мы растем»

новых книгах расскажут министр культуры РФ Владимир Мединский, режиссеры Никита Михалков и Сергей Соловьев. Среди писателей, с которыми читатели смогли встретиться на ярмарке, — Борис Акунин, Татьяна Толстая, Юна Мориц, Лев Аннинский, Эдвард Радзинский, Захар Прилепин, Евгений Водолазкин, Дмитрий Глуховский, Владимир Войнович и другие.

Издательство «ЮНИТИ-ДАНА» и в этот раз, как, впрочем, уже 26 лет подряд, став участником выставки, продемонстрировало учебную продукцию, выпущенную в минувшем году, а также журналы: «Государственная служба и кадры», «Закон и право», «Образование. Наука. Научные кадры», «Защити меня».

Среди изданий издательства «ЮНИТИ-ДАНА» существенное место в этом году занимали труды авторов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Десятки книг под авторством профессорско-преподавательского состава Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя были представлены на книжной выставке-ярмарке в рамках стенда издательства «ЮНИТИ-ДАНА».

Профессорско-преподавательский состав Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя отличает высокий научный потенциал. В его стенах трудятся свыше ста докторов и шестисот кандидатов наук. В число профессорско-преподавательского состава Университета входят заслуженные деятели наук России, заслуженные юристы России, заслуженные работники высшей школы

получила Светлана Лаврова за детскую фантастическую повесть «Куда скачет петушиная лошадь?». В номинации «Арт-книга» победил альбом «Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем».

Ярким музыкально-тан-





РФ. Благодаря этим людям, а также их ученикам и последователям в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя созданы уникальные научные школы, к которым относится, например, научное направление по исследованию организации и управления в правоохранительных органах, научное направление исследования историко-правовых проблем юридической науки, концепция философии права, концепция атомного права, концепция истории государства и права и другие.

В Университете при содействии издательства «ЮНИТИ-ДАНА» успешно реализуется проект по изданию серии книг о научных школах Московского университета МВД России. В настоящее время вышло пять книг: д.ю.н., профессора В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессора В.М. Курицына, д.ю.н., профессора В.П. Малахова, д.ю.н., профессора С.С. Майяна, д.ю.н., профессора А.И. Иойрыша, д.филос.н., профессора Д.И. Грядового и д.ю.н., профессора Н.В. Михайловой.

В Университете введены уникальные учебные дисциплины — «Виктимология», «Деятельность федеральной миграционной службы», «Государственно-правовые основы миграции населения и миграционных процессов в РФ», «Организация полиции зарубежных стран» и «Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел».

В целях методического обеспечения учебного процесса изданы соответствующие учебники и учебные пособия, которые также были представлены на международной выставке-ярмарке. Так, например, на выставке-ярмарке были представлены следующие учебники и пособия Университета: Административное право России (Под ред. В.Я. Кикотя), Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел (Под ред. В.Я. Кикотя), Уголовный процесс (Под ред. А.В. Ендольцевой), Тру-

довое право (Под ред. К.К. Гасанова), Международное право (Под ред. К.К. Гасанова), Нотариат (Под ред. Г.Б. Мирзоева), Банковское право (Под ред. Н.Д. Эриашвили) и многие другие.

Востребованным проектом Университета является создание учебников и учебных пособий, которые могут быть использованы образовательными учреждениями, применяющими в учебном процессе дистанционные образовательные технологии. К таким изданиям относятся учебники по «Криминологии», учебные пособия по дисциплинам «История политических и правовых учений», «Адвокатура в России». «Нотариат» и другие. При их подготовке авторами были учтены положения Болонской декларации, Федерального государственного образовательного стандарта, Закона РФ «Об образовании» регулирующие отношения в сфере дистанционных образовательных технологий.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя представил на международной выставке-ярмарке стенд журнала «Вестник Московского университета МВД России». На выставке были представлены двенадцать выпусков 2013 г. и восемь выпусков 2014 г.

Результаты выставки показали, что книги авторов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя вызывают живой, непосредственный интерес у преподавателей вузов, студентов, а также у многих людей, интересующихся наукой.



Уважаемые коллеги!

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя 27 ноября 2014 года состоится межвузовская научно-практическая конференция **«Уголовно-процессуальное законодательство: история и современность (к 150-летию Устава уголовного судопроизводства)»**.

В работе конференции предполагается участие ведущих ученых-процессуалистов образовательных и научно-исследовательских учреждений России, сотрудников правоохранительных органов.

На конференции планируется рассмотреть следующие вопросы:

- исторические и правовые аспекты судебной реформы середины XIX века;
- опыт развития уголовно-процессуального права России;
- влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современное уголовно-процессуальное законодательство;
- проблемы доказательственного права, обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, применения мер уголовно-процессуального принуждения;
- основные направления совершенствования досудебного и судебного производства по уголовным делам и др.

Начало работы конференции в 10.00. Регистрация участников с 09.30.

Место проведения конференции:

г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, актовый зал.

Тезисы выступлений, оформленные согласно требованиям для публикаций в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, просим направить до 24 ноября 2014 г. на электронный адрес: kafedra2002@gmail.com ст. преподавателю кафедры уголовного процесса, к.ю.н. Парфенову Владимиру Николаевичу (т. 8-903-245-96-18).

По результатам конференции планируется издание сборника выступлений.

Организационный комитет